

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
В. Г. БОНДАРЕНКО,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Д. А. ЖУКОВ,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
С. Н. СЕМАНОВ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

- Борис ШИШАЕВ
Старость кота Тимофея
Рассказ 8
- Валерий ИСАЕВ
Барс 26
- Николай ЛУГИНОВ
Восхождение. Повесть-притча 54

Поэзия

- Юрий ЛОЩИЦ
Наш Севастополь 3
- Лев СМИРНОВ
А Родина всё нам прощает... 21
- Виктор БРОНШТЕЙН
"Свою печаль песу..." 51
- Поэтическая мозаика 83

Очерки и публицистика

- Валентин РАСПУТИН
Что у них за душой?
Беседа с журналистом
Виктором Кожемяко 128
- Владимир ОВЧИНСКИЙ
Криминал и кризис 138
- Станислав КУНЯЕВ
Жрецы и жертвы Холокоста 160
- Геннадий КОСТЫРЧЕНКО
"Еврейский Крым":
спекуляции на мираже 176
- Михаил КАЗАКОВ
Прошлое больше тебя
не догонит? 194
- Родом из СССР
Воспоминания
о Б. В. ПОПОВЕ 235
- Владимир ДЕНИСОВ
Качканар —
достояние России 248

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

В. Д. Попов —
зам. главного редактора —
(495) 625-02-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-41-03

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Литературное наследие

Всеволод ИВАНОВ
Забытые страницы:
сибирский период
1915—1919 гг. 94

Память

Сергей КУНЯЕВ
“Ты, жгучий отпрыск
Аввакума...” 116

Алексей АБРАМЫЧЕВ
Правда о забытой войне 199

Мозаика войны

Надежда БЕССОНОВА
Хранившие любовь 216

Борис ШЕРЕМЕТЬЕВ
Русский Иван
в Третьяков-парке 225

Стихи читателей 231

Критика

Владимир КОНОНОВ
“Веленью Божию, о муза,
будь послушна...” 260

Андрей РУМЯНЦЕВ
“Нет, жизнь меня
не обделила...” 266

Иван ЩЕЛОКОВ
“И дороги иные,
и приметы не те...” 279

Сергей СУББОТИН
Служение 285

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Ю. Г. Бобкова, Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректор: С. А. Артамонова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Сдано в набор 11.05.10. Подписано в печать 27.05.10. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 23,7. Заказ №1772. Тираж 9000 экз.

Адрес редакции: Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru

E-mail: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

ЮРИЙ ЛОЩИЦ

НАШ СЕВАСТОПОЛЬ

ПРИБЫТИЕ

Из толщи скрипучей тоннеля,
бока, что ль, свои ободрав,
замедленно, еле-еле,
на свет выникает состав.
В пронзительном терпком створе
спящего известняка
я вижу ещё не море,
а синий клинок пока.
Мне ль ждать миражей и обмана?
Я здесь не к параду гость.
Пещерных глазниц Инкермана
смертную вижу кость.
В окно вступает, сердчая,
пустопорожний док.
Ещё я не вижу чаек, —
лишь неба пылающий клоч.
Вопрос портового крана
в причальные рельсы врос.
В трюма открытую рану
не опускают трос.

ЛОЩИЦ Юрий Михайлович родился в 1938 году в селе Долинском Одесской области. Окончил филологический факультет МГУ. Автор книг "Сковорода", "Гончаров", "Земля-именинница", "Дмитрий Донской", "Слушание земли", "Унион. Проза последних лет", романа "Полумир" и сборников стихов "Столица полей" и "Больше, чем всё". Член Союза писателей России. Живёт и работает в Москве.

Но я о беде твоей, город,
на стогнах не стану вопить,
затем, что ты светел, молод,
ты так порываешься жить.
Буксир ползёт по затону
пустому, где реял флот.
Спасибо вам, что к перрону
никто встречать не придёт.

ТОЛСТОЙ НА БАСТИОНЕ

На бастионе новичку неловко.
Поддельна тут ухмылка на губах.
Ещё не началась артподготовка,
но и бывалых забирает страх.
В тумане знобком выглядят зловеще
ствол и лафет, шинели воротник.
Что мельтешить, какой тебе обещан
день, или час, иль этот самый миг?
Под сапогом — расквашенная глина.
Убитых грузят. Ядра волокут.
Чуть проступает ихняя долина.
Но не зевай... Враз козырёк снесут.
Когда же будет на него управа?
Ишь, перемирья запросил на час.
Нору сапёр-французик роет браво —
заводит мину, шер ами, под нас.
Их из-за моря понаплыла тьмища:
сэр, и мусье, и турка, и арап.
Да наши по ночам в разведку рыщут —
Европе забивают в дуло кляп.
Но вот беда! Блиндаж в четыре ската
не выдержал... Полно прорех и дыр...

Ну, подождите, brave ребята,
я покажу вам и войну и мир.

* * *

Севастопольские антиквары,
археологи, нумизматы,
как пещерные люди, стары,
а иные, как я, бородаты.
Соблюдают свою заботу.
Как цари, снисходительно-зорки,
соберутся опять в субботу
за Петром и Павлом, на взгорке.
И тряхнут из мешков забавой
в память всех, кому к нам неймётся:
штык покажут фашистский ржавый,
кортик аглицкого флотоводца.
Ишь, глаза разбегутся сами!
Как на пуговки не подивиться
эти кругленькие, с нумерами
полков ли французских, дивизий?
А турецкие бурые фески?

А щербатый тесак зуава?
Хороша ты, в хламе и блеске,
экспедиции трубная слава.
Тут отметились все понемножку.
И монголы мелькнули, и готы.
И бренчит мамалыжная ложка
в котелке румынской пехоты.
Но советских времён гранаты
как с иголочки, вижу, одеты...

Чу!.. зовут к себе нумизматы.
В их тетрадках тяжких — монеты.
— Вам динарий римский, старинный?
Он — в особой цене и весе.
Но за бухтой у нас Карантинной
свой монетный двор в Херсонесе.
Потому византийцев — обилье.
Потому-то с небрежной лаской
македонца деньгу Василья —
базилевса тут кличут “Васькой”.
Глянь, Михайло Третий, медяшка.
Его Васька спровадил с трона.
Хоть Михайло и пил, бедняжка,
порешили его беззаконно.
Все монеты по-своему дивны.
Но от гривней новейших отрыжка.
Вот зато настоящие гривны —
новгородское серебришко.
Не раззявы тут, не идиоты.
Разумения наши крепки,
и в обмен не берём банкноты
заслуженного мазепки.
Да, разгулка у нас неплохая.
Не одни лишь купюры-монеты.
Хошь, шальвары Бахчисарая,
хошь, Мицкевича сыщем сонеты.

— Хорошо у вас на досуге
побродить. Память держите в силе.
Ну, а может, что слышали, други,
о Философе, о Кирилле?
— Навестил нас и он в годы стары.
На епископском жил подворье
и отсель отлучался в Хазары.
Но о том — распытай у моря...
Впрочем... Тут старикан приходит
раз в году, на погрев, в апреле.
Книгу держит, евангеля вроде.
Буквы в ней разберёшь еле-еле.
“Эту самую книгу, — кажет, —
русским слогом в ту пору сложили,
чтоб Философа ею уважить,
чтоб дерзанье возжечь в Кирилле...
Он и взял те знаки — аз-буки,
и кириллицей их назвали.
А без этой подсказки — дудки! —
сам придумал бы их едва ли...”
Так, не так? Приезжай ближе к маю.
Может, дедку того и встретишь.
Ну, а где он ютится, не знаю,
только книга — совсем уже ветошь...

АДМИРАЛЬСКИЙ СОВЕТ

Все сроки вышли — дней, часов, минут.
Три адмирала терпеливо ждут
на свой совет коснеющего брата.
До Графской пристани от Северной волна
доставит чёлн четвёртого. Молчат
сопровождающие адъютанты.
Горячий полдень онемел над бухтой.
Прощай, волна. Теперь — недалеко:
на городском холме, где, знает сам он,
назначен их торжественный совет.

Что рассуждать о долге, славе, чести?
Краеугольные четыре — вместе.
Летят четыре лёгкие корвета
в четыре стороны земного света.
Четыре ветра веют без обмана
в четыре поднебесных океана.
В четыре компас указывает шири.
Евангелий у Бога сколь? — Четыре!
У синего креста на белом поле
про нас четыре суть угла, не боле.
Возляжем же крестом на ложе склепа,
плечом к плечу. Надёжна смерти скрепа.
Ты, Лазарев! Корнилов, ты! Истомин!
И ты, Нахимов!.. Общий срок исполнен.
Мы дождались друг друга. Снова вместе.
К чему ж слова о долге, славе, чести?..

Над Севастополем, как прежде, канонада.
От запада ещё одна армада
вспухает тучей. Всё-то им неймётся.
Ползут. Нагледят. Щурят хищный глаз.
Но свой совет четыре флотоводца
с тех пор не прерывают ни на час.

КАРАНТИННАЯ БУХТА

*Ты помнишь, в нашей бухте сонной
Спала зелёная вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.
Четыре серых...*

Александр Блок

Сколько раз от вокзала спешил напрямик
прочитать твои камни, как остовы книг.

Сколько раз к этой бухте от серых руин
я спускался, счастливый, как в день именин.

Здравствуй, шёпот зелёной хрупкой волны.
Херсонес, мне твои позывные родны.

...Серый “сторож” застыл. Дизель чуть дребезжит.
Но на палубе пусто. Вода — малахит.

В очертанье надстроек — дерзость, напор.
Отдых дали команде... Ночью — в дозор.

Чей он? Наш ли, чужой? Ну, а сам-то ты чей?
Я? — Москаль белорусско-хохлацких кровей.

“Чей он?” Глуп, сознаюсь, и постыден вопрос!
Но уже, как бурьян, между нами пророс.

А Владимир? Он чей, что стоит за спиной?
Белоплеч и высок, шлем горит золотой.

Чья крещальня вблизи от его алтарей?
Слог священных молений, скажите мне, чей?

Не Солунские ль братья в сей город вошли,
чтоб согласье расслышать славянской земли?

Киев, Ладога, Полоцк, Тамань... — они чьи?
Ярославны и Игоря чьи соловьи?

Что мы делим, безумцы? Иудина злость
подстрекает дробить наших праотцев кость.

Душу, море и сушу как в ступе толчём,
чтоб тащить на торги: “Что почём? Что почём?”

Визг раздорный в семье — он чумнее чумы.
На смех свету всему разбежимся ли мы?

Безъязыкие рты и безглазые лбы —
вы, кто общей отрёкся земли и судьбы.

Есть народ. Он на два иль на три неделим.
Есть Господь. Он и в трёх ипостасях един.

...Склянки бьют. Херсонес. Дизель вслух задрожал.
“Сторож” к ночи покинет дремотный причал.

Пусть он держит рубеж от беды и пропаж.
Чей он? Наш!

БОРИС ШИШАЕВ

СТАРОСТЬ КОТА ТИМОФЕЯ

РАССКАЗ

Тимофей был очень старым, он прожил на белом свете около двадцати лет и понимал, что скоро придётся умирать.

“Да, зажился я, зажился... — думалось ему время от времени. — Никакой радости не стало, таскаешься вялый, как тряпка, на забор влезть — и то больших трудов стоит, не говоря уж о настоящих делах...”

Рассуждать по-человечески вслух кот Тимофей не умел, он рассуждал только мысленно. Научился за долгую жизнь от людей их речам и свободно применял их в своих думах.

Люди — странные существа. Хоть и двигаются на двух ногах в стоячем высоком положении, хоть и знают всего уйму, умеют многое делать свободными руками, но не разумеют обыкновенной простой вещи: коты и кошки-то, живя возле них, привыкают понимать всё, что говорят люди, и сами начинают мыслить по-ихнему, да к тому ж зачастую и поумней, чем иной из этих двуногих гордецов. У иного дури-то — глядеть и слушать стыдно.

Да, уж гордости, самомнения-то в них через край. Всё, дескать, можем только мы, говорить по-нашему могут научиться только наши, человеческие, дети, а кошки, другие животные — собаки, к примеру, — это так себе, чушь, годятся лишь для того, чтоб мышей да крыс ловить, лаять, скулить да кусаться. Ох, чудачки, чудачки людишки... Неужели старый опытный кот глупее, чем человеческое дитя? Ведь я же и слова не хуже него освоить могу,

ШИШАЕВ Борис Михайлович родился в 1946 году в Рязанской области. Автор нескольких сборников стихов и книг прозы. Повести и романы печатались в журналах “Наш современник”, “Новый мир”, “Москва”, “Нева”, “Подъём” и многих других. Член Союза писателей России. Живёт в пос. Сынтул Рязанской области.

я со своими четырьмя лапами и острыми когтями вспрыгну на забор и вижу намного больше, чем ты при твоём большом двуногом росте. А если залезу на крышу, то и вовсе небо мне ближе, видно всё кругом, слышно, что соседи про тебя говорят. Рассказал бы я, но чего не могу, того не могу — это уж конечно. Да и наушничать мы, коты, по натуре не любители.

Так примерно размышлял кот Тимофей по поводу пренебрежения рода людского к остальным племенам животного мира.

Вслух он произносил только своё кошачье — густое внушительное “Нау!”, да ещё стало часто вырываться у него в последнее время негромкое печальное “Мру...” Вид у Тимофея был пока ещё не столь уж и плачевный — крупное тело при первом взгляде не казалось дряблым, шерсть приятного светло-рыжего цвета свалилась лишь кое-где, а голова с небольшими ушами выглядела мудрой, в глазах светилась доброта, хотя хмурое выражение давно уже не сходило с его обличья. “Старость, — думал он. — Чего в ней хорошего? Умыться, облизать себя по-настоящему и то сил иногда нет. Вот и ворчу. Иной раз наладисься ворчать, никак себя не остановишь. На бабу Анну тоже вон жалко смотреть: ходит еле-еле, ставит-кладёт всё мимо, глаза-то уж видят плохо. Кому мы с нею такие нужны?.. Да, жалко бабу Анну, к тому же она одна только, пожалуй, и верит, что я её понимаю... А всё ж хорошо на свете-то, да-а, хорошо на свете...”

Тимофей жил в доме бабушки Анны, он родился и вырос тут. Муж бабкин умер давным-давно, когда Тимофея ещё не было, дети её — трое мужиков — разъехались по разным далёким местам и совсем почти забыли про мать, даже в летнее время редко когда навещались. А если явятся, бывало, — тошно от них. Пьют и пьют свою вонючую гадость. И бабушке Анне тошно, и ему, Тимофею, тоже — глаза бы не глядели. Младший вот только вроде ещё ничего — и сердцем добрей, и пьёт меньше.

Бабушка относилась к Тимофею с уважением — всё-таки ведь единственная живая душа он при ней да к тому ж не ворует, лучше честно, без нахальства, попросит поесть.

В юности Тимофей пробовал воровать. Но скоро понял, что ничего выгодного в этом нет. Нынче, к примеру, ты утащил у кого-либо из чулана кус свинины, захватил с жадностью до отвала — и кум королю, сват министру. А завтра захватят тебя врасплох, шарахнут коромыслом по спине, и гуляй уродом. А кому нужен урод? Или того хуже — так треснут, что окончательно лапы врозь, закопают под забором, и точка. Котов, привыкших воровать, никто не любит, не уважает. Их уважали бы, может быть, если б они не сами мясо ели, а таскали его хозяевам. А так что ж — доглядывают за подобными котами и хозяева, и соседи с особой зоркостью и часто их лупят чем ни попадя.

Тимофей один раз схлопотал от соседа по заливке коромыслом — вскользь, правда, — другой раз получил увесистый удар полой тряпкой от бабушки Анны, третий раз она его за ухо прилично оттрепала, и понял надёжно: нет, так дело не пойдёт, надо зарабатывать уважение. Он в то время только-только начинал усваивать человеческую речь. Лучше уж терпение иметь, решил тогда Тимофей, и попросить честно, причем не крича назойливо “Нау!”, а проникновенно глядя прямо в глаза и показывая лаской: я, мол, тебя люблю, никого у меня дороже нету, дай поесть. И дадут.

У бабушки Анны он таким образом заработал уважение быстро, и с той поры она всегда давала ему поесть вовремя и уже даже пальцем не трогала никогда. А Тимофей, к чести своей, ещё и мышей ловко ловил, с крысами расправлялся беспощадно. И обязательно приносил добычу в сени со двора: гляди, мол, бабушка, я твои молоко-хлеб даром есть не собираюсь.

Постепенно бабушка поверила, видать, что Тимофей хорошо понимает её слова и уважала ещё больше, стала делиться с ним своими печальми-горестями.

— Вот так-то, Тимоша, — говорила она. — Никому мы с тобой не нужны.

“Конечно, не нужны никому, — глядя ей в глаза, мысленно соглашался Тимофей. — Хорошо, хоть друг другу-то нужны”.

— Дрова привезут, — продолжала бабка, — а испилить-исколочь их и некому. Бегай за каждым, нанимай за наши невеликие грошки, да и за грошки-то ещё не больно идут, чёрствы стали люди.

“Чёрствы, заразы, — думал Тимофей в ответ. — В чужом дворе лучше никому на глаза не попадайся. Не крадёшь, а хватаются за палку. Эх, бабка, испилить-исколочь бы я твои дрова, да силы моей кошачьей на это не хватит”.

И бабка Анна, словно слыша ответы Тимофея, гладила его по спине:

— Тимоша ты мой, Тимоша. Всё-то понимаешь, по глазам вижу. Тоже ведь старый уж.

“А чего тут не понимать? — с сочувствием смотрел он. — Старость есть старость, приятное дело”. И произносил вслух:

— Мру.

— Вот и я мру, Тимошенька, и я помаленьку мру.

Так они и жили.

Началась весна, и бабка экономила дрова, топила мало. И сама не отогревалась как следует, и Тимофею хотелось, чтоб хоть раз разомлели по-настоящему от тепла его старые кости. Когда бабка Анна ложилась спать, он забирался к ней на кровать и приваливался к её боку. Кровь у обоих почти уж не грела, но всё же несколько теплее становилось и коту, и старухе.

И вот однажды ночью Тимофей почувствовал во сне, что от бабки Анны через одеяло идёт не тепло, а холод, и проснулся, дрожа от озноба и тревоги. Он поцарапал там, где было под одеялом её плечо, но бабка, обычно очень чуткая, даже не пошевелилась. Тогда Тимофей коснулся носом её лица и сразу же понял: она больше не встанет с кровати, она умерла.

Тимофей долго сидел возле неё в темноте, вспоминал, как они жили столько лет душа в душу, старели вместе, как бабка Анна делилась с ним последним куском.

“Конечно, — думал он, — была бы у неё ещё хоть какая-нибудь поддержка, хоть какой-либо дед заваливающий. А то чего от меня — ни дрова я пилить-колочь не могу, ни доску приколотить к изгороди. Крыс-мышей ловить умел, это да, поговорить со мною любила, а в целом-то мало я тебе помогал, ох, мало, дорогая ты моя бабка Анна...”.

И кот Тимофей заплакал. Плакать, как и говорить, в открытую, по-человечески, он не умел, плакал у себя внутри. Лег рядом с бабкой Анной, положил голову на лапы, и слёзы текли у него в душе, долго не останавливались.

Потом наступил рассвет, и Тимофей начал пересиливать своё горе — предстояло решить, как быть дальше. Дверь закрыта, самому её не открыть, а сообщить кому-то о смерти бабки Анны надо. Кому сообщить? Лучше, пожалуй, соседке бабке Любе. Но вот как сообщить?

Он ещё раз посмотрел задумчиво в холодное лицо хозяйки и тяжело спрыгнул с кровати, пошёл на кухню. Попробовал открыть дверь — потёрся что было силы об нее спиной, на задних лапах даже приподнялся, налегая, однако ничто не помогло. Тимофей посмотрел на окно — зимняя рама была ещё не выставлена. Но форточка в ней оказалась открытой внутрь. “Во, — подумал Тимофей, — здесь и надо попробовать. В молодости, помнится, не раз выпрыгивал наружу таким образом”.

От горя и отчаяния в нём прибыло силы, и Тимофей вскочил на стол, а оттуда скакнул в форточку, зацепился за узенький переплёт. Потом, устроившись поудобней, толкнул внешнюю форточку лапой, и она сразу же открылась. “Слава тебе, Господи, — малость отлегло у него от сердца, — повезло”. Он осторожно, тормозя когтями по стеклу, спрыгнул во двор, побежал к забору. Там невысоко между доской забора и чуланом бабки Любы был давний знакомый лаз, и Тимофей довольно легко преодолел его, оказался в соседнем дворе.

И тут только понял, что ещё слишком рано, что бабка Люба, которая тоже живет одна, причём даже без кота, без кошки, наверно, ещё спит. Тимофей тяжело поднялся на крыльечко, сел у двери и стал ждать, с тоскою глядя в туманное весеннее небо. Где-то в следующем дворе раздался угрожающий

воплъ кота, ему ответил другой, некоторое время спустя послышался вдалеке третий, искажённый страстью, похожий на голос человеческого ребёнка.

“Гуляют мужики, — подумал Тимофей. — Одна любовь у них на уме, на всё им сейчас наплевать. А тот, дальний, похоже, Виктора Дрёмова кот — правнук мой, кажись, в голосе чувствуется моё. Да-а, молодость... То же... было когда-то... А теперь вон какими приходится заниматься делами...”

Тоска его усиливалась, и Тимофей вдруг не выдержал.

— Нау-у! — плачуще закричал он. — Нау-у!..

И в это время хлопнули в сенях изъямной дверью, послышались шаги.

— Н-нау-у! — изо всех сил возопил Тимофей.

— Да что ж это вы прямо в сени-то лезете? — возмущённо распахнула дверь на крыльцо бабка Люба. — Спасу от вас нету!

Кот Тимофей сидел, не двигаясь с места, и смотрел прямо ей в глаза просящим отчаянным взглядом.

— Господи, — отшатнулась от этого взгляда бабка. — Тимофей, ты чего тут? Чего орёшь под дверь? Кошки, сам знаешь, у меня нету, или уж умом тронулся на старости лет? Ступай домой, ступай, нечего здесь орать.

— Н-нау! — не сводя с неё глаз, опять прокричал он. И кинувшись к лазу, обернувшись, повторил оттуда. — Нау-у! Мру, мру...

— Да ты никак зовёшь меня? — вроде бы начала понимать наконец-то бабка Люба. — Похоже ведь, за мной пришёл, зовёшь, а?

“Боже ты мой, — подумал с отчаяньем Тимофей, — как же долго до неё доходит. Бабка Анна давно бы уж всё поняла”. Он позвал соседку ещё раз и прыгнул через лаз на свой двор, больно ушиб бок.

Бабка Люба подошла к щели и посмотрела сквозь неё. Тимофей был уже на крыльце и дважды позвал её оттуда.

— Зовет, — сказала бабка. — И вправду зовёт. Видать, чегой-то у них там нехорошее получилось. Счас я, Тимофей, приду, счас оденусь — и мигом.

“Ну вот... — выходил из себя Тимофей. — Будешь теперь там валандаться...”

Она пришла через ворота — поскольку бабка Люба и бабка Анна были обе старыми и немощными, то они договорились в последнее время не запира́ть на ночь каждая свои ворота и двери, надеясь, что никто воровством не обидит, а если случится с какой-либо из них тяжкая болезнь или смерть, то другая тогда зайдёт свободно да и обнаружит беду, и не придётся ломать-корезить запоры.

— Мру, — негромко сказал Тимофей, встречая бабку Любу на крыльце. — Мр-ру...

— Да ты-то вроде ещё не мрешь, — ответила она. — Ты пока ещё через забор сигаешь. А вот с Анной, видать, чего-то плохо, чуёт моё сердце.

Она вошла торопливо в сени, и, когда отворила дверь в избу, Тимофей проскочил вперёд, повёл её прямо туда, где лежала бабка Анна. Соседка посмотрела на неё, коснулась осторожно щеки бабки Анны и с вытянувшимся, побледневшим лицом повернулась к иконам, стала быстро креститься:

— Упокой, Господи, душу усопшей рабы твоей Анны, сотвори ей вечную память. Отмучилась, бедная, царствие ей небесное. Никогда мы с нею, бывало... за весь век ничего плохого...

И бабка Люба заплакала. Тимофей сидел возле неё и тоже смотрел на иконы. Соседка плакала и молилась ещё некоторое время, потом вздохнула и затопталась растерянно на месте, заметив рядом кота, сказала ему:

— Вот так-то, Тимофей, так-то вот оно. Подходит и наша очередь, все там будем.

“А то я без тебя не знаю”, — раздражённо нахмурился душою Тимофей.

Потом бабка Люба сходила, позвала других старух, пришли ещё какие-то дальние родственники бабки Анны, и стали они все суетиться по дому, затопили печку. Тимофей залез на печку — там уже накапливалось настоящее тепло. От этого тепла сделалось коту ещё грустней, он опять заплакал тихонько в своей душе. “Бабке Анне хоть разок, — думал Тимофей, — согреться бы вот так, по-настоящему, перед смертью...”

Покойную мыли теплой водой, обряжали, укладывали в гроб, монотонно читала одна из старух в переднем углу молитву, а Тимофей лежал на печи, смотрел на всё это, слушал и, погружаясь временами в тяжкую дрему, видел совсем другое — себя молодого, ловкого, и бабу Анну шустрюю ещё, старательную и добрую.

На другой день приехали вечером двое старших сыновей бабки Анны — оба без жён и уже крепко выпившие. Они ходили по дому, говорили громче всех и заносчиво влезали во все дела. “Уже успели где-то нажраться, — хмуро думал Тимофей. — На похороны родной матери и то не могли приехать порядочными людьми, глаза бы на них не глядели...”

А ночью приехал и младший. Этот был с женой и совсем трезвый. Подойдя к матери, лежащей в гробу, он заплакал молча и уткнулся лбом в её руки, сложенные на груди.

“Молодец, — оценил со вздохом Тимофей. — Хоть ты-то себя показал не свиньёй, а человеком”.

Готовили в печке поминальную еду, пахло чем-то очень вкусным, но Тимофею, хотя он не ел уже два дня, ничего не хотелось. “Пускай уж управляются, нечего им мешать, а там видно будет”, — решил он.

И вот наступил день похорон. Гроб с бабкой Анной подняли со стола и понесли наружу. И когда вышли все, кот Тимофей спустился с печки, выбрался потихоньку на крыльцо. И пошёл позади людей за ворота, сел там в сторонке.

— Ты гляди-ка, — обернувшись, заметила его плачущая бабка Люба. — Кот-то, Тимофей-то, а? Тоже ведь провожает. Господи ты Боже мой...

“Чего удивляется? — тускло думал Тимофей. — Мне бабка Анна была самая родная на свете, и я, может, был ей самый родной...”

Гроб с телом бабки Анны понесли на кладбище, а Тимофей всё сидел у ворот и смотрел вслед. И опять текли у него в душе слёзы. “Ничего, бабка Анна, — думал он. — Я тоже скоро помру. Может, мы с тобой там ещё и встретимся”.

Тимофей много слышал о загробной жизни, не представлял только, как можно там существовать.

И он пошел в дом — двери были открыты настежь, светило солнце, — забрался опять на печку и стал ждать, когда вернется с кладбища. Несколько женщин продолжали заниматься делами — быстро сдвигали в передней столы, ставили скамейки, табуретки, носили еду.

Потом пришли все с кладбища, оставив там бабу Анну, и начали рассаживаться за столами. Одна из старух прочла необходимую молитву, пропела “Вечную память”. “Тоже надо бы помянуть, чего ж это я?” — подумал Тимофей. Он слез с печки и сел на виду. И снова первой заметила его бабка Люба.

— Коту-то, — сказала она, — дайте тоже поесть. Голодный небось, пускай помянет. Любила его Анна. Он ведь меня в дом-то привел, когда Анна отошла, он позвал, ей-Богу. Смотрит в глаза жутко так и зовёт, зовёт. И провожать её выходил за ворота, всё понимает. Дайте ему, вишь, смотрит — тоже охота помянуть благодетельницу-то.

И Тимофею дали поесть в уголке на кухне — младший сын бабки Анны сам проследил за этим. Помянув добрую свою хозяйку, Тимофей забрался снова на печку и от вкусной еды, от пережитого сразу же забылся крепким глухим сном.

Проснулся он от шума — дома остались лишь сыновья покойной хозяйки и жена младшего, их-то громкий разговор и разбудил Тимофея. Мужики были уже сильно пьяные, но все ещё продолжали выпивать. “Господи, — подумал с тоской Тимофей, — и как это влезает в них столько поганой вонючки? Младший-то вроде ещё ничего, жена за ним приглядывает, а эти... Приехали пьяные, на поминках жрали и все продолжают жрать. И никак не упадут — чужинные они, что ли?...”

Один из старших замычал что-то, пытаясь вроде запеть, но младший оборвал его:

— Прекрати! Забыл, что ли, зачем приехал?

— А чего? Мать, бывало, любила попеть. И... ничего. Она своё отжила, тут греха нету. Восемьдесят два года... Это, брат... Нам с тобой до такого не дожить.

— Не бойся, — сказал младший, — ты дольше проживёшь.

“Точно, — поддержал его мысленно Тимофей. — Эта шкура дубовая, эта винная утроба и до ста лет доживёт со своим невозможным свинством”.

— А с домом-то, — сказал самый старший, — надо чего-то делать.

— Нашел, о чем гадать, — икая с перепою, ответил средний брат. — Продадим дом и поделим деньги. Жить-то здесь ты не будешь — так ведь?

— Скажешь тоже — жить здесь...

— Ну и вот. Тогда об чём же звук?

— А я бы не хотел продавать, — высказал своё мнение младший. — Можно сюда приезжать, отдыхать летом, ходить к матери на могилу... Всё-таки выросли в этом доме, жалко его продавать.

— Фу ты, ну ты... Он будет отдыхать... Ну тогда гони нам две доли и отдыхай себе, сколько влезет.

— Да я думал — и вы тоже...

— Он думал! Мы... Нам деньги нужны. Детишки-то — они отдыха не просят, они просят денежек.

“Ну и поганые же твари... — всею душою возмутился на печке Тимофей. — И где только они живут, в каком обществе, если не осталось в их утробах ни капли святого! Ох, паразиты... И главное — я для них словно не существую вовсе. Я тут прожил с бабкой Анной почти двадцать лет, разве нет в доме моей доли? Да если по-честности, то дом должен достаться младшему и мне. А от этих виноглотов бабка столько хлебнула горя, что им не только дом — им и щепки-то со двора ни одной давать нельзя. Но, — вздохнул сокрушённо Тимофей, — всё равно обойдут они меня, поганцы, обойдут, это точно. Кто я для них? Я для них никто...”.

— Отдали бы мы вам ваши две доли, — сказала жена младшего. — Поднабрать только надо, и отдали бы. Может, подождёте хоть года полтора?

— Хм, полтора... — усмехнулся старший. — За полтора года, дорогуша, знаешь, сколько водички утекает? Денежки-то — они нужны всем на бочку сразу.

— Ну, может, хоть год потерпите? — попросил младший. — Покупателя ведь тоже не больно-то сразу найдёшь...

— Год? Потерпим, а? — старший хлопнул по плечу среднего. — Год-то нам — ничего.

— Для тебя, — сказал второй младшему, — мы, конечно... Чего ж для брата-то не потерпеть? Давай, действуй.

“Слава тебе Господи, — подумал Тимофей. — Может, хоть помру-то в своём доме”.

Потом Тимофей уснул опять — переживание вконец обессилило его старый организм. Он спал всю ночь, а утром, очнувшись, понял, что братья собираются уезжать. Они выпили ещё, поматерились без злости и стали уходить.

— Чего тут брать, — сказал старший, — старье одно, пускай остаётся. Да и народ здесь у нас не шибко вороватый.

— Конечно, — сказал средний — хрен ли тута. Жила мать, жила, а ничего не нажила. Ну и поехали.

“Сейчас все закроют, — испугался Тимофей, — и потом из дома не вылезешь”.

Точно так они и сделали — захлопнули двери и вышли. Тимофей слез с печки и стал бродить по дому — думать, как же теперь быть. Ему сделалось тревожно: одно дело — умереть от старости, и совсем другое — кончить свою жизнь взаперти от голода. Это же, видать, страшное мучение. “Боже ты мой, — размышлял он, — совсем плохо получается”.

И услышал вдруг шаги, узнал по голосам бабку Любу и младшего.

— Он старый, — говорила соседка. — Он там где-нибудь. Анна его любила. Ты приоткрой двери, пускай живёт и ходит. Будет хоть живая душа, мышей стращать есть кому. А взять чего — тут никто не польстится, и я

пригляжу, не бойся. И дом внутрих ветерком станет обвеваться, а то без человека, взаперти, в нём нехорошо становится, затхло. Ворота на крючок закроете, ничего.

Вошёл на кухню младший, увидев Тимофея, вздохнул и сказал:

— Ладно, давай пока тут за хозяина. Может, доживешь до нас.

И погладил кота по спине.

“Спасибо, — ответил мысленно Тимофей. — Может, доживу, дай тебе Бог здоровья”.

Они ушли, приоткрыв немного двери и подложив под них дощечку, чтоб не захлопнуло ветром и не распахнуло во всю ширь, и Тимофей остался жить один в пустом доме. Весна набирала силу, потеплело, и холод его больше не одолевал. Мыши в доме и во дворе водились ещё, но остались в основном хитрые, и Тимофею, неповоротливому от старости, редко удавалось изловить одну-другую. Поначалу кот голодал, а потом приспособился пробираться через лаз во двор к бабке Любе, стал питаться в сарае из корыта вместе с её курами. Размоченный хлеб, смешанный с варёной искрошенной картошкой — не так уж и плохо, жить можно.

Тимофей подумывал, что лучше, конечно, умереть поскорей, чем переживать такое унижение — питаться с курами, но смерть пока ещё не брала его, а кончать самоубийством — считал подобную затею абсолютной глупостью.

Когда он приноровился ходить за пропитанием в сарай к бабке Любе, странное получилось дело. Соседка всегда вроде относилась к нему неплохо, понимала, что кот он серьёзный и умный — сообщил даже о смерти своей хозяйки и провожать её вышел за ворота, — бабка Люба и помянуть ему покойную велела дать, и попросила младшего не закрывать из-за Тимофея двери дома, но тут, в собственном дворе, когда замечала его у куриного корыта, то делалась недовольная и махала рукой:

— Ну вот, опять приперся. Накормишь вас всех...

И лишь однажды, спохватившись, поругала сама себя: дескать, чего я на него держу сердце, он же один в пустом доме, сирота, считай...

“Да-а, — размышлял с грустью Тимофей, — видать, доброй-то легко быть, пока у тебя ничего не съели...”.

В ворах и нахлебниках он никогда особо не числился, сам себя уважал и привык, чтоб его уважали, и потому становилось ему неудобно и стыдно возле куриного корыта при таком бабкином отношении. Тимофей и рад был бы не ходить в соседский сарай, да куда ж денешься — смерть не берёт, а есть иногда очень хочется. “Продолжала бы жить бабка Анна, — кручинился он, — она бы меня пожалела, а то и пожалеть по-настоящему уж некому...”.

Общение с курами тоже оказалось не очень-то приятным. Они существовали без петуха — тот отравился чем-то и умер, — и поэтому, наверно, стали равнодушными, подозрительными и злыми. Их было пять, и когда Тимофей ел с ними вместе из корыта, куры квохтали с ненавистью, каждой хотелось побольше клонуть кота, да мешала боязнь получить сдачи. “То, что вы осатанели без петуха — это понятно, — думал Тимофей. — Но главное в том, что кто-то не ваш ест из вашего корыта. Не поедаете ведь корм, остается, а всё равно вон как зобы-то от злости раздуваются. А если бы я, к примеру, тоже разозлился и цапнул одну-другую как следует за горло? Тогда бы сразу зауважали, тогда бы стояли в сторонке стеснительно: ешь, мол, ешь, а мы уж как-нибудь потом. Господи, да почему ж это нынче мирным живым существам крошку от себя уделить жалеют, а тем, кто может за горло цапнуть — всё пожалуйста, ешь хоть вместе с корытом?..”

Куры были противны Тимофею, но и тут приходилось терпеть — иного выхода не было.

Так он прожил почти всё лето. Спал Тимофей по ночам чаще всего на кровати бабки Анны и, может, поэтому постоянно видел её в своих старческих снах — всегда добрую и радостную. Но иногда не спалось, особенно почему-то в ясные звёздные ночи. И тогда Тимофей выходил во двор, тяжело и медленно взбирался по оголённой и подгнившей из-за обветшавшей кровли стропиле сарая вверх и сидел на самом коньке, подолгу глядя в необъят-

ное звёздное небо, из глубины которого веяло могучей сжимающей сердце тайной.

“Говорят, когда помрешь, душа улетает туда, — оцепенело думал Тимофей. — Неужели и моя душа тоже улетит? Если так, то как же тогда встретимся мы с бабкой Анной в этих невозможных глубинах и просторах?..” И ему становилось тоскливо и страшно оттого, что они с бабкой Анной могут где-нибудь там разминуться, что его, Тимофея, маленькая незаметная душа будет летать и летать сиротливо среди звёздной неохватной бездны, не нужная никому.

Силуэт Тимофея четко обрисовывался на фоне ночного неба, и, разглядев этот силуэт, взбирался иногда к нему на крышу какой-нибудь молодой любопытный кот. Дескать, чего это старик торчит столько времени на одном месте, может, и мне будет интересно.

Он садился рядом и тоже смотрел туда, куда смотрел Тимофей. Однако ничего интересного молодой там не находил — небо было как небо и звёзды как звёзды.

Тимофей поначалу не обращал внимания — пускай себе сидит, — но потом его начинало понемногу угнетать это праздное любопытство, и, повернувшись к молодому, он произнесил негромко: “Мру”.

“А-а, вон оно в чём дело...” — разочарованно думал молодой. И спускался с крыши, жалея, что без толку потерял время, уходил по своим интересным ночным делам.

Тимофей ждал — может, приедут младший сын бабки Анны с женой, дадут поесть чего-либо настоящего. Но они почему-то всё не ехали.

И вдруг однажды он услышал голоса в доме бабки Любы — давно уже не слышно было там столько разных голосов. Тимофей подошёл к забору и посмотрел в щель. Выходили во двор время от времени старухи, женщины помоложе — носили в дом воду и ещё что-то. И вскоре он понял, что бабка Люба тоже умерла, собираются её хоронить. Тимофей отошёл от забора и, грустный, потерянный, долго сидел на своём крыльце.

“Старухи умирают, — с тоской размышлял он, — а меня смерть не берёт и не берёт...”. И заплакал потихоньку внутренними своими слезами — и оттого, что жалко было бабку Любу, которая хоть и не любила, когда он питался у её кур, но всё же относилась к нему неплохо, и оттого, что никак не берёт его смерть.

Потом Тимофей слышал, как ловили в соседском дворе и зарубали кур для поминок. И стало ему ещё муторней. “Злые, конечно, были существа, жадные, — думал он, — но всё-таки ведь терпели меня, если б не они, то мучиться бы мне от голода. И... жалко их, ясное дело, вполне бы могли ещё существовать дальше. И чем теперь питаться? Господи Боже, когда же моя очередь умерать?..”

Пока готовились к похоронам, выбрасывали на помойку кое-какие отходы — попадались среди них даже и мясные, — и Тимофей в общем-то был сыт. Лазил он в соседский двор только утром пораньше и вечером, когда темнело — кто знает, какие там люди, может, им не понравится.

У бабки Любы был сын, которого звали Андреем, но Тимофей плохо помнил его, потому что Андрей приезжал редко, не каждое даже лето. Ещё сына называли кандидатом наук. Тимофей не знал, что это такое, но понимал, что человек, выдаёт, не так себе, здешним не чета.

Вечером накануне похорон Тимофей заглянул в щель забора и увидел постаревшего и седого сына бабки Любы, с трудом, но узнал его. Тот сидел на ступеньке крыльца, склонив голову и обхватив её ладонями. Тимофею стало жалко Андрея, хотелось перелезть туда, во двор, подойти и потереться тихонько о ноги опечаленного человека. Но потом подумалось: не стоит мешать, пускай уж лучше посидит человек один, подумает покрепче. Да ещё неизвестно, как отнесётся, может, в горе-то саданёт ногой под ребра — и лежи тогда, мучайся от боли. И через забор-то обратно не перелезешь.

На другой день отнесли бабку Любу на кладбище и вернулись поминать. Потолкались, поговорили немного во дворе, а потом стало тихо — вошли все в дом. Тимофей сидел у себя на крыльце. Он к этому времени сильно про-

голодался и думал: “Тоже надо бы помянуть бабушку Любу, а то непорядок получается. Но как помянуть? Народ в основном чужой, могут не понять. Опасное дело”.

И всё-таки перетащился с трудом через лаз, устроился ждать на соседском крыльце. Может, поймут. “Плохо, ох как плохо, — сжималось у него от стыда сердце. — Нищим ведь становлюсь. А вообще-то почему это — нищим? — попытался Тимофей оправдать своё ожидание перед чужой дверью. — Я же просто помянуть хочу. Соседка умерла, не помянуть — грех...” Однако успокоить ему себя не удалось, наоборот, стало ещё стыдней и тоскливей.

Пока в доме поминали, дважды выскакивала во двор бойкая румяная женщина с ведром, выливая помои. Это была Клавдя, которая жила без мужа на другой стороне улицы. Тимофей хорошо её знал, и она знала его. Но сейчас, в запарке, Клавдя не обратила на унылого кота никакого внимания и действовала с такой поспешной решимостью, что Тимофей счёл за лучшее не попадать ей под ноги, посторонился под лавку и глядел оттуда.

Потом он опять уселся на видном месте, а вскоре стали выходить из дома люди, и какой-то мужик, раздосадованный, видимо, тем, что мало удалось выпить, увидев кота, без промедления пнул его ногой. Тимофей, претерпев боль, забился под лавку. Бежать он боялся — сил мало, догонят, чего доброго, добавят ещё. На лавку сели мужики, стали закуривать. Говорили они громко, спорили о какой-то перестройке, а о бабке Любе никто уж и не вспоминал.

Тимофей сидел в углу под лавкой, со страхом глядя на их огромные ноги, и подумал: “Вот так-то. Помянули, напились-наелись и забыли, зачем пришли сюда — горланят, будто на свадьбе. Я, если бы помянул, то не забыл бы про бабушку Любу, желал и желал бы, чтоб земля была ей пухом. Я, конечно, и сейчас желаю ей этого, но голод всё-таки здорово мешает. И бок ещё к тому же болит — какой же злой оказался мужик...”

Постепенно от близости ног мужиков и от страха перед ними, от тупой боли в боку чувство голода притушилось у Тимофея; и потеряв всякую надежду помянуть соседку, он уже мечтал только об одном — как бы поскорей отсюда выбраться и утащиться в свой дом, лечь там на кровать и спрятаться в тёмном сне.

Наконец распрощались, разошлись все, и, убедившись, что опасности больше нет, Тимофей выбрался из-под лавки, потащился к забору. Карабкаясь к лазу, он сорвался, упал, и одолеть преграду удалось лишь со второго раза. Дома Тимофей сиротливо свернулся калачиком на бабкиной кровати и сразу заснул. Однако и во сне продолжали одолевать его тревоги и страх.

Утром ломило всё тело, разогнуться было трудно, не то что потянуться по-настоящему, и к тому же опять донельзя обострилось чувство голода. Тимофей, пересилив немощь, неловко съехал с кровати и поспешно во двор — время раннее, удобное, и надо поскорей наведаться на соседскую помойку. Авось выбросили туда вчера после поминок гору всякой всячины, и крысы, а также коты и кошки, которым не очень-то сытно живётся дома, может, ещё не всё успели растащить.

Тимофей удачно преодолел лаз, но во дворе покойной бабки Любы ждало его разочарование. На помойке копались вороны и грачи, и при первом же взгляде стало ясно, что опоздали и они, настоящее пиршество вершилось тут ночью. Тимофей тем не менее шуганул птиц, и те, взлетев, расселись на крыше сарая, неприязненно взирали оттуда на него. Он с трудом разгрыз одну за другой несколько подходящих косточек, однако голода это совсем не утолило. “Докатился, дальше некуда, — думал уныло Тимофей. — Копаюсь на помойке, сравнялся уже с воронами. Ну кому нужна такая жизнь?” Грачей он ещё как-то терпел, а ворон выносить не мог за их нахальство, хитрость и жадную неразборчивость.

Брезгливо встряхнув лапами, кот отошёл от помойки подальше и стал умываться — тщательно, прилагая все свои последние силы. Хлопнули двери, и Тимофей замер, словно парализованный — на крыльце появился Андрей, сын покойной соседки, кандидат наук. Он, как и в прошлый раз,

сел на ступеньку, опустил седую голову и сжал её ладонями. И опять Тимофею стало жалко его. Повинуясь этому чувству, не опасаясь больше за себя, кот подошел к крыльцу, уселся у нижней ступеньки и стал смотреть на Андрея.

Тот поначалу не замечал кота, но потом поднял голову и, неожиданно встретив его неподвижный сочувственный взгляд, вздрогнул:

— Господи... Ты откуда здесь? И смотрит... Чего в душу-то смотришь?

— Мру, — тихо сказал Тимофей.

— Мрѣшь? Понятно. Ну да, похоже, старик ты совсем — сразу заметно.

— Мр-ру...

— Хм, есть, что ли, хочешь? Вид у тебя, брат... И потерянный, и в то же время мудрый какой-то вид. Странный ты кот. Наверняка ведь кот, а? Ну ладно, пошли.

И Тимофею стало хорошо оттого, что Андрей сразу догадался и насчет его старости, и о том, что он кот, и о том, что ему хочется есть. “Кандидат наук... — подумал Тимофей. — Наверно, они все такие понятливые”. И ещё более безбоязненно вошёл за Андреем в дом, стеснительно остановился сразу же за порогом.

— Да ты не стесняйся, — сказал Андрей. — Проходи, проходи.

Тимофей подошел поближе.

— Хм, — усмехнулся кандидат наук, — да ты, оказывается, всё понимаешь.

“Хм, — передразнил его мысленно Тимофей, — выходит, и кроме вас, кандидатов, кое-кто кое-что понимать умеет. А насчёт поесть можно бы и побыстрей”.

И, словно услышав его ответ, Андрей вытащил из холодильника едва ль не целый батон колбасы и отвалил ножом увесистый ломоть. При виде этого куска, от давно забытого колбасного духа у Тимофея помутилось в голове, и слону сдержат кота не смог — она закапала на пол.

— Я тебе, пожалуй, помельче сделаю, — сказал Андрей. — А то ещё не справишься — зубы-то уж небось не те.

И стал резать ломоть на маленькие кусочки.

“Правильно, — одобрял Тимофей. — Правильно, только побыстрей, дорогой ты мой...”

Есть он старался не спеша, тщательно прожевывая каждый кусочек, однако голод всё же брал своё, и время от времени Тимофей забывал не спешить, глотал колбасу с жадностью, в какой-то момент даже чуть было не подавился.

— Да ты не торопись, — сказал кандидат наук, — ешь спокойно. Мало будет — ещё дам.

“Тебе бы покопаться по помойкам, — подумал между делом Тимофей, — тогда бы я посмотрел, спокойно ты станешь есть или нет”.

Потом хозяин налил в блюдце вчерашних поминальных щей — Тимофей с удовольствием съел и их. Тут уж он не торопился. И только после этого почувствовал себя окончательно сытым. “Удалось-таки помянуть бабку Любу, — думалось ему. — Слава тебе, Господи, удалось, царствие ей небесное”. Он озянул от вкусной еды, тело связала истома. Хотелось лечь прямо здесь и уснуть. Однако надо было и честь знать. Тимофей подошёл к кандидату, потёрся немного о его ноги благодарно и направился к двери. “Умоюсь уж дома”, — решил он.

— Куда же ты так сразу? — сказал Андрей. — Посидел бы со мной. Кис, кис, звать-то тебя хоть как? Ну, куда же ты?

И Тимофей вернулся — действительно, неудобно уходить так вот сразу. Он уселся чинно у ног кандидата и, пересиливая дрему, стал умываться.

— Ну, молодец, — восхищенно погладил его Андрей. — Молодец, брат, умеешь понимать. Вдвоём-то нам с тобой всё полегче будет.

“Вдвоём, конечно, легче, — согласился Тимофей. — У тебя еда хорошая, может, хоть умру-то не от голодной смерти. Если не надоем, то буду к тебе каждый день ходить. А то кто вас, кандидатов, знает — нынче одно настроение, а завтра встанешь не с той ноги да и отфутболишь за дверь”.

Не успел Тимофей умыться по-настоящему, как пришла Клавдя — помочь Андрею окончательно прибрать всё в доме после похорон. Она увидела Тимофея и удивилась:

— Ты гляди-ка, Тимофей здесь.

— Так его, значит, Тимофеем зовут? — сказал Андрей. — Появился вот, понимаешь, откуда-то — старый, голодный. И смотрит в душу.

— Это покойной бабки Анны, соседки вашей, кот. Он там, в пустом доме, с весны один живёт, ну и наголодался — ясное дело.

— Один в пустом доме? Н-да, несладко, видать, ему.

— Ему-то чего несладко? Кот — он и есть кот. Это вот когда человек один...

“Эк она перед ним плечами-то дёргает, — подумал про Клавдию Тимофей. — Будет теперь изо всех сил стараться понравиться, наскучалась без мужика-то. Плохо, если Клавдя понравится кандидату — он тогда отвлечётся от меня и забудет покормить”.

Но, судя по всему, Андрею было не до Клавди, чувствовалось: ему хочется, чтоб она поскорей ушла. Клавдя, однако, не уходила, начала не спеша наводить порядок в избе. И под их разговоры Тимофей заснул незаметно для себя. А когда проснулся, Андрей уже сидел один за столом, всё так же — обхватив седую голову ладонями.

— Вот какие дела-то, брат... — сказал он Тимофею, заметив, что тот проснулся. — Выходит, родня мы с тобой — ты один в пустом доме, и я один в пустом доме.

“Может, и родня, — подумал Тимофей, — да не совсем. Ты кандидат, тебе небось где угодно дадут поесть”.

— Для чего нынче живёт человек? — продолжал Андрей. — Неужели только для того, чтобы стать в конце концов начисто одиноким и завьить от тоски волком? Взять хоть мою распроклятую жизнь. Ну что тут? Прожили бок о бок четверть века, а к чему пришли? К полному непониманию друг друга. К враждебному даже непониманию. Шли к нему, шли и шли. И плевать ей на все мои заботы-беды, плевать ей уже и на то, что у меня умерла мать. Нету больше матери. Она, может, единственная, кто понимал... Тоже... маялась одна в пустом доме...

“А ты бы приезжал почаще. — Тимофей вдруг почувствовал раздражение. — Мать-то, глядишь, и пожила бы подольше, и не маялась по столько времени одна в пустом доме. А то ходят где-то там в кандидатах, носа сюда не кажут, а потом... Плакаться-то легче всего”.

— Да, я тоже хорош. — Андрей словно бы уловил мысли Тимофея. — До конца не прощу себе — плохо обогревал мать, ох, плохо... Больше-то она меня, грешного, обогревала. Эх, мама, бедная ты моя...

И по лицу Андрея покатались крупные слёзы.

“А ведь прочувствовал всё-таки. — Раздражение у Тимофея сразу же прошло, и опять ему стало жалко сына бабки Любы. — Прочувствовал по-настоящему, и тяжело сейчас мужику, понятное дело...”

— Вот, брат Тимофей... — Андрей размазывал кулаком по лицу слёзы. — Вот только когда начинаем всё понимать. Когда и матери уже нет, и на самого дети смотрят как на посторонний ненужный предмет. Вот теперь-то мы понимаем. Поздно, ох, как поздно...

Понемногу Андрей успокоился и долго сидел молча. А Тимофея охватила вдруг тревога: “Торчу здесь столько времени, заснул даже в чужом доме, а про свой совсем забыл. Вылезет там какая-нибудь нахальная мышь и начнёт хозяйничать, им только дай волю. Нет, так нельзя, а то становлюсь уже кем-то вроде приживальщика”. Он заторопился к двери и произнёс громко:

— Нау!

— Куда же ты? — очнувшись, встрепенулся Андрей. — Чего там одному? Оставайся со мной. Может, поешь ещё?

— Нау! — настойчиво повторил Тимофей.

— Ну, коль такое дело, то иди, что ж тут поделаешь.

Андрей проводил его — даже спустился следом с крыльца и, наблюдая, с каким трудом вскарабкался кот к своему лазу, сокрушённо покачал головой.

— Ты приходи, — сказал Андрей перед тем, как Тимофей спрыгнул к себе во двор. — Приходи давай, не забывай меня.

И Тимофей стал ходить к кандидату. Утром, когда тот, по его расчётам, просыпался, кот, перебравшись через лаз, устраивался на соседском крыльце и терпеливо ждал. Лазить через забор становилось всё тяжелее, и Тимофей иногда рассуждал мрачно: “Хоть бы догадался сделать лазейку внизу. Про мать свою вроде всё осознал, пусть и с опозданием, а мою старость никак понять не может. Конечно, бабка Люба была человек, а я что — мелкое существо, я для него вроде забавы...”

Кандидат вскоре появлялся на крыльце и восклицал обрадованно:

— А-а, Тимофей пришел! Привет, брат, привет! Пошли, сейчас будем завтракать.

“Вот насчёт завтрака — это ты молодец”, — одобрял Тимофей.

Приготовив что-либо наскоро, Андрей сначала давал поесть коту, а уж потом садился за стол сам...

Наступила осень, становилось все холоднее, в Тимофеевой избе уже погуливал знобящий ветерок. А у Андрея был, наверное, отпуск. Он мало куда выходил из дома — лишь в магазин да к матери на могилу — и всё время что-то писал, читал. Тимофей старался не мешать кандидату — возвращался после завтрака к себе и не являлся до вечера. Вечером, после ужина, кандидату хотелось поговорить и, обращаясь к коту, он доверительно излагал ему свои сокровенные мысли, большей частью невесёлые.

Тимофею тоже было невесело — интереса к жизни совсем уж почти не стало, еду он принимал от кандидата и речи его выслушивал вынужденно, надвигались большие холода, а смерть всё не брала и не брала. Иногда, правда, она подступала совсем близко, Тимофей даже ощущал её леденящее дыхание, но потом почему-то отступала. Случалось это с Тимофеем и в доме соседа.

— Мру, — говорил он в такие моменты. — Мр-ру...

— Эх, Тимофей, — отвечал кандидат, не вникнув как следует в его состояние, — все мы, брат, мрем, только все по-разному. Одни вон от водки мрут — едва ль не через день их на кладбище таскают на плечах, а другие ходят, дышат, пьют-едят вкусно, дела какие-то, вроде бы нужные, делают, а человека-то в них давно уж и нет, человек давно преставился, осталась одна оболочка. Как так можно — без интереса, без родства к ближнему? И что, брат, из этого следует? Поневоле согласишься с Экклезиастом: всё суета сует и томленье духа. Как там у него ещё? Эх, раньше-то ведь от начала до конца знал наизусть. Ага, вот, послушай: “И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость. И узнал, что и это — томленье духа, потому что во многой мудрости много печали, а кто умножает познание, тот умножает скорбь...”

“Ну, вошел в раж, — думал Тимофей, — понесло мужика. Какой-то Экклезиаст... Это от одиночества. Лучше бы уж стакнулся с Клавдей, и не полезли бы тогда в голову никакие Экклезиасты. Станный народ — люди. От одиночества в такой раж могут войти — всем чертям станет тошно. Только вот насчёт томления духа — это ты, кандидат, брось. Томленье-то вот оно — у меня перед смертью, потому что жить по-настоящему нету больше сил, а жизнь-то хороша, очень хороша, несмотря на её гадства да пакости. А у тебя-то какое томленье. Дурь да обида. Да ещё, конечно, горе...”

Реагировал Тимофей на речи кандидата подобным образом только изредка, в основном же слушал равнодушно.

Андрею было легче с Тимофеем — чувствовал, может, подспудно, что кот понимает его, и каждый раз уговаривал:

— Ну чего ты ходишь туда, в пустой дом? Оставайся совсем, живи у меня.

“А ты-то чего тут живёшь, в пустом доме? — хмурился Тимофей. — Пошли жить ко мне, я не против. Себя они понимают, а других понять — на это их не хватает”. И уходил, с трудом перетаскивая своё старое непослушное тело через лаз.

Однажды, находясь у кандидата, Тимофей почувствовал, что смерть совсем близко и больше уже не отступит.

— Мру, — сказал он. — Мр-ру...

И потащился из последних сил к выходу, боясь, что может умереть здесь, в чужом доме.

— Куда же ты? — не понял сначала Андрей. — Ничего ещё не ел, а уже уходишь.

— Мр-ру... — повторил едва слышно Тимофей.

И Андрей догадался наконец, бросился к двери, быстро распахнул её. У Тимофея хватило сил лишь спуститься потихоньку с крыльца, а к забору он уже мог только ползти. Подполз и, собрав последние силы, попытался вскарабкаться к лазу, но только скользнул когтями по доске и упал.

— Господи... — смотрел ошеломлённо Андрей. — Господи ты Боже мой...

Он взял Тимофея на руки, понёс через свой двор. Пробежав улицей, откинул на соседских воротах крючок, вошёл и бережно опустил кота на его родном крыльце. И Тимофей пополз дальше — в сени, потом на кухню через приоткрытую дверь, в переднюю к бабкиной старой кровати. Андрей, не зная, как поступить теперь, чем помочь, растерянно шёл следом.

У кровати Тимофей передохнул немного, уткнувшись носом в пол, и попытался влезть на неё. Однако не удалось и это — он зацепился когтями за ветхое покрывало, пахнущее бабкой Анной, и повис беспомощно. Андрей поднял Тимофея и уложил на кровать.

— Мру, — приспособив голову на вытянутых лапах и глядя мутнеющими глазами снизу вверх на Андрея, в последний раз тихо сказал Тимофей.

У него ещё хватило сил лизнуть Андрею руку. Потом он закрыл глаза и умер.

— Господи ты Боже мой... — сквозь стиснутые зубы хрипло произнес Андрей. — Господи...

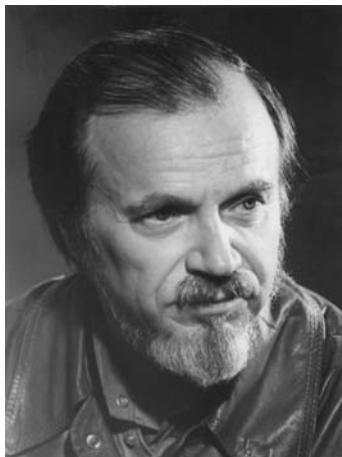
Он опустился на кровать рядом с умершим Тимофеем и долго сидел, по привычке склонив седую голову и обхватив её ладонями.

...Хоронил Андрей Тимофея на меже между огородами — своим и покойной бабки Анны. Вырыл небольшую могилку, опустил в неё закрытую картонную коробку, в которой лежал Тимофей, и, закопав, устроил аккуратный холмик — такой же формы, как делают на кладбище.

Чуть дальше на меже стоял клен с пожелтевшей листвой. Ударил вдруг порыв свежего осеннего ветра, сорвал с клена много листьев, и они закружились, полетели вдаль над землей. А один лист задержался и плавно опустился на свежую могилу.

А потом упала на неё слеза одинокого человека.

ЛЕВ СМИРНОВ

А РОДИНА ВСЁ НАМ ПРОЩАЕТ...

БАЗАР МОЕГО ДЕТСТВА

В парусиновых драных ботинках своих
Под блаженною сенью базара
Я бродил меж кастрюль и свистулек кривых,
Пустоглазый, без Божьего дара.

Никаким ремеслом, разрази меня гром,
Я в ту пору владеть не пытался
И на торжище том меж людьми дураком
Лишь заради утробы толкался.

Ел ломоть дармовой, пил с ладони кумыс,
Бога славил за эту отраву,
А уж семечек жареных сколько погрыз
Из дырявых мешков на халяву!

В доску свой меж корзин и оглобель чужих,
К Пасхе женщинам Божье яичко,
А с окурком в зубах — так уж чуть не мужик,
В поредельх мильонах — затычка!

Вкруг меня весь базар и пестрел и густел:
Не пришелец ли я из Вселенной?
А в карманах моих только ветер свистел
Свежий, радостный, послевоенный.

СМИРНОВ Лев Васильевич — известный русский поэт, автор многих поэтических книг. Живёт в Москве.

МУЗЫКА ЭТИХ ИМЁН

Где же вы, вейлка, прялка и жнейка,
Векша, рябинник, желна?
Плачут в груди они, словно жалейка,
Детские те имена.

Музыке этой внимали веками
В избах, в чертогах, в лесах.
Трогали взглядом, ласкали руками
Всё, что развеялось в прах.

Где же вы, странные, словно ведуньи,
Что же не кажете глаз?
Вдруг среди ночи нагрянет раздумье:
Лучше ли людям без вас?

Всё, что обыденным в жизни казалось,
Нынче диковинней сна.
Множество рук этой вещи касалось —
Вещью стала она.

Где же вы, вежи, мережи, кичиги —
Перлов бездонный ларец?
Все вы ушли в золочёные книги,
Там вам, родным, и конец.

Только лишь памяти детской довольноно
В круговороте времён, —
Чтоб вспоминать и внимать богомольно
Музыке этих имён.

РУССКАЯ СКАЗКА

Над землёй моей колоколен звон,
А в руках — бутылъ, а в ногах — река.
Посмотрел бы вверх, да мешает лень,
Посмотрел бы вниз, да гнетёт тоска.

На дороге чёрт понатыкал вех,
Ядовитый дым — от живой росы.
На дворе уже двадцать первый век,
Всё идут, идут на Руси часы.

Скомороший смех средь кровавых плах, —
А ещё душе разгуляться где ж?
А в одном глазу у нас Божий страх,
А в другом глазу — грозовой мятеж.

Византийский лик, дославянский мрак.
Можно всё решить, только впрямь решишь!
Я дурак с пелён, но и ты дурак,
А сложить нас всех, и выходит — жизнь.

От земной красы можно в немочь впасть,
Сколько рощ, и рек, и золотых камней...
А посмей украсть — будешь волчью пасть
Вместо рта носить до скончанья дней.

* * *

Солнце за чащей уже куролесит,
Гусь в синем небе гогочет...
Но почему же никто в этих весях
Доли счастливей не хочет?

Церковь застыла... И колокол главный
В небе сейчас заклокочет.
Вот стала сызнова Русь православной,
Жить только трезво не хочет.

Всё подсчитали — но вышла ошибка,
Душу неведение точит.
Хоть наш мужик и не мудрствует шибко,
Жить, как прикажут, не хочет.

Из дому выйдешь — сараи косые,
Ветер осину курочит...
Вроде навеки уснула Россия,
Вроде гремит и грохочет.

* * *

Есть у русского жителя что-то от птицы,
Его родина — купол небес.
Потому он так добр, и плетёт небылицы,
И растит ко всему интерес.

Устремлялся всю жизнь на восток и на север,
Плуг тянул изо всех своих жил...
Но как будто не жил, не пахал и не сеял,
А высокому небу служил.

Своего ли во всё домогался предела,
Не жалея ни сил, ни добра?
Сколько даром на бедную землю слетело
С его крыл золотого пера!

Всё раздал, от души отрывая ранимой,
Сам же свой и развеял очаг.
Полетал, полетал над Великой равниной,
Лишь тоска и застыла в очах.

Навсегда присягнувшему гордой Отчизне
С византийским орлом на гербе,
Не хватило ему лёгкой радости в жизни
И печали земной о себе!

РОК-ПЕВЕЦ

Он родился в сиротской норе,
И язык свой освоил не сразу,
И молитву проспал на заре,
И поддался чудесному сглазу.

Стал он богом... Гитару достал,
В тот же миг уподобился битлу, —
И кричал, что Бурлёва проспал,
Прозевал Куликовскую битву.

Его родина долго ждала,
Колыбель его тайно качала,
И теперь, раскалясь добела,
Лишь об этом гитара брэнчала.

Над его головой, вместо нот,
Проплывали созвездья по небу.
Русский вопль раздирал ему рот,
Одному сатане на потребу.

Но он гнул и курочил своё
Вперекор мировому разладу,
И Святых прославлял житие,
И хрипел, и плясал до упаду.

СВЯТЫНИ

Ты ходил с римским Цезарем в скорбный Синай,
Воевал мировые задворки...
А во сне с губ срывался родной Разгуляй
И какие-то Вшивые Горки.

На галере, прикованный цепью к скамье,
Грёб устало сквозь шторма угрозы, —
Но к тебе прикасалась в египетской тьме
Золотистая ветка берёзы.

Погибал, как разбойник, в каком-то порту,
Не рядился ни в тогу, ни в рясу.
Перед Стиксом обол свой катая во рту,
Ты молился российскому Спасу.

Дом казённый забыл, и свой меч, и латынь,
И рабынь после шумной попойки.
Вспомнил лишь из погубленных в жизни святынь
Колокольчик владимирской тройки!

* * *

Поглядите, я — ангел небритый,
Обделённый тюрьмой и сумой,
Чьей-то пулей в упор не убитый,
Не сожжённый в пустыне чумой.

Я во всём без вины виноватый,
Жизнь проживший без шума — увы!
Этот мир, нищетою богатый,
Не идёт из моей головы.

Золотая не помнит подкова
Ни коня, ни седла, ни следа.
Нынче вымолвить доброе слово —
Всё равно что сгореть со стыда.

От аптеки и до гастронома —
Весь мой путь на всемирных ветрах.
Нынче выглянуть ночью из дома —
Всё равно что развеяться в прах!

* * *

Мы Родину нашу любили
Со страстью бродяг и хлыстов,
И мы ещё не позабыли
Те кровельки древних крестов.

И Родина всё нам прощает —
И гнев наш, и поздний наш ум...
И тот же костёр обещает,
В котором сгорел Аввакум.

ЧИСТИЛИЩЕ МОЕГО ДЕТСТВА

Вижу снова себя под звездой невесёлой,
Но на жизнь свою зла не держу.
Перед дверью Чистилища, слабый и голый,
С металлической шайкой дрожу.

Чтоб совсем не пропасть в клубах вечного пара,
Среди адских утех и морок,
На запястье моём, пуще Божьего дара,
Жестяной прикреплён номерок.

Дверь толкает мужик, хмурый, как проповедник,
И глядит на меня свысока.
А на брюхе скрипит жутковатый передник,
А в глазах леденеет тоска.

В низкой мочной плавают мёртвые лица,
И дыханий редееет уток.
Череп, позвончики, рёбра, ключицы
Заливает крутой кипяток.

Я гляжу, как мочалка гуляет по кругу,
Как загробный свершается труд,
Как взаимно багровые спины друг другу
Волосатые призраки трут.

Я гляжу, как народ этот немногословный
Свою холит и мучает плоть, —
То ли к чарке хмельной и забаве любовной,
То ли к встрече с тобою, Господь!

ВАЛЕРИЙ ИСАЕВ

БАРС

ГЛАВЫ ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

*...войны Олега и Святослава и даже
удельные усобицы — разве это не та
жизнь, полная кипучего брожения пыл-
кой и бесцельной деятельности, кото-
рой отличается юность всех народов?*

А. С. Пушкин

1

Пришлось это как раз на то время, когда берёза выбрасывает свой третий лист. На излоге Перуньей горы двое — парень и девушка. Горячи думки девушки. Жарки мысли юноши.

— Если ты сейчас думаешь о том же, о чём я... То как же тебе не стыдно? — глядя в глаза своей любимой девушке Красаве, проговорил Али — стройный юноша, крепко державший её в своих объятиях посреди горной долины, усыпанной по излогам, увалам и взлобкам расцветшими буйным алым цветом маками.

В утренней дымке казалось, что и эти двое обнявшиеся, и сама алая долина будто висят в воздухе, парят над миром — совершенным и прекрасным, созданным исключительно для любви. Здесь всё — для влюблённых. Воздух,

ИСАЕВ Валерий Николаевич родился в 1941 году в Ленинграде. Окончил 1-й Ленинградский медицинский институт. Доктор медицинских наук, действительный член Академии медико-технических наук. Работал по профилю в Рубцовске (Алтай) и в Москве. Автор 12 книг прозы и 6 поэтических сборников. Среди них «Огонь плящий», «Первый и последний», «На краю». Лауреат премии Александра Невского. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

напоённый ароматами трав, чтобы не задохнуться от выпавшей для них обоих радости. Бурные говорливые потоки горных вод — чтобы весть об их любви прокатилась с пенящимися потоками и разнеслась бы по всему белому свету, потому что только вода не знает границ...

Али обнимает крепкими руками свою возлюбленную Красаву, и она не противится ему, наоборот — льнёт к его разгорячённому телу всё ближе, ближе и не сводит с него заворожённых глаз, почти не слышит, о чём он её спрашивает.

— А почему мне должно быть стыдно, а? Ты сам подумай, любимый?

И, откинув голову назад, перегнувшись через кольцо его крепких рук, она сперва шёпотом, а потом всё громче и громче, во весь голос, на весь белый свет:

— Мне нисколько не стыдно. Потому что я люблю тебя. Потому что я очень сильно люблю! Я — твоя невеста!

“Люблю. Люблю. Люблю... Невеста, веста...” — эхо будто играло с понравившимися ему словами, будто пересыпало с ладони на ладонь, не отпуская от себя...

Долина словно чаша, заполненная до краёв зарослями пахучего, сводящего с ума чабреца. Насыщенные ароматы порождали у счастливых молодых людей желание любить вечно и навсегда остаться в Долине Любви — так ласково называли её и русы, проживавшие ближе к заходу солнца, и хазары, что селились ближе к стороне восходящего солнца.

Наверное, потому и были такими красивыми, крепкими и здоровыми люди с обеих сторон: русы и хазары, что единым местом для тех и других, где зарождалась новая жизнь, была Долина Любви.

— А как будут выглядеть заросли чабреца — этой чудо-травы, если смотреть на них не сверху вниз, а снизу вверх, с самой земли — уютной и мягкой, как постель?

— Хочешь увидеть?

— Да!

Любовь стоит над миром, и какое её дело, что Красава — язычница, из белых, самых что ни на есть белых русов. А Али — мусульманин... из самого что ни на есть чёрного хазарского Каганата.

...Расставались как всегда: вначале Али провожал свою Красаву до ворот её дома. Внушительного и по всем приметам богатого: через тяжёлые, добротные плетни и остроконечные частоколы ладного тына доносились тяжкие вздохи пришедших уже к тому времени с пастбищ нескольких коров; шараханья по хлеву пугливых, переполошенно бляевших ни с того ни с сего овец; журчание умиротворённых голосов гусиных и утиных выводков; всхлипывания спящих обожравшихся кабанов. Словом, было в доме родителей Красавы чем заняться, о чём похлопотать. Сено гарнуть, травы нажать, домой принести; шкуру надёргать, квашенки — кадушки для будущего ржаного хлеба повымыть, приготовить мятево для дворовой птицы, воды наносить, пёхтать сливки, чтоб масло было... Да мало ли что в крестьянском дворе не сделано — всего и не переделаешь!

Но родители уважали выбор своей дочери, ставшей с недавних пор настоящей невестой. “Пусть погуляет. Нароботается ещё. Пусть!” Сами были молодыми и ещё хорошо помнили, какие тропки ведут быстрее всего в Долину Любви. А заполучить в мужья, а, стало быть, в помощники такого парня, как красавец Али, куда важнее, чем заставить дочь сбивать масло в кувшине.

Понимали это и в доме Али. И не принуждали молодого сына к работе по хозяйству. Брала его долю труда на себя, понимали — скоро вместо одного работника в доме могут появиться двое... Так что стоило предоставить им на какое-то время полную свободу. Пусть налюбуются друг на друга, нарадуются — потом не будет времени бегать в горы на маковые дуга.

Они уже стали расходиться, беспрестанно озираясь и помахивая друг другу руками и обмениваясь только им одним понятными знаками. Но вдруг направлявшаяся к воротам, к калитке Красава срывалась с места и бежала в объятия Али:

— Теперь я тебя провожу. Теперь я!

У дома Али всё выходило наоборот.

Закат уже терял краски на своём пути к ночи. Полная луна выскочила чуть ли не на самый верх ночного неба. Многочисленные звёзды — одна крупнее, ярче другой. Всё шло своим чередом в природе, близилась ночь, и только эти двое, нарушая порядок, никак не могли расстаться.

2

Княгиня русов Ольга всякого на своём веку успела повидать, всякого хлебнуть — и радостного, и горького.

Одетая в роскошную багряницу, в аксамитовой накидке с ворсом из золотых нитей, в расшитом мелким жемчугом нагруднике, она расхаживала в сафьяновых черевичках по палатам княжеского дворца. Шаги крупные, выдают её крайнюю взволнованность. Нет покоя рукам: так и бродят вокруг её тела, как будто и не свои — чужие, не привыкшие ещё к ней, а она — к ним; вот прилаживаются у лба, вот уже у пылающих щёк, вот потирают одна другую. Нет покоя рукам, нет покоя и мыслям. Даже громкие голоса из распахнутого окна — кто-то костерит кого-то из дворовой челяди, — не отвлекают её от раздумий.

Княгиня Ольга ожидала прихода воевод, бояр и старших дружинников, с которыми собиралась повести важный, может быть, даже важнейший разговор за последнее десятилетие её правления. Ещё бы! Всё в её жизни устроивалось как бы само собой. Были (какие-то короткое время сразу после смерти мужа) и растерянность, и неопределённость. Но ведь Игорь сам виноват в своей смерти. Сам! Хотя как объяснишь людям, что не его вина была в том, что поганые хазары подняли объём дани до невиданных размеров, что не “жадный” он, как о нём пустили слухи. Князь Игорь вынужден был пойти на то, чтобы собрать дополнительную дань с тех, у кого уже взял её. И первыми на этом втором круте оказались обидчивые древляне и их проклятый князь Мал.

Все так и думали, и она в том числе, что сам. Сам! Её король, конунг, правитель каждой клеточки её тела. Да что её! Всей Руси. Но вот поди переубеди людей, которые не хотят услышать слова правды. Не хотят. А как решили, что “жадный”, так и пошло гулять в людях то обидное, несправедливое слово рядом с именем великого князя.

Князь Игорь — этот король Киммерийского Босфора, держал под своей властной десницей всё передвижение по Днепру, проходы в Крым из степей. Князь Игорь после двух своих предшественников великих князей Олегов совершил два похода на Царь-град, заключил с Византией выгодный мир, и поэтому укрепились западные карпатские границы Руси, приумножились угрозы со стороны бесноватых венгров. Князь Игорь страстно желал объединить славян, ругов и русов, полян и росов и много сделал для достижения этой святой цели. От князя Игоря, которого обожала и изо всех сил принимала участие в его жизни, родила Ольга ему сына — наследника Святослава.

Теперь ей приходится управляться одной с таким огромным хозяйством, как нарождавшаяся русская держава. И ведь справляется с Божьей помощью, и не без успеха. Пусть не всё иной раз получается так, как хотелось бы: замучили своими непосильными поборами соседи-хазары — никак не может она справиться с ними, не всё выходит и с другими соседями — половцами, древлянами, печенегами. Хазары отрезали Русь от Великого шёлкового пути — очередная хитрая уловка Хазарского каганата.

И вдруг ни с того ни с сего поползли слухи, аки змеи вертлявые. Да со всех сторон, что не сам, что помогли Игорю уйти из жизни. И кто бы вы думали?

Здесь, в княжеском тереме, княгине Ольге казалось, что стоит она не на полах, посыпанных, как всегда в теремах русов, чистой золотистой соломой, а на мягкой шевелящейся земле, под которой переплелись в клубок эти злые змеи — слухи. Шевелятся, головы то тут, то там высовывают, оплетают со-

бой ножки белодубовых столов, высовывают свои головки над выскобленными добела столешницами, пугают. Не от того ли собиравшиеся на сходку воеводы поглядывают на неё не так, как всегда — без привычного подострастия, без всегдашнего преклонения и трудно скрываемого восторга. Ей всегда нравилось принимать невысказанные знаки внимания от таких сильных людей, как её воеводы. Эти крепкошение, прямоплечие люди нравились ей ещё и потому, что она чувствовала в каждом из них настоящих сильных мужчин. В их присутствии в ней просыпались ощущения памятные, ещё не остывшие до конца, которые она испытывала с трепетом и тайной радостью при виде своего мужа князя Игоря, так загадочно и неожиданно скончавшегося... Тяжко вдове без мужа, хоть и княгине самой. Наваливаются грустные мысли.

Главный воевода Свенельд перехватил Ольгин взгляд, подумал: “Да, рановато выпал из жизни Ольгин супруг — князь Игорь. Рановато...”

В залу входили воеводы, старшины, лучшие дружинники. Один крепче другого: Угрим, Путша, Радислав, Людот, Гридя...

Сын Святослав — явился последним. Чем-то, как всегда в последнее время, расстроен. Замкнут и отчуждён.

“Сколько он может избегать меня?” — следила за ним Ольга. О сыновней ласке и говорить не приходится. Их разговоры в последнее время превращались в скупое проговаривание — чуть ли не сквозь зубы — каких-то совершенно не тех слов. Он не то чтобы отбивался от рук, — он чуть ли не с презрением смотрел каждый раз на мать.

Свенельду — воспитателю Святослава с самого рождения — оставалось только успокаивать Ольгу, тяжело вздыхать, не таясь друг перед другом, поскольку Свенельд был больше, чем давний друг — он прошёл рядом с отцом княжича князем Игорем всю его боевую жизнь и поэтому считался членом княжеской семьи: перед ним ли княгине скрывать переполнявшие её чувства. Иногда Ольга, расстроенная вконец после разговора с сыном, спрятавшись ото всех, закрывала лицо руками, плечи её начинали подёргиваться в плаче. Ольга — в который раз! — пыталась понять: на каком перекрёстке жизни разошлись они в разные стороны. И возможно ли, что отношения их станут прежними, как при жизни князя Игоря?

Святослав, сидя среди воевод и бояр за грубо рубленным длинным дубовым столом, не слушал мать, то и дело переворачивал с боку на бок яркие воспоминания.

...Славление Триглава, каждую строчку которого, прочитанную волхвом, повторяли все, кто принимал участие в праздновании второго солнцеворота, или Купалы. Это было здорово, это было неповторимо и незабываемо, потому что всё впервые. Всё в новину.

Купалин день 23 кресеня на второй солнцеворот, на берегу Почайни в сельце, поименованном Березники, из-за множества растущих там берёз. Там ставили стойкой загодя срубленную берёзу — тем обозначали место гуляния праздника Купалы. Девушки припасали к тому часу и крепили к поясам травы-обереги: полынь, зверобой, крапиву, а потом украшали ту берёзу цветами и разноцветными тряпочными лоскутиками, себя же подпоясывали чернобельником. Выходило очень нарядно!

Сколько было смеха, радости в том нехитром деле — потому что, наверное, каждый знал, чем закончится праздник, и ждал, и не мог дожждаться самого главного — выбрать себе суженую, суженого. А там...

Особенно забавно было творить самого Ярилу с огромным детородным органом. Тут уж было шуток — не сосчитать. Готового Ярилу укладывали под наряженную берёзу и выставляли перед ним всякие угощения. Венки, травы-обереги, сложенные под Берёзой-красавицей, освящались водой и огнём волхвами.

Святослав стоит со всеми вместе в хороводе, крепко держит за руку давно приглянувшуюся ему с самого начала праздника девушку Малушу, ключницу великокняжеского дома, хазарянку. Кто кому первым попался на глаза, кто кого приворожил своим взглядом — кто ж про то знает! Пустили по кругу братину с хмельным напитком. Взыграла молодая кровь — ещё бы!

И без того пальцы, сплетённые в один кулак, было не разжать, а тут хмель запросил соединиться также накрепко не только руки, но и всё остальное. Как соблазнительны, как жарки якобы случайные (в хороводе же) столкновения тел!

Святослав впервые в своей жизни ощутил озноб необъяснимого восторга, окатывавшего его то ледяной, то горячей волнами. Сладкими были и раздававшиеся со всех сторон песни. Слышанные-переслышанные, теперь они всё больше и больше нравились княжичу. Всё было распрекрасным в тот памятный для него день. А озорные песельницы уже выводили на разные голоса:

*Во поле было,
Во поле стояла берёза.
Она ростом высока,
Листом широка...
Как под этой берёзой
Лежал Кострома.
Он убитый — неубитый
Да убрусом покрытый.
Девица-красавица
К нему подходила...*

А потом вдруг крики, вопли: “Ярило помер, Ярилы не стало...” Парни, пятясь назад, держали в руках чучело горящего Ярилы. Затем справляли по Яриле весёлые поминки — кушали яства, пошивали хмельное. Наевшись, напившись, гурьбой бежали к речке хоронить Ярилу.

Так и не выпуская рук друг друга, кажется, соединившихся навек, Святослав и Малуша бегут вместе со всеми. Боже, хорошо-то как! Хорошо, что много людей, много суетоки — это скрывает охвативший обоих трепет, нетерпеливую дрожь в теле, в руках и ногах.

Проводили “весну”. Стали встречать “лето”. Волхв творит зачин: “Разыдись темно, разгорись добро, засверкай светло Яри ясное, Солнце красное...” Ощущение горячего Солнца, смилостивившегося на уговоры, мольбы и просьбы. Ещё одной волной окатывало и тело, и души — на самом деле стало горячо. И от всеобщего веселья, и песен, и палившего во всю мощь солнца.

Княжич не выпускает руки Малуши из своей — держит крепко-накрепко, как Судьбу, потому что она, Малуша — его избранница на сегодня — и она здесь лучшая. Она лучше всех и нравится ему всё больше и больше. Ещё чуть-чуть, и не с кем будет её сравнивать.

Затем следовали восхваления Купале. Звучали громкие красивые слова, подогреваемые хмельным напитком, из праздничной бездонной чаши, а Святослав по-прежнему глаз не сводил со своей возлюбленной и был уверен, что нет на свете такой силы, которая смогла бы их разлучить.

“Гой, Купало красен, стань во небе ясен...”

И вместе со всеми и со своей ненаглядной Малушей княжич во всё горло, ото всей распалённой души:

“Гой Купале Сварожичу! Гой!”

Вот они, отдав требы и восславив в очередной раз божество, все как один обнажаются и идут к речке — купаться, сиречь “очищаться”. Святослав с Малушей не шли — они бежали, срывая на бегу свои одежды. В воду кидали цветы. Веночки. Освящённые травы. Обереги от русалок. Шум да гам стоит вокруг. Слышны голоса рожков и бубнов, трещётов да колокольцев.

Наконец-то не только трепещущие руки княжича и Малуши, но и их разгорячённые обнажённые тела обрели друг друга. А слева и справа — такие же распалённые страстью праздника, позволявшего всё на свете, молодые люди творили любовь в освящённой дарами Купале воде и не видели в том никакого греха.

...Об этом вспоминал княжич Святослав в покоях матери своей, правительницы Ольги.

Уже не в первый раз они встречались, не называя места встречи. “Если ты любишь меня — сердце твое всегда должно подсказать, где я нахожусь, и привести тебя ко мне. Конечно, если любишь...” — говорила Красава, заглядывая в глаза Али.

И вот сейчас она уверенными шагами шла к нему на очередное свидание. Она нисколько не сомневалась, что там — на чистом от зарослей островке посреди Долины Любви, рядом со скалой Даждьбога — она встретит своего суженого.

Но на этот раз, дойдя до ставших им родными маков, она вдруг заметила, что все головки цветов, которые попадались ей на глаза, отворачивались от неё, будто боялись сообщить ей дурную весть, которую все остальные на земле уже успели узнать. Маки боятся сказать ей правду!

Сегодня она здесь одна. Одна!

Красава решительно зашагала, а потом и побежала стремительно из Долины Любви. И вот она, запыхавшаяся, у того самого места в зарослях чабреца, где ещё недавно они ласкали друг друга. Но и тут Али не было, а чабрец, примятый их телами, распрямился... В тот злополучный день Али впервые не пришёл к ней на свидание.

Сердце не стерпело — и вот Красава у дома любимого.

За слюдяными оконницами плотно зашторенные занавески. Дом переменялся даже внешне — будто неприступный за крепкими дверными запорами. Не было дыма из трубы, который, как всегда в это время, должен был струиться в небо. Раньше это означало, что вовсю идут приготовления к сытному ужину. Что в доме всегда рады гостям. Как ни приглядывалась к дому возлюбленного Красава, не могла разглядеть примет гостеприимства. Нахотлившийся в сумерках дом был похож на готовившуюся к битве крепость. Да не с нею ли?

...Али не мог говорить долго с любимой — на него были уставлены четыре пары неусыпных глаз — отца, матери, брата и сестры. Все они знали, что Красава так или иначе должна объявиться в их доме после того, что случилось с ними и с их несчастным народом: они больше не мусульмане, не турки, они иудеи — так решил за них сам каган! И горе тому, кто будет общаться с иноверцами!

А ещё сказал Али Красаве, что встречаться им теперь предстоит только тайно и только на “ничейной” земле, потому что их земля теперь особенная и ни в какие сравнения с землёй белой Руси не идёт, потому что их земли — поганые, потому что на них живут недостойные жить люди — гои.

Красава не стала докучать любимому расспросами. Придёт время, люди расскажут и про землю “ничейную”, и про поганых людей, населяющих её, и про несчастных гоев, которых она сразу пожалела. Ей важно было узнать, что возлюбленный по-прежнему её любит.

Али сказал, что даст ей знать о следующем их свидании и укажет место, где им предстоит встретиться. Но при этом десять раз повторил, что теперь надо будет встречаться исключительно тайно. Красава будто и не слышала эти пугавшие слова, продолжала любить своего Али как ни в чём не бывало.

— Хазары... — говорила Ольга-мать.

Святослав в это не вникал. Слушать материны речи не хотелось; разглядывал воевод за столом. Когда-то у воеводы Свенельда, своего воспитателя, Святослав спросил:

— А почему мы называемся “Русь”?

И Свенельд отвечал:

— Когда-то для варягов всё одно было: что вятич, что печенег, что кривич, что русич, что древлянин — лишь бы дань платили исправно и не отказывались бы от совместных набегов... Но всё-таки настал день, когда ва-

ряги оценили по достоинству русов... Пошло это от князя Олега Вещего, который собрал большущее войско из варягов, славян, чудь, кривичей, мери, древлян, радимичей, даже половцев... Да всех и не перечести! И двинулся на Царь-град. Осадил его и с моря, и с суши. Поставил корабли на колёса и по суше под ветер покати́л на кораблях на город. Тогда Олег и прибил к вратам Царь-града свой щит в знак полной победы над греками. А почему Русь? Да потому что русы, наверное, дрались в том страшном бою отважнее всех. Не зря же говорят, что первого русского воина родила псица — отсюда отчаянная смелость, сила и мощь русского воина...

— Мы — русы, — продолжал рассказывать Снеveld, — потеснили тогда берсерков, опоенных отравками воинов, не знавших ни боли ни страха. Тем было всё равно, кого разить мечом ли, кинжалом ли, лишь бы пущенная кровь будоражила сознание. Да и пророчества волхвов-русов оказались самыми точными — это тоже было оценено варягами по достоинству. Потому на вопрос к ромеям: “Кто вас так отколошматил?”, те отвечали: “Русь! Какое-то северное племя. Не приведи, Боже, встретиться с ними ещё раз”.

— Хорошо! — восклицал восторженно Святослав.

— Гордые русы возвращались тогда домой в родные земли под шёлковыми червлёными парусами, которые сшили им поверженные ромеи. Остальные воины — поляне, древляне, дулебы и прочие — шли домой под парусами из обычного полотна. И тут выделились русы! Так что ты можешь гордиться своими предками. Ты должен оправдывать это славное имя, родившееся на поле брани, где Русь одержала победу над страшным врагом... И чаще поминай Перуна. Да больше благодари его, чем проси!

...Воевода Снеveld не только просвещал княжича, но и учил ратному делу. Как обезопасить себя от отравленных стрел, как изловить ползучего гада, как заставить его поделиться своим грозным оружием — ядом и как потом пустить этот яд в дело, предотвращая гибель свою и своих соратников.

А потом шли учения по тому, как держать щит, чтобы стрелы рассыпались по сторонам; как точить ножи, чтобы волос, положенный на остриё, сам на нём пластался надвое; как дышать через тростинку и оставаться под водой подолгу, обманывая обескураженного врага; как латать кольчугу; как посылать копьё с лошадиного крупа и попадать в кольцо; как ни есть, ни пить и день, и два; как зализывать по-звериному раны. Многому научился Святослав у воеводы. А предстояло ещё сколкому научиться: драться с разным диким зверьём, идти одному на медведя, заламывать хребты огромным лесам, чтобы не умереть с голоду в лесных чащах.

— Хазары... — всё настойчивее призывал княжича материн голос.

“Ну что она все обо одном и том же — дались ей эти хазары!” — Святослав холодно поглядывал в сторону говорившей матери.

А Ольга продолжала — о Хазарском каганате. О том, какими последствиями для всех соседних с ним каганатов, в том числе русского, “белого” — может обернуться принятие хазарскими тюрками да мусульманами иудейской веры. Эта вера ворвалась в пределы Хазарии, как лис в курятник, и давай там наводит новые порядки в ущерб и во зло ближайшим соседям — то бишь русам. И подати давай увеличивать без меры и правды, и перекрывать Шёлковый путь, баловавший людей разными восточными яствами, одеждами и украшениями жилищ. Всё оказалось в руках хазар, повсюду стоят с протянутой рукой для получения мзды. А ещё — набег на поселения русов, сопровождающиеся унижениями, глумлением, куражом.

5

Ольга уже знала: вот этот — христианин, вот этот или вон та — язычник или язычница, как она сама. И разница состояла в том, что первые шагали по земле намного увереннее, с твёрдым осознанием своего следующего шага. Чего нельзя было разглядеть на лицах единоверцев — они были скованнее, в глазах их постоянно присутствовала растерянность. И во всём их облике не было сопровождавшего христиан радостного подъёма. Христиане

излучали завидную радость, они как бы говорили: нам хорошо, потому что нам известно, как надо жить на этом свете, нам остаётся только следовать этим правилам, только следовать! А вам — людям языческой Руси — приходится принимать скороспелые решения, потому что никто вас правдой мира не вооружил...

Христиане при своих знаниях о жизни, сложенных из личного опыта и умноженных на опыт книжный, заимствованный у многочисленных мудрецов — тем не менее, сохраняли в отношениях с язычниками снисходительность, но не ту — идущую сверху, которая чаще всего презрительна и высокомерна, потому что “сверху”, и которая унижает, отвергает и отчуждает. Нет! Эта подкупающая и завораживавшая снисходительность даже и не предполагала какого-то бы ни было высокомерия и занудного, уничижительного поучительства.

Ольга не могла скрыть своего восхищённого отношения к приверженцам новой веры.

Вот и этот, в длиннополой одежде, со смиренно сложенными на груди руками и чистым взором, привлёк к себе внимание Ольги. Длинные волосы свисали из-под скуфьи до самых плеч. В облике его было что-то виноватое: он как будто всем своим видом просил: “Ну простите вы меня, люди”. Этот странный человек то и дело нащёптывал что-то себе под нос и с интересом разглядывал толпу, а толпа разглядывала его. Кто он такой? Зачем пришёл к ним? Из каких краёв? Что принёс с собой — радость или слёзы? Добро ли, зло?

И чтобы первым эдакое чудо открылось ей, Ольга подошла к нему, взяла осторожненько под локоть, заговорила:

— Ты ведь христианин, не правда ли?

— Да. А откуда ты узнала? — ответил тот.

— По твоим счастливым глазам...

— Завидуешь?

— Завидую.

— Хочешь обладать таким же счастьем?

— Ещё бы! Только как этого добиться?

— Да добиваться, по сути, ничего и не надо. Просто надо почувствовать себя счастливым — вот и всё. Да! Не удивляйся. Ведь Господь ничего другого, кроме беспредельной радости, и не мог предложить человеку. Это уж мы сами обвешались разными заботами и не знаем, как из них выбраться. А человек предназначен для счастливого существования; он — любимейшее создание Бога. Не мог же Бог посылать сына, любимца своего, на страдания и мучения, чтобы тот принял на себя все человеческие муки. Зачем же мы придумываем себе испытания, которые нам не ниспосланы, которые нами же и придуманы? Христианская вера выручает заблудших и даёт наставления на каждый шаг к спасению. Соблюдай написанное в Святом писании, молись Господу — и станешь счастливой, как все христиане.

Странник произвёл на княгиню неизгладимое впечатление своим смиренным и улыбчивым видом, готовностью ответить почти на все вопросы, которые она ему задавала. Признавался, что на некоторые из них ответа у него пока нет, но, уверял, что обратится непременно к священным книгам, в первую очередь к евангелию, и обязательно отыщет необходимый для неё ответ. Честность собеседника подкупала.

Ей было жаль, что он так быстро покинул её, перекрестив напоследок и вручив ей в подарок небольшую иконку и книгу, с которой во всё время их разговора не расставался ни на минуту. “Не уходил бы этот странник. Так бы и жил в хоромах. Я бы кормила его и ухаживала за ним, как за ребёнком”... Странник производил впечатление слишком рано созревшего и наполненного мудростью очаровательного дитя.

Перебирая цепкой памятью всё, о чём говорил странник, Ольга особенно выделяла для себя:

— Не ты одна такая. Не ты одна так неистово тянешься к новой прекрасной вере. Целые народы как будто просыпаются ото сна, прозревают и меняют свою веру, с которой им придётся жить, может быть, столетиями...

Чего далеко ходить. Соседняя с вами Хазария — мусульмане, тюрки, язычники — такими они были в веках, а вот со дня на день поменяют свою веру. Трудно сказать, на какую, но поменяют. Пригласили для этого представителей разных вероисповеданий, чтобы устроить что-то вроде спора: какая лучше из тех, что есть уже в мире, какая победит? Правда, очень смущает то, что последнее слово будет за инородцами, за иудейской общиной, которая после провалившегося восстания последователей Маздака собралась наконец в несчастной Хазарии.

— А почему в Хазарии, а не где-нибудь ещё? — встала княгиня.

— Излишняя доверчивость и всепрощение — слабость великих империй. Это идёт от широты, неохватности имперского мышления, которое порой и не замечает мелочей, способных сыграть в их судьбе роковую роль. На мой взгляд, тут именно тот случай. Многоязыкая великая Хазария переоценила свою непоколебимость, незыблемость и твёрдость основ. Этим и воспользовались вероломные иудеи. Правда, чтобы не выглядело всё это вызывающе, решили придать всему этому перевороту вид открытого соперничества. Якобы тюркам и мусульманам-хазарам была предоставлена возможность самим выбрать веру. Это хитрый ход, чтобы придать своему вторжению благоприятный вид. От случая к случаю народу показывают бывшего правителя — дескать, в стране ничего не поменялось — вот ваш царь... А за его спиной делают, что им заблагорассудится. Вот какие дела творятся в мире...

И ещё запомнил княгине Ольге ответ странника на её вопрос:

— Так ли ласково принимают тебя в иных местах иные народы?

— Бывает, и бьют, швыряют в меня камнями. Всяко бывает. Всякое случается. Но милостью Божию жив пока. Жив!

— Храни тебя Господь!

Ольга взглянула на стол, на котором лежала иконка и на ней нателный крестик на суровой нитке. Это оставил ей странник. Она поспешила надеть крестик на себя и испытала при этом трепетное волнение. Это радостное чувство она сама и поименовала — благодать! Но странник предупредил её, что окрестить её он прав не имеет, нет у него такого чина, чтобы крестить княгиню. “Да и молиться некрещёной нельзя. Грех это...”

Оставляя икону, странник напутствовал Ольге:

— Икона — то же окно, но не в тварный привычный мир, который мы зрим через сподяную оконницу, а в мир духовный — мир Божий. Надо научиться видеть в этом мире так же ясно, как в привычном — всё до мелочей. А в нём есть на что посмотреть, чем полюбоваться.

...Когда Ольга держала восковую свечу в трепещущей руке, услышала за спиной лёгкий шум. Обрнувшись, прервав молитву, увидела в проёме двери Святослава. Во всём облике — удивление и страх...

Потом сын бросился прочь от Ольги.

6

Святослав не скрывал, что ехать с матерью в Константинополь не хочет. Вот и во время их последнего разговора глядел на Ольгу дерзко, вёл себя вызывающе. Казалось, в нём окончательно созрело неприятие материнской правды, которой они противопоставлял свою... Накануне отъезда и вовсе пропал.

Долго искали его. Нашёлся же княжич в языческом храме — деревянном, украшенном с лицевой стены резными и лепными изображениями людей, птиц и зверей. Выделялась среди прочих фигура бегущего барса. Длинноногого, целеустремлённого, поднявшего переднюю лапу то ли для приветствия, то ли для устрашения. Кто его знает! На то он и барс — самый распространённый в те времена зверь на орнаментах, словно бы олицетворяющий суть времени.

Барс никогда не рычит, не суетится, но, если надо, сумеет достойно постоять за себя. Отличный образец для подражания. Такими и видели люди своих героев. С таких барсов и брали пример... Изображениями их украшали храмы и капища, жилища и походные шатры. Изображение барса сопровождало русов на каждом шагу — на колтах, на браслетах, на подвесах, на

лунницах. А ещё — барс в дереве, в камне или на холстах издревне олицетворял богатство, нажитое честным трудом, и справедливую силу.

Княжич стоял перед входом в храм. В это время солнце, вышедшее из-за облака, высветило фигуру барса, вырезанного в дереве над входом. Святослав поймал себя на мысли, что, глядя в барса, он стремится и перенимает солнечный образ зверя... С этой минуты Святослав и сам — барс! Вот он сгибает спину, делает её упругой, пружинящей, готовой в любую секунду расправить тело в стремительном прыжке. Вот он ощущает, как наливаются невероятной силой руки, преобразаясь в могучие, когтистые лапы, способные нанести смертельный удар. Ему даже страшно стало взглянуть на собственную руку — не волосатая ли, не когтистая? Святослав чувствовал, что не только станет настоящим барсом, он угадывал наперед свою жизнь, свою судьбу.

По всем четырём углам храма стояли мраморные изваяния прекрасных человеческих тел. Лица их, то скорбные, то радостные, но всегда возвышенные, как бы вобрали в себя — если скорбь, то вселенскую, если радость, то одну на всех, если глубокомыслие, то бездонное. Стены храма были свободны от изображений, но были сооружены так умело, так мастерски, что сами по себе вызывали к себе восторженное отношение в очарованных людских душах: дерево подбиралось для строительства храмов самое лучшее, мастера привлекались для их возведения самые умелые — такие, которые заставляли дерево разговаривать, даже петь...

Не каждый день отправлялся юный княжич в такое длительное и небезопасное путешествие — в Византию. Поэтому в утро этого дня твёрдо знал, куда отправится перед отплытием.

Святослав помнил, как в первый раз отец вёл его на Верхнекиевскую горку, к “нашим родным богам”. Говорил: “Никогда не предавай их. Не обмани. Они доверчивые, как дети. Это так удивительно — самые сильные, оказывается, могут быть самыми слабыми — настоящими детьми. Во всём и всегда доверяй им — они не подведут, сынок. Не сторонись их, не чурайся. Человек не может жить без доброго советчика. Береги их. Береги!”

И вот пришло время позаботиться о них — о богах. Отца в живых нет. Мать предала их богов и переметнулась к новой, христианской вере, той самой, со страшным распятием, с мертвецом на кресте.

Так сделала не одна его мать — многие; но какое ему, Святославу, дело до этих “многих”, ему важнее всего, что родная мать предала память отца.

Юный Святослав переходил от одного деревянного изваяния к другому. Все они были знакомы ему каждой трещинкой, каждой горбинкой на деревянных телах, каждой прибавлявшейся морщинкой на их немолодых лицах. Всё ему здесь знакомо до мелочей — он провёл здесь с отцом и после его смерти много часов. Он испытывал радость, которая каждый раз длилась всё дольше и дольше, и всё больше его тянуло на свидания с высшими и в то же время близкими, почти живыми существами.

Тому же учил его и дядька Асмунд в глухих северских хуторках, в непролазных лесных крепях. Туда, к кормилицу-дядьке под Новгород был послан юный Святослав на суровое северное воспитание. Подальше от глаз людских, от соблазнов и искушений. То воспитание только укрепило его ещё больше в преданности и верности языческим богам.

— А что, дядя, — бывало, спрашивал юный Святослав у своего воспитателя. — Говорят, что у язычников нет и не может быть веры?

— Почему?

— Как можно верить деревянным идолам? Деревяшка и есть деревяшка.

Мудрый Асмунд пояснял:

— Побрякушка и крест делаются из одного куска дерева, да только смыслом наполняются разным. Люди не умирают за раскрашенную деревяшку. Когда пленённый воин, несмотря на уговоры и угрозы, отказался отречься от своих богов, ему водрузили на живот пылающую жаровню и пережгли пополам — это ли не вера?! Примеров таких очень много. Человек умирал не за деревяшку — он умирал за святую веру, ради которой и жизнь отдать не жалко.

Оба глубокомысленно молчали.

Святослав представлял, как на его тело пристраивают горячую железную жаровню. И требуют отречься от веры. Не отрекись!

...Юный Святослав переходил от одного идола — бога к другому: прощался с каждым, просил у них благословения перед важным путешествием. И, может быть, в этот раз не боги успокаивали и обнадеживали его — княжича, а он их, потому что они оставались, а он уходил. Он покидал их на неизвестный срок — мало ли что может случиться в его отсутствие. При таком отношении матери к языческим богам, которым она перестала доверять. Он опять и опять возвращался к нахмурившемуся Перуну, сосредоточенному Даждьбогу, непривычно грустному Яриле, поникшему Святовиту, выглядевшему очень растерянно Роду. Он смотрел на них и мысленно проговаривал: “Памятью отца клянусь. Никому. Никогда я вас в обиду не дам”.

...Тут-то и нашёл Святослава главный воевода Свенельд.

— А вот и княжич отыскался! — спокойно и радостно объявил Ольге Свенельд.

“Отыскался, волчонок, — не оборачиваясь к сыну, подумала княгиня Ольга. — Воля Божия да будет. Аще восхощет Бог помиловати роду моего Земли Русския. Да возложит на сердце им обратитися к Богу — якоже и мне Бог сие дарова...”

7

— Ну что? — с нескрываемой надеждой спросила Красава у Али. — Смирился отец или всё по-прежнему? — провела рукой по его виску, по щеке. — А ты похудел. Осунулся. Стал другим.

— Отец стал ещё строже, ещё суровее, — отвечал Али, пряча глаза.

А она, будто не расслышав его слов, продолжала гладить его, говорила: — Зачем? Не надо было так делать.

Али, испугавшись, осторожно снял её лёгкую руку и, зажав в своих ладонях, стал покрывать её поцелуями, потом упал перед ней на колени и стал просить прощения:

— Прости меня. Прости нас. Ты должна простить. Ты должна понять. Всё ты должна понять. Иначе...

Она не захотела слушать его дальше — испугалась следующих за таким страшным словом “иначе” ещё более страшных слов. Она накрыла его губы своей горячей ладонью, запрещавшей ему говорить дальше. Красава потянула его с колен, привлекла к себе, как будто не самого его — Али, а всю свою недавнюю счастливую жизнь, где царили любовь и согласие, крепко прижала к себе.

Оставшись в одиночестве у окна, Красава наблюдала, как по дорожке в сторону Долины Любви направляются двое — такие же молодые и крепкие, как она и Али. Это были её младшая сестра Млада и незаметно превратившийся в стройного юношу соседский паренёк Лель.

Взявшись за руки, влюблённые направлялись их дорогой, в счастливую сторону. Счастливые пары всегда похожи друг друга.

...— Как станем жить теперь, Али? — спрашивала Красава и в другую встречу, хотя сама догадывалась об ответе. И оттого ей делалось страшно — куда страшней, чем угрозы отца Али, который словно переродился. И откуда взялась в нём эта ненависть? Ведь за всё время знакомства их семей не было случая, чтобы он вёл себя подобным образом. Али тоже как будто подменили. Это уже не тот Али, с которым она хотела бы отправиться в Долину Любви, в заросли дурманящего чабреца. Да он и не вспоминает о тех прекрасных днях. О неземной любви. О приготовлениях к предстоящей свадьбе. А ведь день был уже в обеих семьях назначен.

Али озирался, беспокоился, говорил почти шёпотом:

— А тех, кто продолжает знаться с иноверцами... таких ждёт смерть... — Помолчав немного, он произнёс, сам, похоже, пугаясь собственных слов: — Мы теперь иудеи, люди самого главного на земле Бога. Он сам нас избрал среди прочих. Он назвал нас богоизбранными... Все остальные —

это получеловеки, гои — так их велено нам теперь называть. И никаких с ними общих дел у нас быть не должно.

Красава предчувствовала, что близка их последняя встреча...

8

Глазами юного княжича ненавистный Царь-град воспринимался как настоящий враг. Всё в нём было нехорошо. Вода залива, где пристали к берегу суда русов, выглядела неприветливо. Бесконечные красные крыши домов на византийском знаменитом берегу раздражали, потому что уж слишком напоминали разбрызганную повсюду кровь.

Находиться у этих мрачных берегов даже недолго не было никакого желания. Хотелось поскорее убраться отсюда восвояси, туда, где приветливое чистое небо, где повсеместно чистота и порядок, где стоит аромат краснощёких сосен и цветущих каштанов, где дышится вольно и не дают человеческое сердце вездесущие кресты, которые как бы запрещают, перечёркивают стремление всего живого вверх к небесам, к высокому бездонному, безграничному небу: “Только досель, до креста — а дальше — ни-ни...”

И оттого, что на всём тут как бы поставлен вездесущий, всё и вся ограничивающий крест, невольно пригибаешься, потому что во всём — одни только ограничения. Ощущаешь себя под их постоянным гнѐтом. Из-за этого обычные движения ограничены, чуть ли не связаны невидимыми путами, речь приглушена, желания укорочены, стремления стреножены, взоры тихи и безнадежны. Эдакий невиданный доселе для русов мир несвободы и неволя — полная противоположность тому миру, из которого они прибыли сюда, в эту темницу без окон и сплошных запертых на ключ дверей.

Там, где проходила до сих пор их жизнь, были свои трудности — такие и всякие, у каждого разные — но ощущение, но чувство свободы и независимости преобладало над всем остальным. Ну, а уж двери все, куда бы они ни вели, постоянно были распахнуты. И только непогоде под силу было прикрыть их порывами ветра, или дождя, или холода... На родине человек, уходя из дома, иной раз навсегда — кто ж знает, когда ты вернёшься с войны, — так вот, человек этот оставлял на столе кувшин с водой, краюху хлеба и что-нибудь покушать для путников, — мало ли кто на своём пути окажется рядом с твоим домом. Двери русов никогда не знали засовов.

А тут, в какую сторону ни погляди — всюду запоры, засовы. Замки висячие, замки внутренние, всевозможные ограничения, тупики. Знать, есть что прятать от людского глаза. Город богатеев, толстосумов, скаредов.

Вот они и живут — нелюдимые, исподлюбные, всего сторонящиеся, словно бы напуганные чем-то раз и навсегда. А главное — ни в ком нет и намёка на желание изменить свою жизнь, сделать её хотя бы в чём-то похожей на ту, из которой прибыли сюда русы.

Хотелось хоть ненадолго увезти несчастных византийцев с собой и показать им, как могут жить люди — но нет, по их лицам хорошо видно, что не пойдут они никуда, потому что все движения их несчастных душ закованы словно бы в кандалы, а всё их несчастье в том, что они иной, раскованной, без запоров, замков и крестов, жизни даже не представляют. Сколько ни вглядывайся в прохожих, которые пришли поглазеть на русов, — не увидишь ни улыбки, ни громкого раскованного смеха, идущего из самой глубины человеческой души — прямо с её дна.

...В глазах же княгини Ольги вечный город, колыбель православия, выглядел совсем по-другому: весь он был залит солнцем, словно по заказу для прибывающих сюда, чтобы высвечивать всё великолепие находившихся тут в избытке православных храмов, согревать их камни и все подступы к ним — на тёплых дорожках и мысли рождаются тёплые, живые. И сам воздух желанного города, и воздух в храмах был напоён запахом веры... Всё здесь нравилось княгине Ольге, и даже земля, на которую она ступала, словно ластилась к её ступням, помогала шагать в любую гору, превращала любой путь в радостный и лёгкий.

А люди, живущие здесь — как она им завидовала! Им всегда доступна божественная красота. В каждом прохожем Ольга видела друга, единомышленника, брата или сестру по вере.

Посыльный наконец возвратился из города. Он принёс долгожданную весть — император Константин Багрянородный сподобился-таки принять русов во главе с княгиней Ольгой и её сыном и с охраняющей её всегда и везде личной дружиной, руководимой воеводой Свенельдом.

Отправились в главный христианский храм, возвышавшийся на самом высоком холме города. И сам храм имел вид холма, потому что был огромных размеров, словно подпирал небо. Холм на холме! Потому и необходимы были эти исполинские размеры: будь храм поменьше — и небо давно бы рухнуло...

Княгиня Ольга шла впереди всех твёрдой походкой. С гордо поднятой головой, расправленными плечами, глядя перед собой так, что перед ней расступались незнакомые ей люди — столько напора было во всём её облике, столько завидного устремления! Совсем недавно люди, похожие на этих, шествовавших сейчас по городу, прибывали щит на воротах Царь-града. То были тоже русы во главе с отважным князем Олегом — византийцы хорошо запомнили их. Но теперь русы идут с миром, чтобы принять здешнюю веру.

Константин Багрянородный был невысок ростом, едва дотягивал до плеча княгини Ольги. Короткие, изуродованные ранней подагрой пальцы, короткие руки. Он то и дело прикасался к стоявшей перед ним княгине — то до плеча дотронется, то коснётся её руки.

— Ты прекрасна, Ольга, — говорил император. — Хоть из варваров, из дикарей, но хороша... Что же ты так неласкова со мной? Дикарка! Не хочешь ли тебе съесть меня прямо сейчас? — Он попытался приобнять княгиню.

Ольга, в свою очередь, подумала: “Я говорю с ним на его родном языке... Выходит, не такие уж мы тёмные — язычники? И не будет ли тьма язычества поярче света христианства?”

А коротышка-император продолжал заигрывать с Ольгой:

— Ну что тебя сдерживает? — Он вплотную придвинулся к ней.

Она отстранила императора от себя сильной рукой:

— Мы разной веры... Чтобы обращаться друг с другом как-то иначе, надо, чтобы мы были с тобой одной веры. Не правда ли?.. Сколько мне ещё стоять в бухте, томить и себя и людей?

Константин заметил холодно:

— Ждала больше, подождёшь ещё.

Княгиня вскинула на него строгий вопрошающий взгляд.

Перед ней в это мгновение был не всемогущий и великий император Византийской империи, которая простиралась чуть ли не на полмира, а обыкновенный капризный, отвергнутый женщиной мужичок.

— Еще немного... Немного, — пробормотал Константин.

...Убранства крестильного зала ни в чём не уступали убранству и великолепию главного зала трёхнефowego храма, который потряс Ольгу великолепием и объёмами. Изнутри храм казался ещё больше, чем снаружи, и изумлял. Ольгу охватила дрожь, когда она проходила, сопровождаемая императором, в крестильные помещения собора. Они двигались мимо икон, таких же огромных, как и всё здесь под этими исполинскими сводами. Иконы были щедро украшены драгоценными камнями, щедро покрыты золотом, которое казалось в свете бесчисленных горевших свечей нескончаемым потоком.

Крещальня представляла собой небольших размеров строение в виде креста. Пол мозаичный, с рисунком, составленным из лоз с красными и чёрными гроздьями и изображением птиц. В центре — павлин с распущенным хвостом как символ вечности.

До Ольгина слуха донеслись громко произносимые и усиленные эхом слова священника:

— ...и отныне ты, Ольга, нарицаешься новоизбранным воином Христа Бога нашего...

Княгиня расправила плечи, ещё больше распрямила и без того прямую спину, гордо подняла подбородок. Ещё бы — она теперь, ни больше ни меньше — воин из ополчения самого Христа.

За её спиной в мраморных объятиях круглой купели колыхалась манящая чистотой и свежестью вода, приготовленная ради такого торжественного случая.

Патриарх, проводивший крещение, подошёл к Ольге настолько близко, что она вздрогнула. Он вдруг стал дуть ей в лицо, приговаривая:

— Изгони из неё всякого лукавого и нечистого духа, скрытого и гнездящегося в её сердце... Теперь повернись лицом на запад. Вот так... — Он легко коснулся локтя княгини и развернул её в нужном направлении. — Отрекаешься ли ты от сатаны, всех его дел и всех его ангелов, всего его служения и всей его гордыни?

Ольга ответствовала твёрдым тоном:

— Отрекаюсь!

— Повтори трижды. Отрекалась, отрекалась, отрекалась. И дунь и плюнь на него...

Ольга троекратно дунула и плюнула перед собой в знак презрения к сатане; одновременно это означало и начало войны с дьяволом.

Теперь её оружием будут: пост, молитва, участие в церковных таинствах. Ей предстоит сражаться со своими страстями, злом, кроющимся в её душе. Наградой за победу в этой борьбе будет вечная жизнь. Поражение же также будет вечным и будет состоять в нескончаемых муках в преисподней вместе с сатаной и его ангелами.

Священник зычным, настойчивым голосом продолжал обряд крещения:

— Сочетаешься ли ты со Христом?

Ольга с уверенностью произносила:

— Сочетаюсь.

А потом взволнованная Ольга расслышала слова, которые, казалось, удерживали купол храма надежнее, чем сами стены его.

— Крещается раба Божия Ольга во имя Отца, Аминь, — и она под сильной и властной рукой священника с головой оказалось под водой, — и Сына, Аминь, — и во второй раз голова Ольги, которая отныне в крещении становилась Еленой, погрузилась под воду, — и Святаго Духа, Аминь! — И в третий раз, едва успев набрать воздуха, она оказалась под творившей с ней чудеса водой...

— Мне страшно возвращаться к себе домой, в языческую землю. У христиан с язычниками не во всём понимание, — призналась Ольга.

Патриарх не дал ей договорить, перебил словами:

— Всё само собой обустроится. Закладной камень положен. Дело пошло. Да и не первая ты, и не последняя. Тут ваших побывало изрядно. А значит, с каждым днём священнослужителей в вашем крае только прибывать будет. Так что теперь тебе нечего бояться, Елена. Потому что с этого дня с тобой Бог, который всегда найдёт способ защитить тебя. Чаще молись! Да не забывай благодарить его. Мы часто обращаемся к Богу со своими просьбами. Гораздо реже благодарим Его за их исполнение. Примеров тому, как обходится Господь со своими праведниками, более чем достаточно.

Ольга слушала с напряжением.

— А ещё я тебе скажу... Трудно придётся твоему народу, видевшему себя в центре мироздания, дружившему с богами, перейти к осознанию бренности земной жизни. Они простые смертные... Но без этого новую веру не утвердить.

Княжич Святослав крещение для себя отверг. Он, казалось, раздражённо обрывал все нити, связывавшие его с матерью.

9

В лето 964 года великая княгиня Ольга передавала державу сыну своему.

На сбор, как того требовал обычай, собрались посадники, тысяцкие, конечные старосты, бояре, старшины всех областей, воеводы, дружинники и другой отличившийся тем или иным образом на всеобщее благо народ. Герои, впервые оказавшиеся в столь высоком собрании, терялись, боязливо погля-

дывали вокруг и больше друг на друга, чтобы перенимать жесты “бывалых”.

Раздались выкрики:

— Князюшка! Наш дорогой!

Все устремили любопытные взоры в сторону коронованного на власть юного князя. Народное море колыхалось, приходило в движение и исторгало из своих недр здравицы в честь восходившего на трон властепреемника.

Четыре могучих кметя выступили из рядов дружины Святослава и взяли в крепкие руки княжеский щит. Смущающийся Святослав взобрался на подставленный ему щит, опёрся на бритые головы воинов со свисавшими на разные стороны оселедцами. Те подняли щит над головами, и Святослав сделался виден с любого места. Многочисленные взоры впились в него со всех сторон. Сейчас люди увидели княжича в непривычном обличии...

Поднятый над головами Святослав проплывал над толпой. Кмети били мечами в кованые щиты — то был голос признания, веры, надежды, а может быть, даже любви к новому правителю. Оказавшись, наконец, на земле, Святослав был облачён в багряницу, переобут в червлёные сапоги (знак великокняжеского достоинства).

Святослав клялся на оружии. Клялся Перуном “ходить по вере и закону”. Клялся на словах “хранить любовь свою правую ко всем иже суть под рукою его, светлого князя, необлазно и непреложно, покуда солнце сияет и весь мир стоит, и быть щитом и оградой русским людям...”

Ревут трубы. Бьют барабаны. Мешают услышать драгоценные слова клятвы возносимого на самую верхотуру молодого князя. Колокольный гул разливался над головами, приглушая и заглушая раздававшиеся тут и там речи, словно скрывая — а вдруг кто непотребное выскажет, обронит неподходящее слово. Плывёт колокольный покров всё дальше и дальше от праздничного места, чтобы обеспечить ту же заботу и на всех остальных живущих в державе... Пусть говорят, что хочется: всё одно не пересилить человеческому голосу колокольную мощь. Гудут трубы-рога. Нет ни одного била, чтоб не вплело свой голос в общий хор народного ликования.

— А ты почто не величаешь?

— Я-то?

— Ты-то.

— Величаю. Как же не величать.

— Тогда давай вместе: “Здравствуй, государь Князь Святослав!” Вот так-то оно лучше. А то говоришь — величаю, а не слышать...

Трапезничали в честь восхождения Святослава на престол в тот жаркий летний день не в княжеском тереме, не в пирной зале, а прямо во дворе. Для чего повыносили из покоев рубленые столы да лавки и установили их прямо под чистым небом, под горячим солнышком.

Столы ломались от яств — челядь расстаралась по такому случаю и теперь стояла поодаль довольнёхонькая. Сложив достойно отработавшие руки на груди, поглядывая в сторону гостей, с нетерпением ожидавших начала долгожданного пиршества. Перехватывали удовлетворённые взгляды хозяйки пира — великой княгини Ольги. На этот раз в собрании были и бояре, и купцы, и воеводы, и отличившиеся дружинники.

Всем было весело: ещё бы! власть менялась! А что может быть на Руси лучше, веселее!

10

Этот монашествующий воин, этот неугомонный, коварный и хитрый лис Никифор Фока ворвался в царственные хоромы, как метеорит в курятник. Фока — со вчерашнего дня, ни больше ни меньше — новый император Византийской империи, перебуровил в ней всё и вся после непродолжительного правления в ней внуха Иосифа Вринга. Это правление больше напоминало гниение, чем жизнь, и слава Богу, ему пришёл конец. Фока использовал — хитрец! — сложные отношения, сложившиеся между Святославом и матерью княгиней Ольгой. Говорил Святославу: “Не докучай матери лишний раз и не

мозоль ей глаза своим присутствием, поселись в законных землях Болгарии, принадлежащих тебе по материнской линии — около Добруджа, там находится твоя родовая земля, Тутраканское княжество”. О той земле Святослав благополучно позабыл уже, занятый то бесконечными военными походами, то приготовлениями к ним.

Перехитривший сам себя Никифор Фока ликовал. Ещё бы! Он сделал Святослава, с его расплывшейся по земным пределам славой непобедимого воина и его не менее знаменитой дружиной, грозным орудием в своих руках. Это ли не успех! Ведь не уговори он Святослава — пришлось бы самому воевать мисян (болгар). А с ними воевать непросто — не один из предшественников Фоки на императорском троне Византии сломал себе шею в горных теснинах по Дунаю. Таким образом он и силы свои берёг для более важных дел и сковывал любые движения царя Петра, которого не ненавидел только разве спящий болгарин. А самое главное — Фока прибирал к рукам набиравшего славу сына Ольги.

А пока Никифор Фока потирал руки и переполнялся чувством гордости за свою способность ловко управлять империей, на другом берегу Понтийского моря князь Святослав уже обдумывал подробности своего похода на Болгарию. Предложение Фоки о переселении его из стольного града Киева, в котором ему день ото дня становилось всё сложнее уживаться с матерью, пришлось ему по душе. Но и своя голова соображала ничуть не хуже, чем у Никифора Фоки. Святослав решил: вся Болгария, как того захотел Фока — не его дело, и пусть венценосец великой империи сам задумается об этом и поднимает своих соотечественников. Да и надо помнить, что от Болгарии до Константинополя всего два дня пути. Хватит проливать кровь за осуществление планов византийских императоров. Не раз и не два приглашали они доблестных русов принять участие в сражениях, которые ничего не прибавляли к чести русских воинов — разве что славы, которой у них и без того хоть отбавляй.

Святослав так и решил — драться и завоёвывать будет только то, что ему самому необходимо — земли Тутраканского княжества. На них у него есть все права.

Флотилия из многочисленных челнов (Святослав решил покорять болгарскую землю с воды) передвигалась к намеченной цели только в тёмное время суток, с особой осторожностью. Таились настолько, что приглушали как могли биения собственных сердец... особенно когда чёлн проплывал мимо берега, с которого доносились людские голоса. В такие минуты гребцы приподнимали вёсла над водой, и челны катились сами собой, с набранной до того скоростью. Тогда даже капли воды, сыпавшиеся с сырых вёсел, казались громовыми ударами... Голоса на берегу стихали, и вёсла, словно зажавшись своего часа, вновь врзались в толщу тёмной воды. Разговаривать разрешалось только днём, когда, схоронивши челны по затонам и затокам, в густых ситниках или камышах, люди выходили на берег и готовили пищу, молились оберегам, приводили в порядок доспехи и оружие, готовили всё необходимое для дальнейшего похода.

— Далече ли до цели, княже? — спрашивали у Святослава особенно любопытные.

— Чем ближе подплывём к Переяславцу — тем больше из нас останется в живых... — отвечал князь.

И снова воцарялась настороженная, тревожная тишина. Привыкшие к ночному безмолвию, люди и днём скупались на слова и делали свои дела молчком. Потом была пища, а за ней заслуженный сон. И только глаза зорких сторожевых не запахились ни на мгновение: земля чужая, и неизвестно, чего от неё ждать, кто затаился за ближайшим кустом — поди знай. Вся надежда на наитие, посредством которого общается с воинами Судьба.

...Так нападает барс, раззадоренный, раздражённый, распекаемый страстью и измученный долгими приготовлениями к главному броску. Святослав делал расчёт: под покровом густого предраассветного тумана подкрасться к спящему лагерю противника. И — бросок!

Ничего не подозревавшие, застигнутые врасплох болгары, просыпаясь

уже на ходу, рассыпались в разные стороны, бросая на бегу оружие и доспехи. Перехитрил князь Святослав — недаром слава о нём разошлась по свету, и одно упоминание его имени наводит страх и на ромеев, и на печенегов, и на древлян...

Вот теперь настала очередь и болгар. Они мечутся по берегу в исподнем на глазах у торжествующих русов. Судьба на стороне дружинников князя Святослава.

Победа!

Теперь можно было спокойно добраться до Переяславца на Дунае — путь к нему, а значит, и к новой самостоятельной жизни для Святослава был свободен. До желанного места в болгарской стороне — рукой подать. Хорошо! И солнце ярко и приветливо светит. Тоже хорошо! И всё, казалось бы, было кругом князя Святослава хорошо. Но почему же он такой грустный и явно недоволен собой? “В чём дело?” — задавали вопрос каждый себе и друг другу участники боевого похода.

Разгадка пришла сама собой. Вечером у костра Святослав открыл свои думы дружине:

— Больше таких побед мне не надо. Не пристало русам нападать на беспомощных. Сражаться следует на равных. Невелико умение — напасть на спящих людей. Будто коварный, бесчестный тать... Тать — ночная тварь. И я вот расписался в своём коварстве и подлости. Невелика слава расправляться со спящими... Надо постигать военное искусство! А мать узнает, подумает — не воины, нет — чистые звери. Те тоже промышляют по ночам. Вообще, чем тварь подлее, тем больше ей необходим покров ночи. Наверное, у печенегов такие тёмные лица, потому что их ночь выкрасила. По их делам и цвет. А как же мы отважились на несправедное дело? Очень хотелось победы? Да разве ж это оправдание?

Устроившись в Переяславце, князь Святослав был бы счастлив и спокоен, если бы не послания с Киевской земли.

“...Ты, княже, чюжея земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабив (оставил), малы бы нас не взяша печенези и мать твою и дети твои; Аще не поидеши и блюдеши, ни оборониши нас, да паки ны возмуть, аще ты не жаль отчины своя, ни матери стары суца, и детей своих...”

Или вот такое:

“...чужих ища, своя погуби”.

“Погреб (похоронив) мя, иди куда хоцещи...”. То было послание матери. Святослав отзывался на материнские призывы.

II

Святослав подошёл к матери. Ничуть не смущён, решителен и прям во взоре:

— Наслышан о твоих походах в народ, о твоих рассказах простым людям о преимуществах твоей веры.

Ольга согласно кивнула: что ж отрицать очевидное и хорошо всем известное.

Сын продолжил, показывая матери рукой на простирившуюся перед ними тропинку, на которую они вышли из княжеского терема.

— А рассказываешь ли ты простым людям, что языческая вера научила их общению с природой? Люди погружены в простую жизнь, какая устанавливается самой матерью природой. Человек любит природу и одновременно боится её. Человек ждёт восхода Солнца и очень рад, когда оно восходит... Разве ж не хороша та жизнь, в которой всё светло и понятно? Да неужели же наскучило Солнце Боженькой называть? Да большинство из произносимых нами слов напоены солнечным светом. А ты хочешь выскоблить из языка этот свет. Да ты понимаешь, на что ты замахнулась?

Ольга стояла перед взволнованным сыном, словно виноватая школьница перед строгим учителем. Это ведь не первый был разговор на колючую тему. Так и на этот раз последовал тяжёлый вздох матери:

— Пора учиться строить отношения не только с природой, но и друг с другом... Нельзя идти к матери природе с нечистым сердцем. Рано или поздно природа отвернётся от человека, не наполнившего душу покорностью и терпением. Где этому учиться, а? У кого? — Теперь уже Ольга строго вопрошала сына: — Не у самой же природы. Хотя она и преподносит лучшие образцы отношения к себе и к людям, но каждый ли разглядит эти наставления? Лучше христианской веры для этого ничего не придумать. Я в этом твёрдо убеждена. Человек — высшее творение Бога. И лучшая книга наставлений — Евангелие... Чем и как встречать новорожденного. Чему наставлять взрослеющего дитя. Как без отчаяния и тяжёлых сомнений прожить человеку лучшие свои годы. Чем облегчить свои каждодневные труды. Что выбрать для радости и веселья. Как обратиться к Богу в трудные минуты недуга и хворей, как телесных, так и душевных. Как правильно построить семейный очаг. Содержать хозяйство. Как содержать тело своё, душу и сердце в чистоте и опрятности... Кого называть другом, а кого врагом, и что необходимо делать со своим врагом, с врагом отечества, с врагом Бога. Как почитать родителя своего и ближнего. Какими силами бороться с искушением.

Святослав слушал мать со вниманием. Потом они расходились каждый по своим делам. Оставаясь каждый при своём.

“И чего упрямится? — досадовала Ольга. — Язычество показало, на какие жертвы мы готовы ради богов, христианство — на какие жертвы боги готовы ради людей”.

Ольга с огорчением вспоминала, с каким рвением Святослав рвался каждый раз из дома на сражения, на жестокие битвы. Выходит, на полях сражений, где в любую минуту он мог погибнуть от вражеского меча, ему лучше, чем в родном доме, рядом с матерью. И уж совсем последнее дело: узнавать от людей, не от самого сына, что у него большая семья, что последний сын — Владимир — прижит им на стороне от служанки-ключницы хазарского происхождения. В другие бы времена это ничего не значило, но сейчас, когда хазары на глазах у всех переродились, приняли иудейскую веру и озлобились на весь белый свет, решение Ольги было твёрдым: “Сослать соблазнительницу в сельцо Будотино на покаяние. С ней — с блудницей — сын её преступает заповеди!”

Княгине Ольге хотелось бы не от людей, а самой услышать от сына о ходе переговоров с вызванным из Европы православным священником, на хвалёное усердие которого переманивать людей из одной веры в другую княгиня возлагала большие надежды. Прибыл известный человек — немец Адальберг. Кто же не знает уверенного в своих победах миссионера Адальберга! Но и он, как сказывают, не продержался и нескольких минут. Говорят, что спора даже не случилось, потому что Святослав, всего повидавший в своей бурной воинской жизни, сразу спросил знаменитость:

— Какая есть необходимость в том, чтобы собирать разных людей в обезличенное стадо? Понимаешь ли ты, на какой опасный путь вы нас толкаете?

После таких слов Святослава Адальберг резко развернулся на высоких каблуках (был невысокого роста и, как все низкорослые, обидчив сверх меры) и покинул место несостоявшихся споров. Святослав сразил вдогонку латинянина издёвкой:

— Как можно проповедовать христианские истины человеку с именем, в котором присутствует “ад”?

Барс-Святослав, и на этот раз одержав победу, раздумчиво спросил себя: “Сменить веру? Да меня и дружина не поймёт. Того и гляди — на смех подымут. Ещё чего не хватало!” А ещё подумалось князю, глядя вслед поспешно удалявшемуся “святيله”: “Почему бы христианам не поставить своего идола среди наших языческих богов в капищах и молиться своему богу вместе с нами? Почему они этого не хотят? Ведь это было бы по-людски, по-братски. Это сплотило бы людей разной веры. Особенно там, где без такого единения не обойтись — в боях, в походах. Так ведь не хотят. Им подавай всё, или они станут добиваться своего силой, казнями и кознями...”

Святослав всё реже появлялся в Киеве. Жил почти безвыездно в любимом Переяславце на Дунае и считал после своих завоеваний этот городишко

настоящим центром славянских земель, простиравшихся чуть ли не от стен Царь-града до Новгорода и до самых восточных окраин — до Хазарского каганата и Дикой степи.

“Всех утихомирил, — думал Святослав. — Отбил охоту зариться на русские земли... После стольких походов даже печенеги теперь мирные. И кривичам досталось. Так что на Руси всё спокойно. Спасибо тебе, Перун! Слава тебе! Теперь место моё в новой столице — Переяславце Дунайском. Отсюда я и начну строить новую русскую державу на глазах у изумлённой Византии. А станет мешать — превратится в щебень...”

Однако из Киева шла депеша. И снова: “чужих ища, своя погуби”. И снова Святослав предстал перед матерью:

— Ты всё о своём Боге, которого око недозрит, ум недомыслит? Ты всё про свой рай? Там всё правильно. Нет ни зла, ни нечисти...

Княгиня Ольга перебила сына:

— Хазары стали часто надоедать. Не столько грабежами, сколько унижениями. Попрёки оскорбительные, укоризны. Русов гоями называют, то есть и не люди вовсе.

— Гоями? — переспросил Святослав. Сдвинул от негодования густые брови к переносице.

В голове у Святослава сам собой выстраивался план: “Все три ряда войск хазарского бека Иосифа пробью секироносцами. Слева и справа от них поставлю ряды пещцев со щитами, а по окрыльям пойдут конники; справа — росы, слева — печенеги. Секироносцы на самом острие русского “клина” сметут хазарскую конницу, а в борьбе “грудь на грудь” мои одолеют любого”.

В нём опять проснулся барс.

12

Али и его сотоварищи-рахдониты взяли себе в соучастники тёмную ночь, ставшую им надёжной подругой в походах.

Ветки хлещут их по щекам, пугают ночные птицы, земля подставляет им под ноги колдобины и провалы, скользкие останки деревьев и окаменевшие пни. Видать, сама природа-мать препятствует тому, что задумали продвигающиеся в безлунной ночи свергающие хищными глазами люди. И шарахается всё живое от них в разные стороны, уступает им дорогу. Филины срываются во тьму, ухают в потёмки, освобождая путь сильным мира тёмного...

Потянуло человеческим жильём. Ещё и ещё раз втягивали терпкий воздух хищники, наостряли уши, прислушиваясь к каждому звуку. Подошли к бревенчатому дому, обнесённому высоким плетнём. Вошли бесшумно во двор: калитка не заперта. “Ох, уж эти русы! Когда они научатся жить по-человечески...” Хищники, не видя друг друга, улыбнулись кривыми улыбками. Теперь — за дело.

Двери в сени также не были заперты на засовы. Снова на лицах — зловещие улыбочки: “Будто сами приглашают к себе в дом. Знали бы они, сколько стоит их красавица дочь... А им, гоям, всё равно. Заходите, берите, люди добрые...”

Добрые и недобрые — все входят в дом одинаково. Поди разберись. Хозяйка не успела и рта раскрыть, как оказалась связанной по рукам и ногам, с тряпкой во рту. Вот и хозяин на полу, связанный и безголовый — с кляпом. А вот в руках хищников изворачивается их дочь. Они слышали про такое злодейство, про похищения людей хазарами, но никогда предположить не могли, что это коснётся их семьи.

Лиходеи действовали стремительно. Наторевший в деле Али ловко скрутил пленницу, подхватил на плечо и вынес прочь из дому — в ночь... Али и не думал, что в ту же ночь такой же рахдонит подхватит на плечо связанную по рукам и ногам девушку по имени Красава.

Али был не единственным, кто полюбил ночь и взял её в соучастники.

Прибывавшие из стана врага разведчики приносили новые, обескураживавшие сведения. Разведчики говорили о полном упадке новоиспечённой “нации”.

— Как ты считаешь, Угрим? — спросил Святослав, кивая широкоплечему русому воину. — Ты у нас краснослов. В чём тут дело?

— Добрых когда-то воинов поела ржа иудейства. Они нынче обобраны иудейскими законёрщиками до нитки. Чтобы хоть как-то прокормиться, они пустились во все тяжкие. Правители обложили их налогами, поборами: вышел за дверь собственного дома — заплати, вернулся — опять плати... Суды бездействуют. Даже если ты прав, никогда этого не докажешь, а если и докажешь, тебе за это жестоко отомстят. У власти всегда наготове большой мешок для сбора разных податей. Что им “с дыма по голубю”. Теперь им подавай “с плуга по девице”, а то и — “с плуга по мечу”, чтоб, если что, и защититься было нечем. Вот на всех дорогах и лютуют любители лёгкой наживы. — Говоривший сочувственно посмотрел в сторону Хазарии, продолжил: — Никто из тех, кто был послан к хазарам изучать, как ведётся воинская подготовка, не могли отыскать ни одного лагеря. Всё быльём поросло. Не воинской учёбой заняты их головы.

— Что скажешь ты, Радислав? — продолжал расспрашивать лазутчиков князь.

Радислав отвечал быстро и коротко:

— Кто их просил быть столь легковёрными? Зачем они так бездумно позволяют рушить мечети и строить на их месте синагоги? Нечестивцы они...

— Пока я жив, клянусь Перуном, — сказал Святослав, — не бывать такому на русской земле... Закончится ущербная луна, и выступим. Жаль только, что невинных жертв будет много. — А потом добавил, не скрывая раздражения: — Самое время поквитаться с хазарами за их коварство по отношению к русам. Не они ли перебили всех наших братьев, возвращавшихся с богатой добычей из Каспийского похода?.. Мы нападём там, где нас никто не ждёт. Мы не пойдём ни на Саркел, ни на Белую Вежу, где сосредоточены лучшие силы наёмников. Пойдём на север к буртасам и волжским булгарам, которые с радостью присоединятся к нам, потому что у них к хазарам давние счёты. Даже печенегов восстановили против себя новоиспечённые иудеи.

...По дороге в войско князя Святослава вливались всё новые и новые силы. То одиночки, недовольные страшным нашествием иудеев, то целые семьи, а то и поселения, посады, слободы целиком. Это шёл в княжеское войско простой люд. Ещё больше прибавлялось людей из земель, соседних с иудейской Хазарией. Ни кривичи, ни поляне, ни вятичи, ни волжские булгары, ни буртасы, в недавнем прошлом добрые соседи бывшей Хазарии, связанные с ней промыслами, торговлей, менами да и просто семейными узами, не хотели больше терпеть оскорбительных унижений от иудейской Хазарии.

Расчёт князя Святослава оправдался полностью. Начав боевой поход с севера, со стороны волжских булгар и буртасов, которые с радостью вступили в ополчение, князь следом приобрёл союзников кривичей, тиверцев, меря...

Со своим войском Святослав начал отгеснять так называемые хазарские войска к морю. Он не производил при этом никаких кровавых действий. Не слышно было ни шуршания летящих стрел, ни звона мечей, ни грохота колесниц, ни даже возбуждённого лошадиного храпа — всё было настолько спокойно и не похоже на войну, что люди с той и другой стороны приближались порой на расстояние вытянутой руки и переговаривались друг с другом.

— Давайте бой! — кричали с хазарской стороны. — Мы ненавидим вас!

— Так уж и ненавидите? — отвечали с русской стороны.

— Супротив друг друга стоим — значит, ненавидим.

— Не велено вас бить. Сам великий князь Святослав распорядился. А насчёт того, что ненавидите — так мы про то давно знаем. Только бросьте валять дурака. Лучше переходите на нашу сторону, потому что гнать вас

будем до самого Каспия. А вам даже поесть нечего. Давайте для начала идите к нашим кухням.

И бывшие иудеи махали руками, переглядывались друг с другом, а потом направлялись, голодные, к походным кухням в воинстве русов под одобрительные похлопывания и дружественные улыбки...

— Ешьте, ешьте, — говорили им бывшие добрые соседи, облачённые сейчас в воинские одежды войска Святослава. — Ешьте на здоровье. А там, глядишь, и в баньку вас сводим. Отмоем от иудейской веры...

По мере того, как противостоящие стороны договаривались на передних рубежах, в глубине иудейского войска происходили перемещения, расслоения и перестановки. Те, кто успел замарать руки в крови русов, поспешили уйти внутрь — поближе к иудейскому “ядру”; другие же, готовые раскаяться, молча направлялись совсем в другую — вражескую сторону, надеясь на снисхождение князя.

Скоро разделение хазар завершилось. Люди поняли, с кем им по пути, с кем — нет. Кто-то оставался в русском ополчении, кто-то возвращался к своим родным, к своему дому, к своему делу.

Замыслы, подсказанные богами Святославу, воплощались у него на глазах и вели к справедливому возмездию. После одного из ночных переходов русским войскам открылась затуманенная лёгкой дымкой даль и в ней Итиль — одна из столиц Хазарии. До Каспия оставалось совсем немного. Отважный Святослав всё явственнее чувствовал долгожданный запах солёных ветров, запах моря.

Для врага замыслы Святослава оставались загадкой. Вот уже море рядом. Что задумал русский князь? Иудеев вводило в панику обстоятельство, что у берегов моря не видать судов. Они надеялись договориться со Святославом, откупиться — вот и не озаботились заранее средствами для спасения. Кто ж думал, что до такого дойдёт, ведь столько золота в руках, а перед золотом целые крепости падают... Значит, Святослав захочет отнять у них золото...

Наконец, на врага двинулись воины с копьями, с луками, с обоюдоострыми мечами. Застоявшиеся было лошади дружно всхрапнули, зафыркали, предчувствуя привычную работу, и понеслись в опор.

— Дайте мне посчитаться с поганцами! — раздался над войском крик воина с седой головой. — За всех наших дочек! За мою Красаву!

Впервые за всю историю многочисленных битв князь Святослав направил коня в самую гущу сражения не для того, чтобы своим примером заразить воинов и победить врага, а, наоборот, чтобы унять льющийся через край народный гнев. Но людей, метивших врагу за поруганную честь, остановить было невозможно — их гнев был неукротим.

Лишь единицы иудеев уцелели на этом страшном берегу. Святослав подъехал к одному из таких. Его лицо было бледным, отрешённым. Губы шевелились, должно быть, он шептал молитву.

— Как тебя звать? — спросил князь.

Человек поднял тяжёлые веки, и на князя взглянули полные ненависти глаза.

— Меня зовут Али.

Князь понял, что перед ним переродившийся мусульманин.

— Да ты, как я посмотрю, больше иудей, чем они... — кивнул Святослав на поверженное иудейское войско.

— Да, я иудей. Я верую в нашего бога... Я не отрекаюсь... Мы ещё отомстим вам... Будьте вы все прокляты...

Святослав, обращаясь к своим соратникам, указал на пленного Али:

— Этот человек нам нужен. Он свидетель боя. Пусть именно он, не разувверившийся перед лицом смерти, расскажет всем, что нет больше на свете исключительных людей...

— Мы наслём на вас чуму безверия, — злобно шепнул помилованный пленник.

Святослав спешил к умирающей матери “на последний погляд”. Накануне прискакал от неё гонец, запаливший не одну лошадь — торопился, дабы сыну удалось свидеться с княгиней. И сейчас на своём скорбном пути Святослав обращался к всемогущим богам, просил их об одном — о последнем свидании с самым родным человеком.

Только сейчас, под тяжестью поздних прозрений и раскаяний, Святослав обращал всё больше внимания на попадавшиеся новые церкви, церквушки, церковки. И тем больше было православных крестов над куполами, чем ближе стольный град Киев.

“А ведь это материных рук дело! — думал Святослав, разглядывая очередную белокаменную церковку, устроившуюся на взлобке холма, сверкающую на солнце крестом. — Похожа на ребёнка в белых одеждах... Красиво!” Но тут же пришла на память угрожающая фраза оживившегося тюрка: “Мы нашьём на вас чуму безверия... Значит, он считает, безверие — самое страшное на земле?”

Наконец и Киев. Высокий земляной вал. Улица. Бабино торжище. Материн дом... Терем, на стенах разноцветная черепица.

Бывший волхв Стезя, облачённый нынче в священнические одежды, — он стал настоятелем первой на Руси православной церкви, построенной в честь святого Ильи Громовника, — встретил Святослава на ступенях терема. Сдержанными жестами поторопил Святослава — скорее к матери.

Окна в горнице матери занавешены. В красном углу под иконами в золотых окладах горят многочисленные свечи. Святослав узнал и подаренную матери странником иконку, которую она особенно берегла. “С неё всё и началось”, — говорила она не раз.

— Мамушка... — Святослав подошел к матери, лежавшей на смертном одре.

Ольга, пересиливая боль, улыбнулась сыну. Она всё-таки дождалась его. Теперь у неё была последняя возможность помириться с сыном, простить его, покаяться перед ним. Господь, к которому она все эти томительные часы ожиданий обращала свои молитвы, снизошёл к ней. Ольга и сейчас не забывала благодарить Господа. “Отче наш, иже еси на небесах. Да придет царствие Твое. Да будет воля Твоя”, — безмолвно шептала она.

И матери, и сыну не потребовалось даже слов, чтоб понять друг друга, услышать, облегчить душу покаянием. Желая поправить свисавший на лоб чуб, Святослав потянул руку ко лбу. Ольга глядела на сына, ей показалось, что он собирается перекреститься. С последней радостью она проговорила:

— Пр-равильно, сынок. Хочешь перекреститься — начинай со лба...

Княгиня Ольга навсегда закрыла очи.

Святослав зашел в покои усопшей матери. Здесь мать проводила последние дни. Он подошёл к столу, на котором лежала раскрытая книга. Святослав побежал глазами по строчкам: “...помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей и по множеству щедрот твоих очисти беззакония мои...” Он заворожённо читал и удивлялся: насколько прочитанные им слова подходили для обращения к его богам! Насколько точно были подобраны они и насколько полно выразили бы его обращение и к Перуну, и к Роду, и Дажьдбогу...

И еще одна запись в раскрытой книге на столе поразила Святослава. Запись была сделана рукой матери. “...пыл, содейвающий взрослому юношею и дитятею старца преобразующий, обыкновенную душу в душу очарованную, изо всех сил стремящуюся преобразить мир в лучшую сторону. Таких людей кидают в огонь. Отдают на пытки, загораживаются ими, когда прихлынет враг. А они, выйдя из тюрем и узниц, униженные, обруганные, упорно, паки и паки, спасают страну и снова по мановению надобности ввергаются в затворы и тюрьмы. Ибо в мирном бытии империи они неудобны и даже страшны...” А в самом низу страницы подчёркнутое несколькими линиями: “Господь и намерения лобзает”.

Святославу показалось, что всё, что он прочитал сейчас, относится и к нему. И пусть он пока не понимает до конца смысла написанного, но не зря

же приглянулись слова матери... А смысл этих слов рано или поздно откроется ему — люди помогут, жизнь подскажет, сердце услышит.

— Как ты думаешь, Стезя, что о нас скажут будущие люди? Которые придут после нас? Обо мне? О матери?

— Скорее всего, ничего хорошего. Или только плохое, — отвечал глубокомысленно Стезя. — Вы с матерью — первые, значит избранные. Твоя мать привела на Русь новую веру и постояла за неё. Тебя люди зовут Барсом, потому что ты первый, лучший воин. Но кому-то очень захочется встать рядом с вами. Слава и почёт первых чаще всего достается вторым, третьим.

Святослав испытывал угрызения совести: не всегда соглашался, не всегда доверял матери. От родного дома отстранился, избегал, как ему тогда казалось, бессмысленных споров о вере. “Надо было совсем не так вести себя с матерью”. Святослав опускал повинную голову и каялся, каялся. Как истинный христианин...

Снова заговорил Стезя, материн духовник:

— Случится идти на Царь-град — помни... Ты можешь разрушить главный город христианской веры, но ты не разрушишь его в головах и сердцах верующих христиан. Человек так устроен, что он всегда будет жалеть битого и ещё крепче утвердится в своей вере. Ты великий воин. Люди прониклись к тебе уважением. Но никогда не трогай чужих святынь...

15

В то раннее утро Святослав сквозь пелену тяжёлого сна услышал негромкие голоса людей, явно не принадлежавших к его окружению. Он вышел из княжеского шатра. Со стороны Днепра тянуло свежестью. Шум же, поднявший его с толстины, объяснялся просто: водой пришли незнакомые люди. Теперь они хлопотали перед открывшимися порогами, суетились, что-то обсуждали. По всему было видно, что делали они это не в первый раз.

“Рахдониты”, — определил Святослав.

Занятые своим делом, люди не замечали наблюдавшего за ними князя, препровождали свои ладьи через камыши в ближайшую затоку. В утреннем тумане они, должно быть, не видели и лагеря князя.

Вдруг, словно видение, среди людей, одетых в чёрное, появилась прекрасная юная дева. Лицо её было открыто и грустно, волосы собраны в тугой узел золотистыми косами на затылке, взор понур. Росту она казалась чуть ли не выше самого князя. Статная, прямая. И шла в утреннем тумане мягко, неслышно, будто плыла по воздуху.

Святослав невольно тряхнул головой: то видение или нет? Нет! Дева не была видением. Да неужто придётся сразиться с самим Богом, чтобы завоевать её? Святослав стоял зачарованный. Кто она такая?

Следом за ней шли другие женщины с опущенными головами.

“Да то ж пленницы! Рахдониты гонят русских красавиц в Венецию. На продажу...”

Из приставших к берегу ладей разбойники с нашитыми на рукавах шестиконечными звёздами выгоняли женщин-рабынь на берег. Ладьи волоком перетаскивались через порожистое мелководье. Потом пленниц снова загонят в ладьи, чтобы сплавляться по реке дальше. Устроить разбойникам бой — но у Святослава слишком мала дружина, почти все воины ушли куда со Свенельдом. Но в Святославе проснулся барс. Он ни за что не отдаст Деву в рабство!

Он прокрался по лесу, к густым зарослям опушки. Выждал миг. И как дикий зверь метнулся к толпе пленниц, выхватил среди них одну, избранницу! Крики, брань, погоня рахдонитов. Но след барса уже простыл... Кража пленниц — дело обычное: этим делом любили промышлять печенег, да и для разбойников невелико горе: одной рабыней меньше, одной больше. Надо двигаться вперед, к торжищу.

Добыча барса и впрямь оказалась несказанно хороша. Похитителя своего она не испугалась и была с ним естественно проста и открыта.

— Как звать тебя? — спросил Святослав деву.

— Не знаю, — отозвалась она, улыбнувшись кротко своему освободителю.

Теперь часто Святослав сидел напротив неё и слушал, как она пела любимую песню. Она выводила незатейливый мотив, прикрывая веки, наслаждаясь словами-звуками, передававшими непростое чувство.

*Ты спросил бы меня,
Чьего я роду, чьего племени?
Я роду ни большого, ни малого:
Мне матушка — красна Солнушка,
А батюшка — светёл Месяц,
Братцы у меня — часты Звёздушки,
А сестрицы — белы Зорюшки...*

А окончив петь, она улыбалась Святославу и проводила трепетной рукой по его лицу, по его плечам. Он прижимал её мягкую ладонь к своим губам, крепко обнимал певунью. Она прижималась к нему всем пылающим телом, будто желала навсегда прильнуть, раствориться в князе-спасителе. Но иногда дева в его объятиях вдруг начинала плакать, рыдать, испуганно отшатывалась от Святослава. Когда она плакала, сердце князя рвалось на части.

Прибывший в лагерь князя знахарь сказал, что состояние это вызвано у девушки рабством. Перед тем, как славянских красавиц сдать в Венецию — в центр работорговли, их основательно обрабатывали колдуны, поили зельем. Наложницы должны были напрочь забыть о своём прошлом. Снять злую ворожбу с пленницы может только тот, кто навёл эту ворожбу на красавицу деву. Ведьмин круг замыкается, и не найти, не отыскать виноватого в том, что дева, сидящая перед Святославом в походном шатре, отвечает на любые его вопросы, кроме самых главных: откуда она родом, кто её родители и, наконец, как её зовут.

Она и улыбается раздосадованному князю, и готова снова и снова ласкать его, но он печален, просит знахаря снять с возлюбленной чёрный наговор. Знахарь старается изо всех сил. В который раз произносит над головой девы заговор:

— Летит птица за моря, бежит зверь за леса, бежит дерево в дерево, мать земля в свою мать землю...

Князь с надеждой всматривался в лицо девы, но не находил в нём обнадеживающих перемен. Не помогли заговоры знахаря.

— Время — лучший лекарь, — сказал знахарь и откланялся князю.

Святослав внимательно глядел на деву-возлюбленную. А что, если у неё есть любимый человек, который разыскивает свою прекрасную избранницу? Может быть, он уже и на верном пути? Святослав даже испугался этой мысли. Что-то было в ней ошеломительное и истинное...

Время шло. Минула разноцветная осень, пала на мир зима; прошла перед глазами и она с оснеженными землёй и небом, с холодами... Первой капелью постучалась весна. В княжеском шатре не стихали слова заговора, предписанного знахарем. И князь, и дева произносили их на два голоса:

— Летит птица за моря, бежит зверь за леса, бежит дерево в дерево, мать земля в свою мать землю, железо в свою мать руду, так бы чёрная немочь бежала в свою мать тартарары...

— Как же всё-таки тебя зовут? — в тысячный раз спросил Святослав свою возлюбленную.

Дева опустила прекрасный взор:

— Разве не говорила тебе? — услышал он неожиданный ответ.

— Ну и как же?

— Красава меня зовут, Красава. Ты столько живёшь со мной рядом, поишь, кормишь меня и ни разу не спросил даже... А ведь ты очень добрый... На глаза князя выступили слезы долгожданной радости.

Весна вступила в права. Река взорвалась и пугающим, и приводившим в восторг ледоходом. Особое внимание Святослава привлекла берёзовая рощица на берегу реки. Верхушки деревьев даже при лёгком дуновении свежее-

го весеннего ветра заводили разговоры, перешёптывались меж собой и с самими небесами... В этом символическом единении виделось князю сравнение простых на вид, скромных белоствольных деревьев с самой Русью. “Это Русь, как эти берёзы, осуществляет высшее предназначение — соединять земное с небесным, простое — с горним... Поредет роща, и ослабнет эта кровная связь... Хранить надо Русь. Всеми силами оберегать! И рощицу эту белоствольную...”

16

По ранней, залитой туманом заре князь стоял и глядел на родной Днепр, на красавицы берёзы. Сердце переполняла радость за проснувшуюся от беспомысленства Красаву. И вот посреди радости пришло Святославу видение. Будто здесь, на этих перуных порогах, у покрытого, словно тайной, туманом Днепра, сам Перун и Один берут его на руки. Берут осторожно, как любимого сына, и поднимают его всё выше и выше. И вот уж купол неба близок, а Святослав всё поднимается над землёй.

И тут Святослав видит, как в рассеивающемся тумане показалась церковь. По всем приметам — Ильи Пророка. Которую мать построила. Купола синие, в белых звёздах. Кресты над куполами поймали первые солнечные лучи и сверкают ослепительным блеском.

Перун с Одним поднесли Святослава на своих руках ближе к храму, в окнах церкви стали видны находившиеся там люди, много людей. Священник перед ними читает молитву. Горят многочисленные свечи.

В священнике Святослав разглядел Стезю! Он служит службу. Стезя ходит перед алтарём, сильным, густым голосом вещает:

— Помните заступницу нашу княгиню Ольгу!

Тут видение отошло. Видать, могучие силы Перуна и Одина истощились... И вдруг сзади на Святослава обрушился сильный, болючий удар. Первый — огневой, пронзительный. Следом — второй, ещё более жестокий. Смертельные ножевые удары в спину наносили два человека. Они подло добрались к Святославу, когда он блаженствовал в своем радостном видении, и теперь будто два шакала, добравшиеся до раненого барса, ликовали и ещё сильнее и глубже убивали князя своими ножами.

— Будь ты проклят! — предсмертно услышал Святослав голос за спиной. Он узнал этот голос. Он узнал бы этот голос из тысячи. Это он, голос за спиной, прошипел однажды: “Мы наплём на вас чуму безверия...”

Святослав собрал все силы, чтобы обернуться и в лицо увидеть нападавших. Он обернулся, но так и не разглядел, кто был вторым. Он только с ужасом в последний момент понял, что это была женщина. Святослав так и умер, не опознав второго мстителя. Безжизненно он повалился навзничь и навсегда замер от хазарских ножей близ родного Днепра. Блик восходящего солнца застыл в его глазах.

Всеми свидетельница, русская песня-заплачка, очевидица и сострадалица, пустила по свету обжигающие слова:

*Тогда Святослав воззрел на солнце,
В последний раз вздохнул он и рухнул как дуб...*

На суку старого дуба сидит старый чёрный ворон. Он слишком много повидал на своём веку. Но он не в силах говорить человеческим языком. “Карр! Карр!” — вот и всё, чем он может предупредить людей... А по Днепру в сторону Хортицы и Царь-града снова плывут ладьи. Первая — княжеская...

Время идёт неумолимо. И вот уже накатывает пора снова подсекать берёзы.

ВИКТОР БРОНШТЕЙН

“СВОЮ ПЕЧАЛЬ НЕСУ...”

ПОМИНАЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Г. М. Гайде

Как будто океан приоткрывал нам душу,
Рыдал орган в твой поминальный день.
С подлодочных глубин ты выходил на сушу
И возвращал в стихах друзей погибших тень.

Как путник поспешал на тризну и на праздник,
Где жизни нерв горит без грима и прикрас,
Так на огонь к себе, осиротевший ратник,
Свою печаль несусь, сгорая каждый раз.

Вела нас всех любовь в пургу, через сугробы,
Как будто бы к Христу его учеников.
В уютненьких авто посмеивались снобы,
Губители тобой возделанных ростков.

Ты музыкой стихов, подобно баррикадам,
Отцовскую страну укрыл от той, другой,
Что брызжет день и ночь густым экранным ядом,
Сгибая всех, кто слаб, предательской рукой.

БРОНШТЕЙН Виктор Владимирович родился в 1951 г. в Иркутске. Учился в Политехническом институте, издал несколько поэтических сборников, постоянный автор журнала.

Казалось, океан твою вернул нам душу,
Услышав скрипки стон сквозь поминальный день.
Не чокаясь, слезой мы разгоняли стужу,
Качалась на волнах твоих проулков тень.

* * *

Как мрачны родины картины,
И тень всё гуще на стене...
Мы в равнодушии повинны,
И нет России половины,
И даже Крым в чужой стране!
Сквозь окна небо смотрит хмуро,
Иконам сирот без свечей,
А на душе всё серо-буро;
Страна — шагреновая шкура,
И карта — как карикатура,
После работы палачей.

РУССКАЯ

В глуши ночной стал нимб расти
Над гребнем гор, покрытых снегом.
Быть может, Бог идёт спасти
Нас, повреждённых блудным веком.

И разом скопище грехов
Вдруг обожгло мне душу вспышкой.
Дул ветер словно из мехов,
Ударил страх мне в грудь одышкой.

Но бросилась спасать меня —
Лишь та, кого пред небом предал.
Я, одного себя виня,
Свой главный грех Творцу поведал.

Всю боль испившая до дна,
Пока в хмельной я плавал пене,
Молила Бога лишь она,
Чтоб не гореть мне век в геенне.

Господь был тронут ли мольбой,
Её ль порыву изумился?
Нимб стал торжественной луной...
В ту ночь с гульбой я распростился.

* * *

Полине

Не прогоняйте из души
Людей, с кем скудный хлеб делили,
Считали в юности гроши,
С кем близки ваши малыши,
Кому огонь любви дарили!
Пусть православное “прости”
Не только вслед венкам сияет:
И можно злобу отвести,
И дружбу, и любовь спасти!
Гордины лёд в объятых тает...

* * *

Порою жизнь не весела,
Однообразна и уныла...
Ты в косы ленты заплела
И грусть улыбкой погасила.

Как удалось тебе спасти
Свой светлый взор от злой напасти,
Рукою слабой отвести
Всепожирающие страсти?

И праздничным и хмурым днем
Твой взор по-ангельски сияет.
Он радость в сердце воскрешает,
Как будто чудо Пасхи в нём.

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ

ВОСХОЖДЕНИЕ

ПОВЕСТЬ-ПРИТЧА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

У Синь наконец-то вернулся домой. Пять лет службы на чужбине, пять лет! И вот — во всем своем великолепии весна возвращения. Все цело, благоухало. От запаха буйной зелени слегка кружилась голова.

Постаревшие родители, возмужавшие сестра с братом радостно встретили его. До поздней ночи сидели за разговорами, наговориться не могли. Столько накопилось за эти годы! Деревенских новостей было великое множество. Кто умер, у кого дети родились, у кого свадьба. Из сверстников и на год — на два младше-старше кто куда подался, кого призвали, как в свое время и его, на службу, кого на принудительные работы.

Между новостями родные, гордые его успехами, расспрашивали о службе, о заставе, каким чудом он попал в ряды пограничников — недосягаемой элиты армии.

Он рассказал о генерале Дин Хуне, его преемнике Инь Си, великом мудреце Лао-Цзы и, конечно, же о своем самом близком друге Дин Лю. О заставе Саньгуань, защите крепости, о поездке в Хунские степи.

Тут впервые осенило его странное щемящее чувство утраты или сожаления по утраченному. Вначале он не мог понять, что это. Теперь издалека все

ЛУГИНОВ Николай Алексеевич — народный писатель Якутии, родился в 1948 году. Окончил физико-математический факультет Якутского государственного университета и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького. Секретарь правления Союза писателей России, член Президентского Совета Республики Саха (Якутия). Автор повестей “Роцца Нуоралджыма”, “Песня белых журавлей”, “Дом над речкой”, рассказов и пьес. Живёт в Якутске.

показалось иначе. Намного лучше, даже возвышеннее, чем было на самом деле. А застава Саньгуань, если вдуматься всерьез, была, оказывается, обителью избранных. А он, каким-то чудом допущенный туда, взял и бросил все, ушел в никуда. Как его уговаривал остаться Инь Си! Водил с собой в какую-то темную комнату, в которой У Синь ничего не понял.

Впервые в душе зашевелилось пока еще легкое, не осознанное до конца подобие сожаления об отказе от службы. Он очень удивился, ведь служба казалась ему настолько принудительной и нежеланной, что и думать о ее продолжении тогда показалось бы дико.

* * *

Назавтра, прямо с утра У Синь впрягся в весенние полевые работы. Ремонтировали регулируемые заливные поля на горных террасах. Чтобы укрепить их, таскали землю, камень и песок. Работа тяжелая и грязная, но необходимая. Затем, как только подготовили поля, настала пора сажать рис, бобы и еще много чего. Постоянно требовалось напрягаться из последних сил, чтобы успеть: то орошение террас, то спуск воды, то борьба с сорняками. Так продолжалось до первого урожая. Собрали его, но передышки не получилось, надо было начинать новый цикл.

Год выдался удачный, трехурожайный. В разгаре сбора третьего к У Синю приехал друг Дин Лю, получивший отпуск. Радости встречи однополчан предела не было. Но поджимали работы, и Дин Лю принялся помогать.

Говорили на ходу. Если у Дин Лю, выбравшего судьбу служивого, впереди все было ясно, то будущее У Синя было в сумерках. Он еще ничего не успел обдумать. Пришлось рассказывать другу небылицы о том, что решил готовиться сдавать экзамены на чиновничью службу. А что оставалось делать? Говорить о том, что останется тут и всю жизнь посвятит беспросветному крестьянскому труду, он не мог. Было ясно только, что жить так, как живут родители, он не хотел.

После отъезда друга наступили слякотные осенние дни, постепенно перешедшие к зимним. Народ праздновал завершение урожая, радовался, что удалось рассчитаться с долгами и налогами.

У Синь представил свое будущее в этой родной среде и ужаснулся. Вот он скоро женится, заведет свой дом, получит надел, народит детей. Чтобы кормить семью, надо будет всегда вот так надрываться из последних сил. Если, не дай Бог, наступит неурожай, за неуплату налога отнимут сына...

* * *

Истинная суть китайских праздников долгое время оставалась недоступной для хуннов. Медленно вживались они в китайскую среду. Живя не первый век вместе, бок о бок, хунны не понимали главного содержания этих праздников. А оно исходило из того, что жизнь китайского крестьянина была строго зависима от времен года: зима — лето, весна — осень. Большинство праздников обычно приурочивались к зимнему времени. Широта и роскошь этих праздников поражали воображение. В этих праздниках человек вдоволь наслаждался тем, что в обычное время было ему недоступно. Это было обилие всякого изыска, еды, танцев, украшений, гостеваний, разговоров, вообще отдохновения души и тела.

Китаец за эти праздничные дни как бы насыщался всем, о чем, может быть, мечтал целый год. Это было одним из главных источников его долго-терпеливого характера, выносливости и покорности.

Для хуннов же было непонятно даже временное раскрепощение. За многие века они, народ, живущий в суровых степных и горных условиях, почти никогда не расставались с оружием, днем и ночью были начеку. Что касается праздников, вольная жизнь хунна длилась круглый год. Постоянно кочевья, новые открытия, новые просторы давали радость разнообразия впечатлений.

Отсюда была их нетерпимость ко всякого рода ограничениям и запретам, к проявлению малейшего намека посягательства на свободу.

Китайские же законы исходили из требований хозяйственных, бытовых и государственных. Они часто противоречили даже традициям, но народ, проявляя терпение и покорность, подчинялся. Конечно, во всяком деле есть своя мера, своя граница, перейти которую ни в коем случае нельзя, не часто, но бывало, когда оборзевшие чиновники на местах, надеясь на безмерное терпение подданных, доводили их до крайнего состояния — до бунта. У Синь, однажды бывший свидетелем такого бунта, заметил, что бунт чем-то неуловимо напоминал праздничное состояние. Чем именно? Этого ему не понять. Скорее всего, видимо, прежде всего тем, что в этот краткий период зажатый всякими ограничениями, загнанный нуждой несчастный человек наконец-то пытался выпрямиться.

Но это было печальное зрелище.

* * *

Хотя У Синь ничем внешне не проявил свое внутреннее смятение, все же мать каким-то образом чувствовала назревающее в нем решение уйти. Но куда? Она переживала, но молча. Ведь из ухивших из крестьянства мало кто выживал. Большинство пропадало. А тут пусть трудная, но испытанная многими поколениями жизнь.

Еще ничего не свершилось, но мать, изо всех сил пытаясь предотвратить, как ей казалось, роковое решение сына, однажды заговорила с ним...

— Ты еще больше стал похож на отца... Ты почти настоящий китаец, я этого очень хотела, — сказала однажды мать, теребя его темные волосы.

— Но пытливые все равно угадывают во мне хуннское и сразу отстраняются. Почему так? Почему люди так боятся нас и всего хуннского?

— Видимо, потому, что наши слишком много бед свершили. Много проблем из-за нашей нетерпимости, неуступчивости. Поэтому и не доверяют. Это недоверие, возможно, сидит у них в крови, и так они поступают, даже не понимая, не вникая по глубинной памяти... Ээ, сколько мы натворили... Это только Бог и помнит.

— Но одного не пойму... Там, на окраине все, ну почти все имеют хуннскую кровь. Почему человек, более меня похожий на хунна, смотрит на меня голубоватыми глазами с таким недоверием?

— Это сложно сказать. Возможно, он сам пытается освободиться в себе от всего хуннского, которое везде торчит, мешает обыденной жизни... Вот они и буйствуют против себе подобных.

— Но почему?

— Это из области необъяснимого... Многие вещи необъяснимы, ибо корни их уходят вглубь, очень глубоко, в недосыгаемую глубину. Вот эти-то корни питают многие наши метания, странные стремления, несвойственные и часто абсурдные желания.

— Я обрублю эти корни и оторвусь от ненужных мне побуждений... Непредсказуемых, неожиданных.

— Как ты отрубишь? Многие пытались. Не получалось.

— У меня получится, — решительно заявил У Синь.

— По мне, надо просто жить. И не пытаться насильно изменять жизнь и обстоятельства. Надо смириться...— уговаривала мать.

— Смириться?! Никогда! Я буду менять свою жизнь так, как она нужна мне.

— Как, как ты собираешься тогда жить? — с тревогой спросила она.

— Пока не знаю. Но не буду жить так, как вы живете. Хватит терпеть эту нужду, эту зависимость от урожая... От прихотей начальства.

— Сынок, пойми, люди, где бы ты ни был, не могут жить без распорядителей, устроителей жизни. Куда бы ты ни попал — везде будут начальники, требующие что-то от тебя. Всегда надо будет находить с ними общий язык.

ВЫБОР ПУТИ

У Синь понял одно: надо быстрее принять решение. Иначе жизнь зянет как болото, и ты уже никогда из него не выберешься.

Уже заглядывались на него девушки на выданье. Их родители как бы незаметно стали чрезмерно учтивы. Куда это клонится, он скорее чувствовал, чем понимал. Для него это было великой опасностью. Жениться, поддавшись сложившейся ситуации, значит, обречь себя на такое же безысходное существование, какое было у родителей. Он этого решительно не хочет. Но как? Как жить дальше? Пока он отринул два пути: первое — службу на границе, где остался друг, второе — крестьянскую жизнь...

А что третье? Выбора было не так много. Да совсем не было. В нем зрело одно-единственное решение: разбогатеть и тем самым выбиться из безысходной жизни, окружавшей его.

Но каким образом это сделать?

Мать сердцем поняла, что сын уйдет из родного дома в поисках лучшей доли. Не он первый и не он последний выбирает путь, полный опасностей. Многие сгнули на этом пути. Из их деревни почти никто не достиг желаемого. Это и пугало мать. Но где-то в душе она поддерживала решение сына...

А сын чувствовал это и был безмерно благодарен матери.

Все! Надо идти! Но куда податься? Конечно же, туда, куда обращался взор, на север, в сторону бескрайних земель предков.

И вот наступило это утро. У Синь взял свою солдатскую, заранее заготовленную котомку и отправился в дорогу. Мать проводила его до околицы. Пожелала счастья. Заплакала она уже тогда, когда он решительно пошел к горизонту и не оглянулся.

Дорога привела его к переправе через реку Хуанхэ. Здесь кончалась земля государства Чжоу. Весь тот берег считался хуннским, хотя она на самом деле была нейтральной территорией, ибо хуннское кочевье простиралось досюда только во времена великих засух, когда степь превращалась в пустыню, что, слава Богу, бывало крайне редко.

Та сторона всегда славилась возможностью добыть деньги, и это манило в нее авантюристов всех мастей. Там, подальше от жестких китайских законов, царили уже иные порядки. Это была уже заграница, которая всегда тянет людей определенной породы. Типа легендарного контрабандиста Чжан Чжэня.

Для обычного же человека там нет спокойного места, где бы он мог обустроиться и жить. Там все чужое, чуждое, враждебное. Многие вещи там истолковываются совсем превратно, превращая добро в зло, порядочность в бесчестье и наоборот...

Все это так.

Но все относительно.

Особенно прельщает то, что многие вещи, невозможные здесь — там становятся доступны.

Если здесь У Синю — человеку низшего сословия, почти нет надежды вырваться из своей среды, то там это можно. Если повезет, конечно.

То, что здесь можно обрести только посредством невероятного рабского труда, потратив всю жизнь, да и то без гарантии, там можно добиться, говорят, в считанные месяцы, от силы год-два. Наверное, в таком непростом деле и риск большой, должно быть. Но игра стоит того.

ПЕРЕПРАВА

Переправа здесь действовала издревле. Видимо, в этом месте было наиболее удобное место. Сюда сходились несколько крупных дорог. Здесь был большой базар, где продавались всякие диковинные товары. Сотня, не мень-

ше, самых разнообразных лодок, принадлежали старику очень крупного телосложения по прозвищу Старый Лодочник.

Он с восхода да заката сидел на высоком берегу, на камне, похожем на лежанку, и следил за передвижениями своих лодок и за всем, что происходило вокруг. Удивительно было то, что он все запоминал, начиная с того, в какой лодке сколько человек, и какие передвижения и события происходили на обоих берегах. Многие споры приходилось решать ему тут же, сидя на своем троне.

У Синь чем-то понравился ему и был сразу принят гребцом на маленькую лодку со старым кормчим.

Работа была тяжелой, но интересной. Целый день приходилось бороться с бурным течением Хуанхэ. В первое время течение сносило их далеко вниз, и после переправы приходилось лодку тянуть вверх. Но со временем У Синь наловчился и уже ничем почти не отличался от опытных гребцов. Старый кормчий часто впадал в дрему, и У Синь сам держал курс. Это сразу заметил Старый Лодочник и одобрительно хмыкнул.

На ночь У Синь устраивался на ночлег тут же в лодке. Спал, подстелив одну соломенную циновку и укрывшись другой.

Под легкое покачивание и шум воды он, уставший за день, почти мгновенно засыпал. Иногда просыпался от холода и сырости и, смотря на звезды, думал о своем по-прежнему туманном будущем.

НОЧНАЯ ЖИЗНЬ

Если днем на реке шла обычная трудовая жизнь, то ночью все было иначе. Переправа закрывалась, и до утра на первый план выходило трехэтажное роскошное здание, возвышающееся на самом берегу реки.

С наступлением темноты в нем зажигалось множество разноцветных фонарей. Это был дом, где развлекались богачи. Для их удобства и удовольствий там было предусмотрено все. Порой такое, что обычному человеку и в голову не придет. Посетители этого земного рая были особыми людьми, со множеством слуг и помощников.

У Синь с жадностью следил за ними. Для него наконец-то прояснилась цель жизни. Каким-то, может быть, даже невообразимым чудом, но он должен попасть в этот круг счастливицов. Вот где, оказывается, настоящая, подлинная жизнь, полная свободы, безграничной воли и прочих прелестей. Все то, чего полностью лишен маленький человек.

А каким образом У Синь войдет в этот круг, дело десятое. Способов это сделать должно быть немало. Надо будет только выбрать способ по себе, по своим возможностям. А он ощущал, что они у него большие. Только вот как хватиться, за что взяться, с чего начать?

Где-то через пару месяцев старый кормчий совсем ослабел, и на его место назначили У Синя. Теперь он, освобожденный от тяжелого труда гребца, оглянулся, осмотрелся вокруг. Среди переправлявшихся попадались и богачи, посещающие заветный дом с разноцветными фонарями.

У Синь пристально и жадно следил за их повадками, привычками, слушал и запоминал их разговоры. Разные среди них попадались люди. Видимо, не все всегдатаи заветного дома были настоящими богачами. Их как раз и было немного. А в основном там околачивались разного рода проходимцы с сомнительными занятиями, которые спускали здесь свои случайные заработки.

Они, в основном, занимались контрабандой редких здесь и поэтому пользующихся большим спросом товаров, которые тайно завозили с хуннской стороны: сушеное мясо, хурт, шкуры, кожа, оружие, драгоценные камни.

Это было опасное, запрещенное законом и преследуемое государством занятие. Попадешься — пойдешь на каторжные работы.

Но контрабанда была как магнит — она была самым легким и доступным способом быстро разбогатеть. Но она не прельстила У Синя, бывшего пограничника. Поэтому он не согласился ни на одно даже заманчивое предложение контрабандистов.

Раз в неделю кормчие со всех лодок в определённое время отчитывались перед Старым Лодочником. Старик, сидя на своем плоском камне, внимательно слушал каждого, при этом не упуская ничего, что происходило на переправе.

Его зелёные глаза как бы пронизывали всего тебя, и от этого становилось не по себе. Казалось, он видел все твои тайные мысли и намерения.

Непростой был старик. Крайне придирчивый и дотошный к подчиненным, но обычно строгий к новичкам, он с самого начала очень благосклонно отнесся к У Синю.

А У Синь долго не мог к нему привыкнуть. Он боялся старика, ибо чувствовал, что тот каким-то образом догадывался о его мыслях о богатстве, и что он уже не намерен тут долго задерживаться. Но старик молчал. Почему? Может, от того, что у него была единственная дочь, видимо, осчастливившая его на склоне лет своим появлением на свет. Это была всегда нарядно одетая белолицая, рыжеволосая, как отец, толстуха.

Она-то сразу обратила внимание на юношу. Видимо, понравился бывший пограничник своей выправкой. У Синь же боялся исходящей от девушки непонятной, всесокрушающей силы воли, чувствуя в ней источник опасности, да и вообще толстухи никогда не нравились ему. Такая родит ему толстых рыжих мальчиков, а это не входило в планы его будущей жизни. От хуннского начала ничего хорошего не жди, надо отойти в сторону преобладающего большинства. Это возможно. Только через маленькую, черноглазую южанку — без всякого своенравия и норова, мягкую и нежную, терпеливую и надежную.

Работа шла своим чередом. У Синь внимательно вглядывался в каждого, кто садился в его лодку. В основном это были собиратели трав, заготовки всякой съедобной растительности, рыбаки и охотники.

Редко, но бывали и деловые люди. Эти резко отличались от основной массы трудового черного люда. Они имели слуг и помощников. Всегда о чем-то сосредоточенно думали. Были неразговорчивы, видимо, что-то высчитывали, рассчитывали.

А трудовой народ был очень разговорчив. Они охотно и с удовольствием делились новостями с кем попало, что было у них на уме — то и было на языке.

Говорили в основном о ежедневных заботах и делах, у кого как, и особо о далеких вещах и не думали, не гадали.

ПОДОБИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Кто надеялся заработать лишние деньги, устраивался на ночлег поближе к ночному заведению. Если везло, можно было за одну удачную переправу сорвать дневной заработок. Но это было редко. Зато для того, кто хотел знать побольше о богатых посетителях ночного дома, было много интересного. У Синь вслушивался в их разговоры, следя за их поведением, взаимоотношениями между собой.

Да, это был совершенно иной народ, чем обычный дневной — рабочий.

Они отличались друг от друга, как черное и белое, как день и ночь. Но, возможно, эти, мягко выражаясь, несовместимости можно и продолжить: богатство и бедность, порок и добродетель...

Хотя все в Поднебесной построено на сочетании, если не на единстве этих, казалось бы, взаимоисключающих и противоположных начал. При пристальном взгляде их можно сопоставить.

Если обычная жизнь просыпается утром, весь день проводит в тяжелых трудах и после вечернего чая отходит ко сну, то ночная жизнь начинается с этого момента и проводит время до зари очень бурно — за закрытыми дверями и занавешенными окнами. Деталей не видеть. Но утром они расходятся крайне усталые, понурые, невеселые...

Много непонятного и таинственного происходит в доме.

Каким же образом все блага мира достаются кучке богачей на их веселья, наряды, всевозможные утехы? А народ круглый год еле сводит концы с концами.

У Синь много, но безрезультатно думал о жизни, глядя на бурное течение Хуанхэ... Сколько же еще впереди будет разочарований, крушений очередных иллюзий? Издалека кажется одно, но приблизишься, вникнешь, выходит совсем другое...

Все постоянно меняется, и никак не угадаешь, что чего на самом деле означает. В заставе Саньгуань в подобных сложных размышлениях обязательно упоминался великий учитель, бахсы Лао-Цзы...

Чтобы не ошибиться в выборе цели и ее достижении, надо много думать... Проникнуть бы в суть вещей верными размышлениями, не упрощая сложное и не усложняя простое. Но как это сделать, если необученный, непосвященный, ты тупее тупого, глупее глупого? Какое упущение он сделал, когда из-за лени и непонимания не стал заниматься изучением трудов великого учителя! Теперь уже поздно. Все надо делать вовремя, когда оно возможно и доступно.

Однажды Старый Лодочник сказал:

— Я смотрю, ты выделяешься из толпы. Думаю, ты был причастен к окрещению великого человека. Ты знал Лао-Цзы?

— Я слышал, что Лао-Цзы некогда служил у нас... Да и только. А так я ничего не знаю о его учении.

— Но ты имел великое счастье общаться с его последователями и поклонниками, а это совсем немало! Ты ходил по тем же каменным ступеням, на которые ступал великий учитель, наконец, дышал тем же воздухом, что и он.

У Синя глубоко поразили эти высокие слова.

Тогда он еще не знал, что Старый Лодочник тоже пограничник, и служил он тоже при заставе Саньгуань, что он и ныне нес свою своеобразную службу... Которая потом после него будет иметь свое продолжение.

Впрочем, об этом — потом. В свое время, в своем месте...

УЖИН У СТАРОГО ЛОДОЧНИКА

Однажды вечером Старый Лодочник пригласил У Синя к себе, но почему-то через свою дочь.

— Отец ждет тебя, — сказала она, выделив это слово “тебя”.

Старик сидел на своем излюбленном месте. Солнце клонилось на закат, дул северный холодный ветер.

На маленьком круглом столе дымились горячие травяные отвары. Налил У Синю в маленькую глиняную чашку.

— Знаешь ли ты, почему я пригласил тебя?

— Нет, не знаю. Но думаю, что поговорить о делах.

— О, нет. Дела того не стоят, чтобы тратить на них этот прекрасный вечер! — сказал Старый Лодочник, окидывая восторженным взором речную гладь.

У Синю, когда он шел на вызов, грешным делом, было не по себе. Он побаивался хозяина, вдруг да какое у него замечание по работе или еще что. Теперь, видя его благодушие, успокоился, но внимательно слушал каждое его слово, следил за выражением лица.

— Ты, должно быть, удивляешься, видя этот мой восторг. В ваши годы так бывает, что человек замечает, выделяет, восхищается такими вещами, которые затем превращаются в ничто. А, казалось бы, совершенно бесполезные, несущественные вещи вдруг начинают обретать значение. Но печально то, что на постижение этой истины иногда уходит если не вся жизнь, то ее самая лучшая, созидательная часть. А многие и не достигают ничего. Так и уходит из жизни с пустой душой, потратив все силы на набивание кто желудков, кто карманов. Но вся беда в том, что содержимое карманов не уносятся с собой... — Старый Лодочник вдруг умолк, глядя на пурпурный закат, затем спросил. — Ты ничего не понял из моих слов?

— Да... — слегка смешавшись, честно признался У Силь.

— Ничего, потом поймешь, спустя многие годы, — широкая, теплая улыбка озарила лицо старика. — Я не затем говорю, чтобы ты сейчас меня понял. Это сложное дело. Так не бывает, чтобы человек все сразу понимал. Не-ет. Так устроен мир, что всякая истина дается только через сравнение, через постижение разных состояний бытия. Все бы хорошо... Но печально то, что на постижение истины, как я говорил, уходит почти всегда вся жизненная энергия, так что не остается и желаний, и довольствуешься одним только созерцанием.

— А может, и хорошо, — впервые робко заметил У Силь, скорее всего из чувства жалости к старику. — Ведь и многие недоразумения происходят из-за чрезмерных желаний.

— Да... Это ты хорошо заметил. Мягко сказано: недоразумение. Точнее сказать, многие беды порождают необузданные желания... — Старый Лодочник как бы заново с удивлением посмотрел на юношу. — Интересно ты выразился. Ты об этом заранее думал или как?

— Нет, конечно... Просто... Просто к месту, к слову случайно вырвалось... — искренне признался У Силь, слегка покраснев от такого внимания к себе.

— Это хорошо, что ты сразу признаешься, а не корчишь из себя мудреца. Но хорошо и то, что ты так удачно выразился. Это редко случается. Надо уметь ценить удачные мысли. Часто в них кроется сокровище. Запомни это. — Лицо Старого Лодочника было возбужденное, он слегка замолчал, как бы примериваясь к чему-то. — Я призвал тебя, чтобы рассказать одну очень поучительную легенду.

Старый Лодочник, немного помолчав, медленно начал.

ИСТОРИЯ МЕЧТЫ

Это было так давно, что никто уже не помнит, когда, где и с кем случилась эта история. Она кажется, на первый взгляд, похожей на многие сомнительные рассказы, но она на самом деле подлинная... особенно тем, что в ней ясно вырисовываются многие заблуждения человечества. Очень жаль, что мало кто внимает мудрости прошлых веков. По крайней мере, до сих пор. Но по всему видно, что и в дальнейшем будет так же. К великому сожалению, если один человек еще может многое в жизни постичь, то человеческое сообщество так уже ничему не научится.

Этот номох (легенда) — об алчности.

Действие происходит в хуннской стороне, где-то на севере. То ли на берегу великой реки, то ли озера Байхал. Жил-был мальчик-лодочник, как ты, денно и ночью мечтающий обрести большое богатство. Переправа была в стороне от крупных путей, заработки были небольшие. Но мальчик не унывал, ждал, что настанет миг удачи, который превратит его из слуги, которым помыкал всякий проезжающий, в важного господина.

И воистину, кто жаждет, тому везет. Повезло и нашему мальчику: настал-таки долгожданный миг. Был ветреный уютный вечер. К переправе подъехали трое явно чем-то возбужденных, но молчаливых путников. Все было странно в них. От одежды до поведения.

Путники потребовали немедленно их переправить, но мальчик ответил, что при такой погоде лодку сразу захлестнет и все пойдут ко дну. Но те не унимались, всячески стали уговаривать, просить, даже грозить. Мальчик не поддавался, и предложил дожидаться утра, небось, погода сменится.

Они явно чего-то опасались. Это было видно. Наметанным глазом мальчик сразу догадался, что это были темные личности, а торопились, скорее всего, опасаясь погони... У них была странная поклажа — небольшие мешочки, но чувствовалось, что тяжеленные — словно бульжники напиханы в них.

Когда все увещевания не помогли, то к мальчику подошел старший и, подозвав в сторону, вручил ему небольшой, но увесистый по весу мешочек.

— Держи, мальчик. Вижу, что сирота ты. И это не в оплату за услугу. Пусть это поможет изменить твою судьбу. Это золото, мальчик, ты его

спрячь в надежном месте. А нас перебрось на тот берег. Мы люди деловые, нам некогда тут прохлаждаться.

После старика к мальчику подошли двое остальных и тоже вручили ему по мешочку один побольше, другой поменьше. Их мальчик засунул в карман, а тяжелый плотный кожаный мешочек с крепко завязанным узлом спрятал на берегу в надежном месте. Мальчик воспрял: вот он, миг удачи, который он столько ждал! Как быстро и просто он наступил!

Он не стал даже раздумывать, раз наступил такой баарт (фарт). Как-нибудь переправятся. Овладев золотом, он совершенно потерял страх. Хлопнув по левому и правому карманам, в которых было по мешочку золота, обрел еще больше уверенности. Решительно направился к лодке. Путники несказанно обрадовались, загрузили тяжелые мешки и... отчалили.

Волны подхватили тяжелую лодку и хищно забегали вокруг. Двое, которых мальчик по размерам их мешочков успел про себя окрестить Щедрым и Жадным, сели за весла, мальчик — на корму и направил лодку на тот берег, к алому зареву заката. Старик, стоя впереди, нервно теребил пальцами, крепко прижимая к себе свой мешок.

Как только отошли от берега, громадные волны начали нещадно заливать лодку, и она стала тонуть.

Еще была возможность до конца бороться, и если бы гребли упорно, доплыли бы до берега. Но гребцы бросили весла и схватились за свои мешки.

Старик прохрипел:

— Все... все тонем. Хватайте свое золото. Золото не потеряйте напоследок, ведь ради него гибнем... Золото... Золото!

Это были последние слова, которые услышал мальчик. Трое путников с тяжелыми мешками сразу утонули. А мальчик еще какое-то время держался за перевернутую лодку...

Старый Лодочник замолк.

Солнце уже закатилось, его заменило удивительной красоты зарево, отражаясь на изгибе реки.

— Жалко парня... — вздохнул У Синь. — Зачем он только согласился. Ничего бы с ним не случилось, жил бы да жил.

— Возможно... Но ведь корысть... — Старый Лодочник усмехнулся, с удовольствием затянулся и выпустил в сторону заката синий дым.

— Да, ему же золото отвалили. А жаль, что пропало оно... Наверное, затем кто-то счастливый нашел тот заветный мешочек...

— Да, золото жалко. Должно быть, много его было, — усмехнулся старик, заметив, как заблестели глаза у парня. — А ведь эта история имеет продолжение...

— Не может того быть! — радостно воскликнул У Синь. — Ведь они утонули и погибли. Разве не так?

— Так-то оно так... — старик, загадочно улыбаясь, глянул на закат. — Так, да не совсем... Вот слушай дальше... А случилось вот что. Алый закат закатившегося за горизонт солнца стал последним земным видением мальчика. Как только волны сомкнулись над ним, сознание погасло. И неизвестно, сколько времени прошло, может, много, а может, и ничего, но он начал приходить в себя.

Оказался он в подводном мире. Это ощущалось везде, но почти очень схожее с земным. Только не было ни солнца, ни луны. Звезд на небе тоже не было. Светало и темнело одновременно со всех сторон, а небо — видимо, это была поверхность воды — всегда было одинаковым, без облаков.

Удивительно было обнаружить, что людей там было великое множество. Все кишело людьми, как в наших городах на рынке. Когда мальчик и путники пришли в себя, то первым делом ухватились за свои мешки, которые почему-то оказались совсем не такими тяжелыми и даже мягкими на ощупь. Удивились, но промолчали, никто не хотел развязывать тугие ремешки, которыми мешки были тщательно завязаны.

Подошла охрана и стала выпытывать: кто такие, откуда?

— Мы купцы, — сказали трое и показали на мальчика. — А это наш слуга.

— Чем вы докажете свое купеческое сословие?

— Состоянием...

— А где оно, ваше состояние?

— С собой, здесь, в мешках.

— А ну, показывайте.

Стали развязывать мешки, а там оказался один песок и глина.

— Это же глина с песком, а где же ваше золото? — строго спросил начальник охраны.

— Господин начальник, оно точно было, только вчера еще. Спросите хоть его, — путники показали на мальчика.

— Видеть я не видел, что у них в мешках, но они были тяжелые.

— Врут! — отрезал строго начальник. — Так не бывает, чтобы вчерашнее золото превращалось в песок с глиной. Этих троих — в тюрьму!

Когда увели путников, стали обыскивать мальчика. Вывернули карманы, нашли мешочек побольше, который ему дал Щедрый. Вскрыли его, а там также оказалась глина с песком.

— Что это?

— Теперь не знаю что... Но было золото.

— Этот опять врет.

Развязали второй небольшой мешочек, который вчера ему дал Жадный и ахнули: там сверкнули самые настоящие самородки.

Охрана сразу изменила к нему отношение с пренебрежительного на уважительное, и мальчика отпустили.

И стал он жить-поживать как в сказке, потому что золото открывало ему все двери. Удивительным было то, что там не надо было за услугу платить, стоило только показывать его, и все бросались исполнять его поручения, поэтому золото его не кончалось.

Получалось, главное, иметь золото, и не важно, много его у тебя или мало. Поэтому там никто не старался наживать, обманывать, воровать. Все жили спокойно, мирно.

Была там прекрасная жизнь, описать невозможно.

Но для человека, познавшего иную, земную жизнь, хоть малость, но все же оставалось ощущение неполноты, несовершенства, незавершенности, что ли...

Надоедало днем мутно-серое небо без солнца, беззвездные и безлунные ночи. Да мало ли чего. Если вдуматься, много было несуразностей, привыкнуть к которым невозможно.

И ожила в нем жуткая тоска, что хотелось волком выть...

И стал он денно и ночью искать пути возвращения назад на землю.

И он вернулся! Выплыл, отдышался, оглянувшись... О-о, какая это была прелесть! Какое обилие ярких цветов!

Первым делом он с великим волнением вскрыл заветный мешочек с золотом, а там оказались вместо самородков обычные речные камушки.

Но мальчик не стал выкидывать их, а предусмотрительно спрятал в лодке, в которой соорудил тайник. Так, на всякий случай...

Он вспомнил спрятанный мешок, и какова же была его досада, что там тоже оказались обычные речные камешки! Значит, тот старый прохиндей обманул его. Но мальчик не стал держать обиду на того, и так обездоленного и несчастного: он не только попал в мутный подводный мир, но и там оказался в неволе. Можно ли придумать наказание страшнее?

Мальчик по-новому взглянул на окружающий его мир, полный стольких неповторимых красок и оттенков, мир, в котором нельзя не быть счастливым...

Старый Лодочник замолк, с видимым удовольствием затянулся длинной трубкой и снова выпустил синий дым в сторону догорающего багрового заката.

— И что мальчик? — не выдержав, спросил У Синь. — И как у него сложилась последующая жизнь?

— А мальчик зажил счастливо и долго. Конечно, женился, обзавелся домом, народил множество детей.

У Синь тоже вздохнул. Но это было не вздох облегчения: он знал, что не все так просто в реальной жизни... Можно, конечно, жить долго и народить множество детей. Но будет ли счастье в нужде и стеснении?

Видимо, Старый Лодочник заметил его интерес к дому с фонарями и эту поучительную историю рассказал ему неспроста.

Жизнь при фонарях, которую они наблюдают издалека, возможно, чем-то схожа с подводным миром своей перевернутостью к реальности. Да, конечно, завлекает, призывает, увлекает. Когда вокруг беспросветная тьма, так и хочется к свету фонарей, подобно несчастным мотылькам.

В почти полной темноте, по тропинке на ощупь пробирался он к своей одинокой лодке. Стояла тихая душная ночь.

В доме с фонарями только начинался очередной праздник жизни, который продолжится до утра. Звучала музыка, игривый женский смех, самодовольный мужской бас.

Все-таки это не то... надо что-то другое. Но — что? Этого У Синь не знал.

РАССКАЗ БРОДЯГИ

Кто жаждет богатства, тот ловит слухи о тех, кто чудесным образом разбогател, если не в один момент, а хотя бы одним удачным действием, не тратя на это всей жизни.

У Синя это и устраивало, поэтому из множества других легенд запала в душу именно эта легенда. Рассказал ее заезжий бродяга, который, как другие, не попрошайничал, не старался прислуживать в поисках случайного заработка. Он околачивался около заведений типа дома с фонарями, и чудесным образом богатые всегда брали его в собутыльники, потому что у него язык был хорошо подвешен. Чего он только не знал, где только не бывал. Знал многих известных авантюристов, сидел с ними за одним столом. Словом, нынешние счастливицы каким-то образом узнавали в нем своего, человека, не раз обладавшего приличным состоянием, но, как он сам говорил, по невезению или неудачному стечению обстоятельств все каждый раз спускавшего.

Однажды утром он, выброшенный на улицу после очередного застолья, дрожащий и несчастный, пришел к лодке У Синя и попросил перевезти, но честно признался, что платить ему нечем, но за это он расскажет одну чудесную легенду, которая наверняка заинтересует доброго молодца, мечтающего о необычных путешествиях и дальних дорогах.

Время было неурочное, клиентов не было, и У Синь согласился.

— Я расскажу тебе случай из своей жизни. Хотя многие воспринимают его как легенду, но это было на самом деле. Был я юн и полон сил и энергии, как ты теперь. И я мечтал о прекрасных женщинах и роскошной жизни. Как это можно достичь? Конечно, только богатством. И вот однажды заезжий бродяга типа нынешнего меня рассказал о далеком вулкане где-то далеко на западной окраине Куньлуня, который во время извержения выбрасывал куски золотых самородков. И я, недолго думая, решил отправиться туда. Добирался долго, по дороге не раз бывал на волоске от гибели: замерзал, мучился жаждой, голодал, но был упорен, терпел и добрался.

Оказалось, все было правдой. Действительно, после редких извержений на северо-восточных склонах не часто, но находили самородки. Поэтому вся земля вокруг была давно поделена бандами, которые ловили таких несчастных и глухих авантюристов, как я, и, предварительно заковав в кандалы, заставляли искать золото.

Меня поймали на второй день, и я на долгие три года загремел в рабство. Мне везло на золото. Когда удавалось находить самородок, меня поощряли. Постепенно я вошел в доверие, и наконец подвернулся случай, и мне удалось сбежать. И думаю, а если бы мне удалось проникнуть в самое жерло того вулкана... Но как? И как суметь унести оттуда добытое золото, ведь по пути поймают грабители...

Бродяга замолчал, затем посмотрел У Синю в глаза:

— Юноша, я бывалый человек, вижу тебя насквозь. Ты хочешь быстро разбогатеть и, как все мы, вдруг и сразу. Но никогда не верь таким рассказам. Не бывает, чтобы человек разбогател легко и быстро, если он не вор, не игрок и не разбойник. А это уже другая, дьявольская стезя. Настоящее богатство достигается ценою огромного труда, в это надо вложить всю жизнь. А быстрое богатство, которое достигается такой дорогой ценой, того не стоит!.. Оно ничто по сравнению с подлинной человеческой радостью, ощущением свободы!.. Я вижу, что ты мне не веришь. О, бедный юноша! Неужели и ты заложишь свою единственную, светлую, такую чистую судьбу ради дьявольского блеска золота!

У Силь промолчал. Ибо он не нашелся, что ответить. Все, что говорил ему этот разнузданный бродяга, ничего за душой не имевший, ничего не наживший, было только очень похоже на правду, ничем не подтвержденную. Но свет разноцветных фонарей, их притягательная сила были очевидной и явной реальностью.

На берегу они расстались. Бродяга, завывая протяжную варварскую песню, исчез в речных зарослях.

Но запала в душу эта легенда о золотых самородках, которые постоянно стали сниться. Особенно заинтриговало жерло вулкана. Если это правда, если бы суметь туда проникнуть, то ведь можно найти выход и унести с собой золото... Лишь бы завладеть этим желанным металлом, а там видно будет... Нет, дело того стоит.

И У Силь решился...

ПУТЬ НА КУНЬЛУНЬ

И решился открыть свою мечту Старому Лодочнику. Тому явно не понравилась эта абсурдная и явно гибельная идея.

— Это то же самое, что я рассказывал тебе о золоте, которое превращается в глину.

У Силь молчал, нагнув голову. Понимая бессмысленность отговорить юношу, Лодочник только повторял выражение хуннов: “барса кэлмэс” (ушедший не возвращается).

— Что бы ни случилось, старайся вернуться, знай, что тебя здесь ждут и примут в любом виде, даже в качестве беженца. Укроем, спрячем.

И снова утром, как тогда, из родительского дома, У Силь отправился в путь. На сей раз к отрогам Куньлунь, которые непрерывными грядками протянулись на многие тысячи ли. Ехал на чем придется, то на лошадях и верблюдах, то на ишаках и ослах. А то и на своих двоих. Наконец, на горизонте появились очертания высоченных хребтов. У Силь направился к ним, но, предупрежденный бродягой, не стал подходить близко. Он уже знал, что извержения выбрасывают камни только на северные и восточные склоны. Значит, наиболее они и охраняются. Тщательно все обдумав, он решил обойти гору на почтительном расстоянии и пробраться к ней с юга.

Места были совершенно пустынные. За десять дней пути он не встретил даже следов человека, и вдруг навстречу бежит девушка в цветастом платье чуть постарше его, легко перепрыгивая с камня на камень.

— Ты не видел мальчика, сына моего, играющего цветными камушками?

— Нет, я уже десять дней живой души не встречал.

— Ах, какая досада! Куда он мог запропасться этот негодный мальчишка? Ну я ему задам!

У Силь удивился: какая ранняя мать, уже сына имеет.

МАЛЬЧИКУ... 200 ЛЕТ

Пройдя ещё немного, увидел зелёную лужайку, где на белом камне сидел старик и сосредоточенно играл. Играл разноцветными камнями, да так

увлеченно, что, казалось, ничего не слышал, не замечал, полностью был поглощен азартом игры...

Каким-то образом угадав в нем того самого “мальчика”, которого потеряла юная мать, У Синь не поверил своим глазам. На вид это был глубокий старик с белыми усами, с залысиной, но когда он поднял глаза, то у него был взгляд шаловливого, озорного мальчика.

— А, это ты? — скучно произнес старик, словно только вчера расстались. — Здравствуй, У Синь.

— Вы знаете меня, почтенный?

— Во-первых, я вовсе не почтенный, я просто мальчик, каких здесь много.

— Но откуда знаете меня?

— Я все знаю. Все-все! — прихвастнул “мальчик”. — Я знаю очень-очень многое! Даже то, что было давно, а еще и то, чего еще не случилось.

— Скажите, что меня ждет? Стану ли я богат?

— Ничего не скажу.

— Почему?

— А потому что, зная наперед будущее, ты потеряешь интерес к жизни. Нельзя заранее знать будущее.

— Зато я бы не совершал ошибок, зря не стал бы многие вещи делать.

— А заблуждаться да ошибаться тоже полезно. Не будет ошибок — не будет и истины, как говорил один мальчик по имени Ли Эр...

— Так вы, почтенный, знали великого учителя Лао-Цзы?

— Знал, конечно, еще как знал! Тогда он был лопухим, смешным головастым мальчиком Ли Эр. Кстати, этот Ли Эр был в детстве похожим на тебя, хотя ты же больше хунн.

— Нет, я южанин!

— Это ты кому-то другому скажи. Я-то насквозь тебя вижу, кто ты такой, где родился, где служил, что у тебя в уме, куда и зачем идешь. Докуда дойдешь и чем закончишь.

— Да, и скажите-ка, интересно знать.

— Опять ты за своё! Хочешь все выведать и идти по жизни без всякого сомнения, выбора, по заранее известным путям?

— Но это было бы очень надежно и верно, я бы не шарахался зря, не плутал бы по неверным путям зря и силы бы сохранил.

— Повторяю, без выбора, без сомнений ты потеряешь интерес к жизни. Поиск решения, поиск верного пути и составляет если не главный, то один из основных смыслов жизни.

— Никогда не соглашусь, что бессмысленные метания по жизни в поисках верного решения содержат смысл бытия. По мне, они-то и сводят жизнь к бессмысленным метаниям. Зря Создатель сделал человеческую жизнь такой... Если бы Он дал ему возможность прозрения, то сколько бы ошибок не свершалось! Сколько войн и несчастий. Ведь все они от заблуждений, от невозможности заранее предвидеть возможные последствия деяний. По незнанию свершаются многие беды.

— Разве по неведению зверствуют люди? Открой завесу неведения — и что, они прозреют и перестанут воевать? Если бы! Любую новую идею они обращают не во благо, а во зло. В еще более обширные истребления, в больший порок. Неведение — единственный сдерживающий фактор. Ибо только оно путает и удерживает. Неведение — пояс, граница; развяжись он — беда распояшется.

О ДИН ХУНЕ И ЛИ ЭР

— Я их впервые увидел в... году, когда служил при старой крепости Уньчжой.

— И чем же вы там занимались?

— Ну, как чем? У нас была там так называемая Темная Комната, где мы ведали кадрами. Их отбором, подготовкой, продвижением, воспитанием.

Изучали их линии судьбы, определяли, кого куда направить... Это если они не имели предопределения свыше. Но почти половина имеют предопределение, заранее запланированное еще с рождения или даже до... В этом случае нельзя вмешиваться в их пути. Можно только слегка поправить, помочь в кризисных точках судьбы.

— А простым смертным, не обладающим предопределенностью, можно, да? — У Синя очень заинтересовал всеведущий мальчик-старик.

— Но и это сложно, ибо можно только слегка навести, наваять путь, а дальше все равно он должен сам проторить путь до конца.

— И вы следили за всеми?

— За всеми уследить, как ни странно, проще. В толпе люди ведут себя, подражая друг другу, на события реагируют одинаково. Но среди них бывают, как бы сказать? Нестандартные, что ли? Которые реагируют иначе. Вот за ними и следишь. Это или отбросы, или особенные по таланту, по возможностям. Их полагается отсечь от сердцевины. То есть речь о крайностях, о дурных, от которых следует избавляться, или о ярких, неординарных, которых тоже нужно выделить, чтобы не потерялись. Ибо они часто нарушают, выделяются и тем самым попадают в трудные, иногда наказуемые ситуации. А толпа тоже неоднородна. Она состоит из множества тонких наслоений.

— Дин Хун и Ли Эр сразу выделялись?

— Нет, никак нет. На поверхностный взгляд, это были совсем обычные мальчики.

— Странно! Думаю, они должны были быть ярче, иметь явное превосходство.

— Никак нет. За редким исключением, они во многих случаях не выделяются из толпы.

— Значит, они раскрываются в определённый момент и сразу уходят вперед?

— Да, почти так.

— А как вы там, в Темной Комнате, могли, в первый раз увидев человека, сразу тут же определить, кто он, и предвидеть всю его будущую судьбу?

— Ну, это совсем другое, можно сказать, необычное, особенное место — Темная Комната, где, как ты говоришь, человек определённым образом просвечивается.

— И вы всякого, кто туда заходит, насквозь видите?

— Я же сказал, не совсем. Это трудно объяснить, да и не надо, чтобы ты такие вещи понимал. Это сфера знаний, которая лежит за границей реальности, это иное бытие. А ну-ка вспомни, вспомни, когда ты с другом Инь Си попал в Темную Комнату?

И — как молния озарила У Синя. Да, да, он же был в Темной Комнате, был!

— Да, это было удивительно — обнаружить последователя великого учителя Лао-Цзы. Такие мгновения удачи скрашивают однообразие долгой-долгой службы. Я же там прослужил лет этак 75... и даже с лишком. Это потом меня перевели сюда.

— А что за служба здесь у вас?

— Ну да, тебе все и выложи. Нет у тебя чувства меры, чувства грани, границы. Мы там в Темной Комнате сразу вычислили тебя... Ты большой, очень большой...

— Я? Это вы про меня говорите, что я большой человек? — обрадовавшись, воскликнул счастливый У Синь. — Да неужели?! Если бы я заранее понял, что я есть большой человек, я бы удержался от многих соблазнов!.. почему вы мне тогда в Темной Комнате, как судьбу Инь Си, внятно не сказали? Кто я есть и кем стану на самом деле? А сказали нечто непонятное, нечленораздельное. Почему?

— Иначе и нельзя было. Вот и теперь ты сразу, не дослушав меня, на свой лад переиначив мысль, делаешь совершенно иные выводы... и поскакал далеко вперед. Правда, не туда, куда надо...

— Но вы же сами только что сказали, что я большой человек. Так или не так?

— Никак нет. Ты, не дослушав меня, сам делаешь вводы. Я успел сказать только “большой”... Но не говорил: “человек”. Я хотел сказать вот что... ты большой прохиндей, авантюрист и проходимец. Даже великий по-своему, дойдешь далеко-далеко, и кажется, заберешься высоко-высоко за грань возможного и реального.

— Да-а-а, — печально протянул У Синь. — По правде, я и сам в себе подозревал подобное. Но ведь человек слаб, я надеялся, что вдруг откроется во мне нечто такое, которое вознесет меня над всеми... А причиной всех неудач считал свою бедность. Вот и поставил цель: любой ценой обрести богатство. Богатство — сила. То, чего не хватает не только мне. Будь у меня возможность, я бы такое совершил, облагодетельствовал бы бедных...

— Как бы не так. Ты ровным счетом не понимаешь, что такое богатство. Не знаешь ни того, что оно означает, ни его размеров, ни его суть, ни пределы возможностей материального богатства. А это, поверь мне, очень сложное, многоступенчатое понятие... Мирское богатство, при кажущейся бесспорности обладания якобы реальными ценностями, на самом деле вещь весьма иллюзорная. Может стать так, что оно существует в виде зданий, вещей, денег и золота и в одночасье может превратиться в ничто, прах и мусор...

— Прах и мусор? Золото?

— Что, не веришь? Это сам когда-нибудь поймешь. Это горькое прозрение у тебя впереди, ждет не дождется.

БАШНИ НА ПЕСКЕ

У Синь вспомнил рассказ Старого Лодочника о подводном мире... Вспомнил и сразу сник. Словно из него в этот момент нечто улетучилось. Ослабел, упало настроение, расстроился и реально почувствовал, что потерял силу, которая его воодушевляла, толкала вперед — к великой цели обретения богатства...

В последнее время после начала пути он впервые усомнился: а стоит ли так рваться? А что, если воображаемое богатство всего лишь очередная иллюзия? Самообман, который не стоит такого риска, таких жертв... Ведь он пожертвовал всем тем, чем обладал. Домом, родными, родиной.

Им овладела тоска, которая обожгла острой болью — по родному дому, матери, отцу, братьям и сестрам... Куда и зачем он рвется? Стоит ли то, к чему стремится, его жертв? Впервые сжало сердце от жалости к родным... На самом деле он, оказывается, бросил их, но ради чего? Обманывал себя тем, что, достигнув богатства, поможет им, наконец, вытащит их из нищеты, постоянной угрозы налогового бремени.

С тех пор, как только охватила его мысль, мечта об обретении богатства, он жил единой мыслью о скорейшем достижении цели. Он был как одержимый, словно нечто поселилось в нем и вытеснило из него все иные мысли.

И вот теперь ощутил сомнение. Вместе с сомнением ощутил опустошенность.

Его поразило это состояние. Стоило хоть немного усомниться, и сразу сник. Было мучительно обидно и стыдно, что он — взрослый человек — стал подвержен абсурдной идее...

Но все же внутри оживало слепое сопротивление... Он не хотел верить разумному взгляду, не хотел признать, что зря пустился в такой далекий путь.

Сознание лихорадочно искало оправдания. Он цеплялся за все, что можно, чтобы оправдаться. Искал доводы, чтобы опровергнуть слова юного старца.

А тем временем старик временами так увлекался игрой, что, кажется, забывал о нем. Из набора разноцветных камушков старался сложить башни, которые, достигнув определённой высоты, рушились...

Когда башня удавалась, старик звонко и заливисто хохотал как мальчишка, да так искренне, что было удивительно. И так же от души, прямо до слез, огорчался, когда какая-то башня вдруг кренилась и обрушивалась...

Но оказалось, он не забывал о нем:

— Ну что, усомнился?! Это хорошо. Излишняя уверенность в чем бы то ни было тормозит развитие. Человек, лишенный сомнения, пребывает в покое, а не в движении.

— А вам не кажется, что оно разрушает уверенность?

— Ну, смотря по ситуации. Когда и как.

Тем временем солнце достигло зенита и стало нестерпимо жарко. Стало нечем дышать, ибо раскаленные камни тоже излучали жару.

У Синь потоптался на месте, надеясь, что старик закончит свою бессмысленную возню с камнями. Но тот был весь в игре, будто и не чувствовал жары... Только несколько капель выступили на лысине.

У Синь оглянулся. Что за странное место? Никого не видно, а следы трудов человека повсюду.

Старик будто подслушал его мысли.

— Это создано неустанным трудом многих обитателей этого райского уголка. Ты зря осуждаешь меня за эту игру в камешки, это отнюдь не бесполезное дело. Я ищу и фиксирую равновесие мира... — изрек старик, ни на миг не отвлекаясь от попытки установить очередную башню...

Скоро опять радостно захлопал в ладоши, значит, камень нашел свое место. У Синь с тоской ждал конца игры. Но игра ли это была?

Тем временем солнце зашло, стало темно, но старик провел рукой и вызвал вокруг себя некое свечение. Но оно не прогнало холод. Старик пожегся и весело изрек:

— Я вволю впитал в себя дневного тепла, теперь оно не дает мне мерзнуть. Надо уметь извлекать радость и приятное из противоположностей. А ты страдал от жары, теперь страдаешь от холода... Ладно... тебе, видно, надоело меня ждать. Хотел тебя сам проводить, но игра получается нынче, да и мать заругает. Заставляет всякими делами скучными и нудными заниматься.

— Какими же?

— Ты не поймешь. Учись спрашивать только необходимое. — Тут же он стал звать своего младшего брата. Странно было, что он не кричал, а уговаривал полусшепотом. Тот, видимо, не хотел, а этот что-то обещал ему, как маленькому мальчику.

Скоро появилась из темноты фигура этого брата. И он казался намного старше старшего.

— Не удивляйся. Он так выглядит, потому что был в свое время непослушным. Пропускал время пить лекарства даже чаще, чем я, вот и... — Затем стал что-то долго объяснять брату на непонятном У Синю языке. У Синь понял только одно — общение с ним не понравится матери.

Тут налетел порыв ветра, и все башенки старика рухнули... Старик, как маленький мальчик, сел на землю и заплакал, обливаясь горькими слезами... Младший брат стал гладить его по лысой голове, жалеть и уговаривать, что у него все получится. Наконец, старик успокоился и, икая совсем как мальчик, стал снова играть, сосредоточенно обдумывая каждый ход.

— Ладно, — наконец сказал он. — Хотел тебя уговорить не ходить так далеко за твоим золотом. Ведь опасно и страшно. Сколько сгинуло там! Как они жалели перед смертью, озаренные последней мыслью о бессмысленности своего стремления. Ты пока как слепой ценок. И прозреешь ли, неизвестно. Стремись туда, как одержимый... А одержимые как слепоглухонемые — ничего не видят и не слышат. Ладно, иди... ты сможешь достичь дна каменной чаши. Так уж и быть, помогу тебе. Потому что ты одинокий странник без предназначенной судьбы. Тебе можно помочь, ибо это не будет вмешательством в иные пути. Ты добьешься только того, что достигнешь своим умом, в результате испытаний и страданий. Сможешь ли ты достичь своей вершины и достичь успокоения — зависит только от тебя самого. Возможно, ты погибнешь и сгинешь на пути к чужим вершинам. Очень, очень даже возможно. У тебя нет ума основательного, только отражение и отгалкивание от всего увиденного: мол, у тебя должно быть иначе... Дай Бог тебе освободиться, наконец, от одержимости. С нею ты пропадешь. И не такие пропадали, а еще сколько предстоит? Все беды человеческие от одержимости. Сможешь вовремя освободиться от этой напасти — выживешь, нет — сгинешь.

У Синь, узнав о печальных перспективах, изменился в лице, сник.

— Ладно-ладно, не унывай так сильно, не надо этому придавать слишком много значения, — якобы “успокоил” старик. — Не ты первый, не ты последний. Много, очень много еще родится слепых щенят. Да, немногие прозреют. Ведь такие люди, как ты, ничего не могут принять на веру, до них доходит только выстраданное, да и то на последнем пределе. А вначале они — рабы иллюзий. Им кажется, что они видят истинный мир, а на самом деле видят только его внешнюю мишуру. Но поразительно то, что именно они, те, кто подвержен иллюзии — отличаются болезненной, нездоровой самоуверенностью. В чем причина — непонятно, но это так! И никак иначе. Иначе не может быть, они этой своей маниакальной убежденностью заражают других — и близких и дальних — и уже за ними плохо соображающая толпа. Люди грешат незнанием меры — вот причина разрушения естества.

— А вы, оказывается, всех со стороны, если не сказать сверху, видите, да?

— Ну, это сразу и не скажешь... По-всякому. Вернее, как получится, смотря кого, когда, при каких обстоятельствах.

МЛАДШИЙ БРАТИШКА

— Не бойся, тебя поведет мой младший братишка. Надежный мальчик, он проводит тебя, а если надо будет — поможет.

— А почему он такой старый? Намного старше вас.

— А, это только кажется с виду. На самом деле я же говорил, он на 28 лет младше меня. Я уже взрослый был, когда мать его родила.

— Но он же дряхлый старик. А вы еще ничего.

— Ну это с виду. Правда, он был непослушнее меня, часто пропускал время принимать лекарства. Вот и результат сиюминутной лени. Ведь все в этой жизни достигается только долгим упорным терпением, послушанием и исполнительностью.

— А мать ваша совсем девушкой выглядит.

— Ну, с нею не сравниться. Она этого достигла таким упорным трудом! Ежечасными упорными процедурами и упражнениями. Да такими, что лучше и не надо бы. Но что делать, она сама довольна результатами, да нас поучает... Она суровая мать, часто нас с братом наказывает.

— За что?

— За нерадивость, лень, азарт, за нежелание следовать ее предписаниям. Правда, мне иногда удается избежать наказания благодаря умению прикидываться, изворачиваться, подлаживаться. А это очень важно. А брат прямолинен и простоват, — вот и нарывается там, где можно было бы избежать наказания.

— А вы хитрец.

— Нет, просто я более понятлив и не сопротивляюсь, а приноравливаюсь под обстоятельства. Пристраиваюсь.

— А зачем наказывают?

— Затем, чтобы поправить тебя, чтобы ты осознал ошибку. Но зачем доводить до наказания, этого можно избежать.

— Как?

— Уйти в сторону от траектории, и наказание пронесется мимо. Ибо ты, поняв, за что, почему, зачем, чуть только отходишь, и все. Понял?

— Не совсем. А братик ваш так не делает?

— Он упрям. Из-за вредности делает наоборот, назло. Этим и усугубляет вину. Пытается утвердиться на своем, оправдаться и углубляет свои же ошибки вместо того, чтобы вовремя исправиться. Нет, я не такой.

— Вы — хитрец, вы приспособленец.

— Просто доверяю своей матери. Она зря наказывать не станет. Обидно, больно, но я уверен: за дело. Так надо... Это иной уровень. Послушанием я не усугубляю вину, не пытаюсь оправдаться, а доверяю опыту и пониманию матери. А брат — нет. Он начинает обижаться, жалеть себя,

считать незаслуженно обиженным. Это-то и подтачивает душу! Она расслаивается, копит в себе свои же ошибки. Запомни! Нельзя оправдываться, упорствовать в своих ошибках, если даже не сумел их понять. Надо доверять старшим, более знающим и опытным. Только так можно легче избавиться от ошибок. А в противном случае ты все глубже погрязнешь в ошибках и идешь ложным путем к надуманным целям.

— Ладно, — прервал себя старик, — братик мой проводит тебя до подножия Куньлуня, до начала восхождения. А я буду навещать тебя по временам, когда тебе будет тяжело. Особенно на распутьях, в дни сомнений... — Старик впервые по-настоящему посмотрел ему в глаза. — Да... трудный путь тебя ждет. Но ничего... Я теперь уже не уговариваю тебя отказаться от него. Тебе уже поздно возвращаться. Теперь у тебя путь только вперед. Идти до конца и испить чашу до дна. Буду помогать.

— Как? Вы же остаетесь здесь...

— Ничего. Найду способ. Где подам спасительную мысль, где подскажу, что надо, помогу найти воду, дичь, нужные для пищи и исцеления растения.

— Странно. Что-то я не пойму. Как же вы придете ко мне, я же буду далеко?

— Постепенно научишься вызывать меня в мыслях, мы даже будем беседовать, спорить, даже ссориться и мириться не менее, чем явно. По большому счету, все в этом мире иллюзорно. А ты уверен, что вот в это мгновение видишь вокруг себя реальный мир: эти цветы, деревья, лужайку, ручей? Меня, брата, наконец?

— Конечно! Вот же всё, вот вы.

— Да? Какой ты самоуверенный! Видит и ощущает! Все у него схвачено и никуда от этого не денешься, — старик повернулся к нему и иронично посмотрел своими зеленовато-голубыми глазами. — Удивительный ты тип. Значит, все, что видишь и ощущаешь, существует, да?

— Конечно!

— Да?... Ну тогда покажу тебе нечто иное, послушаем, что ты скажешь на это, — старик встал во весь рост и оказался на голову выше своего брата. Провел рукой над собой и... и все окружающее на мгновение словно свернулось и исчезло... Где поляна с разнотравьем цветов и гомомом птиц? Где водопад, и даже озеро с речкой, деревья и сам старик с братом?

У Синь изумленно озирался. Кругом торчали голые камни, а на месте, где было озеро с ручьем — глубокий овраг. У Синь испугался, голова ушла в плечи, даже издал вместе с возгласом удивления некий свист.

— Ну, что теперь скажешь, мудрец? — послышался откуда-то сверху задорный голос старика.

— Мне нечего сказать. Я ничего не понимаю.

— Вот как заговорил. Видишь, спесь твоя выветрилась — это тебе на пользу. Ну что, какой ты вывод сделал?

— Что не так прост этот мир, как кажется.

— Да, вот именно, многое, что окружает человека — только кажущаяся реальность.

— А какова она, настоящая реальность?

— Ну, так тебе все сразу и выложи, да? Нет и нет. Ты даже не подозреваешь, какова она, настоящая реальность!.. Да и рано тебе, а может, и не нужно знать ее... Так, только необходимую малую толику, не больше.

— А если доживу до почтенных лет, тоже никогда не смогу познать полную истину?

— Полную — никогда! Она недоступна даже для нас.

— Странно... а ваша мать? Знает ли она?

— Она знает больше нас, но и ей полная истина недоступна.

— Тогда кто же знает-то ее? Есть такие?

— Есть. Но это не твоего ума дело. То, что ты не умеешь чувствовать границу дозволенного, много страданий и бед принесет тебе. Но, настрадавшись вдоволь, набив себе лоб, ты постигнешь пределы твоей мудрости, если... Если, конечно, ты сможешь выжить и дожить до тех лет. Но у тебя есть шанс. Я тебе помогу. Но прежде всего, сам думай, сам. Умом можно обойти опасности, предотвратить беду.

— Я буду стараться.

— Ну ладно, иди...

У Синь набросил на плечи куцую котомку с сушеными запасами еды и пошел по сухому дну только что бывшего озера, затем по руслу бывшей реки.

Поднявшись на перевал, оглянулся и вскрикнул от удивления. Вода озера синела, отражая небо, тек ручей, высоченные тополя и кипарисы качались на ветру, а внизу благоухала зеленая долина. У Синь глубоко вздохнул. Он любовался этой красотой, будто прощаясь с ней...

Когда солнце начало клониться к закату, стал искать место ночлега, но такового не было. А между тем наступал адский холод, и ночь лучше было бы переждать в какой-нибудь пещере, сохраняющей тепло до утра. Но вокруг была каменистая плоская поверхность. Негде было здесь спрятаться. Но где же сопровождение обещанного “младшего брата”? У Синь, боясь замерзнуть, решил идти, пока есть силы. Может быть, набредет на какой большой камень, который укроет его хотя бы от ветра?

Он шел и шел. Боялся упасть. И вдруг, может, померещилось? В сумерках далеко впереди загорелся огонек. Еще усилие — и он у костра, у которого сидел “младший брат”. О счастье — вытянуть ноги и ощутить горячее тепло!

— Как же ты тут оказался, ведь ты остался в долине?

— Несколько дней ожидаю. Брат велел тебя плотно накормить. — Старик откуда-то достал нанизанное на шампур мясо и стал жарить на огне. Тут же на камне на белой кошме было накрыто славное угощение.

У Синь был весьма озадачен: ведь утром вроде расстались, а он говорит, что ждет уже несколько дней? Или он мог одновременно быть и тут и там? Но, видимо, лучше не выпытывать подобные подробности. Все равно не скажет. А скажет — не поймешь.

Наевшись, У Синь уснул и проспал бы неизвестно сколько, но разбудил старик.

— Все, путник, просыпайся. Сегодня у тебя трудная дорога, ибо к закату ты должен дойти до цели. Завтра эти предгорья будут прочесывать солдаты.

— Сегодня неужели дойду?! — обрадовался У Синь. — Наконец-то!

— Да, если не сможешь, подсобим, но думаю, что сможешь... — туманно сказал старик и очень подробно описал дорогу.

День последнего восхождения был очень трудным. У Синь шел без остановки. К вечеру совершенно выбился из сил, но упорно карабкался вверх. Начались скалы, тропа становилась незаметной. У Синь шел как лунатик и боялся только одного, что оступится и сорвется вниз по крутому склону.

Наконец, когда совсем почти стемнело, перед ним возник зубчатый край чаши — жерло кратера. Внутри зияла темнота, было неизвестно, какой она глубины.

У Синь достал веревку, привязал к камню и стал осторожно спускаться вниз. Его опасение, что веревки не хватит, конечно, подтвердилось, и он повис на неизвестной высоте. Что делать? Вверх уже ни за что не подняться, а силы стремительно таяли. Измученные пальцы рук сами собою разжались, и У Синь, зажмурив глаза, полетел вниз.

ЗОЛОТОЕ ЧРЕВО

К счастью, упал не на острые камни, а на пологий склон, по которому благополучно скатился вниз. Долго тяжело дышал и отходил от боли во всем теле. Наконец, поднялся и в полумраке увидел перед собой черную песчаную поверхность, обрамленную крутой каменной стеной округлой формы...

И дно тоже было не плоское, а округлое и посередине блестело синевой наподобие озера. Снизу веяло непонятной угрозой. Стало страшно, но назад пути не было. И У Синь стал осторожно спускаться вниз.

Всюду был песок, только необычного черного цвета, что придавало все-

му мрачный вид. Посмотрел вверх. В отверстии кратера светила ущербная луна, идущая на убыль. Пошел наугад. Шел, кажется, целую вечность и вдруг впереди в сумерках увидел людей. И безо всякого опасения поспешил к ним. А те, совершенно неожиданно для У Синя, разразились диким хохотом. Их было четверо. Один был на голову выше остальных. Другой весь изжеванный, напоминал старого солдата, третий был одноглазый, трясущийся инвалид, четвертым был благообразного вида старик.

Странно это было. Почему они даже совсем не удивились его появлению? У Синь стал внимательно вглядываться в лица людей, но в них ничего, кроме неистового веселья, не было. Было даже злорадство. Словно им было очень приятно его несчастное состояние, состояние новичка, который еще ничего не понимает в том мире, куда они попали ранее и успели постичь Нечто.

— Ха-ха-ха! — надрывались и давились они от смеха, не в силах что-нибудь сказать.

— Вот Бог послал к нам еще одного дурака! — выговорил, наконец, Длинный. — А то мы подумали было, что в мире, кроме нас, уже дураков-то не осталось, А, Солдат?

— Да, мир все еще не без дураков, — довольно прошамкал тот, которого назвали Солдатом, беззубый и кривой, весь помятый, словно его лицо прошло через жернова мельницы.

У Синь никак не мог понять, отчего потешаются и злорадствуют эти несчастные при виде еще одного подобного себе.

Вдоволь насмеявшись, обитатели при свете ущербной луны стали внимательно осматривать его, затем одежду, но особенно их внимание было приковано к котомке.

У Синь догадался, что они все голодные и жаждут немедленно поесть.

— Хотите, я угощу вас. У меня есть сушеное мясо...

— Мясо?! — Третий весь затрясся от восторга и засверкал единственным глазом.

— Еще есть сушеная рыба.

— И рыба?! — воскликнул Длинный, недавно еще надменный. Он чуть не плакал от волнения. — Как давно я не ел рыбы... даже вкус забыл. Но это было нечто такое... что даже описать нельзя.

— А еще есть немного хурута.

— Вот это молодец! Молодой, но какой запасливый и разумный! — похвалил его четвертый, самый старший и по виду более рассудительный и добрый. — У нас ни у кого не было такого богатого разнообразия припасов.

Когда У Синь хотел раскрыть мешок, Длинный решительным жестом остановил его.

— Нет и нет! Нам даром ничего не нужно.

— Как же? Я хочу вас угостить.

— Если хочешь, чтобы твои сокровища достались нам справедливо, то послушай нас... Мы устроим торг! Великолепный настоящий торг.

— При чём тут торг? Я ничего не хочу продавать, отдам даром, — сказал У Синь.

— Нет и нет! Нам даром ничего не нужно. Мы не какие-нибудь нищие, подбирающиеся подачками! — строго и даже сердито повысил голос Длинный. — Если хочешь добра нам — продай! Главное, мы тут все состоятельные люди. Мы могли бы купить многое: земли, дома, даже целые города с людьми. Не смотри, что мы больные-кривые, мы на самом деле великие богачи! Вас, — Длинный перешел на "вы", — вас устроит золото?

— Можем расплатиться золотым песком или даже самородками! — сказал Солдат, вытаскивая из кармана что-то тяжелое и вправду похожее на золото.

— Мне нечего сказать. — Изумлению У Синя не было предела. — Но... как хотите.

Дальше все пошло быстро и четко, как по заранее отработанному плану. Подвели его к круглому плоскому камню, напоминающему круглый стол, где он, как купец, выложил свой товар. Длинный вызвался в помощники и

стал заправлять от его имени. Эту роль он выполнял добросовестно. И дело пошло...

Сначала по круту было распродано сушеное мясо, предварительно разделённое на пять частей. Пятую часть помощник сунул обратно в мешок...

Затем так же начали покупать сушеную рыбу. Помощник давал каждому попробовать по маленькому кусочку. Все были в восторге и необычайном возбуждении.

В торге принимал участие каждый, высказывая свое мнение, то ли подбадривая покупателя, то ли делая замечание. Но все же было слишком много абсурдного. За одно мясо было выручено золота примерно с человеческий кулак. Трудно было поверить, что эти оборванцы могли обладать такими несметными богатствами. Но все оказалось правдой. У Синя попробовал на зуб. Металл был податливый, явно тяжелее обычного камня и поблескивал при свете луны.

Все были чрезвычайно довольны результатами торга. Никто не стал тут же поедать приобретенную еду, разве только попробовали. Затем явно ослабевшие от возбуждения обитатели стали медленно расходиться.

У Синя насторожило то, что обитатели смотрели на его сияющее от счастья лицо с какой-то странной усмешкой. Несомненно, они чувствовали свое превосходство над ним, по сравнению с ними ничего не понимающим. Несомненно, они знали Нечто, что давало им возможность смотреть на него свысока.

Он растерялся и, оставшись один в полной темноте, с опаской долго прощупывал пальцами золотой песок и пробовал на вес и зуб самородки еще и еще раз. Никаких сомнений не было. Это — золото. Золото — мечта всей его жизни. Он — состоятельный человек! Он достиг цели жизни! Добился своего. Даже больше. За столько золота сможет теперь купить все.

Он так был воодушевлен и возбужден обретением невиданного богатства, которое свалилось на него неожиданно и неожиданно, что не чувствовал холода. Лежал на плоском камне, смотрел в звездное небо и грезил прекрасным будущим.

МЕЧТЫ, МЕЧТЫ

Это была удивительная ночь. Светила ущербная, но яркая луна. Далеко мерцали звезды. Ах, как триумфально он вернется назад и обустроит совершенно новую, ни на что не похожую жизнь!

Первым делом — купит перевоз у Старого Лодочника. Определит ему пожизненное безбедное обеспечение. Пора создать новую паромную переправу, затем построить мост. Это значит — все торговые пути лягут через него... Но он подберется и к “Веселому заведению”. А что он с ним будет делать?.. Ну, потом видно будет. Главное — размах... А там!

Голова шла кругом. Под утро, скрючившись, заснул. Когда проснулся от холода, уже начало светать. Первым делом стал вновь рассматривать свое золото. Все было настоящим. Сомнений не было! От этого опять объяла его жаркая радость.

Сложил золото в свой кожаный мешок и пошел назад по вчерашнему направлению. Странная ухмылка вчерашних участников торга не выходила из головы. С чего бы это? Почему они так странно улыбались? Может, они сегодня вернутся и отнимут золото? Все возможно. Во всяком случае, их облик не вызывал доверия. Такие могут всё. Они — познавшие нечто запретное, ни перед чем не остановятся...

Нет, здесь ему больше нечего делать, надо скорее уходить. Главное, суметь спасти вдруг приобретенное богатство. Ноша была тяжела. Но теперь, если сумеет перевалить через край этой чаши, то тащить вниз будет намного проще. Во всяком случае, можно спускать груз вниз по веревке. Или даже бросить вниз, а затем найти, спустившись после.

Ему повезло — совсем недалеко от того крутого склона он нашел более пологий, по которому можно было хоть с трудом, но пробираться вверх между огромными валунами. Когда с великим усилием удалось достичь края, он увидел, что о спуске вниз нельзя было даже помышлять. Ибо это была верная гибель. Так было высоко, что звук камня, брошенного вниз и наконец достигшего дна, почти не был слышен.

Вот это да! Он, будто призывая небо в свидетели, поднял голову, но на небе не было ни луны, ни солнца, а только низкие сырые облака. И те были более счастливы, чем У Синь — они могли странствовать, где хотят, а У Синь сидел, прикованный к мешку с золотом, как каторжник к своему чугунному ядру.

А каким чудом он взобрался сюда? Что им двигало? Какая жажда и страсть? Видимо, только помощь двух братьев подняла его в эту адскую чашу. Да, он уже назвал ее адской. Ведь ясно же — отсюда нет выхода. Стоило столько стремиться, пройти через невозможные преграды, обрести богатство и понять, что попал в западню. Вот отчего над ним смеялись. И правильно смеялись.

БАРСА КЭЛМЭС

Вдруг он ощутил, что как будто кто-то приказал ему успокоиться. Он стал размышлять. Должен же быть иной путь. Как-то же даже эти доходяги сюда взобрались? Но, опять же, почему не ушли? И неужели его ждет их участь? Неужели отсюда нет возврата? Может быть, именно про это место говорили хунны: “Барса Кэлмэс”?

Он вспомнил зловещую легенду... Нет, там был остров в море, откуда никто не возвращался. Но какая сейчас разница? Что с острова, что из небесного котла...

Тучи постепенно прогонялись ветром, и оказалось, что уже высоко поднялось солнце. Стало видно, что земля простиралась где-то далеко-далеко внизу за синим маревом. А под ним была пропасть. Вот тут-то и рухнула последняя надежда. С такой вышины нет возврата...

Он лихорадочно озирался, все-таки надеясь отыскать путь спасения. В котле никого не было видно. словно вчера были не люди, а призраки. Он стал звать, но никто не отозвался. Спустился немного вниз к синющему вдаль озеру. И каково же было его удивление, когда вместо воды обнаружил огромное количество голубых камней — изумрудов.

Но какой же ужас он испытал, увидев повсюду белеющие скелеты людей и черепа, иссушенные солнцем. Среди костей валялись золотые самородки. Он стал торопливо собирать их в кучу. Но затем, устав, разогнулся и увидел, что таких куч множество...

— Здесь золото ничего не значит, — сказал он вслух. — Ни-че-го. — Он сел, взял в руки череп побольше, насыпал в него мелких самородков и позвонил как в колокольчик. Дробный глухой звук напомнил звонкий колокол на далекой заставе Сангуань. Там колокол звал на обед. А здесь что есть? Глотать кости? Глотать самородки? Он свою еду вчера выменял на золото, которое здесь валялось везде...

Здесь, кроме безумных от алчности обитателей, которые нечеловеческим усилием взобрались сюда, не было ничего живого. Ни мышей, ни змей, никаких иных зверей и тварей.

Он стал искать вчерашних обитателей, облазил почти весь котел, но никого не нашел, словно все куда-то провалились.

Его окружала удручающая картина: огромные валуны и черный песок, а внизу изумрудное озеро. Из которого еще никто никогда не напился.

А золотых самородков здесь было так много, что он скоро перестал их собирать. Ходил, запинался за них и отпихивал в сторону. Они хорошо были заметны на фоне черного песка.

КРОВАВЫЙ ПИР

Вдруг он встрепенулся, услышал гортанные крики, второй, третий. Слово кого-то звали или перекликались. Оказалось, это были огромнейшие грифы с голыми шеями, крайне неприятного и страшного вида. У Синь затаился.

Грифы деловито облетали, внимательно осматривая каждый валун. Вдруг радостно вскрикнули и сели неподалёку. И тут же, вытягивая длинные шеи, стали что-то тяжелое тащить из-за груды камней... Они кряхтели, кашляли почти как люди.

Скоро появилось что-то лохматое, бесформенное... Оказалось, это был труп вчерашнего одноглазого трясуна. Волосы У Синя встали дыбом. Он отвернулся, чтобы не видеть подробности этого страшного пира. Кинулся прочь, чтобы не слышать звуки ударов клювов и жуткие восторженные причмокивания. Бедный Трясун... Вот и завершились его земные похождения.

— Вот так и живем.

У Синь прямо подскочил от неожиданности, вдруг услышав разумную человеческую речь.

Это был вчерашний старик, вылезавший из-за камней. У Синь рассказал ему, как грифы выволокли Трясуна и стали рвать на куски.

— Это хорошо. Наконец прекратились долгие страдания несчастного странника. — Старик, увидев удивленное лицо парня, печально добавил: — А что у него было? Тюрьмы да неволя, каторга. Как и мы, хотел разбогатеть. И что? Такая участь ждет каждого из нас. В конце концов хорошо, что хотя бы для этих птиц мы представляем интерес... Ужасно, но это так... Хотя в ином качестве вернемся назад на землю. Иного будущего у нас нет.

В это время рядом с ними возникла фигура вчерашнего Длинного, который при свете дня оказался не выше его. Но был он такой же ехидный, как и вчера.

— Ну что, купец, распродал свой товар и уже, наверное, проголодался? Зато ты бога-а-тый, — с издевкой протянул он. — Вчера бедный, а сегодня столько золота! Хэ-хэ-хэ!

— Ладно, ладно. Вчера поиграли от души, пошутили и хватит! — прервал его старик и увел У Синя прочь. Они подошли к глубокой пещере, дно которой уходило глубоко вниз.

— А кем он был там, на земле?

— Трудно поверить, но был самым настоящим и даже очень крупным купцом.

— Ах, вот почему он так хорошо организовал торг! — сказал У Синь. — И как же этот крупный купец оказался тут?

— Думаю, не от хорошей жизни. Наверное, он разорился или какое несчастье случилось, но он не любил говорить об этом.

— Ну, а вы сами кем были?

— Я был старостой горного поселения. — Старик горестно вздохнул. — Знал бы ты, как хорошо я жил... Но я не люблю вспоминать об этом.

— А я небогато жил, но теперь кажется, что так счастливо. Служил, работал с родителями, был перевозчиком. Но что теперь, ведь отсюда нет выхода. Нет спасения. Буду ждать смерти, а потом грифов.

— Так-то оно так. Но если вдруг нечто произойдет и ты спасешься?

— Нечто? Дух святой прилетит? Не рви душу.

— Но вдруг... Надо надеяться до конца, — глаза старика задорно блеснули.

— Бред это, — махнул рукой У Синь. — Какая надежда, когда ясно, что отсюда нет выхода. Я сегодня утром поднимался на край кратера. Там пропасть. Как я оказался здесь — не понимаю.

— Человек живет надеждой на лучшее. В нашем случае — на спасение. А спасение возможно только через веру. Нельзя без веры.

Старик, вполне довольный, лёг на плоский камень и подложил под голову гладкий черный булыжник.

— Сейчас самое лучшее время. Ночной холод ушел в тень, а жара еще не настала. Вот днем тут такое пекло будет... Тогда спрячемся за прохлад-

ными камнями. Теперь благодать!.. Хорошо! Вот я теперь вспоминаю, какую бесполезную, бестолковую я жизнь прожил!.. сколько глупостей наделал. Пренебрегал тем, что имел, зарился на чужую долю. А она, оказывается, никогда не приносит счастья, а, наоборот, разрушает твоё утро.

— А вам сколько лет, почтенный?

— Мне уже шестьдесят, но даже в столь преклонном возрасте не нажил ума... Всем был недоволен, ничему не верил, кроме золота. Иначе бы я был в своём поселении у себя дома, а не пустился, как мальчик, в эту авантюру за золотом... Ведь жил же... был уважаемым человеком, работал ради людей, но казалось — мало меня ценят, не воздают по заслугам. Все завидовал купцам и богачам. Зависть заела... Зависть, страсть разбогатеть... Вот и сорвался... Все потерял, что нажил, чего добился всей жизнью. О, какой я дурак...

У Синь вспомнил совсем непочтенного, несерьезного, смешливого, даже ребячливого старика двухсот лет от роду и его младшего братишку. “Все в этом мире относительно”, — подумал он. А ещё подумал, что думает уже как древний мудрец, постигший множество тайн бытия.

Ну, что ж. Надо было как-то устроиваться. Старик поделился с ним его же проданными запасами и предупредил, что здесь совсем нет воды. Только ночью собирают росу, кладут тряпку на влажные камни и потом её выжимают.

— Занимай пещеру, в которой жил покойный Трясун.

Но У Синь не захотел пойти в неё и остался на солнце.

О-о, что началось днем! Это было нечто невообразимое. Воздух так накалился, что обжигал дыхание. По горячим камням нельзя было ходить, все вокруг пылало жаром.

Когда стало совсем нестерпимо, до того, что стало дышать нечем, пришлось, конечно, убежать в спасительную прохладу пещеры.

Иногда со дна пещеры поднимался отвратительный, ни на что не похожий запах. Там на дне непрерывно булькало, дышало. Ощущалась постоянная дрожь, а иногда и толчки.

Так прошел день, другой, третий... На третье утро обнаружилось, что умер и Длинный. И опять налетели грифы и начали свой кровавый завтрак у всех на глазах. К своему удивлению, У Синь воспринял новую трагедию спокойно, почти привычно, уже не так, когда умер Трясун.

Трое оставшихся во главе с Солдатом обследовали пещеру Длинного. Каково же было их изумление, когда они обнаружили припрятанные запасы еды. Как понять то, что человек умер от голода, имея солидное количество съестного? Было очень странно и дико... Впрочем, здесь все было возможно.

Все добытое поделили поровну и справили поминки. А к концу дня Солдат начал беспокоиться: “Неужели никто больше к нам не придет? Неужели там внизу уже не осталось авантюристов, готовых ради золота пуститься в любой трудный, почти безнадежный путь?”

Настал седьмой день... Все заметно сдали, старик перестал ходить... Солдат начал заговариваться... Видимо, начал сходить с ума.

Дни стали казаться все длиннее. Дождаться дневной жары и ночного холода становилось все труднее и труднее.

НОВЫЙ БЕЗУМЕЦ

Однажды под вечер раздался вполне разумный радостный крик Солдата:

— Эй, все сюда! Скорее сюда! К нам пожаловал очередной купец! А какой он оказался добрый молодец!

У Синь поднял старика, и они медленно подошли к круглому камню.

Это был худощавый человек средних лет. Конечно же, хуннских кровей и даже рода. Рода У Сун...

Видимо, их внешний вид не вызывал у пришельца особого расположения. Он испуганно озирался по сторонам, готовый на все...

— Ладно-ладно! Хватит скалиться на него, — прикрикнул на Солдата

старик. — Он же гость. И притом долгожданный, дорогой гость и только потом купец... Сейчас ты оглянись, а затем начнем торг.

— А я... Я не купец. Мне нечем торговать...

— Ничего-ничего, ты не торопись. Если присмотреться, у каждого хоть что-нибудь найдется, что заинтересует другого... — сказал старик многозначительно.

Солдат поддержал старика:

— Не думай, что мы доходяги какие. Может, и выглядим неважно, но все мы солидные, очень состоятельные люди. Все мы обладаем несметными богатствами.

У Синь смотрел на новичка, на неопишемое выражение его лица и вспоминал себя самого всего несколько дней назад. Он за это время познал столько неожиданного, что совершенно преобразился и стал другим человеком.

— Ладно, давай не тянуть, может, начнем? — предложил Солдат с присутствующей ему прямолинейностью и подкинул с ладони на ладонь самородок округлой формы. — У нас есть то, за чем ты сюда взобрался, вот в эту заоблачную даль.

— Что это? — У парня знакомо заблестели глаза подверженного страстью к желтому металлу. Он догадался и сразу вспотел.

— Но у меня же ничего нет... Ничего. Почти... — сокрушался парень и дрожащей рукой достал свой заплечный мешок.

— Давай-давай, выкладывай, что у тебя там?

Парень достал из мешка, видимо, самое дорогое, что у него было: нож, длинную кожаную веревку, шило, трут. Но, увидев, что все это богатство не вызвало никакого интереса, совершенно пал духом.

В конце из небольших мешочков достал немного бобов и риса — совершенно бесполезного здесь, где не было ни огня, ни воды, чтобы его сготовить.

Но, тем не менее, с деланным воодушевлением они начали торг.

У Синь почти не участвовал, а только наблюдал. Ему было очень неудобно, что он так много знает и понимает из того, что пока недоступно новичку. Как он хватал очередной кусок золота! Как он весь дрожал! Бедный. Пока бедный. Но скоро он разбогатеет и станет... еще беднее.

Все же У Синь выменял за самородок длинную веревку. Видимо, что-то помимо его воли жило в нём и надеялось на перемену жизни.

Больше всех был воодушевлен Солдат. Вошел в такой азарт, был таким разумным и обстоятельным, что трудно было подозревать, что он на самом деле сумасшедший. После торга, оставив нового богача один на один с кучей золота, все разошлись по норам. Настушило благодатнейшее мгновение, когда после дневной жары наступила желанная прохлада, но еще не было холодно.

В этот вечер звезды сияли с особой силой.

— Наверное, внизу на земле будет ветер, — с тоской заговорил старик. — Под ним будут качаться деревья в лесу, травы в тени... волны в реках и морях. Какая досада, что это Божье творение мы не понимали и не ценили. Здесь всегда неподвижен воздух. А как хотелось бы настоящего ветра...

Они сидели на плоском камне, на котором свершались торги.

— Я вот долго-долго думал и придумал для тебя единственный способ спастись, — сказал старик. — Опять не то говорю. Не я придумал, а Всевышний Тэнгри сжалился над тобой и вложил в меня эту мысль.

У Синь промолчал, ибо уже ничему не верил. Он подумал, что старик тоже, как Солдат, начал заговариваться — о каком спасении можно говорить, когда здесь столько скелетов и ни одной даже легенды о том, будто кто-то когда-то спасся...

— Ты не веришь. Но слушай, что я придумал. Спасти тебя могут только грифы. Надо суметь сделать петлю и суметь заарканить одного из них, но только не за шею, а за ногу... Это будет трудно, но если суметь, то гриф, большой, сильный, тебя поднимет. Возьми с собой заплечный мешок с самородками затем, чтобы, когда гриф начнет выбиваться из сил, скидывать их. Главное, чтобы ты снова ступил на землю. Теперь ты понял, что золото — ничто, иллюзия, которая столько душ сгубила и еще сгубит... Вот в чем бе-

да-то! Но, видимо, никто не образумится. Постарайся остаток жизни прожить разумно, осознавая ценность каждого мгновения жизни, отпущенного тебе. А главное — молись Спасителю своему, все мы в его власти. Всю оставшуюся жизнь твори добро. Только этим ты сможешь отплатить Ему Его добродетель...

У Синь молчал. Ему стало жутко от подозрения, что и старик начал сходить с ума.

— Чую, это моя последняя ночь, — вздохнул тот. — Слушай. Утром около моего тела насторожи петлю, а сам, заранее обвязавшись концом веревки, спрячься. К трупам самым первым подходит самый крупный — значит, самый сильный, он сумеет поднять тебя. А теперь молись Богу о нас с тобой... Проси себе спасения, а мне упокоения... Главное, чтобы Он услышал и обратил внимание на тебя и на твою мольбу. Для этого молиться надо от души, искренне... Он добрый, он услышит искреннюю молитву и поможет...

У Синь вышел и, обратившись лицом на восток, откуда пришел сюда и куда желал вернуться, откуда должно подняться солнце, стал молиться, как это делали все хунны.

Он не помнил, сколько поклонов совершил, какие слова говорил, творя Всевышнему молитву... Но будто нечто раскрылось в нем в эти высокие мгновения молитвы. Было ощущение, что он парил... Он потерял ощущение времени, не чувствовал ни холода, ни голода, словно поднялся над всем миром... Когда пришел в себя, уже настало утро, он весь был в поту, изнутри согревало странное тепло, ему даже был приятен легкий ночной мороз. В эту ночь было так холодно, что даже камни покрылись инеем.

СПАСЕНИЕ

Спустившись в пещеру, У Синь обнаружил уже окоченевший труп старика. Он легко поднял его и вынес наружу. Распутал длинную веревку, которую выменял вчера, соорудил петлю у трупа, другим концом обвязал себя и мешок с четырьмя крупными самородками. Мелкие он не стал брать. Стал ждать и продолжал неустанно молиться.

Поднялось солнце. Он услышал знакомые крики планирующих над трупом старика птиц. Спрятался за камни.

Получилось очень удачно, ровно так, как было задумано. Когда к трупу старика подошел самый крупный гриф, У Синь дернул веревку и удачно заарканил его за ноги. Гриф, от неожиданности вскрикнув почти по-человечески, отчаянно замахал огромными крыльями и тяжело поднялся в небо вместе с У Сином.

Видя, как тяжело грифу, как он даже стонет, пытаясь подняться, с усилием взмахивая огромными крыльями, У Синь понял, что переборщил с грузом, и бросил вниз крупный самородок. Это сразу почувствовалось. Гриф поднялся выше, они перевалили за край котла, и гриф стал планировать вниз от высоты, подернутой дымкой. Земля стремительно приближалась, уже ясно проступали угрожающие клыки каменных вершин. Разобьемся, понял он и сбросил еще один самородок. В мешке осталось только два.

Грифу опять стало легче, и он уже более плавно летел в сторону зеленоющей вдали долины. Вдруг под ними показалась река со стремительным течением. Конечно, это была Хуанхэ. Ее желтые воды стремительно приближались. Утонем, испугался У Синь и бросил оставшиеся два самородка, которые бултыхнулись в желтые воды Хуанхэ. Вконец выбившийся из последних сил гриф летел над самой водой, но дотянул до берега. Вот и берег с благоухающими цветами и высокими травами. У Синь достал нож и, отрезав веревку, свалился на землю. Свалился и гриф. Но силы к нему вернулись быстрее, чем к У Сино, и он улетел. Видимо, доедать труп старика.

Какой здесь были запахи! Какое благоухание! Это после испытанного в кратере смрада. Впервые столько оттенков почувствовал он. Спустившийся с небес? Или поднявшийся из ада? Он долго лежал без движения, еще не веря в свое чудесное спасение.

Тут он услышал журчание воды. Это был родник. Он еле поднялся, шатаясь, дошел до родника и долго пил... Какое это было наслаждение! Никогда в жизни он не был так счастлив.

Добрел до берега реки, забрел в нее, снова жадно напился, умылся. Как же было радостно ощущать прохладу, дышать воздухом пространства. Прямо у ног он увидел большую рыбу и прямо руками поймал её. Развел костер, зажарил рыбу на углях, наелся досыта. Все было внове. Все имело сто оттенков вкуса, цвета, столько ощущений, о существовании которых он раньше и не подозревал даже.

Началась совершенно новая жизнь. Новая, неведомая, незнакомая и прекрасная жизнь. Он начал изо дня в день, не переставая удивляться, заново открывать для себя ее, эту чудную, чудесную, прекрасную жизнь...

И, как оказалось, единственную и неповторимую... такую несравненную — а раньше он не понимал, не знал, не ведал этого.

ГДЕ ЦЕНТР МИРОЗДАНИЯ?

Вот и открыл он Центр Вселенной... Этот кратер? Да нет, центр оказался у него дома. Блаженный край, куда стекаются все блага мира, не зря китайцы определили свою родину как срединную землю, куда съезжаются со всех сторон за удачей, счастьем, за лучшей долей все китайцы и некитайцы, которые в конечном счете сливаются в единое целое. Многие неразумные не понимают, что уже по праву рождения обладают великим благом. Но человек такая тварь, что никогда не ценит то, что достается ему даром.

И идет... искать лучшую долю, которой нет. Да, есть такие. Но кто знал, что лучше этой — нет и не может быть. Это понимание приходит к человеку ценою невероятных страданий. Чего искать, когда за тебя найдена, тебе подарена Всевышним твоя родина!

Почему же так устроена натура человека, что он более ценит призрачное, ложное, ему ближе иллюзорное, чем реальное, обыденное окружающее? И начинает ценить, только потеряв безвозвратно силы и здоровье, энергию. Почему так?

У Синь тяжело, как-то по-стариковски вздохнул и успокоил себя мыслью, что и большинство людей прозревает всегда слишком поздно. Когда жизнь проходит. Понимание истинных ценностей и есть великое благо, которое он обрел все-таки не в старости. Он натерпелся многих страданий. У него будет болеть надорванная спина, многочисленные ушибы колен, суставов, шеи, спины... Но отныне он будет жить иначе, ценя каждое мгновение, данное ему Всевышним. Отныне он обрел понимание своей высокой доли, подаренной Спасителем. Было время, когда он все это воспринимал совсем превратно, как несчастье, неволю. Многие проживают жизнь, словно отбывают наказание, и вместо того, чтобы радоваться — страдают.

У Синь собрал сухой плавник, гибкими тальниками связал крепкий плот и пустился вниз по течению... Сидя на плоту, смотрел на меняющийся облик родной реки и не мог наглядеться. Так она красива! И это е го река! Он был счастлив. Он даже плакал, слезы радости струились по лицу.

Затем, вдоволь налюбовавшись вечерним закатом, засыпал крепким сном. А река, нежно покачивая плот, несла его вниз по течению к родным пределам.

БЕРЕГ ЛЕВЫЙ, БЕРЕГ ПРАВЫЙ

Левый пустынный, немного суровый берег — хуннский. Отсюда начинаются степи его хуннских предков. Но, опасаясь всяких неожиданностей, он держался ближе к правому — китайскому берегу. Правый берег был полностью обжит. Чувствовалось, что каждый клочок земли ухожен, каждая травинка под присмотром.

Узнавать родные очертания он начал однажды рано утром. С густонаселённого правого берега махали, приветствуя проплывающего мимо путника.

И вот скалистый высокий правый берег...

Издалека виден Веселый Дом. Но его огни уже не волновали У Синя, как прежде. Он был равнодушен, чему сам удивился: ведь было время — он почитал обитателей этого заведения как обретших вершину человеческого счастья. Он завидовал завсегдатаям этого райского уголка. Он мечтал... О-о, как он мечтал хоть чем-то походить на них: походкой, повадками, гонором и говором...

Но теперь он смотрит на это сословие иначе. Теперь У Синь знает цену всей сущности богатства. Пристань! Сердце радостно забилось при виде лодок с поднятыми веслами.

Наверху, на своем излюбленном месте так же, как год назад, сидел Старый Лодочник...

— Здорово, добрый молодец, с возвращением!

Они обнялись.

— Вижу и чувствую, помотало тебя! — старик улыбнулся доброй, широкой улыбкой. — Ты изменился... Это очень хорошо. Человек должен успеть вовремя измениться.

У Синя очень удивило, что буквально с первого взгляда Старый Лодочник безошибочно по его глазам, по его внешности определил другим невидимую перемену, произошедшую в нем... Удивительно.

Старый Лодочник и разговаривать с ним стал совершенно иначе. Как с равным себе. А раньше только с усмешкой. Отшучивался и говорил: “Ну, это для тебя ныне недостижимо, ты сейчас с другого поля ягода. Потом поймешь, если сумеешь, хотя не все доживают до понимания. И даже не все дожившие достигают понимания”.

Они сидели за вечерним чаем. У Синь не мог наговориться. Всему изумляясь, слушала его и дочь лодочника. У Синь спросил:

— А вы, почтенный, неужели тоже были там, где я был?

— Может, и был... — Лодочник многозначительно усмехнулся. — Много всякого навидался я, хлебнул многое, очень многое. Но главное не то, где ты был, а то, что оттуда вынес... Вот в чем дело.

— А я ничего не сумел вынести, — печально, но без всякого сожаления вздохнул У Синь, вспомнив свои самородки.

— Нет, ты не понял меня. Я имел в виду совсем другое. Мешок у тебя пустой, как был. Но я вижу и нечто другое — ты вынес самое ценное, что можно оттуда вынести. Молодец ты.

— Как-то странно вы выражаетесь. — У Синь и на самом деле не понял старика: что он хотел этим сказать? — Там, где я был, о, вы бы знали, столько золота и всяких камней! Прямо валяются под ногами. Так много, что никто не подбирает, ибо там оно никакой цены не имеет. Люди даже, может, из-за обиды, что ли, как-то издевательски относятся к золоту. Ибо все туда попали из-за страсти к золоту, вот и вымещали обиду подчеркнутым пренебрежением, граничащим с ненавистью.

— Знаем-знаем... — опять многозначительно усмехнулся старик.

— Так скажите наконец, и вы тоже там были? — опять переспросил У Синь. — В Барса Кэлмэс?

— Может, и был... Но и Барса Кэлмэсов несколько. Дело совсем не в том, где ты или я точно были. Они все схожи своей полной безнадежностью. Это места крушения всех иллюзий... Горькая правда в том, что очень мало и редко кто возвращается целым и невредимым оттуда. Немногим удается спастись. Но и из их редкого числа еще мало кто выживает и находит силы продолжать жить дальше. Вместе с иллюзиями многие теряют и смысл жизни. Ну, я вижу, ты молодец... Ты из такого пекла, из такой безнадежности вырвался, что ты должен, обязан жить дальше...

— Спасибо, почтенный, за вашу доброту, за вашу мудрость.

— А где ты и как ты будешь жить?

— Как где? — У Синь удивился и даже слегка опешил, огорчился: не хочет ли почтенный отвадить его от себя? Почему бы и нет? Все может быть.

— Что смешался? Еще и не решил, где?

— Да... Я как-то об этом и не успел подумать.

— Ну, подумай. Думать тоже надо вовремя, чтобы не опоздать, не упустить свой шанс, не отстать от своей лодки... Бывают люди, которым привалит счастье, а они сомневаются, а когда проплыло — сокрушаются. — Старик замолк и посмотрел на желтые воды Хуанхэ. — Ну, если не решил, где, можешь пока у меня остаться.

— А я... я как раз хотел об этом попросить... — У Синь в это мгновение вздрогнул, чем-то пораженный, по всему его телу прошла горячая искра: он увидел, как у очага встала дочь Старого Лодочника...

Как она преобразилась!. Не было в ней прежней полноты, неуклюжести, угловатости... Она налилась удивительной красотой. Движения ее стали плавными. А кудрявые соломенные волосы были сплетены на хуннский манер в восемь тугих узлов.

Вообще удивительное произошло везде. Весь городок, все люди словно в одно мгновение преобразились. Если раньше были видны только скверные черты, грязь, непотребство людское и природное, то теперь все это исчезло, а проступились совершенно иные черты, ранее незаметные, невидимые и совершенно незамечаемые.

Даже желтые воды Хуанхэ, закаты, восходы, небеса стали совершенно иными, словно кто-то подменил. Так они преобразились, что не верилось... Куда он вернулся? Что случилось с прежней надоевшей, серой обыденностью под серым небом?..

Столько ярких, неповторимых красок везде. Изумительные восходы и закаты, удивительные небеса. Все неповторимо красиво. Все изучало радость и довольство.

У Синь не переставал удивляться. Он теперь целыми днями и даже ночи напролет сидел на берегу, смотрел и смотрел на ежеминутно меняющийся прекрасный мир. И восторгался красотой, восхищался непрестанно.

И он понял, что, наконец, обрел покой. А дальше? А дальше он женится на белокурой дочери Старого Лодочника. Придет время, сядет на его место и без всякого сожаления просидит тут всю жизнь, от восхода до заката, от ранней весны до поздней осени...

На склоне лет его тоже окрестят Старым Лодочником. Сбудется предсказание почтенных старцев в Темной Комнате, что он будет служить родному пограничному ведомству, следя за переправой как за границей.

Прослужит он на своем посту ровно столько, сколько отпущено будет ему Всевышним...

Перевод с якутского В. Крупина

ИГОРЬ ЛУКЪЯНОВ

МЕТРО — 2003 ГОД

Когда гламуристый народ —
Стране знакомые всё лица, —
Сплетясь в бесстыдный хоровод,
С размахом царским веселится —
В проходе стольного метро
В полубезумье алкогольном
Десантник спившийся Петров
Ползёт по грязи, как по полю.
Дым поражения над ним.
Резвятся богачи и бляди.
Ползёт солдат, ползёт к своим...
Своих — ни впереди, ни сзади.

ТРЯПИЧНИК

Сквозь японоразные вещички,
Что создал технический прогресс,
Вижу, едет уличный тряпичник
Из моих послевоенных мест.
Приезжал внезапно на телеге.
Открывал потёртый сундучок...
Сдашь утиль
и получи — не деньги,
А из глины расписной свисток.
Сдашь утиль —
и мячик сине-жёлтый,
Маленький, тугой —
в твоих руках...
Русского прогресса самолёты
Высоко гремели в облаках...

РОССИЯ — ДЕВЯНОСТЫЕ

Довольно лжи. Довольно маскарада.
Рвёт душу правда горькою слезой.
Смрад подлости, наживы и разврата —
Над православной праведной землёй.

Хохмят паяцы. Травят анекдоты
О том, чем ты гордилась и жила.
Молчат во мгле расхристанной свободы
Набатные твои колокола.

г. Борисоглебовск

ИРИНА КОМАР

МОЛОДЫЕ

И дым Отечества...
А. С. Грибоедов

Не могу на них смотреть,
Задыхаюсь от бессилья...
Все расчётливее смерть
Ставит молодость России
К стенке винного ларька
И палит наверняка.
Смерть на выдумки хитра —
То поманит, то обгонит.
Ишь, резвится детвора
На протянутой ладони!
Пыл её неукротим:
Всюду жаркий запах тленья,
Что им снится, молодым,
В приторном дыму забвенья?
Не хватало голосов,
Чтоб отпеть страну героев —
Героиновых басов
Хор отлажен и настроен!
И стенает серафим,
Прах в котомку собирая,
И струится сладкий дым
К золотым воротам рая.

* * *

За что такое? Что это такое?
Господень дар? О, Боже, не мани!
Верни мне состояние покоя,
Верни мне добродетели мои!

Мне тяжело, я плечи опускаю,
Кладу поклоны и, сплеча рубя,
Я от себя всё время убегая
И возвращаюсь в новую себя,

В которой нестерпимо зреет сила,
Выдерживаясь долго, как вино.
Спасибо тебе, Господи, спасибо,
Но всё-таки...
Спасибо всё равно!

г. Хабаровск

ИРЕНА СЕРГЕЕВА

* * *

Смотреть на лица молодые
русоволосых земляков
и думать: сколько у России
в запасе песен и стихов!

И говорок рязанский, псковский,
речей естественная статья,
и даже облик их неброский —
чтоб душу лучше понимать...

Смотреть на них и думать: снова,
где травы юные встают,
придут Кольцовы и Рубцовы
и песни новые спюют.

* * *

Ко Дню Победы распустился кактус —
в колючих листьях аленький цветок.
Про наши беды позабылось как-то,
но про победы он напомнить смог.

Да, всё же есть в том некий скрытый символ!
Я вижу танк, окопов смертный ров,
противоборство наше с вражьей силой,
колючки проволоки и пролитую кровь.

* * *

Город. Отели... Бордели.
Летний... Нева... Эрмитаж...
Мы ли врага одолели,
если теперь он не наш?

Мыли, скребли, разбирали...
И возносили мольбы...
Нет Ленинграда развалин —
только руины судьбы.

г. Ленинград

ВАЛЕРИЙ МУТИН

* * *

Леса, торфяники, поля,
Большак, зовущий в путь.
Мне силы давшая земля,
Благословенна будь
За то, что лишь в родном краю
Удачлив был в делах.
Люблю тебя. И в даль смотрю
Сквозь слёзы на глазах.

* * *

Дом заброшенный. Кладбище. Поле.
Быт крестьян, не способных на бунт.
Будто в прериях, бродит на воле
Лошадей одичавших табун.

Знать, дела у хозяина шатки.
Не сидеть ему больше в седле.
Безработными стали лошадки
На вконец разорённой земле.

Обмелевшие мёртвые реки.
Бесконечные вырубки. Рвы...
В двадцать первом губительном веке,
На сто первой версте от Москвы.

Ярославская обл.

ЛИДИЯ ПОЛЯКОВА

ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ

Виноград. Олеандр. Кипарис.
Сладкий ветер персидской сирени.
Вверх ли, вниз ли — все вдаль! — не каприз:
Пальцы содраны, сбиты колени.

О, потери! Наплакавшись всласть,
Без кокетства, оборок и грима:
Власть дороги — всевластная власть! —
Фляга, посох и плащ пилигрима.

Изменившая русло река...
Странный пленник — не данник, не бранник —
(Ни срастись, ни сбежать — берега!)
Затаивший дыхание странник.

Корни вырваны. Как без корней?
Без могил, что дороже усадеб?
Здесь под травами земли черней,
А зимой — цвет серебряных свадеб.

Можжевельник. Боярышник. Ель.
Вьёт гнездо запоздалая птица.
Петь! Не плакать! Болезненный хмель:
Нет корней. У воды не напиться.

Недоверчиво и горячо,
Преклоняя в присяге колени,
Я целую калину в плечо
Под вуалью персидской сирени.

* * *

Берёза старая над низкою оградой.
Теплом глубинным розовела береста...
Твоей последней и единственной наградой
Была надежда православного креста.

Что стало памятью о женщине прелестной —
Давно ушедшей Марфе, бабушке моей?
Она была женой — рачительной и честной —
И матерью двух крепких сыновей.

Платочек белый из-под пёстрого покрыва
И сединой ещё не тронутый висок...
Как подходила к ней нарядная обнова —
В оборках кофта и узорный поясок.

Крестьянка русская минувшего столетья:
Красавица, хозяйка, ранняя вдова...
Как быстро полыхнуло жизни многоцветье —
Ведь жили краски, мысли, чувства и слова!

Скользнул с плеча конец лавандового шарфа.
К вечерне вновь позвал нас колокол в селе.
Ах, бабушка моя, исчезнувшая Марфа!
Я проросла тобой в Просечьенской земле.

г. Рязань

ВАЛЕРИЙ ГОРЯЧЕВ

* * *

Русская природа, ручка да тетрадь,
Да любимый томик — вот и благодать.
К островку надежды среди волн тщеты,
Подождав немного, приплывёшь и ты.

Русская природа, ручка да тетрадь,
Да любимый томик — вот она и рать.
Противу наживы, лжи и суеты
В гордой обороне сдвинула щиты.

* * *

Я список Ваших книг в блокноте
Пополнил новой, и ей,
Девятой, в твёрдом переплёте,
Был рад не меньше, чем своей.

Ну а потом была газета:
Похожие на горький вздох
Стихи, в которых книгой этой
Вы словно подвели итог.

И, метко пущенная к цели,
Уже найдёт её стрела.
Ночные соловьи отпели,
И весть печальная пришла.

И мнится: не случись оплошки
У Вас в стихах про твёрдый том,
Могли бы быть ещё обложки,
А в переплёт уже потом.

Но не умеем отчего-то
Мы изменить ни дат, ни строк.
И остаются переплёты,
А соловьи смолкают в срок.

* * *

Моё время бежит всё скорей и скорей
От песочниц моих и моих пескарей
До двухсотой беды, до трёхсотой вины,
До безрыбной воды, до бездушной страны.

Под двухсотой бедой я сгибаюсь, седой.
От трёхсотой вины мои мысли больны.
На мели пескарей не видать возле дна.
А страна без души и со златом бедна.

г. Пушкино

ЕКАТЕРИНА КОЗЫРЕВА

ПРОЩАНИЕ

Безмолвных птиц полёт
над тихую рекой.
Как за сердце берёт
высокий твой покой!

Твой путь исповедим
и сладок, как тоска.
Забрезжит синий дым
озимого клочка.

Холмы, холмы, холмы,
холодных гор гряда...
И тишь, и глушь зимы,
как будто навсегда.

О ПРОШЛОМ

...В нём, кроме бедности порока,
Был низкий домик над рекой
И Родина — вся от порога
И до границ была другой.
Была семьёй страна большая,
И без обид, не в тесноте
Жила от края и до края
В святой беспечной простоте.

г. Москва

РАМИЛЬ САРАНЧИН

ВЕЧЕРНЕЕ

Уже дневная кончена работа,
И с минарета вечер возвещён,
И вместе с этим слышно: у кого-то
Корова не подоена ещё.

Ещё цветы по цвету различимы,
И маргариток теплятся огни.
И для печали вроде нет причины.
Но как печально светятся они!..

Густеет день, и наступает вечер.
И затухают тихие цветы.
И вместо них, распахивая вечность,
Созвездия плывут из темноты.

* * *

У России — осенний характер,
А у осени русские чувства...
Продымил сизым облаком трактор,
Чтобы не было в воздухе пусто.

Серый дождик, с утра морозящий,
Отмывает в телегах капусту
И по лужам гуляет с гусями,
Чтобы не было в воздухе пусто.

Под котомками гнутся старушки
И, спеша по домам по распутью,
Гулкий день перебранкой нарушат,
Чтобы не было в воздухе пусто.

г. Казань

ВЛАДИМИР МИКУШЕВИЧ

* * *

*...Или дремлешь под жужжанье
твоего веретена.
А. С. Пушкин*

Неохота нам из дома
Вечерами выходить;
Как болезненно знакома
Мне твоя живая нить!

Нить прочна, но не сурова,
Потому что ты нежна,
Не останемся без крова
Мы в худые времена.

В нашем доме каплет звонко
Даже мёртвая вода,
Ибо только то, что тонко,
Не порвётся никогда.

В тишине благоговейной
Час равняется нулю;
Я с твоей машинкой швейной
Вечность милую делю.

г. Москва

ВЛАДИМИР МАРТЕМЬЯНОВ

* * *

Привыкли к нищим.
Их теперь не счесть.
Коль мелочь есть,
бросаешь не вникая:
Кто на краю и очень хочет есть,
А у кого профессия такая.

Но, оказалось, в душах бреши есть:
Увидел, как сопливая девчонка
Кусок схватила,
словно собачонка,
И сразу торопливо стала есть.

Земля качнулась.
Крепко сжались руки.
И жадно запросили автомат:
“Неужто мы теперь такие суки?!”—
В башке метался непрерывный мат.

“Мы, русские, гроза земного шара,
А наши дети с голодухи мрут?!”
Дожить бы мне, когда в чаду базара
Зашевелится грозный русский бунт.

* * *

Недлинным клином в северные веси
Летели журавли, домой спеша.
И к этим дивным птицам, в поднебесье,
Рвалась моя славянская душа.

Пусть тосковать по Родине не ново,
Там без меня то вьюги, то дожди.
А я застрял по жизни бестолково,
Так далеко, что лучше уж не жди.

Я по тебе грущу не очень часто:
Случается, в безделье, за вином,
Какой-то день разломится ненастно
И зацветёт рябина под окном.

Так захотелось беспокойной доли,
Но, видно, на роду судилось мне,
Чтобы я здесь, бессрочный узник воли,
Сидел в своей пожизненной тюрьме.

Живу давно в державе не богатой,
Но здесь друзья и вся моя семья.
...А журавли кричат, кричат крылато,
Летят туда, где Родина моя.

* * *

Приятный хриплый баритон,
Мелодия знакома вроде.
Старик играет в переходе,
И душу рвёт аккордеон.

Слепец, седая голова,
Без грима и аппаратуры,
Поёт от сердца, от природы
Давно известные слова.

У ног сидит серьёзный пёс.
Прохожие проходят строго.
Молчат, смущённые немного,
То ли от чувств, то ли от слёз.

Поёт так, кто душою чист,
Свою выкладывая душу.
Поёт про девушку Катюшу
И про осенний жёлтый лист.

Он, весь тут, рядом, визави,
Поет за хлеб, а не для славы.
Да так, что местные шалавы
Навзрыд вздыхают от любви.

АЛЕВТИНА КОРОБЕЙНИКОВА

ПОЛЯ

И мёдом пахнет и душицей.
И даль так празднично светла.
Поля с овсом. Поля с пшеницей.
Меж них дорога пролегла.
Лишь изредка, нырнув в низину,
Между пшеницей и овсом
Кометой пролетит машина
С огромным пылевым хвостом.
И я, беспечное создание,
От дел, от дум отрешена,
Спешу сюда, как на свиданье,
Где мир, покой и тишина.

Кировская область

КРИКОР МАЗЛУМЯН

КАВКАЗ МОЙ ДОМ

Кавказ мой дом. Мне все кавказцы братья.
И да хранит Господь наш общий дом.
Пусть вскинутые руки для объятия
Не станут для кого-нибудь крестом.

Я гордого приветствую аварца,
К гортанной речи я твоей привык...
И дай мне Бог с тобой не расставаться,
Двенадцатиплеменный мой адыг.

И друг мой непокорный, поседевший
Не только лишь от прожитых годов,
Чеченец буйный, словно Терек вешний,
Я и тебя приветствовать готов.

Абхазец мудрый! О тебе ли слово
Великой дружбы в сердце не найду?
Оно открыто и всегда готово
С тобой делить и радость, и беду.

Ингуш, лезгин... Да разве перечислить
Всех вас: калмык и верный осетин!
Весь с вами я: душа моя и мысли...
Богат я в мире тем, что не один.

Кавказ наш дом. Мне все кавказцы братья,
И дом у нас, и Бог у нас един.
А вскинутые руки для объятия —
Знак мужества для истинных мужчин.

ЮРИЙ АРБЕКОВ

ЛЕРМОНТОВ

Нависли низкие туманы
над белопенною Кумой,
с Кавказа в милые Тарханы
везут хозяина домой.
Везут друзья забавы юной,
друзья счастливейших минут,
когда Мишель
с ватагой шумной
“французский” штурмовал редут,
иль в пруд величественный барский
его ныряли моряки,
или отряд его гусарский
рубил крапивные полки...
О, детства милого забавы!
Друзья дано минувших лет!
Взгрустнув, вы, видит Бог, неправы:
Домой торопится Поэт.
Скрипит натруженно телега:
и путь далёк, и груз тяжёл...
Освободившийся от снега,
зазеленел широкий дол...
Ах, если бы в такую пору —
верхом
на резвом скакуне!
Какую дал бы он им фору
в чеченском стареньком седле,

каким бы вихрем он ворвался
в Апалиху,
 в семью друзей!
Со всеми бы облобызался
по-деревенски, без затей,
и снова, снова ногу в стремя.
Неси в Тарханы, верный конь!
Мы в бой ходили, было время,
повсюду полыхал огонь,
вертелся чёртом друг военный,
и пули не задели нас...
А нынче,
 гордый, но смиренный,
 колени преклони в тот час,
когда бабуля,
 видя внука,
из дома выйдет не спеша...
Какая долгая разлука!
Как разрывается душа!
Нависли низкие туманы
над Милорайкою-рекой,
с Кавказа в милые Тарханы
свезли хозяина домой.
И в день апрельский
 в церкви новой,
на родине отпели чтоб,
поставив на века свинцовый
неприподъёмно-тяжкий гроб.

г. Пенза

БОРИС СВЕРДЛОВ

РУССКИЙ СОНЕТ

Юрию Щербакову

Я знаю: это просто Русь!
На крест святой перекрещусь
И посмотрю из-под руки
На храм старинный у реки.
Над ним дневные облака
Переплетаются пока,
Но тень сползает к ним с небес
На холм, на поле, и на лес,
И на речушку у камней,
Где дед таскает окуней.
Как никогда везёт ему —
Наловит полную суму
И не спеша пойдёт домой,
Где бабка ждёт... и домовой.

г. Астрахань

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ: СИБИРСКИЙ ПЕРИОД 1915–1919 гг.

*Кто не дождался и погиб пред пламенем костра,
Тому размерных слов седеющие свитки.
Нам — грохот жизни. Пыль, клубящая кибитки.
И тройка! Тройка! Ко вратам Великого Отца¹.*

Вс. Иванов. 1919 г.

Употребляя в данном случае слова “забытые страницы”, мы имеем в виду не тот частый в истории литературы факт, когда современники при жизни или потомки после смерти не сохраняют памяти о произведениях писателя. Нет, речь идёт о сознательных действиях автора, делающего всё возможное, чтобы определённая часть его творческой биографии как бы не существовала. Выдающийся мастер советской литературы Всеволод Вячеславович Иванов приложил много усилий, чтобы о сибирском периоде его жизни не вспоминали: не перепечатывал рассказы этого времени, снисходительно называя их слабыми, подчёркивал тот факт, что только после переезда из Сибири в Петроград благодаря А. М. Горькому и началась его деятельность как писателя. И началась “Партизанами”, “Бронепоездом 14-69” и другими известными произведениями, составившими в начале 1920-х гг. его славу “Нового Горького” (заглавие статьи В. Львова-Рогачевского, 1922), который сумел сказать “о переживаемой нами революции настоящее, яркое, художественное слово”². Архивы Кургана — города, где в 1915 г. началась литературная работа Вс. Иванова, и Омска, где оказался Вс. Иванов в 1917–1920 гг., в один из, может быть, самых сложных периодов жизни Сибири XX в., сибирские газеты того времени и сохранившиеся материалы личного архива писателя показывают, что это было далеко не так. Публикуемые ниже архивные материалы открывают перед читателями “другого” Вс. Иванова, а также дают возможность прочитать интереснейшие страницы русской литературы предреволюционных и первых революционных лет, вдали от столиц жившей полнокровной и насыщенной жизнью.

Вс. Иванов родился в 1895 г. в селе Лебяжье Павлодарского уезда Семипалатинской губернии. Село находилось на Горькой линии — так назывался район казачьих посёлков и станиц, основанных в XVIII в. вдоль Иртыша, который отделял русских от местного населения, главным образом киргизов (так в то время называли казахов). Сибирские просторы, казахстанские степи, традиции казачества и казахского народа, а также китайцев и японцев, причудливое соединение вер и обычаев старообрядцев, сектантов, шама-

¹ ОР РНБ Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 518.

² Львов-Рогачевский В. Новый Горький (Всеволод Иванов) // Современник. 1922. № 1. С. 156.

нов – вся эта “азиатчина” найдёт отражение в произведениях Вс. Иванова и многое определит в его судьбе.

После обучения в сельской школе в Лебяжьем и церковноприходской школе в селе Волчиха, на Алтае, Иванов два года (1908–1909) учится в низшем сельскохозяйственном училище Павлодара, затем работает в типографии наборщиком. Из Павлодара юноша отправляется в странствия по Сибири с цирком Коромыслова: зазывает зрителей, показывает фокусы, прокалывает себя булавками и подвешивает на них гирьки и т. п. Читает и изучает книги по магии, гипнотизму и факиризму. В результате чтения этих книг, а может быть, влекомый искони свойственному русскому человеку стремлением к духовному Граду, Вс. Иванов принимает решение идти в Индию, которая представляется ему страной высших проявлений человеческого духа и свободы. Путь в Индию проходит через Семиречье, Семипалатинск, Тюмень, Бухару, многочисленные села, монастыри и раскольничьи скиты. Отчаявшись добраться до Индии, юноша возвращается в 1915 г. в Курган, и с этого года начинается его литературная биография.

В Кургане молодой Иванов становится одним из наборщиков в типографии А. И. Кочешева. Знакомится с крестьянским поэтом – самоучкой К. Худяковым, в доме которого собиралась литературная молодёжь города. Читали Некрасова – любимого поэта самого Худякова, новокрестьянских поэтов Н. Клюева, С. Есенина. О поэтических симпатиях молодого Вс. Иванова можно судить по такому факту: в 1917 г. он подарил К. Худякову сборник стихотворений С. Есенина “Радуница” с надписью: “Кондратию Худякову для поминования Вс. Иванова”¹.

Биографии известных нам произведений Вс. Иванова также открывают стихи: “Зимой” (газета “Приишимье”. Петропавловск, 1915. 29 нояб.), “На Урале” (там же. 1916. 7 февр.) и др. Однако ведущими жанрами становятся рассказы, очерки и то, что сам Иванов определит как “сказки”. К ним относятся, в частности, “Легенды (или “Рассказы...”) об ушедшей Сибири” – небольшие произведения, сочетающие жанровые признаки сказки, легенды и притчи. Часть этих текстов Иванов, выбрав для себя псевдоним “Всеволод Тараканов”, в 1917 г. объединит в самодельный сборник “Зелёное пламя”, а в 1919 г. – в сборник “Рассказы”, аккуратно наклеив вырезки из газет, где они печатались, в общие тетради (хранятся в личном архиве писателя). Другие почти на 100 лет останутся в газетных подшивках 1915–1919 гг.

Представленные в настоящей публикации рассказы “В Святую ночь” (1915) и “Вертельщик Семён” (1916) раскрывают две ведущие темы молодого Иванова – войны и деревни. Показывают они и две грани дарования писателя – реалистическую, бытовую и условную, фантастическую. Рассказ “Вертельщик Семён” станет одним из первых, в котором Вс. Иванов откликнется на проблему “раскрестьянивания” деревни, ярко прозвучавшую впоследствии в одной из лучших его книг “Тайное тайных” (1926). В центре этого раннего рассказа – “тайное тайных” души мужаика с его тоской о земле, о доме, о спокойном хозяйстве – обо всём том, что будет утрачено русской жизнью в разрушительных катаклизмах войн и революций XX века. Совершенно в иной, символистской тональности выполнено повествование в рассказе “В Святую ночь”. Стоя на скале над рекой, несущей кровавые воды с полей Первой мировой войны, Ангел Мира и Ангел Смерти ведут разговор о человеке: “К чему людям мир? Они не достойны его, они должны выстрадать спокойное счастье...” – утверждает Ангел Смерти, и собеседнику нечего возразить ему. Удивительно, как в невесёлых раздумьях двадцатилетнего Вс. Иванова о человеке прозвучат те же оценки, которые будут им высказаны в последнем незавершённом рассказе “Генералиссимус” (1962): “После этих двух войн, двух величайших преступлений, в которых повинны ВСЕ мы, нельзя людям радоваться чудом. Они подумают – прощены. Между тем за всё, что они сделали, – в том числе и я, и Вы, – они должны перенести великие страдания, понять свою вину и тогда, может быть, могут быть прощены”².

В ранних рассказах Вс. Иванова много следов влияния как писателей предшественников (например, в рассказе “Писатель” узнаётся стиливая ма-

¹ Цит. по: Минокин М. Встречи и переписка со Всеволодом Ивановым // Омский государственный литературный музей. 29/21. Л. 26–27.

² Рукопись рассказа хранится в личном архиве Вс. Иванова.

нера А. П. Чехова), так и современников. В рассказе “Золото” прочитывается главная тема сибиряка А. С. Сорокина – власть денег, название повторяет заглавие монодрамы Сорокина “Золото”. Ивановский рассказ “Золото” своей композицией и пейзажными зарисовками отсылает также к раннему творчеству А. М. Горького: “Макару Чудре”, “Старухе Изергиль”, “Песне о Соколе” и др.: “Эх, мулла, – говорит Керим. – <...> Почему, ты спрашиваешь, мы чтим наши песни, почему любим наши сказания?” – но ответ даётся скорее антигорьковский: “Потому, – скажу я тебе, – что каждое слово песен и сказаний омыто слезами и в песню обращено долгими страданиями”. Об этом же напишет молодой Иванов и в письме Горькому осенью 1916 г.: “Мне кажется, любовь к жизни и смысл её можно понять через страдания. Разве есть другие пути?”¹ Верный себе Горький скажет в ответном письме: “Знайте, что всем нам, знающим жизнь, кроме человека верить не во что”². Однако именно веры в гордого Человека никогда не будет у Вс. Иванова. И он сам, и его герои будут искать истинную веру всегда и везде: на пашне, у шаманов, в раскольничьих скитах, но только не в человеке. Показателен диалог о свободе – одной из ключевых философских и нравственных категорий молодого Горького, – который ведут герои рассказа “Шантрапа” (1917). “Свободен ветер, свободен я!..” – вопит бродячий актер Таёжный. И слышит в ответ: “Полый ты человек. Таёжный, взболтанный. <...> Дарование имеешь, а у забора сдохнешь. Почему? Нитей у тебя внутри нет здоровых; ражий ты человек, а гнилой”. Свободный, вне родины и Бога идущий по свету человек, близкий герою молодого Горького, оценивается Ивановым как “полый”, пустой, а “мудрость жизни” он видит не в “безумстве храбрых” (эти программные слова Горького даны Ивановым в рассказе в ироническом контексте), а в другом: “Тяжёлою силою дышит океан, и кажется он сейчас воплощённой мудростью... И вот тогда, первый раз в жизни, мне захотелось поцеловать родную землю!” (“Над Ледовитым океаном”, 1917).

Тема родной земли – ещё одна из ведущих в рассказах молодого Иванова. О земле в родной сибирской деревне мечтает ставший рабочим мужик Семён Платонов (“Вертельщик Семён”). “Нужно нежно отнестись к земле, ибо это мать ваша; но вы не сыны её. И не может быть она матерью вам, потому что вы – люди-волки, люди – пасынки земли”, – говорит завоевателю Ермаку киргиз Темирбей (“Сон Ермака”, 1917), и т. п. Именно в ранних рассказах Вс. Иванова определилась эта важнейшая для него тема, которая тесно свяжет его с новокрестьянскими писателями и которая в середине 1920-х гг. практически разведёт его с учителем Горьким по вопросу о русской деревне. Истинное величие человека Иванова видит не в гордости, а в покаянии и готовности к страданию и жертве. Раскаившийся в убийстве старого киргиза, молящийся за свою душу и за свою родину Ермак (обратим внимание на то, какой сюжет о Ермаке – популярном в сибирской литературе персонаже – выбирает Вс. Иванов); раздавший бедным деньги богатого хана мудрец, который говорит людям о добре и любви (“Золото”, 1916); пожертвовавшая жизнью ради спасения ребёнка маленькая букашка Нио (“Нио”, 1916); отрёкшийся от своей миссии пророка Сын человеческий, смиренно помогающий строить жилища людей (“Сын человеческий”, 1917) и другие герои – вот, судя по всему, примеры истинного величия для начинающего сибирского писателя.

По-своему представлены в ранних произведениях Вс. Иванова прошлое Сибири – “старые годы, когда Сибирь была могущественным царством народа, который теперь вымер и не оставил по себе следов” (“Рао”), и её настоящее – “стали люди ронять старые сосны, жечь их небесной молнией, соединять друг с другом трупы и делать гнёзда” (“Нио”). На фоне очевидного неприятия Ивановым машинной цивилизации: “Машины поглотили у них (людей. – **Е. П.**) истинно человеческое” (“Сын человеческий”) – ясно прослеживается в первых рассказах молодого автора мечта о другом, измененном мире, где не будет напрасно литься кровь и “люди будут вечно помнить заветы любви” (“Рао”). “Рассказы об ушедшей Сибири” откроют в творчестве писателя тему народного утопического идеала, воплощенного в 1920-е гг. в образах “Полой Арапии” (“Полая Арапия”, 1921), города Верного, который, как говорят, ушёл

¹ Иванов Вс. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985. С. 7.

² Там же. С. 10.

под землю (“Жаровня архангела Гавриила”, 1921), Белого острова (“Бегствующий остров”, 1925) и других.

В Кургане Вс. Иванов встречается Февральскую революцию 1917 г. Вступает в партию социал-революционеров¹ и публикует свои произведения в эсеровской газете “Земля и труд”. С эсерами молодого Иванова на первых порах могли сближать утверждаемые ими идеи народовластия, “мира без аннексий и контрибуций”, осуждение “тяжёлого кошмара войны”, поддержка идеи Крестьянского союза и интересов деревни в целом, то есть главные лозунги — “Земля и воля!”² Не исключено, что Иванов мог разделять и областнические лозунги, которые, вопреки своим официальным декларациям, поддерживали эсеры, — вспомним его ностальгические легенды об ушедшей Сибири. Однако писатель, как показывают документальные материалы, довольно скоро разочаровывается в возможности осуществить эти замечательные идеи на практике.

Второй период сибирской литературной жизни Вс. Иванов связан с Омском, куда он переезжает осенью 1917 г. И вновь тесно переплетаются в его биографии литература и политика. Благодаря изысканиям сибирских учёных и краеведов: Е. Беленького, В. Трушкина, П. Косенко, Л. Пудаловой, С. Поварцова, И. Девятяровой — нам довольно много известно о круге омских писателей 1917–1919 гг., среди которых оказался Вс. Иванов. Близкими ему в это время становятся “король сибирских писателей”, как он себя называл, А. С. Сорокин; автор блестящей повести о старообрядцах “Беловодье” (1917) А. Е. Новосёлов, поэты Г. Маслов, Ю. Сопов, И. Малютин, Л. Мартынов, П. Драверт и другие. Помимо написания стихов, рассказов и сказок, Иванов стремится к издательской деятельности. Создает “Цех пролетарских писателей” и в апреле 1918 г. выпускает первый номер газеты “Согры”, в которой он — едва ли не единственный и главный автор: его перу принадлежат статьи, пьеса “Чёрный занавес”, рассказы. Вероятно, продолжению издательской работы помешала очередная смена власти в Сибири: после большевиков, Временного Сибирского правительства, Директории к власти в ноябре 1918 г. приходит адмирал А. В. Колчак.

Тот факт, что молодой писатель, бывший осенью 1918 г. в Красной армии, продолжает печататься в газетах, которые поддерживали Омское правительство (“Заря”, “Дело Сибири” и др.); осенью 1919 г. становится наборщиком и публикует свои произведения в газете Дальневосточной армии “Вперёд”, а при отступлении армии Колчака в январе 1920 г. уезжает вместе с типографией “Вперёд”, не дожидаясь победоносного вступления в Омск советских войск, — вызывал при жизни Иванова и продолжает вызывать до сих пор весьма разноречивые толкования³. Поддерживал ли Вс. Иванов Колчака, ненавидел ли его, или цинично был готов продаваться и красным, и белым, — ответов на эти вопросы мы, вероятно, не найдём ещё долго. Прежде чем осудить молодого писателя за политический цинизм, попытаемся представить себе обстановку в Сибири тех лет, когда совершенно не ясно было, какая власть всё-таки восторжествует, и, главное, ни одно из правительств не показало себя действительно народным. Думается, более всех почувствовал настроение Иванова в те дни еще один сибирский писатель, К. Урманов, также бывший тогда в Омске и в целом осуждавший поведение собрата по перу. В своих воспоминаниях он писал о встрече с Ивановым в Омске в 1919 г. в разгар колчаковщины. “Драка идёт большая”, — якобы сказал тогда Иванов, не стал слушать о разгроме восстания рабочих, а обратил внимание своего собеседника на другое: в город привезли икону Абалакской Божьей Матери, и её вышли встречать верующие. А затем прочитал стихи: “По улицам пыль, да ветер, / Да треск колокольного звона, / Одно только я заметил: / Пронесли чудотворную икону...”⁴ (стихи принадлежат Вс. Иванову. — Е. П.) Видимо, это представлялось молодому писателю важнее политики.

¹ В Государственном архиве Курганской области (Ф. р852. Оп. 1. Д. 18. Л. 25(об) имя Вс. Иванова находится в списках кандидатов в гласные Курганской Городской думы от Группы объединённых социалистов, в состав которой вошли весной 1917 г. эсеры и социал-демократы.

² Земля и воля. Курган. 1917. 20 авг. С. 5.

³ См., напр.: Поварцов С. Биография, автобиография, жизнь (К портрету Всеволода Иванова) // Вопросы литературы. 2008. № 10–12. С. 168–189.

⁴ Урманов К. Наша юность // Сибирские огни. 1965. № 2. С. 16.

Темы войны и деревни, с которыми входил в литературу Вс. Иванов, будут продолжены им в омский период творчества. Бесхитростный рассказ искаленного на войне крестьянина Прошки Пронина о том, как его встретили в родной деревне, лёг в основу сюжета публикуемого ниже очерка “Встреча”. Финальные строки его воскрешают в памяти один из самых драматичных циклов стихотворений Н. А. Некрасова “На улице”, где прохожий, видя страдания людей, “Богу поспешил молебствие принести / За то, что у меня наследственное есть”. На вставшую остро именно в XX в. проблему разрушения традиций, отрыва человека от его корней в эпоху исторических потрясений и бесчеловечного развития технического прогресса также откликнется молодой Вс. Иванов в своих ранних рассказах: “Духмяные степи” (включён в книгу “Рогульки”, 1919), “Отверни лицо твоё”. В названных рассказах и очерках, а также в небольшом цикле “Миниатюры” и др. автор надевает маску “странника” – стороннего наблюдателя происходящих трагических событий, но избранный приём повествования, напротив, подчёркивает, насколько небезразлично писателю народное горе.

Представленные в настоящей публикации произведения Вс. Иванова сибирского периода – лишь малая часть уникального материала, который войдет в готовящийся к печати в ИМЛИ РАН двухтомник “Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества” (исследовательская работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-04-00512а “Новое открытие Всеволода Иванова”). Впервые собранные вместе, эти произведения показывают, насколько многогранным было дарование молодого сибиряка, сумевшего передать в самых разнообразных формах – от романтической сказки до жёсткого реализма, почти натурализма – свои размышления о начале нового великого раскола жизни России.

Елена Папкова

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

ВЕРТЕЛЬЩИК СЕМЁН

Семён Платонов служил вертельщиком в типографии. Дело простое: стой смену в 9 часов, верти колесо у машины, подноси формы, которые нужно печатать, смой их – когда отработают. Труд не хитрый, пустой – мальчишка справится, который посильнее.

А Семён вот и к этому делу не совсем подходил: больно уж тонок, длинен и хрупок, и его продолговатое белое лицо, с большим покатым лбом, с чёрной окладистой бородою, при носке форм так вытягивалось и перекашивалось, фигура так перегибалась, карие же круглые глаза смотрели так пугливо, трусливо и грустно, что глядеть на Семёна было и тяжело и жалко!

Семён пришёл к нам из-под Омска... Где-то там, в степях, затерялась его деревушка – там его изба, семья: трое детей с молодухою. И Семёну надо бы там быть, да не пришлось: по весне жену схоронил – расход, осенью опять женился – в хозяйстве без бабы никак нельзя – вновь расход, а тут к ряду и лошадь пала – на это уже Семёна не хватило, и он ушёл на лошадинку деньги промыслить... Дело шло к зиме, оно хоть и война, – много и угнали, работа не набегала, осел Семён у нас.

Да и в городе нашем, известно, зимою – место глухое, время – тоже; народу разного находит много, хоть на сковороде его поджаривай, только работу давай. Месяца два он прошатался зря, – совсем обнищал. Перед Рождеством, наконец, выпало метелчко, – как такое счастье привалило, Семён и сам не знает: у ворот типографии человек двадцать стояло, а вот выбрали его одного.

– Задавай паспорт, вертельщиком будешь, – сказал какой-то служащий, обращаясь к Семёну. – Больше не требуется! – обернулся служащий к остальным.

Пошёл Семён за ним.

– Получше будто народу нет, – на глисту какую польстился! – промычал кто-то из толпы вслед Семёну.

Забыл Семён все напасти сразу. Сытость какую-то почувствовал и, возвратясь с работы, даже размечтался: “По весне – обязательно, к себе домой на коняге прикачу... Да чо там пешком иди! Нужно!.. Недалече от посёлка лошадиная ярмарка бывает – закуплю... И айда!.. Жена-то, ничо, – хоть вторая, а бабёшка – ласковая... парнишки, хоть дурни ещё, а коняге обрадуются. Под озимь землю осилю поднять... навоз повывозим”. И закрутились, не мешая друг другу, веселые думушки в Семёновой небольшой голове.

В типографию Семён попал большую... Вертельщиков на той машине, где он работал, было трое – он, значит, четвёртым. Работа простая, но набиралось её порядочно – только поспевай! С непривычки, что ли, а вначале как-то нудно было: от шума машин голова вроде того что пухла, а и ходить промеж работающих машин боязно... Да это всё пустяки, попривыкнуть не долго! Так и домой Семён отписал...

Дня через три товарищи-вертельщики стали к Семёну с магарычом приставать: спрыснуть надо-ть должность.

– Брага-то, Семён, хорошая!..

– Не пью я, роднинькие! – мямлил Семён.

– Не пьёшь – и не пей, а нам поставь!

– Я-то ничо, да шибко деньжонками поослаб...

– Поработаешь...

– Много, роднинькие, надо: и себя надо поддержать, бабе кое-что отправить, по весне конягу надо купить... Без коняги... землю не поднять... раззор.

– Затянул!.. неча мямлить-то... такое уж заведение... мы тоже ставили, до войны дело лучше было – и пили больше... нас не спрашивали: как да чо! Ставь, и вся тут.

Семён упорствовал, вертельщики заседали, и для первого раза дали тычка два-три по Семёновой узкой, длинной спине.

Семён не осерчал: не тем занята и была его голова, чтобы сердиться. Ему думается, что он на конской ярмарке... лошадей, лошадей-то!.. Встречаются односельчане. А этот серый всем вышел... немного стар... По рукам, что ли? Да как развяжет Семён узел у красного большого платка, которым шея повязана, да как достанет из узла три розовые бумажки, да одну синюю – ту, у которой угол оторван маненько. “Уступить надо, парень. Давай с этой маленькой сдачи, надо ведь и жене и ребятишкам гостинец...” Семён уж посадил себя на лошадь. Никак заднюю ногу немного волочит... А за этим поворотом и деревня будет видна... Эх!!!

– Последний спрос от нас: поставишь магарыч?!..

– Я бы, роднинькие, и ничо... шибко деньжонками поослаб.

– Свинья ты!.. Ну ладно... попомни-и!!!

Вертельщики отстали, но дело у Семёна как-то сразу не поладилось, прямо из рук повалилось. И выдался же ведь денёк! Утром как-то нечаянно обронили тяжёлую раму, и она концом прижала ногу Семёну. Палец на ноге целый день ныл. После обеда, когда Семён с товарищем-вертельщиком нёс из кладовой тюк бумаги, в дверях, как-то нечаянно, прижало ему руку. Семён вскрикнул, выпустил тюк, за что получил “долговязого дурака” от мимо проходящего мастера.

Перед концом смены вызвали Семёна в контору. Толстый управляющий ругал Семёна всячески, указывая ему на замаранную бумагу. Записали штраф и выгнали из конторы...

Семён растерялся и ничего не понимал... Далёкая деревушка под Омском точно провалилась сквозь землю, не оставив о себе никакого воспоминания. Товарищи-вертельщики сторонились Семёна, промеж себя переговаривались и над чем-то посмеивались... В довершение всего, в тёмном переулке, когда Семён возвращался домой, на него напали неизвестные и сильно поколотили. Семён закрывал лицо руками и покорно подставлял спину и голову под удары...

Наутро он чувствовал недомогание, но на работу пошёл, предварительно подвязав посиневший глаз красным платком. Вертельщики посмеивались и предлагали Семёну опохмелиться со вчерашнего.

– Вот твоё “не пью, не пью, роднинькие” – для приятелей пожалел, а сам нализался... Ужо опохмелим...

А большой, длинноногий наборщик, похожий на журавля, увидав подвзанный глаз у Семёна, запел, подплясывая и подщёлкая языком:

*Серебром играет улочка.
Месяц плачет над рекой.
Мне у милой пивоварочки
Зубы вышибли клюкой!..*

Семён робел и сторонился...

О деревне почти не думал. Звали опять в контору к управляющему. Управляющий шибко ругал Семёна, называл его пьяницей, грозил расчётом, так как вертельщики-де заявили, что Семён ленится, не помогает, отлынивает от работы.

Семён слушал и ничего не понимал, кроме того, что может потерять место, и это пугало его...

Вдруг слёзы брызнули из глаз, и он, как ребёнок, сбиваясь и путаясь, стал рассказывать управляющему о домогательствах товарищей и о том, как его вчера ночью избили.

– Пусть возьмут, чо я заработал, только напредки не мешали бы мне работать... Мне без работы никак нельзя. За мною нужда стоит... без меня семье-то, хозяйству раззор наступит...

Управляющий вызвал вертельщиков, ругал их и всех оштрафовал...

– Прослышу что – повыгоню! – сказал он в заключение.

Дело обошлось, принялись за работу. Потянулись однообразные дни, похожие на большие белые листы бумаги, которую приходилось таскать – ничего-то на них нет, а что будет впереди – может, чепуха какая? Семён прихрабрился, и деревня опять стала властвовать над ним.

Вертельщики были тоже “мужички” из ближайшей деревни, по праздникам ходили домой и частью ещё жили мужичками интересами. Семён прислушивался к их мужичким разговорам, сам кое-что вставлял, вообще интересовался мужичкими порядками в этой стороне.

Подходило Рождество. Праздновать будут дней пять. Семён шибко заскучал по дому; вспомнит что-нибудь, расскажет товарищам, вздохнёт и уставится глазами в одну точку.

– Чо, скучашь по деревне? – спросил Семёна старший из вертельщиков.

– Не всем дадено одинаково, – вот и скучно делается... Вы-то вот каждый праздник домой сбегаете, а мне... да чо говорить пустое!

– Даль действует... близко живёшь – не замечаешь... А коли так уж тебя потянуло, пойдём ко мне, попраздничаем...

Эти слова ожгли Семёна, но он посмотрел недоверчиво.

– Чо буркалы-то уставил? Сказано, значит, от сердца!

– Вот чо, родненький, я и не сумлеваюсь... да всё же за мной вина перед вами... Раз следовало с меня магарыч распить, так и разопьем... Зря тогда я всю эту волюнку затеял... Простите, родненькие, ослабел... Чо с меня приходится – получайте... хошь сейчас...

– Ладно, ладно. Вот это по-хорошему, давно бы так!

Поехали в деревню в розвальнях. Старый дедка приезжал с оказией, ну и зазвал подвезти парней. На выезд достали пива, “душного спирту” подлили... Ударил в голову серыми казанками дурман... Слизал он, как будто шершавым языком, то грязное и нечистое, что видели они, – и ровным и красивым стало окружающее. И ещё казалось Семёну, что зажгли у него в груди маленькую лампочку: бьётся она почему-то о стенки и хочет улететь ввысь, и Семёна поднимает – и так-то ему весело становится.

– Тётка, кислушки доставай, гуляем!.. Ты – ба – ба! – орал он на пивоварку.

Говорили любовно, по душам. Семён совсем расщедрился. Засиделись дольше, чем следует. Повалились в розвальни и поехали лёгкой трусцой.

Чёрной лентой при лунном сиянии длилась дорога... И высоко над ней был небесный путь, затканый золотыми огоньками душ умерших людей... И кто-то будто высокий и седой сел на далёкий посеребрённый тёмный ковёр бора и свистал оттуда мёртвым холодом...

Семён совсем размяк, лез к товарищам и нахваливал их.

– Ты не больно лиси... – мрачно вставил один из вертельщиков.

– Оставь! – неодобрительно прервал другой.

– Чо оставлять? Больно я боюсь его: наплевать мне ему в харю!

– Зря болтаешь, раз нашей компании – обижать не след.

– Семёну ты это напоминай, а не мне. Магарыч то магарычом, да и о штрафе забывать не надо: по его милости с каждого из нас по полтиннику содрали... От его подлещиванья полтинники не придут!..

Это случайное напоминание действовало: пьяные тела зашевелились, замотали головами и зафыркали.

Слово за слово – и пошло. Дедка спокойно дремал с вожжами в руках...

– Чо на него смотреть? Неужели да эту собаку в дом принимать! Бросай его из саней!

– Чо бросать?! Я и сам сойду. Хороши приятели – нечо сказать! – хабрился пьяный Семён.

– Сойду!.. У, идол!.. Много славы будет... Не прикажешь ли лошадь остановить! Нет – для тебя штуку чище устроим – пожалься потом... Сттеррва!!!

Подвязали под мышки Семёну верёвку, высадили из саней и погнали лошадаёнку... Семён бежал, падал и, наконец, ухватившись руками за задок саней, волочился по грязной дороге... Через полчаса все в дровнях спали, лошадь плелась шагом... Семён пришёл в себя, поднялся и, осторожно сбросив с себя петлю, отстал от саней и пошёл тихо к городу...

Подходя к дому, Семён заметил, что с одной ноги он потерял пим...

Происшедшее представлялось ему смутно, но чувствовал он себя очень хорошо... Пришёл в квартиру... Было поздно, и хозяин-сапожник открыл ему не скоро...

Ночью Семёна разбудила ноющая боль в пальцах на руках и ногах... Потёр немного, поохал и опять уснул... К утру пальцы на ногах не двигались, ныли и почернели... Сапожник, слушая бестолковый рассказ Семёна, смотрел на пальцы, мял их, тёр уксусом и порешил, что дело дрянь: кости промёрзли.

– Иначе, дурень человек, и быть не может... Как держался за задок, кровь от пальцев отогнал, их ихватило морозом... Мороз лютый был. И с ноги пим потерял – тоже прохватило... И чудак же ты человек – выдумал с кем связаться! Чо же, думаешь, и у меня праздники – не праздники? Э–эх!..

“Пустое, пройдёт”, – думал Семён, рассматривая свои набухшие пальцы, смачивал их слюной и дул на них тёплым дыханием...

Дня через четыре ногти полезли с пальцев... О работе и думать нечего, хотя пора бы и начать... Сапожник принялся врачевать: делал какие-то припарки, а гнойные места срезал своим широким коротким ножом. Семён стонал, сапожник ругал его бабой и концы пальцев с сочащейся кровью опускал в чашку со снегом.

Семёна всё время лихорадило, он потерял аппетит, постоянно клонило ко сну, но не спалось, а мерещилась всякая всячина; то будто деревня горит, и его упавшей горячей крышей придавило; то будто вторая жена старшему сынишке ухватом голову разбила; то ему почудится, что он дома лежит на печи, а жена спит на лавке... Смотрит, Ромка рыжий к матери лезет, на четвереньках по избе ползёт, а на Ромку из-за печки баран смотрит...! Смотрит, да как лбом по Ромкиному лбу треснет – и уж не баран это, а управляющий в типографии!.. Душно... Рожь, рожь-то какая – на одной соломинке по два, по пяти, по двадцати колосьев!!! Только коси! Эх, матушка, держись!.. Берёт Семён косу, она упала, опять взял – выронил, нешто без пальцев косить можно!.. Холодным потом обдало Семёна, он бросился на пол, схватил метлу и хочет ею косить, но скоро одумался, садится на лавку и грустно, грустно смотрит в пространство...

Через месяц Семён оправился. На пяти пальцах руки сапожник срезал по два сустава, на трёх пальцах – по одному, на ноге Семён потерял по одному суставу на трёх пальцах... Концы пальцев стали грубеть, и Семён пошёл в типографию.

Товарищи-вертельщики бросились к Семёну с приветствиями, но Семён, положив руки в карманы, посмотрел так строго, что те отошли. В конторе управляющий не сразу признал Семёна, а когда узнал, то выругал его за то, что он так долго не приходил, и объявил, что теперь он не нужен, а паспорт и расчёт может получить в главной конторе.

В главной конторе навели справки и сообщили Семёну, что так как он долго не являлся, то его паспорт и деньги через полицию препроводили в волостное правление по месту его жительства.

— Как же теперь, значить... — мямлил Семён.

Конторщик что-то фыркнул и занялся своим делом.

— Поэтому так... — Семён ещё хотел что-то сказать, но, не сказавши ни слова, вышел из конторы; запустил глубоко руки в карманы и, согнувшись, тихо-тихо пошёл по улице.

...Серебряным одеянием кто-то окутал землю... прижимал к груди серые глыбы и плакал, и слёзы его алмазами сверкали на белом бархате одеяния. И были ль то слезы радости, радости об измучившемся и нашедшем покой, или же слёзы о горе, горе, творившем самого себя, — это было неизвестно...

Курган. 1916.

НИО

(Из рассказов об умершей Сибири)

Над головой хлопает об воздух хрупкими крылышками стрекоза. Около мохнатого гриба повисла на коричневом сучке одинокая красная ягодка. По серому обрыву повисли зелёные зубчатые листочки костяники, а на краю ободранной нагой репейник, как старый нищий подслеповатыми глазами, щурится через дорожку с поверженным бледным тополем — на Туну...

Поверх блестящих искорок от воды, на зелёном обрыве противоположного берега, врезается в небо телега, и лошади не видно, кто там, но кажется: кто-то ласковый и добрый.

Хорошо!..

Вот взгляни, на ладони у Турка маленькая красная букашка, она плачет... Видишь, это слёзы её... Я расскажу, отчего она плачет...

...Когда-то не было здесь ровных, как скатерть, полей. По берегу Туны ползли земной дорогой леса — старые сосны, весёлые пихты и похожие на ласточек ели... Люди не шли сюда, они не знали, что есть здесь река — боялись они тайги без воды — это соль для людей: немного можно, а много — конец.

Властвовал тайгой гордый лесной царь Таэ, древний, как и царство его. Подданными его были — звери, птицы и духи векового бора...

Вот здесь, на берегу, у сломанного куста смородины, жила маленькая некрасивая букашка, которую все преследовали и не любили. А большая чёрная ворона хотела даже её съесть, но в тот день она была сыта. Она только ударила старой потрескавшейся ногой маленькую Нио, отчего у той долго болело тело...

И одинокая серая букашка вскарабкивалась на коричневый сморщившийся листок смородины — глядела оттуда на небо, на реку и радовалась, что можно и не запрещаю букашке Нио любоваться на жизнь... А когда приходила ночь, то, засыпая, Нио думала о том, какие будут завтра облака, какое солнце и что споёт соловей... Была довольна Нио, и хотелось ей только запеть немного, совсем немного, потом подняться высоко-высоко над тёмным бором, чтобы видеть все владения лесного царя и хвалить его могущество... Но только мечтала об этом Нио и никому не говорила этого — ведь только бы сильнее смеялись над ней...

А однажды увидела Нио, что пришли по берегу реки похожие на медведей белые животные — все подданные Таэ звали их людьми. Стали люди ронять старые сосны, жечь их небесной молнией, соединять друг с другом трупы их и делать гнёзда.

Но часто садились они на берег реки у куста, на котором жила Нио, и тихо, печально говорили:

— Нас преследует несчастье...

Было их в этом гнезде трое: предводитель людей отец, мать и крошечная дочь с глазами, как небо, весёлая, как берёзка...

А Нио знала, что это не горе и несчастье преследует их, а Таэ, старый лесной царь: не хотел он, чтобы были люди здесь, и посылал на них горячую молнию — жёг тайгу, но окапывались люди широкими канавами, и огонь не

мог съесть их жилищ. Тогда царь бросал ураган, но люди уходили в землю и ждали покоя... Говорил Таэ зло морозу... Седой старик приходил и сжимал ледяными руками избушки – только трещали стены их, но люди звали огонь, отбрасывал руки мороз, уходил в тайгу, сердитый и смешной...

... Наступало лето, и снова люди вышли на землю, сосны бороздили владения лесного царя древесными сучьями, убивали подданных его.

Однажды, когда люди сидели у куста смородины, Нио, глядя на них с ненавистью, думала: “Зачем они пришли сюда?” Она не любила их, потому что преклонялась пред мудростью лесного царя, ненавидевшего людей...

Вот маленькая девочка увидела на листочке маленькую Нио, захлопала в ладошки, и смех её, как весенний ветерок, зашуршал по листьям.

– Мама, какая славная букашка!

Нιο оглянулась, думая, что это сказано не про неё, но вокруг никого не было... Тогда она обиделась: и здесь над нею смеются.

– Мама, дай мне её, – и девочка протянул ручки к Нио.

– Нельзя, милая, – сказала мать, – эта букашка боится людей, и ты раздавишь её. Смотри, какая она красивая, но не трогай ручкой.

И поняла Нио, что они не смеются, – она сразу полюбила людей. Ей первый раз приходилось слышать, что она красивая. Ещё больше ей захотелось радостно смотреть на мир, ещё сильнее славить могущество Таэ...

А ночью лесной царь сказал подданным:

– Люди не уходят из владений моих. Пусть ползёт чёрная змея и укусит дочь вождя людей, пусть умрёт дочь его, тогда в горе опустятся руки людей, и я убью их!

Сидела на сломанном листке смородины Нио и думала, как спасти маленькую добрую девочку... Вот она подошла, дочь вожака, села у куста и стала бросать в реку листья тополя и глядела, как, мигая, падали они лениво в Туну.

А из-под обрыва выползала чёрная змея... Тихо, тихо... И бросилась Нио прямо в глаз девочке. Испугалась девочка, схватилась за глаз... и убила Нио... и когда стала протирать глаза от слёз, опустила взгляд на землю... – к ней, шипя,вилась чёрная змея... Вскрикнула и убежала дочь людей.

Так умерла Нио...

Узнал об этом лесной царь Таэ и обратился к подданным своим:

– Если маленькая букашка могла оказаться такой великодушной и пожертвовать собой за доброе слово, то не могут же быть люди злыми и неблагодарными...

И повелел Таэ не трогать людей и не вредить им... Царь обратился к великому духу Ори, чтобы наградил он Нио за доброе сердце. Воскресил дух Ори букашку Нио, дал ей бархатное красное одеяние и сказал:

– Будет исполнено желание твоё... Лети и славь мир!

И высоко к солнцу взвилась красная букашка Нио, и песнь её, тихая и сладкая, как сон весны, плыла над тёмным бором и далеко незримо таяла... Умилённый, кланялся бор маленькой букашке и гордо глядел в небо земным оком. Последний из последних лесного царя стал первым...

Но люди не были такими, как думал царь Таэ – жгли они без нужды тайгу, врывались в заповедные чащи, заполняли выжженные поляны неведомыми травами, убивали подданных лесного царя.

Вихрем носился по тайге лесной царь, рвал древние могучие сосны и метал их за облака, ломал громадные скалы, как щепы, рассыпались осколки гор... Гудела и стонала земля, но царь Таэ не мог успокоить своё сердце... Гигантские деревья и камни падали близ жилищ людей – и люди жались друг к другу и говорили, что сегодня большое ненастье.

Но ничего не мог сделать лесной царь, – большую силу уже имели люди. Уходил он тогда в глубь тайги, куда не ступала ещё человеческая пята, охватывал руками оставшиеся сокровища и выл, страшным звериным воем выл...

И в гневе великий дух Ори сказал Нио:

– Ты обманула меня, и люди обманули меня... Отныне не будешь ты летать и петь, а увидишь человека – будешь плакать... и ещё не будешь иметь любви...

... Когда возьмёшь красную букашку Нио, трепещет она прозрачными крыльшками, хочет лететь и не может, хочет петь и не поёт: только плачет Нио, что больше нельзя ей петь и летать и что любовь её разрушили люди...

Курган. 1916.

СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Я вошёл в город во время большого пожара.

Огненные драконы лизали небо... Вились по ветру их дымные хвосты серыми клубами... Брызгался блестящий вихрь искр пьяной свободой... Огонь торжествующий, смелый, красивый и гордый – начало всего – огонь пожирал серые здания...

Люди безумно и жалко метались, плакали – тащили из одного места в другое имущество – для того, чтобы ему было удобнее сгореть!

Я им сказал спокойно, совсем спокойно – среди криков и воплей. И они услышали тихое слово – ведь мгновения спокойствия только и можно остро почувствовать во время урагана:

– Разрушите эту улицу, и огонь потухнет...

Слово было простое, а они удивлённо и странно глядели на меня и говорили:

– Он безумец!..

Да, я безумец – потому что не походил не них! И я повторил вновь прежнее... Повторил тихо. Но настойчиво. Тогда они будто проснулись и поняли, и сказанное мной казалось им за придуманное ими – оно было так просто.

Они сделали, и пожар прекратился.

Они подошли ко мне после пожара, испуганно смотрели на меня – ибо они стали вновь люди, и гнилая змея каст поползла между ними вновь!

Был я в лохмотьях, и на ногах моих засохла кровь – я шёл издалека.

Они спросили:

– Ты спас нас! Кто ты?

– Я тот, кого вы ждали. Я – жизнь! Я пришёл из той страны, где редко закатывается солнце, когда приходит ночь – северные дивные мосты лучей покрывают небо! И ночь не бывает ночью. Я узнал, что вы день превратили в ночь и не поднимаете глаз к солнцу – и вот я пришёл к вам... Я семью свою бросил, я родину бросил – и одинокий пришёл сказать вам про солнце – прекрасное, лучезарное, волшебное, миллионоликое солнце!...

И как музыку тайн они слушали слова мои и кричали:

– Слава тебе, Пришедший, слава!..

Ввели меня в храмы свои, и я говорил про солнце, про красоту мира, про красоту признаний вечности.

Меня окружали сотни друзей и тысячи женщин, искавших моей любви.

И вдруг я увидел, что они превратили меня в сказку, слушали и чрез минуту забывали. Это огорчило меня, и я сказал им:

– Уйдёте из городов, из каменных глыб – к солнцу!

Но я ещё не знал их; они думали только о покорении земли, о машинах и каждый винтик их знали. Рассматривали под микроскопом капельку воды – и видели там тысячи жизней. Но вот себя не знали! Души своей не могли изучить... И машины поглотили у них истинно человеческое!

Все покинули меня. Друзья пошли к другим пророкам, которые говорили, что зло и мрак – это и есть цель жизни, а любимая женщина ушла к развратнику, потому что у него были деньги, а у меня их нет.

Я смеялся. У меня остался смех, который ещё слушали, – здесь ведь никто не смеялся! Чтобы они хотя немного были веселы, я смеялся, а под одеждой рвал тело ногтями, дабы болью заглушить плач сердца...

– Он над нами смеётся, – рычали они. – Уничтожить его!

Бросили меня в тюрьму. Было там слизко и сыро. Стены шептали ужасы.. Однажды в день сторож бросал мне через окно кусок хлеба и бутылку воды.

Я ходил по каменному ящику и хоронил прошлое. Впереди ничего не было – только злоба... Она оплела моё тело крепкими невидимыми сетями и в глаза дышала серыми миражами, поднимала мою голову и гордо шептала:

– Забывай прошлое!..

Протекло время... я не знаю сколько! У ночи нет числа. Единственный час её – смерть, единственная стрелка, указывающая на час, – забвение.

Я сгорбился, и на волосах моих был белый пепел, только в глазах стало зло.

Однажды зачем-то вошёл тюремщик – я кинулся, я убил его. Как при еде иногда раздавливают голову цыплёнка – только мозг брызгает, так и я разда-

вил эту плоскую, хищную голову. И в одеждах его, старый и хилый, вышел в город.

Я уходил на родину!

Я убегаю от людей — я так презираю их, а они идут за мной! Я перехожу на другую сторону улицы, но и тут, в уголках, я слышу шёпот похоти и хихиканье. Тогда я свёртываю в пустынную улицу, я рад, я избежал их — но впереди меня идут двое и громко разговаривают. О, когда же я убегу от них, когда? Город так велик.

И злоба давит меня — мне нужно убить кого-нибудь. Мне всё равно кого — я вхожу в первые раскрытые двери, беру попавший под руки лом.

В бедной комнате на кровати больная мать. Маленькая девочка кормит с ложечки своего брата и подносит кашку матери. Она говорит:

— Я наелась, мама, и брат тоже... Ты покушай...

Я плачу — она ведь не ела сегодня — она сама еле жива.

Я целую грязную маленькую ножку, я целую всё человечество, я спрашиваю:

— Почему у вас ночь, когда есть любовь?

Она говорит:

— Ещё рано, и солнце не встало...

И смеётся над глупым старым человеком, не знающим, почему ночь.

... Я выхожу на площадь. Я хочу говорить про красоту моей страны, хочу быть хотя сказкой, не клича на подвиг, но... не могу...

Каменные глыбы сожрали мою любовь к солнцу. Я не могу петь свет, потому что стал сыном тьмы.

Тогда мне говорят:

— Ты стар и хочешь есть. Ступай и помогай воздвигать жилища для людей!

И я кладу каменные исполинские колыбели для младенцев человечества!

Курган. 1917.

ОТВЕРНИ ЛИЦО ТВОЁ

— Когда попадёшь ты, человек города, первый раз в степь Кара-Айны, остановись, взгляни в четыре стороны света, соверши свою молитву, если ты верующий, и вздохни глубоко-глубоко грудью, если ты лишён веры, потом закрой глаза твои и слушай. И когда семь ударов пробьёт твоё сердце — открой глаза, вперёд иди, если можешь. Если сомнения, тоска или грусть пали на сердце твоё — отверни лицо твоё от степей Кара-Айны и ступай обратно к городам, — так говорил дувана Огюс, пришедший ко мне за подаванием.

И когда я пошёл в степь Кара-Айны, я вспомнил слова твои, дувана Огюс.

Был почти вечер.

Окаймлённый отцветающим терновником прямой песчаный тракт словно полит кровью. Солнце — громадное, багрово-красное, как гигантский мяч, — медленно падает в тонких кружевных облаках за горизонт. На одном из телеграфных столбов сидит хохлатый, жирный, хмурый беркут. Я подхожу к столбу — беркут неторопливо расправляет крылья и так же неторопливо перелетает на другой столб. От солнечных лучей крылья приобретают цвет запёкшейся крови, летит он бесшумно, не оглядываясь, словно указывает дорогу. Он тяжело опускается на столб, глядит на солнце и, как будто подневольный, крутит головой. Я подхожу ближе. Беркут снимается. Так всё дальше и дальше он летит, а я иду за ним...

А вокруг — пустыня... Бледно-жёлтые пески, колючий, с чуть слышным запахом, терновник у дороги. Небо скупое, далёкое, густо-голубое. Тишина.

Куда ведёт он?

“Отверни лицо своё”, — вспоминаю я.

Останавливаюсь. Силуюсь ещё что-то вспомнить. Какой-то красивый символ. Забыл. Мне грустно, обидно. Пустыня Кара-Айны скучна, тосклива. Я поворачиваюсь, иду обратно. Шагаю быстро, думаю: “Беркут надо мной, наверное, смеётся”.

— Отверни лицо твоё! — назойливо стучит в мозг...

Сегодня получил из станицы письмо. Дядя, большой шутник и рыболов, пишет: “А Огюска подох. За посёлком в навозах нашли, скорчился, синий, как купорос. Замёрз, должно. Их, бритоголовых, нынче беда сколько подохло с тифу и с голодухи. Да ещё пришли граммофонных иголок, без них – могила. Шаляпина заведёшь, а он, как дувана, воет. Досадно, ни шиша не поймёшь”.

Что ж? И в граммофонном Шаляпине есть свой смысл, а вот какой смысл, что умер дувана Огюс.

Весь народ степей вымирает. Как мухи осенью. Толпами бродят у станиц и посёлков, просят, голодные, больные, завёрнутые в рваные тряпки и овчины.

– Пан! Клеба!..

Подают редко, больше гонят. Во-первых, зараза, во-вторых – если и жив останется, пользы от бритоголового мало. “Землю копят”, – пишет мой дядюшка.

А летом – с каждой кочёвкой меньше и меньше арбы волокут верблюды. Арбы ломаются, приходят в ветхость. Но что везти в них? Старые кошмы, похожие на кучи помёта, – до того они износились, поломанные казаны и мешочек курда? Скоро всё это можно будет утащить на себе.

– Трава – чок нету. Скотина пропадать будет, мы пропадать будем, – качая головой, фатально говорит киргиз.

А по вечерам зимой, летом собираются по несколько человек в юрты, прижимают руки к груди своей и медленно, тоскливыми голосами повествуют про смерть. По углам мечутся в жару больные. В степи воют волки – их теперь удивительно много. Об стены жилища бьются испуганные животные, храпят лошади. И медленными тихими голосами говорят люди о смерти.

О чём ином им говорить?

Лучше совсем ничего не говорить.

Смерть успокаивает.

Придут в степь люди, бросят “от арбы”, народ Ветхого Завета исчезнет. В степи будут иллюзии, велосипеды и газеты. В прекрасно изданных книжках писатели будут рассказывать сказки о степи. Сказки будут модернизированы – читать их будет приятно и весело.

А сейчас?

Сейчас мы купим сигаретку и встанем в очередь за билетом на новую интересную пьесу.

– Отверни лицо твоё! Уйди!

Омск. 1919.

МИНИАТЮРЫ

1

ПОХОРОНЫ

Умер человек.

Обычный до жалости. Как капля воды, испаряющаяся на солнце, исчез.

В последнюю минуту его жизни в горле его стало что-то застревать, тяжёлый и холодный камешек, он попытался выплюнуть это и умер.

Схоронили его так же просто, как и жил он: старый священник в чёрной рясе, страдающий одышкой, получил за труды три серебряных рубля и пошёл с кладбища, думая об ожидавшем его сытном обеде.

Ушли немногие родственники. Через неделю-две они забудут его мысли, его страдающую душу так же, как и мы забыли об них, об их думах, горе.

На свеженасыпанный холмик уселись два серых воробья и стали чистить оперенье; кресты, точно засохшие деревья, распластали в воздухе руки; земля, насыщенная зноем, дышала душно, дурманяще. На дорожках, среди могил, росла полынь. А у его креста валялась недокуренная папироса. Вдоль ограды, обнимавшей кладбище, шли двое – молодые и весёлые, часто смеялись; от города доносилось дребезжание извозчицей пролётки.

Я сидел на скамейке рядом с его могилой и ничего не ждал, ничего не думал. Подошёл вечер, накинувший на землю чёрный бархатный куколь. Неторопливо зазвонили к вечерне. Я поднялся со скамьи и пошёл домой.
Умер человек.

2

ШИМПАНЗЕ

По песчаному берегу валялись опрокинутые свежевывисмоленные лодки, издали походили они на блестящие раковины.

Горел город. Через окна пылавшего дома ползли ленты белого дыма, дым падал на синюю воду и, казалось, придавлял её своей тяжестью — она гневно бурлила. По берегу беспорядочно было раскинуто имущество, выброшенное из горевших зданий, с другого берега летели сюда искры, и резало глаза отблеском солнца кинутое зеркало.

У старого плетня стояла железная клетка с шимпанзе. Обезьяна не помнила родных лесов, она родилась и выросла в городе. Теперь она была серая и дряблая от старости, но взгляд её был ещё властен и жесток. Она гордилась своими властелинами — людьми, так как поистине много она видела чудесного и необъяснимого.

Я странник, пришедший сюда с восходом и уходящий в сумраке. Что для меня горящий город? Костёр, у которого можно обогреться? Но ведь теперь лето.

Я наблюдал, как умирала в глупом шимпанзе вера в людей, как морщилась его физиономия, стараясь втиснуть в мозг новые понятия: почему они дрожат, плачут, кругом изъявляют признаки страха. Когда совсем не боязно. За городом — поле, от пожара легко и скоро можно уйти. Глупый шимпанзе, он не знал жадности. Взор зверя таял, зрачки тускнели, и члены шимпанзе вяло прижимались к железным прутьям клетки.

К шимпанзе подошёл мальчик — хилый, горбатый урод — взглянул на обезьяну. Понял её мученья и ударом ноги столкнул в реку клетку.

Шимпанзе утонул.

Уходил из города со мной вместе и мальчик. Хилый горбатый урод. Шаг расслабленно, устало и улыбался степному ветру.

Омск. 1919.

ВСТРЕЧА

В столовой было грязно, тускло и жарко. Пахло табаком и крепким людским потом.

В углу двое оборванцев играли в карты, а против моего столика сидела пьяная компания. Стол у них был уставлен бутылками с водкой.

Из всех лиц меня заинтересовало одно — лицо инвалида-слепца. Изжелта-серое, с чёрными подглазниками и, как у всех слепцов, спокойно-чуткое, не обезображенное обычными так называемыми “выражениями”. У слепого не хватало одной ноги и одной руки.

— Пей! Угощай! — широко разевая рот с чёрными зубами, громче всех кричал слепой, сопровождая крик хохотом, матерной руганью и запивая его водкой прямо из бутылки.

Я ожидал услышать что-нибудь искусственное, напряжённое в этом крике, неестественное в хохоте. Ведь мы так привыкли в жизни видеть трагедию. Один из пьянствующих, заметив мой взгляд, пьяно улыбнувшись, сказал:

— Чё zenки лупишь?

Я ответил:

— Любопытствую.

— Чужую водку, братан, не любопытствуют, а пьют. Хошь — иди.

Слепой рассмеялся.

— Иди!

— Незнакомый я вам человек, — сказал я, — неудобно.

– Ничего. Иди. Всё равно кто-нибудь выпьет, знакомый ли, незнакомый. Я подсел. Налив мне рюмку водки, гулявшие занялись своими разговорами.

Я спросил слепого:

– Товарищи, что ли?

– Кто?

– А вот гуляют что.

– Денег у меня много, значит, и товарищи. Вот и ты такой же, за водку можно найти сколько хошь.

– Я водку не пью.

– Ну?

– Серьёзно.

– Та-ак... Зачем сел-то?

– Поговорить.

– Психопат, значит.

Я удивился:

– Это почему?

– У нас ротный так называл, кто водку не пьёт и поговорить любит. Психопат!

Слепой выпятил грудь, выпил водки и пальцем руки обтёр мокрые губы.

– А что слово это значит?

– Не знаю. Матершина, должно, заграничная.

Слепой опять выпил водки, пожевал кусок колбасы и выплюнул его.

– Сучий хвост, а не колбаса! Стервы!

Я сказал:

– Водку ты здорово глушишь.

Слепец положил мне на плечо руку и, покачнувшись, протянул с тоской:

– Ску-у-шна...

– Почему?

– За три месяца – доктор grit – подохну я.

– Врёт поди?

– Этот не соврёт – человек честный, меня давно знат.

– Умирать неохота?

Слепой изумился:

– Во-о... Нашёл тоже. А для чего жить-то? Со мной вот, – слепой сказал нецензурное слово, – не хочут ходить. Как падаль. Жить? Во-о... Ждать долго.

Не хотелось беречь рану, но спросил:

– И пьёшь?

– Шесть тысяч за дом получил. Продал. Седни кончаю, вот.

– А потом?

– В приют. На даровщинку.

Слепой поднял вверх бородёнку и весело заорал хриплым голосом:

– На-а-ве-ерх вы-ы, то-о-ва-ри-щи, все-е-е по-о-о ме-е...
Затем спросил:

– Тебя как зовут-та?

– Тебя как зовут-та?

Я назвался.

– Та-ак... А меня Прошка, фамилия – Пронин, а зови Прошка. Потому окурочек от меня остался, а не Пронин.

– Ладно, Прошка.

– Во-о... Вылакай стакашку на знакомство.

– Не буду.

– Чёрт с тобой! Па-ла-вой!

Компания запела какую-то похабную песню.

Я спросил Пронина:

– Где тебя так-то?

– Не слышу! Ори сильнее... – закричал слепой.

Я громко прокричал:

– Где поранили?

– Меня? У Мазурских озёр. На позиции был?

– Нет.

– Ну и хорошо. Тогда тебе и не рассказать, не поймёшь.

– Домашних никого нет?

Слепой подумал и тоном трезвого человека сказал:

– Домашних-то? Есть. Баба. Да ребяташек две штуки.

Пронин спокойно, тихо, чуть шевеля губами, рассказал. В его голосе не звенело ни одной драматической нотки, но чувствовалось, что слепой не лжёт.

– Приехал домой, а баба визжит: “Мне такого гнуса не надо!” Она с австрийцем живёт. Прекрасно, не надо, так не надо. Ребятишки, кричу, идите! Старший сынишка Петка-то подбежал ко мне да как харкнет в рыло. Нам, грит, такого отца не надо. Колоду, значит...

Пронин закурил папиросу.

– Потом что?

– Потом ничего. Оно и верно, народ они хозяйственный, справедливый. Крестьяне-то. Обуза я, а не человек. Поехал я в город, а тут к случаю тётка подохла, домишко её я и унаследовал. Понял?

– Добрая тётка была?

– Сволочь. В белой горячке на плиту уселась. Ну и сдохла. Туда и дорога.

– Неудобно без ноги-то?

– Нет, ничего.

Слепой скривил лицо и выпил водку.

– Я ведь, братан, сейчас чую ногу отрезанную. Вот будто пальцем шевелишь, а то пятка зачесется.

Он засмеялся. Помню, таким же смехом смеялись мы в детстве, в деревне, вешая на тополе котелки. У всякого своё веселье!

Пронин стукнул костылём об пол и завопил:

– На-а-ве-ерх вы-ы, та-ва-рищи!.. Все-е по-о-о ме-ста-ам...

Пьяная компания, обнявшись друг с другом, потная, краснолицая от выпитой водки, вытаращив осоловелые глаза, дико вопила:

– На-а-ве-ерх вы-ы...

Один из оборванцев, игравших в карты, плясал трепака, в такт покрикивая:

– Двадцать одно!.. Двадцать одно!.. Тю-тю! Тю...

Через два часа я увидел Пронина опять. Шатаюсь на своих костылях, он шёл мимо постоянного двора. Хрипло пел:

– Эй, ша-ра-бан мой!

Ша-ра-банчик!

Эй!

Поскользнувшись, он вдруг зашатался и как мешок повалился в водосточную канаву.

Упал на отрезанную ногу и дико завопил:

– О-о-о...

Как серый камень глядело из канавы его жёлто-серое лицо с чёрным провалом рта:

– О-о-о...

Проходя мимо, я подумал: “Эх, славно быть зрячим!”

На секунду закрыл глаза и зашагал быстрее, ощущая сильное, бодрое тело. Стыдно, вы скажете? Эгоизм?

Полноте. Не то ли самое подумаете вы, прочтя эти строки?

Омск. 1919.

В СВЯТУЮ НОЧЬ

Мне снился сон.

Серые, мрачные глыбы гранита. Скалы нагромождены друг на друга. Острые пики горных вершин и над ними хмурые тучи. Безграничной ширью разбросана дикая пустыня, и далеко врезаются в небо резкие полосы уходящего горизонта.

Бурно клокочет и бьётся красными волнами река. Алые спирали расходятся и набегают, и, кажется, скользят в них усталые и грустные контуры лиц, полные тоски и муки. Над рекой угрюмо накренилась гигантская скала, — на ней две фигуры.

Высоко маячит в небе тёмный силуэт; лица в сером мраке не видно, только блестят огромные немигающие глаза и сверкает зелёный огонь в них. Изпод тёмного одеяния порой выскальзывает сухая рука и глухо хрюпают позвонки... Это — Ангел Смерти.

Ниже стоит на камне, на краю скалы, прекрасный и кроткий Ангел Мира с пальмовой веткой в руке. Он скорбно глядит на реку.

— Видишь эту кровь, — грустно говорит он, — она твоя... Ты захотел, чтобы она текла. Но зачем? Разве не довольно... Разве недостаточно той крови, которая так льётся... В эту Святую ночь, когда родился Великий Искупитель, не нужно крови. О, прошу тебя, могущественный и суровый!

— Ха-ха-ха! — злобно засмеялся Ангел Смерти. Глубоко в горах прокатился и замер отзвук. — Кровь! Умно сказано! Какая честь для меня, вечно проклинаемого, вечно одинокого, слышать просьбу от Ангела Мира, — такого светлого... Ха-ха-ха! Нет — там кровь, там — огонь, там — стоны, — и пусть будет так. Я не могу... Я не хочу... Пусть будет так!

— О, останови, зачем тебе это! Пусть люди наслаждаются в тишине покоем. Разве тебе не жалко плачущей матери, потерявшей детей; разве тебе не жалко отца, у которого убили единственного сына; не жалко разорённых полей и жилищ? О, останови, зачем тебе это?

— Останови! — снова загредел голос. — К чему людям мир. Они не достойны его, они должны выстрадать спокойное счастье, если его дать им сразу — они не поймут его. Если поставить слепца перед картиной, то он поймёт её красоту? Человек неблагодарен; волнуемый тёмными желаниями, беспокойный, от самого избытка сил своих, он с пренебрежением ступает по цветам, которыми судьба украшает стезю его в Мире; человек же, искушённый опытами, в самых горестях любит благодарить Небо со слезами за малейшую отраду. Счастье, так просто доставшееся, — легко и свободно — не будет прельщать его — ему нужно, чтобы оно было достигнуто слезами и рядом горьких испытаний — для того, чтобы он больше его понял. Милосердие не должно останавливаться ради отдельных личностей. Люди слабые должны отпасть, и они сгинут, а люди, сильные духом, верой в борьбу и святость её, — падут за общее дело. И вот на могилах героев битв воздвигнется знамя освобождённого человечества... Пусть будет так, зачем людям мир...

На сером граните блестели капли воды. Высоко в небе собирались тучи всё темнее и темнее. Одиноко маячила на скале гигантская тёмная фигура. И контуры её были так расплывчаты, что она казалась такой же тучей, как и на небе.

На камне, у обрыва, плакал кроткий Ангел Мира, и чистые слёзы алмазными струйками прорезывали мутный сумрак.

А вдали, среди разбегающихся красных кругов, плыла упавшая в реку пальмовая ветка...

Курган. 1915.

ЗОЛОТО

Бледно-розовые блики на сонных струях речушки лениво трепещутся, словно шепчут какую-то далёкую и новую сказку. Тихо-тихо. Издалека от самого города донёсся дикий вопль, режущий кишки. Потом опять всё смолкло. С лугов плывёт пьяный запах засыхающей скошенной травы, и щекочет ноздри бодрящая сырость, опрокинутая звёздная бесконечность с косматой медведицей так гармонирует с тишью вечера. Померкнет одна звёздочка — тогда, кажется, не хватит в этой картине чего-то большого и важного.

— Эх, мулла! — говорит Керим, и его фигура в истрёпанном старом бешмете при алом свете костра приобретает какую-то несвойственную таинственность. — Любопытны вы, урус-мулла, как женщины, вы любопытны, да хранит вас Аллах! Почему, ты спрашиваешь, мы чтим наши песни, почему любим наши сказания? Потому — скажу я тебе, — что каждое слово песен и сказаний омыто слезами и в песню обращено долгими страданиями.

— Давно это было. Любили тогда ханы свой народ и заботились о нём. Проснулся хан Тефтик рано утром, не хочется ему лежать на мягких подушках — только хотел вскочить, как вспомнил вчерашнее. Едет он по базару и слышит — поют:

*Пусть шайтан возьмёт всё злато,
Пусть прельщает им людей —*

*Мы же, бедные дувана,
Не имеем тех страстей.
Нас Аллах создал для блага,
И примером мы должны
Научать людей лишь правде
Чрез познание любви.*

Не верил хан Тефтик никому и не верил, чтобы человек не любил золото. Знал хан Тефтик и не раз пробовал, что этим металлом можно купить всё на свете, и вдруг есть, оказывается, люди, презирующие золото. Не верил хан и повелел, чтобы предстал Дели-дувана (дервиш) пред его грозные очи. Дели-дувана – тот, который так громко пел на базаре песню.

– Дели, я хочу помочь тебе. Ты голоден – я накормлю тебя. Ты голый – я одену тебя. Ты беден – я обогащу тебя.

И велел хан одеть, накормить – и когда он уходил, то хан, передав ему курицу, набитую золотом, молвил:

– Вот эта курица принесёт тебе счастье, если ты вздумаешь её разрезать.

На закате третьего дня хан Тефтик увидел Дели-дувана вновь голым и без денег. И поведали хану, что роздал Дели деньги и одежду – говоря, что он привык ходить наг и бос.

Вновь приказал хан одеть и накормить его, и вновь на третий день увидел хан, что нет у Дели ничего, дарованного ханом Тефтиком.

Удивился хан, но решил ещё попробовать.

На другой день, когда народ ещё не вставал, хан приказал поставить небольшие мешочки с золотом поперёк дороги, по которой должен был пройти дервиш. Но шёл дервиш Дели, и шептал молитву, и не видел ничего вдали, кроме золотого полумесяца на минарете.

Но не было смывто сомнение хана, и не верил он. Вновь повелел хан Тефтик привести дервиша и, передавая горсть золота, сказал:

– Возьми эти деньги и трать их только на себя. Не смей раздавать их, не смей слушаться меня – силён мой гнев будет для тебя.

И был весел хан, так как он думал, что купил то, что нельзя купить, – чистую душу человеческую.

Весел хан.

На закате третьего дня пришёл дувана Дели к хану Тефтику и, целуя полу его шелкового халата, сказал:

– Зачем ты дал мне эти деньги? Как вихрь наших степей сушит влагу, высыпает живородные источники, так деньги жгут мою душу. Как я буду говорить о добре, о любви – когда у меня есть золото, которым можно кормить целое семейство голодных в течение трёх десятков дней? И слова мои возвращаются ко мне обратно одно за другим, такие безнадежно пустые, избитые и не трогающие сердца! Зачем ты дал мне это золото?

Понял хан и приказал дервишу раздать эти деньги бедным и идти с миром, ибо уверовал хан Тефтик, что не всё можно купить!

– Видишь вон ту гору, урус-мулла, и чёрные знаки на гладком камне её стен? Это не трещины, этими знаками приказал хан начертать песню в честь дувана Дели – но не разобрать этих знаков, не бери, урус-мулла, улькункоз, потому давно это было, и забыли люди читать эти знаки... А может быть, и совсем этого не было...

Замолчал Керим.

Ночь поднималась, подобно водной поверхности во время разлива, наконец достигла города, окутала старые крыши, задёрнула тёмной занавеской мерцавшую зарю на западе – и поползла по полю, тихая и важная.

И высоко-высоко над этой тёмной пеленой всплыл бледный месяц.

Курган. 1916.

ПИСАТЕЛЬ

Старый, больной человек устало вышел из автомобиля. Заспанный швейцар услужливо распахнул дверь и снял с него дорогую шубу. Высокий человек медленно поднялся по устланной коврами лестнице.

Он прошёл в кабинет и задумчиво оглядел громадную комнату со сводчатым угрюмым потолком. Сквозь узкие окна ложились на стены и полы узорные лунные сабли. Он выключил электричество, и на него холодно взглянули блестящие дверцы книжных шкафов.

Этот человек — знаменитый писатель. Его книги в сотнях тысяч экземпляров расходятся по земному шару, и нет такой страны, где бы его не знали. Сейчас он приехал из ресторана, куда поклонники его таланта пригласили провести вечер. Ему и прежде нездоровилось, а тут, среди людей, глядящих на него изумлённо и восторженно, — ему стало как-то неопределённо грустно, он ушёл. Теперь, оглядывая комнату, он старался понять, зачем ему, собственно, нужно было уезжать.

Вдруг он увидел на столе длинный жёлтый конверт. Он его сразу узнал: только в таких конвертах посылал письма его старый друг — богатый книгоиздатель, выпустивший его первую книгу на гроши, полученные из-под залога единственной шубы. Теперь же он богат, очень богат.

Книгоиздатель писал ему, что он ждёт давно обещанного рассказа для благотворительного издания. Издание уже заблаговременно всё раскуплено — но к печатанию нельзя приступить — нет того, из-за чего распроданы неотпечатанные книги...

“Мы не хотели беспокоить, но Вы, очевидно, забыли”, — говорит письмо. — Нужно написать, — бормочет писатель и нервно грызёт карандаш.

Но о чём писать, он не знает. Перед глазами мелькают картины, но ни на одной не останавливается его мысль... Он встаёт и ходит по кабинету.

— Ак... ак... — сонно считает маятник.

Старый писатель вспомнил, что у него есть рассказы, написанные в молодости. Стоит лишь прочесть и переделать. Он достаёт из давно не раскрываемых ящиков стола запылённую, отцветшую тетрадку.

Вот она где, юность! На этих пожелтевших листах и сейчас горят полные отваги и любви к человечеству безумные слова, которые он так щедро бросал в те дни. И пред старым писателем несётся прошлое... Вот он ещё кузнец — держит заскорузлыми пальцами рук карандаш и выводит по бумаге неуклюжее, квадратные каракули, — соединяя их в слова и картины. И сам он, похожий на тот молот, которым плющил железо в кузнице, — верно и крепко бьёт по цели. Суровый, дикий, он страстно, по-своему любил людей, искал в них хорошее, хоть маленькую капельку красоты.

Но за красоту он хватался грубыми лапами кузнеца, и она сжималась или дробилась, как ломаются крылья бабочки от неосторожных прикосновений.

И вот он стал знаменитым. И то, что люди называют славой, съело всю его жизнь, и только теперь он заметил, что то, про что он говорил в своих книгах, он не испытал... Теперь, просматривая старые рукописи, он задумался... И не то что ему было жаль своего таланта, потраченного на бесплодность воплощения попыток бунтаря в книги, которые считались лучше из всех, написанных людьми, а было жаль того, что люди читали эти книги и не замечали лжи, ведь человек, писавший их, проповедовавший борьбу, не был сам бойцом, — неужели же люди видели в книгах отражение себя?

Острые его мысли, желавших по привычке врезаться в начало, притупилось, и ему стало душно...

Он не мог рассортировать по обычаю своих мыслей и создать из них известную картину, и потому его жизнь представлялась ему какой-то бессмысленной...

Его охватила жажда, он, восьмидесятилетний старик, пил только воду. Но воды, против обыкновения, не было. И оттого, что не было воды, ему стало ещё грустнее: “забыли” — пронеслось в его голове...

Он поднялся с кресла и пошёл сам на кухню за водой. Проходя по длинной анфиладе комнат, он печально окидывал взглядом роскошные залы, никогда не слышавшие смеха...

Писатель тихо отворил дверь в кухню, и резкий переход от полумрака к свету больно резанул его большие глаза. Он остановился на пороге.

Кучерёнок Митька и сынишка повара Андришка играют в карты, в “двадцать одно”.

— В банке пятак, — торжественно заявляет веснушчатый Андришка, собирая засаленные карты.

Писателю видно, как у сидящего к нему спиной Митьки высоко поднимаются от завистливого вздоха плечи.

- Получай... На сколько ты? – торопливо бросает Андрюшка.
- На две... – уныло тянет Митька. – Давай карту.
- На... Ещё?..
- Давай.
- На... Ну?..

Митька глубокомысленно молчит, навалившись на стол и шаркая старым пимом об пол.

– Ну, что?

– На, берись! – решает Митька.

– Ладно... Девять... два да король – пятнадцать... А ну ещё? Девятнадцать! Будя.

– Проиграл. – Митька опять вздыхает. – Дай-ка я побанкую – ты чо-то...

– На! – Андрюшка отдаёт карты. Игра продолжается.

Старому писателю вспоминается его детство в душевой избушке городско-го караульного... Тогда так же бились с братишкой Пашкой в картишки, дрались, мирились, а теперь... Брат где-то спился и умер в участке, а он...

– На, берись! – искусственно басит Андрюшка.

Митька боязливо открывает полинялые грязные карты. Банк его – целое состояние – пятнадцать копеек.

– Двенадцать... Шестнадцать... Восемнадцать... – раздаётся в напряжённой атмосфере. – Не знаю, брать ли?..

– Бери! – выпаливает вдруг писатель.

Ребятишки, выпучив глаза, онемели. Вечно угрюмый барин теперь ласково улыбается, но и улыбка его не может ободрить их, они испуганно жмутся.

– Боитесь? – спрашивает писатель. – Эх, поросята!

– Никто не боится, – угрюмо огрызается Андрюшка, – не орал бы, дак и ладно... А то все ушли – мы одни тут.

– Не знаете вы ничего, вам же подсказывал – ещё карту нужно взять...

– Ещё, – передразнивает Митька, – возьми-ка сам, когда у меня восемнадцать по банку идёт ведь, Андрюшка... не буду брать.

– Бери, парень... – писатель присаживается у стола и смотрит лукаво на ребятишек, – отвечаю...

– Отвечаешь! Врёшь, поди?

– Верно тебе говорю.

– Ну, ладно. На! Эх, сволочь, – перебрал – десятка!

Писатель вынимает кошелёк, но мелких у него нет.

– Обманул... – тянет разочарованно Митька. – Так и знал...

Наступает неловкое молчание.

– Вот что, – решает писатель, – принимайте меня в игру – а с тобой, брат, сквитаюсь... Рубль, пожалуй, найдётся у вас разменять!..

– Я разменяю, – отзывается Андрюшка, – айда бери карту. Как ещё сквиташь-то?

– На сколько тебе? – спрашивает у писателя Митька.

– На пятак.

Нанесла!.. Десять... два...

Игра идёт очень оживлённо, через полчаса писатель чувствует, что из кошелька порядочно убыло...

– Сыпь! – возбуждённо кричит Андрюшка, кидая на стол выигранные деньги, – по банку! Давай!..

И ещё через полчаса денег у писателя нет. Андрюшка банкует; прикрыв азартно деньги локтем, он спрашивает:

– На сколько тебе, деда?

– По банку.

– Ответ?

– Нет у меня тут. Потом принесу.

– Чо потом – давай сейчас – на кон.

– Нету, говорю.

– Не дам карту.

– Ты в залог ему чо-нибудь дай, – предлагает Митька.

– Ничего у меня нет.

– Давай пинжак! – кричит Андрюшка.

Писатель скидывает сюртук. Андрюшка складывает в карман сюртука деньги, свёртывает и кладёт под себя.

- Так, деда, не отнимешь – коли проиграешь?.. Сколько тебе карт?
- Одну.
- Получай!
- Ещё.
- На.
- Ещё...
- Ещё надо?
- ...Перебор.

Писатель сердито бросает карты и уходит из кухни под смех ребятишек.

Он идёт без сюртука по тёмным роскошным залам и радостно смеётся... Потом быстро вбегает в кабинет, кидает на стол лист бумаги и большими буквами выводит:

“Весёлый день угрюмого человека”.

Месяц спустя секретарь знаменитого писателя взволнованно вошёл к нему в кабинет и, протягивая газету, сказал:

– Ваш единственный враг – критик Зумыслов – сдался.

– Как?

– Вот здесь: “Мы имели счастье прочесть одно из самых гениальнейших произведений человеческого духа – “Весёлый день угрюмого человека”...”

Писатель рассмеялся.

Секретарь испуганно выронил газету из рук: за пятнадцать лет он первый раз услышал смех угрюмого сурового писателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВЕРТЕЛЬЩИК СЕМЁН – Впервые: “Народная газета”. Курган. 1916. 20 октября. С. 845–848.

Печатается по первой публикации.

Датируется – 1916.

В основу рассказа положены события из биографии Вс. Иванова – работа в типографиях Павлодара (1910–1912), где писатель, как и его герой, был вертельщиком печатной машины, и Кургана (1915–1917), в частности, в типографии А. И. Кочешева, где набирался “Курганский вестник”.

... три розовые бумажки, да одну синюю... – Имеются в виду бумажные ас-сигнации: на красно-розовой бумаге печатались 10 рублей, на синей – 5 рублей.

“Серебром играет улочка...” – В текст этого рассказа и некоторых других, написанных в 1916–1917 гг., Вс. Иванов включал строки частушек тех лет. Об интересе писателя к этому жанру народной словесности свидетельствовала и его заметка “Война и отражение её в частушках” (1917).

Напередки – впредь, в будущем.

Ударил в голову серыми казанками дурман... – сущ. “казанки” образовано, вероятно, от казаться – представляться, принимать вид обманчивый или сомнительный (В. Даль).

Кислушка – брага, приготовленная с небольшим количеством сахара; напиток из кислого мёда, настоянного на хмеле.

НИО – Впервые: газ. “Степная речь”. Петропавловск, 1916. 25 декабря. С подзаголовком “Из рассказов об ушедшей Сибири”.

Вырезка из газеты с текстом рассказа вклеена Вс. Ивановым в самодельный сборник “Зелёное пламя”.

СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ – Впервые: газ. “Степная речь”. Петропавловск, 1917. 1 января. С подзаголовком “Из цикла “Злоявь” и посвящением “Посв. Ал. Меньшикову”.

По предположению исследователя творчества Вс. Иванова Л. А. Пудаловой, рассказ посвящён одному из издателей газеты “Ишимская степь” (после 1913 г. – “Приишимье”). (См. об этом: Пудалова Л. А. Сибирские рассказы Всеволода Иванова. Становление жанра рассказа в раннем творчестве писателя. Дисс. К. ф. н. Иркутск, 1966.) Цикл “Злоявь” в творчестве Иванова не выявлен.

Вырезка из газеты с текстом рассказа вклеена Вс. Ивановым в самодельный сборник “Зелёное пламя”.

Автограф рассказа хранится в РО ИРЛИ. Ф. 185. Архив В. С. Миролюбова. Оп. 1. Ед. хр. 1537. Вероятно, Вс. Иванов послал рассказ в 1916 или 1917 г. В. С. Миролюбову – редактору-издателю “Журнала для всех”. Рассказ напечатан не был. Между двумя источниками существуют некоторые разночтения стилистического характера:

...змея каст... – Касты – замкнутые эндогамные группы людей, обособившиеся вследствие выполнения специфических социальных функций, наследственных занятий и профессий, принадлежности к определённой этнической или религиозной общности. Характерны для Древнего Египта, Индии, Перу.

ОТВЕРНИ ЛИЦО ТВОЁ – Впервые: газ. “Заря”. Омск, 1919. 7 января. С. 1. Подпись: Вс. Иванов – Тараканов.

Печатается по первой публикации.

Датируется 1919 г.

Курд – киргизский сыр, употребляется вместо хлеба (примечание в газетном тексте).

От арба – железная дорога (примечание в газетном тексте).

МИНИАТЮРЫ – Впервые: газ. “Земля и труд”. Курган, 1919. 24 февраля. С. 3. Подпись: Вс. Иванов – Тараканов.

Печатается по первой публикации.

Датируется 1919 г.

ВСТРЕЧА – Впервые: газ. “Земля и труд”. Курган, 1919. № 149. 12 июля. С. 2. В разделе : Маленький фельетон. Подпись: Всеволод Тараканов.

Печатается по первой публикации.

Датируется 1919 г.

“Наверх вы, товарищи...” – слова из известной песни “Памяти “Варяга”” (слова Е. М. Студенской), написанной между февралём и апрелем 1904 г. и посвящённой подвигу команды русского крейсера “Варяг” во время русско-японской войны. В 1904 г. “Варяг” героически сражался у Чемульпо с японской эскадрой, ввиду угрозы захвата противником был затоплен командой.

...у Мазурских озёр... – группа озёр на северо-востоке Польши. Во время Первой мировой войны в районе Мазурских озер в 1914–1915 гг. происходили кровопролитные бои между русскими и германскими войсками.

В СВЯТЮЮ НОЧЬ – Впервые: Народная газета. Курган, 1915. № 50. 26 декабря.

Печатается по первой публикации.

Датируется 1915 г.

ЗОЛОТО – Впервые: газ. “Приишимье”. Петропавловск, 1916. 3 июля.

Вырезка из газеты с текстом рассказа вклеена Вс. Ивановым в авторский самодельный сборник “Зелёное пламя. Рассказы и сказки”. Курган – Омск. 1916–1917. Хранится в личном архиве писателя. Часть текста, содержащая песню Делидувана, отклеена и утрачена, текст восстановлен по газетной публикации. Рядом с вклеенным текстом на с. 2 запись рукой писателя: “Глупость! Вс. Тараканов”.

Улькун-коз – бинокль (примечание в газетном тексте).

Бешмет – стеганое татарское полукафтанье; стеганный, а иногда и суконный поддёвок под кафтан; простой суконный кафтан с кожаной оторочкой, обшивкой на рукавах, у кисти, по краю полы (В. Даль).

Дувана – от казах. “диуана” – дервиш, мудрец; странник, скиталец, бродяга; блаженный, юродивый; шаман.

ПИСАТЕЛЬ – Впервые: газ. “Степная речь”. Петропавловск, 1917. 15 января. С подзаголовком “Новелла”.

Вырезка из газеты с текстом рассказа вклеена Вс. Ивановым в самодельный сборник “Зелёное пламя”.

**Публикация и комментарии
Елены Папковой**

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

“ТЫ, ЖГУЧИЙ ОТПРЫСК АВБАКУМА...”

Глава 15. Роковой рубеж

Жизнь в революционной России – многогранная сфера смешения ценностей, чувств, образов мышления, действий и противодействий. Динамика этого коловорота определяется огромными просторами территории, временем совершения событий, скоростью вызревания в умах людей, объединённых в различные группировки, понимания того – что уже произошло и что ещё происходит, что может произойти – и “чем дело кончится и сердце успокоится”.

Как будто кто-то поворачивает гигантский калейдоскоп, вращая его по нарастающей, всё быстрее и быстрее, и события то разбегаются отдельными осколками жизни по самым отдалённым уголкам Руси, то складываются в тот или иной жизненный уклад-узор, который тут же вновь распадается на другие осколки.

Жизнь России со времени революционного взрыва в Петрограде, и так не отличавшаяся гармоничностью и цельностью, приходящая с начала войны во всё большее и большее расстройство, – становится совершенно мозаичной. Вся Русь превращается на глазах в огромное, постоянно меняющееся на глазах мозаичное полотно. Мозаика складывается из отдельных кусочков событий, распадается и тут же складывается заново в изменившуюся до неузнаваемости картину жизни народа.

В этой мозаике бытия революционной России люди, события – как кусочки смальты – то крепко соединяются в неразрывное целое, то внезапно распадаются, чтобы скрепиться с другими осколками жизненной смальты, оказаться встроенными в совершенно иную жизненную картину. И главными средствами, определяющими композицию и смысл этой мозаики, становятся цели, ожидания, надежды людей.

Человек, будучи как бы кусочком смальты в общей мозаике жизни, по мере движения революционной стихии становится сам “человеком-мозаикой”, в которой роль осколков смальты играют его меняющиеся ценности, цели, восприятие жизненных противоречий и сами его противоречивые действия, поступки, изменения отношения к происходящему и к самому себе.

* * *

Камертоном, по которому власть победивших определяет ценность человека, является его отношение к революции: принял – не принял. А затем – его отношение к власти: наш – не наш. (Этот камертон определял и события февраля–октября 1917 года, и события августа 1991 – октября 1993 года.) И никто

Продолжение. Начало в № 1–11 за 2009 год, № 1–3 за 2010 год.

не задумывается, что даже у тех, кто революцию принял — есть свои цели и чаяния. Каждый хотел от революции реализации своих ожиданий и надежд. Люди — кусочки смальты — в революционном потоке стихии действовали непредсказуемым даже для самих себя образом, видя действительность совсем иную, чем предполагали до революции. Действительность превзошла все их ожидания и изменила их цели.

Художники знают, что мозаика на гладких поверхностях никогда не смотрится так, как на изогнутых — размещённые под различными углами кубики смальты начинают искриться и переливаться различными оттенками. Революция изогнула и изменила всё российское пространство, а купол сферы ценностей и целей обрушил на него потоки нестерпимого света, обнажив и обнаружив то, что прежде не бросалось в глаза в жизни общества и отдельных людей, что было сокрыто как в пространстве внешнего бытия, так и во внутреннем личном пространстве. Да и свет революции лился с разных сторон, проникал неравномерно, доходя к тем или иным людям в разное время, как свет звёзд до разных планет... В одном уголке России события уже произошли, их свет догорел, а в другом — искра только-только начала порождать огонь, чтобы преобразовать его в слепящее сияние.

Потоки света шли в разных направлениях, с разной скоростью и улавливались по-разному, в зависимости от того, как их воспринимал конкретный человек. Встреча революционного света со светом человеческой души порождала либо новую вспышку жизненного и художественного творчества, либо гасила свет души, погружала человека во мрак. Как на мозаике богатство красок, так и в жизни народа, освещаемой революцией, краски жизненной палитры обогащались в зависимости от того, насколько люди были готовы к световым бликам и отблескам революции. В зависимости от того, какие цели ставил конкретный человек — либо он в противоречивой, саму себя не знавшей революционной действительности становился творцом своей жизни, либо утрачивал все великие ожидания и надежды. Как в мозаике под влиянием неравномерного освещения свет приобретает такое богатство и разнообразие оттенков, которого не бывает под ровным, прямым светом, так и революционная жизнь, мозаика революционной России порождала неимоверное количество новых форм жизни и новых форм творчества. Старые ценности в глазах многих и многих дематериализовались под влиянием мозаики событий, а новые формы жизни только прорастали.

* * *

Мозаика жизни 1917 года, калейдоскоп событий, сменявших одно на другое и сталкивающихся в непримиримом противоречии, поражают воображение и поныне.

3 (17) апреля появляется в Петрограде приехавший в “экстерриториальном” вагоне из Германии Ленин. С броневика на Финляндском вокзале он провозглашает лозунг: “Да здравствует всемирная социалистическая революция!” На следующий день в Таврическом дворце звучит ленинский доклад — знаменитые Апрельские тезисы.

21 апреля (4 мая) в Петрограде проходит стотысячная демонстрация рабочих и солдат с требованием мира и передачи власти Советам.

27 апреля (10 мая) Временное правительство издаёт постановление о свободе печати и торговле произведениями печати.

Через 2 дня военный министр Гучков подаёт в отставку, заявляя, что армия ему не подчиняется.

4 (17) мая в Петрограде открывается Всероссийский съезд крестьянских депутатов.

На следующий день образуется коалиционное Временное правительство из трудовиков, эсеров, меньшевиков, кадетов, народных социалистов, само собой, естественно, масонов. Председатель — князь Львов.

Ещё через неделю в столице начинает создаваться Красная гвардия — вооружённые отряды, для которых лучшей “матерью порядка” являлась всеобъемлющая анархия.

Проходит несколько дней — и начинается расследование о контактах Ленина и Зиновьева с немецким командованием.

24 мая (6 июня). День, отмеченный преинтереснейшим событием. В Петрограде проходит сионистский съезд, на который собрались самые отчаянные революционеры – большевики, меньшевики, бундовцы, эсеры, анархисты, поалей-ционисты – еврейской национальности. Было принято решение о дальнейших действиях – о вооружённом восстании.

2 (15) июня на первом Всероссийском съезде духовенства и мирян в Москве Сергей Булгаков горестно вопрошал: “Если грядущая Россия станет строиться без имени Христа, если демократия российская окажется в духовном разрыве со Святой Русью, то... кому она нужна, кому из нас дорога будет отрешаясь от Христа Россия?”

На следующий день в Петрограде открывается 1 Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором большая часть мандатов принадлежит эсерам.

А ещё через день зал заседания съезда после реплики Церетели, что нет партии, способной занять место Временного правительства, огласил гортанный ленинский возглас: “Есть такая партия!”

20 июня (3 июля) Временное правительство отменяет обязательное преподавание Закона Божьего. Через неделю отменяются положения столыпинской аграрной реформы.

3 и 4 июля в столице проходит вооружённая антиправительственная демонстрация, организаторами которой были петроградские анархисты под лозунгами: “Берегись, капитал, булат и пулемёт сокрушат тебя!” “Да погибнет капитализм от наших пулемётов!” Большевики вопреки своим первоначальным призывам присоединились к этой “акции”, после чего Временное правительство восстановило смертную казнь на фронте и ввело “военно-революционные суды”. Большевистская партия перешла на нелегальное положение.

Через несколько дней в знак протеста против попытки министров-социалистов объявить Россию республикой князь Львов ушёл в отставку. Премьером Временного правительства стал А. Керенский, который через неделю клялся жесточайшим образом подавить любую попытку восстановления монархии.

10 (23) июля Ленин и Зиновьев скрылись из Петрограда. 16 (29) июля генерал А. Деникин представил Временному правительству план установления в России военной диктатуры, а Л. Корнилов был назначен главнокомандующим армией.

3 (16) августа завершает недельную работу VI съезд РСДРП(б), который берёт курс на вооружённое восстание. Партия большевиков увеличивала свою численность день ото дня.

13(26) августа всеобщая забастовка в Москве.

Через 2 дня в Успенском соборе открылся Всероссийский Поместный Собор Русской Православной Церкви, на котором были сняты клятвы против староверов и установлен праздник Всех Святых в Российской земле просиявших.

А в конце августа – так называемый “корниловский мятеж”. Переговоры делегатов Керенского – В. Львова и Б. Савинкова – с Корниловым, обращение генерала “Ко всем русским людям” и объявление Временного правительства о том, что Корнилов – изменник Родины.

В эсеровской газете “Дело народа”, где печатались и Клюев, и Есенин, “корниловский путч” обсуждался во всех подробностях. Печатались выступления министров – из которых кто каялся, а кто отказывался от Корнилова (мятеж не удался!). Передовая статья одного из сентябрьских номеров словно изрыгала пули из пулемётного дула: “диктатура демократии”, к чему призывают “левые” – неизбежная попытка власти меньшинства над большинством. Это всё равно, что провозглашение “диктатуры над самим собой”, ибо “всякая диктатура покоится на меньшинстве”.

Тут же – извещение о телефонном разговоре Корнилова с Савинковым (во всей этой истории, по-хорошему говоря, не счесть параллелей с пресловутым “путчем” августа 1991 года!). Корнилов настаивает, чтобы Савинков от имени Временного правительства предложил ему двинуть на Петроград конный корпус, сосредоточение которого явится, по савинковской телеграмме, моментом объявления Петрограда на военном положении... Савинков клянётся, что никогда от имени Керенского он никаких политических комбинаций Корнилову не предлагал, утверждает, что Керенский “каким-то образом был втянут в этот план и всё делалось за спиной Временного правительства”.

Корнилов клянётся, что говорил Савинкову: “Для спасения страны нужен совет обороны при участии в нём А. Ф. Керенского”. Савинков отвечает, что он этого при разговоре не понял. Виктор Чернов, автор этого душераздирающего материала, спрашивает — что это за фарс и почему до сих пор не арестованы Савинков и Филоненко, ездившие к Корнилову, упрекает Керенского, что тот — “романтик революции” — верил Савинкову, который чуть было не установил корниловскую диктатуру... “В планы Тройственного Союза — Савинкова-Корнилова-Филоненко входило распространить военную дисциплину на железнодорожный персонал и на пролетариат фабрик, работающих на оборону, — т. е. все железнодорожные депо и три четверти русской промышленности превратить в казарму!”

Но ещё 31 августа Зинаида Гиппиус сделала в дневнике примечательную запись: “...Ведь уже с первого момента всем было видно, что *нет никакого корниловского мятежа*. ... Беспорно ожидался в Петербурге — самим Керенским — большевистский бунт, ожидался ежедневно, и это само собой разумело войска с фронта... Поведение же его (Керенского. — **С. К.**) ... сумасшедше-фатально... С того момента, как на всю Россию раздался крик Керенского об “измене” главнокомандующего, — всё стало непоправимым... Керенский теперь всецело в руках максималистов и большевиков. Кончен бал”.

В том, что “кончен бал”, сомнений не было ни у кого, кто мог трезво оценивать события. Уничтожающую характеристику возглавившему Временное правительство “социалисту” дал Сомерсет Моэм, резидент английской разведки, работавший на свержение Керенского и на утверждение главой республики Бориса Савинкова: “Керенский... произносил бесконечные речи. Был момент, когда возникла опасность того, что немцы двинутся на Петроград. Керенский произносил речи. Нехватка продовольствия становилась всё более угрожающей, приближалась зима, и не было топлива. Керенский произносил речи. Ленин скрывался в Петрограде, говорили, что Керенский знает, где он находится, но не осмеливается его арестовать. Он произносил речи”.

Пока произносились бесконечные речи — Россия неостановимо погружалась в пучину смуты и развала.

Деревня уже находилась в состоянии гражданской войны. Бои за землю шли нешуточные — одно село шло на другое с оружием в руках под командованием бывших солдат и дезертиров с криками “ура!” А столица...

Достаточно вчитать в спокойные строки письма Анны Ахматовой к Михаилу Лозинскому от 16 августа 1917 года:

“Единственное место, где я дышала вольно, был Петербург. Но с тех пор, как там завели обычай ежемесячно поливать мостовую кровью сограждан, и он потерял некоторую часть своей прелести в моих глазах”.

И жутким откликом на послефевральскую смуту стало отсылающее к древнейшему русскому памятнику “Слово о погибели русской земли” Алексея Ремизова:

“Было лихолетье, был Расстрига, был Вор, замутила смута русскую землю, развалилась земля да поднялась, снова стала Русь стройна, как ниточка, — поднялись русские люди во имя русской земли, спасли тебя: брата родного выгнали, красноречивый Кремль очистили — не стерпелось братнино его иноверное.

Была вера русская искони изначальная.

Много знают поволжские леса до Железных ворот, много слышали горячих молитв, как за веру русскую в срубях сжигали себя.

Где ты, родная твердыня, Последняя Русь?

Я не слышу твоего голоса, нет, не доносит и гари срубной из поволжских лесов.

Или в мати-пустыню, покоряясь судьбе, ушли твои верные сыны?

Или нет больше на Руси — Последней Руси бесстрашных вольных костров?”

И причину кошмара, творящегося на русской земле, Ремизов зрит в оскудении и исчезновении веры.

“Человекоборцы безбожные, на земле мечтающие создать рай земной, жёны и мужи праведные в любви своей к человечеству, вожди народные, только счастья ему желавшие, вы, делая дело своё, вы по кусочкам вырывали веру, не заметили, что с верою гибла сама русская жизнь...”

Русь моя, земля русская, родина беззащитная, обесповаженная кровью братских полей, подождена горишь!”

В плач по русской земле вторгается покаянная нота самобичевания.

“О, моя родина горемычная, мать моя униженная.

Припадаю к ранам твоим, к горящему лбу, к запекшимся устам, к сердцу, надрывающемуся от обиды и горечи, к глазам твоим иссеченным.

Я не раз отрекался от тебя в те былые дни, грозным словом Грозного в отчаянии задохнувшегося сердца моего проклинал тебя за крамолу и неправду твою.

“Я не русский, нет правды на русской земле!”

Но теперь — нет, я не оставляю тебя и в грехе твоём, и в беде твоей, вольную и полоненную, свободную и связанную, святую и грешную, светлую и тёмную.

И мне ли оставить тебя — я русский, сын русского, я из самых недр твоих...”

И словно отвечает Ремизов в “Слове о гибели русской земли” Клюеву — его “Поддонному псалму”, его величанию России: “О родина моя земная, Русь буреприимная! Ты прими поклон мой вечный, родимая, свечу мою, бисер слов любви неподкупной... Вижу тебя... бабой-хозяйкой, домовитой и яснозубой, с бёдрами, как суслон овсяный, с льняным ароматом от одежды... Тебе только тридцать три года — возраст Христов лебединый, возраст чайки озёрной...” У Ремизова и Русь сгубла, и поминальная лампада вместо свечи зажжена:

“О, родина моя обречённая, покаранная, жестокой милостью наделённая ради чистоты сердца твоего, поверженная лежишь ты на мураве зелёной, вижу тебя в гари пожаров под пулями, и косы твои по земле рассыпались.

Я затеплю лампаду моей веры страдной, буду долгими ночами трудными слушать голос твой, сокровенная Русь моя, твой ропот, твой стон, твои жалобы...”

Это “Слово” Ремизов написал 5 октября 1917 года и уже позже, в Париже, встретив писателя, Керенский упрекал его за то, что тот своим “Словом”, написанным “против главы Временного правительства”, сыграл на руку большевикам. “Играть на руку” кому бы то ни было Ремизов и не думал, и своё “Слово” — плач по послефевральской России — опубликовал уже в России послеоктябрьской — сначала в литературном приложении к газете “Воля народа”, а затем — во 2-м сборнике “Скифы”.

* * *

А первый сборник вышел летом в Петрограде — с романом Андрея Белого “Котик Летаев”, драматической “русалией” Ремизова “Ясня”, циклом Клюева “Земля и железо” и стихотворением “Оттого в глазах моих просинь...” с посвящением “прекраснейшему из сынов крещёного царства крестьянину Рязанской губернии Сергею Есенину”. Сборник предварялся стихотворением Валерия Брюсова “Древние скифы” и апокалипсическими камланиями Иванова-Разумника и С. Мстиславского.

Позже, на вечере памяти Блока в Вольной Философской Ассоциации Иванов-Разумник вспоминал: “Идея духовного максимализма, катастрофизма, динамизма — была для Блока тождественна со стихийностью мирового процесса; только случайным отсутствием Александра Александровича в Петербурге и спешностью печатания сборника объяснялось отсутствие имени Блока в “Скифах”... К концу 1917 года, уже после Октябрьской революции, вышел второй сборник “Скифов”, опять без произведений Александра Александровича; он должен был появиться впервые в третьем. Кстати рассказать: в первом сборнике было напечатано стихотворение Валерия Брюсова “Скифы”, и тогда мы говорили с Александром Александровичем, насколько эти брюсовские “Скифы” мало подходят к духу сборника (настолько мало подходят, что, печатая их, мы, редакция сборника, сами переименовали их в “Древних скифов” — так и было напечатано), говорили и о том, какие “Скифы” должны бы были быть напечатанными, чтобы скифы были скифами, не “древними”, а вечными. А. А. Блок напомнил об этом разговоре, когда в начале восемнадцатого года дал мне прочесть только что написанных своих “Скифов”. Вместе с тогда же написанными “Двенадцатью” они должны были открыть собою третий том нашего сборника. Но времена переменялись — не до “сборников” больше было...”

Действительно, “не до сборников”... Блок писал свои “Двенадцать” и “Скифы” уже совсем в другую эпоху — оглядываясь не на брюсовские стихи, а на клюевский цикл, на есенинские поэмы “Товарищ”, “Пришествие”, “Отчарь”, которыми Есенин упивался в эти месяцы, как небесным нектаром.

Предисловие же к сборнику Иванова-Разумника звучало предельно агрессивно и восторженно-ужасюще:

“Скиф”.

Есть в слове этом, в самом звуке его — свист стрелы, опьянённой полётом; полётом — размеренным упругостью согнутого дерзающей рукой надёжного, тяжёлого лука. Ибо сущность скифа — его лук: сочетание силы глаза и руки, безгранично вдаль мечущей удары силы... .

Великий русский поэт, воплотившись на минуту в древнего Эллина — Эпикурейца, воспел умеренность, закруглённость, примирённость во всём, в великом и малом, в жизни и в смерти, в любви и в круговой чаше... .

*Мы не Скифы; не люблю
Други, пьянствовать бесчинно...*

Как далёк он был душою, как далёк он был всей жизнью своею от этой проповеди тихого, умеренного приятя жизни, тихого, размеренного житейского горения! И если вино не должно проливаться “бесчинно”, то бывают времена и сроки, когда ещё преступнее “жизни пьяное вино растворять водою трезвой”:

*Теперь не кстати воздержанье:
Как дикий Скиф хочу я пить!*

И эти времена и сроки — всегда перед нами; всегда кипит перед нами вечное вино жизни. Бесчинно проливают его безумцы, по каплям смакуя его духовные скопцы. Но если безумец может быть оправдан, то скопец — всегда осуждён... .”

К слову: именно эти слова стали побудительным толчком для клюевского “шокирующего” стихотворения “О скопчество — венец, золотоглавый град... .”, где физиологическая образность лишь оттеняет духовную составляющую, а дикая страсть, выламывающаяся из каждой строки, словно укрощается к финалу кнотом “времени-ломовика” — и завершается этот гимн “осуждённого” безапелляционной строкой: “Пусть критики меня невеждой назовут”. Так уже и назвали. И назвал именно тот, кто всю дорогу величал и будет величать Клюева первым поэтом революции.

Этого “разброда и шатания” в скифском лагере ещё не чует Иванов-Разумник — и строит в боевые порядки “скифов” и “эллинов” перед решающим революционным боем:

“... Не Эллин противостоит Скифу, а Мещанин — всесветный, “интернациональный”, вечный. В подлинном “эллине” всегда есть святое безумие “скифа”, а в стремительном “скифе” есть светлый и ясный ум “эллина”. Мещанин же — рядится в одежды Эллина, чтобы бороться со Скифом, но презирает обоих... Это он, всесветный Мещанин погубил мировое христианство плоской моралью, это он губит теперь мировой социализм, покоряя его духу Компромисса, это он губит искусство — в эстетстве, науку — в схоластике, жизнь — прозябанию, революцию — в мелком реформаторстве... Пусть торжествует в настоящем всесветный Мещанин: смех его смешан со злобою и опасением. Ибо чует он, что и личина Эллина не поможет ему скрыть своё лицо, ибо знает он, что стрела Скифа — его не минует...”

Ничто в “Скифах” не мыслилось иначе, как в мировых масштабах и глобальных категориях.

Андрей Белый кроме “Котика Летаева” публикует статью “Жезл Аарона”: “Мудрость высокого герметизма продолжается ныне в суждениях о логическом Логосе. Здесь логический Логос вступает в борьбу с лесным Паном (природою звучного слова). Футуризм и логизм (звуки слов, смыслы слов) примиряем в наши дни не возвратом к природе первично рождённого слова и не возвратом к первично рождённому мифу, а углублением, обострением антиномии слов до сознания, что место логики не в том плане, где логика положила своё бытие, а в ином, более коренном, — до сознания, что звуковая зна-

чимость не есть форма гласящего звука, а — смысл его; может быть, в смысле звука и в смысле конкретнo-логическом пересечение звука и логики явит подземное слово в дневном своём виде; может быть, смысл абстрактного термина зацветёт, точно жезл Аарона”. Красивое сравнение, но если вспомнить, что в библейской книге “Числа” речь идёт о двенадцати жезлах начальников израилевых колен, сложенных в скинии собрания перед ковчегом откровения, и один из которых должен зацвести, дабы Господь избрал отмеченного и тем “успокоил ропот сынов Израилевых, которым они ропщут на нас” — то речь идёт уже не собственно о поэзии, а о духоводительстве — по жёсткому предначертанию Господа Аарону, даровавшему своему избраннику “всё зачатое в земле Израилевой”. “Багрецы высыхающих смыслов и есть философия, — завершает свой трактат Андрей Белый, — из мифической зелени образуется осень абстракций: рассудок — древесный багрец, и история философии рдеет терминологической сухью; великая красота её в том, что вне листьев её уже зреет зерно, из которого встанет нам некогда новое древо поэзии; в тысячелетии багрянородного древа раскрыта, сказалась вся Мудрость когда-то рождённого слова; и не сказалась ещё тайна Мудрости новорождённых младенческих слов, почиющих стыдливо в душе. . .”

“Тайну мудрости”, “цветок нового Слова”, освобождённый от “ветхих смыслов понятий”, Белый видел в клюевском цикле “Земля и железо” — в нём прозревал он расцветший жезл Аарона.

*В бору, где каждый сук — моленная свеча,
Где хвойный херувим льёт чашу из луча,
Чтоб напоить того, кто голос уловил
Кормилицы мирской и пестуны могил, —
Там, отроку-цветку лобзание дая,
Я слышал, как заре откликнулась заря,
Как вспел петух громов и в вихре крыл возник,
Подобно рою звёзд, многоочитый лик.*

*Мир выткал пелену, видение темня,
Но некая свирель томит с тех пор меня;
Я видел звука лик и музыку постиг,
Даря уста цветку, без ваших ржавых книг.*

Ответом на “Жезл Аарона” станут есенинские “Ключи Марии”, над которыми он начал работать той же осенью 1917 года — во всяком случае, обдумывать их, суммируя свои многочасовые беседы с Белым и Клюевым. . . С Клюевым, от которого он начал внутренне отстраняться — и сотоварищ его почуял это мгновенно.

“Мир Вам и крепость, возлюбленный Михаил Васильевич, — писал покинувший Петроград и вернувшийся в Олонию Клюев Аверьянову в октябре месяце. — Присылаю Вам “Песнослов” в окончательном виде и буду ждать издания в радости, с уверенностью во внешности его соответствующей содержанию. . . Моя новая книга подвигается вперёд успешно, но ответственное страшное время обязывает меня относиться к своему писанию со всей жестокостью. . .” Значимые слова, ибо далее — “со всей жестокостью” — о Есенине:

“Живу я в большом сиротстве, в неугасимой душевной муке, в воздыханиях и молитвах о мире всего Мира, об упокоении всех убиенных, в том числе об одном известном Вам младенце, жизнь которого и торжество так дороги и насущны мне. Но чего не сделает человек, когда покидает его Ангел? Верую, что младенцы, пожранные Железом, будут в Царстве и наследуют Жизнь вечную. Это меня утешает, хоть и плачет Золотая Рязань. . .”

Жуткий, если вдуматься, текст. Для облегчения своего восприятия можно подумать, что до Клюева дошло ложное известие о смерти Есенина — таких известий тогда было в избытке, люди пропадали неизвестно куда и когда, исчезали в безвестности или появлялись спустя время, к радости близких и знакомых. . . Но у Клюева — речь о другом. О молитве за живого Есенина, как за умершего, наравне с убиенными, ибо “человека покинул Ангел” и плачет по нему Золотая Рязань. . . Есенин со своей стороны мог бы спросить — кого же, в действительности, Ангел покинул? Но у Клюева — своя печаль. Он

шлёт новые стихи Виктору Миролюбову для “Ежемесячного журнала” и специально подчёркивает в письме: “И на этот раз очень прошу напечатать, они для меня и лично нужны, но очень был бы благодарен, если бы Вам понравились они и литературно. . . Я много грешил в Питере — и так сладостно покаяние под родными соснами. Впрочем, и грехи мои так понятны, а иногда даже и нужны. . .” Одно из посланных стихотворений — не покаяние, но жалобный плач. По собственным грехам? Не о них сейчас речь. О горе сердечном.

*Ёлушка-сестрица,
Верба-голубица,
Я пришёл до вас:
Белый цвет Серёжа,
С Китоврасом схожий,
Разлюбил мой сказ!*

“С Китоврасом” — с человеком-конём, взятым премудрым Соломоном и заспорившим с хозяином, как повествует древнее “Сказание о том, как был взят Китоврас Соломоном”: “Однажды Соломон сказал Китоврасу: “Теперь я убедился, что сила твоя — как и человеческая, и не больше твоя сила нашей силы, ибо поймал я тебя”. И ответил ему Китоврас: “Царь, если хочешь узнать мою силу, сними с меня цепи и дай мне свой перстень с руки, тогда увидишь силу мою”. Соломон снял с него железную цепь и дал ему перстень. А он проглотил перстень, простёр крыло своё, размахнулся и ударил Соломона, и забросил его на край земли обетованной. Узнали об этом мудрецы и книжники и разыскали Соломона”.

Достаточно было Есенину прочесть в клюевском контексте имя “Китоврас”, чтобы восстановить всю смысловую цепочку и понять клюевский намёк на есенинское “О, Русь, взмахни крылами. . .”, на его “разбойность” и “сшибание камнем месяца”, на его спор “с тайной Бога”. . . И, следуя обратному направлению мысли, вернуться к “мудрости” Клюева-Соломона и “силе” Китовраса (дескать, “сила есть — ума не надо”). . . Всего этого уже хватало для смертельной обиды. Но дальше следовало:

*Он пришелец дальний,
Серафим опальный,
Руки — свитки крыл.
Как к причастью звоны,
Мамины иконы,
Я его любил.*

*И в дали предвечной,
Светлый, трёхвенечный,
Мной провиден он.
Пусть я некрасивый,
Хворый и плешивый,
Но душа, как сон.*

*Сон живой, павлиний,
Где перловый иней
Запустил окно,
Где в углу, за печью,
Чародейной речью
Шепчется Оно.*

“Серафим опальный” сразу же отсылает к “серафиму” из “Святой были”, что “разошёлся. . . с жизнью внутренней” и возвёл “навет” на “святорусский люд” — как тут не вспомнить есенинского “Товарища” с расстрелом в финале Иисуса Христа? А после признания в любви к Есенину, что “к маминим иконам” — высшая степень любовного чувства для Клюева! — опять “самоуничжение”, что паче гордости: “Пусть я некрасивый, хворый и плешивый, но душа, как сон”. . . Это и ответ на жестокие есенинские насмешки, которые тот

позволял себе над старшим собратом, и опять же отсыл к есенинскому “смирному Николаю”, у которого “тихо сходит пасха с бескудрой головы”... И, наконец, обозначение того главного, что и составляет “соломонову мудрость” Николая: знание вещего сна, — “где в углу за печью чародейной речью шепчется Оно”... То таинственное, жизнедающее Оно, что проявилось в “Белой повести”, посвящённой памяти матери, растворившееся в воздухе деревенской избы и кликавшее в иные миры. То незримое, что преображает сущий мир, соединяя его с миром горним, что стало живительной влагой для клюевского слова в предреволюционном цикле “Земля и железо”, от которого пришли в восторг и Белый, и Разумник, и Есенин, и обалдели слушатели Религиозно-философского общества — от маститой Зинаиды Гиппиус до юного Михаила Бахтина.

*Беседная изба — подобие вселенной:
В ней шолом — небеса, полати — Млечный Путь,
Где кормчему уму, душе многоплачевной
Под веретенный клир усладно отдохнуть.*

*Неизреченен Дух и несказанна тайна
Двух чаш, двух свеч, шести очей и крыл!
Беседная изба на свете не случайна —
Она Судьбы лицо, преддверие могил.*

Нет, не может Клюев так просто отпустить от себя своего наперсника и супруга в духе, уже передав ему свои духовные сокровища. Горе настолько велико, ощущение предательства до такой степени губительно, что сам Николай, перед тем как помолиться за Есенина живого, как за умершего, пишет о себе, как об убитом — убиенном царевиче Димитрии злодейской волей коварного Годунова.

*Буду в хвойной митре,
Убиенный Митрий,
Почивать, забыт...
Грянет час вселенский,
И собор Успенский
Сказку приютит.*

Ещё не зная этого стихотворения, Есенин при встрече с Петром Орешиним, к знакомству с которым он потянулся, встречая в “Деле народа” и “Знамени труда” его стихи и корреспонденции о деревенской жизни, точнее, о её послефевральском окончательном развале, читал ему только что написанное “Преображение” с молитвой “Господи, отелись!” и пророчеством того, что “Новый Содом сжигает Егудиил” и “зреет час преображенья, он сойдёт, наш светлый гость, из распятого терпенья вынуть выржавленный гвоздь”... Как хотите — но это уже не Христос, распятый римлянами по наущению иудеев. Это — есенинский “светлый гость”, “дорогой гость”, от шествия которого видна лишь “золотая дуга” над облачной кучей и который “из лона голубого, широко взмахнув веслом, как яйцо, нам сбросит слово с проклевавшимся птенцом”... Кажется — отсылка к Клюеву, у которого “в уставе утка, а в утке — песня яйцо...” Только у Клюева, в отличие от него — Есенина — ничего не проклёвывается. Есенин чувствует себя взмывающим поверх разумниковских заклинаний, клюевского религиозно-культурного пласта, беловских теорий. Уже и сам Блок ему не брат... И так Орешину и вызвездил в лоб: “Я от Клюева ухожу. Вот лысый чёрт! Революция — а он избяные песни. А поэт огромный. Ну, только не по пути!...” Давно ли восхищался “Избяными песнями”, читал их наизусть, восторгался, как “олонецкий знахарь хорошо знает деревню” — да и сейчас знает им цену... Цена ценой — а своё, почитай, уже б е с ц е н н о е — ибо крылья за спиной выросли: “Мы ещё Белому и Блоку загнём салазки!..” Клюеву, и даже Блоку, так никогда не сказать! Слишком тут много было от силушки, от внутреннего горения, от вдохновения, от ощущения творческого свершения, что порождает в душе тот восторг, когда не заботишься о словах и не думаешь о справедливости соскочившего с губ... Но

было и серьёзное — явно наметившееся расхождение с Ключевым по каким-то основополагающим позициям.

Если “больше нет Воскресенья” — так и нечего цепляться за старые символы. “Предоставьте мёртвым хоронить мертвецов”... Это и почуял Ключев, у которого впервые в стихи, посвящённые Есенину, вторгся смертный мотив.

* * *

Прошёл октябрь. Без всякого сопротивления был занят Зимний дворец. Анархия по стране разливалась морем разлитым — без конца и без края... Ощущение безвластия всё нарастало. В чьих руках власть — кто знал, кто догадывался, кому было вообще наплевать: “власть народная — значит, моя”. В отдельно взятом уезде, деревне, на сущем пяточке...

А за власть надо драться.

“Будет ещё очень много крови”, — предупредил Ленин. И это при том, что отменялась смертная казнь, отпускались на волю поначалу арестованные враги новой власти под честное слово... Большевики не жаждали крови. Но знали, что кровь будет.

Революция включает в себя столько разнонаправленных потоков, подчас несовместимых друг с другом или прямо враждебных друг другу, что, поистине, приходится проходить через кровь, дабы подчинить эти потоки одному направлению, не дать им затопить наводнением страну, народ, государство... Февральская “хлестнувшая за предел” свобода обнажила во многих и многих преимущественно низкое и эгоистическое. “Это моё, то моё же, а там трава не расти. А в случае чего...” Да и без всяких “случаев” любителей кровушки уже хватало. Жизнь обесценивалась на глазах, амбиции росли, интересы схлёстывались.

Интересы не частных лиц, а целых слоёв, сословий, классов. Кровавый катаклизм стал неминуем после Февраля.

Но пока — советская власть управляет декретами. И первым стал — долгожданный “Декрет о земле”. Отмена частной собственности на землю, уже реально осуществлённая земельными комитетами, фактически узаконивалась.

Отменяется смертная казнь на фронте, освобождаются солдаты и офицеры, арестованные по политическим мотивам. И в первые же дни смены власти начинается стрельба и в Петрограде, и в Москве. “Комитет спасения родины и революции” руководит мятежом юнкеров, который подавлен за один день. Три дня и три ночи обстреливается Московский Кремль. Петроград и его окрестности объявляются на осадном положении.

Под грохот выстрелов на Священном Соборе Русской Православной Церкви проходят выборы патриарха — спустя 200 лет. Им становится митрополит Московский Тихон.

Начинаются выборы в Учредительное собрание. Письма крестьян и городских обывателей в “Учредилку” запоминающиеся.

“Если бы я задал себе вопрос: когда лучше жилось — при “старом строе” или при новом, то я не мог бы ответить. Старый строй с его жандармско-полицейским режимом безусловно мне не симпатичен, “новый” так называемый строй страдает симптомами анархии и полной государственной беспринципностью. Но нужно заметить, что в океане русской анархии повинна старая власть. Историческая лошадь, русский народ, получил свободу, и эта свобода понята им крайне своеобразно и характерно, особенно, с особенностью русского духа, воспитанного “царским режимом”... И если ранее т. н. “революционеры” бежали от “николаевского”, “старого” режима, то теперь людям, стоящим близко к пониманию конституционно-парламентского строя, приходится бежать за границу от царя русской земли, русского мужика с топором в руках, не могущего протереть кулаком глаза и увидеть “правду”, ту правду, о которой он хлопотал и хлопочет...”

“Просим поддержать славу русского народа, да не будет у нас партий, но будут одни все равноправные граждане свободной России. Как раньше уважали чужую собственность, будем и теперь, не ударимся в грязь лицом, пусть наши враги не смеются с нас. Просим разослать по волостям и успокоить народ, граждане свободной России. Просим, товарищи, чужую собственность

не трогать, если кто взял, возратить чьё было обратно, извиниться, у нас ещё много земель, кроме помещичьих, монастырских и удельных. . .”

“Обратите внимание: кто это выдумал перевести часы – должно быть, такой жулик, как у нас. Здесь теперь 8 час., а по-старому 7 час., ведь темно. Ходить совсем нельзя, стали грабить больше. Кто это выдумал, тот сукин сын, подох скоропостижно. Должно быть, захотелось на Николаево место, и выдумал небылицу, ты бы, чёрт говённый, свой бы хрен перевернул другим концом – какую экономию нашёл. Ты идёшь на занятия в 9 час., тебе хорошо и светло – а рабочему хорошо ли – подумал бы! При батюшке царе ничего не было, а теперь каждый день убийства, грабёж и жаловаться некуда. Зато теперь – свобода, подохнуть бы вам всем, кто это выдумал. Прошу передать батюшке Николаю привет. Мы за него молимся, чтобы он встал на престол”.

“Я и другие, много нас, хотим голосовать за батюшку царя Николая, при котором нас, бедняков, никто не трогал и всё было доступно и дёшево, и хлеба было много, а теперь при новом нашем правительстве одни грабежи да убийства и насилия, и жаловаться некуда, и делает всё солдатня. Неужели батюшка не вернётся к нам? Господи, вразуми народ и верни нам защитника царя”.

“Прочитал события при открытии Учредительного собрания. . . я вижу, что вы, представители народа, собрались туда для партийных распрей, а не для работы по восстановлению нового республиканского строя. Довольно шума; довольно братской крови – нужно строительство новой, тихой, светлой жизни; нужно заключить демократический, почётный для всех народов мир. Не нужно вашего шума – нужна плодотворная работа для восстановления жизни изголодавшихся крестьян, солдат и рабочих. . . Все вы там собравшиеся, как я посмотрю, не представляете из себя истинных тружеников, а вы есть люди, ищущие сильных ощущений и любители скандала и самохвальства. Я говорю вам, мой голос пославшего вас туда, что всему бывает предел, считайтесь с голосом народной массы – она хочет покоя, хочет отдыха после проклятой бойни. . . Бойтесь, лопнет наше терпение и мы перебьём и разгоним вас всех и скажем, что мы сами собой будем управлять без всяких партий. Будет одна партия труда и справедливости; не будет ни правых, ни левых. Голос мой есть голос пострадавших людей, как я, – нас легион”.

Всё это многоголосие парадоксально сливается со “Словом о погибели русской земли” Ремизова, которое, уже опубликованное во вторых “Скифах”, Иванов-Разумник в статье “Две России” противопоставлял стихам Клюева и Есенина – анафематствование революции противопоставлял приятию. . . Он тогда не знал о стихах Клюева, написанных той же осенью 1917 года – на рубеже эпох.

*На божнице табуку осьмина
И раскосый вылуценный Спас,
Не поёт кудесница-лучина
Про мужицкий сладостный Шираз.*

*Древо песни бурю разбито, –
Не Триодь, а Каутский в углу.
За окном расхлябанное сито
Сеет копоть, изморозь и мглу.*

.....
*Сказка — чушь, а тайна — коршун серый,
Что когтит, как перепела, ум.
Облетел цветок купальской веры
В слёзный град, в озимый древний шум.*

С “беседной избой” произошло что-то страшное. Хорошо было разделять: “Уму – республика, а сердцу – мать-Русь. . .” А здесь – “республика” вторглась в сердце избы – и воздух стал другой, и поменялась вся жизнь. Вроде бы – всё на месте, а душа ушла, и космос избыной пропал с глаза и из сердца.

*В избе гармоника: “Накинув плащ, с гитарой...”
А ставень дедовский провидяще грустит:
Где Сирия — красный гость, Вольга с Мемёлфой старой,
Божниц рублёвский сон, и бархат ал и рыт?*

*“Откуля, доброхот?” — “С Владимира-Залеска...”
— “Сгорим, о братия, телес не посрамит!..”
Махорочная гарь, из ситца занавеска,
И оспа полуслов: “Валета скозырим”.*

Живая старина исчезает на глазах, благодатный аромат избы заглушается махорочным дымом, а голоса странников и самосожженцев, вселявших в сердце сладость и печаль, — галдежом картёжников, что уже ни в красный угол, ни на старую резьбу не глянут. Не для них, “цивилизовавшихся”, эта старина, печально покидающая обжитое веком жилище.

*Под матицей резной (искусством позабытым)
Валеты с дамами танцуют вальц-плезир,
А Сирин на шестке сидит с крылом подбитым,
Щипля сусальный пух и сетуя на мир.*

*Кропилом дождевым смывается со ставней
Узорчатая быль про ярого Вольгу,
Лишь изредка в зрачках у вольницы недавней
Пропляшет царь морской и сгинет на бегу.*

Уже не думал ли Клюев, складывая эти, исполненные редчайшей, осмысленной и тревожной красоты, стихи, о своем “белом свет-Серёже”, что ещё ответит ему, ещё позабавится, ещё вдарит своей сокрушительной “Инонией”?

(Продолжение следует)

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

ЧТО У НИХ ЗА ДУШОЙ?

Беседа с журналистом Виктором КОЖЕМЯКО

Почти два десятилетия в работе Валентина Григорьевича Распутина видное место занимают его беседы с известным публицистом Виктором Кожемяко по злободневным проблемам жизни нашего общества, печатающиеся в газетах “Правда”, “Советская Россия”, “Слово” и других. Начавшись в трагическом 1993-м после расстрела Верховного Совета, они продолжились затем в последующие годы периодическим анализом того, что происходило в стране и надрывало сердца большинства её граждан.

Так уж сложилось, что эти годы стали для России временем тяжелейших испытаний. И, конечно, многие из них находили отзвук в размышлениях выдающегося русского писателя и его собеседника. Вот что писал сам В. Г. Распутин, когда в 2005 году издательство “Воскресенье” выпустило первую книжку бесед, назвав её “Последний срок: диалоги о России”:

“...Это десятилетие по насыщенности и трагичности событий вместило в себя столько, что хватило бы на целый век. Поэтому нам было о чём поговорить, куда ни взгляни, к чему ни прислушайся... Но теперь, когда мы собрали свои беседы вместе, под одну книжную обложку и в одну нить разговора, ступенчато поднимающуюся вместе с нами вверх от года к году, ещё заметней становится, что это попытки обсудить и объяснить не столько сами события, сколько сопутствующую им нравственную сторону. От взрывчатки погибли тысячи и тысячи ни в чём не повинных людей, но от порядка, презревшего честь и совесть, извратившего все нравственные законы народа, погибли миллионы и миллионы, имевшие несчастье оказаться в России в самое неподходящее для жизни время. Да и взрывчатка — результат того же порядка”.

Очередное, гораздо более объёмное издание бесед В. Г. Распутина и В. С. Кожемяко вышло в издательстве “Алгоритм” под названием “Боль души”. Однако и эта книга не завершила искренние острые диалоги писателя-патриота с патриотом журналистом, посвящённые прежде всего невыносимо тревожному нравственному состоянию нынешнего общества. Именно оно стало темой недавней беседы, текст которой авторы предложили “Нашему современнику”.

Явление “Русского пионера” от миллиардера Прохорова

Виктор КОЖЕМЯКО: Валентин Григорьевич, в предыдущей нашей беседе мы коснулись вопиющего происшествия на крейсере “Аврора”. Здесь, на корабле № 1 Военно-Морского Флота России (это его официальный ранг!), где находится также музей, была организована бурная пьянка с участием прямо-таки выдающихся государственных персон. Достаточно назвать полномоч-

ного представителя президента Клебанова, министра федерального правительства Набиуллину, губернатора Санкт-Петербурга Валентину Матвиенко. Развлекали гостей тоже личности незаурядные – вроде скандально знаменитой телеведущей Тины Канделаки и матерного певца Шнурова по прозвищу Шнур. Музыкально аранжированная его матерщина всю раздавалась над вечерней Невой, а специально нанятые люди и наиболее лихие гости, основательно поднабравшиеся, прыгали с борта крейсера в реку под восторженные крики всей компании.

Краткую свою оценку этому явно вызывающему событию вы в прошлый раз уже дали. Но, думается, стоит продолжить тему после того, как вы и я познакомились с изданием, годовщина которого стала поводом для столь необычного, мягко говоря, мероприятия. Речь идёт о буржуазном журнале под характерным и тоже, конечно, вызывающим названием “Русский пионер”. Принадлежит он миллиардеру Михаилу Прохорову, которого после громких его походов с “девочками” во французском Куршевеле шуточно именуют иногда Прохором Куршевельским. Если же вспомнить, что слово “пионер” означает “первый”, то сам владелец “Русского пионера” теперь в определённом смысле стопроцентно оправдывает название своего журнала. Ведь по свежим, недавно опубликованным данным, он, Прохоров, признан самым богатым россиянином, то есть первым среди 77 долларовых миллиардеров России. Даже непревзойдённого Романа Абрамовича несколько обошёл. . .

Ну и как вам журнал этого “первого”? Не увиделось ли на его страницах нечто общее со знаменитыми эпатажными мероприятиями в Куршевеле и на “Авроре”, которые инициировал тот же Прохоров?

Валентин РАСПУТИН: Прохоров уже не первый из миллиардеров. Стоило ему отвлечься на куршевельский “праздник, который всегда с ним”, и избрать этот дорогостоящий французский курорт местом постоянных сборов и публичных вызовов, как его тут же обошёл и в первые миллиардеры выдвинулся некий Лисин. “Некий” – это для нас, малосведущих, а в своём кругу Лисин, конечно, фигура знатная, которой палец в рот не клади. Точно так же два, кажется, года назад стоило Абрамовичу ненадолго отвлечься на семейные дела, как его обошёл Прохоров. Мир этот, судя по всему, не менее жестокий и самоуправляющийся, чем итальянская мафия. И стоило России всего-то на год с небольшим отвлечься на кризис, как число олигархов в нашем Отечестве увеличилось вдвое. И по каким таким законам – не понять. Ну, прямо как грибы в урожайном году под солнышком и дождичком выскакивают из-под земли.

Вот так-то. Знай наших!

“Русский пионер”, публичное детище Михаила Прохорова, я прочёл от корки до корки. Ну, во-первых, потому, что где ещё нашему брату послушать небожителей, и, во-вторых, чтение и в самом деле куда как не рядовое. Ничего похожего в нашей журналистике и литературе не случилось. Журнал выходит тиражом 30 тысяч экземпляров, но простым смертным его, конечно, не уловить, и я уже взялся выписывать самое интересное из произведений и самого Прохорова, и его соратников и единомышленников, в том числе таких персон, как Ксения Собчак, Тина Канделаки, олигарх Виктор Вексельберг, помощник президента России Аркадий Дворкович, дочь Ельцина Татьяна Юмашева, поэт Орлуша с его звучными стихами про русскую душу – ох, какое даже в отрывках это было бы наслаждение для читателя, отставшего от жизни и понятия не имеющего о высокородных нынешних вкусах. Я принялся выписывать, но осторожность заставила заглянуть в последнюю страницу журнала. Где и прочёл: “Запрещается полное или частичное воспроизведение текстов”. Ого! Ещё и в суд потянут. . .

Но, читая откровенные, иногда свертоткровенные излияния душ авторов “Русского пионера”, я пытался вспомнить: где же, где я встречал подобное же выворачивание героев наизнанку? И вспомнил: у Достоевского, в “Бесах”. Вот из исповеди Ставрогина, одного из главных героев романа:

“Всякое чрезвычайно позорное, без меры унижительное, подлое и, главное, смешное положение, в каком мне случилось быть в своей жизни, всегда возбуждало во мне, рядом с безмерным гневом, неизменно наслаждение. Точно так же и в минуты преступлений, и в минуты опасности жизни. . . Клянусь вам, я не мог не оставить сущности дела, это целый социальный тип (в моём убеждении), наш тип, русский, человека праздного не по желанию

быть праздным, а потерявшего связь со всем родным, и главное – веру, развратного от тоски. . .”

Ставрогин, как мы помним, в конце концов не выдерживает своего бесовства, кается и кончает самоубийством. Там: не могу больше терпеть себя такого, наслаждающегося грехом, здесь – жизнерадостные пляски вокруг греха, его одухотворение и вознесение на пьедестал. Вызывающая откровенность: а вот мы такие, и сегодня мы – хозяева жизни и соль земли.

Приходится со вздохом и небольшой надеждой на лучшее согласиться: “Ну что ж, на то и бесы, чтобы православный не дремал”. А чем ещё можно утешиться?

В. К.: Да, пожалуй, две особенности этого журнала, как и позорнейшего действия на “Авроре”, очень бросаются в глаза – вызывающая эпатажность, дабы привлечь максимум внимания, и намеренное, тоже вызывающее, святотатство. Вы в прошлый раз верно сказали о неумейной изобретательности олигарха: “Что там голые девочки во французском Куршевеле! Тьфу! – плюнуть и размазать! Но вот на “Авроре” шумный и неприличный бардак с самыми знатными членами правительства и президентскими приближенными – вот это фокус! Теперь вся Россия – да что там Россия! – весь мир должен замереть в ожидании: что же дальше выкинет богатейший похабник? Ведь он, конечно, на этом не остановится! . . .”

Абсолютно правы (я об этом тоже много думал) в оценке безграничного олигархического желания шокировать публику скандалёзностью своих поступков: нам, дескать, всё позволено, нам, мол, всё нипочём! Но это соединяется ещё и с демонстративным святотатством, что очевидно было уже в замысле “бардака” именно на “Авроре” и столь же явно, по-моему, отразилось в “Русском пионере”. Чего стоят хотя бы “Рождественские Пионерские чтения”, которым в значительной мере посвящён весь первый номер журнала за этот год и которые были проведены клеветами Прохорова не где-нибудь, а в том же самом Куршевеле! “Рождественские Пионерские. . .” А под этим опять-таки матерные стихи некоего Орлуши “про русскую душу”, вызвавшие, оказывается, на тех “Рождественских чтениях” особый восторг, ну и прочее подобное. Непотребное, я бы сказал. Надо же это придумать: в открытие номера сообщить, что он посвящён теме души (!), а потом такого наворотить. . . Вот мой вопрос: что же у них в душе и за душой?

В. Р.: Душа, как мы знаем, бестелесна и бессмертна. И потому поправить её хирургическим вмешательством, как сердце или печень, нельзя. В добрых намерениях она первая помощница человеку, можно сказать, его нянька, в дурных, когда человек не хочет или не умеет слышать свою душу, он, теряя себя, теряет и близость со своей душой. И потому ошибаются те, в том числе и авторы “Русского пионера”, кто считает, что душа на все готова, в том числе и участвовать в их проказах. Нет, она в таких случаях не сообщница, а только свидетельница.

Сам олигарх признается в статье “Секс гуманизму не товарищ” (с издевкой, конечно, но верно. – **В. Р.**): “Когда мы становимся старше, единство и борьба противоположностей (мужчин и женщин, надо понимать. – **В. Р.**) сжирают нас не снаружи, а изнутри, душа безуспешно бьется о плоть (чаще о крайнюю), а секс. . .” и т. д. . . Продолжать не хочется.

Ксения Собчак, близко знающая олигарха и его душу, свидетельствует без дружеской иронии:

“Женщины не исыкали, сколько их ни арестовывай (случай в Куршевеле – **В. Р.**), иногда из них выбиралась какая-то, и с нею происходил акт быстро, иногда и долгого, но всегда бессмысленно-холодного совокупления. Это было совсем не похоже на то, что было когда-то давно в жизни этой души, и потому не приносило никакой радости. . .”

Спасибо и на признании из первых уст, что не душа Прохорова и душа его окружения вызывали их на безобразия, а они насиловали душу. А может быть, там, в небесах, это и есть самый тягчайший и неотмолимый грех.

Вспомним опять Достоевского:

“Кто меряет в наше время душу на душу христианской меркой? Меряют карманом, властью, силой”.

У преподобного Ефрема Сирина:

“Воспримем попечение о спасении души, ибо это есть “единое на потребу”, требует своего попечения и тело, но не много, ибо душа всего выше”.

Разберемся, кто есть эти “они” и какие

В. К.: Мы с вами говорим: “они”, “у них”... Но если попробовать определить, кто же эти “они”, то, наверное, употребляя их собственное название самих себя, получится – ЭЛИТА. Я-то всегда беру это слово в кавычки, когда пишу о таких величавых самозванцах. Элита – это лучшие! Так ведь? А тут сами себя без зазрения совести называют лучшими. Дескать, завидуйте нам, равняйтесь на нас, мы – особые!

Конечно, олигарх Прохоров особый в том смысле, что непосильным трудом сумел “заработать” аж 14,1 миллиарда долларов. А всего за прошлый год, несмотря на кризис, число долларовых миллиардеров в нашей стране увеличилось в полтора раза. Все они, разумеется, тоже особые. Ведь их совокупное богатство за тот же год возросло почти вдвое – с 75,9 миллиарда до 139,3 миллиарда долларов.

В общем, самозачисление олигархов в элиту не должно вызывать никаких сомнений. Неважно, что при их рекордной численности в России, выводящей нас по долларовым миллиардерам чуть ли не на первое место в мире, по среднему уровню жизни страна наша находится где-то на месте 71-м. Зато по разрыву между богатыми и бедными опять мы безусловно лидируем...

Однако в “элите” у нас не только сами олигархи, но и те, которые по богатству и знаменитости наиболее близки к ним. Вот недавно ВЦИОМ решил выяснить, кого в нашей стране считают элитой. По числу голосов первые места заняли Владимир Путин и Дмитрий Медведев. Это, я думаю, понятно, они – первые в стране начальники. А дальше по тем же голосам? Третье место – Алла Пугачёва. Затем – деятель шоу-бизнеса и композитор Крутой, Никита Михалков, футболист Аршавин, “телезвезды” Познер, Малахов, Ксения Собчак... С другой стороны – Шойгу, Жириновский, Лужков, Матвиенко (та самая, с “Авроры”!) и т. п.

Вернусь к прохоровскому журналу “Русский пионер”. Его делает и в нем участвует, конечно, тоже “элита”. Например, главный редактор Андрей Колесников – преуспевающий журналист не только из буржуазного “Коммерсанта”, но и из так называемого “президентского пула”, то есть максимально приближенный к власти. Та же Ксения Собчак выступает со своими размышлениями о душе Михаила Прохорова. А дочь Бориса Ельцина (чем не элита!) рассыпается в комплиментах главному редактору “Русского пионера” за “качественную журналистику”. Что же это значит – “качественная”? И вообще, что вы думаете о тех нравах, о том стиле, – как в журналистике, так и в жизни, которые насаждает вся эта, с позволения сказать, “элита”?

В. Р.: Прежде чем рассуждать о теперешней судьбе “элиты”, надо вспомнить судьбу русской интеллигенции – явления действительно серьезного, – нигде в мире более не состоявшейся, а у нас вошедшей в плоть и кровь народа и в течение полутора столетий служившей ему верой и правдой. И это было не только хождение в народ, а жизнь в народе, его нравственное и культурное воспитание.

Закончилась эта служба во второй половине прошлого столетия, к сожалению, печально, а самое слово “интеллигенция” стыдливо сошло с языка. Произошло это, разумеется, не вдруг, перерождение интеллигенции в пустоватую и вождельно заглядывающую на Запад образованщину заняло десятилетия. Публичный крах её был во всех отношениях постыдным, когда в конце 80-х интеллигенция-образованщина сотысячными митингами в поддержку Ельцина выходила в Москве на Манежную площадь.

Подобная же участь ждет и “элиты”, у которой, кстати, не случилось никаких заслуг ни перед народом, ни перед обществом. Ничего, кроме самолюбивых и вызывающих выходов на сцену и в свет. Элитарщина окончательно освободилась от всего, что называется служением Отечеству, освободилась от всяких обязанностей перед народом и добровольно заглушила в себе голос совести. Она являет, навязывает себя, но ничем полезным не является. Ни президенту и председателю правительства, ни Шойгу и Лужкову там делать вроде нечего, у них свое место. Ну, разве что показать иногда свою демократичность, доступность... Что касается пугачёвых, познеров, малаховых и иже с ними – этих обречённая “элита” теперь уже никому не отдаст. Ибо они-то и подобные им и сделали ее тем, что она есть.

Жизнь, какой бы она ни была, идёт вперёд. Даже и не идёт, а теперь уже бежит. И Андрей Колесников, редактор “Русского пионера”, человек, как вы подсказываете, “из президентского пула”, удивительно удачно выбравший название для прохоровского журнала, тем самым, похоже, дал понять, что с отмирающей “элитой” им не по пути. Каким станет этот путь “первых”, скоро увидим, но уж, конечно, он будет ещё выше и дальше от народа и России. В этом можно не сомневаться.

В. К.: Валентин Григорьевич, я хочу обратиться к нашей великой русской классике. Хочу вспомнить знаменитый монолог Чацкого из бессмертной Грибоедовской комедии “Горе от ума”:

*Где, укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты?
Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве...*

Как современно звучит, не правда ли?

В. Р.: Удивительно современные строки, словно Россия пригвождена ими на веки вечные. Только теперь мы уже не можем искать “отечества отцов”, нам бы пойти и собрать воедино сынов Отечества, которые и есть, конечно, и, должно быть, их немало. Но не в одном строю. Надо мобилизовать их и показать, откуда опасность.

А что касается пьянки на “Авроре”, события, к которому мы обратились вновь и не вернуться не могли, поскольку выяснилось, что презентация журнала “Русский пионер” сначала состоялась в Куршевеле, с которым русский олигарх породнился после известных событий, а затем повторена была на берегах Невы. Разгул, неприличные песни и прочее – всё это было заложено в журнале, и обойтись без этого никак бы не получилось. После Куршевеля только “Аврора”, и ничто иное, могла соответствовать статусу этого события.

Меня удивило (поразило!) в первый раз, когда мы обсуждали эту тему, что там, на “Авроре”, в куршевельской компании вроде бы неуместно оказались лица самого высокого ранга: министр федерального правительства госпожа Набиуллина, губернатор Санкт-Петербурга госпожа Матвиенко и прочие. И вынуждены были слушать похабные песни про русскую душу и много что ещё, а затем, вероятно, вынуждены были аплодировать. “Как же так? – не укладывалось в моей голове. – Что же у нас происходит, куда мы катимся?”

Теперь, познакомившись с этим самым “Русским пионером” и прочитав внимательно произведения его авторов, сплошь из знатной “элиты”, я готов посочувствовать именитым гостям. А что им оставалось делать, если приглашение поступило от самого столь высокого олигарха, для которого нигде и ни в чем препятствий не существует? Я сам слушал по ТВ председателя правительства, который сначала попенял Прохорову за то, что деньги тот взял, а дело не сделал, но тут же и сообщил, что Прохоров его друг. В близких друзьях у этого олигарха полномочный представитель президента России Клебанов и помощник президента Дворкович. В недавней поездке президента в Париж его сопровождал (и не могло быть иначе), конечно, и Прохоров. В Париже, выступая перед высшим светом, он с очаровательной откровенностью признался, что он и есть тот самый Прохоров, который куршевельский, и снискал аплодисменты.

Вот теперь и подумайте: могли ли некоторые лица даже и весьма высокого положения отказаться от приглашения на “Аврору” самого (самого!) Прохорова! Да ведь это ой как дорого могло обойтись!

В. К.: Разговор наш, Валентин Григорьевич, выходит на тему “власть и народ”. Или можно сказать так: люди власти, служба власти – и так называемые простые люди. Ведь та же пьянка на “Авроре” и прочие подобные “тусовки”, как сами участники их называют, с какой главной целью устраиваются? Подчеркнуть: мы – не такие, как все, мы – не чета вам, всяческому быдлу. Прямо это не всегда скажут, конечно, однако на подсознательном уровне такое отношение к людям у них крепко укоренилось и прорывается иногда само собой.

Приведу факт, который очень сильно меня возмутил. Вот сейчас, в связи с 65-летием Победы, особенно много произносится красивых фраз в адрес ветеранов войны. Дескать, уважаем, почитаем, восхищаемся вашим подви-

гом. Однако в это же время появляется в правительственной “Российской газете” заметка о вечере в честь 130-летия со дня рождения И. В. Сталина, который организовала КПРФ. И обратите внимание, с какой издёвкой – иначе не могу это назвать – написала некая Анна Закатнова о тех же самых ветеранах: “– Эх, люди-то надели все свои награды, а я забыла, – почти в голос причитала старушка, распространяющая тот особый запах бедности, которым медленно пропитывался воздух в киноконцертном зале.

Толпа, в которой изредка мелькали и молодые лица, пришла действительно принаряженная, мужчины в красных галстуках, женщины, по советской традиции, “белый верх – чёрный низ”, и все с таким напряжённым, жадным ожиданием смотрели на сцену, как будто оттуда им должны были рассказать самое главное в жизни...”

Писалось это прежде всего, разумеется, чтобы выразить пренебрежение и презрение к Сталину, к КПРФ, но выразилось-то истинное, не показное, отношение к ветеранам. Чего стоит этот “запах бедности”, который они якобы распространяют! А если это даже и так, то позволительно спросить: но кто же вверг людей в эту бедность? И есть ли хоть минимальная совесть у журналистки, которая может такое написать про ныне старых по возрасту людей, защитивших Отечество в роковую годину?

В. Р.: Значит, запах бедности, распространяемый старушкой, запах, “которым медленно пропитывался воздух в киноконцертном зале”. И до чего же, должно быть, тяжело было переносить этот запах! Да и от всех ветеранов как, должно быть, несло! Это же никогда не выветривается!

У нас вообще везде и всюду неприятный запах для чувствительного нюха. Как пахнут до сих пор вдовы, получившие в своё время похоронки, пахнут даже и из могил, где они, наконец, нашли утешение! Не улетучился запах и голодной России военных и послевоенных лет. А колхозники на тракторах, колхозницы в коровниках и свинарниках! Это же ведь и до Москвы навозный дух достигал! Да и в наше время в чеченских окопах и полевых госпиталях от искалеченных наших ребят исходил не самый благовонный дух. Вся Россия, надо признать, пахнет как-то не парфюмерно. И только в последнее время стало почище, когда некоторые зажили “по европейским законам”. И уж если на это обстоятельство обратила внимание правительственная газета, дело выправится окончательно.

Вот и запах Сталина не могут переносить. Но тут уж я оставлю иронию и напомним читателям, что, сколько бы ни ненавидела Сталина и на дух его не принимала нынешняя инославная “элита”, не следовало бы забывать ей, что в России не только ветераны, но и молодёжь относятся к нему совсем по-иному.

И когда, напомним, выдвигались народом кандидатуры на “Имя Россия”, третье место после благоверного Александра Невского и П. А. Столыпина было отдано Иосифу Виссарионовичу, генералиссимусу Великой Отечественной. Мало для кого секрет, что занял-то он в действительности первое место, но на две позиции был сознательно отодвинут, чтобы “не дразнить гусей”, то есть не принимающих Сталина на дух граждан.

Интернет, оказывается, – могучее орудие общественного мнения. Я недолюблива интернет за его бездушное всеумение и всезнание, но приходится признавать его силу – тут уж ничего не поделаешь. И Сталин занял достойное место в конкурсе “Имя Россия”, конечно, прежде всего, благодаря ему.

И когда сегодня наша недалёкая либеральная то ли элита, то ли шарашка, злобно ненавидящая Сталина, требует, чтобы в юбилейные дни 65-летия Победы и духа Иосифа Виссарионовича нигде не было, не говоря уж о портретах вождя, она добьётся этим только того, что и духа, и портретов будет гораздо больше, чем если бы она так нахально не выставляла свои ультиматумы фронтовикам да и всем нам.

И правильно: не лезьте в душу народную. Она вам не подвластна. Пора бы это понять.

Аскетизм не подходит этой власти

В. К.: Кстати, будучи недавно на Украине, патриарх Кирилл говорил о нравственных требованиях к людям власти. И одно из них такое: больше аскетичности. Как бы кто ни относился, скажем, к тому же Сталину, однако

скромность или даже аскетичность бытовой его жизни, по-моему, не вызывает сомнений. А нынче у нас всё наоборот. Принятый стиль жизни “в верхах” — это “гламур”, демонстрация опять-таки своей особенности, в том числе особой “изысканности”, роскоши, богатства. Идёт такое, конечно, от олигархов, задающих тон, но и во власти, в службе её — люди сплошь весьма не бедные. Соревнуясь между собой, показывают народу: вот мы какие “крутые”, а до вас, распространяющих “запах бедности”, нам и дела нет. Но как после этого люди будут относиться к официальным разглагольствованиям про “заботу о благе народа”?

В. Р.: Больше аскетичности! А не опоздали? Сталин не только сам был аскетом, но требовал аскетизма и от своих подчинённых. Почти до самого конца существования Советской власти партийные работники обходились только казёнными дачами, не очень-то обогащались своим положением. Тот разбой над народной собственностью, который устроили, захватив власть, Ельцин, Чубайс и Гайдар, в нашей истории сравнить не с чем. Поэтому их имена ни теперь, ни в дальнейшем не могут получить оправдания, в какие бы одежды их ни рядили и какие бы памятники им ни воздвигали. Они нанесли своему (своему?) народу и государству урон не меньший, чем гитлеровская оккупация. Более того! Война с Гитлером, несмотря на огромные людские потери, духовно и физически, как никогда, объединила народ в единое целое, а власть Ельцина и его приспешников разметала и унизила народ до положения пленных в своём Отечестве. Сохранился ли у нас народ в приблизительном хотя бы единстве, не опустился ли он до положения неведомо откуда взявшихся пришельцев, не помнящих родства, мы и сами не поймём. С нерешительностью оглядывается он вокруг: то ли жить, то ли дальше ехать? Но в том, кто теперь гегемон, можно не сомневаться. Эту гегемонию мы наблюдаем и испытываем на каждом шагу, и унять её власть и её аппетиты, кажется, уже невозможно, пока мы будем двигаться по пути Ельцина и признавать за благодетеля Чубайса.

В. К.: Недавнее столкновение на Ленинском проспекте иномарки вице-президента “Лукойла” с автомашиной, в которой ехали две женщины — врачи (трагическое столкновение!), убедительно показало, на чью сторону сразу же становятся правоохранительные органы. Они всячески выгораживают и защищают тех, кто богаче! Старая пословица “С богатым не судись” снова и снова проявляет ныне жизненную обоснованность. И, конечно же, к этому нередко добавляют новорожденную мудрость: “Если ты такой умный, то почему такой бедный?” Внедряется в сознание людей, что деньги любой ум заменят, ну а уж совесть, душу — тем более. Но к чему это приводит и к чему может привести в будущем?

В. Р.: Я могу припомнить ещё одну поговорку, подходящую для этой истории. Звучит она так: “Бедность плачет, а богатство скачет”. “Скачет” в нашем случае — не признаёт никаких правил не только человеческого общежития, но и дорожного движения. Уже сама марка машины должна обозначать, кому писаны законы и кому не писаны.

Вице-президент “Лукойла” пусть и не сразу, но извинился перед родственниками погибших. Но извинился, должно быть, хитро, признав столкновение, но не признав вину своей машины. Потому что когда следователь, ведущий это дело, стал докапываться до истины, сначала неизвестные выбили стёкла его машины, а затем и стёкла в машине его жены. То есть с самого начала действуют самодетельно как бы только машины, не поделившие дорогу, а хозяева их здесь ни при чём. Погибшие погибли, их не вернуть, а оставшимся жить дайте дорогу, ибо она им в первую очередь и принадлежит.

В святотатстве и больших деньгах нет вдохновения

В. К.: “За душой ничего святого...” По-моему, всё больше людей, о которых можно это сказать. Причём всё чаще агрессивно и вызывающе демонстрирующих отсутствие святого отношения к чему бы то ни было, кроме денег. В этом смысле можно рядом поставить, скажем, скандальную выставку “Осторожно: религия!”, где издевались над православными святынями, и осквернение военного крейсера “Аврора”. А что происходит по отношению к нашей русской литературной классике, которая всегда тоже была святыней для нас?

Хочется сказать о Чехове, 150-летие со дня рождения которого отмечается в этом году. Мало того, что на сцене многих театров пьесы великого писателя “переделываются” до неузнаваемости. Взяться теперь и за “переделку” благороднейшей личности этого человека. Известно, что доктор Чехов бесплатно лечил бедных, построил на свои средства несколько школ для крестьянских детей, совершил, будучи тяжело больным, героическую поездку на остров Сахалин, чтобы рассказать о жизни каторжников и оказать им посильную помощь. Однако совсем не это в жизни писателя привлекло внимание телевидения и прессы в связи с юбилеем.

Английский литературовед Дональд Рейсфилд издал книгу, где изобразил Антона Павловича просто каким-то сексуально озабоченным типом. То есть постарался всячески принизить, опошлить его! И на это охотно откликнулись многие российские СМИ. В результате на телеэкране к юбилею чуть ли не главным “открытием” стало: “Чехов потерял невинность в 13 лет!” Вот вокруг этого и подобного почти всё крутилось на телевидении, вот что “со вкусом” рассказывали с экрана о великом писателе, гражданине, патриоте.

И как оценить, что в родном для Чехова Таганроге к юбилею поставили памятник не кому-нибудь из лучших его героев, а “человеку в фуляре”? Почему? И как могли жители Томска допустить, что здесь несколько лет назад появился прямо-таки карикатурный “памятник” самому писателю? Дескать, это “Антон Павлович Чехов глазами пьяного мужика, лежащего в канаве и не читавшего “Каштанку”. Такую подпись скульптор Леонтий Усов сделал под тем отвратительным уродцем, которого он изваял. Значит, с точки зрения “пьяного мужика, лежащего в канаве” можно теперь кого угодно и как угодно уродовать? Выходит, действительно нет нынче для определённых “художников” ничего и ничего святого?

В. Р.: Особенно возмущает, что не только наши соотечественники выстроились в очередь, чтобы оплёвывать А. П. Чехова, находя для этого самым подходящим моментом его юбилей. Но вот уже и за граница кинулась им на помощь. Или уж так поставила себя Россия, что её народ, её историю и её великих в литературе и искусстве можно пинать кому не лень, или это заказ, один из многих, чтобы отнять у народа и обесчестить самые любимые им имена. И ещё раз заявить, что никогда “в этой стране” ничего достойного не водилось.

А спросите у господина Дональда Рейсфилда, соорудившего пасквиль на А. П. Чехова: а что если бы русский литературовед к юбилею Ч. Диккенса, Р. Кипплинга или Д. Голсуорси взял да и помазал бы их от души грязью – понравилось бы это англичанам? Можно не сомневаться: не понравилось бы. Тем более что в Англии, кажется, нет, как у нас, обширного общества ненавистников своего отечества, не признающих в нем ни прошлого, ни настоящего – ничего, кроме своего особого мира.

Сегодня, мягко говоря, недружелюбие этих самых “оных” к А. П. Чехову доходит до абсурда. На сцене МХТ им. Чехова (имени Чехова!) идёт спектакль по пьесе Антона Павловича “Вишнёвый сад”. Главную роль, роль Раневской, играет актриса Рената Литвинова. И вот она после премьеры публично заявила: “Я ненавижу Чехова!” Казалось бы, ненавидишь – не играй. Чего проще! Нет, буду играть именно потому, что ненавижу, чтобы эта ненависть перешла и к зрителю.

Чего только не узнаешь, не услышишь о Чехове в эти дни! Был он, оказывается, редкостным развратником, и когда наведывался в Европу, первым делом отправлялся в публичный дом. В наши невиданной “нравственности” времена, казалось бы, можно об этом и не упоминать. Но вот читаю у чеховского современника Василия Розанова: если даже и случалось Чехову заглядывать в публичные дома, в этом не было никакой порнографии. Он устраивался в общем зале и наблюдал. Должно быть, “Чехов любил это как сферу наблюдения или как обстановку грёзы, мечты; может быть, как стену противоположности, через которую пробивалась его идеалистическая мысль и, пробиваясь, становилась энергичнее в действии и напряжении”.

Розанов вспоминает ещё об одном “чужаестве” Чехова: он любил бывать на монастырских кладбищах и читать надгробные надписи. “Как это похоже на Чехова, как идёт к нему!” – искренне отзывается Розанов. И действительно, это, казалось бы, чудачество доказывает, что творческая душа Чехова была шире и глубже обычных интересов и умела доставлять писателю недоступные многим ощущения.

В вину Чехову ставится теперь даже и его поездка на Сахалин. Зачем, дескать, это ему надо было? Не хватало славы? Славы хватало. По-иному надо смотреть: как хватило у этого отнюдь не богатырского сложения и уж отнюдь не богатырского здоровья человека мужества и силы на более чем десятилетия бездорожье, которое нынче и представить нельзя. И всё для того, чтобы и Сибирь понять, и несчастным каторжанам помочь. И ведь помог, насколько это возможно было, и ведь по его следам поехали затем другие (прежде всего – врачи) с тем же желанием помочь. И заново открыл он Сахалин для всей матушки России.

Томск по пути на Крайний Восток Чехову не очень понравился. И он не скрыл этого: и люди заходили к нему в гостиницу не располагающие к серьёзным беседам, и город показался скучным. Может, погода подействовала. Бывает. Чехову можно и простить, и попытаться понять его. Томичи не простили, если позволили выставить его образ в уродливом виде. Автор скандального памфлета Антону Павловичу, некий Леонтий Усов где угодно мог завестись с проявившимися в нём вкусами, эта порода ваятелей особенно размножается в хлябкие времена. Но ведь должно же в Томске, университетском городе, существовать и здоровое общественное мнение, есть там и городская власть, которой должно быть небезразлично, в какой позе выставляется здесь Чехов и тем самым их город. Я хорошо знаю, сколь многие в Томске этот, с позволения сказать, “памятник” не принимают, знаю, что они протестовали и продолжают протестовать против него. Безрезультатно.

Об Иркутске Чехов, также побывавший в нашем городе, отозвался почти с восторгом. Но почему-то я уверен, что, будь его мнение совсем иным, иркутяне все равно не позволили бы издёвки над Антоном Павловичем. Нехорошо.

А почему же, спрашивается, так ополчились на Чехова именно в его юбилейные дни? Не совсем вроде прилично. Да потому, думаю, что прочитали Антона Павловича по поступившим наводкам пристальной и отыскивали у него страницы, где обнаруживается “еврейский вопрос”. Совсем небольшой, если так долго всерьёз не обращали на него внимания, но теперь всё-таки обнаружили. Ну и всё: ату классика, ату! И юбилей выбрали не случайно: слышнее и больнее для нашего брата. На войне как на войне.

А то, что в книгах Чехова существует и русский вопрос, и куда в большей степени, это так и положено.

В. К.: Опустошение душ людских, о котором мы сегодня с вами говорим, низведение их с нравственной высоты в яму, в грязь, в болото, не может не сказаться буквально на всех сферах нашей жизни. В том числе и на спорте, о котором в последнее время много говорят в связи с крайне неудачным выступлением наших спортсменов на зимней Олимпиаде в канадском Ванкувере. Да, разрушена советская система подготовки спортсменов, и это, безусловно, сказалось. Но, по-моему, дало о себе знать и нравственное, духовное разрушение людей. Ставка на одни лишь деньги явно себя не оправдывает. Если нет у соревнующихся сильного патриотического духа, то не действуют и посулы “куршевельца” Прохорова, обещавшего “миллион евро на двоих за победу”. Он, Михаил Прохоров, становится теперь, похоже, чуть ли не главным спонсором в спорте. Рассказывали о грандиозных хмельных приёмах в так называемом “Русском доме” на Олимпиаде, о бурных возлияниях там. Но, увы, нашим спортсменам это перенесение куршевельских нравов в Ванкувер не помогло – напротив, судя по всему, ещё более деморализовало.

Есть у меня и ещё одно конкретное наблюдение на сей счёт. Телеканал НТВ показал обсуждение в студии олимпийских итогов. Присутствовал там и редактор прохоровского журнала “Русский пионер” – упоминавшийся Андрей Колесников. Так какую же главную рекомендацию высказал он как вывод из российского провала на Олимпиаде? Надо как можно больше закупить иностранных тренеров!

Вот вам и вся премудрость. Наши отечественные тренеры обеспечивают громкую славу китайским спортсменам, а у Колесникова и его патрона Прохорова – вся надежда на западных учителей. Вот до чего в плоть и кровь впиталось восхищение перед всем иноземным, заёмным, “не нашим”. А можно ли прийти к большим победам, опираясь не на свои силы и опыт? Можно ли вообще хоть в чём-то стать победителем, если за душой – ничего?

В. Р.: Деньги, деньги, деньги!.. И чем дальше, тем чаще произносят это заклинание и тем больше поклоняются ему. Много ли получали советские

спортсмены, раз за разом побеждавшие и на Олимпиадах, и на мировых первенствах? Да нет, не за деньги, а за честь Отечества сражались они, и это вдохновляло их больше, чем теперешние барские посулы. Спорт начинался в каждой школе и продолжался в университетах и институтах. В армию ребята шли не из-под палки, а там непременно закалывание и тренировки тела и духа. Всё происходило в общем процессе воспитания, а уж затем лучшие, талантливейшие, показавшие свои недюжинные способности могли окончательно отдаться спорту.

Деньги, деньги, деньги... Я не могу понять... Почти все понимают и признают это необходимым, а я, дурак, никак не дотумкаю. Не могу понять, почему в футболе, баскетболе, хоккее и много где ещё мы не можем обойтись без “варягов” и платим им бешеные деньги. А своих ребят продаём в иностранные клубы. Что это за рекогносцировка, к чему она? Когда наши хоккеисты в 70-х, кажется, годах высадились в Канаде, стране лучшего в мире хоккея, и принялись игру за игрой выигрывать у хоккейных законодателей, не было у нас и не могло быть ни одного “варяга”. На всём своём побеждали и десятилетиями никому не уступали. И не требовались для этого барские деньги подозрительного происхождения от господ Абрамовича и Прохорова.

Спасибо всем, кто взошёл на пьедестал почёта в Ванкувере, несмотря на то, что подготовка спортсменов и обстановка в нашем спорте этому способствовали мало. Но что будет дальше?..

ВЛАДИМИР ОВЧИНСКИЙ

КРИМИНАЛ И КРИЗИС

Глобальный финансово-экономический кризис, который как смерч пронёсся по планете, требует не только и не столько собственно анализа финансового и экономического. Необходим системный подход, где не последнюю роль должен занимать анализ *криминологический*.

Как известно, криминология – это наука о преступности, ее причинах и мерах предупреждения. А именно преступность, во всех ее разновидностях – коррупции, мафии, терроризме, связана и с истоками глобального кризиса, и его содержанием, и с его последствиями.

Мотивами подавляющего большинства преступлений на планете являются АЛЧНОСТЬ и ЛОЖЬ. Именно на алчность и ложь как главные причины глобального кризиса указали лидеры мировых конфессий.

Патриарх Московский Кирилл сказал, что кризис – это суд Божий над человеческой неправдой, над алчностью, непомерным желанием иметь как можно больше, потерей контроля над своим потреблением, суд над стремлением богатеть любыми средствами, забывая подлинные ценности и идеи.

“Наш мир рухнет, если люди будут искать исключительно личную выгоду”, – сказал папа римский Бенедикт XVI верующим, которые собрались на площади святого Петра в Ватикане в день католического Рождества. Понтифик определил кризис как результат всеобщего эгоизма.

Лидер англиканского содружества – архиепископ Кентерберийский Роуэн Уильямс в своей рождественской проповеди сказал, что кризис – результат неуёмной алчности, и выход из него путём стимулирования всё той же алчности – вовсе не выход, а самый настоящий тупик.

Духовный лидер буддистов далай-лама XIV в интервью журналистам “Нашей версии” в канун Нового года отметил: “Взгляните на крупных американских бизнесменов, среди них немало лжецов. Одна из причин того колоссального ущерба, который недавно понесла Америка, заключается в том, что некоторые из этих бизнесменов и банкиров прибегали ко лжи и обману. И это в конечном итоге привело к обвалу”.

Надо думать, что лидеры мировых конфессий, говоря об алчности и лжи, имеют в виду не каких-то мелких лавочников или биржевых игроков. Речь, безусловно, идёт о “сильных мира сего” – тех “элитарных” финансовых мудрецах, которые в погоне за *сверхприбылью и сверхвластью* не останавливаются ни перед чем.

ОВЧИНСКИЙ Владимир Семёнович – советник Председателя Конституционного Суда РФ, в 1997–1999 гг. руководитель российского бюро Интерпола, доктор юридических наук, генерал-майор милиции в отставке. Автор многих книг и учебников по криминологии. Живёт в Москве.

С духовными лидерами солидарен и *Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун*. В Послании по случаю Международного дня борьбы с коррупцией 9 декабря 2008 г. он отметил, что *глобальный финансовый кризис вызван отчасти алчностью и коррупцией*. “Доверие к финансовой системе подорвано. Добросовестность многих банков поставлена под сомнение. Многие люди лишились своих сбережений, которые они накапливали на протяжении всей своей жизни.

И без того тяжёлое положение усугубляется ещё одним, поразившим беднейшие слои населения мира, “тихим” финансовым кризисом, который не привлекает столь пристального внимания. В развивающихся странах ежегодно расхищаются либо растрачиваются – в результате взяточничества и других злоупотреблений – миллиарды долларов, которые крайне необходимы этим странам для финансирования здравоохранения, школьного обучения, снабжения населения питьевой водой и инфраструктуры. По этой причине им сложнее оказывать населению базовые услуги и добиваться достижения целей развития тысячелетия. Это же лишает людей возможности реализовать свои основополагающие права человека”, – отметил Пан Ги Мун.

Генеральный секретарь Международной организации уголовной полиции (МОУП) – Интерпол Рональд К. Ноубл во вступительной речи на 5-й всемирной конференции руководителей национальных бюро Интерпола (3–5 марта 2009 г.) отметил, что “нынешние экономические потрясения начались потому, что правительствам и частному сектору не удалось вовремя прислушаться к чётким предупреждающим знакам о криминальных явлениях в финансовой системе”.

Предлагаемая работа не претендует, естественно, на окончательный криминологический диагноз кризиса. В ней содержатся лишь первоначальные криминологические наблюдения.

I. Версии кризиса

Появилось уже немало концепций причин глобального кризиса. Основные из них можно свести к следующему.

1. *Концепция современной мировой финансовой системы как “мыльного пузыря”*. Основной популяризатор этой идеи – известный финансовый спекулянт, один из главных спонсоров предвыборной кампании Обамы *Джордж Сорос*. Он, безусловно, знает предмет. Ведь сам участвовал в надувании “мыльных пузырей” по всему миру. В интервью французскому “Le Nouvel Observateur” (от 6 декабря 2008 г.). Сорос признал: “Рыночные фундаменталисты до последнего момента пребывали в уверенности, что рынки будут саморегулироваться. Это – заблуждение! Мыльный пузырь лопается с тем большей силой, что на протяжении последних двадцати пяти лет мы позволили развиваться разнообразным инструментам банковских манипуляций – продуктам, производным от обращения долговых обязательств в ценные бумаги, – ошибочно полагая, что временные нарушения равновесия – всего лишь случайность. Отягчающий фактор: при каждом кризисе банкам, чтобы позволить им выправить своё положение, предоставляли полную свободу действий в плане увеличения кредитов. Добавьте к этому путаницу между коммерческими и инвестиционными банками, попустительство рейтинговых агентств, и вы получите все ингредиенты усугубления дефектов системы. Сегодня взрыв суперпузыря приводит к разрушительным последствиям для Соединённых Штатов и Европы, но также для развивающихся рынков и России, которые теперь являются частью системы”.

Выступая в феврале 2009 г. на конференции в нью-йоркском Колумбийском университете перед ведущими экспертами в области экономики, Сорос сказал, что ситуация в финансовой системе США даже в 30-е годы прошлого года не была столь удручающей. В ближайшее время Сорос не видит перспективы завершения глобальных финансовых проблем. Он пояснил, что нынешний кризис фактически привёл к краху мировой финансовой системы, жизнеспособность которой поддерживается искусственно с помощью чрезвычайных мер правительствами крупнейших стран мира.

“Мы наблюдаем коллапс финансовой системы. Она была подключена к системе искусственного жизнеобеспечения и находится в реанимационном режиме до сих пор. Нет признаков того, что мы приближаемся к нижней точ-

ке”, – сказал финансист. И уточнил: “После банкротства банка Lehman Brothers в сентябре 2008 года существование мировой экономики поддерживается при помощи аппаратов искусственного дыхания”.

Надо отметить, что не только Сорос предрекал крах “мыльного пузыря” американской экономики.

“Мыльные пузыри” – постоянный атрибут американской финансовой системы в XX веке. Том Бернетт и Алекс Геймз пишут, что в 70-х годах самым ярким примером надувания “мыльных пузырей” был так называемый рынок “мусорных облигаций”. Дилеры торговали друг с другом, создавая ложное впечатление того, что рынок “мусорных облигаций” имеет высокую ликвидность и растёт в объёме, в то время как рынок был совершенно поддельным, с поддельными ценами, которые должны были привлечь неопытных инвесторов”. (Бернетт Т., Геймз А. Кто на самом деле правит миром? – М., 2007, с. 82).

Известный американский экономист Рави Батра в 1999 г. в книге “Крах тысячелетия” писал, что американский “пузырь” рыночной экономики, скорее всего, “лопнет и взорвётся совершенно внезапно, на пике оптимизма, царящего и среди потребителей, и в мире бизнеса”. Он же в своей последней книге с недвусмысленным названием “Мошенничество Гринспена”, вышедшей в Нью-Йорке в 2005 г. (переизданной на русском языке в 2006 г.), предрекал неминуемый крах экономики “пузыря”, созданной председателем Совета управляющих Федеральной резервной системы США Аланом Гринспеном. Батра, кстати, уже тогда указал на самое слабое и криминальное место в этой системе – фондовую биржу, в частности, финансовую пирамиду NASDAQ.

Концепция “мыльного пузыря” неразрывно связана с теорией спекуляций на финансовом рынке. Влияние финансовых спекуляций на кризис подробно описала Валентина Бакмастер (“Стрингер”, 25 февраля – 4 марта 2009 г.). Она полагает, что наибольший вклад в теорию и практику спекуляций внесли Джордж Сорос и Виктор Нидерхоффер. “Джордж Сорос заработал своё состояние с помощью игр на понижение, в ходе которых он использовал свою теорию рефлексивности фондовых рынков”. Название красивое и наукообразное. Если эту теорию описать простыми человеческими словами, всё выглядит несколько более приземлённо. Согласно этой теории решения о покупке и продаже ценных бумаг принимаются после значительного подготовительного периода, который включает как информационное воздействие на участников рынка ценных бумаг через СМИ и аналитические издания, так и практические действия валютных спекулянтов, расшатывающих финансовый рынок. А если коротко – *распускать слухи, создавай общественное мнение и играй на понижение*”.

Теория спекуляций получила резкий толчок в развитии в середине 70-х, когда опыт Сороса объединился с научными методами профессора Университета Калифорнии Виктора Нидерхоффера – автора книги “Практика биржевых спекуляций”.

По мнению В. Бакмастер, во время финансовых кризисов, провоцируемых спекулятивной игрой участников, от потерь не застрахован никто, а выигрыш практически непредсказуем. Непредсказуем, потому что поведением системы можно управлять, только когда она находится в состоянии динамического равновесия. Во время критических ситуаций система скачкообразно переходит на новый уровень развития. *Во время раздувания спекулятивных пузырей каждый игрок создаёт свою маленькую “Хиросиму”. Пока мировая финансовая система справляется с этими взрывами, всё идёт заданным порядком: банки получают сверхприбыль и могут хвастаться своими “самыми лучшими в мире” прогностическими моделями. Но при увеличении числа игроков и объёмов вбрасываемых в игру финансов удары идут в разных направлениях и настолько сильные, что система не в состоянии поглощать их и самонастраиваться. Появляется тенденция, приводящая к взрыву.*

Концепция “мыльного пузыря” во многом объясняет также подход к причинам кризиса, который высказывает директор НИИ статистики Роскомстата Василий Симчера. Он считает, что основным источником кризиса является кратное превышение обязательств по сравнению с активами. “Ни контроля за обязательствами, ни инвентаризации активов в мире не существует уже после Великой войны 1914–1918 годов. Нет органа, который хотя бы внешне этот контроль осуществлял и эту инвентаризацию проводил. Уже Финансовый комитет Лиги наций в промежутке между двумя мировыми войнами эти функции осуществлял только для вида, формально. Всё пущено на самотек. И обяза-

тельств набрано в десятки, в сотни раз больше, чем существует активов во всём мире. Поэтому налицо всеобщий кризис доверия – и не надо было доверять задним числом. Но все играли в азартные финансовые игры с надеждой на выигрыш. И доигрались.

... Обязательства есть разного рода. Если говорить о неучтённых, “мусорных” обязательствах, то их сумма в мире уже явно переваливает за сто квадриллионов, это десять в шестнадцатой степени виртуальных долларов. Авалированных обязательств, то есть в какой-то степени учтённых банками и другими финансовыми организациями, на 600 триллионов долларов. А активов – всего на 60. И вопрос о том, как сблизить эти цифры, является вопросом выхода из кризиса” (“Завтра”, № 12 от 18 марта 2009 г.).

Во многом схожую позицию высказывает экономист *Дмитрий Митяев*. По его расчётам, размер “чёрной дыры” американских обязательств (16 трлн долл. – обязательства казначейства США, включая недавно принятые ипотечные обязательства; почти столько же – обязательства корпоративного сектора; более 10 трлн долл. – обязательства домохозяйств; до 10 трлн долл. – задолженности штатов и муниципалитетов; всего порядка 50 трлн долл.; дополнительно – часть вторичных обязательств ещё на 100–150 трлн долл.) многократно превосходит ресурсы “периферии”.

Точная оценка степени “токсичности” деривативов невозможна, так как эти обязательства по определению носят искусственный характер: как правило, это математические ожидания того или иного события (например, дефолта), которые могут быстро меняться.

Обслуживание этой пирамиды долгов требует 3–5 трлн долл. только на уплату процентов, что составляет от четверти до трети годового ВВП США (“Экономические стратегии”, № 1, 2009).

2. Концепция “необеспеченности доллара”. В наиболее законченном виде её ещё в 70–80-е гг. прошлого века сформулировали известный американский экономист *Линдон Ларуш* в своей теории “физической экономики” и наш отечественный безвременно ушедший мыслитель *Побиск Георгиевич Кузнецов*.

3. Концепция “провала рыночной экономики”. Последовательным критиком экономического “неолиберализма” является лауреат Нобелевской премии по экономике за 2001 г., профессор Колумбийского университета (США) *Джозеф Е. Стиглиц*.

Самое удивительное, что концепцию “конца неолиберализма” особенно активно проповедует сейчас и недавний пропагандист “конца истории” *Френсис Фукуяма*, который ранее заявлял, что рынок и либерализм – конечные точки мирового развития.

В опубликованной в “Newsweek” (6 октября 2008 г.) статье “Падение корпорации “Америка” *Френсис Фукуяма* пишет, что главной причиной кризиса стало следование определенной концепции капитализма, суть которой заключается в отказе от государственного регулирования экономики. “Твердя мантру “правительство должно реже вмешиваться”, – отмечает *Ф. Фукуяма*, – Вашингтон не смог правильно регулировать финансовый сектор и позволил ему нанести колоссальный вред остальным секторам общества”.

4. Концепция конспирологического заговора некоего “Фининтерна” (или “синдиката”).

В наиболее сконцентрированном виде эту концепцию в России представляет известный специалист по Китаю *Андрей Девятков*. По его версии, к началу XVII века из венецианцев, тамплиеров и палестинских “мастеров денежных дел” сложилась мировая финансовая олигархия, позднее названная *Финансовым интернационалом – Фининтерном*.

В конце XVIII века операционная база Фининтерна была перенесена из Англии в США, где в 1913 г. приобрела форму *Федеральной резервной системы*. Финансирование войн и революций лишь укрепляло доллар США, который в 1944 г. (Бреттон-Вудское соглашение) стал единой мировой учётной единицей стоимости. Денежное богатство Фининтерна прирастает за счёт разделения рыночной стоимости бизнеса на чистые активы (права собственности) и репутацию (goodwill). Использование репутации и связей фирмы в методике оценки бизнеса делается по английскому прецедентному праву с 1617 г.

Произошедший в конце XX века отрыв доллара США от натуральных активов (количество нулей на банковских счетах покрывается материальной натурой менее чем на 4 процента) грозит крахом американской валюты. Под уг-

розой обрушения мировой финансовой системы Фининтерн начал сворачивать работу с долларом и постепенно выводил свою операционную базу в Китай. Делалось это по той же схеме, что и уход в Англию 400 лет назад и уход в США 200 лет назад. В Китае были развёрнуты банковские сети “Стандарт Чартер” (банк для банков Барухов), “Гонконг-Шанхайской банковской корпорации” (HSBC Ротшильдов), инвестиционного “Голдмен Сакс” и ряда других банковских структур плюс осуществлялся переход с бумажных “колониальных расписок” на жесткий золотой стандарт.

Фининтерн на территории США, по версии А. Девятова, представлен как американскими тамплиерами (*орден иллюминатов “Череп и кости”*), так и династическими магнатами Уолл-стрита (породнившиеся кланы банкиров и “венецианцев”): Рокфеллеры, Ротшильды, Морганы, Варбурги, Шиффы, Гарримены, Дюпоны. Признаком опознавания “свой – чужой” здесь выступает принадлежность к *Йельскому университету*.

Перенос операционной базы Фининтерна в Китай означает крушение пустого бумажного доллара как единой учетной единицы мировой торговли и переоценку натуральных стоимостей хозяйства в учетные единицы веса благородных металлов и драгоценных камней (золота, серебра, платины, бриллиантов). Такой маневр в финансах предопределяет курс на свёртывание потребления и спад производства в США, многократную уценку стоимости промышленного капитала, сдутие пузыря стоимости “новой экономики” (информационные технологии и т. п.). А по сути “обнуление” старого богатства уходящего индустриального общества, попавшего в категорию плохой репутации, и создание как бы “из ничего” (всего лишь переучёт) нового богатства “экономики знаний”.

Переход глобальной банковской сети к новой системе мировых финансов, где доллар США будет уже не единственной, а лишь одной из валют учёта мировой торговли, означает завершение “эмиссионного блаженства” американского общества потребления.

Конспирологическая концепция А. Девятова близка позиции автора книги “Синдикат” *Николаса Хаггера*, впервые опубликованной в Великобритании в 2004 г., переизданной в России в 2007 г.

“Синдикат” по версии Хаггера представляет собой *тайное мировое правительство*, которое управляется в основном через *Федеральный резервный банк Нью-Йорка*, контролирующей Федеральную резервную систему США. В 2004 г. Хаггер писал, что большая часть гигантской задолженности Америки – это дело рук *Рокфеллеров*, которым принадлежит почти четверть акций Федерально-го резервного банка Нью-Йорка и более половины всех акций Федеральной резервной системы. Рокфеллеры (и в меньшей степени *Ротшильды*) способны обанкротить США в любой момент, когда это потребует Синдикату для того, чтобы превратить США в один из регионов Соединённых Штатов Мира.

“Если Синдикат обанкротит США, – считает Хаггер, – мировая экономика будет разрушена, и тогда можно будет выйти из тени и создать собственное мировое правительство”.

Можно было бы относиться к книге Хаггера как к экстравагантной конспирологической фантазии. Но не всё так просто. В этой же работе Хаггер как о свершившемся факте говорит о том, что Хиллари Клинтон будет править США с 2008 г. (с. 456–457). Напомним, что книга вышла в 2004 г. (!!). Но уже тогда Хаггер пишет, что при содействии Ротшильдов Хиллари Клинтон станет президентом. В итоге президентом она не стала, но была назначена госсекретарём. И с конца 2008 г. фактически вместе с Обамой и Байденом правит Америкой.

Любопытно, что теория выхода из кризиса через мировое правительство уже заявлена.

Первым это открыто сделал известный политик и экономист Жак Аттали в своей книге “Мировой экономической кризис... А что дальше?”, которая вышла во Франции весной 2009 г. Дав блестящий анализ причин кризиса, Аттали как выход из кризиса предлагает четкую программу создания мирового правительства: “Необходимо навести порядок в каждой национальной экономике, прежде всего в американской. Затем установить наднациональное управление (курсив – В. О.). Далее развернуть большие общепланетарные работы и переориентировать развитие мировой экономики...”

...Чтобы обеспечить равновесие рынка и демократии (важнейшее условие гармоничного развития в планетарном масштабе), необходимо создать

инструменты для реализации принципов глобального суверенитета: парламент, правительство, приложения ко Всемирной декларации прав человека, воплощение в жизнь решений Международной организации труда (МОТ) в области трудового права, центральный банк, общую валюту; планетарные системы налогообложения, полицию и юстицию; общеевропейский минимальный доход и рейтинговые агентства, всеобъемлющий контроль за финансовыми рынками.

Очевидно, всё это появится ещё нескоро. Процесс будет долгим и сложным, как создание ООН накануне Второй мировой войны. И наверное, *придётся подождать ещё более страшной войны, чтобы перспектива таких реформ воспринималась всерьёз* (курсив – **В. О.**)”.

Ещё дальше пошел известный экономист и в прошлом политик профессор *Гавриил Попов*. В статье “Кризис и глобальные проблемы”, опубликованной в “Московском комсомольце” (25 марта 2009 г.), отставной московский градоначальник пишет, что “кризис 2008 г. ставит задачу формирования новой цивилизации, в которой глобализм будет постоянно преодолевать национально-государственные и национально-территориальные формы”.

Г. Попов предлагает пять наиболее важных блоков социально-экономической перспективы.

1. Необходимо введение мировой гарантированной валюты.

2. Необходимо изъять из национальной компетенции и передать под международный контроль ядерное оружие, ядерную энергетику и всю ракетно-космическую технику. Передача под глобальный контроль всего человечества всех богатств недр нашей планеты. Прежде всего – запасов углеводородного сырья. Под мировой контроль должна перейти охрана окружающей среды и мирового климата.

3. Должны быть установлены жёсткие предельные нормативы рождаемости с учётом уровня производительности и размеров накопленного каждой страной богатства. Пора выйти из тупика, на который указывал ещё Мальтус: нельзя, чтобы быстрее всех плодились нищие.

4. Необходима разработка новой системы человеческой жизни, основ новой цивилизации. Речь идёт о малознергозатратной цивилизации. Перспективным Г. Попову представляется генетический контроль ещё на стадии зародыша и тем самым “постоянная очистка генофонда человечества”.

5. В новой цивилизации, по мнению Г. Попова, очень важен комплекс мер по воспитанию с детства людей, которым чужды религиозная, этническая, культурная и другие несовместимости и тем более нетерпимости. Страны, которые не примут глобальную перспективу, должны исключаться из мирового сообщества.

Реализация глобальной социально-экономической программы, согласно Г. Попову, обязательно предполагает соответствующий политико-организационный механизм, глобальную политическую перспективу.

Механизм этот Г. Попов сводит опять же к пяти блокам.

Первый – *новая Организация Объединённых Наций*. В неё, по мнению Г. Попова, должны входить в качестве индивидуальных членов не все страны. Чтобы стать индивидуальным членом ООН, надо будет иметь определённый размер населения, объём накопленного национального богатства и определённую величину национального дохода на человека. Таких членов должно быть 30–50. Остальные страны могут входить в новую ООН через коллективные организации, объединяющие несколько стран. Любой коллектив стран, чтобы войти в ООН, должен отвечать тем же критериям.

Второй – *Мировой парламент с двумя палатами*. Одна избирается *напрямую голосованием планеты*. Скажем, каждый кандидат, набравший миллион голосов, становится депутатом этой палаты. Депутатов другой палаты – по этому же критерию – избирают от индивидуальных и коллективных членов ООН.

Третий – *Мировое правительство*. Его формирует ООН по согласованию с Мировым парламентом. При нём необходимы и Мировые вооружённые силы, и Мировая полиция.

Четвёртый – создаваемые ООН и независимые от Мирового правительства: Мировое ядерное агентство, Мировое ракетное агентство, Мировое космическое агентство, Мировой Банк, Мировой Суд, Мировые научно-исследовательские и экспертные центры, образовательные, культурные и спортивные организации.

Пятый – Мировая система Независимой информации, прежде всего телевидение, радиовещание, интернет. Независимые даже от ООН.

Прочитав предложения Г. Попова, состряпанные из неомасонских, неомальтузианских и неоевгенических теорий, задумаешься о правоте Н. Хаггера.

II. Криминальные истоки кризиса

Не будет преувеличением сказать, что коррупция и экономическая преступность во многом стали пусковыми механизмами сегодняшнего глобального финансово-экономического кризиса.

Как известно, он начался в середине 2007 г. с обвала на ипотечном рынке США. Причиной послужило слишком большое количество высокорисковых кредитов, выданных банками. Так называемая “эпидемия неплатежей” по кредитам привела к списанию банками и инвестиционными компаниями всего мира активов на миллиарды долларов.

В свою очередь, “эпидемия неплатежей”, как заключило Федеральное бюро расследований (ФБР) США, была во многом связана с волной мошеннических и коррупционных преступлений с ипотекой и корпоративными ценными бумагами – *деривативами (виртуальными деньгами)*.

Достаточно сказать, что этих суррогатов выпущено на 600 триллионов долларов, а весь мировой ВВП в 2008 г. равнялся 58 триллионам долларов, то есть в 10 раз меньше.

Криминальные механизмы ипотечного рынка США, которые и привели к кризису, наиболее обстоятельно исследовала уже упомянутая В. Бакмастер. Она приводит интересные данные о том, что экономисты из Kansas State University и Institute of Housing Studies at DePaul University на основании 35-летних исследований с 1970 по 2005 гг. пришли к выводу, что *покупка личного жилья людьми с небольшими доходами приносит им больше вреда, чем пользы, потому что программы государственной поддержки не позволяют им сохранить свою собственность в долгосрочной перспективе*. В результате они продают её чаще, чем более состоятельные американцы, их материальное положение ухудшается, а кредитная история серьёзно страдает. В свою очередь, расходование бюджетных средств страны на такие программы также является бессмысленным и не оправдывает себя.

В. Бакмастер пишет, что не только учёные, финансисты обращали внимание правительства на то, что такие государственные структуры, как Fannie Mae и Freddie Mac, требуется взять под контроль. Задолго до начала кризиса в апреле 2005 г. *Алан Гринспен*, выступая перед Комитетом по банковскому делу Сената, призывал к существенному увеличению регулирования, потому что “огромные портфели компаний – почти четверть рынка ипотеки – представляют собой существенную угрозу для национальной финансовой системы”. Ни Сенат, ни правительство не прореагировали...

Общий объём негарантированных ссуд в последние годы увеличился на 30%, это вызвало рост цен на недвижимость на 200–300% (в зависимости от района). Выиграли ли от этого жители, которым пришлось при прежних доходах платить невероятные деньги “за свою мечту”, влезать в жуткие долги? Нет. От этого выиграли инвесторы, которые покупали и перепродавали дома, и банки, которые перепродавали друг другу ссуды, накручивая проценты. Более того, через один-два года банки подняли проценты на нефиксированные ссуды в несколько раз. Для непосвященного ума ясно, что если “средний американец” покупает во время “бума” безумно подорожавший дом и выкладывается, чтобы оплатить его, то последующее весьма неожиданное и очень большое (в несколько раз) увеличение процентов на ссуду делает его неплатежеспособным. Дом переходит в собственность банка.

И вот тут, по мнению В. Бакмастер, начинаются чудеса. Банк не спешит продавать “горящую недвижимость”. Из опыта риэлторов известно, что, как правило, ключ от дома, выставленного банком на продажу, найти невозможно. Кроме того, если покупатель проявит настойчивость и всё-таки добьётся, чтобы ему показали дом, и решит купить его, то далее возникает следующая преграда – банк предъявляет такой договор о продаже, что ни один юрист, выступающий на стороне покупателя, не отваживается рекомендовать клиенту подписать его. Договор откровенно грабительский. Почему банки демонст-

пируют нежелание продавать конфискованные дома? Это часть их стратегической игры.

Свет на детали этой игры пролили слова, оброненные главой Федеральной резервной системы США. Выступая перед House Financial Services Committee, Бен Бернанке обосновывал необходимость выделения 200 млрд долларов из средств Fed для Fannie Mae и Freddie Mae следующими доводами: “Центральный банк не потеряет на этом деньги. Мы берём имущественный залог и “стрижем” его. В результате предоставляется меньшее количество денег, чем текущая рыночная стоимость ипотечного залога. Это краткосрочная ссуда, это совершенно безопасно. Мы никогда не теряли ни пенни на таких программах”.

По результатам расследования главного прокурора Нью-Йорка Эллиота Спитцера механизм аферы со ссудами малоимущим выглядит так: с молчаливого согласия руководства компании (в данном случае расследовалась работа Countrywide Financial Corporation, которая принадлежит Bank of America) продавцы ссуд вводили в заблуждение American minority – мексиканцев и чернокожих. Они намеренно закрывали глаза на их низкие доходы, говорили о преимуществах ссуд и умалчивали, что вскоре ежемесячные выплаты будут увеличены банком в несколько раз. Документы расследования доказывают, что в некоторых случаях ссуды были выданы людям с доходами 1000 долларов в месяц. В США на такие деньги трудно даже прокормить семью, не говоря о выплате ссуды за дом. И хотя руководство банка отрицает, что давало указание своим клеркам продавать такие не подтверждённые доходами ссуды, но оно быстро перепродавало их инвесторам. Хедж-фонды собирали их большими пакетами и перепродавали опять и опять. В результате не только прибыль, но и почёт.

Задействованы в большой стратегической игре банков и средства массовой информации. В настоящее время с помощью газет, журналов, телевидения и интернета создается общественное мнение, что банки пострадали, претворяя в жизнь “американскую мечту”. Что легкомысленные американцы живут не по средствам, что правительство вынудило банки давать необоснованные ссуды и теперь им, героям, закрывшим собою амбразуры, необходима помощь государства. Зачем им нужен этот миф? Чтобы получить деньги от правительства. Деньги банки получают, но не спешат предоставлять ссуды населению. Они хранят их на чёрный день, перекупают “пакеты долгов”, сливаются. То есть продолжают своё развитие, свою борьбу за позиции на финансовом рынке.

На конфискованных домах Америки продолжают получать прибыль не только банки всего мира, но и различные международные финансовые группы. В отчёте 2007 г. “State of the Nation’s Housing” ученые Гарварда привели следующую статистику: в 80-х иностранные покупатели американской недвижимости составляли 15%, в 90-х – 30%, в 2000–2005 гг. – около 40%. Ожидается, что планка 50% будет достигнута ещё до начала 2015 г., потому что понижение цен привлекло множество желающих купить освободившиеся дома. Быстро поняли это и профессионалы.

От крупнейшей глобальной спекулятивной аферы с недвижимостью, от роста цен на дома, а затем резкого падения их на 20% американские владельцы жилья обеднели почти на 5 трлн долл. “Средняя” Америка лишилась своих накоплений, которые обычно инвестировались в жильё. Правительство США уже вложило в кредитный рынок суммы, равные половине всех ссуд на недвижимость, но ситуация не улучшается. Деньги выпадают в другом месте. То есть на кризисе растут крупные капиталы всего мира и беднеет население. Прибыль осела в банках, в многочисленных фондах и огромных карманах их руководителей, премии которых составляют десятки миллионов в год, даже если фонд разоряется.

Криминологический анализ глобального финансово-экономического кризиса показывает, что то, что сегодня многие гордо называют “мировой финансовой системой” и “мировой экономикой”, – это во многом полигон для проведения крупномасштабных криминально-фиктивных финансовых манипуляций.

Так называемая глобализация стала теоретическим прикрытием для обеспечения размывания национальных границ при осуществлении этих манипуляций.

Как отмечает *Джозеф Е. Стиглиц*, “сегодняшний кризис поднимает фундаментальные вопросы по поводу глобализации, которая, как предполагалось, должна была снизить риск. Вместо этого она дала возможность американским порокам распространиться по всему миру, подобно инфекционному заболеванию” (Дж. Е. Стиглиц. Депрессия в Давосе. Project Syndicate, февраль 2009).

Бывший председатель Федеральной резервной системы США *Алан Гринспен* был категорически против регулирования рынка внебиржевых производных инструментов и хедж-фондов, утверждая, что с их помощью риски переносятся из банковской системы на многочисленных участников рынка, и это делает её гораздо более стабильной. Гринспен сделал широкодоступными “лёгкие деньги”, разблокировал крупные ликвидные средства, которые способствовали высокорисковому кредитным операциям.

Французский экономист *Даниэль Коэн* в интервью еженедельнику “Le Monde 2” (18 октября 2008 г.) сделал вывод, что при Гринспэне “рыночная финансовая система сфабриковала... новую посредническую систему, полностью свободную от необходимости соблюдения правил, которые ограничивали деятельность классической финансовой системы”. По мнению Коэна, возникла и так называемая *теневая банковская система*. “Эта теневая система “весит” 10 триллионов долларов, т. е. столько же, сколько и классическая банковская система. Но с той разницей, что она свободна от различного рода регламентаций и подталкивающих к осторожным действиям правил, касающихся деятельности депозитных банков. В данной системе действуют инвестиционные банки, которые занимают средства на рынке кредитов и действуют в рыночной сфере. Это также различного рода хеджевые фонды прямых инвестиций различного рода страховых компаний”, — отмечает Коэн (Полит. РУ, 29 января 2009).

Во многом схожую версию излагает в интервью Полит. РУ бывший высокопоставленный сотрудник МВФ *Мартин Гилман*. Приведу обширную цитату: “Банки вроде Citibank, UBS и Bear Stearns создали эти новые юридические объединения, кондуиты, чтобы хранить ипотечные ценные бумаги и кредитные дефолтные свопы, — так называемые *финансовые деривативы*. Эти компании, специализировавшиеся по ипотеке, скупали рискованные ценные бумаги, и они соглашались на низкие проценты. Чтобы получить прибыль, они влезали в огромные долги. Например, если разница между ценной бумагой, обеспеченной активами и стоимостью этого актива, составляла, скажем, одну десятую процента, то единственным способом получить с этого крупную сумму денег было занять в 40 раз больше. Иными словами, это одна десятая процента в результате постоянных займов дорастала до сорока процентов. И это привело к огромному взрыву кредитов, ликвидности. Никто не знал, сколько на самом деле было этих кредитов, потому что вся статистика основывается на банковской статистике, а кредиты давали не банки. Кредиты давали фонды прямых инвестиций, хеджевые фонды, финансовые объединения. *Билл Гросс* из фонда Pitco назвал это “*теневой банковской системой*”. Некоторые — за отсутствием точных данных — полагали, что эта теневая банковская система быстро разрослась и стала намного больше реальной системы и, давая займы друг другу, породила несметное количество кредитов.

В начале 2008 г. всё это начало коллапсировать. В марте 2008 г. рухнул Bear Stearns. К лету начались проблемы у других банков. Но даже тогда, вплоть до сентября, казалось, что это проблемы западной экономики, которые касались в основном теневой и настоящей банковских систем.

...Что случилось потом? Мой друг и бывший коллега *Юсуке Хоригучи*, который был главой миссии МВФ в России в середине 1990-х, а ныне работает главным экономистом в американском Национальном институте финансов, недавно сказал мне, что, по его мнению, глубокому рецессии в западных странах спровоцировали два фактора. Во-первых, это были огромные и быстро растущие цены на нефть, которые нанесли серьёзный удар по западным потребителям, и это случилось в критический момент, когда рынок недвижимости уже не вызывал прежнего доверия. Вторым фактором — вскоре после первого — стало решение Министерства финансов США (“ужасное решение”, по словам Хоригучи) ликвидировать Lehman Brothers в сентябре 2008 г. Это имело колоссальные последствия на уровне системы, потому что Lehman Brothers была ключевым игроком на рынке ценных бумаг. Это означало пол-

ный крах доверия в отношениях между учреждениями. Никто не хотел давать займы. Все хотели наличности. А в мире, где все хотят удержать свою наличность, никто не будет давать займы. Даже те страны, которые обычно свободно получали коммерческие кредиты для международной торговли, не могли этим воспользоваться, потому что кредитов больше не давали. Страны не могли экспортировать, импортировать; компании не могли производить; зарплаты платить перестали; всё застряло! А из-за глобализации экономики это произошло повсеместно и одновременно”.

Иными словами, хедж-фонды стали главным инструментом по проведению масштабных криминально-фиктивных финансовых манипуляций. Они, по существу, находятся вне какой-либо сферы международного и национального финансового контроля. Созданные математиками, обслуживавшими в 60–70-е гг. прошлого века игорные дома Лас-Вегаса, хедж-фонды дают возможность зарабатывать гиперприбыли на падении рынков даже в условиях кризисов.

Тот же Джордж Сорос в условиях финансового кризиса, действуя как мародёр среди финансово-экономических трупов, вновь сумел заработать миллиарды долларов через свой хедж-фонд Soros Fund Management LLC, скупая акции зашатавшихся сырьевых компаний.

Как сообщила в марте 2009 г. Daily Mail, Сорос, было ушедший на покой, в 2007 г. вернулся к управлению своим фондом. Это решение принесло ему 2,9 млрд долларов, а за 2008 год он умудрился заработать ещё 1,1 млрд.

При этом в основе деятельности “успешных” хедж-фондов вновь лежали финансовые махинации. В марте 2009 г. венгерский финансовый регулятор (PSzAF) наложил штраф в размере 1,6 миллиона евро на основанный Джорджем Соросом инвестиционный фонд за махинации на фондовом рынке. В заявлении PSzAF говорится, что компания Soros Fund Management LLC оштрафована за совершенные на Будапештской фондовой бирже 9 октября 2008 г. транзакции, приведшие к “значительному обесцениванию” акций крупнейшего венгерского банка OTP – за несколько дней они подешевели с 4 тысяч форинтов (13,2 евро) до 2,5 тысячи. PSzAF оштрафовала Soros Fund Management LLC на 489 миллионов форинтов за “нарушение правил, касающихся нелегальных манипуляций на финансовых рынках”, указывается в документе.

Как отмечает В. Симчера, у нынешнего кризиса никаких вразумительных параметров нет: ни по источникам происхождения, ни по формам проявления, ни по возможным последствиям. “Индексы фондовых рынков и курсов валют, весь “форексный” рынок – фальшивые и, скорее всего, даже мошеннические параметры кризиса. Они отражают интересы отдельно взятых групп людей, которые на этих рынках крутятся, но не интересы всей экономики и не интересы остальной части населения. Следовательно, надо бы начинать с пересмотра всех этих индексов, чтобы мы могли знать, что представляют собой не 30 компаний по индексу Доу-Джонса, их издержки, продажи и прибыли, но примерно 50 тысяч крупных и крупнейших компаний всех участников мирового рынка.

Если бы всё это учитывалось, лживость, причём намеренная лживость, нынешних фондовых индексов и валютных курсов стала бы очевидной для всех. И когда индексы Доу-Джонса говорят вам о том, что надо активы продавать, на самом деле их надо покупать, и наоборот.

Дутые активы, фиктивные капиталы, мнимые рейтинги, спекулятивные курсы валют и акций, инсценированные банкротства и фантастические потери – это всего прикрытия корыстной игры в кризис, которые лишь грамотными и прозрачными расчётами могут быть разоблачены.

Теневая финансовая система неразрывно связана с коррупцией. Нельзя не согласиться с бывшим председателем Верховной Рады Украины Арсением Яценюком, который, выступая в январе 2009 г. в Париже на международном симпозиуме “Новый мир. Новый капитализм”, назвал крайне неприемлемой ситуацию, когда “активы компаний оценивали по договоренностям, а не по реальной стоимости, когда кредиты давали по договоренностям, а не по реальной потребности, а банковские и надзорные органы смотрели только через призму политической договоренности, а не справедливых подходов”.

Именно коррупция и теневая экономика усиливают синергетический эффект (возрастание негативных социальных последствий в результате интеграции, слияния отдельных частей в единую систему) нынешнего кризиса.

Даже меры по локализации кризиса сами по себе могут иметь криминально-коррупционные последствия. Например, известный американский политолог Пол Кеннеди в статье “Закат американского могущества”, опубликованной в “The Wall Street Journal” (14 января 2009 г.), пишет, что Обама и его команда будут вынуждены распределять дополнительные ассигнования без необходимых мер предосторожности, и немалая часть средств попадет не в те руки. “Когда на прошлой неделе в прессе появились сообщения, что в Вашингтон стекаются лоббисты, “проталкивая” финансовую помощь тем предприятиям, групповым интересам или секторам услуг, что их наняли, у меня ёкнуло сердце. Масштабная эмиссия необеспеченных денег – уже плохо. Но раздавать их по принципу “всем сёстрам по серьгам” – ещё хуже”, – пишет Пол Кеннеди.

Похоже, то, от чего предостерегал П. Кеннеди, в США всё же произошло. Вот, например, как описывают утверждённый план Обамы “по спасению экономики” американские СМИ: “Обратимся к некоторым статьям расхода в предлагаемом Белым домом и Конгрессом “пакете”, общая сумма которого 825 млрд долларов (но если прибавить “интерес”, который предстоит выплатить, то сумма далеко зашкаливает за триллион). Согласно Бюджетному управлению Конгресса, который, необходимо подчеркнуть, контролируется демократами, только 30 млрд (3,6% из всего “пакета”) выделяется на дорожное строительство, то есть на программу, которая позволит создать новые рабочие места. Причём лишь 3% этой суммы планируется потратить в текущем году и ещё 13% – в следующем. Речь идёт о строительстве, рассчитанном на долгие годы. Обама же обещает создать три-четыре миллиона рабочих мест в нынешнем и следующем году. Впрочем, дорожное строительство может в известной степени способствовать экономическому развитию.

Но что мы скажем о 335 млн, выделяемых на борьбу с венерическими заболеваниями? О 400 млн на борьбу с глобальным потеплением (которого не существует)? О 100 млрд, которые получают штаты для оплаты “Медикейда”? О 80 млрд, которые получают штаты на затыкание финансовых дыр в своих бюджетах? О 400 млн на модернизацию компьютерной системы в Управлении по социальному обеспечению? О 245 млн на информационную технику в Управлении фермерской службы? О 406 млн на финансирование зарубежных (!) организаций, занятых “контролем над рождаемостью” (абортами)?

Перечень безумных расходов, не имеющих никакого отношения к стимулированию экономики, можно продолжать и продолжать. Остановлюсь лишь ещё на одном: демократы выделили 4 190 млн долларов группе ACORN (“Ассоциация общественных организаций, ратующих за немедленные реформы”). На заре своей политической карьеры Обама был активистом чикагского отделения этой группы, которая пустила корни во всех штатах. Ныне это многотысячная организация, занимающаяся в числе прочего регистрацией избирателей, голосующих за кандидатов Демократической партии. После того как сенатор Обама выдвинул свою кандидатуру на пост президента, акорновцы приступили к массовой регистрации. Кого они только ни вносили в избирательные списки! Даже Микки-Мауса зарегистрировали. В ряде штатов ассоциация находится под судом по обвинению в махинациях с регистрацией избирателей. И вот в знак благодарности за помощь демократы решили заплатить этой группе больше 4 млрд из кармана налогоплательщика. Интересно, как это будет способствовать экономическому развитию страны?!”

Порочность нынешней мировой экономической системы проявляется не только в самих финансовых манипуляциях, но и в том, как банки и крупные финансовые компании распоряжаются той помощью, которую они получают от государства.

Джозеф Е. Стиглиц отмечает, что на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2009 г. особенно сильно критиковали некоторых американских финансистов за то, что они изображали из себя рядовых жертв кризиса. “В действительности, – пишет Стиглиц, – они были виновниками, а не жертвами, и, похоже, всех особенно раздражало то, что они по-прежнему держали дуло пистолета у виска правительства, требуя массированных финансовых вливаний и угрожая в противном случае экономическим крахом. Деньги текли в руки тех, кто вызвал проблему, а не тех, кто стал её жертвами.

Хуже того, значительная часть денег, поступающая в банки для рекапитализации и возобновления предоставления кредитов, вытекает из банков в форме премиальных выплат и дивидендов”.

Такие выводы базируются на конкретных фактах.

Сначала в США разгорелся скандал, связанный с финансовой корпорацией Citigroup, которая потеряла в период кризиса 28,5 млрд и получила от казны финансовую помощь на 345 млрд. При этом руководство намеревалось приобрести за 50 миллионов 12-местный реактивный самолёт Dassault Falcon 7X французского производства. Поднялся такой шум в СМИ, что корпорация спешно отказалась от этой затеи.

А в конце января 2009 г., встретившись с журналистами в Овальном кабинете Белого дома вместе с новым министром финансов США Тимоти Гайтнером, Обама назвал “постыдным” поведение воротил Уолл-стрит, которые в разгар экономического кризиса выписали себе и своим подчинённым премиальные почти на 20 млрд долларов.

В марте 2009 г. разгорелся новый скандал вокруг выплаты многомиллионных бонусов трейдерам в страховом гиганте США AIG. Причём эти выплаты проходили, с одной стороны, на фоне господства AIG в размере 30 млрд долл., а с другой – на фоне вскрытых махинаций в самой компании. Эти махинации подробно описал известный американский исследователь Ф. Уильям Энгдаль.

Каким образом стали возможными многочисленные аферы AIG? – спрашивает Энгдаль. Его ответ таков: “Уровень продажной коррупции в клиентской, а затем в бухгалтерской администрации сродни последним дням Рима до его падения от внутренней коррупционной гнили. Вкладывали миллиарды в лоббирование политиков Вашингтона, чтобы проложить себе путь” (см.: Ф. Уильям Энгдаль. Раскулачивание топ-менеджеров AIG и политика отвода глаз. Сайт “Война и мир”, 20 марта 2009 г.).

* * *

В феврале 2009 г. российское правительство впервые за все годы подготовило предложения по ограничению размера премий руководству банков, получающих государственные дотации.

Также в феврале 2009 г. впервые опубликованы размеры “бонусов” членов советов директоров и топ-менеджеров банков. Например, второй по величине коммерческий банк ВТБ сократил в четвертом квартале 2008 г. выплаты членам правления (11 человек) более чем вдвое – с 299,2 млн руб. в третьем квартале до 131,5 млн руб. в четвёртом. Правда, суммарные выплаты топ-менеджменту в 2008 году увеличились по сравнению с прошлогодними на 11%, до 533,9 млн руб. Однако эти бонусы выплачивались по итогам работы менеджеров в 2007 году.

В Сбербанке, согласно опубликованному ежеквартальному отчёту о ценных бумагах, выплаты членам правления за 2008 год в пересчёте на одного топ-менеджера также сократились. Если в 2007 году общий объём выплат (премии и зарплата) членам правления Сбербанка составил 892,1 млн руб., а среднемесячная выплата одному члену правления – 3,7 млн руб., то по итогам 2008 года они получили в общем 933,6 млн руб.; с учётом увеличения числа менеджеров в правлении с 20 до 23 человек среднемесячная выплата составила 3,4 млн руб.

Такое “урезание” бонусов, конечно, впечатляет, учитывая, что и ВТБ и Сбербанк являются банками, где доля государственного участия превышает две трети.

Как отмечает российский экономист *Михаил Хазин*, балансирование на грани массовых банкротств с точечной поддержкой отдельных финансовых структур, предприятий и отраслей разрушает институциональную структуру экономики и поддерживает коррупционные механизмы во власти.

Поразительно, но для выхода из кризиса на самом высоком мировом финансовом уровне вновь предлагаются схемы, которые иначе как криминальными не назовёшь.

Сначала министр финансов США *Генри Полсон* в последние месяцы правления Дж. Буша-младшего предложил довольно странный план выхода из кризиса. Дж. Е. Стиглиц охарактеризовал его как *жульнический*, “который и загнал Америку в столь бедственное положение” (Дж. Е. Стиглиц. Срочная помощь под музыку в стиле блюз. Project Syndicate, сентябрь 2008). Суть его состоит в том, что реальная стоимость может быть создана путём правильной

игры с ценными бумагами, то есть изъятия этих активов из финансовой системы и передачи их правительству. Но для этого потребуется *переплатить за активы и тем самым сыграть на руку банкам*.

“В конце концов, — пишет Стиглиц, — существует высокий процент вероятности того, что если такой план будет в конечном итоге принят, то американских налогоплательщиков подцепят на крючок. В экономике окружающей среды есть основополагающий принцип, который называется принципом “виновник загрязнения платит”. Это вопрос как акционерного капитала, так и экономической эффективности. Уолл-стрит загрязнил экономику *токсичными ипотечными кредитами*. Он и должен платить за уборку”.

Генри Полсон не одинок в своих “спасительных” предложениях.

Выступая в середине января 2009 г. в Лондоне перед мировой финансовой элитой, новый глава Федеральной резервной системы США Бен Бернанке предложил создать несколько банков, наполнить их “плохими” активами и... выпустить ценные бумаги под эти “плохие” активы.

Большинство зарубежных и российских экспертов полагают, что предложенная Бернанке схема — это фактически механизм *криминальных махинаций с “ценными бумагами” на государственном уровне*.

Именно такой подход в конечном итоге и возобладал в США. Глава министерства финансов США Тимоти Гейтнер заявил 23 марта 2009 г., что правительство США возьмёт на себя все риски при реализации плана по поддержке банковской системы. Согласно плану, правительство выделит 75–100 млрд долл. для покупки обесцененных (“токсичных”) активов, что побудит к действиям частных инвесторов. По прогнозам минфина США, со временем вливания в обесцененные активы достигнут 1 трлн.

Джозеф И. Стиглиц в интервью Newsweek (30 марта 2009 г.) назвал план Гейтнера по удалению “плохих” банковских активов ужасным, так как он позволяет инвесторам ускользнуть от ответственности.

Иными словами, вместо инвентаризации активов, вывода значительной части обязательств как заведомо фиктивных, заведения уголовных дел по вскрытым в ходе такой инвентаризации хищениям вновь предлагается положить макияж на изъеденные язвами криминальных болезней лицо современной финансовой системы.

Как отмечал “Der Spiegel” 17 августа 2009 г. в статье “Алчность возвращается”, опять стали бешено зарабатывать инвестиционные банки. Помогли им среди прочего принятые государством меры. Теперь они извлекают выгоду из кризиса, виновниками которого сами и были. По всему миру спекуляция на ценных бумагах опять набирает обороты.

Банковские займы вновь стали пользоваться большим спросом, ставки на них поползли вверх. Агрессивные игроки, первыми пришедшие на рынок, получили умопомрачительные прибыли.

Больше всех от кризиса выиграл американский инвестиционный банк Goldman Sachs. Во втором квартале 2009 г. он получил рекордную прибыль в 13,8 млрд долл. Его трейдеры активно использовали средства, полученные от американского правительства и от Федерального резерва, занявшись спекуляциями в огромном масштабе, как какой-нибудь гигантский хедж-фонд.

То обстоятельство, что по ходу кризиса Goldman Sachs был понижен в статусе до уровня обычного коммерческого банка и тем самым официально утратил многие свободы, представляемые инвестиционным банкам, на образ мысли сотрудников не повлияло — их менталитет остался типично хедж-фондовским. Недолго думая, банкиры зарезервировали миллиардные суммы на свои рождественские бонусы.

“Что хорошо для Goldman Sachs, то плохо для Америки, — язвит нобелевский лауреат по экономике Пол Кругман. — Дурные манеры Уолл-стрита куда не делись”. Расследование, проведенное органами финансового контроля США в апреле 2010 г., дало логическое объяснение баснословных прибылей Goldman Sachs в период кризиса. Руководители и сотрудники банка занимались обыкновенным мошенничеством на финансовом рынке. Теперь их деятельность проверяет ФБР.

Снова возник интерес к продуктам, ещё недавно проходившим по категории “бомба замедленного действия”, таким как обеспеченные долговые обязательства (Collateralized Debt Obligations — CDO). Вновь стали “переуступать долги”, что ещё недавно считалось предосудительной операцией. Как если

бы ничего и не было, Morgan Stanley снова увязывает обесценившиеся CDO в один пакет с другими обязательствами, создавая новые “ценные бумаги”, некоторые из которых, как говорят, должны получить у агентства Moody’s желанный рейтинг AAA.

“Говорят, дериваты вышли из моды. Но мы их производим всё больше и со всё растущей прибыльностью”, – заявляет один из руководителей Deutsche Bank, Аншу Джейн. По его словам, составные продукты находят наилучший спрос.

“Der Spiegel” приводит слова сотрудника одного из крупных банков: “Несколько лет назад инвестиционные банки обогащались за счёт денег своих клиентов. Когда этот ресурс показался слишком мелким, они взялись за деньги своих акционеров. А теперь они добрались до самой крупной кормушки, какую в мире только можно отыскать, – до денег налогоплательщиков”.

Хорошо информированный Жак Аттали дал поразительно точную характеристику всей этой ситуации: “Кризис даст понять, как небольшая группа людей, не производящая богатств, захватывает на законных основаниях, безо всякого контроля со стороны, важнейшую часть произведённых мировых ценностей. А потом она же, разграбив всё, что можно, заставляет расплачиваться за свои неслыханные прибыли, премии, надбавки и бонусы налогоплательщиков, трудящихся по найму, потребителей, предпринимателей и вкладчиков, подталкивая государство изыскивать в течение нескольких дней огромные суммы для латания дыр, в тысячу раз превышающие те, в которых ежедневно упорно отказывают самым бедным в развивающихся странах и голодающим в остальном мире. Конечно, такая конфискация производится вполне легальным и не насильственным способом, что, впрочем, по мнению некоторых, и может явиться главным источником бунта: если подобная несправедливость происходит “законно”, допускающая её система не имеет права на существование”.

III. Кризис, коррупция, теневая экономика и возвращение активов

Как в США реагируют на криминальные пружины кризиса? ФБР сразу с начала кризиса приступило к подготовке операции “Злоумышленная ипотека”. Операция проходила в США с 1 марта по 18 июня 2008 г. В результате операции 406 американцам были предъявлены обвинения в мошенничестве. Следователи оценивают ущерб от их действий не менее чем в миллиард долларов. Кроме того, в ходе операции были также арестованы два бывших менеджера инвестиционного банка Bear Stearns. Их мошеннические действия, по мнению следствия, привели к банкротству находившиеся в их управлении хеджевые фонды. ФБР заявило, что ожидаются новые аресты в ходе расследования, связанного с кризисом на рынке жилья и мошенничествами с ипотечными кредитами.

Кстати, в связи с кризисом в начале 2009 г. ФБР объявило самый массовый за последние 100 лет призыв в свои ряды, за исключением первых дней после 11 сентября 2001 г. На официальном сайте ФБР было вывешено около 3 тысяч вакансий, в том числе 850 вакансий спецагентов. Самые горячие места в спецслужбе – для специалистов в области компьютерных технологий и лингвистов, владеющих иностранными языками. Финансовый кризис сделал также востребованными в рядах ФБР бюджетных аналитиков и аудиторов.

Апогеем коррупционно-мошеннических операций с деривативами стал арест и осуждение известного финансиста, одного из основателей биржи NASDAQ и главы крупнейшей инвестиционной компании *Бернарда МэдOFFа*. За финансовое мошенничество с использованием средств инвесторов, повлекшее убытки в размере 50 млрд долларов, он приговорен фактически к пожизненному заключению.

Руководство комиссии по ценным бумагам и биржевой деятельности (SEC) США объявило о начале внутреннего расследования в связи с тем, что федеральному агентству было ещё в 1999 г. известно о деятельности создателя финансовой пирамиды *Бернарда МэдOFFа*. Это и есть пример глобальной коррупции в финансовой системе.

Многолетняя афера МэдOFFа – беспрецедентна. Адвокаты многочисленных жертв его финансовых махинаций настаивают на созыве *международного трибунала, который занялся бы всесторонним расследованием его злоупо-*

треблений. По их мнению, география действий Мэдоффа настолько обширна, а количество пострадавших так велико, что необходимость в создании крупного судебного органа очевидна. Всего созданная Бернардом Мэдоффом финансовая пирамида, стоившая 50 млрд долл., затронула от 1 млн до 3 млн человек по всему миру. Интересы около 10 тыс. пострадавших физических и юридических лиц представлял международный альянс из 45 адвокатских фирм.

Мэдофф – не единственный из крупных финансистов США, замешанных в криминале. В январе 2009 г. американская полиция приступила к расследованию финансовых махинаций совладельца липового хедж-фонда “Scorpenedgment” Артура Наделя. Последний, по предварительным оценкам, “кинул” инвесторов на 350 миллионов долларов и скрылся, затем был арестован.

“Мини-Мэдоффом” нарекли в США финансиста Алена Стенфорда. ФБР и Комиссия по ценным бумагам вменяет ему аферу в 8 млрд долларов.

С начала 2009 г. в США федеральные прокуратуры, прокуратуры штатов начали следствия по делам сотен корпораций, компаний и контор, которые занимались строительством финансовых пирамид. Это прежде всего некогда колоссально влиятельные в США банковские, страховые и ипотечные корпорации типа Washington Mutual, Freddie Mac, Fannie Mae, AIG.

И эти расследования сразу приносят результаты. Так, в феврале 2009 г. прокуратура Нью-Йорка предъявила обвинения в мошенничестве Полу Гринвуду и Стивену Уолшу – управляющим партнерам брокерской компании WG Trading Investors. Во время расследования выяснилось, что брокеры попросту присваивали деньги. Покупали на них дома, машины, беговых лошадей, раритетные книги и даже коллекцию плюшевых мишек Тэдди на 80 тыс. долларов. Инвесторам мошенники рассылали уведомления, что их средства направлены в прибыльные проекты – по большей части на рынок сырьевых фьючерсов.

Британское управление расследования крупных финансовых махинаций (Serious Fraud Office) готовит материалы по десяткам дел. В них фигурируют фактически национализированный Royal Bank of Scotland, крупнейшая банковская группа Европы HSBC, множество других имён.

Испанская полиция арестовала шесть человек, подозреваемых в афере на фондовом рынке в Лондоне на сумму 600 миллионов долларов. Махинации этих лиц начались в 2003 г. Суть махинаций состояла в том, что подозреваемые при помощи сложных коммерческих и фондовых операций увеличивали стоимость акций финансовой компании, которая не имела достаточного объёма депозитов для обеспечения высокой капитализации.

В Индии 7 января 2009 г. полиция города Хайдарабада сообщила, что финансовый директор компании Satyam Computer Services – четвёртого по объёму экспорта производителя программного обеспечения в Индии – был арестован. “Мы арестовали финансового директора и сейчас его допрашиваем. Обвинения, выдвинутые против него, – это преступный сговор, мошенничество, фальсификация финансовых отчётов”, – передаёт слова представителя органов правопорядка Financial Times. Через два дня количество арестованных увеличилось: были задержаны бывший председатель совета директоров этой компании, а также её генеральный директор.

Эти действия властей последовали через три дня после того, как бывший председатель совета директоров признался своим коллегам, что компания на протяжении нескольких лет подделывала финансовые документы, чтобы завысить прибыль. Вопросы у следствия вызывает также роль аудитора Satyam Computer Services, коим выступало местное подразделение Pricewaterhouse Coopers. Эта афера уже оценивается в 1 млрд долларов. Многие называют дело Satyam Computer Services “индийским “Энроном”.

Правительство Индии подверглось нападкам за запоздалую реакцию на мошенничество, которое грозит подорвать доверие инвесторов не только к IT-индустрии страны, но и ко всему рынку акций Индии. В результате скандала держатели акций Satyam Computer Services потеряли более 70% на этих бумагах. Если шесть месяцев до ареста ее капитализация составляла 7 млрд долларов, то теперь она стоит лишь 330 млн долларов. Против фирмы подано не менее трёх групповых исков в Федеральный суд США.

В начале февраля 2009 г. в Японии арестован глава инвестиционной компании, в которой пропали 2 млрд долларов. 75-летний Казуцуги Нами обещал

клиентам-вкладчикам 36% годовых. Изобрел целую систему электронных денег под названием “Энтэн”. Несмотря на то, что проценты в отчётное время перестали платиться, а деньги со счетов стали пропадать, махинатор свою вину не признаёт. В компании работает 50 тыс. человек.

Крупные финансовые скандалы в период кризиса не обошли и Китай. Национальная аудиторская служба Китая сообщила, что китайские банки и другие финансовые организации в 2008 г. совершили нецелевые траты на сумму 6 млрд юаней (878 млн долларов). В 2008 г. было зафиксировано 20 таких случаев. Около половины из них связано с тремя крупнейшими госбанками, чьи акции торгуются на фондовом рынке – ICBC, Bank of China и Construction Bank of China. Большая часть средств возвращена, хотя полиция продолжает расследовать некоторые случаи нецелевого расходования средств.

Специальные мероприятия и операции по борьбе с коррупцией и организованной преступностью необходимы для блокирования кризиса и у нас в стране.

В феврале 2009 г. на федеральном уровне создана *Межведомственная рабочая группа (МРГ) по противодействию преступлениям в сфере экономики*. Она состоит из представителей Генпрокуратуры, ФСБ, МВД, Федеральной налоговой службы, Росфинмониторинга и Банка России. В еженедельном режиме проводятся заседания созданной при ней группы оперативного взаимодействия – так координируется проведение конкретных проверок. Проверяется расходование выделенных государством средств на поддержание отечественной экономики, выявляются фиктивные банкротства и рейдерские захваты, антимонопольные и налоговые правонарушения, незаконные операции на рынке ценных бумаг. Усилия сосредоточены на главном – обеспечении сохранности средств господдержки, их целевом использовании и доведении до конечных получателей, а также возврате полученных кредитов.

У МРГ – широкий фронт работы. Как пишет экономист *Никита Кричевский*, попустительство массивному оттоку капитала, отказ от введения жёстких мер контроля за действиями банков, получавших государственные и центробанковские резервы, маниакальное упорство в завершении межстрановых коммерческих сделок “капитанов” российского бизнеса привели к тому, что из 3,1 трлн рублей, привлеченных банками от ЦБ в IV квартале 2008 г., лишь 600 млрд рублей было направлено на погашение задолженности. Остальные 2,5 трлн “болтаются” на зарубежных счетах самих коммерческих банков и их “подкожных” фирм, покоятся на депозитах в том же ЦБ, в крайнем случае выдаются в кредит “правильным” коммерсантам (см.: Н. Кричевский. Осколки завышенных ожиданий. АПН, 24 февраля 2009 г.). Не случайно по данным журнала «Forbes» наши российские миллиардеры в 2010 г. стали гораздо богаче, чем до кризиса.

По данным Росфинмониторинга, в январе-феврале 2009 г. доходность спекулятивных сделок на валютном рынке России превысила 200%. И это в тот момент, когда банки и предприятия получают миллиарды господомощи. Причём в цепочки спекулятивных сделок намеренно включаются фирмы-однодневки, чтобы запутать след, сбить с толку финансовых контролёров. Участниками операций мошенники выставляют не самих себя, а подставные фирмы с “мёртвыми” адресами.

Главным инструментом в борьбе с финансовыми мошенниками и коррупционерами, который используется в мире, является поиск, арест, конфискация похищенных активов и возвращение их обратно в страну, если эти активы выведены и отмыты за рубежом (как правило, в офшорных “гаванях”). О необходимости задействовать в полную силу этот инструмент заявил Генеральный секретарь ООН. Этого, кстати, требуют и Конвенции ООН против коррупции и транснациональной организованной преступности, которые Россия ратифицировала. Но именно эти важнейшие инструменты у нас практически не работают, а пакет законопроектов по борьбе с коррупцией, который принят в конце 2008 г., эти важнейшие вопросы также практически не учитывает.

Об отношении в нашей стране к возвращению похищенных активов свидетельствует тот факт, что об этой проблеме ни слова не говорилось на коллегиях МВД и Генпрокуратуры по итогам работы за 2005–2009 гг. Одновременно есть все основания считать возвращение активов одной из самых актуальных для России проблем в борьбе с преступностью и коррупцией. Например, заместитель постоянного представителя России при ООН Илья Рогачёв, воз-

главлявший российскую делегацию в работе над Конвенцией ООН, сообщил, что количество выведенных из России средств, полученных преступным путём, по экспертным оценкам, составляет не менее 200 млрд долларов. Думается, что реальная сумма гораздо масштабнее – не менее 500 млрд долларов.

У нас до кризиса насчитывалось 131 тыс. российских миллионеров и 110 миллиардеров. Но это те, доходы которых “прозрачны”. “Forbes” вообще включает в свои рейтинги только “чистых” бизнесменов. Реальное число “подпольных” миллионеров гораздо больше. Если в 1995 г. за границу из России выехало всего 2,5 миллиона человек, то в 2007 г., по разным оценкам, их было уже 8,7 миллиона. Причём зарубежные СМИ отмечают, что, если десять лет назад основная часть русских селилась в трёх- и четырёхзвездочных отелях, то теперь это – пятизвездочные и класса “люкс” (7 млн из 8,7 млн выезжавших за рубеж).

О том, что цифра – 131 тыс. миллионеров – явно занижена, говорит хотя бы тот факт, что на начало 2008 г. только в Лондоне, по данным британских СМИ, более 300 тыс. (!) россиян приобрели дорогостоящую собственность (от 1 млн фунтов стерлингов и выше).

300 тыс. русских миллионеров – это больше, чем всё население какого-нибудь среднего английского города вроде Лейчестера. Не случайно столицу Британии местные журналисты называют Лондонградом.

По сообщениям британских СМИ, массовая скупка собственности в Лондоне гражданами России продолжалась и в 2009 г.

Конечно, было бы ошибкой считать, что вся эта собственность приобретена за рубежом на коррупционные и похищенные средства. Но о том, что многие особняки и за рубежом, и у нас в стране куплены именно на ворованные и коррупционные деньги, говорят простые расчёты. Так, по данным журнала “Forbes”, высокооплачиваемый российский менеджер крупной бизнес-компании с ежегодным окладом в 100 тыс. евро после выплаты подоходного налога (13%) получит на руки 87 тыс. евро. Ещё около 2,5 тыс. евро доплатит государству работодатель – это затраты на единый социальный налог и отчисления на обязательное медицинское, пенсионное и социальное страхование. При этом около 50 тыс. евро в год он потратит на обеспечение жизнедеятельности своей семьи (питание, одежда, учеба детей в престижных вузах и лицеях, отдых). Остаётся около 30 тыс. евро.

Чтобы купить скромный особняк на Рублёвке за 3 миллиона евро, ему надо было работать 100 лет. Но он покупает дом через год-два после начала своей бизнес-деятельности.

Иными словами, теневая экономика в последние годы продолжала бурно развиваться, она не входила ни в какие статистические сводки и отчёты правительства. А если и входила, то лишь малой своей частью.

Кстати, по данным Банка России, отток частного капитала из России только за 2008 г. составил *130 миллиардов долларов*.

Как отметил на пресс-конференции 12 февраля 2009 г. после заседания коллегии Федеральной службы по финансовому мониторингу *Юрий Чиханчин*, “уже в конце августа – начале сентября прошлого года мы стали получать информацию о том, что на финансовом рынке происходят операции, не характерные для рынка, связанные с открытием “спящих счетов”, переводом больших денежных сумм за рубеж, обналичиванием и покупкой валюты, ростом офшорных компаний”.

Мировая антикоррупционная стратегия строится на развитии института *возвращения активов*. “Группа восьми” подготовила сводную информацию о принципах и вариантах отчуждения и перевода конфискованных доходов от коррупции в особо крупных размерах, а также об оптимальной практике распоряжения арестованными активами.

В свою очередь, Управление ООН по наркотикам и преступности и Всемирный банк официально объявили 17 сентября 2007 г. о начале осуществления Инициативы по возвращению похищенных активов. С начала 2007 г. начал функционировать Международный центр по возвращению активов при Базельском институте управления, который тесно сотрудничает с Управлением ООН по наркотикам и преступности.

В декабре 2007 г. Совет Европейского союза принял решение о том, что каждому государству – члену Европейского союза следует создать или назначить национальный орган по возвращению активов.

В феврале 2009 г. на встрече лидеров стран Евросоюза в Берлине принят ряд решений о борьбе с практикой укрывательства доходов от налогов и отмыванием денег на офшорных счетах. В Берлине заявили, что к тем государствам, которые не идут на сотрудничество с фискальными и юридическими службами других стран, будут применяться жёсткие санкции. Международное сообщество намерено самым активным образом вмешиваться в деятельность финансовых институтов и держать под контролем банковские операции во избежание создания предпосылок новых финансовых кризисов в результате спекулятивных сделок и преступной практики отмывания денег.

Филиалы “налогового рая” давно действуют в государствах Европы. О том, что там творится, показал скандал с крупнейшим европейским банком UBS (Швейцария).

Неприятности у UBS начались ещё в 2007 г., когда США завели в отношении банка гражданское и уголовное дело. По оценке прокуроров, швейцарский банк с 2000 по 2007 гг. помогал нескольким десяткам тысяч американцев уходить от уплаты налогов через офшоры. На счетах этих людей, по некоторым оценкам, находилось 20 млрд долларов, а сам UBS зарабатывал на своих налоговых консультациях более 200 млн долларов в год. UBS не признал эти обвинения.

В мае 2008 г. в отношении швейцарского банка было начато расследование. При этом Федеральная налоговая служба США потребовала от UBS раскрыть данные о 19 тыс. счетов, которые могли быть использованы для уклонения от уплаты налогов. Общие налоговые потери американского бюджета от работы швейцарской банковской системы были оценены в 100 млрд долларов ежегодно. Начало расследования стало следствием другого дела – в отношении лихтенштейнской банковской группы LGT, помогавшей американцам укрываться от налогов.

Основанием для начала разбирательства стал также закон, принятый в США в 2001 г. и обязывающий зарубежные банки раскрывать информацию об американских владельцах счетов. При этом UBS предлагал клиентам целую схему безопасного уклонения от налогов в обход закона, позволявшую перечислять средства так, чтобы оставаться незамеченными.

По признанию самого UBS, сделанному в конце мая – начале июня 2008 г., он подделывал или неверно заполнял соответствующие бумаги при открытии счетов, а также поощрял уничтожение записей о счетах американских клиентов. Кроме того, он рекомендовал гражданам США хранить материальные ценности, купленные на сэкономленные в результате неуплаты налогов средства, в швейцарских сейфах. По данным Министерства юстиции США, сотрудники UBS использовали ноутбуки с функцией шифрования данных, что помогало скрывать информацию.

В октябре 2008 г. налоговая служба Швейцарии заявила о готовности предоставить Министерству юстиции США данные о счетах американских клиентов UBS. При этом сам швейцарский банк объявил, что готов раскрыть информацию о счетах более чем 20 тыс. клиентов.

20 февраля 2009 г. Министерство юстиции США подало иск к банку с требованием раскрыть конфиденциальные данные о 52 тыс. клиентов, подозреваемых в уклонении от уплаты налогов. По оценке американских властей, на счетах этих людей хранится около 14,8 млрд долларов, не прошедших декларацию в американской налоговой службе.

В условиях нарастающего кризиса, чтобы не оказаться в хвосте событий, России необходимо подготовить дополнительный антикоррупционный пакет, касающийся вопросов борьбы с отмыванием преступных доходов и международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства по возвращению активов.

Потребуется изменение правового понятия отмывания (легализации) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путём, которое сформулировано и в Уголовном кодексе, и в российском законе о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма. По совершенно “непонятным” причинам из числа преступлений, в отношении которых применяется институт борьбы с отмыванием, исключены все уголовно наказуемые виды уклонения от налогов и таможенных платежей, а также невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте.

Между тем международная практика идёт совсем другим путём. Так, Нидерланды, Соединённые Штаты, Финляндия и Швеция применяют “всеобъемлющий подход”, в соответствии с которым действие законодательства о борьбе с отмыванием денег распространяется на любые полученные нечестным путём доходы.

Поиск и возвращение похищенных активов крайне затруднены в условиях, когда в 2003 г. конфискация была вообще ликвидирована как вид уголовного наказания. Причём это было сделано в нарушение конвенций, подписанных и ратифицированных Россией.

Усечённое восстановление конфискации в 2006 г. как некой “иной меры уголовно-правового характера”, лишь по нескольким составам преступлений (среди которых нет ни мошенничества, ни налоговых преступлений как отмыывания преступных доходов, то есть тех преступлений, которые и наносят самый большой ущерб) не даёт возможности в полном объёме бороться с мафией и коррупцией, не позволяет возмещать колоссальный ущерб от экономической преступности.

В январе 2009 г. вступили в силу поправки в целый ряд законов, в том числе в Уголовный кодекс, принятые и утверждённые в рамках Национального антикоррупционного плана. Список преступлений, по которым может применяться конфискация, расширился. Но в этом списке по-прежнему нет ни одного вида хищения (?!). А главное – конфискация вновь не была восстановлена в качестве одного из основных видов уголовного наказания. Она по-прежнему стыдливо именуется некоей “иной мерой”. Поскольку суды не понимают, что это такое, институт конфискации применяется неадекватно редко.

К чему на деле привела отмена конфискации как вида уголовного наказания и восстановление этого правового института в урезанном, непонятном для правоприменителей виде? На этот вопрос чёткий ответ даёт анализ уголовной статистики.

За 2007 г. по оконченным и приостановленным уголовным делам по коррупции общий размер ущерба составил 5 млрд 632 млн руб. Одновременно общий объём имущества, на которое был наложен арест в целях возможной конфискации, равен 608 тыс. рублей.

Иными словами, ущерб от коррупционных преступлений в 9,3 тыс. раз больше арестованного имущества в целях конфискации (!).

Укажем на ещё один аспект. Без конфискации, как вида уголовного наказания, стало практически невозможно осуществлять международное сотрудничество в деле розыска, ареста и возвращения в страну похищенных активов. Поэтому после 2003 г. таких запросов были единицы, а возвратов вообще не было.

В бытность работы автора настоящей работы руководителем российского бюро Интерпола (в 1997–1999 гг.) совместно с Генпрокуратурой и Следственным комитетом МВД ежегодно удавалось возвращать в страну по несколько миллионов долларов по конкретным уголовным делам. Но каждый раз зарубежные суды требовали от России подтверждения, что эти средства могут быть конфискованы в качестве наказания преступников. Теперь такого подтверждения дать нельзя.

Восстановление положения о конфискации имущества как вида наказания в Уголовном кодексе, новая редакция статей УК о борьбе с легализацией преступных доходов (без всяких ограничений), встраивание современных международно-правовых механизмов возвращения активов в Уголовно-процессуальный кодекс – это одна из важнейших политических и правовых задач по усилению борьбы с коррупцией и организованной преступностью в условиях кризиса.

В апреле 2008 г. представители группы ГРЕКО (Группа государств против коррупции – международная организация, созданная Советом Европы) для мониторинга соответствия законодательства и правоприменительной практики государств-участников антикоррупционным стандартам Совета Европы, проводили оценку антикоррупционной деятельности в России. Наряду со многими рекомендациями оценщики указали на необходимость совершенствования института конфискации имущества. Помимо восстановления конфискации как вида уголовного наказания они рекомендовали властям РФ рассмотреть возможность введения в уголовное законодательство страны так называемой нормы “конфискации *in rem*” – основанной на переносе бремени доказывания законности происхождения имущества, в отношении которого имеются подозрения о его коррупционном происхождении, на заинтересованное лицо – процедуры, которая давно применяется в таких странах, как США, Великобритания и др.

Роль конфискации в борьбе с коррупцией и теневой экономикой очень хорошо понимают на Западе. В конце 2008 г. министр внутренних дел Италии Роберто Марони сообщил, что в 2008 г. итальянские власти конфисковали у мафии собственности на сумму более 4 млрд евро – в три раза больше, чем годом ранее. Более 3 млрд долларов из суммы, названной министром, – это стоимость арестованной недвижимости, ещё примерно 1,5 млрд долларов стоили конфискованные автомобили, яхты и мотоциклы.

600 тыс. руб. (менее 20 тыс. евро) конфисковали в России и 4 млрд евро в Италии!

Комментариев здесь можно не делать, за исключением одного: по этой разнице цифр видно, как разные государства по-разному защищают себя в условиях глобального кризиса.

Да и вообще, пытается ли Россия реально защититься от глобального кризиса? Это весьма проблематичный вопрос. Достаточно прочитать репортаж “Гордольный курорт” в “Коммерсанте” от 11 января 2009 г. о том, как представители российской политической и бизнес-“элиты” отмечали Новый (кризисный) год в Куршевеле, чтобы понять, что кризис – не в экономике, а в глубоком поражении всей социально-иммунной системы нашего общества.

Цинизм, соединённый с потерей чувства самосохранения, – это серьёзный диагноз.

Преодоление коррупции и теневой экономики как спусковых механизмов глобального кризиса зависит от того, какие идеологические, мировоззренческие принципы будут положены в основу такого преодоления. Уже в период, когда кризис бурно разрастался в США в результате ультралиберальных взглядов Гринспена и команды Буша-младшего, большой “друг” России Збигнев Бжезинский обвинял Россию в изощрённой форме коррупции на основе “централизованного корпоративного этатизма вместо смешанной экономики, повышения прозрачности и верховенства закона” (См.: Зб. Бжезинский. Путинский выбор. “The Washington Quarterly”, 12 марта 2008 г.).

Как известно, этатизм – это синоним государственничества (от фр. l'état – государство). Как сообщает нам “Википедия”, этатизм – мировоззрение и идеология, абсолютизирующие роль государства в обществе и пропагандирующие максимальное подчинение интересов личностей и групп интересам государства, которое предполагается стоящим над обществом; политика активного вмешательства государства во все сферы общественной и частной жизни.

Коррупция на основе системы “корпоративного этатизма” характеризуется, во-первых, тем, что решения общенационального масштаба в экономической сфере принимаются узким кругом влиятельных в политическом плане чиновников, зачастую к тому же обладающих крупными личными состояниями. Во-вторых, появлением в народном хозяйстве ряда корпораций с непрозрачной структурой владения (к примеру, основных энергетических компаний, промышленных предприятий и банков), в совокупности играющих преобладающую роль в повседневной экономической жизни страны.

Выявленные Бжезинским тенденции, по его мнению, привели к “повальной коррупции среди властей предержавных”, которая может обернуться следующими результатами: “в долгосрочной перспективе, как и в других богатых энергоресурсами странах, где возникла аналогичная тенденция, коррумпированность элиты, в том числе размещение личных состояний за рубежом, может стать главной причиной возмущения в обществе, особенно после того, как запасы сырья истощатся”.

Иными словами, Бжезинский остаётся верен себе. Он всегда искал и ищет деструкторы, способные развалить Россию, убрать политический режим, мешающий развитию событий на “глобальной шахматной доске”. И в нынешней ситуации он такой деструктор, по его убеждению, нашёл. Это – уже названный “централизованный корпоративный этатизм”, порождающий разрушительную коррупцию, которая сдерживает развитие России.

По сути, по такой же модели построен нашумевший оппозиционный доклад Немцова–Милова “Путин. Итоги”. Приводя массу весьма серьёзных фактов и явлений, которые по международным стандартам действительно можно причислить к коррупции, Немцов и Миров делают по этому поводу вывод, который фактически согласуется с логикой Бжезинского: “Нам нужно резко уменьшить власть чиновников над страной, сократить их полномочия, чтобы убрать почву из-под ног коррупционеров и воров во власти. Государство должно избавиться

от несвойственных ему функций контроля над предприятиями и их денежными потоками. Необходимо возродить практику открытой и честной приватизации (!!! – В. О.), которая начала формироваться в 1997–2002 годах”.

Насчёт “открытой и честной приватизации 1997 года” ребята, конечно, перегнули палку. Но главное здесь не это. Главное – убрать государство как ведущего игрока из экономики, а значит – и из Большой политики.

И внутренние, и внешние критики нынешней российской власти выбрали один объект атаки – искоренение государственничества. Они концептуально уверены в том, что именно государственничество (“централизованный корпоративный этатизм”) является главным тормозом развития России и является основной причиной современной коррупции.

По сути, эта затасканный ультра-либеральный взгляд на мировое развитие. Именно затасканный, во многом себя скомпрометировавший, провалившийся и в Латинской Америке, и в Восточной Европе, приведший к глобальной катастрофе Африку. И, в конечном итоге, именно ультра-либерализм и стал основой глобального финансово-экономического кризиса.

Серьёзные исследователи современной мировой реальности (причём далеко не социалистических воззрений) приходят совсем к другим выводам. Знаковым явлением является публикация специалиста по современному Китаю Джошуа Курланчика в “The Boston Globe” 17 марта 2008 г. Он пишет: “В последние пять лет государства в самых разных уголках планеты превращаются в дельцов и коммерческих игроков такого размаха, какого мы в современную эпоху ещё не видели. Укрепление роли государств как глобальных экономических игроков демонстрирует резкое отличие от тех десятилетий, когда частное предпринимательство казалось непреодолимой силой в мировых финансах, коммерции и культуре. Это стало новым и неожиданным синтезом государственного контроля и капиталистических принципов бизнеса. И такой синтез уже вызывает существенные перемены в глобальном влиянии. Новые государственные капиталисты, такие, как Китай, Объединённые Арабские Эмираты, Россия и прочие, – это в основном авторитарные страны. По мере того, как они превращаются во всё более важных коммерческих игроков, эти страны обретают возрастающее влияние в тех сферах, где прежде доминировал демократический Запад”.

Курланчик также ссылается на исследование вашингтонского аналитического центра неоконсерваторов – *Американский институт предпринимательства*, в котором указывается, что экономики политически несвободных стран в последнее десятилетие развиваются быстрее экономик политически свободных государств.

Анализируя экономику Китая, Курланчик прямо считает, что ошеломляющие темпы экономического развития в Китае стали возможными потому, что “у штурвала твёрдо стоит государство, и все программы успешно реализуются без тех либеральных политических реформ, которые многие на Западе считали непременным условием экономического роста”.

Как можно было убедиться, именно “крепкий государственный штурвал” помогает Китаю преодолеть и глобальный кризис.

Значит, экономическому росту и развитию государственничество не столь вредно, как это пытаются представить радикал-либералы. Вредно другое – коррупция. Тот же Курланчик полагает, что государственный капитализм способствует развитию коррупции, позволяя малочисленным кругам связанной с государством элиты контролировать большой объём богатств. В Китае господство государства привело к тому, что местные “князьки”, родственники руководителей коммунистической партии, получили в свои руки контроль над самыми мощными компаниями страны. В одном исследовании китайского правительства, объектом которого стали 3000 самых богатых бизнесменов страны, указывается, что значительная их часть является родственниками высокопоставленных руководителей.

Как любит говорить Владимир Путин: “мухи к мухам, котлеты к котлетам”. Зафиксируем следующее. Госкапитализм, “централизованный корпоративный этатизм” может быть мощным двигателем экономического роста. Но эти политико-экономические формы способны порождать коррупцию.

Но, извините, а разве радикальный либерализм российских реформ 90-х годов не породил невиданные масштабы коррупции и питающей её организованной преступности? Разве не при либералах *российская экономика стала практически криминальной, а организованная преступность превратилась в форму социальной организации жизни?*

Сегодняшняя коррупция – это не порождение российского госкапитализма как такового. Продолжают действовать механизмы радикально-либеральных реформ.

Автор настоящей работы с 1990 г. говорил и говорит, что идеологическим документом построения криминального капитализма в России остаётся принятая в начале 90-х годов Верховным Советом РСФСР программа Явлинского “500 дней”. Один из концептуальных тезисов этой программы заключался в том, что “легализация теневого капитала должна стать главным ресурсом развития экономики в России”. Этот тезис выполнен на 100%. Легализация теневого капитала и обеспечила нам ту коррупцию, которую мы сегодня имеем. С которой вошли в кризис.

Другое дело, что построение госкапитализма с либерально встроенными механизмами, не дающими на современном уровне вести цивилизованную борьбу с коррупцией, усиливает синергетический эффект коррумпирования и мафиизации российского общества.

Этот синергетический эффект вызван также тем, что с начала 90-х годов строили одновременно и либеральную экономику, и либеральную уголовную политику, которая, как было указано выше, игнорирует современную международную стратегию борьбы с коррупцией, базирующейся на конфискации преступных доходов у коррупционеров и членов мафии, противодействию отмыванию “грязных” денег, поиске и возвращении похищенных активов.

В период кризиса и экономическая, и уголовная политика должны стать во многом антилиберальными.

Наивно полагать, что коррупция исчезнет даже при появлении идеальных законов. Коррупция, как и преступность – вечны. Британские и датские зоологи выяснили, что даже в колониях муравьёв процветает поведение, весьма похожее на обман и коррупцию: учёные установили, что существуют особые “королевские гены”. Они позволяют обладающим ими самцам чаще становиться отцами королей. Поскольку “королевские гены” не слишком распространены, учёные сделали вывод, что их носители намеренно предпринимают определённые шаги, чтобы скрыть своё преимущество и не дать сородичам заподозрить подвох. В противном случае обладатели выигрышного генотипа были бы истреблены, пишет журнал “Point” (март 2008).

Важно не полное искоренение коррупции (такие цели намечали только идеологи сусловского поколения). Важно, чтобы уровень коррупции в стране был сведён к “допустимому” минимуму. Чтобы эти явления, как тень в сказке Андерсена, знали своё место и не заменяли собой действующие государственные структуры на всех уровнях.

* * *

Комментарий в Сети на одну из моих статей о коррупции содержал следующую информацию: “Основатели китайской династии Тан, в VII веке нашей эры, довели борьбу с коррупцией до логического конца.

Во-первых, казнили не за размер или вредность противоправного деяния, а за сам его факт.

Во-вторых, для предотвращения “отмывания преступных капиталов” казнили не только самого преступника, но и всех его родственников “по трём линиям до третьего колена”. То есть со стороны отца, матери и жены всех поголовно: от бабушек с дедушками до внуков и внучек.

В-третьих, казненного преступника не хоронили, а набивали из него чучело, которое торжественно помещали в его же последнем служебном кабинете, в назидание преемнику.

Народ китайский эту самую династию Тан до сих пор вспоминает как эру благоденствия. Но! Поганую человеческую природу-таки победить не удалось. Таксидермисты (специалисты по набиванию чучел. – В. О.) сбивались с ног. В некоторых, особо “кормных” кабинетах императорских чиновников за раз скапливалось до десятка чучел одновременно! Однако оставшиеся в живых продолжали воровать...”.

Можно представить себе сюрреалистическую картину сегодняшней России периода кризиса, в которой начнут бороться с коррупцией по рецептам основателей династии Тан...

(Окончание следует)

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ЖРЕЦЫ И ЖЕРТВЫ ХОЛОКОСТА

XII. “Ваши пророки – наши пророки”...

Милости я хочу, а не жертвы.
Пророк Осия

Многие годы в еврейском мемориальном комплексе Яд Ва-шем в Иерусалиме увековечиваются на особой стеле имена праведников народов мира. Это список людей разных национальностей, которые так или иначе спасали евреев от преследований нацистов, от депортации в лагеря, от местных коллаборационистов.

В списке тысячи имён – представителей чуть ли не всех европейских народов, на землях которых происходила катастрофа, именуемая Холокостом.

Конечно, эта благородная акция имеет свой националистический оттенок, поскольку для Яд Ва-шема интерес представляют европейцы, спасавшие только евреев. Поэтому в определении того, кто может являться праведником мира, а кто нет, есть немало странного и даже курьёзного.

Болгарский царь Борис, союзник фашистского рейха, к примеру, объявлен праведником мира, поскольку до 1943 г. он сопротивлялся выдаче немцам более 50 тысяч болгарских евреев. Правда, в 1943 году болгарское правительство всё-таки приказало 20 тысячам софийских евреев покинуть столицу. Но если бы дело ограничилось только этим!

За присоединение к странам фашистской оси Болгария получила “в дар” от Германии оккупированные немцами территории, ранее принадлежавшие Югославии и Греции, на которых жили 14 тысяч евреев. Поскольку они не имели болгарского подданства, царь Борис с облегчением сдал их немцам, которые направили несчастных в Трешлинку... Впрочем, не таким уж юдофилом был царь Борис, каким его изображают многие книги по истории Холокоста.

Выдержки из энциклопедии “Холокост”, из статьи “Болгария”:

“Одним из первых антиеврейских актов правительства Болгарии в сентябре 1939 г. стало поспешное изгнание из страны 4 тыс. евреев, приехавших из других государств”.

“Проникновение расовой теории и нацистской идеологии создало в Болгарии благоприятную почву для принятия антиеврейских законов <...> “Антиеврейские законы были утверждены парламентом по инициативе Кабинета

министров и царя Бориса ещё до того, как Болгария 1.3.1941 г. вошла в число стран “Оси”.

“Евреи, их дома и предприятия – всё должно было быть помечено звездой Давида, что делало их беззащитной мишенью”.

“Евреям было запрещено поступать на службу как в частные компании, так и в общественные, муниципальные, правительственные учреждения. Все еврейские школы, театры, кинотеатры, издательства, рестораны и отели были закрыты”.

“Смешанные браки были объявлены вне закона”.

“Евреи-мужчины от 20 до 40 лет, освобождённые от воинской службы, были отправлены в трудовые лагеря”.

“Евреям было отказано в праве заниматься многими профессиями”.

“Евреев стали называть врагами государства”... и т. д. (стр. 89–90). Вот такой он был “праведник”, чьё имя навечно запечатлено в иерусалимском мемориале.

Да, плохи дела у жрецов Холокоста, если они присваивают звания “Праведник мира” таким слугам гитлеровской Германии, как болгарский царь Борис и глава украинской униатской церкви Андрей Шептицкий.

Недавно, как сообщает бюллетень “Холокост” (№ 3, 2007), “еврейская община Украины признала Митрополита Шептицкого “праведником мира”; “мы хотим отдать должное человеку, спасшему сотни евреев”, – сказал раввин Украины Мойше Аеман.

Сколько сотен евреев и каким образом спас Андрей Шептицкий – неизвестно, но, как утверждает польский журналист Богдан Цивинский в статье “О Митрополите Львовском Андрее Шептицком” (“Новая Польша”, № 6, 2006 г.), греко-католический пастырь Львовщины действительно “в феврале 1942 г. написал письмо Генриху Гиммлеру, протестуя против уничтожения евреев”. Однако в июле 1941 года он “в пастырском послании приветствовал немцев, как освободителей, а 6 июля после провозглашения бандеровцами независимого украинского государства принял почётный пост председателя Украинского национального Совета”.

Вспомним, что бандеровцы были носителями самого кровавого антисемитизма, а хлопцы Романа Шухевича не раз устраивали на Львовщине самые страшные погромы. Так что не в Берлин надо было писать письма Андрею Шептицкому, а своих чад во Христе воспитывать... А сколько при нём и с его благословения было уничтожено на Западной Украине советских людей разных национальностей в то время, когда он занимал пост председателя Украинского национального совета, – один Господь знает... Но за евреев однажды заступился и потому заслуживает, видимо, звания “праведник мира”, а то, как Шептицкий относился к сыновьям и дочерям других народов, к гоям, жрецов Холокоста не интересует.

“Почти за 500 лет до Рождества Христова, – пишет англо-американский историк и публицист Дуглас Рид в книге “Спор о Сионе”, – маленькое палестинское племя иудеев провозгласило расовую доктрину, влияние которой на последующие судьбы человечества оказались губительнее взрывчатых средств и эпидемий... Она была творением иудейских левитов”.

Но высшее предназначение израильского племени, может быть, состоит в том, что во все времена, от вавилонских до сегодняшних, из его среды выходили одиночки, восставшие против Касты, державшей в оковах расовой доктрины еврейское простонародье.

В эпоху создания Пятикнижия и Моисеева закона с бесчеловечной властью левитов боролся пророк Амос, осуждавший кровавые ритуальные жертвоприношения: “Ненавижу, отвергаю праздники ваши и не обоняю жертв во время торжественных собраний ваших. Если вознесёте мне всесожжение и хлебное приношение, я не приму их”. А другой пророк, Осия, заклинал своих современников: “Ибо я милости хочу, а не жертвы, и Боговедения более, нежели всесожжения”... Пророк Иеремия, изгнанный в Египет, как и все остальные пророки, осуждал сатанинские кровавые ритуалы левитов: “И устроили высоты... чтобы сжигать сыновей своих и дочерей в огне, чего я не повелел и что мне на сердце не приходило”.

Вспомним о том, что слово “Холокост” переводится как “всесожжение”, и эта этимология образует роковую связь между жрецами эпохи вавилонского пленения и сегодняшними идеологами Холокоста.

Когда левиты заканчивали работу над главами Моисеева закона, утверждающими апологию избранничества и владычества евреев над другими народами, то пророк Иеремия призывал своих соплеменников жить в мире с племенами в землях и странах, куда их забросила судьба.

После вавилонского пленения и падения Иудеи Иеремия проповедовал: *“Так говорит Господь Саваоф... всем пленникам, которых я переселил из Иерусалима в Вавилон... И заботьтесь о благосостоянии города, в который я поселил Вас, и молитесь за него Господа, ибо при благосостоянии его и вам будет мир”*.

Чуть ли не с теми же словами обращался к еврейскому племени пророк Исайя Второй, живший в Вавилоне:

“Сыновей иноплеменников, присоединившихся к Господу... даже их я приведу на святую гору Мою и обрадую их в Моём доме молитвы... ибо дом Мой назовётся домом молитвы для всех народов” (стр. 33). И всё же до рождения и подвига Христа жрецам удавалось держать народ в путах расовой теории. Впрочем, и сегодня они озабочены человеческими слабостями своей паствы. Как пишет историк, живущий в Израиле, *“раввины запрещают молодёжи и непросвещённым верующим читать пророков вообще, и Исаия же особенно находится у ортодоксов в опале”* (С. Баландин. “Основы научного антисемитизма”. Алгоритм, 2008, стр. 153).

Сопоставляя мифические и сегодняшние времена, Дуглас Рид находит в них немало общего:

“Иеремию, явно убитого по приказу левитов, сегодня клеймили бы, как помешанного или болтуна, сумасброда или антисемита; в его время обычным обвинением было: “пророк и сновидец”.

Вспоминаю, как я, двадцать лет тому назад прочитавший в какой-то прессе репортаж о посещении Патриархом Алексием Вторым Америки, был озадачен и недоумевал по поводу его слов, произнесённых во время встречи с американскими раввинами: **“Ваши пророки – наши пророки!”** – сказал Патриарх. Я тогда не понимал глубокого смысла его слов, содержащих ту истину, что все израильские пророки есть предтечи Иисуса Христа, подготавлившие мир и души человеческие к его явлению. Не левитов, не талмудистов, не раввинов вспомнил патриарх, а – пророков. Недаром же Осип Мандельштам, принявший христианство, гордился тем, что происходит из народа “пророков”, и одновременно признавался, что бежит от “хаоса иудейского”, то есть от мрачного, душного, плотского материального мира левитов и раввинов. Почему плотского и материального? – потому что в отличие от пророческого мира – душевного, доброго, милосердного, небесного, мир иудейский во всех его ипостасях – левитский, фарисейский, талмудический, начиная от Второзакония и кончая Шулхан Арухом – жаждет захватывать, поработать, властвовать, убивать, пленять, обогащаться, радоваться добыче, враждовать с чужими идолами и богами, обонять ноздрями запахи горелой плоти с жертвенников, заключать союз с Богом посредством кровопускания... За этот “кровный союз” их Ягве помогает им и на протяжении всей двадцатипятилетней истории обольщает своих подданных, что они будут *“жить в жилищах, которые не строили”, “собрать плоды в садах, которые не сажали”* и ждать Машиаха, который обещал им безраздельную власть над миром.

Время для жрецов Холокоста движется вспять, потому что иные из них настолько уверовали в мощь Ягве, что пытаются возвратить в жизнь ритуалы, казалось бы, навсегда забытые человечеством. Трудно в это поверить, но в Израиле появилось объединение раввинов (“Реорганизованный синедрион”), которые готовятся к возрождению на Храмовой горе кровавых жертвоприношений, запрещённых в 70 г. н. э. со времени разрушения Второго Храма.

“Несколько лет назад члены религиозных движений принесли символическую жертву на холме в Гиват Хананье, с которого видна Храмовая гора. Участники ритуала зарезали козла <...> и сожгли его на специально возведённом двухметровом жертвеннике, построенном по правилам еврейского закона Галахи” (“Еврейская газета” от 14.12.2008 г.)

После великой новозаветной мистерии с Голгофой и Воскресением подобное, казалось бы, уже невозможно! Продолжая традицию пророков, в Средние века из “иудейского хаоса” постоянно рождались протестанты, диссиденты, еретики. В XII веке в испанской Кордове появился Моисей Маймонид, восставший против расизма талмудистов. Они донесли на него инквизи-

ции, отлучили от общины, инквизиция согласно доносу сожгла его антиталмудические книги.

В XVII веке точно так же был изгнан из общины и предан анафеме человек свободной мысли, талантливый философ и учёный Барух Спиноза. В одно и то же время с ним отвергнул бесчеловечные законы талмуда другой протестант, Ариель д'Акоста, утверждавший, что талмудические истины – отнюдь не божественного происхождения, что это дело рук самих талмудистов. Его отлучили от веры, затравили, и он вынужден был покончить с собою.

В XIX веке в эпоху европейской эмансипации немецкий еврей Моисей Мендельсон “впал в ересь” и стал проповедовать, что евреи должны слиться со всем человечеством, что нужно вернуться к пророкам. Его перевод Библии на немецкий язык был публично сожжён раввинами в Берлине.

В русском XIX веке два славных имени, монах Неофит и Яков Брафман с его ставшей знаменитой, но потом почти полностью уничтоженной книгой “Тайны Кагала”, внесли свой вклад в освобождение евреев от жреческой диктатуры.

Да и Карл Маркс во всех еврейских энциклопедиях считается антисемитом за его “еретическую” мысль о том, что *“деньги являются ревнивым Богом Израиля”*.

Когда же всё расистское наследие двух с половиной тысячелетий сосредоточилось в XX веке в руках сионистской верхушки, то вызов ей бросили еврейские религиозные и политические идеалисты нового времени: немецкая еврейка Ханна Арендт, русско-израильский еврей Борис Бернштейн, французский еврей Роже Гароди, американские евреи Альберт Эйнштейн, Альфред Лилиенталь и Норман Финкельштейн, русские евреи философ Семён Франк и Александр Мень, публицист Исраэль Шамир, украинский еврей Эдуард Ходос и другие именитые и даже безвестные люди. Эдуард Ходос очень просто и убедительно выразил сущность своего мужественного стояния за истину:

“Лично мне моя национальность ничуть не мешает говорить о еврейском фашизме. Напротив, учитывая коварство и фарисейское лицемерие врага, я считаю себя обязанным открывать людям глаза на то, что они не способны разглядеть сами”.

А с каким печальным достоинством излагает своё понимание еврейства сын узников Освенцима Норман Финкельштейн:

“Я не люблю ни филосемитов, ни антисемитов. Я хотел бы, чтобы люди обращались со мной, как с обычным человеком”...

После таких слов всякое понятие об “избранном народе” испаряется, “яко дым”. Какую веру исповедуют эти отступники? Не рискую ответить. Думаю, что кто-то из них православный, кто-то мусульманин, кто-то агностик, кто-то буддист, кто-то протестант, кто-то католик. По-моему, никто из них не является адептом ортодоксального иудаизма. И это не случайно.

В мемориале Яд Ва-шем запечатлены имена людей, которые спасали евреев от физической смерти, и за это им, спасателям, присвоено звание “праведник мира”.

Все, кого я вспомнил в этой главе, начиная от ветхозаветных пророков и до Ханны Арендт с Норманом Финкельштейном, в эпоху воинственного насаждения религии Холокоста спасают честь, совесть и душу еврейства. Так, может быть, они тоже праведники?..

XIII. С больной головы на здоровую

Даже Боги не могут бывшее сделать не бывшим.

Древнегреческая поговорка

Осенью 1938 года в маленьком французском городке Эвиан собрались представители тридцати стран Европы и Северной Америки, чтобы найти возможность спасения евреев, убегающих из фашистской Германии и оккупированных ею стран. Никаких представителей арабских или африканских стран на конференции не было. Судьба евреев была в руках Европы. И что же произошло? Ни один из представителей так называемого “цивилизованного ми-

ра” не дал согласия на приём беженцев в свою страну. Именно потому Америка через год не приняла приплывший из Голландии корабль “Сен-Луис”, на котором было 900 евреев. Им пришлось возвращаться на свою погибель в Европу. Так что Европа и только Европа полностью виновата в еврейской катастрофе и должна была после войны заплатить европейским евреям за свои грехи. Недаром в 1944 году, в первую годовщину подавления еврейского бунта в Варшавском гетто, поэт Юлиан Тувим проклял в своей статье “Мы польские евреи”, опубликованной в Лондоне, не только гитлеровских расистов, но в первую очередь антисемитов всей коричневой Европы.

“Над Европой возвышается огромный и всё растущий скелет. В его пустых глазницах горит огонь страшного гнева, а пальцы стиснуты в костлявый кулак. И он, наш Вождь и диктатор, будет определять наши права и требования... Моя ненависть к польским фашистам глубже, чем к фашистам других национальностей”.

Но заплатить за грехи Европы мир заставил палестинских арабов – крестьян-феллахов, бедуинов, ни сном и духом ничего не знавших ни о Холокосте, ни об Освенциме. Сионисты вытеснили их убийствами, резнёй, террором, несколькими войнами с родных мест, где они жили с незапамятных времён.

Вот почему через 37 лет – в 1975 году, на тридцатой сессии Генеральной Ассамблеи ООН подавляющим большинством голосов была принята знаменитая резолюция о сионизме как о форме расизма. Чтобы понять, почему произошло это историческое решение, приведу несколько отрывков из выступлений участников конференции, отражающих накал политической борьбы среди её делегатов.

Из выступления г-на Шарафа, Иордания:

“Еврейская проблема прежде всего возникла в Европе... Именно в Европе преследование евреев достигло невиданных размеров и привело к нацистским жестокостям. Положение никогда не было таковым в восточных странах. Сложные чувства западных стран по отношению к евреям можно понять. Они продиктованы сочетанием вины и сострадания и желанием загладить ту ужасную несправедливость, которую западная цивилизация проявила по отношению к евреям. Как же тогда понимать их бесчувственность и их терпимость по отношению к тому, что мирное арабское население Ближнего Востока систематически и в организованном порядке подвергается насилию?”

Из выступления г-на Баруди, Саудовская Аравия:

“Раздел Палестины в 1947 году был навязан миру. Палестинскому населению ничего не оставалось, как искать убежища в соседних странах.

По какому праву Соединённое Королевство могло передать в другие руки страну, которая ему не принадлежала? Европейским евреям не следует насаждать нетерпимость на Ближнем Востоке лишь потому, что они были жертвами нетерпимости со стороны европейцев”.

Из выступления г-на Аллафа, Сирия:

“Евреи претендуют на то, чтобы их считали избранным народом, имеющим право на землю, которая уже заселена. Совсем недавно, то есть в 1948 году, арабы составляли подавляющее большинство жителей Палестины. План разделения 1947 года, в соответствии с которым был создан Израиль, был принят в результате голосования, в котором принимали участие 56 делегаций. Из 33 делегаций, голосовавших за этот план, две были из Африки, одна – из Азии и несколько – из Латинской Америки. Остальные были из Европы и из Северной Америки. Очевидно, что государство Израиль было создано Организацией Объединённых Наций, которая полностью отличалась от Организации Объединённых Наций, существующей в настоящее время, что Генеральная Ассамблея в действительности не представляла воли народов мира. Со времени своего создания менее чем за один год Израиль оккупировал территорию, в три раза превышающую ту, которая была выделена ему по плану раздела”.

Из выступления г-на Захави, Ирак:

“Еврейский философ Мартин Бубер дошёл до того, что приравнял сионизм государства Израиль к священному эгоизму, подобному тому, который проповедовали Гитлер и Муссолини”, а далее представитель Ирака вспомнил Черчилля, “который в 1944 г., сразу же после убийства в Каире лорда Мойна, сказал в палате общин, что, если усилия сионизма будут выражаться в варварских актах гангстеров, достойных того, чтобы их назвали нацистами, то

многие и он сам пересмотрят позицию, занятую по отношению к сионизму много лет назад”.

Уместно вспомнить, за что убили лорда Мойна. Он, занимавший должность статс-секретаря в Египте, заявил 9 июня 1942 года в палате лордов, что европейские евреи не являются потомками древних евреев и потому не могут претендовать на законное владение палестинскими землями. Через два года он был убит в Каире еврейскими террористами, которыми руководил будущий премьер-министр Израиля Ицхак Шамир.

Историк П. Полян в книге “Отрицание отрицания” лукавит, утверждая, что крайне опасна **новая (!) точка зрения** на Холокост антисемита Ахмадинежада, который во всех выступлениях твердит: *“какое право имеют евреи на Палестину, ежели Холокост, даже если он имел место, происходил в Европе?”*

Как мы видим, задолго до Ахмадинежада об этом знали и говорили все политические деятели арабского Востока.

За резолюцию, гласящую, что **“сионизм – это форма расизма”**, в 1975 г. проголосовали 70 стран, против были голоса 29 делегатов и 27 воздержались.

Помнится мне, что многие западные СМИ в последующие 15 лет считали такой результат сговором арабского лобби или закулисными интригами советского блока. Но это не так. Против резолюции, то есть в пользу Израиля, проголосовала “грешная” Европа, участвовавшая в Холокосте и потому пытавшаяся за чужой счёт, но всё-таки хоть как-то искупить вину перед евреями: ФРГ, Финляндия, Франция, Италия, Голландия, Норвегия, Австрия, Бельгия, Швеция...

За резолюцию, кроме арабских стран и стран Советского блока, проголосовали Индия, Китай, Иран, Португалия, Турция, Бразилия... Нынешний премьер-министр Израиля Беньямин Нетаньяху вопреки всем аргументам и фактам в своей книге “Место под солнцем” в отчаянье от поражения сионистов сокрушался: *“Ничего подобного не смогли достичь даже такие виртуозы антисемитской пропаганды, как Торквемада и Йозеф Геббельс. То, что не удалось совершить в самые тёмные времена Инквизиции и Катастрофы, свершилось теперь на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Никогда прежде антисемитизм не получал столь широкого международного признания и одобрения. Организация, призванная представлять добрую волю всего человечества, согласилась стать рупором примитивной юдофобской пропаганды”* (“Основы научного антисемитизма”, стр. 367).

Это было сокрушительное поражение сионистов. Но через 17 лет – в 1991 году, сразу же после разрушения Советского Союза и Варшавского пакта, объединявшего страны Восточной Европы, западные “эвианские” делегации на очередной сессии ООН дезавуировали резолюцию 1975 года о сионизме как форме расизма, что было совершенно естественным и неизбежным событием. Роже Гароди так отозвался об этом сионистском реванше:

“После распада СССР США произвели нажим на ООН и добились 16 декабря 1991 года отмены справедливой резолюции 1975 года, смыв таким образом ещё раз кровь, которой с ног до головы покрыты Израиль и его руководство. Но в действительности с 1975 года ничего не изменилось, более того, репрессии, медленный геноцид палестинского народа, колонизация достигли беспрецедентного размаха”.

Однако никакое ООНовское мошенничество, осуществлённое в исторической суматохе 1991 года, не могло надолго замаскировать расистскую сущность Израиля. У человечества ещё хватает ума и совести, чтобы понимать, кто прав и кто виноват в палестино-израильской распре.

Ровно через 10 лет после сионистского реванша 1991 года борьба за историческую справедливость вспыхнула с новой силой: мировое сообщество, собравшееся в 2001 году в Дурбане, чтобы осудить расизм, расовую дискриминацию и ксенофобию, утвердило такую резолюцию:

“Всемирная конференция с глубокой озабоченностью признаёт расширение масштабов расистской практики сионизма и антисемитизма в различных частях мира, а также зарождение расистских и проповедующих насилие движений, руководствующихся идеями расизма и дискриминации, в частности, сионистского движения, основанного на принципе расового превосходства”...

Несмотря на вереранс конференции, осудившей и антисемитизм, еврейская делегация хлопнула дверью и покинула конференцию.

Но вспышки антисиионистского пламени, несмотря на все попытки подавить их культом Холокоста, то и дело пробиваются на поверхность земной истории.

То папа Римский возжелает вернуть в лоно Ватикана епископов, отлучённых в своё время от церкви за сомнения в масштабах Холокоста, то на апрельской конференции по расизму швейцарцы пригласят в Женеву Ахмадинежада, да ещё их президент его примет... Как такое стерпеть? Восемь демократических стран во главе с Израилем объявляют бойкот конференции, ещё сорок после слов Ахмадинежада о том, что **“израильских преступников нужно предать суду за геноцид в Газе”**, покинули зал заседаний, но сто сорок пять делегаций всё-таки остались. А министр иностранных дел Франции Бернар Кушнир с ироническим удивлением заметил: *“Это парадоксально, они не хотят слушать Иран в Женеве, но при этом намерены вести с ним переговоры”*.

Некто из еврейской делегации выкрикнул из зала: “Расист! Расист!” и бросил в иранского президента красный клоунский нос, однако даже в самой Америке демократка Барбара Ли, возглавляющая объединение чернокожих членов конгресса, заявила, что члены этой группы “глубоко поражены” решением американской делегации бойкотировать конференцию, так что семена знаменитой 30-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, осудившей сионизм как форму расизма, не высохли, не вымерзли, не потеряли своей всхожести. **“Даже Боги, – как говаривал один из главных создателей государства Израиль Иосиф Сталин, – не могут бывшее сделать не бывшим”**.

Что было – то осталось в истории. Этого уже не стереть из памяти никакими политическими технологиями, никакими подтасовками демиургов нового мирового порядка, рухнувшего у нас на глазах. Ну отменили в 1991 году антиизраильскую резолюцию, и всё равно сегодняшнее разрушение Газы все честные мировые политики уже сравнивают с штурмом нацистами Варшавского гетто, где израильские командос выступают в роли фашистских карателей, а палестинцы с их партизанским упорством в роли героически погибающих в центре Варшавы евреев.

XIV. Борис Ельцин с маленькой буквы

Им нужно, чтобы мы сдохли, исчезли с этой земли.

Слова безымянного палестинца

А теперь несколько слов о книге “Отрицание отрицания, или Битва при Аушвице” и о её создателях.

В пресс-релизе, вручённом участникам пресс-конференции, созванной в честь выхода книги, перечислены все их научные заслуги. Альфред Кох – “писатель”, “математик”, “экономист”, “бизнесмен”, бывший “глава Госкомимущества РФ”, “в администрации бориса ельцина занимал пост вице-премьера”.

Павел Полян – “социальный географ и историк”, “окончил в 1969 г. с серебряной медалью московскую школу”, “высшее образование, МГУ”, “окончил аспирантуру”, “защитил докторскую диссертацию”, “ведущий научный сотрудник”, “координатор кабинета мандельштамоведения в научной библиотеке РГГУ”, “член библиотечного совета РГГУ”, “является председателем Мандельштамовского общества”...

Исторические познания этих обременённых дипломами, степенями, званиями и должностями соавторов действительно впечатляют. Но вот что они пишут и под чем подписываются в этой удивительной книге:

“Израиль после войны не настаивал на том, чтобы Германия выделяла ему какие-либо финансовые средства. На этом настаивала сама ФРГ. Как только у неё появилась такая возможность, то есть с начала 50-х годов, Аденауэр упорно говорил о том, что Германия должна оказывать такую помощь. И только в 1952 году Израиль дал согласие принять эту помощь, причём при голосовании по этому вопросу разгорелась жаркая дискуссия, и решение прошло с мизерным перевесом всего лишь в несколько голосов. Так что инициатива относительно такой помощи исходила отнюдь не от Израиля” (стр. 326).

Какая идиллия! Благородные немцы, обуреваемые чувством неизбывной вины перед евреями, хотят искупить свой грех бескорыстной помощью – хотят облегчить свою совесть, а благородные евреи – отказываются: “нет!, не надо! Вы и так сами разорены, едва сводите концы с концами. Спасибо, до-

рогие друзья арийцы! Давайте жить безо всяких компенсаций и контрибуций! Мы же два избранных народа, товарищи по общему несчастью!" Если бы всё было так, я бы поверил, что Полян и Кох настоящие, честные историки. Но на самом деле история с германскими деньгами выглядела иначе. Цитирую отрывок из книги "Автобиография", написанной президентом Еврейского палестинского агентства Наумом Гольдманом, который был в 1951 году представителем государства Израиль по вопросу о репарациях:

"В начале 1951 года Израиль впервые выступил на мировой арене, направив четырём союзным державам две ноты, в которых указывалось, что еврейские требования, касающиеся возмещения ущерба новой Германией, определены суммой полтора миллиарда долларов, из которых половину должна выплатить Западная Германия и половину – Восточная. Эта сумма основывалась на следующих расчётах: Израиль принял около 500 000 евреев, и экономическая реинтеграция одного беженца стоила примерно 3 000 долларов. Спасая эти жертвы нацизма и приняв на себя огромные финансовые расходы, Израиль считает себя вправе предъявить эти требования от имени еврейского народа, хотя и без законной основы, так как еврейское государство не существовало во времена нацистского режима" (с. 262).

"В этих обстоятельствах израильский министр иностранных дел летом 1951 года обратился ко мне как к президенту Еврейского Палестинского агентства и попросил меня созвать конференцию крупных еврейских организаций США, стран Британского содружества и Франции для оказания поддержки израильским требованиям и изыскания средств, способных заставить их выполнить" (с. 263).

"Переговоры, которые мы намеревались провести, были весьма щекотливыми. Они не имели никакой юридической основы" (с. 268).

"С большой смелостью и великодушием федеральный канцлер принял за основу для дискуссии сумму миллиард долларов, но я знал, что партия, враждебная столь гигантским уступкам, уже сформировалась внутри правительства, среди вождей политических партий, среди банкиров и промышленников. Мне повторяли с самых разных сторон, что бесполезно рассчитывать даже на приблизительную сумму".

"На первом этапе переговоров между немцами и делегацией Конференции по притязаниям было достигнуто общее соглашение о возмещении ущерба и о его законодательной регламентации. На следующем этапе встал вопрос об общей сумме притязаний, достигавшей 500 миллионов..."

"Мне пришлось снова поехать в Бонн 3 июля, и я сделал следующую уступку: 10% от 500 миллионов будут предназначаться нееврейским жертвам нацизма и распределяться самим германским правительством" (с. 282).

"Соглашения были подписаны 10 сентября 1952 года в Люксембурге. Германию представлял канцлер, Израиль – министр иностранных дел Моше Шаррет, а я – Конференцию по притязаниям" (с. 283).

"Германские поставки были решающим фактором экономического подъёма Израйля на протяжении последних лет. Я не знаю, какова была бы судьба Израйля в некоторые критические для его экономики моменты, если бы Германия не сдержала своих обязательств. Железные дороги, телефонные линии, портовые сооружения, системы орошения; целые отрасли промышленности и сельского хозяйства не были бы в их нынешнем состоянии без немецких репараций. Наконец, сотни тысяч еврейских жертв нацизма получили за последние годы значительные суммы по закону о возмещении ущерба" (с. 286).

"Когда утром в день моего пребывания я нанёс визит премьер-министру Израйля Давиду Бен-Гуриону, он подошёл ко мне с торжественным видом: "Мы с тобой имели счастье увидеть два чуда: создание государства Израиль и подписание соглашения с Германией. Первое сотворил я, второе ты" (с. 284).

В другой своей книге "Еврейский парадокс" Н. Гольдман рассказывает не только о своих переговорах с Германией, но и способе, каким он выбивал репарации из Австрии. Он сказал канцлеру Раабу: "Вы должны платить репарации евреям".

– Но мы сами были жертвами Германии, – возразил Рааб.

Гольдман заявил: "В таком случае я сниму самый большой кинотеатр в Вене и каждый день буду показывать фильм о вступлении немецких войск и приезде Гитлера в Вену в марте 1938 года". (Хорошо бы поставить фильм о нашем вступлении в Ригу в 1940 г. – **Ст. К.**)

Тогда Рааб сказал: “Хорошо, вы получите ваши деньги”. Речь шла о сумме порядка 30 миллионов долларов. Через некоторое время Гольдман пришёл снова: нужно ещё 30 миллионов.

— Но, — сказал Рааб, — мы дали согласие только на 30 миллионов.

— Теперь вы должны дать больше! — сказал Гольдман и получил что требовал. Он пришёл и в третий раз и получил такую же сумму.

Итак, переговоры шли очень тяжело, почти два года. Но в конце концов евреи принудили немцев заплатить всё, что положено. Это к тому, как совершились “два чуда”: построилось государство на чужой земле и на чужие деньги. А третье чудо заключается в том, что у нас выросла новая школа историков в лице Альфреда Коха и Павла Поляна. На фоне этого исторического конфуза комплимент Поляна в адрес своего соавтора: “Альфред Кох интересуется цифрами, особенно точными”, звучит по меньшей мере издевательски.

Как же так, опытный жрец Холокоста Полян недосмотрел за своим соавтором-арийцем и позволил ему так подставить своё имя, подорвать авторитет профессионалов по Холокосту, скомпрометировать столь ценное издание? Приходится после этого думать, что Полян не знает скрижалей, которые пишут верховные жрецы и основатели государства Израиль. Но если бы только одна такая позорная ошибка! В предисловии к книге, написанном Кохом, есть главная мысль о том, что владеть Палестиной должны евреи, не только потому, что они “народ Библии”, но главным образом потому, что они умеют хозяйствовать на этой земле, обустраивать и облагораживать её, в отличие от диких, нецивилизованных, не умеющих создать ничего путного арабов.

“Когда сегодня едешь по Израилю, то не устаёшь удивляться, сколько человеческой энергии потрачено на обустройство этой страны. Склоны всех гор по пути от Тель-Авива до Иерусалима засажены вручную кедрами и кипарисами. Апельсиновые и мандариновые сады по пути от Иерусалима на юг. Вся Гимлея — сплошь оливы и пшеничные поля <...> этого ничего не было. <...> Сейчас, когда вновь обострилась дискуссия о праве евреев на землю Израиля, слышатся разные аргументы со всех сторон. <...> Но самого главного аргумента никто не приводит. А аргумент этот прост и ясен. Разве не принадлежит земля тому, кто сделал её лучше, чище, кто вернул ей былую красоту, кто заменил топор дровосека лейкой садовода? Кто в безжизненную пустыню провёл воду, кто оросил поля, не знавшие плуга сотни лет, кто построил прекрасные белые города на месте жалких глинобитных лачуг, кто проложил дороги вместо верблюжьих троп, возвёл больницы, уничтожил эпидемии, ликвидировал голод?”

Какая вдохновенная тирада не просто колонизатора, но идеолога колонизации, её красноречивого апостола, её самозабвенного философа и поэта!

Точно так же рассуждали конкистадоры-испанцы в XVI веке, дав себе безграничное право от имени европейской христианской инквизиторской цивилизации разрушать жизнь Центральной Америки и сводить с лица планеты языческие народы майя и ацтеков. Точно так же обращались с племенами “дикого Запада” англо-саксонские протестанты... Точно так же огнём и мечом англичане навязывали свою хищную волю Индии, Китаю, Африканскому континенту. Французы не отставали от них, протянув длани от Алжира до Индокитая. Да и немцы, с вожделием глядя на восток, пытались навязать “Russischen Schweinen” свою европейско-арийскую цивилизацию... Я уж не говорю о голландцах, португальцах, итальянцах, бельгийцах и “разных прочих шведах”, у которых тоже крыша поехала от алчности и которые тоже успели схарчить всё, что падало со стола более крупных хищников.

Казалось бы, что после Второй мировой войны, когда обрушилась, словно во время землетрясения, вся колониальная архитектура, создать ещё раз нечто подобное уже невозможно. Но не тут-то было. Жрецы Холокоста нашли слабое место на карте человечества и сумели обратить вспять ход мировой истории...

Но до сих пор тревога не покидает их: а вдруг их детище — государство, возведенное при помощи великих мифов, великого террора, великих денег и великой пропаганды, рухнет, что случится тогда? Альфред Кох пугает человечество:

“А случится вот что: через какое-то время засохнут сады Израиля и на месте цветущих рощ опять появятся пыльные пустыни. Грязные лохматые собаки вместе с чумазыми арапчатами будут побираться вдоль грязных обочин, выпрашивая кто кость, а кто денег у проезжающего туриста.

Нищие бедуины, как и тысячу лет назад, будут варить кофе в своих шатрах. Часть евреев убьют, а часть уедет в Европу и Америку. И опять на многие сотни лет заглохнет Палестина. И только крик муэдзина над Иерусалимом будет будить правоверных мусульман на утреннюю молитву. Палестина превратится в плохое издание Египта, Сирии и Иордании. С их грязью, мелочной торговлей и полным отсутствием прогресса”.

Я не буду объяснять Коху, что полное “присутствие прогресса” за последние 80 лет дважды сокрушает и уничтожает образ жизни, столь милый его сердцу – имею в виду Великую депрессию 30-х годов и нынешнюю, более страшную и более Великую.

Общество потребления, картины которого наш “экономист” рисует с такой любовью, с таким вдохновением, обнажило свою генетическую обречённость. Если даже и согласиться со взглядами Коха на развитие Палестины, то надо его спросить, а куда он денет “нищих бедуинов” и “чумазных арапчат”, чтобы они не портили картины процветания израильского рая? А что он будет делать с окружающим миром “грязи”, “мелочной торговли”, “пыльных пустырей”, “грязных лохматых собак”, который, как громадный океан, плещется у бортов комфортабельной белоснежной яхты с именем “Израиль”? Что он предлагает сделать с Египтом, Сирией, Иорданией? Но и не в этом дело, а в том, что Альфред Кох или не знает доизраильской истории Палестины, или сознательно наводит тень на плетень, повторяя миф о том, что Палестина была землёй без народа, а евреи – народом без земли...

Эта точка зрения, к сожалению, сейчас вбивается в головы всех обывателей, которые как туристы приезжают в Израиль. Недавно там побывала группа хорошо знакомых мне женщин, православных христианок, мечтавших всю жизнь повидать Святую землю. Вернувшись, они с восторгом рассказывали о цветущем Израиле, о пшеничных полях, об апельсиновых садах, образцовых израильских кибуцах, белоснежных посёлках, о вежливых и радушных еврейских экскурсоводах и с неприязнью вспоминали о рваных и грязных палестинских шатрах на обочинах идеальных шоссеиных дорог, о беспризорной оборванной палестинской ребятне, о палестинских экскурсоводах, угрюмых, неуслужливых, неделекатных... А я от них только и слышал:

“Арабы? – Это же средневековая жизнь, они никогда ничего не строили и ничего не выращивали, они некультурные, они невежливые, они – кочевники, они нищие, потому что не хотят ничего делать. Почему они обстреливают Израиль своими ракетами-касымами?”

Впечатление было такое, как будто эти женщины прослушали курс лекций у Альфреда Коха. Зря совершили паломничество на Святую землю. Если бы они, эти наши добрые русские христианки, знали, что пережили два поколения палестинцев и что их сделало такими замкнутыми и нерадушными!

Вот несколько отрывков из книги Исраэля Шамира, который, в отличие от Коха, и пешком, и путешествуя на ослице Линде, исходил всю арабскую Палестину.

“Окрестности Иерусалима – одно из самых красивых мест во всём Нагорье, и вади, в котором мы оказались, подтверждает это мнение. Слева от спуска – просторная пещера, где добывали камень, у входа в неё растёт тенистое дерево. Сядем под деревом и глянем вниз. Мы увидим очаровательную деревушку Лифта. Её дома гнездятся на крутом склоне вади. В складке горы бьёт полноводный источник, называющийся в библейские времена Мей Нефтоах; вода его, выходя из красивого сабила, падает в просторный водоём. Внизу за водоёмом начинаются поля и сады Лифты. Здесь растут огромные смоковницы, оливы, яблони. Узкие тропинки ведут от дома к дому. Дома Лифты – не роскошные, но просторные, вместительные, сложенные из крепкого иерусалимского камня, некоторые – с балконами, с которых открывается прекрасный вид на долину, где меж кустарников бьют родники и растут гранаты.

Теперь подойдём поближе и увидим, что деревня пуста. Крыши домов проломлены, двери заколочены и схвачены пудовыми замками. Бассейн у источника разрушен и захламлён, и чистой живой воды гор исчезает в земле. Смоковницы не обобраны, оливы не обиты и не окопаны.

Перед нами – одна из деревень, обезлюдивших в 1948 году.

На полях Лифты мелькают белые платы палестинцев, убирающих помидоры, но они убирают не свои помидоры. Это наёмные рабочие. Земли Лифты были переданы еврейским посёлкам Кесалан, Гиват, Яарим, те наняли беззе-

мельных палестинцев работать на земле, которая ещё недавно кормила их”.

“В апреле 1948 года еврейские армии прорубили в Западном Нагорье ши-рокий Иерусалимский коридор. В нём были ликвидированы все арабские сё-ла, кроме чудом сохранившегося Абу Гоша. Евреи боролись за контроль над Иерусалимом, но для жителей Западного Нагорья речь шла о своих домах и полях – и их они потеряли.

У начала тропинки стоят железные щиты с пояснительными надписями: “Здесь наши доблестные силы сражались с арабскими бандами и выкурили их из ихнего бандитского гнезда”. Здесь они жили, арабские бандиты, и жёны их бандитки, и дети бандитята, и бандитские ослы, и бандитские овцы в бандит-ских хлевах, и бандитские оливы, и бандитские кактусы, и всё это существова-ло тысячи лет, чтобы только мешать движению еврейских конвоев на шоссе”.

“На краю Вифлеема, вдоль Хевронской дороги, к югу от города, высится красивый холм, на вершине – роцца. Это Эр-Рас, место малой святыни. На вершине дует ветер, стоят остатки водосборника. Сюда приходят играть дети из лагеря беженцев Дахейше, который находится к югу от холма, на рав-нине. Я спросил их, откуда они родом. Они назвали деревни, руины которых я посещал: Лифта, Дир эш-Шейх, Бет Итаб. Они помнят, они иногда ездят ту-да с родителями, посмотреть на разваливающиеся дома и на неокопанные оливковые деревья”.

* * *

“Представьте себе, что это в а с вышвырнули из дома у источника Лифты и Сатафа, что в а м пришлось жить в мазанке, делить одну комнату с десятью братьями, что вы можете увидеть в бинокль проломленные крыши своего до-ма – и вы поймёте, откуда взялось палестинское сопротивление, палестинский терроризм”.

* * *

“Жители села Эн Ход бежали в поля. Они по сей день живут в лачугах на краю своих полей. Их земли были конфискованы и переданы Нир Эциону, а их дома стали “живописным посёлком художников” Эн Ход, где живут, несо-мненно, либеральные израильяне, социалисты и борцы за права человека”.

* * *

“Дома Сатафа полуразрушены, только несколько из них остались в отно-сительной целости. Дома были разрушены в ходе военных учений – здесь в начале пятидесятих годов тренировались в своей смертоносной науке солда-ты “отряда 101”, спецотряда коммандосов, занимавшихся карательными ак-циями в тылу врага, налётами и убийствами на тогда не оккупированном За-падном берегу”.

* * *

“Сладчайший источник Эн Таннур растекается ручьём по неширокой до-лине, мимо руин села Алар. Вот здесь, у этого ручейка, где растёт огромная смоковница, роняющая зрелые смоквы в его воду, я хотел бы родиться – но тогда я оказался бы в лагере беженцев Дахейше и смог бы только поглядыв-ать на руины родного дома, так плавно переходящие в византийские руины. Земли этой маленькой долины, где жило и кормилось несколько сот фелла-хов, получил соседний мошав, где живёт шестьдесят марокканских семей. Они даже не обрабатывают их – только маленькая часть занята посадками фруктовых деревьев. Плоды убирают беженцы из Дахейше. Пастухи Хеврон-ских гор пасут стада поселенцев”.

* * *

“Другой центр беженцев – Газа, куда были согнаны, как в резервацию, сотни тысяч крестьян из сотен деревень, ставших потом стройплощадками для кибуцов и мошавов с их самодовольными сторонниками мира за чужой

счёт. Проезжая мимо пустоши с колючками кактуса “сабра”, путник иногда задумывается – как много свободного, пустого места в Святой земле. Газа – это обратная сторона медали. Там находятся бывшие обитатели пустошей с колючками. Газа – израильский Гулаг”.

* * *

“Даже самые произраильские наблюдатели ООН после короткого пребывания в Святой земле становятся сторонниками палестинцев. Дело в том, что израильский миф – миф “Экзодуса”, жестоких и ленивых арабов, трудолюбивых израильтян, превращающих пустыню в сад, – не выдерживает рассмотрения с близкого расстояния. На него нужно смотреть издали, из Нью-Йорка, из Милуоки, на худой конец – из бастионов еврейских поселений. С человеком, выбирающимся из кольца осады и идущим по земле, происходит то, что произошло с графом Бернадоттом – он начинает видеть реальность¹. Всего с 1947 года по наши дни процент земель, принадлежавших палестинцам, упал с 90% до 15%”.

* * *

А вот выдержки из книги “Момент молчания” другого еврейского автора, Симона Ловиша, который вместе с родителями-сионистами приехал в 1972 году из Франции в Израиль, где был призван в армию и не раз по службе бывал в лагерях палестинских беженцев.

“– Нами всегда управляли иноземцы, – сказал мне один из феллахов. – Но всё, что было раньше, и сравнить нельзя с тем, что происходит сейчас. Тогда было угнетение, империализм... Сейчас – оккупация. Тогда мы не были нищими. Нас всё же кормила наша земля. А теперь нам не на что жить. Я нищий, все мы нищие. Там, где мы сейчас ютимся, нет деревьев, нет воды. Земля здесь суха, как кость. И животные наши не находят еды и гибнут...”

Феллах докурил сигарету, помолчал, потом продолжил:

– Вместе с землёй оккупанты отняли у нас и право на жизнь. Здесь, где нам позволили поселиться временно, без всяких прав, мы ковыряем клочки твёрдой, как камень, земли. Сажаем хлеб, кукурузу, кое-какие овощи. Но, когда урожай созревает, оккупанты приходят и сжигают его. Как же, спрашивается, нам кормить детей? Оккупантам плевать на это. Им нужно, чтобы мы сдохли, исчезли с этой земли. Мы жили под турками, под британским мандатом... трудно жили, но жили. Но оккупанты нам не дают жить...”

* * *

“С годами, по мере старения первопоселенцев, отнявших у арабов их землю, “еврейский труд” на ней постепенно перестал применяться. На востоке и западе, на севере и на юге, на полях и в огородах сажали, пололи, собирали и молотили арабы. Целые семьи – мужчины, женщины, молодёжь, малые дети. Они работали на тех, кто ехал сюда с сионистскими песнями, в которых были такие слова: “Мы пришли на эту землю, чтобы переделать её и чтобы она переделала нас”; или: “Труд – наша жизнь, наше спасение от всех болезней”.

* * *

“Я проехался по этим местам с кинокамерой, снимал на плёнку поля евреев-землевладельцев, где за кусок хлеба гнут спину арабы, в том числе малые дети. Снимал и добротные дома еврейских колонистов, их сытые, довольные лица. Все они твердили в один голос: их право на эти земли никто не смеет оспаривать.

– Они выгнали нас силой, – сказал этот феллах. – Мы потеряли своих верблюдов, наши сады проутюжены бульдозерами, а бахчи и посевы конфискованы. Нас лишили человеческой жизни. Нам выдают только 8 килограммов хлеба в месяц. У нас просто нет сил сопротивляться, мы погибаем”.

¹ А когда граф Бернадотт прозрел и всё понял, его убили люди Менахема Бегина.

* * *

“Начали операцию танки, окружившие холм, на котором лежала деревня. За танками двигалась бригада парашютистов. Десантники блокировали дома. Несколько человек с автоматами наизготовку оставались у дверей и окон, а один врвался внутрь и выгонял обитателей. Потом под дом подкладывали взрывчатку и взрывали его. Так уничтожили сорок домов”.

* * *

“Однажды мы ехали на патрульном джипе пограничной охраны. Начальником патруля был спесивый капитан с короткими жёсткими усами. Кое-где дорога, петляющая среди холмов и высот Хеброна, была заминирована. За день до этого здесь подорвался израильский бронетранспортёр. Мы часто останавливались и допрашивали встречавшихся феллахов и пастухов (разумеется, никто из них ничего не видел!). Вдруг капитан приказал остановиться: на камне у обочины сидел мальчик лет двенадцати. Его лицо было настолько изуродовано шрамами и рубцами, что он не мог даже как следует раскрыть рот, чтобы назвать своё имя.

– Сейчас мы проверим, есть ли здесь мины, – сказал мне капитан на иврите.

А потом, уже по-арабски, приказал мальчику идти к вершине холма. Мы оцепенели. Мальчик прошёл около 15 метров, и тут капитан позвал его назад:

– Всё ясно. Йалла, имши мин хун*, – и отпустил мальчика”.

Гитлеровцы во время войны с нами тоже проверяли подобным образом наличие мин на полях и дорогах, по которым они собирались двигаться.

“Ненависть к израильским оккупантам была особенно горяча в секторе Газа, население которой в основном состояло из беженцев. Они видели через границу, как израильские тракторы перепахивают их бывшие поля и сады. <...> Мы ездили по дорогам Газы с задранными люками, несмотря на удушающую жару. Даже десятилетний ребёнок мог швырнуть гранату в проходящую израильскую машину”.

Ну как, мои дорогие православные христианки, теперь вы понимаете, почему палестинцы из сектора Газа обстреливают свои бывшие земли?

* * *

У еврейского государства в нашей стране было много апологетов и защитников. Одним из самых авторитетных и знаменитых был, конечно, академик Сахаров. Видя, как евреи изгоняют палестинских арабов с родных земель, он тем не менее так же, как колонизатор Кох, считал, что при помощи денег и политических махинаций можно лишит целый народ родины, что всё можно уладить за чужой счёт ради благополучия и процветания Израиля.

“Давно можно было бы расселить беженцев по богатейшим арабским странам, – самонадеянно и цинично размышлял академик, – дать им в руки технику и землю, деньги и образование...” (“Форум”, 14.12.2007 г.)

Русский вроде бы человек (а может, это мысли Елены Боннер, вмонтированные в гениальную голову академика?), а с какой бездушной самонадеянностью рассуждает о судьбах народов! “Переселить”, “дать денег”... Поневоле вспоминается, как Гитлер награждал чужими землями своих союзников по рейху: подарил фашистской Болгарии Македонию и часть Греции, а фашистской Венгрии отдал то ли Трансильванию, то ли кусок Словакии...

Но в таком случае куда как естественнее и разумнее и евреям можно было бы выделить за счёт государств, принимавших участие в Холокосте, пространство в центре Европы и назвать его “государство Израиль”. А может быть, сейчас, пока не поздно, “переселить” куда-нибудь евреев-израильтян и “дать им денег”?

* Убирайся отсюда (араб.).

Разглагольствовать о том, что арабы не обрабатывают землю, не выращивают апельсиновые рощи, живут в грязных палатках, может только человек, лишённый совести, в упор не желающий видеть, что они изгнанники, что их деревни обезлюдены, взорваны, земли конфискованы. Как гласит поговорка – в доме повешенного не говорят о верёвке, но Альфред Кох делает это с вдохновением.

Вот объективные свидетельства того, что арабская Палестина до образования государства Израиль была не бедуинской пустыней, а процветающей землёй. Все факты взяты из книги Роже Гароди “Основополагающие мифы израильской политики”.

Знаменитый сионист конца XIX века Ахад Гаам, побывавший в Палестине в 1891 году, писал в своих очерках:

“Находясь вдалеке, мы привыкли верить, что Эрец – Израиль сегодня полупустыня, необрабатываемая страна и каждый, кто захочет приобрести землю, может приехать сюда и взять сколько душе угодно. В действительности ничего подобного. На всём протяжении страны трудно найти необрабатываемые участки, за исключением покрытых песком и горных, где могут расти только фруктовые деревья, да и то в результате тяжёлого труда и рекультивации местности”. И это были времена, когда в Палестине жило 600 тысяч арабов и всего лишь 30 тысяч евреев.

“Профессор Израиль Шахак дал в 1975 году список по округам 385 арабских деревень, стёртых с лица земли бульдозерами, из 475 существовавших в 1948 году. <...> Чтобы создать вид, будто в Палестине до Израиля была “пустыня”, сотни деревень были стёрты с лица земли бульдозерами вместе с домами, заборами и кладбищами” (И. Шахак. “Расизм государства Израиль”, стр. 152). “С 11 июня 1967 г. по 15 ноября 1969 г. в Израиле и Цизииордании было взорвано более 20 тысяч арабских домов”.

“Так называемая “пустыня” была экспортёром зерна и цитрусовых <...> до прихода сионистов. “Бедуины” (на самом деле землевладельцы) экспортировали 30 000 тонн зерна в год. <...> Производство цитрусовых с 1922 по 1938 г. увеличилось в 10 раз”, а английский статс-секретарь по делам колоний Пил в июле 1937 года докладывал парламенту, что в ближайшие годы Палестина будет производить 50% всех апельсинов зимних сортов, потребляемых в мире.

Так что палестинцы до своего Холокоста были трудолюбивыми и успешными хозяевами своей земли, чего не хотел знать Андрей Сахаров и не хочет знать Альфред Кох.

* * *

Оба соавтора и составителя книги “Отрицание отрицания” историю Холокоста, надо отдать им должное, знают основательно. Работы европейских и американских авторов, как апологетов Холокоста, так и “антихолокостников”, изучены ими, особенно П. Поляном, добросовестно и подробно. С арифметикой у них тоже всё в порядке. Согласившись с тем, что в Освенциме было уничтожено не 4 млн евреев, а около полутора, и с тем, что восточноевропейские жертвы Холокоста были посчитаны дважды, они тем не менее, опубликовав массу таблиц еврейских потерь по отдельным странам и лагерям, заново более тщательно исследовав демографические графики и эмигрантские потоки 30-х годов, вполне обоснованно (особенно П. Полян) приходят к выводу, что всё равно евреев в Катастрофе погибло или 6 млн, или около того. Так что на этом поле с ними спорить и воевать бесполезно. Да я и не собираюсь. Другое дело идеология истории и конкретные оценки тех или иных исторических событий. Но и тут авторы выказывают незаурядную ловкость. Вот, к примеру, пишет Полян, что ревизионист Рудольф Гермар “не брезгает даже штампами российских антисемитов о доле евреев в НКВД и об их роли в советских репрессиях”, но не говорит прямо – правда или неправда в этих штампах. Если это правда, что ГУЛАГом в 30-е годы руководил квартет в составе Бермана (начальника управления) и трёх его заместителей – Раппопорта, Плиннера и Кацнельсона, если это правда, что из сорока комиссаров госбезопасности I, II и III степени, награждённых в 1935 г. орденами, более половины было евреев – то почему историку не воспользоваться этими “штампами”, отражающими реальность? Таблица умножения – это тоже

“штампы”. Зачем же “брезговать” убедительными и объективными фактами, подтверждёнными документально? Это – не штампы. Это – статистика...

“Сталин провёл большое количество этнических чисток. От эстонцев до корейцев”. Какое невежество для историка! Этнические чистки – это уничтожение людей одной национальности для того, чтобы люди другой национальности получили всяческие преимущества для жизни и развития. Сталин высылал перед войной корейцев подальше от дальневосточной государственной границы, поскольку в опасной близости от неё были сосредоточены японские войска, и война с Японией была вполне возможна. Прочитайте об этом популярную в 30-е годы повесть Рувима Фраермана “Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви”.

А эстонцы ссылались после войны в Сибирь не потому, что они эстонцы, а потому что сотрудничали с немецкими оккупантами как коллаборационисты. Их было сослано 28 тысяч из полутора миллионов. А то ведь, читая Коха, можно подумать, что все эстонцы высылались из Эстонии, которая освободилась от коренного населения для русских. Причём, конечно, многих эстонцев ссылали за участие в Холокосте, за убийства евреев в концлагерях и на оккупированных территориях России и Белоруссии, и эти антифашистские “чистки” Коху и особенно Поляну надо бы одобрять и приветствовать.

В общем, такого рода “блех”, недопустимых для уважающих себя историков, в книге уйма. Полян, иронизируя над ревизионистами, пишет: “из антисемитизма выплывает, клубясь, и все остальное, включая низкий исторический профессионализм или склонность к патетической графомании”. Может, он в чём-то и прав, но я не откажу себе в удовольствии возвратить ему этот упрёк. Их общая книга с Кохом того достойна.

* * *

И последнее. Кроме того, что сочинения Коха и Поляна отмечены историческим невежеством, у них и с грамотностью плохо. Может быть, кто-то из читателей уже обратил внимание, что, перечисляя должности, занимаемые в недавнем прошлом Альфредом Кохом, я написал: “в администрации бориса ельцина занимал пост вице-преьера”. Имя и фамилия первого президента РФ у меня написаны со “строчной”, то есть с маленькой буквы. Но это не моя ошибка и не моя прихоть, вся эта фраза, взятая в кавычки, является абсолютно точной до буквы цитатой из пресс-релиза, приложенного к книге.

Между тем в том же пресс-релизе имя и фамилия А. Коха начинаются с прописных, то есть заглавных букв, той же чести удостоены имя и фамилия его соавтора, и даже его псевдоним “Нерлер” тоже демонстративно и грамотно выписан с большой буквы. Думаю, что оба грамотея-историка придают этим вроде бы пустякам особое значение. Они в состоянии отличить маленькую строчную букву от большой заглавной, потому что, осуждая автора работы о Холокосте Юргена Графа, Полян с раздражением пишет: “Автор сознательно употребляет слово “Холокост” с маленькой буквы” (стр. 96). Хорошо, что хоть за это ещё не штрафуют и не судят, что ООН не приняла ещё резолюцию о том, что слово “Холокост” в обязательном порядке и в мировом масштабе изображалось Только с Большой Буквы. Если же оно пишется с маленькой, такая вольность, видимо, для обоих историков является оскорблением священной сути события или “умалением” его. Но почему же тогда они позволили себе написать “борис ельцин”? Ведь всё-таки это недавний шеф и покровитель Коха! Да, видимо, потому, чтобы шабесгои знали: сколько бы они ни прислуживали евреям, как бы ни возносили их к подножию своего трона, всё равно те своих бывших хозяев после их смерти полноценными людьми считать не будут. Ведь имя и фамилия каждого человека, как образа Божьего, носит священный характер... Но ты – не принадлежишь к “избранному народу”, ты всего лишь шабесгой и потому недостойн заглавной буквы.

Конечно, соавторы будут оправдываться, что, мол, корректоры недоглядели, я же склоняюсь к версии об их “нарочитой безграмотности”.

Но возникает вопрос: если в этой “грамматической интриге” участвовал Альфред Кох, зная её суть, тогда, если он полукровка, то какие же у него половинки?

Холокост становится явлением мирового порядка. Это – трагедия, это – фарс, это – бизнес, это – политика, это – гламур, это – перформанс, это – “наше всё”.

Думаю, что скоро и глянцевого журналы, если они выживут в эпоху нашего финансового апокалипсиса, будут для развлечения публики издаваться с сюжетами из этой страшной Мистерии.

Возможно, что возникнет на нашем ТВ какая-нибудь постоянная программа, посвящённая неувядающему Холокосту, или целый канал с логотипом “Холокост”, тем более что “Еврорьюс” подсел на эту иглу и жить без неё уже не может. Можно создать и политическую партию под тем же названием.

А как стремительно входит понятие Холокоста в самые, казалось бы, далёкие от этого явления сферы жизни! Играла недавно наша российская футбольная сборная с командой Израиля. Так что, вы думаете, приволокли наши изобретательные болельщики на стадион в Лужники? Растянули через всю трибуну полотнище со словами: “Счастливого Холокоста!” Впрочем, футбольные фанаты – народ отвязанный. Когда московское “Динамо” приехало в Питер на игру с “Зенитом”, то зенитовские ребята выставили на стадионе портреты Лаврентия Павловича Берии со словами, обращёнными к своим московским коллегам: “Вы от него не отмоетесь”. Ну, наши в долгу не остались, и на московском матче питерские болельщики узрели громадный портрет Ксюши Собчак с ответом: “А вы не отмоетесь от неё”.

Но вернусь к Холокосту. Тема благодатная. Почему бы не выпустить водку под таким же названием? Ведь есть в Польше водка с этикеткой “Жидовская”. Давно пора и Большому театру после “Детей Розенталя” поставить нечто “холокостное”. Жаль, что помер Шнитке. Он бы точно написал музыку на либретто Марка Розовского.

А сколько в нашу безрадостную жизнь внёс Холокост новых ежегодных праздников мирового масштаба! День освобождения Освенцима 27 января, День узников фашистских лагерей 11 апреля, юбилей Нюрнбергских законов, юбилей Ванзейской конференции, посвящённой “окончательному решению вопроса”, апрельское празднование Пурима, юбилей Хрустальной ночи, ежегодное торжество в честь создания государства Израиль, не менее важный праздник – приём Израиля в ООН, красный день календаря – отмена резолюции ООН о сионизме как о форме расизма, ежегодные сентябрьские дни имени Бабьего Яра, также ежегодное торжество в честь восстания в Варшавском гетто, а тут ещё дни Анны Франк, столетие со дня рождения охотника за нацистами Визенталя, на носу юбилей Януша Корчака... А как всенародно отметила Россия и Европа 70-летие незабвенной Хрустальной ночи!

Умные люди понимают, что всё это крайне необходимо для жизни и существования всяческих фондов. Недаром в День освобождения Освенцима президент Европейского и Российского еврейских конгрессов Вячеслав Кантор говорил о сохранении памяти, о том, что череда трагических юбилеев – Бабий Яр, Освенцим, Хрустальная ночь – прежде всего повод для создания толерантного общества, для серьёзного разговора о будущем. Его мысль продолжил в конце вечера Алла Гербер (Бюллетень “Холокост”, № 2, 2008 г.).

Одним словом, Холокост, если вспомнить хемингуэевскую формулу, это праздник, который всегда с тобой.

Вода камень точит, и Холокост всё глубже входит в быт, в подкорку, в массовое сознание нашего российского простонародья. Я сужу об этом уверенно, поскольку был свидетелем одного знакового события. Пришёл однажды в редакцию журнала священник средних лет, постоянный читатель “Нашего современника”. Был какой-то праздник, и наш гость, хотя и в подряснике, но явился в гости к Александру Сегеню не с пустыми руками. Когда собравшиеся наполнили рюмки и вопросительно поглядели на батюшку, он всё понял, поднял стопку и со скорбной торжественностью произнёс: “Первый тост – за Холокост!”

(Продолжение следует)

ГЕННАДИЙ КОСТЫРЧЕНКО

доктор исторических наук

“ЕВРЕЙСКИЙ КРЫМ”: СПЕКУЛЯЦИИ НА МИРАЖЕ

*Бывало, начни о вопросе еврейском,
Тебе собеседник ответит резко...
“Еврей — караты, еврей — валюта...
Любо богаты и жадны люто...
А тут им дают Крым.
А Крым известен: не карта, а козырь:
На лучшем месте — дворы и розы”.*

Так врут рабочим врагов голосá...

В. В. Маяковский (Трибуна.
1930. № 11)

История в жанре триллера

В прошлом советского еврейства именно “крымская история”, пожалуй, больше всего до сих пор будоражит воображение всех конспирологов — от либералов до националистов-“почвенников”. И это неслучайно, ибо в советские годы и послевоенные гонения на евреев и расправа над членами ЕАК прочно связывались в обыденном сознании с предпринятой в 1944 году неудачной попыткой руководителей этой организации создать еврейскую республику в Крыму. Более того, в широко распространённой тогда антисемитской мифологии “дело ЕАК” представлялось не иначе как “крымское”, предпринятое Сталиным, дабы покарать евреев, которые “Крым у России отцать хотели и сделать там новое царство жидовское”¹. Составной (второй) частью этой легенды стало “дело врачей”, преподносимое в том духе, что Сталин, раскрыв заговор еврейских медиков-профессоров, желавших отомстить ему и его ближайшим соратникам за тайное убийство Михоэlsa — несостоявшегося “еврейского царя Крыма”, и устранение других “злоумышлявших” вместе с ним евреев-интеллигентов, направил свой “праведный” гнев против всех еврейских подданных, вознамерившись отправить их на Север. Парадоксально, но тем же самым финалом — планированием депортации — завершалась и другая легенда, которая исходила уже от самих евреев и была распространена в либерально-интеллигентской среде (об этом в следующей статье). Так что неясно: какая из них первична, какая вторична, или они — одномоментны?

Эти апокрифы, будучи порождением официального табуирования темы, отнюдь не сошли на нет, когда с конца 1980-х гг. стали открываться сталинские архивы и, казалось, должна была восторжествовать правда. Напротив,

на волне общественной гиперполитизации они обрели как бы второе дыхание, причём удивительным образом даже в какой-то мере вследствие обнародования документов из этих архивов, точнее, в результате их спекулятивной интерпретации.

И вот «крымская история» из «свидетельства» зловердных козней евреев перелицовывается в нечто идеологически диаметрально противоположное – в провокацию, изначально задуманную Сталиным и осуществлённую МГБ. Даже такой рассудительный и осторожный в оценках Ж. А. Медведев (известный в прошлом диссидент), разбирая перипетии подготовки и направления в феврале 1944 года С. М. Михоэлсом и другими руководителями ЕАК писем И. В. Сталину и В. М. Молотову о создании «Еврейской советской социалистической республики» в Крыму, склонен видеть в этом инспирацию спецслужб, составивших «антиеврейский заговор». Такое суждение, думается, во многом было навеяно изданными в 1990-е гг. книгами П. А. Судоплатова и А. М. Борщаговского². При этом в документальную повесть последнего «Обвиняется кровь» включены целых три взаимоисключающих версии: «Еврейский крымский проект» – это 1) инициатива «выслуживавшихся» перед Сталиным органов госбезопасности; 2) единоличная провокация диктатора, направленная против евреев; 3) спекулятивная (на евреях) интрига Сталина (или Г. М. Маленкова, Л. П. Берии и А. А. Жданова), имевшая целью дискредитацию Молотова³.

И если Борщаговский, выдвигая множество гипотез, вроде бы стремился к поиску истины, чему, впрочем, не способствовала присущая его рассуждениям эмоциональность, то Судоплатов, как представляется, сознательно уклонялся от правды прошлого, рассматривая его в заданном, скорей всего, коммерческим расчётом формате политического детектива*. В результате пером бывшего «супершпиона» был рождён миф о том, что убийство Михоэлса было как бы продолжением «крымской истории», что, кстати, не поддерживается теми же Борщаговским и Медведевым, и тем более «неопочвенником» В. В. Кожинным⁴.

И в самом деле, «крымское письмо» уже потому не могло быть причиной смерти Михоэлса, что, написанное в феврале 1944 г. и тогда же отправленное в архив, оно вновь всплыло на политическую поверхность только 26 марта 1948 г., то есть спустя несколько месяцев после убийства Михоэлса. В датированной этим числом записке, направленной В. С. Абакумовым Сталину, Молотову, Жданову и А. А. Кузнецову, «письмо» впервые заочно инкриминировалось руководителям ЕАК и курировавшему их по линии Совинформбюро С. А. Лозовскому как доказательство националистической и проамериканской

* Вместо того чтобы максимально правдиво реконструировать прошлое, редакторы и издатели мемуаров Судоплатова нацеливались прежде всего на проект, гарантировавший коммерческий успех. Помню, как вскоре после краха СССР у меня, работавшего тогда в бывшем Центральном партийном архиве, состоялась встреча с главным творцом, своего рода продюсером судоплатовского бестселлера Джеролдом Шектером, осуществившим вместе с русской женой звукозапись воспоминаний советского разведчика, их литературную обработку, а потом и публикацию под названием «Special Tasks. Memoirs of an Unwanted Witness – A Soviet Spymaster» («Специальные задания. Воспоминания нежелательного свидетеля – советского шпиона». – N. Y., 1994). Этот весьма импозантный визитёр (в тёмно-синей элегантно «тройке», поперек жилета которой красовалась золотая массивная часовая цепь), представившись, стал через сопровождавшего переводчика (Ф. А. Розенталя) рассказывать о том, как, возглавляя в 1968–1970 гг. московское бюро журналов «Тайм» и «Лайф», организовал вывоз и издание в США рукописи воспоминаний Н. С. Хрущёва, как потом – при президенте Дж. Картере – работал пресс-секретарём Совета национальной безопасности США, и как сейчас заканчивает работу над книгой о шпионском скандале века – пресловутом деле ГРУшника-предателя Олега Пеньковского. Разъясняя основную цель своего визита, Шектер заговорил о новом издательском проекте, затрагивающем в том числе и «еврейскую политику» Сталина. Он сказал, что ведёт сбор соответствующей архивной фактографии и рассчитывает в этом на мою помощь как специалиста. Будучи заинтересованным в широком научно-культурном использовании этих только что рассекреченных тогда сведений и исполняя указание руководства, я подготовил детальный обзор таковых, причём со всеми ссылками на конкретные дела. Узнав потом, что мой обзор понадобился Шектеру для редактирования воспоминаний Судоплатова, я с нетерпением ждал их выхода в свет. Однако когда это произошло, я, вчитавшись в «еврейские сюжеты» бестселлера, с огорчением обнаружил, что моя информация если и была использована, то лишь для придания этим сюжетам (имевшим, как оказалось, мало общего с реальной историей) некоего правдоподобия.

деятельности. Причём самой этой “уликой” на Лубянке тогда, очевидно, не располагали и о содержании “письма” могли пока судить по пересказам секретных агентов и показаниям арестованного З. Г. Гринберга. И только когда в конце 1948 г. ЕАК был распущен и его архив арестован, текст послания оказался в распоряжении МГБ. 4 декабря Абакумов доложил Сталину и другим членам Политбюро: “Обнаружено несколько проектов записок в адрес руководителей правительства... в которых “исторически” обосновывается необходимость создания [еврейской] республики”⁵.

И выходит, что не “крымское письмо” стало причиной смерти Михоэлса и последующих антиеврейских репрессий, а, скорее, наоборот, тайная расправа над последним, запустив механизм политических преследований, превратила его (“письмо”) в руках властей в средство их обоснования и оправдания, а также в один из главных инструментов начавшейся тогда фальсификации “дела ЕАК”.

Интерпретируя “крымскую историю” в духе голливудского шпионского боевика, Судоплатов в главе с интригующим названием “Калифорния в Крыму” пишет, что, отправляясь в США, руководители ЕАК Михоэлс и И. С. Фефер получили на Лубянке секретное задание установить контакты с американскими сионистскими кругами, прозондировав их реакцию на якобы исходящую от советских верхов идею создания еврейской республики на “лакомом” полуострове. Под этот проект Сталин будто бы рассчитывал получить от США ни много ни мало как 10 миллиардов долларов (цифра воистину фантастическая!), то есть почти столько же, сколько американцы выделили СССР за всю войну по ленд-лизу. А дальше – ещё хлеще: утверждается, что руководители ЕАК, обратившись к Сталину по поводу Крыма 15 февраля 1944 г., сделали это буквально на следующий день после получения их “куратором” Берией приказа о депортации крымских татар⁶. Однако реально всё обстояло совершенно по-другому: решение ГКО “о выселении всех татар с территории Крыма” было принято только 11 мая 1944 г., на второй день после освобождения полуострова Красной Армией, а депортация проводится 18–19 мая (у Судоплатова: в марте – апреле?!)⁷.

Правда, объективности ради следует заметить, что после того, как в конце 1943 г. было осуществлено поголовное переселение в восточные районы обвинённых в пособничестве врагу калмыков, руководители ЕАК могли предполагать, что подобное коснётся и крымских татар, тем более, что соответствующее обсуждение в кремлёвских верхах началось, возможно, загодя, и слухи об этом могли так или иначе дойти и до Михоэлса и его единомышленников. Однако даже если всё так и было и руководители ЕАК хотели воспользоваться, так сказать, благоприятным моментом, то это отнюдь не означает, что они повинны в провоцировании депортации коренного населения полуострова. Ибо татары, да и другое неславянское население Крыма, и без того были обречены на выселение. Этническая чистка в Крыму, который всегда рассматривался советским руководством как стратегический участок обороны страны, была по большому политическому счёту предreshена, и Сталин только выжидал удобный момент и искал подходящий повод, чтобы привести в действие, скорее всего, давно задуманный радикальный план укрепления безопасности этого южного “подбрюшья” своей империи. И, разумеется, он – сугубый прагматик, лишённый каких-либо сантиментов – отнюдь не собирался заполнять постдепортационный этнический вакуум за счёт евреев, пусть даже на это надеялись руководители ЕАК, наивно мечтавшие о Крыме как о некоем воздаянии за беспрецедентные страдания соплеменников в годы войны. Новыми жителями полуострова должна была стать стопроцентно благонадёжная этническая масса, к коей евреи уже с конца 1930-х гг. не причислялись. Показательно, что ещё в ноябре 1938 г. один из руководящих работников аппарата ЦК ВКП(б), побывав в Крыму, довёл до начальства следующее соображение: “Переселять же в Крым можно и нужно. ... Помимо экономического значения этого переселения, оно имеет и оборонное значение. Если принять во внимание многонациональность населения Крыма и то, что в некоторых районах есть колхозы исключительно из иностранных подданных (греки), а также учесть, что националистические элементы (татары и др.) раньше очень ориентировались на своих единоверцев – турок (да, вероятно, и теперь не перестают питать некоторые надежды, в особенности же в связи с изменением ориентации Турции), то со всей очевидностью ста-

нет ясным необходимость и полезность срочного переселения в Крым свежеего колхозника из центральных областей СССР”⁸.

Летом 1944 г. именно на славянское население европейской части СССР – переселенцев из Украины, Брянской, Воронежской, Курской и Ростовской областей РСФСР – и была сделана ставка как на новых жителей Крыма, которые в соответствии с постановлениями советского правительства стали прибывать на полуостров взамен вывезенных татар, а также греков, болгар, армян и представителей других нацменьшинств.

Не менее сомнительным представляется и придание Судоплатовым “крымской инициативе” ЕАК статуса некоего крупного международного проекта, отмеченного участием самых влиятельных политических сил послевоенного мира и якобы ставшего чуть ли не ключевым в послевоенных советско-американских политических отношениях. Не утруждаясь приведением документальных доказательств, этот автор утверждал, что перспектива заселения Крыма евреями обсуждалась Сталиным сначала, в июне 1944 г., с президентом американской торговой палаты Э. Джонстоном и послом США в СССР А. Гарриманом, а потом – “сразу же после войны” – и с делегацией американских сенаторов. Однако с наступлением холодной войны, как представлял дело Судоплатов, “наши надежды на получение еврейских капиталов рухнули... и первой жертвой смены курса стал Михоэлс, находившийся в самом центре дискуссии по созданию еврейской республики в Крыму”⁹.

Что касается упомянутых встреч, то они действительно имели место. Однако документально зафиксированное содержание состоявшихся при этом бесед не имеет ничего общего с тем, как их пересказал Судоплатов. Скажем, известно, что 26 июня 1944 г. Сталин совместно с Молотовым, Маленковым, Берией и А. С. Щербаковым принимал в Кремле того же Джонстона и Гарримана. Сохранилась и запись состоявшегося разговора, опубликованная потом в официальном издании МИДа. Судя по ней, в течение почти трёхчасового общения в центре обоюдного внимания были проблемы возрождения советской промышленности после войны и налаживания торговли между двумя государствами в скором мирном будущем. Конкретно, Джонстон выказывал заинтересованность в широкомасштабном приобретении у СССР различного сырья, а Сталин даже пообещал разместить в США миллиардные заказы. Обсуждались также шансы Ф. Рузвельта и его соперников на предстоявших президентских выборах и некоторые другие вопросы. А вот что написал об этой встрече Судоплатов, в ней не участвовавший и о её содержании не информировавшийся: Джонстон якобы был принят Сталиным “для обсуждения проблем возрождения областей, бывших главными еврейскими поселениями в Белоруссии, и переселения евреев в Крым”¹⁰. О том же самом Сталин беседовал и после войны с американскими сенаторами, о чём Судоплатову будто бы стало известно из некоего сообщения (из какого именно, им не уточняется). Между тем, в официальной записи советско-американских переговоров 26 июня 1944 г. зафиксирована немаловажная реплика Джонстона о том, что тот считал себя специалистом по промышленности, а в сельском хозяйстве – профаном. Вот почему после встречи со Сталиным он направился отнюдь не в освобождённый Красной армией Крым, что в свете утверждений Судоплатова было бы логично, а предпринял поездку по заводам Урала.

Впрочем, относительно официальной записи кремлевской беседы от 26 июня 1944 г. может возникнуть резонное сомнение: не изымались ли из неё потом при подготовке публикации “неудобные” для советской власти сюжеты, среди которых мог быть и “крымский”? Конечно, в 1984 г., когда было осуществлено данное издание и когда сильна была цензура, всё было возможно. Однако непохоже, что подобное имело бы место в данном конкретном случае. Ведь все изъятия из оригинальных архивных документов, составивших основу сборника, в обязательном порядке, как специально оговаривалось, обозначались публикаторами во главе с академиком Г. А. Арбатовым отточием, а такового грамматического знака вообще нет в напечатанном тексте интересующей нас беседы¹¹. Да и в хранящемся в Библиотеке Конгресса США 11-страничном отчёте участника встречи А. Гарримана отсутствует какое-либо упоминание об обсуждении “крымского проекта”, как, впрочем, и в его мемуарах, а также в воспоминаниях Дж. Кеннана, присутствовавшего на встрече Сталина с американскими сенаторами¹².

Итак, ни советскими, ни американскими заслуживающими доверия документальными и мемуарными источниками приведенные Судоплатовым “факты” по Крыму не подтверждаются. Тем не менее, у него нашёлся последователь, который поведанную бывшим супершпионом “крымскую историю” довёл до абсурда. Речь идёт о книге В. В. Левашова “Убийство Михоэлса”, выпущенной в свет издательством “Олимп” в 1998 году 11-тысячным тиражом и переизданной в 2003 г. в количестве 3000 экземпляров. При нынешней моде на всякого рода документальные исследования это сочинение, думается, не случайно именно так было разрекламировано, как не случайно и то, что жанровая его характеристика – “роман” – была обозначена не как обычно – на титуле, ниже заголовка, а упрятана в последний абзац набранной мелким шрифтом аннотации. Не исключено, что это было предпринято для того, чтобы сбить с толку неискущённого читателя. Видимо, с той же целью в книгу вкраплены реальные исторические материалы – фрагменты из стенограммы судебного процесса по “делу ЕАК”, выдержки из старых газетных публикаций, отдельные решения высших органов власти и, самое главное, подвёрстанные к финальной главе несколько важных рассекреченных документов из Центрального архива ФСБ РФ. Этим носителям реального прошлого отведена в книге всего лишь подсобная роль – формального “сертификата достоверности”, подпорки некой литературной конструкции, возведенной отнюдь не по канонам историзма, а по далёкой от них произвольной прихоти автора. В его сочинении, пожалуй, единственной правдой является та общая мысль, что за убийством Михоэлса и гонениями на евреев в СССР стоял Сталин. Всё остальное, в том числе политико-шпионские страсти вокруг “крымского проекта”, живописуемые посредством придуманных размышлений героев и их диалогов, а также сымитированных “сверхсекретных” документов, – измышлено либо заимствовано из мемуаров того же Судоплатова и других книг подобного рода.

Иначе как “развесистой клюквой” не назовёшь следующие содержащиеся в книге Левашова откровения. Оказывается, во время войны Сталин вдруг прозрел, что создание Еврейской автономной области (ЕАО) на Дальнем Востоке не решило “еврейского вопроса”, и под предлогом исправления этого он решил предпринять глобальную политическую игру под названием “Создание еврейской республики в Крыму”. Этот лжепроект он якобы пытался использовать для выкачки финансовых средств из союзников, для чего и отправил в США в 1943 г. Михоэлса, которому через Молотова предписал идею “еврейского Крыма” представить как собственную. Однако американские спецслужбы не дремали и очень быстро установили, что отцом “крымского проекта” является не кто иной, как сам “дядюшка Джо”. Приняв его намерение за чистую монету и не почувствовав подвоха, тамошние финансовые “воротилы” из числа евреев, собравшись и поддавшись на уговоры уже “обработанного” Сталиным Э. Джонстоном, решили выделить на обустройство Крыма около 10 млрд долларов (цифра, взятая из книги Судоплатова!). Об этом “историческом решении” американцев в Кремле узнали из “шифровки” агента Хейфеца-Брауна, проинформированного в свою очередь присутствовавшим на встрече помощником госсекретаря Соединенных Штатов Д. Карриганом, завербованным советской разведкой на гомосексуальной почве. По возвращении Михоэлса на родину Сталин, манипулируя Молотовым и Лозовским, чуть ли не силком заставляет артиста написать на его имя “крымское письмо”, чему тот, почувствовав неладное, воспротивился, но потом вынужден был подчиниться. Почти сразу его стали одолевать муки совести от осознания того, что он стал игрушкой в руках диктатора, чей “крымский проект” неминуемо, как будто бы мнится артисту, должен столкнуть еврейство в пучину новой катастрофы, а весь мир ввергнуть в кровавое безумие Третьей мировой войны. Обуреваемый этими тревожными предчувствиями и к тому же будучи в душе приверженцем сионизма, Михоэлс решает раскрыть глаза американцам на коварные замыслы Сталина. Осуществить это он планирует в конце января 1948 г., когда в Москву вот-вот должна была прибыть делегация во главе с А. Гарриманом, которому одураченными советским лидером президентом Г. Трумэном и госсекретарём Д. Маршаллом поручено было оформить вроде бы уже окончательно достигнутое к тому времени межгосударственное соглашение по Крыму. Узнав о “предательском” намерении “неблагодарного” Михоэлса, Сталин приказывает его ликвидировать. Однако эта тайная расправа перечеркивает зловещие планы диктатора: озадаченный неожиданной и загадочной гибелью

еврейского артиста президент Трумэн требует от Сталина дополнительной гарантии выполнения будущего «крымского договора» — полной демилитаризации полуострова, в том числе ликвидации баз Черноморского военного флота, грозя в противном случае отказаться от уже принятого решения включить СССР в «план Маршалла». Поняв, что его «крымская карта» бита и ему не удастся «кинуть» американцев на несколько миллиардов долларов, взбешённый Сталин решает отыграться на своих еврейских подданных, приказав тогда же Абакумову бросить членов ЕАК за решётку (на самом деле эти аресты прошли лишь год спустя, в конце 1948 — начале 1949 г.) и приступить к подготовке судилища над ними.

Такова фабула разухабистого романа Левашова, которого формально вроде бы нельзя обвинить в фальсификации истории. Ведь избранный им литературный жанр дает право на так называемый художественный вымысел. Однако неписанные правила хорошего литературного вкуса требуют от мастеров художественного слова бережного отношения к реальной исторической канве описываемых событий, допуская «буйство» творческой фантазии, скажем, только при создании образов вымышленных героев. Что же касается реальных людей и тем более хорошо известных исторических личностей, то их изображение в книгах должно быть предельно правдивым даже в художественных произведениях. Тем более что приобщение к истории очень часто происходит посредством чтения романов. Вот почему так важно, чтобы повествование в них по крайней мере вписывалось бы в рамки реального прошлого, а не переворачивало бы его с ног на голову, что, к сожалению, демонстрирует книга Левашова, в которой претензия на документальность обернулась её имитацией, причём вульгарной.

Обращаясь к фактам

А как же в действительности возникла, развивалась и потом так трагически завершилась «крымская история»? Чтобы разобраться в этом, обратимся сначала к стенограмме судебного процесса 1952 г. по «делу ЕАК», который продолжался более двух месяцев и довольно детально расследовал существо инкриминированных подсудимым эпизодов, в том числе и обстоятельств, связанных с «крымским письмом». Однако сначала — одно важное предварительное замечание: нет оснований сомневаться в том, что существенная часть включенных в стенограмму показаний «еаковцев» содержит в основном достоверные сведения. Полагать так позволяет то, что в начале судебного заседания всем подсудимым дали возможность отказаться от лжи самооговоров, к которым их пытками и психологическим давлением принудили до того следователи на Лубянке. Кроме того, хотя процесс проходил без участия адвокатов (как, впрочем, и без прокурора), подсудимые могли защищаться самостоятельно, и некоторые из них — в первую очередь С. А. Лозовский, Л. С. Штерн и Б. А. Шимелиович — использовали эту возможность блестяще, до последней минуты надеясь, что им удастся доказать свою невиновность и выжить. С отчаянием обречённых они боролись до конца, при этом, стремясь убедить суд в собственной невиновности, порой несправедливо оговаривали друг друга и прибегали к неизбежной в таких случаях лжи ради спасения. Скажем, отряцая на суде показания, полученные от них на предварительном следствии, «еаковцы», с одной стороны, разоблачали различного рода фальсификации — результат грубых манипуляций, в том числе и жестоких пыток — и тем самым содействовали торжеству правды, однако, с другой стороны, «корректировали» в свою пользу или вообще «дезавуировали» сообщенные ими ранее реальные факты, поскольку те могли быть использованы против них. Учёт этих обстоятельств — важное и необходимое условие для достижения научной объективности в реконструкции «крымской истории».

Началась эта «история» ещё в первые месяцы войны, трагические события которой требовали национальной консолидации советского еврейства, что, в свою очередь, рождало в головах его лидеров различные этнопроекты. И. С. Ватенберг — один из фигурантов «дела ЕАК» — показал в 1952 г. на процессе: «Когда мы вместе с Эпштейном (ответственный секретарь вскоре созданного ЕАК. — Г. К.) эвакуировались из Москвы (то есть осенью 1941 г. — Г. К.) и ехали с ним в одном вагоне, то он затронул вопрос о Республике

Немцев Поволжья. Я ему ответил, что есть Еврейская автономная область, и насколько есть возможность переселяться, то пусть желающие переселяются". А вот что припомнил тогда Фефер: "Примерно с 1942 года у нас в ЕАК начались разговоры о том, что все еврейские учреждения ликвидированы, даже в еврейских районах, всё, что было создано за 30 лет. Тогда и возник вопрос о Крыме"¹³. Тогда же, в 1942-м, руководители вновь созданного ЕАК стали налаживать отношения с еврейскими организациями, функционировавшими в странах-союзницах и прежде всего в США, где, собственно, и концентрировалась международная еврейская общественно-политическая активность. Так что, когда через год решено было отправить делегацию ЕАК с зарубежной пропагандистской миссией, посещение этой ведущей западной державы стало главным пунктом подготовительных мероприятий. Напутствуя отъезжавших в США Михозлса и Фефера, советское руководство в лице Щербакова и Лозовского потребовало от них сосредоточиться на реализации двух основных задач: пропагандистской (настроить влиятельный американско-еврейский истеблишмент в просоветском духе) и экономической (получить от состоятельных евреев как можно больше денег в "фонд обороны СССР")¹⁴. Никаких других заданий ни Михозлс, ни Фефер не получали. А значит, ни о каком "еврейском Крыме" власти тогда не помышляли, причем хотя бы уже потому, что освобождение полуострова от оккупантов представлялось тогда весьма отдалённой перспективой. Факты свидетельствуют, что превращение "крымского проекта" из смутной неясной идеи, спонтанно возникшей в головах руководителей ЕАК, в определённую чётко обозначенную цель со всей очевидностью произошло в Америке, в ходе триумфальной поездки по ней посланцев советского еврейства.

Конкретно этому способствовали встречи Михозлса и Фефера в США с Джеймсом Н. Розенбергом (J. N. Rosenberg), председателем консультативного совета Еврейского комитета Совета военной помощи России ("The Council for Russian War Relief") и одним из руководителей "Джойнта" ("Joint" – "The American Jewish Joint Distribution Committee"), американской благотворительной организации, ещё в феврале 1942 г. предложившей СССР гуманитарную помощь для находившихся на его территории польских евреев¹⁵. Ещё в 1926 г. Розенберг побывал по делам "Агро-Джойнта" (дочерняя компания "Джойнта") в Советской России, проявив себя горячим сторонником проводившейся при поддержке советского правительства еврейской сельскохозяйственной колонизации Крыма, который до появления на национально-политическом горизонте Биробиджана официально рассматривался как наиболее вероятное место организации еврейской автономии. Будучи довольно состоятельным руководителем адвокатской фирмы и бизнесменом, Розенберг, в отличие от основного руководства "Джойнта" – национально-консервативного, "заскорузло" ориентированного исключительно на сферу еврейской благотворительности, – был социально подвижным (до авантюризма) деятелем, пользовавшимся влиянием в американском истеблишменте, в том числе и политическом. Его знакомство с Михозлсом и Фефером произошло (по показаниям последнего на Лубянке) в Нью-Йорке в конце июня 1943 года. Правда, на процессе Фефер уточнил, что случилось это 8 июля на нью-йоркском стадионе "Поло-Граундс" сразу по завершении проходившего в честь посланцев Москвы массового митинга солидарности. "Спустя пару дней", как показал потом на следствии Фефер, Розенберг устроил на своей пригородной вилле в честь него и Михозлса обед, на котором помимо них "никого не было"¹⁶. Раскрывая содержание этой встречи, Фефер пояснил на допросе, что советская сторона, памятуя полученное в Москве задание, повела разговор о немедленном вспомоществовании бедствовавшим евреям и другому нуждавшемуся населению в воюющем СССР. Ответствуя, Розенберг изъяснялся довольно раскованно (беседа носила неофициальный характер) и особенно не церемонился со своими советскими гостями. Он резко заметил им: "Вы только просите, а толку от вас никакого! вспомните, в связи с созданием еврейских колоний в Крыму мы ухлопали свыше 30 миллионов долларов, а что толку? Крым не ваш, вас оттуда выгнали. . ." Потом взяв паузу, призванную, очевидно, усилить эффект от его филиппики, Розенберг, смягчившись, продолжил: ". . . Если бы советское правительство допустило заселение Крыма евреями, мы ("Джойнт". – Г. К.) оказали бы вам материальную помощь". Завершил свой монолог Розенберг уже совсем на идиллической ноте: "Роскошное место Крым: Чёрное море, Турция, Бал-

каны...” Припомнив на суде эту последнюю неясную и в чём-то двусмысленную фразу, Фефер поспешил пояснить: Розенберг имел в виду то, что Крым — это “видное место для будущей еврейской республики”, и прямого разговора о превращении Крыма в военный плацдарм против СССР (вопреки версии следствия! — Г. К.) не было¹⁷.

В том, что эти показания Фефера соответствовали действительности, можно убедиться, сопоставив их со строками из документа “Джойнта”, датированного сентябрем 1944 года. Тогда Розенберг требовал от руководства этой организации, чтобы запросили г-на Киселева, советского Генерального консула в Нью-Йорке, “о намерениях СССР, в надежде, что “Джойнт” сможет принимать участие в восстановлении там (в Крыму. — Г. К.) еврейских сельскохозяйственных поселений. Позиция комитета (“Джойнта”. — Г. К.) заключается в том, что сейчас преждевременно обращаться с запросами к советскому правительству с любыми планами поселения евреев в Крыму. Более того, с тех пор как “Джойнт” и другие организации затратили приблизительно 30 миллионов долларов на программу аграрных поселений евреев в Крыму и на Украине, есть опасность, что подобная дискуссия могла бы показать советскому правительству, что столь огромная сумма вновь доступна. В 1938 г. “Джойнт”... был вынужден покинуть Россию по требованию советских властей...”¹⁸

Спустя два месяца состоялась вторая встреча с представителями “Джойнта”, она также носила неофициальный (“unqualified”) характер и прошла 13 сентября 1943 г. в виде строго секретного (?!) ланча (“an absolutely confidential luncheon”). Помимо Розенберга от “Джойнта” присутствовал его председатель Пол Боерволд (Bauerwald). Когда слово предоставили Михоэлсу, тот, обуреваемый эмоциями, заявил, что поражён неосведомлённостью американских еврейских организаций в масштабах войны на Восточном фронте, и конкретно в том, что Красная Армия, разгромив нацистов в Сталинграде и тем самым предотвратив дальнейший захват территории СССР, спасла два миллиона советских евреев из четырёх. Далее он отметил, что Москва принципиально выступает за неэтнический характер помощи “Джойнта”, поскольку направление посылок только одним евреям противоречило бы советскому принципу национального равенства. Озвучивая такую распределительную парадигму, Михоэлс к тому же не мог не помнить, что в начале 1920-х “Джойнт” осуществлял свою благотворительную деятельность в Советской России по аналогичной схеме (“non-sectarian basis”). Поддержавший Михоэлса Фефер уточнил, что в интересах СССР было бы направление секулярной помощи в районах компактного проживания эвакуированного еврейского населения в Узбекистане и Поволжье. Американцы, со своей стороны, напротив, настаивали на своем традиционном формате благотворительности: национально селективное распределение помощи через еврейские религиозные и общественные организации. Именно тогда, обсуждая географию гуманитарных поставок, Розенберг вновь заговорил о Крыме, обозначив его не только в качестве приоритетного получателя, но и наиболее подходящего места для будущего переселения уцелевших евреев¹⁹.

Третья встреча — 21 сентября 1943 г. — носила уже официальный характер. От предыдущей она ещё отличалась тем, что с американской стороны в ней участвовал исполнительный вице-председатель “Джойнта” Джозеф Хайман, что свидетельствовало о том, что переговорная дискуссия переросла в выработку конкретных решений. Заключительный четвёртый раунд прошёл 27 сентября, и если американская делегация численно уже не расширялась, то советская пополнилась ещё двумя членами — генконсулом Е. Д. Киселёвым и представителем Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР В. Лебеденко. Показательно, что когда американцы на этой итоговой встрече попытались развить идею “крымского проекта”, Киселёв сразу пресёк эту интенцию, сухо заметив, что такое обсуждение преждевременно, поскольку полуостров оккупирован²⁰. Подобная реакция — ещё одно доказательство непричастности советских властей к инициации данного проекта.

“Джойнт”, видимо, так сильно желал восстановить своё, пусть даже виртуальное, присутствие в СССР, что, поступившись собственным принципиальным правилом национально-персонального адресования помощи, в конце концов вынужден был согласиться не брать в расчёт этничность получателей, правда, настоял на её распределении в регионах наибольшего сосредото-

ния евреев – прежде всего беженцев, эвакуированных и спасшихся после Холокоста. 12 октября административный совет комитета одобрил выделение Советскому Союзу помощи в виде продуктов, одежды и других товаров на общую сумму в 500 тыс. долларов (с начальным траншем в 250 тыс. долларов). Раздачу её предполагалось осуществить в районах Поволжья, Казахстана и Узбекистана²¹.

На такой существенный компромисс руководство “Джойнта” наверняка пошло, уступая давлению Розенберга и его влиятельных сторонников, в том числе председателя Еврейского комитета Совета военной помощи России (“The Council for Russian War Relief”) Луиса Левина. Между тем некоторые американские исследователи склонны преуменьшать роль Розенберга в “Джойнте”, изображая его эдаким идеалистом, “прокрымским” энтузиастом, диссидентствующим одиночкой со своим “особым подходом”, действовавшим приватно, на свой страх и риск, без официальной санкции. При этом настаивается на полной непричастности “Джойнта” как такового к “крымской истории”²². Во многом такая интерпретация продиктована желанием по максимуму устранить негативную тень, брошенную в 1953 г. на репутацию этой организации обвинением в шпионаже, прозвучавшим из Москвы. Мотивация эта хоть и оправдана (из-за абсурдности указанного обвинения), но всё же и банальна (как и всякая борьба за чистоту риз “своих”), при том, что сформулированные в итоге выводы представляются чрезмерно прямолинейными и не учитывающими множества нюансов, часть из которых, напротив, свидетельствует о вовлечённости “Джойнта” в ту “историю”. Ведь не один же Розенберг был таким малосведущим и наивным в восприятии сталинского режима (надеясь на его послевоенную гуманизацию), что верил в полноценное сотрудничество с ним? Факты доказывают, что соответствующее прекраснодушие было характерно и для “Джойнта” в целом. И пусть в сентябре 1944 г. его руководство сочло, как отмечалось, “преждевременным” предложение Розенберга призвать Советы к восстановлению еврейских поселений в Крыму, уже в 1945 г. оно однозначно солидаризируется с ним в этом вопросе. Это многократно подтверждается архивными записями, согласно которым, в частности, “Джойнт” тогда настаивал на возобновлении деятельности в Крыму (“The JDC offered to renew rehabilitation activities in the Crimea”; “the JDC offered to renew settlement aid in Crimea”) и даже предлагал и. о. генконсула СССР в Нью-Йорке П. Михайлову образовать фонд для восстановления в Крыму еврейского сельского хозяйства²³. Как и следовало ожидать, в СССР ухватились за это заманчивое предложение, тем более что в июле 1945 г. “Джойнт” выделил под “советскую программу” 1 млн долларов. И только когда в ноябре 1945 г. советская сторона не смогла представить доказательств возвращения евреев в Крым, и окончательно стало ясно, что Кремль не допустит там никакой еврейской автономии, “Джойнт” прозрел, перенаправив выделенную было этому региону помощь на Украину и в Белоруссию. Только в 1946 году американо-еврейские благотворители поставили в СССР гуманитарной продукции (главным образом пенициллина) на сумму 1,5 млн долларов. Однако на “крымском проекте” был поставлен крест. А с наступлением вскоре политического похолодания в мире и нарастанием в связи с этим советско-американских трений “Джойнт” в 1947 г. вообще свернул там свою деятельность²⁴.

Однако двухлетнее пребывание американцев в плену крымского миража вряд ли можно объяснить только тем, что руководство “Джойнта”, проявив чрезмерную “советофилию”, стало, как отмечал Г. Я. Аронсон, “жертвой иллюзии”²⁵. Или тем, как предположил на судебном процессе по “делу ЕАК” Ватенберг (ранее жил в США и хорошо знал Розенберга), что Крым занимал этого амбициозного деятеля только потому, что в своё время “Джойнт” “туда вложил много денег”, и тот чувствовал, что потерял лицо в этом деле²⁶. При том, что некомпетентность и претенциозность действительно имели место, в основе разбираемого заблуждения лежала, как представляется, политическая причина, коренившаяся в тогдашнем остром расколе в американской еврейской общине и наличии в ней влиятельной антиссионистской “фракции”, в которую входил “Джойнт” и тот же Розенберг, ориентировавшиеся в решении еврейского вопроса не на Ближний Восток, а на Европу. Вот главное, что увлекло их Крымом. И такое предпочтение не покажется необычным, а напротив, закономерным, если иметь в виду то, что Государственный департамент США, через который, между прочим, “проходили” проекты догово-

ров “Джойнта” с советской стороны, после войны всячески противостоял (в лице Дж. К. Маршалла, Дж. Ф. Кеннана, Р. Ловетта и др.) усилиям президента Г. Трумэна, направленным на создание государства Израиль.

Так что вполне реальной представляется политическая составляющая “крымского проекта”, обозначенная Розенбергом в 1943 г. в беседах с Михозэлсом и Фефером и потом изложенная последним на следствии. В частности, он припомнил, как Розенберг в одной из первых бесед с ними подчеркнул, что “Крым нас интересует, с одной стороны, как евреев, с другой — как американцев”; и что в случае создания еврейской республики на полуострове её руководство может рассчитывать “не только на материальную помощь Америки”, но, “в случае необходимости, на советское правительство может быть сделан американцами дипломатический нажим”²⁷. И хотя на этих показаниях несомненно лежит политически усугубляющая их печать редакции МГБ, тем не менее, делая поправку на возможную аберрацию, всё же можно с большой долей уверенности предположить, что Розенберг и те, кто за ним стоял, связывали с “крымским проектом” не только благотворительные, но и далеко идущие политические планы.

Столкнувшись со всем этим, Михозэлс и Фефер, вследствие своей вопиющей (по-другому не скажешь) политической неопытности, проявили наивную беспечность и неосмотрительность. Впав в эйфорию от восторженного приёма в Америке, они явно политически заигрались. Чтобы помочь Розенбергу “пробить” через руководящие структуры “Джойнта” “крымский проект”, они, поддаваясь авантюрному соблазну, сообщали ему заведомо мифические сведения о том, что на полуострове выжили “только” 35000 евреев. Об этом признался на следствии сам Фефер, что частично проясняет происхождение этой невероятной цифры, которая перекочевала благодаря Розенбергу и в официальные бумаги “Джойнта”²⁸. Такую же политическую наивность лидеры ЕАК продемонстрировали и тогда, когда, возвратившись в СССР, стали распределять министерские портфели в “миражной” еврейской республике²⁹. Однако, по большому счёту, эта в общем-то мало кому известная советская общественная организация оказалась заложницей политических отношений между СССР и США и в случае их обострения была обречена, что потом и произошло.

Другим немаловажным моментом, спровоцировавшим трагическое развитие “крымской истории”, был присущий руководителям ЕАК “идеалистический национализм”, выразившийся в, по сути, выстраданном ими императиве во что бы то ни стало спасти свой народ, стоявший на грани физического уничтожения. Сделать это они намеревались путём обретения национальной территории в европейской части Советского Союза, то есть в рамках действительного, как они полагали, решения еврейского вопроса в СССР. Тем самым логически подразумевалась фиктивность и несостоятельность биробиджанского проекта, а значит, и невольно бросался вызов его автору Сталину, который во многом поэтому сразу решительно отверг претензию ЕАК на Крым.

Впрочем, не будучи в своем альтернативном решении еврейского вопроса “зацикленными” на какой-либо конкретной территории, Михозэлс и его единомышленники первоначально помимо Крыма обсуждали возможность создания еврейской автономии и на других территориях, в том числе, как отмечалось, на землях бывшей Республики Немцев Поволжья. Главным для них было не место как таковое, а его пригодность для приложения двигавшей ими энергии.

Крым “перевесил” в этом выборе только потому, что этот вариант обещал от имени “американских еврейских кругов” поддержать Розенберг, который к тому же распалял “идеалистический национализм” своих московских гостей, поучая их: “Вы себя не ведёте так, как должны... настоящие евреи. Советские евреи слишком много просят и слишком мало требуют. За народ, если мы народ, надо бороться...”³⁰ Однако такие призывы были по меньшей мере излишни. В памяти вдовы Михозэlsa А. П. Потоцкой запечатлелась произне-

* Блеф о 35000 находившихся в Крыму евреев какое-то время поддерживался и некоторыми советскими чиновниками и дипломатами среднего уровня (генконсулом в Нью-Йорке П. Михайловым и др.), стремившимися использовать заграничные средства в восстановлении разрушенной войной советской экономики. Однако в ноябре 1945 г., когда советская сторона не смогла представить соответствующего документального доказательства, этот обман раскрылся, и “Джойнт” потерял интерес к Крыму (Мицель М. Указ. соч. С. 131, 132).

сённая им однажды знаменательная фраза: “Мне кажется, я в ответе за весь мой народ”³¹.

Оторвавшись почти на полгода от родной почвы и пребывая в эйфории от заокеанских впечатлений, Михоэлс и Фефер, грезя, что называется, наяву, явно переоценили значение для Сталина американской поддержки. Вышло как раз наоборот: эта поддержка того насторожила и решительно настроила против проекта. Однако в силу той же политической наивности те об этом даже не подозревали. Явившись сразу по возвращении в Москву (в конце ноября 1943 г.) к Лозовскому, они первым делом объявили ему: “Розенберг обещал материальную помощь “Джойнта” в случае заселения Крыма евреями”³². Убедив (что удивительно!) этого покровительствовавшего им профессионального опытного политика в том, что американская поддержка – сильный козырь, они уговорили его, используя свой статус заместителя Молотова по НКВДу, организовать встречу с ним.

Вскоре в Кремль на приём к ближайшему соратнику Сталина явились трое: вместе с Михоэлсом и Фефером пришёл и ответственный секретарь ЕАК Шахно Эпштейн, вершивший в контакте с НКГБ всеми внутренними делами в комитете. Поскольку Эпштейн, как отмечалось, выступал за создание еврейской республики на месте ликвидированной автономии немцев Поволжья, то наряду с Крымом был предложен и этот альтернативный проект. Однако Молотов сразу же отверг его, мотивировав тем, что население бывшей немецкой республики в основном занималось сельским хозяйством, а “евреи народ городской и нельзя сажать евреев за трактор”. В отношении же Крыма он заметил: “Пишите письмо, и мы его посмотрим”³³.

И хотя смысл этих осторожных слов был довольно неопределённым, руководители ЕАК решились, как потом показал на суде Лозовский, что “. . . Молотов “обещал”, значит, вопрос почти решён, а если ещё не решён, то во всяком случае “на мази”³⁴. Тем не менее письмо, направленное 15 февраля 1944 г. Сталину по поводу “Еврейской советской социалистической республики” в Крыму, было по совету осторожного Лозовского подписано Михоэлсом, Фефером и Эпштейном не от имени ЕАК, а как частное предложение группы граждан. Впрочем, в одобрении верхами их инициативы они не сомневались.

Однако проходили дни, а ответа из Кремля не было. И тогда несколько обеспокоенные авторы письма, решив подстраховаться, послали 21 февраля его дубликат уже непосредственно Молотову. Причем, чтобы знать наверняка, что послание попадёт к адресату, Михоэлс передал его через П. С. Жемчужину, жену Молотова, которая не только имела большое влияние на мужа, но и выказывала личную заинтересованность в успехе проекта, сказав тогда еврейскому артисту многозначительно: “Можно жить где угодно, но надо иметь свой дом и крышу”³⁵.

Однако к тому времени, когда до Молотова дошло направленное ему “крымское письмо”, поднятый в нём вопрос был, вероятно, уже решен Сталиным, причем отрицательно. В пользу такого предположения говорит хотя бы то, что, знакомясь с наиболее значимыми и важными документами, Сталин, если был заинтересован в принятии решений по ним, у себя их не задерживал, а, зафиксировав в резолюции собственное решающее мнение, направлял “по принадлежности” в то или иное ведомство (ЦК ВКП(б), СНК СССР, Наркомат обороны и т. д.), долженствовавшее подготовить проект соответствующего постановления Политбюро, Оргбюро ЦК, СНК СССР.

В случае с “крымским письмом” ничего подобного не произошло. Ознакомившись с ним, Сталин, видимо, посчитал его слишком необычным, а может быть, даже и вздорным, чтобы быть рассмотренным по привычной схеме. 19 февраля он почти три часа совещался с Молотовым, Маленковым, А. И. Микояном и А. С. Щербаковым³⁶ и, возможно, высказался уже тогда против “крымской инициативы” руководителей ЕАК. Не исключено, что Молотов, вновь встретившись со Сталиным в Кремле 22 февраля в том же “формате” (вместе с Маленковым, Микояном и Щербаковым), ещё раз попытался как-то заинтересовать его посланием Михоэлса³⁷. Но, поняв, что “хозяина” не переубедить, вынужден был отступить. После этого ему, первому заместителю Сталина по СНК СССР, не оставалось ничего другого, как 24 февраля формально “расписать” “крымское письмо” “на исполнение” Маленкову, Микояну, Н. А. Вознесенскому и Щербакову. И в итоге – закономерный финал: 28 февраля последний “списал” эту ставшую “неудобной” бумагу в архив³⁸.

Для прагматика Сталина, обременённого куда более важными для воюющей страны делами и давно уже на весь мир объявившего о решении еврейского вопроса в СССР, утопическое предложение ЕАК было неприемлемо в принципе. Открыто не высказываясь по поводу послевоенного урегулирования международной еврейской проблемы, он, тем не менее, уже тогда, скорей всего, склонялся к поддержке сионистского плана в Палестине. Есть данные, что прибывший в декабре 1943 г. в советскую столицу президент эмигрантского Госсвета Чехословакии Э. Бенеш по просьбе Н. Гольдмана и других сионистских лидеров агитировал Сталина за этот проект. Высокопоставленный советский дипломат К. А. Уманский, который наряду с М. М. Литвиновым и И. М. Майским довольно часто встречался в те годы с Х. Вейцманом и другими сионистскими руководителями, в августе 1944 г. полагал, что Сталин «склоняется в пользу создания еврейского государства в Палестине», что, впрочем, диктовалось отнюдь не симпатией советского вождя к сионистам, а его тактический расчет с их помощью подорвать стратегические позиции Великобритании на Ближнем Востоке. Известно, что в марте 1945 г. Ф. Рузвельт, очевидно имея в виду и мнение Сталина, заверил основателя Всемирного еврейского конгресса С. Уайза: «Большая тройка» (на Ялтинской конференции. — Г. К.) согласилась передать евреям Палестину. В ближайшем будущем иммиграция туда евреев должна продолжиться»³⁹.

Тем не менее, несмотря настораживавшие приводящие политические моменты, «странная» инициатива ЕАК не была первоначально расценена Сталиным как нечто опасное и тем более преступное. Подобные «проекты» тогда не были в диковинку и воспринимались властями равнодушно, во всяком случае они не имели той «заговорщицкой» коннотации, которая возникла в годы холодной войны. Скажем, в августе 1944 г. обком партии Северной ОсетиИ проинформировал ЦК ВКП(б), что в этой автономии «широко» ведутся разговоры о сборе подписей под письмом Сталину о переселении в Крым осетин, «хорошо показавших себя в Отечественной войне...»⁴⁰. А в марте 1945 г. из Италии на имя Молотова поступило направленное главам дипведомств союзных держав послание некоего «Римского еврейского комитета», ратовавшего за еврейское государство на территории поверженной Германии. Или ещё: весной 1946 г. предлагалось создать еврейскую автономию на обезлюдившей территории бывшей Восточной Пруссии, присоединив её к Литовской ССР. Впрочем, в сравнении с этими причудливыми плодами общественной инициативы ещё более фантастическими выглядели, как это ни парадоксально, проекты, вызревавшие в головах политиков-профессионалов. Вот что писал, скажем, 11 февраля 1950 г. Сталину бывший заместитель представителя Украины в Совете безопасности ООН В. А. Тарасенко: «Во время обсуждения Палестинского вопроса осенью 1948 года (во время войны Израиля со странами Арабской лиги. — Г. К.) у тов. Мануильского (представитель Украины в Совбезе ООН. — Г. К.) возникла идея внести в ЦК ВКП(б) предложение, чтобы Советский Союз предоставил возможность палестинским арабским беженцам (свыше 500 тыс. чел.) поселиться в Советском Союзе в районе Средней Азии, с тем чтобы впоследствии образовать Арабскую Союзную республику или автономную область»⁴¹.

Даже если руководителям ЕАК официально не объявили об отклонении правительством их проекта, те вскоре так или иначе должны были об этом узнать. Однако они были так зачарованы собственными мечтами, что по инерции, как ни в чём не бывало, продолжали активно обсуждать перспективы своего в общем-то уже безнадежного предприятия, что, конечно, не укрылось от Сталина. Окончательно «закрывать» становившийся скандальным вопрос он поручил Л. М. Кагановичу. Впоследствии на суде Фефер рассказал: «В середине 1944 года его, Михоэлса и Эпштейна «срочно» вызвал к себе Каганович, который «часа два или больше... разбивал нашу докладную записку о Крыме исключительно по практическим соображениям... Он говорил... что евреи в Крым не поедут... что только артисты и поэты могли выдумать такой проект»⁴².

Однако даже после столь явного предостережения руководители ЕАК, хотя и, несколько затаившись, прекратили открыто обсуждать «крымский проект», полностью так и не отказались от своей опасной затеи. 19 ноября 1946 г. М. А. Суллов проинформировал Сталина и других членов Политбюро, что, судя по выступлению Фефера на заседании президиума ЕАК от 23 октября 1945 г., «ЕАК намерен ставить перед правительством СССР даже вопросы тер-

ритории (видимо, новой территории, кроме Биробиджана) для еврейского населения”. Известно также, что когда в мае 1946 г. польско-еврейский поэт А. Суцкевер перед репатриацией зашёл в ЕАК, чтобы проститься, там попросили его приобщить И. Г. Эренбурга к “крымскому проекту”. Примерно тогда же Михоэлс посоветовал приехавшему из США журналисту Бенциону Гольдбергу продлить пребывание в СССР, поскольку ожидал “важных сообщений” (?! – Г. К.) из Кремля⁴³.

Тлеющий фитилек “крымского проекта” погас в 1947 г., когда “Джойнт” решил полностью отказаться от своих проектов в СССР, и руководители ЕАК утратили последнюю надежду. Именно в конце того года, ознаменовавшегося ужесточением “холодного” противостояния в мире и усилением – как в СССР, так и в США – кампаний травли политических ведьм, у специалистов МГБ по борьбе с американской и сионистской агентурой созрело, видимо, намерение раздуть старый “грешок” потенциальных “буржуазных националистов” в крупное политическое “дело”. Окончательно этот план вызрел уже, как отмечалось, после убийства Михоэлса, когда на Лубянку поступил соответствующий “заказ” от Сталина. Только с этого момента правомерно квалифицировать “крымскую историю” как провокацию властей. Именно тогда Крым, по образному выражению Лозовского на суде, стал обрастать “такой шерстью, которая превратила его в чудовище”⁴⁴.

Тот же Лозовский, несомненно понимавший, что признание на процессе “крымской истории” международной шпионской интригой, направленной против государственной безопасности СССР, влечёт за собой смертный приговор подсудимым, умело и бесстрашно защищался, заклеив это обвинение словами Н. Г. Помяловского – “фикция в мозговой субстанции”. Однако все, что он говорил, было гласом вопиющего в пустыне, в том числе и следующие его предсмертные слова: “Ни одна из 12 тыс. газет и журналов не ставили тогда этого вопроса (о Крыме. – Г. К.), ни один государственный деятель США не думал на эту тему. . . Кто-то якобы сообщил, что американское правительство вмешалось в это дело (“крымское”. – Г. К.). Это значит – Рузвельт. Я должен сказать, что осенью 1943 года Рузвельт встретился со Сталиным в Тегеране. Смею уверить вас, что. . . там о Крыме ничего не говорилось. В 1945 г. Рузвельт прилетел в Крым. . . Он не прилетел ни к Феферу, ни к Михоэлсу, и не по делу заселения евреями Крыма, а по более серьёзным делам”⁴⁵.

И в самом деле, будучи сразу же отвергнутым Сталиным, этот проект оказался мертворождённым и не фигурировал в материалах Тегеранской, Ялтинской, а также Потсдамской конференций союзников, как, впрочем, и во всех других дипломатических документах военного и послевоенного времени. Он даже никогда не обсуждался на межгосударственном уровне. Документально не подтверждаются и соответствующие переговоры Сталина с А. Гарриманом, с американскими сенаторами и тому подобные интригующие “факты”, которые уже в наше время были преподнесены уже упомянутыми авторами как историческая сенсация.

Получается парадокс: несмотря на то, что уже преданы гласности все более-менее значимые преступные тайны сталинского режима, и вроде бы в полной мере должна восторжествовать историческая правда, мифы о прошлом продолжают жить, деформируя историческое сознание общества. Это подтверждается следующим характерным случаем.

30 июня 2008 г., в программе А. В. Караулова “Момент истины” (российский телеканал ТВЦ) прошла передача “Крым – разменная монета; несостоявшийся Израиль”. Принявший в ней участие М. Н. Полторанин (министр печати и информации РФ в 1990–1992 гг.) со ссылкой на некие секретные архивы КГБ поведал о том, что, оказывается, в 1943 г. правительство США потребовало от СССР за невозврат ранее полученных от “Джойнта” кредитов передать в течение десяти лет советским евреям Крым, а также прибрежные земли Херсонской, Одесской областей и Краснодарского края, создав там самостоятельное государство во главе с Михоэлсом. В противном случае американцы грозили заморозить поставки по ленд-лизу и сорвать открытие “второго фронта”. А спустя два года президент Г. Трумэн уже якобы стал настаивать на демилитаризации указанных территорий, в том числе и на передислокации из Севастополя базы советского Черноморского флота. Поддавшись на столь явный шантаж, Сталин, согласно данной версии, вынужден был депортировать татар из Крыма, “очистив” его для евреев. Правда, потом, как “выясняется”, он, же-

лая поставить во главе будущего еврейского государства лично преданного ему Л. М. Кагановича, приказал тайно устранить Михоэлса, считая того креатурой американцев. Фантазируя дальше, Полторанин даже осуществлённую после смерти Сталина передачу Крыма из РСФСР в состав Украины истолковал как уловку Хрущева, который, прикрывшись формальной независимостью УССР (государства – члена ООН), окончательно похоронил международный проект “еврейского Крыма”.

Оценивая эту “историческую сенсацию”, известный журналист О. М. Попцов квалифицировал ее как “фантазмагорию”. Справедливость такого суждения особенно очевидна в отношении наиболее завирального эпизода сомнительного откровения бывшего российского министра: будто бы Сталин в ответ на некие митинги претендовавших на Крым евреев решил их депортировать (так называемая операция “Белая куропатка”) на заполярный архипелаг Новая Земля, куда якобы успел отправить 17 пароходов с колючей проволокой и прочим для возведения концлагерей⁴⁶. Однако это уже другая история.

* * *

Итак, вполне очевидно главное: первоначально идея “еврейского Крыма” исходила не от Сталина или органов безопасности, своим рождением она была обязана руководству ЕАК, которому, в свою очередь, была предложена отдельными руководителями “Джойнта”. Причем возникла она на волне стихийной демократизации, которую сталинский режим был вынужден в интересах самосохранения допустить во время войны в определенных рамках. Другая предпосылка коренилась в реакции руководителей ЕАК на Холокост, выразившейся в почти инстинктивном желании во что бы то ни стало сохранить где-нибудь – первоначально даже не в Крыму, а на территории ликвидированной в 1941 г. Республики Немцев Поволжья – остатки выжившего еврейства, причём не только советского, но и оказавшихся на территории СССР соплеменников из Польши и Румынии. Свою побудительную роль сыграл и всплеск национального чувства, разбуженного войной и усилившимся антисемитизмом, а также самоочевидность провала с решением “еврейского вопроса” в виде создания ЕАО. С самого начала “крымский проект” как политически вредный был отвергнут Сталиным, тем не менее руководство ЕАК даже в послевоенное время продолжало надеяться на его возрождение в той или иной форме. С конца 1947 – начала 1948 гг. он был намеренно раздут МГБ и провокационно использован для обоснования развёрнутых тогда Сталиным антиеврейских репрессивных акций. И хотя эта историческая канва “крымского дела” ныне всесторонне документально подтверждена и выверена, до сих пор массово распространяется немало претендующих на историческую сенсацию псевдоисторических работ (статей, книг, “документальных” фильмов) на эту тему, что безусловно деформирует историческое сознание общества. Посильное противодействие этой негативной тенденции, собственно, и было главной целью данной публикации. При этом автор отнюдь не пытался как-то обелить Сталина, принесшего в жертву собственной политике Михоэлса и его друзей, расстрелянных по делу Еврейского антифашистского комитета. Жестокая расправа с ними, совершенно невиновными в инкриминированных им преступлениях, не имеет оправдания. Вместе с тем, стремясь к полной объективности, нельзя упускать из вида и того немаловажного обстоятельства, что “крымское дело” – во многом производное от пароксизма “холодной войны”. Именно она, задавая тон взаимоотношениям двух главных противоборствовавших сил – США и СССР, заставляла их постоянно стремиться к наращиванию своего военно-стратегического потенциала. В такой ситуации Крым как форпост для последующего развертывания боевых действий против Советского Союза был чрезвычайно привлекателен для американцев, как, впрочем, для русских в начале 1960-х гг. в том же качестве была привлекательна Куба. И нет сомнений, что подобные планы были бы непременно реализованы теми и другими, возникни для этого благоприятная возможность (в случае с Кубой имела место даже соответствующая реальная попытка со стороны Москвы). Показательно, что низвергнувший культ Сталина Хрущёв – отец “оттепели” демократизации – в августе 1956 года так квалифицировал проект создания еврейской автономии в Крыму: “Это был бы американский плацдарм на юге

нашей страны. Я был против этой идеи и полностью соглашался в этом вопросе со Сталиным. Нельзя идти на поводу у Даллесов, которые не прочь бы создать плацдарм против нас⁴⁷.

Таким образом, Михоэлс и его товарищи по ЕАК пали жертвами не только паранойи Сталина, но и внешнеполитического ожесточения в тогдашнем мире, которое зачастую и порождало неадекватную реакцию у политиков, в том числе и американских. Достаточно вспомнить хотя бы самоубийство министра обороны США неврастеника-антисемита Д. Форрестола, выбросившегося из окна с криком “русские идут”, или вызвавшую широкий протест во всём мире казнь обвиненных в атомном шпионаже супругов Джулиуса и Этель Розенбергов. И выходит, что послевоенная атмосфера политического страха и подозрительности калечила и ломала судьбы людей не только в СССР, но и по другую сторону “железного занавеса”.

* * *

ПИСЬМО В ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ СОЗДАТЬ В КРЫМУ ЕВРЕЙСКУЮ РЕСПУБЛИКУ

21 февраля 1944 г.

*Зам. Председателя Совета Народных Комиссаров СССР
тов. МОЛОТОВУ В. М.*⁴⁸

Дорогой Вячеслав Михайлович!

В ходе Отечественной войны возник ряд вопросов, связанных с жизнью и устройством еврейских масс Советского Союза. До войны в СССР было до 5 миллионов евреев, в том числе приблизительно полтора миллиона евреев из западных областей Украины и Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Буковины, а также из Польши. Во временно захваченных фашистами советских районах, надо полагать, истреблено не менее 1,5 млн евреев⁴⁹.

За исключением сотен тысяч бойцов, самоотверженно сражающихся в рядах Красной Армии, всё остальное еврейское население СССР расплыено по среднеазиатским республикам, Сибири, на берегах Волги и в некоторых центральных областях РСФСР.

В первую очередь, естественно, ставится для эвакуированных еврейских масс, равно как и для всех эвакуированных, вопрос о возвращении на родные места. Однако в свете той трагедии, которую еврейский народ переживает в настоящей войне, это не разрешает во всём объёме проблемы устройства еврейского населения СССР.

Во-первых, в силу необычайных фашистских зверств, в особенности в отношении еврейского населения, поголовного его истребления во временно оккупированных советских районах, родные места для многих эвакуированных евреев потеряли своё материальное и психологическое значение. Речь идёт не только о разрушенных очагах — это касается всех возвращающихся на родные места. Для огромной части еврейского населения, члены семей которого не успели эвакуироваться, речь идёт о том, что родные места превращены фашистами в массовое кладбище этих семей, родных и близких, которых оживить невозможно. Для евреев же из Польши и Румынии, ставших советскими гражданами, вопрос о возвращении вообще не стоит. Оставшиеся же родственники их истреблены, и стерты с лица земли все следы еврейской культуры⁵⁰.

Во-вторых, ввиду необычного роста среди братских народов национальных кадров, строящих свою культуру, значительная часть интеллигенции еврейской национальности, ранее работавшей в различных областях национальной культуры братских народов, находит всё меньшее применение своим силам, что приводит к дисквалификации большого круга этой интеллигенции.

Накопленную веками культурную энергию интеллигенция еврейской национальности могла бы с огромной пользой применить в строительстве еврейской советской культуры, которая имеет большие достижения. Но расплыенность еврейского населения, составляющего во всех республиках незначительное меньшинство, не даёт возможность это осуществить.

Фактически прекратилась политико-воспитательная и культурно-просве-

тительная работа среди еврейских масс на родном языке. Имеющееся незначительное количество культурных еврейских учреждений (несколько театров, одно издательство и одна-единственная еженедельная газета) не в состоянии удовлетворить культурные нужды и потребности более чем 3-миллионного еврейского населения⁵¹.

Оставление огромной массы населения в распылённом виде, без политического и культурного воспитания на родном языке, создаёт свободное поле для происков чуждых и враждебных влияний.

В ходе войны обострились некоторые капиталистические пережитки в психике отдельных прослоек различных народностей, включая и часть их интеллигенции. Одним из наиболее ярких выражений этих пережитков являются новые вспышки антисемитизма. Эти вспышки всячески разжигаются фашистскими агентами и притаившимися вражескими элементами с целью подрыва важнейшего достижения советской власти – дружбы народов.

Эти нездоровые явления воспринимаются крайне болезненно всеми слоями еврейского населения СССР, которые показали себя подлинными патриотами родины героизмом своих лучших сынов и дочерей на фронтах Отечественной войны и в тылу. Проявление антисемитизма вызывает острую реакцию в душе каждого советского еврея без исключения ещё и потому, что весь еврейский народ переживает величайшую трагедию в своей истории, потеряв от фашистских зверств в Европе около 4 млн человек, то есть около 1/4 своего состава. Советский Союз – единственная же страна, которая сохранила жизнь почти половине еврейского населения Европы. С другой стороны, факты антисемитизма в сочетании с фашистскими зверствами способствуют росту националистических и шовинистических настроений среди некоторых слоев еврейского населения.

С целью нормализации экономического положения всех слоёв еврейского населения и дальнейшего роста и развития еврейской советской культуры, с целью максимальной мобилизации всех сил еврейского населения на благо советской родины, с целью полного уравнивания положения еврейских масс среди братских народов мы считаем своевременной и целесообразной в порядке решения послевоенных проблем постановку вопроса о создании **Еврейской Советской Социалистической Республики**⁵².

В своё время была создана Еврейская автономная область в Биробиджане с перспективой превращения её в Еврейскую Советскую Республику, чтобы таким образом разрешить государственно-правовую проблему и для еврейского народа. Необходимо признать, что опыт Биробиджана вследствие ряда причин, в первую очередь вследствие недостаточной мобилизованности всех возможностей, а также ввиду крайней его отдалённости от места нахождения основных еврейских трудовых масс, не дал должного эффекта. Но невзирая на все трудности, еврейская автономная область стала одной из самых передовых областей в Дальневосточном крае, что доказывает способность еврейских масс строить свою советскую государственность. Ещё более эта способность проявлена в развитии созданных еврейских национальных районов в Крыму.

В силу всего вышеизложенного мы бы считали целесообразным создание Еврейской Советской Республики в одной из областей, где это по политическим соображениям возможно. Нам кажется, что одной из наиболее подходящих областей явилась бы территория Крыма, которая в наибольшей степени соответствует требованиям как в отношении вместительности для переселения, так и вследствие успешного опыта развития там еврейских национальных районов.

Создание Еврейской Советской Республики раз и навсегда разрешило бы по-большевистски, в духе ленинско-сталинской национальной политики проблему государственно-правового положения еврейского народа и дальнейшего развития его вековой культуры. Эту проблему никто не в состоянии был разрешить на протяжении многих столетий, и она может быть разрешена только в нашей великой социалистической стране.

Идея создания Еврейской Советской Республики пользуется исключительной популярностью среди широчайших еврейских масс Советского Союза и среди лучших представителей братских народов.

В строительстве Еврейской Советской Республики оказали бы нам существенную помощь и еврейские народные массы всех стран мира, где бы они ни находились.

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем:

1. Создать Еврейскую Советскую Социалистическую Республику на территории Крыма.

2. Заблаговременно, до освобождения Крыма, назначить правительственную комиссию с целью разработки этого вопроса.

Мы надеемся, что Вы уделите должное внимание нашему предложению, от осуществления которого зависит судьба целого народа.

С. М. МИХОЭЛС
ШАХНО ЭПШТЕЙН
ИЦИК ФЕФЕР

Тт. Маленкову, Микояну, Щербакову, Вознесенскому.

В. М. Молотов, 24 февраля 1944 г.

В архив. Тов. Щербаков ознакомлен. 28 февраля 1944 г.

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 246. Л. 169–172. Копия.)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гейзер М. М. Крымское дело // Международная еврейская газета. 1992. № 13–14 (77–78). С. 6.

² Медведев Ж. А. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. М., 2003. С. 81–82; Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996; Борщаговский А. М. Обвиняется кровь. М., 1994.

³ Борщаговский А. М. Указ. соч. М., 1994. С. 123, 132, 134, 137, 353–357.

⁴ Кожин В. В. Россия. Век XX (1939–1964). (Опыт беспристрастного исследования). М., 1999.

⁵ Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. Документированная история. М., 1996. С. 365–366; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 86. Л. 81.

⁶ Судоплатов П. А. Указ. соч. С. 340–341.

⁷ Там же.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 890. Л. 214.

⁹ Судоплатов П. А. Указ. соч. С. 349.

¹⁰ Там же. С. 343.

¹¹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы в 2-х т. / Министерство иностранных дел СССР. Т. 2. М., 1984. С. 139–146.

¹² Свидетельства профессоров С. А. Мадиевского (Германия) и Давида Фоглесонга (США): Д. Фоглесонг исследовал фонд А. Гарримана в Библиотеке Конгресса США; George F. Kennan. Memoirs 1925–1950. Boston, 1967); Harriman W. A. and Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin 1941–1946. London, 1976.

¹³ Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета /Отв. ред. В. П. Наумов. М., 1994. С. 24, 280.

¹⁴ Там же. С. 154, 155.

¹⁵ Мицель М. Программы “Джойнта” в СССР. 1943–1947 // Материалы Девятой международной междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 2. М., 2003. С. 121.

¹⁶ Борщаговский А. М. Указ. соч. С. 124, 125, 152.

¹⁷ Неправедный суд. С. 25, 125, 152.

¹⁸ Мицель М. Указ соч. С. 127, 128.

¹⁹ JDC NY Archives Collections 1933–1944. File 1056. 9/13/43 (приведенные здесь и далее сведения из архива “Джойнта” в Нью-Йорке были выявлены американским исследователем Е. Ю. Шехтером); Мицель М. Указ. соч. С. 122–123;

²⁰ JDC NY Archives Collections 1933–1944. File 1056. 9/27/43.

²¹ Мицель М. Указ. соч. С. 124.

²² Мицель М. Указ. соч. С. 125–127.

²³ JDC NY Archives Collections 1933–1944. File 1056 (431). 3/7/45, 4/23/45, 5/5/45, 6/7/45, 6/18/45, 10/10/45; “Joint” to the Relief Association for the Jews in Russia: 3/7/45, 6/7/45, 7/20/45, 12/24/45.

- ²⁴ Мицель М. Джойнт // Холокост на территории СССР. Энциклопедия / Гл. ред. И. А. Альтман. М.: РОССПЭН, 2009. С. 206–208.
- ²⁵ Аронсон Г. Я. Еврейский вопрос в эпоху Сталина // Книга о русском еврействе. 1917–1967 / Под ред. Я. Г. Фрумкина, Г. Я. Аронсона и др. (Союз русских евреев. Нью-Йорк, 1968). Иерусалим – М. – Мн., 2002. С. 159.
- ²⁶ Неправедный суд... С. 279.
- ²⁷ Борщаговский А. М. Указ. соч. С. 126.
- ²⁸ Борщаговский А. М. Указ. соч. С. 126; Мицель М. Указ. соч. С. 127.
- ²⁹ Борщаговский А. М. Указ. соч. С. 131.
- ³⁰ Там же. С. 126.
- ³¹ Гейзер М. М. Крымское дело // Международная еврейская газета. 1992. № 13–14 (77–78). С. 6.
- ³² Неправедный суд... С. 173.
- ³³ Там же. С. 28.
- ³⁴ Там же. С. 174.
- ³⁵ Там же. С. 28, 174, 179, 280.
- ³⁶ Исторический архив, 1996. № 4. С. 69.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 246. Л. 169–172.
- ³⁹ Советско-израильские отношения. Сборник документов. Т. 1. 1941–1953. Кн. 1. 1941 – май 1949 г. М., 2001. С. 76, 77, 96, 97; Pinkus B. The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority. Cambridge (UK), 1988. P. 346.
- ⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 84. Л. 99.
- ⁴¹ Любин В. Израиль в центре Европы: неизвестный проект создания еврейского государства на территории Германии // Материалы Девятой международной междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 1. М., 2002. С. 108–118; Levin D. Another Birobidzhan in Eastern Prussia // Jews in Russia and Eastern Europe. 2003. № 1(50). P. 227–228; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 797. Л. 102.
- ⁴² Неправедный суд... С. 178.
- ⁴³ Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. Документированная история. С. 343; Redlich Sh. Propaganda and Nationalism in Wartime Russia: The Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR. 1941–1948. Boulder (Colo), 1982. P. 54–56.
- ⁴⁴ Неправедный суд... С. 342.
- ⁴⁵ Там же. С. 175, 342.
- ⁴⁶ Лебедев В. Длинная рука истории, или Полторанин в Крыму // Лебедь (сетевой журнал; США). 2008. № 569; Еврейское слово. 2008. № 27 (397). С. 10–11.
- ⁴⁷ Запись беседы Н. С. Хрущёва с делегацией Рабочей прогрессивной партии Канады, состоявшейся 29 августа 1956 г. // Источник. 1994. № 3. С. 99.
- ⁴⁸ 15 февраля 1944 г. такое же письмо было направлено И. В. Сталину (ГАРФ. Ф. 8114. Оп. 1. Д. 792. Л. 32–36; опубликовано: Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. Документированная история. С. 136–139).
- ⁴⁹ Эти оценки, сделанные ЕАК в феврале 1944 г., то есть до освобождения всей советской территории, оказались не точными. Всего на оккупированной территории погибли 2 711 тыс. евреев (Kupovetsky M. Estimation of Jewish Losses in the USSR during World War II // Jews in Eastern Europe. 1994. № 2 (24). P. 25–37).
- ⁵⁰ Это предположение не подтвердилось. Почти все польские и румынские евреи после войны покинули СССР. Согласно достоверной оценке, из Советского Союза выехали почти 250 тыс. польских евреев, составлявших подавляющее большинство иностранных еврейских беженцев в СССР (Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948. Документированная история. С. 162).
- ⁵¹ Эта оценка тогдашней численности еврейского населения СССР была завышенной. В 1946 г. численность евреев в СССР составляла 2 310 тыс., в том числе 2 045 тыс. изначально советских граждан и 265 тыс. евреев с присоединённых в 1939–1940 гг. территорий (Kupovetsky M. Op. cit. P. 37).
- ⁵² Выделено авторами письма.

МИХАИЛ КАЗАКОВ

ПРОШЛОЕ БОЛЬШЕ ТЕБЯ НЕ ДОГОНИТ?

Стремление российского руководства нормализовать отношения с нашими беспокойными соседями на Висле, безусловно, заслуживает всемерной поддержки. Но, как говорится, зачем же стулья ломать? Или, точнее, зачем искажать исторические факты и здравый смысл?

На встрече с польским премьером в Катynie 7 апреля наш премьер заявил буквально следующее: “к своему стыду”, он только в Катynie узнал от историков, что Сталин, оказывается, был главным руководителем войны с Польшей в 1920 году. В плен попало и погибло множество красноармейцев, и расстрелом пленных польских офицеров в 1940 году советский лидер отомстил за поражение 1920 года и гибель пленных красноармейцев. . .

В отличие от помощников нашего премьера и вхожих к национальному лидеру “историков”, поляки прекрасно знают, что Иосиф Виссарионович Сталин, член Революционного военного совета Юго-Западного фронта (наступавшего на Львов), никогда не был “руководителем войны с Польшей”.

Походом на Запад во имя устройства “мировой революции” руководил председатель Реввоенсовета республики Лев Троцкий, 5 августа 1920 года торжественно пообещавший участникам Пленума ЦК партии, что не позднее 16 августа “Армия Коминтерна” Михаила Тухачевского войдет в Варшаву.

Неужели на юридическом факультете Ленинградского университета, где учился премьер, историю СССР преподавали настолько плохо, и почему помощники премьера не подготовили ему необходимых справок?..

27-летний поручик царской армии Тухачевский, заигравшийся в “красного Бонапарта”, слишком часто пренебрегал предостережениями старых генералов во главе с Брусиловым, образовавших Особое Совещание при председателе Реввоенсовета. Генералы призвали офицерство на защиту России от иноземных захватчиков и напомнили “комиссарам в пыльных шлемах”, что без уважения к коренной нации они ничего не добьются.

Не получится у них никакой “мировой революции”.

“Армию Коминтерна” Михаила Тухачевского поляки разгромили.

А 12 октября был подписан Рижский договор, по которому Советская Россия вынуждена была отдать Польшу и Западную Украину, и Западную Белоруссию с 14 миллионами жителей. . . .

Исаак Бабель, проделавший путь наступления и отступления в агитпоезде Первой Конной армии и выпустивший сборник рассказов “Конармия”, повествующих, как “поляки режут жидов”, а интеллигенты в очках вразумляют звероподобных красноармейцев: “Похоже, Троцкий не для тебя приказы пишет?!” — сделался едва ли не популярнейшим писателем Европы. А молодые советские поэты еще долго писали невеселые стихи: “Не дождалась гроба мы, кончили поход. Из солдатской обуви ромашка растет. Только ворон выслан сторожить в полях. За полями — Висла, ветер да поляк. . .” (Эдуард Багрицкий. Стихотворение “Разговор с комсомольцем Николаем Дементьевым”. 1927 год).

Эти настроения очень походят на многолетнюю польскую тоску по поводу случившегося в Катыни.

Тоска культивировалась и подогревалась лично Качиньским. Он распорядился профинансировать из госбюджета помимо фильма Анджея Вайды “Катынь” еще и фильм “Генерал Нил” – о руководителе диверсионной службы Армии Крайовой генерале Августе Фельдорфе. Генерал попал в марте 1945 года в облаву НКВД, отрубил два с половиной года на лесоповале в Сибири вовсе не за терроризм, а за незаконные валютные операции (при аресте у него нашли большую партию валюты!), отошел от политики и был повешен в феврале 1952 года в варшавской тюрьме после безуспешных попыток его завербовать.

Как известно, “Важнейшим из искусств для нас является кино!”

И, конечно же, пан Лех не мог в очередной раз не стряхнуть пыль с истории гибели главы польского правительства в изгнании генерала Владислава Сикорского, профинансировав фильм “Генерал. Покушение на Гибралтаре”. В фильме утверждается, что в резиденции английского губернатора Сикорского якобы задушили поляки, продавшие Черчиллю, из-за того, что генерал получил “неопровержимые доказательства” убийства поляков Катыни именно сотрудниками НКВД.

И плевать пан Лех хотел на то, что за два месяца до выхода фильма на экраны сотрудники Краковского института судебной медицины провели тщательное обследование останков Сикорского, потревожив саркофаг в усыпальнице замка Вавель. В ходе многочисленных экспертиз с использованием современных технологий было установлено, что генерал не был ни задушен, ни застрелен, ни отравлен, а погиб “всего лишь” в результате авиакатастрофы.

Тем не менее гибель Леха Качиньского в небе над Смоленском сразу же заставила провести параллели с авиакатастрофой 4 июля 1943 года в небе над Гибралтаром.

25 апреля 1943 года обитавшее в Лондоне эмигрантское правительство, возглавляемое Сикорским, потребовало от Москвы объяснений в связи с сообщением Берлина о раскопках в Катынском лесу и попросило Международный Красный Крест уточнить подробности того, что по берлинскому радио сообщил Геббельс.

Москва обозвала “лондонцев” пособниками гитлеровцев и разорвала с ними всякие отношения.

Хотя именно Сикорский уже 23 июня 1941 года по радио предложил Сталину создать на территории СССР польскую армию и вместе воевать.

Армия Андерса, сформированная в приокских лагерях под надзором уполномоченного Политбюро ЦК РКП(б) Андрея Вышинского, уже воевала на Ближнем Востоке под английским командованием.

И Сикорский погиб, возвращаясь из армии Андерса.

Его гибель многие годы “вешают” не только на Сталина, но и на Черчилля, не желавшего ссориться с “дядей Джо” из-за каких-то там поляков.

Точно так же, как газета “Коммерсантъ” демонстративно хамит, в отчете из Смоленска утверждая, что Качинский и его свита летели почтить память соотечественников, “расстрелянных русскими”.

Можно подумать, что шеф НКВД Лаврентий Берия, в 1940 году предложивший Политбюро ЦК ВКП(б) расстрелять поляков (если допустить, что “записка Берии”, в которой страницы напечатаны на машинках с разным шрифтом – не фальшивка!), и его заместитель Богдан Кобулов, якобы координатор ликвидации лагеря в Катыни, по национальности были русскими!

Небезынтересно, что в биографической справке о Качиньском, многократно повторенной телевизионщиками в траурные дни, ни разу не упоминалось, что “великий демократ и гуманист” начал свою карьеру государственного служащего с поста шефа польской государственной безопасности в 1989 году в первом некоммунистическом правительстве Тадеуша Мазовецкого.

Тогда он уволил разом всех офицеров, начиная с майора и выше, объявив их “наследниками Дзержинского”.

Но, отказавшись от всего, чему научили польскую госбезопасность старшие товарищи из Москвы, он разрушил и очень жесткую, проверенную годами систему обеспечения безопасности первых лиц государства, никогда не дававшую сбоев.

Конечно, пан Лех не самоубийца.

Он не ждал гибели, как ее — до неправдоподобия покорно — ждали герои фильма Анджея Вайды “Катынь”, профинансированного из государственного бюджета и предписанного для обязательного просмотра во всех учебных заведениях Польши и воинских частях.

Родившийся в 1949-м, Качиньский, как и все его ровесники, был воспитан на фильмах молодого Вайды, преподнесивших миру совсем другой образ польского вояки. Вроде вполне реального капитана Козетульского, во главе своего эскадрона прорубившего путь войскам Наполеона в Мадрид через артиллерийские батареи, стрелявшие картечью в лошадиные морды и всадников.

При Качиньском в Польше была введена уголовная ответственность за торговлю предметами с коммунистической символикой. Даже торговцам футболками с изображениями Ленина грозит заключение на срок до двух лет.

Добровольный пленник клинической русофобии, культивируемой в Польше не одно десятилетие, Качиньский на долгие годы обеспечил пропагандистам Варшавы “образ восточного врага”.

Единственный “плюс” появления таких фильмов, как “Катынь”, — в том, что они неминуемо приводят к личности “мудреца”, обосновавшего необходимость и историческую справедливость массовых репрессий и запустившего их механизм. Звали его, как известно, Лев Давидович Троцкий, и возглавляемый им Революционный военсовет всю гражданскую войну имел неизмеримо больше власти, чем Совнарком товарища Ульянова, и уж тем более Наркомат национальностей во главе со Сталиным.

То, что он и приплывшие с ним из США на пароходе боевики делали в России, не так уж трудно квалифицировать, как “геноцид”. Но отнюдь не польского — русского народа!

Кстати, при раскопках в Катынском лесу в 1943 году при участии международных наблюдателей было обнаружено еще и множество русских трупов.

О них фильмов никто снимать даже не пытается!

Ну нет у нас своего Вайды!

И не предвидится!

В сентябре прошлого года Владимир Путин посетил Польшу по приглашению её правительства. Не мешало бы, однако, задаться вопросом, в каком статусе была приглашена Россия в дни юбилея начала Второй мировой войны?

Премьер Польши Дональд Туск, а также ряд других деятелей его партии (в первую очередь спикер Сейма Бронислав Коморовский) очень чётко сформулировали это накануне торжеств: в Польшу приедут высокие представители двух “стран-палачей” (понятно, Германии и России), и от них ждут “признания своей вины и покаяния” (<http://www.apn.ru/publications/article21922.htm>).

Уже сам приезд российского премьера означал согласие России на то, чтобы она была представлена наравне с Германией “виновницей войны”.

И Путин осудил Пакт Молотова–Риббентропа, покаялся за грехи отцов в статье, напечатанной в “Газете Выборча”.

Радостное настроение, с которым Польша слушала его, определил еще один важный юбилей, только что отпразднованный Польшей, юбилей, на который никого из Москвы не пригласили. Это было празднование 20-летия прихода к власти в Варшаве первого в Восточной Европе некоммунистического правительства “Солидарности” во главе с Тадеушем Мазовецким.

Польша отмечала этот юбилей 4 июня. В Варшаве состоялась торжественное заседание Сената и Сейма с участием представителей 24-х парламентов Европы и председателя Европарламента Ганса-Герта Поттеринга.

Евросоюз к этому дню приготовил полякам роскошный подарок, простив многомиллионные долги Гданьской судоверфи — “осинового гнезда профсоюзной “Солидарности”, — большую часть своей истории носившей имя Ленина.

Иначе как издевательством не назовешь, что именно на 4 июня было назначено очередное заседание варшавского суда, уже год разбиравшего обвинения в адрес генералов Войцеха Ярузельского и Чеслава Кищака. Два восьмидесятилетних старика, бывший коммунистический президент и шеф МВД Польской Народной Республики, в 1981 году вводили в Польшу военное положение, а 6 февраля 1989 года усадили товарищей по партии за “круглый стол” с главарями все еще подпольной “Солидарности” в бывшем дворце русского наместника в Варшаве.

Без этих старцев никакая “Солидарность” никогда бы никого не “победила”. В любой момент в подвал церкви Милосердия Божия на Житной улице Варшавы, где заседал Гражданский комитет при Валенсе, могла явиться группа захвата и сообщить: “Вы арестованы!”.

Но этого не случилось. Ярузельский не велел!

И в результате стало возможным то, что превосходило даже самые смелые фантазии “подпольщиков” из “Солидарности” и чего Москва, заболтавшаяся в процессе подготовки и проведения Первого съезда народных депутатов СССР, толком даже не заметила. 5 апреля 1989 года переговорщики подписались под документами, полностью и необратимо изменившими и Польшу и все то, что прежде именовалось “лагерем социализма”.

Согласно этим документам на выборах в Сейм мандаты должны быть распределены следующим образом: 65% для ПОРП и формирований-сателлитов, 35% – “для независимых групп граждан”, что на практике означало “Солидарность”; воссоздание второй палаты парламента, Сената, выборы в который “не ограничены никаким соглашением о разделении мандатов”; создание поста президента, избираемого двумя объединенными палатами парламента, то есть Национальным собранием (ранее избирался на всеобщих выборах); создание Национального судебного совета, стоящего на страже независимости судов, и наконец – легализация “Солидарности”.

4 июня 1989 года огласили результаты выборов. Кандидаты от Гражданского комитета при Лехе Валенсе получили 160 из 161 возможного мандата в Сейме и 92 из 100 в Сенате и право сформировать правительство!

Даже Лех Качиньский, получивший в правительстве Мазовецкого пост шефа Польской госбезопасности и впервые ставший “заметной фигурой”, понимал – среди его новых подчиненных не все в восторге от поведения генералов, позволивших выборам состояться.

По прошествии двадцати лет случившееся в июне 1989 года уже начинает казаться польской элите чуть ли не “победой над москалями”. Может быть, столь вольная интерпретация объясняется тем, что от побед на Востоке в Варшаве за несколько последних веков поотвыкли.

Между прочим, скромные ребята, работающие в Кремле, до сих пор не попросили публичных извинений за то, что польская солдатня трижды хозяйничала в Кремле.

В 1605 году группа авантюристов во главе с Дмитрием Самозванцем.

В 1610–1612 годах королевская армия.

А в 1812-м наполеоновские поляки.

Результаты этих нашествий были плачевны как для польской армии, так и для всей Польши. В ту пору Московское царство переживало Смуту. А Польша достигла пика военного могущества, но монарх у нее был никудышный. Сигизмунд Ваза из династии Ягеллонов по матери родился в шведской лютеранской тюрьме, но был воинствующим ультракатоликом, одержимым идеей вернуть Швецию в лоно католичества и заодно овладеть шведским престолом. Когда московские бояре согласились избрать царем королевича Владислава при условии, что тот примет православие – король выбросил сочиненную ими грамоту, а бояр велел заточить в острог. Ему захотелось стать католическим царем на Руси и вместе с католической Московией двинуть на Швецию.

Для начала он пошёл на Москву.

На огромных просторах от Волги и Дона до Белого моря поляки несли разбой и одичание. Под началом польских панов занимался бандитизмом всякий международный сброд. Но командование-то было польским и войско – тоже!

Известно, что все кончилось пленом голодных остатков польского гарнизона московского Кремля и долгим царствованием Романовых.

От безумных мечтаний о завоевании Московии остались записки современников.

Боярин Федор Шереметев, 1618: “Разнузданный солдат ваш не знал меры в оскорблениях и излишествах: забрав все, что только было в доме, он пытками вымогал золото и серебро... Смотрели мужи на насилие над женами, матери – на бесчестие несчастных дочерей... Никогда соплеменник наш не был называем вами иначе, как пес-москаль, вор и изменник. Даже и от храмов Божиих не умели вы рук ваших удержать”.

Зачем полякам помнить про все это?!

Да хотя бы ради психической гигиены.

С одной стороны, русская аристократия воспринимала поляков по крайней мере как равных в культурном смысле (до конца XVII века знание польского языка считалось в Москве признаком высокой образованности, ему обязательно учили царевичей). С другой – русские никак не могли избавиться от недоумения: побежденные в решающих битвах и принятые в “лоно матери России”, поляки не перестают бунтовать, несмотря на то, что относились к ним в Империи чаще всего лучше, чем к русским.

Нынешние руководители в Кремле стремятся “умаслить” потомков “гордых шляхтичей” так же, как это делали императоры в Петербурге. Но о чем можно всерьез договариваться с Варшавой, если предыдущий президент Польши Квасьневский, когда-то старательно писавший курсовые работы в Высшей комсомольской школе в Москве, лишился всех политических перспектив после того, как Сейм единогласно (!) принял постановление, декларирующее право Польши на военные репарации с нацистской Германии?!

Перечеркнув заявления бывших лидеров страны, будто “вопрос претензий к Германии закрыт”.

Едва Качиньского похоронили в Кракове в усыпальнице королей и великих полководцев прошлого (на демонстрантов, кричавших, что пан Лех ничего героического в своей жизни не совершил и в замке Вавель ему не место, пришлось не обратить внимания!), интерес к авиакатастрофе под Смоленском быстро утих.

Чтобы его “подогреть”, в интернете появился видеоролик, якобы зафиксировавший, как “русские спецслужбы” добивают уцелевших пассажиров президентского самолёта.

Обломанные стволы деревьев, дымящийся самолёт, очень похожий на “Ту-154”, тяжёлое дыхание бегущих к нему мужчин, крики по-польски и по-русски, выстрелы... и реплика: “Всё! Уходим!”

По уровню исполнения тянет на курсовую работу старшекурсника Лодзинской киношколы!

Вываленный во “всемирную паутину” уже на второй день после авиакатастрофы, ролик снабжен пояснительным текстом на польском языке с английским переводом.

Шустро работают, однако!

Премьер Туск производит впечатление вполне вменяемого человека, рвущегося наконец реализовать все те здравые идеи, на которые Качиньский регулярно накладывал вето просто из упрямства и неприязни к политическому конкуренту.

Но кто-то же оплатил изготовление провокационного видеоролика! И слишком долго ждать политической “прибыли” он не станет!

А помимо “киношедевра” в интернете прочно заночевала еще и версия о ложном радиомаяке, якобы сбившем самолёт Качиньского с безопасного курса при посадке.

В ближайшие годы будет о чём поболтать и польским историкам, и их российским приятелям.

А то ведь уже всем смертельно надоело обсасывание “записки Берия” с предложением расстрелять поляков и “записки Шелепина”. С предложением почистить архивы от слишком компрометирующих документов.

Ну кто же из психически здоровых людей способен поверить, будто шеф НКВД мог отправить вождю документ со страницами, напечатанными на машинках с разным шрифтом, а глава КГБ Александр Шелепин, не доверяя машинисткам и помощникам государственную тайну, заставил бы Хрущёва читать рукопись?!

Но люди, именующие себя “исследователями”, упорно делают вид, что две “записки” якобы что-то доказывают. Хотя это просто неряшливые фальшивки!

Цена им не выше, чем у купюр в два злотых, выпущенных гитлеровцами для оккупированной Польши, которые находили в карманах убитых в Катыни офицеров. На эти купюры дружно обратили внимание почти все свидетели раскопок, организованных гитлеровцами... Они заметили и расстрелянных ксендзов в сутанах и семьсот трупов солдат... Откуда взялись солдаты, если лагерь был “офицерский”?!

“Сядь в любой поезд, будь ты как ветер и не заботься ты о билете... – пела когда-то Марыля Родович в своем знаменитом шлягере. – Листик зеленый возьми ты в ладони... Прошлое больше тебя не догонит!”

А прошлое всё догоняет и догоняет!

Алексей Иванович Абрамычев, генерал-майор в отставке, ныне ответственный сотрудник Президиума Российской Академии наук, вспоминает годы своей молодости, связанные с участием в боевых действиях на Дальнем Востоке во время Корейской войны, и анализирует причины и ход этого, ныне уже почти забытого, военного конфликта начала пятидесятих годов XX века.

АЛЕКСЕЙ АБРАМЫЧЕВ

ПРАВДА О ЗАБЫТОЙ ВОЙНЕ

Быстро летит время! Вот уже 60 лет прошло с того памятного июня 1950 года, когда началась Корейская война — так назвали первый для нашей страны, после окончания Второй мировой войны, зарубежный военный конфликт, в котором в открытое столкновение с военно-воздушными силами США вступило крупное советское военно-воздушное соединение — 64-й Отдельный истребительный авиационный корпус (64-й ИАК), в состав которого, кроме авиационных частей и соединений, входили зенитные артиллерийские дивизии, сформированные в СССР на добровольной основе. Хотя после окончания этой войны прошло много времени, события, связанные с ней, во многом остаются загадочными. Не пора ли уже рассказать о том, что я помню и знаю...

Начну свой рассказ издалека. В 1938 году моего отца перевели по службе в штаб Закавказского военного округа, который находился в столице Грузинской ССР, в Тбилиси. В этом городе наша семья прожила три года до самого начала Великой Отечественной войны. В то время я был мальчишкой, но до сих пор с волнением вспоминаю грузинских друзей нашей семьи и моих школьных товарищей: Александра Тоадозовича Хелидзе, его сына Жору, семью Левы Сарибекова — его жену тетю Тину, их сына Сергея, моего школьного друга Гиви Никабадзе. Узнав Грузию и её народ, как говорится, изнутри, я даже в страшном сне не мог себе представить, что юноши-грузины смогут убивать своих братьев осетин, их жён, стариков и детей, что случилось в августе 2008 года. То, что произошло тогда в Закавказье, для меня стало личной трагедией. Отец моей жены Дмитрий Георгиевич Чичуа — грузин, выходец из Абхазии, прошёл всю Великую Отечественную от звонка до звонка, имел два ранения, одно из них штыковое. Война в Южной Осетии навела меня на грустные размышления: если уж руководители таких стран, как Россия и США, Владимир Путин и Джордж Буш, сидевшие рядом на открытии Олим-

пийских игр в Пекине, не смогли договориться, то что уж тут говорить и что уж тут обвинять руководителей прошлого, которые вот тоже не смогли договориться тогда, в начале пятидесятых...

Как и почему начинаются войны? Отвечая на этот вопрос, политологи пытаются выстроить в логическую цепь международные события ушедшего столетия, чтобы получить окончательное представление о смысле мировой политики в то время. Все они, как правило, сводят мировую политику XX века к клише борьбы “либерального” Запада с “советским коммунизмом”. Однако грузинская агрессия 2008 года и диктат Запада последних двух десятилетий в отношении уже некоммунистической России показывают, что главным аспектом “холодной войны” – была не “борьба с коммунизмом”, а борьба с “русским империализмом”, как представляли это на Западе.

Кто же развязал Корейскую войну?

Передо мною книга, подаренная перешедшим на сторону СССР бывшим английским разведчиком Джорджем Блейком, “Прозрачные стены”. Летом 1950 года Дж. Блейк работал в Сеуле (Южная Корея) секретарем посольства Великобритании. Когда войска Корейской народной армии (КНА) КНДР вошли в Сеул, посольские работники Великобритании остались на местах, хотя англичане имели возможность вернуться к себе домой, в свою родную добрую Англию. В результате все они были интернированы и препровождены в лагерь, в котором многие из них нашли своё последнее пристанище. Как такое могло произойти? Дело в том, что дипломатические работники английского посольства в Сеуле были ориентированы своим руководством, что Корея не входит в сферу национальных интересов Великобритании. Более того, они имели информацию, что интересы США в Юго-Восточной Азии, распространяясь на Японию и Тайвань, не касаются Кореи. Вступление Великобритании в Корейскую войну было для английской колонии полной неожиданностью. “В тот вечер, – вспоминает Дж. Блейк, – мы слушали Би-би-си. Услышанное было так неожиданно, что вызвало настоящий шок. Премьер-министр Великобритании Эттли объявил, что посылает солдат на помощь США, которые вводят войска под флагом ООН, чтобы поддержать правительство Южной Кореи. Мы оказались в ловушке, так как были уже не нейтралами, а представителями воюющей армии на территории врага... Не думаю, что американцы планировали свое участие, скорее всего, их втянул в авантюру генерал Макартур”.

Однако тайны со временем обладают свойством открываться, иначе они обрастают легендами. То, что скрывалось от работников английского посольства в Сеуле, не составляло тайны для руководителей Пентагона. За обилием публикуемых в СМИ фактических данных, таких как имена военных деятелей, номера частей, количество дивизий и сброшенных на противника бомб, названия деревень, рек, горных хребтов, скрывались их истинные цели, результатом которых являлись конкретные действия и события.

Раздумья над темой, связанной с началом Корейской войны, знакомство с опубликованными в последнее время документами привели меня к версии возникновения данного конфликта, противостоящей точке зрения, широко озвученной в средствах массовой информации. Теперь все, кто интересуется обстоятельствами, связанными с началом Корейской войны, знают, что незадолго до её начала Пентагоном был утверждён план “SL-17”, предусматривавший наступление северокорейских войск, отход армии южан, последующий контрудар американских и южнокорейских дивизий в сочетании с высадкой морского десанта в тылу КНА и полный разгром последней. Самое поразительное: события первых месяцев Корейской войны в точности развивались именно по этому сценарию...

Летом 1951 года, в пик “холодной войны”, меня, двадцатилетнего офицера в звании лейтенанта, неожиданно вызвали из Ленинграда, где я проходил службу на артиллерийской базе ПВО после окончания в 1950 году учёбы в дважды Краснознаменном пехотном училище имени С. М. Кирова, в главный штаб Военно-воздушных сил. В главном штабе, расположенном в Москве на Пироговской улице, я узнал, что зачислен в группу, которая будет направлена в правительственную командировку. На “Пироговке” оказалось много молодых людей в штатском, в светлых, из тонкого габардина спортивного вида костюмах типа “сафари”. В их облике было что-то таинственное. Это были

лётчики, только что вернувшиеся из Китая. Один из них, узнав, что нам предстоит правительственная спецкомандировка, предположил, что мы будем направлены в Китай.

27 июня нас принял начальник главного штаба ВВС генерал-лейтенант Павел Фёдорович Батицкий. Запомнился кабинет Батицкого – ничего лишнего. Дубовый письменный стол. На одной из стен – зашторенная карта. В углу комнаты – маятниковые часы. Слева – книжный шкаф. На полу ковёр голубого цвета – как позже узнал, по лётной традиции. Начальник штаба оказался мужчиной солидного телосложения. Он был относительно молод: не старше сорока пяти лет. Я обратил внимание на его авиационную форму с голубой окантовкой и голубыми лампасами, хотя генерал, по образованию и боевому опыту службы, являлся общевойсковым командиром.

Звучный бас генерала соответствовал его облику. Облик его был недоступный, но в манере держать себя просматривалась доброта, замешанная на снисходительности. Поздоровался он с нами за руку. Принимая нас, держался просто. Его внимание было направлено на каждого. Разговор начал нетрадиционно и сразу завладел нашим вниманием.

– Ну, что, артиллеристы, в штабе ВВС впервые? – спросил он, обращаясь к нам. И не дожидаясь ответа, как бы оправдывая себя за свою авиационную форму, продолжил, – я пехотинец. Когда устанавливались порядки в армии, военно-воздушные силы были в воздухе, поэтому меня руководство страны направило сюда для наведения общевойсковой дисциплины.

В начале встречи Павел Фёдорович предупредил нас о конфиденциальности доводимых до нас сведений. Сообщив о предстоящей правительственной командировке и отметив, что подбор кандидатов для выполнения спецзадания осуществляется на сугубо добровольной основе, он зачитал список нашей группы и штатные должности, которые предстояло нам исполнять. Обращаясь к офицерам, интересовался их здоровьем и семейным положением. Моя фамилия была произнесена последней, я встал и, как все до меня, назвал свою должность. Теперь думаю, что мой юный возраст и волнение привлекли его внимание.

Генерал, заглянув в моё личное дело, неожиданно обратился ко мне с вопросом: – Отец военный? – Да, он погиб в июле 1941-го. – А где же ты был во время войны? – В эвакуации. С родственниками в деревне работал... – Холост? – Так точно.

Далее, перевернув страницу личного дела, он спросил: – Сколько лет учился в Суворовском? – Пять. – Он вдруг улыбнулся и неожиданно громко, но по-доброму сказал: – Образование общевойсковое (после Суворовского я закончил пехотное училище), а погоны артиллерийские. Доволен?! – Вопрос начальника штаба попал в точку. Батицкий оказался хорошим психологом, он угадал моё состояние. – Так точно! – был мой ответ.

Генерал открыл шторку висящей на стене карты дальневосточного театра военных действий (ТВД). На карте была нанесена зона ответственности 64-го истребительного авиационного корпуса на Корейском ТВД. Пояснений не требовалось. Мы сразу поняли, что нам предстоит серьёзное испытание. Начальник штаба разговор начал с краткого рассказа о первом применении наших истребителей против американских разведывательных самолётов в Китае весной 1950 года. В то время Батицкий, находясь в Китайской Народной Республике, в качестве советского военного представителя оказался непосредственным свидетелем нарушения воздушного пространства Китая американским самолётом-разведчиком RB-29.

Мы узнали, что первой в Манчжурию из СССР прибыла 151-я истребительная авиационная дивизия, которая заступила на боевое дежурство в сентябре 1950 года. В её задачу входила организация, во взаимодействии с зенитной артиллерией ПВО, прикрытия войск 13-й армейской группы Народно-освободительной армии Китая (НОАК), развёрнутой у границ с Кореей. Одновременно с выполнением боевых задач личный состав этой дивизии занимался переучиванием китайских лётчиков на наши новые истребители МиГ-15. Оценка обстановки начальником главного штаба ВВС сводилась к следующему:

“...Проиграв Китай, США решили утвердить силой своё присутствие в Восточно-Азиатском регионе, выбрав для этой цели КНДР и Южную Корею. Американцам, руками корейцев, удалось спровоцировать 25 июня 1950 года военное столкновение, заманив Ким Ир Сена в ловушку. В первые дни кон-

фликта ударные эскадрильи ВВС США уничтожили практически всю авиацию Северной Кореи. В сентябре 1950 года американские морские пехотинцы высадились в Инчхоне. Северокорейцы не смогли помешать десанту. Некоторым удалось уйти в горы. Южнокорейским генералам и их американским инструкторам удалось “заманить” стотысячную сухопутную группировку войск КНДР в пусанский котёл. . . ”

Подойдя к карте и, указав на порт Инчхон, начальник штаба несколько раздражённо продолжил:

– Северокорейцы вместе с нашими советниками попались: не смогли закрепить своего успеха. Американцы ждали и были готовы к этому. Они выбрали наиболее удачный момент для высадки десанта, блокировали войска северокорейцев на юге полуострова. Если бы не китайские добровольцы, поражение было неминуемо. После согласования вопроса о вводе в Северную Корею китайских народных добровольцев (КНД) во главе с генералом Пэн Дэ-хуаем наш генштаб принял решение о формировании в Северо-Восточном Китае 64-го Отдельного истребительного авиационного корпуса (64-й ИАК). В настоящее время корпус организационно входит в состав оперативной группы наших ВВС в Китае под общим командованием главного военного советника Народной-освободительной армии Китая генерал-полковника авиации С. А. Красовского.

Завершил свою речь Батицкий неожиданным заявлением:

– Макартур хотел применить атомную бомбу. . . В апреле 1951 года президенту Трумэну пришлось его заменить на более послушного генерала Мэтью Риджуэя, бывшего командующего 8-й американской армией.

Потом Батицкий приступил непосредственно к инструктажу нашей группы, зачитал донесение о действиях частей и их потерях за последние сутки. К сожалению, потери были. Упомянув о потерях, генерал поделился с нами обстоятельствами, связанными с трагической гибелью лётчика-истребителя старшего лейтенанта Евгения Стельмаха. Пилотируя в воздушном бою перехватчик МиГ-15, вступив в бой с американскими “сейбрами” в районе 38-й параллели, Стельмах был вынужден катапультироваться вблизи линии фронта. Он удачно приземлился. Дальше случилось непоправимое: северокорейцы приняли его за американца и окружили лётчика. Ошибочно решив, что попал на территорию противника, Стельмах застрелился. . .

– Тяжело нашим ребятам там. Все согласны ехать?

Наше молчание было истолковано генералом, как наше согласие.

– Близким скажите, что едете в Китай. Учтите – никто не должен знать о месте вашего пребывания в командировке. Помните, мы официально не принимаем участия в войне в Корее. Ясно? Запишите, ваш адрес – полевая почта 54892.

Дорога на Дальний Восток показалась мне сверхдальним путешествием. Предстояло пересечь Уральские горы, проехать города Свердловск, Новосибирск, Иркутск, озеро Байкал, Читу и приграничную станцию Отпор. А расстояние на карте от Москвы до Кореи моему воображению представлялось бесконечным. В Отпоре нам было приказано снять погоны и сдать удостоверения личности.

Пересечение границы. Для меня это было впервые. Предстояло знакомство с другой страной. Степь. Широкая в несколько сотен метров распаханная полоса. В составе два вагона. Поезд шёл очень медленно. Мимо проплыли пограничники с автоматами. Спустя пятнадцать минут первая китайская станция – Маньчжурия. Местная пограничная охрана нас встретила доброжелательно. Китайские солдаты и командиры в лёгкой хлопчатобумажной одинаковой форме защитного цвета. Командиров отличала от рядовых более качественная обувь. Над левым карманом кителя каждого военнослужащего – небольшой квадратик из белой ткани с чёрного цвета иероглифами. Переводчик продиктовал: “Чжунго жэньмин цзефан цзюнь” – “Китайская народно-освободительная армия”. Он же сказал, что на обороте нашивки написана фамилия военнослужащего. Других документов у китайских военных в то время не было.

За разговорами не заметили, как подошёл поезд. В двухместном купе японского вагона было просторно. Пассажиров немного. Чистота. Как тронулся поезд – мы и не почувствовали. Между Цицикаром и Харбином мы вдруг

увидели русскую деревню. Точнее – хутор. На дворе у избы стояли молодая женщина в сарафане и старик в казачьей форме, в фуражке без кокарды и гимнастерке без ремня. И куры с петухами. За хутором по тропинке гуськом друг за другом передвигалась группа китайских крестьян. Все босиком. Впереди мужчина, за ним – его жена, а потом детишки, маленькие, нагишом.

Китайские крестьяне. Мне в чём-то они были близки: казалось, что я знал их раньше: видимо, осталось впечатление от книг Степанова – “Порт-Артур” и русского генерала-генштабиста Игнатьева – “Пятьдесят лет в строю”, и, конечно, уроков истории и литературы в Суворовском училище. Именно в те годы нам привили интерес не только к отечественной литературе, но и к истории в целом. Одним словом, ко всему, что и накапливается годами, постепенно создавая культуру целых народов.

В памяти осталась остановка в Харбине. До отхода поезда хотя и было около часа времени, в город мы не поехали, так как перед отъездом были предупреждены, что Харбин кишит бывшими белогвардейцами. На вокзале в ресторане встретили несколько местных русских. Они оказались работниками ресторана. Кто-то из нас в качестве сувенира передал им на память несколько журналов “Огонёк”. Надо было видеть, как жадно они стали рассматривать эти журналы, сколько радости доставили им эти весточки с покинутой ими (или их родителями) Родины, напечатанные на родном языке.

Теперь, много лет спустя, вспоминая эту встречу с маленьким кусочком Харбина, думаю о том, что в свои двадцать лет я почти ничего не знал о судьбе наших живущих за рубежом соотечественников.

Харбин возводился русскими в пустой и безлюдной маньчжурской степи именно как русский город, как административный центр КВЖД, которая по двустороннему договору России с Китаем, подписанному в 1896 году, прокладывалась по территории Маньчжурии. По самой наименее заселенной северо-восточной части Поднебесной империи. Договор с Китаем предоставил России в аренду на 80 лет полосу отчуждения для прокладки этой дороги, с правом возведения там всех необходимых построек, вспомогательных служб и сооружений (по истечении этого срока КВЖД должна была перейти в собственность Китая). Маньчжурская ветка позволяла “спрямить” маршрут “Великого Сибирского рельсового пути”, как он именовался в официальном рескрипте Александра III, более чем на 500 километров. Однако история распорядилась иначе. Японская оккупация принесла тревогу и страх не только китайцам. Его постоянно испытывали и русские харбинцы. Особенно в дни, когда по приказу японцев одна за другой стали закрываться русские газеты, русские учебные заведения (в которых учились и китайские студенты). Японская оккупация, продажа КВЖД оказались только первыми ударами по русским в Китае. Когда осенью 1945 года в Маньчжурию пришли свои – советская армия, только что разгромившая германский фашизм, начались репрессии против бывших белогвардейцев и их семей.

С образованием в октябре 1949 года КНР дискриминация русских эмигрантов, по рассказам очевидцев, не прекратилась. На пути от Харбина в Мукден мы пошли обедать в вагон-ресторан. В ресторане с нами за столиком оказался мужчина средних лет европейского вида. Во время обеда он молчал. Потом вдруг на чистом русском языке спросил:

– Вы из России? – Выдержав паузу, я задал незнакомцу аналогичный вопрос.

– Меня увезли родители из России 29 лет назад, – ответил наш новый спутник.

Потом состоялся следующий диалог.

– Так вы эмигрант?

– Я имею советский паспорт. Мне его вручил советский консул в Харбине. Но мне и моим детям не разрешено возвратиться на Родину. Китайские власти меня обвиняют в том, что я преподавал в школе во время японской оккупации. Моих родителей заставили уехать из страны трагические обстоятельства. Члены нашей семьи всегда оставались патриотами России. Нам же, россиянам, здесь, в Китае, кроме изгнания со своей родины на чужбину пришлось пережить японскую оккупацию, а теперь – диктат местной администрации.

– В каком городе живут ваши родители?

– Они умерли. Наша семья прожила большую половину своей жизни в изгнании, в Харбине. К сожалению, большинство людей, подобных мне, не са-

ми находят свою судьбу, а судьба их находит. Я боролся, как мне позволяли обстоятельства. Только избранные способны коренным образом изменить линию своей жизни. Я педагог, преподаватель русского языка, мог быть расстрелян японцами только за то, что я русский. Но я продолжал преподавать нашим детям русскую литературу. Однажды к нам на урок пришел японский офицер. По существу во время оккупации порядком мне пришлось подать команду: “Встать!”. Выслушав мой рапорт, японец через переводчика спросил: – Откуда в Харбине русские дети и русская школа?

Я ответил: наша семья эмигрировала в Китай во время гражданской войны.

– Что за портреты висят на стенах вашего класса? – спросил японец.

– Перед вами, господин офицер, портреты великих людей России – русского поэта Пушкина и русского композитора Чайковского.

Японец приказал снять портреты. Вместо них – повесить портрет императора Японии, а под ним лозунг, восхваляющий Страну восходящего солнца. Когда японский полковник вернулся к нам через месяц, на стене он увидел своего императора и лозунг на русском языке:

“Горит восток зарёю новой!”

После рассказа нашего соотечественника мы обедали молча. В тот день я впервые стал смотреть на “белую” эмиграцию другими глазами. Мне стало ясно, что недопустимо всех красить в один цвет.

Но вот, наконец, Мукден. Город выглядел мрачным. В пригороде – окопы. В центре привокзальной площади на высоком постаменте – наш танк Т-34. Много людей в военной форме. Окна домов города, на случай воздушного налёта, заклеены крестами газетной бумаги. Чувствовалась опасная близость войны. В приграничный с Кореей город Аньдун выехали ночью. Поезд состоял из пяти вагонов. Под утро тащивший их старенький паровозик одну из сопок не смог преодолеть: состав беспомощно скатился обратно. Пришлось всем выйти из вагонов и пешком взойти на сопку. После чего паровозик справился со своей задачей. Это всех развеселило.

Наш “состав” подошёл к очередному разъезду. Расплата за необоснованное веселье не заставила себя ждать. Увиденное на платформе повергло всех в шок... На всю жизнь запомнился этот душный стонущий полустанок, выцветший от солнца и дождей флаг Красного Креста санитарного поезда, который как-то крадучись подползал к платформе. Весь перрон сплошь был покрыт телами раненых, в окровавленных бинтах китайских солдат. Молящие о помощи глаза. Глаза изувеченных людей... Так мы, вдруг, были втянуты в один с ними поток, имя которому – война.

Оставшийся отрезок пути не сохранился в памяти. Помню однообразный пейзаж, сопровождавшийся мотивом вальса “На сопках Маньчжурии”, мутно-красный жаркий рассвет, ухающие взрывы бомб и канонаду зенитной артиллерии, отражающей налёт американской авиации на Аньдунский железнодорожный мост через Ялудзян. Чтобы не попасть под осколки своих снарядов, мы перешли под бетонное перекрытие заброшенного складского помещения.

Когда всё стихло и стрельба прекратилась, с западной стороны города мы услышали нарастающий характерный свистящий гул. После чего прямо над нами пронеслись друг за другом несколько истребителей МиГ-15, оставляя за собой след в виде узкой дымной ленты. Истребители шли с набором высоты, под большим углом к горизонту, попарно, будто связанные между собою невидимыми нитями. Полёт перехватчиков был легок. Казалось, что пилоты с трудом сдерживают рвущиеся вперед машины. Их совершенный облик источал огромный запас неизрасходованной силы и решимости не дать безнаказанно уйти неприятелю. На фюзеляжах самолетов мы увидели символику военно-воздушных сил КНДР. Выкрашенная в красный цвет верхняя часть хвостовых стабилизаторов придавала истребителям боевую красоту и молодеватую задирность.

– Наши пошли, – невольно вырвалось у меня. Я не ошибся. Красная полоса на вертикальном стабилизаторе была отличительным знаком истребительной авиации 64 Отдельного истребительного авиационного корпуса (64-й ИАК), действующего на Корейском ТВД... Через некоторое время за нами

приехал выдавший виды грузовик ГАЗ-АА с двумя военными в китайской форме. Один из них, младший лейтенант, офицер диспетчерской службы штаба корпуса – Монастырский, второй – китайский военный переводчик-референт Зоу Готин. Мы попросили доставить нас в управление корпуса, к генералу Белову.

Дорога проходила по степи. Справа – маньчжурские сопки. Слева – поля риса и гаоляна. Рассмотреть маньчжурские сопки во всей красе мешало солнце. Через пять километров от корейской границы, когда дорога перешла в “бетонку”, мы увидели ряд строений. Ещё через километр слева от нас открылось свободное пространство грунтовой взлётно-посадочной полосы с рулёжными дорожками и капонирами военного аэродрома, укрывающими истребители “МиГ-15”. Это был Аньдунский аэродром.

Помню, как поднялся плохо отёсанный шлагбаум – ворота, разделяющие как бы две половины моей жизни, как вытянулся, отдавая нам честь, китайский солдат в зелёной форме и матерчатой шапке, похожей на спортивную “бейсболку”.

Машина остановилась у небольшого двухэтажного дома, расположенного у основания сопки слева от дороги. У входа в строение мы увидели двух лётчиков в китайской форме. Оба были в кожаных куртках с авиационными планшетами в руках. Наша форменная одежда привлекла их внимание.

– Привет, салаги! – обратился к нам один из них, который был помоложе. – Пополнение? Как дела? Настроение хорошее?

– Хорошее, только бомбят, сволочи, – ответил ему прошедший Отечественную войну старший среди нас по возрасту киевлянин подполковник Василий Иванович Горбач.

– Товарищ командир! Это наши артиллеристы, – сдерживая смех, пояснил Монастырский.

– Ну, наконец, приехали, заходите, – мы поняли, что представлены командиру корпуса генералу Белову.

Командир корпуса принял нас на следующий день. В ходе встречи генерал поручил начальнику штаба полковнику Суслину передать нам для ознакомления необходимые оперативные документы для разработки плана развёртывания на КП пункта управления артиллерией. Встреча завершилась традиционным чаепитием. Прощаясь, командир порекомендовал работу начать со встречи с руководством артиллерийских частей и военными представителями нашего советнического аппарата в Китае. Поездку в войска он попросил не откладывать. Было решено выехать на следующий день.

Ночью мы проснулись от сигнала сирены. Все, повскакав с кровати, вышли из помещения. Вдруг в небе послышался гул бомбардировщиков, за которым вспыхнули лучи прожекторов, и раздалась орудийная канонада наших зенитных батарей. Около десятка прожекторных лучей стали шарить по небосводу, пытаясь отыскать “цели”. Когда яркие голубые лучи, рассекая небо на куски, вслед за гулом самолётов ушли в сторону, за ними удалились и выстрелы зениток. Разочарованные действиями нашей ПВО, мы вернулись в помещения и легли спать. В полночь, из-за повторного налёта, пришлось опять встать и опустить маскировочные шторы на окнах. Душная комната сразу превратилась в парную.

Первые прошедшие на новом месте сутки были для нас по причине высокой влажности тяжёлыми. Вернувшись после тревоги к себе в комнаты, мы развесили на кроватях противомоскитные сетки. Кровати – обычные, с пружинной основой, на которую был положен матрац. Все простыни и одежда оказались мокрыми. В довершение всего – обилие комаров. На земляном полу жилища прыгали блохи. Сетки же, натянутые над кроватями, почти не пропускали воздух.

Выключив свет в комнатах, используя китайские фонарики, купленные в местном магазине “колониальных товаров”, каждый из нас, перед тем как лечь в кровать, принял меры по уничтожению комаров, пробравшихся в пространство, которое москитная сетка превратила в застойную душную зону.

На следующее утро даже хорошо приготовленный лётный завтрак застревал в горле. Полагавшаяся плитка шоколада у всех оказалась нетронутой. После завтрака нам выдали китайское летнее хлопчатобумажное обмундирование. Оно повторяло форму китайских добровольцев. Правда, было авиа-

ционного образца. Фуражки и кители – защитного цвета. Брюки – авиационные, синие. В отличие от регулярных войск армии КНР на кителях были спороты нагрудные нашивки, располагавшиеся над левым карманом. Переодевшись, мы почувствовали облегчение. Все приняли душ. Душевую установку развернули на улице перед нашим домом. Она состояла из подвесных бачков американских истребителей “сейбров”, которые были подобраны в районе командного пункта. Они сбрасывались американцами при вступлении истребителей в бой.

КП зенитного полка дивизии полковника Петрова, который планировалось посетить, был развёрнут недалеко от моста пограничной реки через Ялудзян. К зенитчикам мы выехали на голодный желудок. Я взял с собой флягу с питьевой водой, предварительно обильно намочив ею чехол.

Мост через Ялудзян, протяжённостью с километр, соединял два приграничных города: китайский – Аньдун и корейский – Сингисю. Переправу пришлось преодолевать пешком по шпалам железной дороги: автодорожное покрытие было разбито при очередном налёте американской авиации. При переходе через мост, чтобы не закружилась голова, смотреть нужно было только вперёд: между проёмами шпал – многометровая пропасть.

Вместе с нами на корейскую землю переходили растянутые вереницей колонны китайских добровольцев. Они, двигаясь “полубегом”, несли на себе продовольствие и военное снаряжение. Эти части, направленные в Корею для восполнения потерь добровольцев генерала Пэн Дехуая, были сформированы на северо-востоке КНР.

Корейско-китайская граница, проходящая по железнодорожной переправе через реку Ялудзян, охранялась китайскими и корейскими пограничниками, которые, не удостоверившись, кто мы такие, встретили нас словами: “Кожедубо хао” (Кожедубовцы, хорошо), “Трумэн пу хао” (Трумэн – плохо), “Мао Цзэдун, Сталин – давай, давай!”. Искренне-наивное обращение пограничников вызвало у нас улыбки. Мы поняли, что ошибочно приняты за лётчиков, к которым отношение в Китае и Корее было особое. Форма китайского приветствия никак не согласовывалась со строгими предупреждениями генерала Батицкого об обеспечении нашей “конспирации”. Впоследствии мы узнали, что “граница” для русских, носящих форму китайских народных добровольцев, была открыта. Китайские и корейские пограничники у нас никаких документов не спрашивали. Хотя на государственном уровне присутствие советских частей в Корее скрывалось, о факте нашего пребывания в этой стране знало практически всё население КНДР и приграничной области Северо-восточной провинции Китая. Преодолев мост, мы оказались в Сингисю. У моста нас ждал командир Аньдунской зенитной артиллерийской дивизии полковник Петров.

Вступив на корейскую землю, каждый из нас испытал потрясение. На фоне увиденного кошмара китайский Аньдун показался мне мирным благополучным городом. Если не знать, что это Корея, город вполне можно было принять за Сталинград конца 1942 года. Его обитатели жили, как на переднем крае. Невольно в памяти возник увиденный нами несколько дней назад в дороге полустанок с платформой, покрытой телами изувеченных, в окровавленных бинтах солдат, и “студебеккер” – со сваленными в его кузов останками жертв этой мясорубки. Тяжело было представить, что каждый из убитых совсем недавно имел семью, детей, родной очаг...

Город Сингисю – один из крупнейших городов в Северной Корее, был весь в руинах. Наш “козлик” ГАЗ-67 двигался по дороге между походных колонн идущих “полубегом” в полной выкладке китайских солдат, которые приветствовали нас восторженными возгласами “Сулян тунжи, хао!” “Хао! Су – ля – ян!” (советские товарищи, хорошо!): каждый из русских, в их глазах, олицетворял лётчиков и артиллеристов, которые прибыли по просьбе “Мао” и “Кима”, чтобы защитить их от налётов штурмовиков и бомбардировщиков иноземцев. Летом 1951 года северяне задыхались от тотальных американских бомбардировок. Корея севернее 38-й параллели буквально зарылась в землю от бомб и неуправляемых ракетных снарядов (РС). Все её посёлки, железнодорожные узлы, дороги подвергались ожесточённому ударам с воздуха.

Нормальному человеку невозможно было понять, зачем повсюду: от линии фронта на юге, и до Сингисю, и дальше на север – происходит планомерное уничтожение целого народа? Почему, скорчившись, зарывшись в землю,

миллионы мирных людей, для которых эта земля является их родиной, должны прятаться от бомбардировщиков и истребителей, прилетевших из далёких стран, расположенных за тысячи километров от их земли? Зачем их стараются как можно основательней изувечить или убить?

Чем ближе был центр города, правильнее сказать центр развалин, тем чернее становилось небо и громче вой сирены. Вокруг в целости не осталось ни одного здания. Разбито было буквально всё. Американские штурмовики безнаказанно «утюжили» дороги, беспощадно расстреливали убегающих из разбитых жилищ людей. Жгли, применяя напалм, всё живое. Казалось, что какие-то могущественные силы, находящиеся где-то там далеко за океаном, поставили задачу перед ВВС Объединённых наций не только выиграть эту войну, но и наказать этот, по теперешней их терминологии, — «народ-изгой», привести его развороченную и разрубленную жизнь в смятение таким образом, чтобы он навечно запомнил преподнесённый ему урок.

Но, впервые увидев вставших в поле в полный рост корейских крестьян и китайских солдат с запрокинутыми в небо головами, которые, забыв о грозящей им опасности, с восхищением глядели, как наш маленький смелый «МиГ» разваливает на куски всей мощью своих грохочущих пушек американский «сейбр», во мне родилось ощущение, что эти люди способны пережить любые испытания...

Поразительным было то, что, охотясь за машинами, гоняясь на дорогах за отдельными людьми, в том числе за колоннами пленённых американцев (об этом вспоминает Джордж Блейк), убивая женщин, детей и стариков, разрушая их жилища, штурмовики Объединённых наций и американские бомбардировщики почему-то не трогали огромную высотную электростанцию Северной Кореи Супхун ГЭС, которая, наряду с переправами и аэродромами, являлась важнейшим стратегическим объектом этой страны... Удары по Супхунской ГЭС деловые американцы начали наносить только с 1952 года, когда потеряли надежду выиграть войну. Позже, к концу войны, по приказу из Москвы (нового начальника генерального штаба маршала Соколовского) мы, развернув рядом (в створе с этой плотиной, в ста метрах от неё) наш командный пункт, КП зенитчиков-артиллеристов, перебрались на него сами. В случае поражения плотины наш КП был бы уничтожен. Оборона оказалась надёжной. Все остались живы, а обороняемый объект цел.

С первым посещением плотины в памяти осталось «приключение», которое чуть не закончилось трагически. Как-то мы выехали на позиции подразделения зенитно-прожекторного полка. Зашёл разговор о Супхунской ГЭС. Я спросил у попутчиков, какой дорогой лучше до неё добраться. Они ответили, что плотина недалеко. Если хотите, можно на неё проехать. Плотина представляла собой уникальное сооружение, возведённое в седловине между сопок. В районе плотины мне пришлось быть раньше при посещении прожекторных точек. Однако непосредственно на плотине я ни разу не был.

Командир полка предоставил в наше распоряжение свою машину, американский трофейный «виллис» с белой звездой во весь капот: его шофер знал кратчайшую дорогу. Определив по карте маршрут, мы двинулись к месту назначения. На свою беду, мы не знали, что где-то севернее, в районе города Нампо, находился лагерь интернированных сотрудников посольств, государства которых направили свои вооружённые силы в состав войск Объединённых наций, воюющих против Северной Кореи. Режим содержания интернированных иностранцев был относительно свободным. Во всяком случае, корейская охрана допускала перемещения дипломатов в отведённом для них районе. Однако они внимательно следили, чтобы дипломаты не переходили его границы.

Километров через пятнадцать, не останавливаясь, мы миновали шлагбаум с китайским часовым. Китаец поднял шлагбаум, видимо, это произошло у него автоматически, так как несколько позже мы были задержаны при въезде на территорию китайской воинской части. Китаец-часовой направил винтовку с примкнутым штыком на сидящего за рулем шофера, что-то сказав на своём языке. Шофёр на всякий случай убрал руки с баранки машины. В глазах задержавшего нас китайца можно было прочесть то же, что в глазах солдата любой армии, когда он смотрит на начальство, — смесь отчуждения со страхом. Он, как мне показалось, понимал, кто мы такие. Но, видимо, какие-то соображения заставили его быть осторожным.

Далее, уже под охраной, мы были препровождены группой китайских солдат, обвешанных парабеллумами, к отдельному бараку, в котором размещалась караульная служба. По дороге миновали большое скопление солдат, сидящих на корточках. Перед ними на коленях стояли два китайца со связанными руками и охранявшая их вооруженная караульная группа. Картина была не из приятных. Мы знали, что подобные “собрания” зачастую завершаются расстрельным приговором, который приводился в исполнение на месте. Положение усугубляла подозрительность, вызванная антиамериканской шпиономанией. Американские белые звезды на капоте “виллиса” усугубили неблагоприятно развивающуюся ситуацию. Между тем, нас проводили в отдельное небольшое помещение и предложили сдать оружие. На что мы ответили категорическим отказом. В ответ китайцы заперли нас в комнате, выставив у двери с обеих сторон по часовому.

Мы были обескуражены, так как за всё пребывание в командировке ни с чем подобным нам сталкиваться не приходилось. В то же время мы понимали, что нам не остаётся ничего иного, как подчиниться. Настораживало другое: мы почувствовали нарастающее, по мере развития событий, враждебное к нам отношение. Подозрительные взгляды были тому подтверждением. Пришедший начальник долго и внимательно осмотрел каждого из нас. Потом его взгляд остановился на нашей кожаной обуви. Её он стал осматривать со злобной подозрительностью.

Симонов активно пытался самыми невообразимыми жестами объяснить китайцам, что произошло недоразумение. Но это только их настораживало. В отличие от Симонова и Зверева мы с шофёром чувствовали себя более-менее спокойно. И оно понятно. По своему служебному положению являясь самыми младшими, мы полностью доверились старшим товарищам. Как бы там ни было, оставшись с нами четвером, Симонов попытался совместно наметить дальнейший план действий. Проблема состояла в том, что никто из нас не имел документов. Кроме того, мы не имели права раскрывать своё должностное положение и название воинской части. Не говоря уже о том, что никто из нас не знал китайского языка. Английский язык Симонова мог в данной ситуации нам только навредить.

В это время вдруг грянули, один за другим, два пушечных выстрела. Все притихли. Зверев же обнаружил, что хочет пить:

– Вода осталась в машине, – сказал он. Наступила пауза, после которой Симонова охватила жажда деятельности. Решив, что с этим надо кончать, видимо, почувствовав прилив отваги, он, неожиданно вскочив, подбежал к оторопевшему часовому и закричал, в одно мгновение израсходовав весь свой словарный запас китайского языка:

– Трумэн пу хау! Мао-Джу хау! (Мао-Джу – сокращение, принятое в вооруженных силах Китая от объединения имен двух вождей – Мао Цзэдуна и Джу Дэ).

Китайский часовой сначала растерялся, потом вдруг ответил “Сталин хау!” и стал стучать в дверь. Пришедший его начальник, с птичьим лицом, переговорив с караульным, куда-то ушёл. Вскоре вернулся и предложил нам идти с ним.

Минут через пять мы были представлены пожилому китайцу в военной форме. Нам повезло: он мог изъясняться по-русски. Посмотрев на нашу авиационную форму, он хитро улыбнулся и спросил: “Кожедубо”? В комнату принесли традиционный чай. Инцидент был исчерпан.

В этот же день мы добрались до Супхунской плотины и были заворожены открывшейся перед нашими глазами панорамой. Увиденное явилось своеобразным подарком за только что пережитый стресс.

Плотина огромной высоты перекрывала реку Ялудзян в самом её узком месте. Поток воды неимоверной силы сбрасывался с головокружительной высоты с характерным громopodobным шумом. От этого зрелища невозможно было оторваться. . .

Гигантское бетонное сооружение, построенное в горах Северной Кореи, высотой в 106 метров и длиной почти в километр раскинулось перед нами. Система северокорейской ГЭС состояла из ряда независимых элементов, многие из которых были скрыты под землёй. Она представляла собой современную, не имеющую аналогов сеть ГЭС и являлась одной из крупнейших

промышленных ценностей в Азии. Её уничтожение могло привести к катастрофе с трудно предсказуемыми последствиями.

На КП прожектористов от полковника Беленко мы узнали, что Супхунская ГЭС строилась наряду с другими сооружениями, входящими в энергетический комплекс Корейского полуострова, в течение 20 лет для снабжения Западной сети Кореи. Крупнейшая из электроэнергетических станций Супхун не только снабжала электроэнергией весь полуостров, куда направлялось 90% вырабатываемой электроэнергии, но и отдавала 10% своей электроэнергии промышленным центрам Маньчжурии. Общая мощность 4-х главных систем (Супхун, Фусен, Чанчжин и Кесен) составляла более полутора миллионов киловатт.

После 1948 года, уже при власти Ким Ир Сена, линии электропередачи, связывающие между собой Западную и Восточную сети, стали способны передавать значительное количество электроэнергии из одной сети в другую. Разрушение такой гибкой системы потребовало бы массированных налетов по всей системе электростанций в целом. Чтобы вывести из строя всю сеть, необходимо было поразить каждый её элемент, что было сложной дорогостоящей задачей даже для американцев.

На всех войнах случаются парадоксальные ситуации. Корея не была исключением из общего правила. Наш метеоролог Владимир Кузнецов рассказывал мне, что якобы, с молчаливого согласия обеих воюющих сторон, несколько населенных пунктов южан почти всю войну “тайно” пользовались электроэнергией северян. Ведь по обе стороны 38-й параллели жил один народ, который не по своей воле был искусственно разделен надвое. Поэтому “северяне” тайно делились малой толикой своей электроэнергии с “южанами”. Так было до тех пор, пока в феврале 1952 года, недалеко от 38-й параллели, авиацией США была случайно разрушена северокорейская подстанция, которая питала местные южнокорейские объекты. После того как Ким Ир Сен отказался её восстановить, американцы буквально стерли с земли эту подстанцию.

Руководство США, рассчитывающее в начале конфликта на быструю победу, не теряло надежду завершить эту войну захватом всей территории КНДР. Так было вплоть до начала 1952 года. С начала войны американцы были убеждены, что Корейская война закончится безусловной победой США и их союзников. В самом крайнем случае путем применения атомного оружия. Соответствующие “утечки” подобных угроз, с ведома администрации президента Трумэна, сбрасывались в прессу. Думается, что в случае реализации этого замысла, по аналогии с Японией, удар мог быть нанесён по мирным объектам, не представляющим экономической ценности.

Взглянуть на давно прошедшие события по-новому заставила меня встреча в начале 1980-х годов с командиром воевавшего в Корее 64-го ИАК генерал-лейтенантом авиации Героем Советского Союза Георгием Агеевичем Лобовым (вскоре после нашего приезда он заменил Белова). В то время Георгием Агеевичем заведовал кафедрой авиации в Военной академии имени Фрунзе. В период так называемой перестройки он начал работать над записками о Корее. Лобова заинтересовал вопрос, связанный с началом Корейской войны. В разговоре с нами обмолвившись, что конфликт был спровоцирован американцами, Георгий Агеевич, вспоминая прошедшие события, провёл аналогию трагедии, связанной с началом войны в Корее, с трагедией, постигшей американский флот США в гавани Пёрл-Харбор. По словам Лобова, “правда Пёрл-Харбора” и “корейская правда” ещё долгие годы будут запечатлены в особых сейфах спецслужб и библиотеки Конгресса Соединённых Штатов. Он считал, что корейский конфликт явился результатом масштабной провокации администрации президента Трумэна, в которой американцами была эффективно использована вся мощь психологического воздействия на противника. Главной задачей, стоящей перед органами психологической войны США, являлся показ действий вооружённых сил этой страны как легитимной оборонительной операции.

Недавно я познакомился с книгой американского контр-адмирала Теобольда “The Final Secret of Pearl Harbor” – “Последняя тайна Пёрл-Харбора”. Он пишет, что о нападении японцев на Пёрл-Харбор в Вашингтоне знали заблаговременно. Мнение контр-адмирала Теобольда согласуется с данными, приведёнными Робертом Стиннетом и Марком Уайлли в книгах “Day of

Deceit” – “День обмана” (автор Стиннет) и “Pearl Harbor – Mother of All Conspiracies” – “Пёрл-Харбор – мать всех заговоров” (автор Уайлли). По словам последнего, за несколько дней до атаки на Пёрл-Харбор в открытое море из его гавани вышли два самых ценных корабля американского Тихоокеанского флота – авианосцы “Энтерпрайз” и “Лексингтон”. В гавани Пёрл-Харбор осталось множество кораблей “не первой молодости”, “подставленных”, по словам Марка Уайлли, в прямые ряды, как на параде, и составляющих идеальную мишень для противника.

Я воскрешаю в памяти первую поездку в Пхеньян и моё знакомство с советником при корейском генштабе полковником Дмитриевым, которое состоялось под Пхеньяном во второй половине 1951 года. Дмитриев считал, что американцы приступили к подготовке морских десантов на западном (в Инчхоне) и восточном побережьях Корейского полуострова (в Вонсане и в Хыннаме) задолго до начала конфликта.

Если верить западной прессе, война в Корее для США началась “внезапно”. Однако администрация президента Трумэна действовала мгновенно, как по заранее разработанному плану. На второй день войны американские самолёты атаковали аэродромы КНДР, расположенные вблизи 38-й параллели Корейского полуострова. А 29 июня, на четвёртый день после её начала, получив от советской стороны заверения о невмешательстве в конфликт, американцы сразу приступили к срочной переброске в Южную Корею своих войск из Японии. Уже 7 июля Совет Безопасности по предложению Трумэна принял резолюцию о формировании международных вооружённых сил. Так война на Корейском полуострове была интернационализирована.

Позже стало известно, что в январе 1950 года глава американских советников в Корейской Республике генерал Робертс на одном из совещаний южнокорейского правительства поставил южнокорейского президента Ли Сын Мана в известность, что “план похода – дело решенное... Хотя нападение начнем мы, – заявил он, – всё же надо создать предлог, чтобы иметь справедливую причину”.

Анализ материалов западной прессы показывает, что американцам была известна дата вторжения северян в Южную Корею. За день до начала боевых действий, 24 июня, неожиданно от линии соприкосновения было отведено несколько наиболее боеспособных южнокорейских частей (с тем, чтобы они не попали под первый удар армии Ким Ир Сена. – **Авт.**).

Новейшая история военных конфликтов свидетельствует: любому конфликту, в котором участвовала Америка, предшествовали соответствующие сценарии, направленные на оправдание активной вооруженной “защиты” её “национальных интересов”. Разработка подобных сценариев стала для американских аналитиков традицией. Для вступления во Вторую мировую войну США потребовалась “японская дверь” (необходим был Пёрл-Харбор), для высадки морского десанта в Инчхоне – корейская гражданская война, для нападения на Ирак – якобы “наличие” у этой страны оружия массового поражения, а в случае с Южной Осетией – “нападение” российских миротворцев на Грузию, и так далее.

В 1950 году в борьбе за плацдарм, граничащий с Китаем и СССР на Восточно-Азиатском континенте, 33-й президент США решил действовать традиционно – вступить в борьбу, воспользовавшись “корейской дверью”. Однако перед ним стоял вопрос: “как сманеврировать, чтобы Северная Корея сделала “первый выстрел”. Надо отдать должное Г. Трумэну – в этой “шахматной партии” ему удалось переиграть Сталина.

Свои планы в этой войне были и у Китая. С провозглашением КНР на международной сцене заявил о себе новый игрок со своими проблемами и интересами. Молодая Китайская Республика получила на своей южной морской границе смертельного противника в лице генералиссимуса Чан Кайши, который под прикрытием сил США, обладающих атомным оружием, обосновался на острове Тайвань. Угроза объединения Кореи под руководством Ли Сын Мана создавала Китаю ещё одну проблему, но уже на севере страны.

В 1950 году перед Сталиным стояла дилемма. С одной стороны он понимал, что СССР может быть вовлечён в опаснейшее военное противостояние с США. Кроме того, объединение “двух Корей” под властью Кима могло привести к созданию мощного азиатского коммунистического центра во главе с Мао

Цзэдуном, альтернативного европейскому “социалистическому лагерю”. В то же время не поддержать инициативу Кима и Мао означало настроить против себя китайцев.

Сталин пошёл на компромисс: решил на словах поддержать двух коммунистических лидеров, но при этом ограничиться только займом КНДР на поставку вооружения.

25 июня 1950 года войска КНДР перешли на рассвете границу и вторглись на территорию Южной Кореи.

Однако когда основные силы войск Ким Ир Сена были сосредоточены в районе Пусана, в ночь с 14 на 15 сентября 1950 года войска объединённой коалиции высадили десант в Инчхоне. Этот десант представлял мощную группировку “войск ООН”, насчитывающую 50 тысяч пехотинцев с танками и артиллерией и прикрываемую 300 военными кораблями и 835 самолетами. Полученный в ходе высадки десанта в Корею в 1945 году в Инчхонской гавани опыт и сама конфигурация Корейского полуострова, напоминающая мешок (созданную природой западню), максимально облегчили американцам задачу.

К концу октября части южан вышли к границе с Китаем, проходящей по реке Ялудзьян. Казалось, что замысел американцев удался, КНДР разгромлена и вся Корея объединена под эгидой проамериканского режима. Но неожиданно для американцев жизнь преподнесла руководству коалиции сюрприз. 25 октября на территории КНДР были введены многотысячные отряды китайских добровольцев, возглавляемые генералом Пэн Дэхуаем. Армия Пэн Дэхуая состояла из частей и подразделений, вооружённых в основном стрелковым оружием. Она не имела авиации и флота. Не было в достаточном количестве артиллерии и танков. Не было у китайских добровольцев и опыта ведения борьбы с противником, оснащённым современной боевой техникой. И всё же добровольцы представляли собой силу, которая благодаря внезапности и сплочённости оказалась способной не только остановить противника, но и опрокинуть его.

За восемь дней (с момента перехода ими границы КНДР по реке Ялудзьян), к 3 ноября, китайцы продвинулись на 60 километров на юг, в направлении к Анчжу, и создали угрозу выхода в тыл американскому корпусу, наступающему на Аньдун. В последующие два дня интервенты были отброшены за реку Чхончхондон на рубеж Анчжу – Токчхон. Только на этом рубеже американцы, наконец, оказались способны приостановить наступление частей Пэн Дэхуая. Но их попытка выйти на старые позиции и закрепиться в районе реки Ялудзьян потерпела неудачу.

Китайские добровольцы в условиях превосходства противника в технике стали действовать ночью. Они навязывали американцам, боявшимся ближнего боя, рукопашные ночные схватки, в которых вырезали целые их подразделения.

Следующее внезапное для американцев контрнаступление добровольцев и частей КНА началось также ночью: в ночь на 25 ноября – на пхеньянском (западном), и в ночь на 27 ноября – на хамхынском (восточном) направлениях. 7 декабря была освобождена столица Северной Кореи – Пхеньян. 4 января войска КНДР вошли в Сеул. Часть интервентов погрузилась на суда и спешно эвакуировалась. Остальные силы отступили на юг.

Американский генерал Риджуэй вспоминает: “Всего в нескольких километрах к северу от Сеула я столкнулся с бегущей армией. До сих пор мне не довелось видеть ничего подобного. Солдаты побросали тяжёлую артиллерию, пулемёты и миномёты. Лишь немногие сохраняли винтовки. Все они думали об одном: как лучше убежать”.

Стремясь перехватить инициативу, американское командование вынуждено было перебросить на территорию Кореи значительные подкрепления. Ударами американской авиации был серьёзно повреждён Аньдунский мост через реку Ялудзьян и разрушены мосты в районе Анчжу. Армия Пэн Дэхуая осталась без тылового обеспечения.

26 января части 8-й американской армии под командованием генерала Риджуэя перешли в контрнаступление на сеульском направлении, а 5 февраля – на остальном фронте. В результате ожесточённых боев, проходящих в условиях снегопада при двадцатипятиградусных морозах, испытывая острую нужду в продовольствии, боеприпасах и снаряжении, объединённое северокорейское командование осуществило последовательный отвод сил в район

38-й параллели. К лету 1951 года фронт застыл на 38-й параллели. Маневренный период войны завершился. Обе стороны закрепились на достигнутых рубежах. Позиционная оборона вступила в свои права.

В сложившейся ситуации главнокомандующий коалиционными войсками ООН генерал Дуглас Макартур в сообщениях в Вашингтон предлагал президенту начать атомную бомбардировку Китая. 30 ноября 1950 года на пресс-конференции Трумэн выступил с сенсационным заявлением. Он произнёс: “Если потребуется, Америка начнет ядерную войну”. Но Вашингтон не решился на этот шаг. Г. Трумэн, опасаясь, что Макартур может предпринять необратимые шаги к мировой войне, внезапно освободил генерала от должности. Этим актом президент США признал “де-факто” образование на Корейском ТВД баланса сил.

Со стороны Северной Кореи, с учетом китайских добровольцев, — имелось подавляющее превосходство в людях; южнокорейские силы — имели преимущество в средствах вооружённой борьбы, в первую очередь, в стратегической бомбардировочной и штурмовой авиации. К этому времени относится начало переговоров о перемирии. Они начались весной 1951 года в Паньмынчжоне. После длительных дискуссий стороны пришли к соглашению о шестидесяти пунктах договора. Спор продолжался по одному вопросу — о порядке репатриации военнопленных.

Наша командировка длилась двадцать семь месяцев. В течение этого срока, по соображениям безопасности, я сопровождал своего непосредственного начальника — заместителя командира корпуса по артиллерии полковника Л. С. Бобахо, практически во всех его поездках по батареям и прожекторным точкам артиллерийских дивизий. Вёл памятью посещений частей и контроль исполнения его указаний. В это связи были разные встречи. Когда мы на нашем “козлике”, машине “ГАЗ-67”, оказывались на корейских дорогах, нас всегда на всём протяжении пути следования сопровождали восторженные возгласы и крики приветствий не только солдат, идущих с полной боевой выкладкой в сторону фронта со своими частями, но и простых людей, корейских женщин, их детей. Естественно, каждый из нас, как мог, старался помочь им. Если позволяли условия, делились с ними едой. Иногда подвозили местных жителей, если честно, чаще молодых корейцев, до их неприхотливых жилищ-землянок. Наша машина, “ГАЗ-67” была небольшой. На заднем сиденье машины едва можно было разместиться вдвоём. Мне нравилась эта теснота. Ведь, в конце концов, мы были молодые двадцатилетние ребята...

Не обошлось и без казусов. В памяти остался один из дней наших “путешествий” по дорогам Кореи. Не помню, кто сказал, что страх капризное чувство, зачастую не связанное с рассудком. Пример тому случай, который произошел со мной на КП дивизии полковника Мешкова.

Путь проходил серпантинном между сопок по северной дороге. С вершин сопок, на перевалах, открывались картины уходящих к горизонту, дышащих синевой далёких гор, внизу в зелени долин, местами залитых водой, копошились одетые в белое люди. На рисовых полях работали взрослые и дети. В глубине сопок размещались части китайских добровольцев. Маршруты их скрытых от глаз перемещений проходили по всей стране. Корея — в переводе на русский язык — “страна утренней свежести”: утро прохладное, к полудню в зените яркое солнце, тепло, но не жарко. На склонах сопок мелкорослые дубки и сосенки, повыше акации, внизу — огромные “ночные деревья” — каштаны. В воздухе, если повезёт, можно услышать голос иволги. А когда случались обстрелы и бомбёжки, то не выдерживали и кричали обеспокоенные фазаны.

КП дивизии был расположен в большом густом лесу на склоне сопки, сплошь покрытой высокими соснами: спрятан от глаз вражеской авиации. Место красивое, сравнимое с нашим дальневосточным Приморьем. Вечером Бобахо остался с Мешковым на КП дивизии. Командир дивизии встретил его гостеприимно:

— Я, как волк, — улыбаясь сказал он, — меня всегда в лес тянуло. И по грибы можно ходить. Корейские местные военные, солдаты и офицеры, и гражданские власти относятся к нам хорошо. Показываются редко, хотя снабжают штаб и части всем необходимым.

На КП дивизии меня устроили на ночлег в одной из землянок на склоне сопки. Шофёр Митя Рецо сказал, что будет спать в машине. Землянка, вко-

панная в грунт на склоне сопки, в которой я собрался ночевать, представляла собой помещение площадью не более четырёх квадратных метров, с маленьким столиком и крошечным окошечком, занавешенным марлей. Стены помещения были аккуратно оклеены газетами. На столике стояла восковая свеча, рядом с ней лежал коробок спичек. Вечером в дверь землянки постукали. На пороге оказался Митя. У него в руках была книга Теодора Драйзера “Американская трагедия”. За дверью в тёмном пространстве, сколько видел я в сторону командного пункта, не моргало ни огонька. Только наверху в бездне неба сказочно раскинулись Андромеда, Кассеопея и Медведица с Полярной Звездой.

– Хочу перед сном почтить, – обратился Рецо ко мне. Я зажёл свечу.

– Проходи, будем спать по очереди, – был мой ответ.

Отчего я проснулся, не знаю, – видимо, от дыма. На мне горело одеяло. Стены землянки, оклеенные газетой, вспыхнули подобно пороху. В проходе я наткнулся на Рецо, он двигался впереди меня.

– Где оружие?

– Там осталось.

Я бросился в обратном направлении в землянку. Схватив из-под подушки пистолет и лежащий на столе автомат Рецо, вернулся обратно. Чувство страха потерять оружие оказалось сильнее опасности погибнуть в огне.

Читая “Американскую трагедию”, Митя уснул. Пламя от свечи, видимо, зажгло марлю на окне. Далее случилось то, что случилось.

На командном пункте дивизии, на котором мы появились в нижнем белье, нас встретили с улыбкой. По молодости нас простили.

На следующее утро Бобахо уехал без меня вместе с командиром дивизии. Я, к своему стыду, после ночного происшествия проспал. Подъехав к батарее, по просьбе Рецо, машину отпустил для заправки. На батарее мы оказались, когда шёл налёт на переправы.

Подходя к позиции зенитчиков, расположенной на сопке, я увидел на склоне несколько легковых машин только что приехавших офицеров, сопровождавших командующего. Рядом с машинами отдельной группой сидели на траве водители, которые, воспользовавшись перерывом, чистили своё оружие. Где-то вдали слышалась канонада.

Внезапно земля качнулась под ногами – взрыв разорвал воздух. Это был РС – реактивный снаряд. Я пришёл в себя, прижатый к земле телами оказавшихся на мне шофёров, интуитивно бросившихся в находящуюся рядом щель. Выбравшись из неё, почувствовал себя неловко, так как потерял над собой контроль на глазах рядовых солдат.

В конце этого же дня, возвращаясь с батареи, мы с водителем посадили в машину девушку с ребёнком. На заднем сиденье места хватило только на корзину и нашу молодую попутчицу. Едва я успел переложить в корзину корейки наши продукты, как облака закрыли небо, и день превратился в ночь. То и дело небо освещалось молнией, за которой следовали мощные раскаты грома. Затем дождь обрушился на землю. Машину на скользкой дороге занесло в кювет, выбраться из которого нам не удалось. Шофёр ушёл за помощью. Мы остались втроем: девушка с ребёнком и я. Раскаты грома, похожие на артиллерийскую канонаду, следовали один за другим. Натягивая тент на машину, мы все до нитки промокли. Ливень шумел, набирая силу. Запахло мокрой землей. Вдруг удар грома, последовавший за вспышкой молнии, осветившей на фоне зеленоватого неба силуэты деревьев и лицо корейки, обрамлённое чёрными, как смоль, волосами, потряс землю. Струи ливня пулемётной очередью обрушились на тент нашей машины. Затем ветер стих. В ровный гул дождя вошли новые звуки: канонада зенитной артиллерии, которая смешалась с плеском потоков, мчавшихся по рядом проходящему врагу. Чтобы согреться, мы расположились на заднем сиденье, обнявшись – так было теплее и, казалось, безопасней... Тогда мне хотелось, чтобы этот проливной дождь длился хоть до утра, лишь бы сидеть здесь вместе и видеть, как уже теряющие свою мощь медленные молнии освещают лица юной красавицы и её маленького ребёнка.

Дождь стих ближе к сумеркам, когда к нам подъехал тягач вместе с Дмитрием Рецо. Не могу сказать, что появление наших спасателей обрадовало меня...

*Забуду ли я дороги, похожие друг на друга,
походную флягу с сури, что грела меня и друга...
Мы пьём, по-солдатски, немного и никогда не хмелеем,
читаем стихи Щипачёва, кочуя по горной Корее.
Штурмуют “шуты”, “метеоры”, горят на дорогах танки...
Но я никогда не забуду красавицы корейки!*

Всякое бывает на войне.

В 1952 году командный пункт 64 ИАК посетил командующий китайскими добровольцами генерал Пэн Дэхуай вместе с секретарём Северо-Восточного бюро ЦК КПК и председателем народного правительства Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) Гао Ганом. Кто в те дни из нас мог предположить трагическую судьбу этих людей?.. Они пострадали в ходе китайской “культурной революции”. Теперь, спустя много лет после тех событий, мы имеем возможность оценить уровень их нравственной силы.

Пэн Дэхуай и Гао Ган произвели на всех сильное впечатление. Доброжелательные и открытые по характеру люди, они в разговоре держались просто, без позы. Запомнилось, что, характеризуя тактику ведения боёв отрядами добровольцев против сил Объединённых наций, Пэн Дехуай остановился на партизанской тактике ведения боевых действий против американцев. Говоря об эффективности её применения, среди прочего он сказал (привожу по памяти): “Мы не успели перестроить свою армию. Она осталась партизанской по своему опыту и составу. Американцы оснащены современным вооружением. Их солдаты хорошо владеют этой техникой. У них танки и авиация. Днём на дорогах они очень опасны, поэтому мы в светлое время отходим в горы и туннели, где для нас не страшны ни танки, ни бомбардировщики. Мы прячемся. У нас нет тылов вплоть до полка. Нашему бойцу мало нужно. Зимнее снаряжение, оружие, рис и боеприпасы – в индивидуальной поклаже у каждого солдата. Для остальных припасов и для эвакуации раненых у нас имеются специальные тыловые команды. Всё вооружение переносимое. Мы привыкли к партизанской войне, овладели навыками партизанской тактики. У нас старые кадры, для которых сложно овладеть современной техникой. Сразу не перестроимся. Поэтому приходится воевать старым способом. Днём отсиживаем в горах, ночью выходим в долины. Наваливаемся на них сразу. Американцы не знают местности. Она для них чужая. Их солдаты боятся рукопашных схваток. Они убегают, бросая технику... Мы за ними не успеваем: бегают они быстрее нас”, – засмеялся генерал.

Гао Ган добавил, что американцы долго такой войны не выдержат.

О Гао Гане хочется сказать отдельно. Тогдашний наш представитель при Мао Цзэдуне И. В. Ковалёв, присутствовавший незадолго до Корейской войны на встрече Гао Гана со Сталиным, вспоминает: “...Лично мне из руководителей КПК больше всех нравился Гао Ган. Если Мао был больше китаец-конфуцианец, чем марксист-ленинец, то Гао Ган – больше коммунист, чем китаец... ему не было равных в любви к СССР... Во время этой встречи Гао Ган выступил со своим злосчастным предложением. На случай англо-американской военной интервенции он предложил: во-первых, увеличить численность советских войск в Дальнем; во-вторых, ввести советский военно-морской флот в порт Циндао и, в-третьих... объявить Маньчжурию семнадцатой союзной республикой СССР... Сталин, отвечая Гао Гану, сказал: “Таких шагов, которые Вы предлагаете, мы не можем предпринять. Иначе нас действительно обвинят в попытке раздела Китая. Наоборот, чтобы пристыдить США, мы готовы в любой момент вывести советские войска и из Кореи, и из Дальнего. Советский Союз достаточно силён, чтобы не испугаться атомного шантажа со стороны США. Не только Америка, но и СССР имеет атомную бомбу”. Это заявление Сталина, впервые сделанное в присутствии представителей другой страны, произвело на китайскую делегацию потрясающее впечатление...”

Я привёл воспоминания Ковалева о Гао Гане не случайно. Они лишний раз подтверждают позицию советского правительства в сфере дальневосточной политики СССР в отношении Китая и Кореи. В отличие от США, она была направлена на сохранение “статус кво” на Дальнем Востоке. Примечательно, что обещание Сталина было не пустыми словами. В начале 1950-х годов Ки-

таю были переданы КВЖД (Китайско-восточная железная дорога), Порт-Артур и Дальний.

В редкие от постоянных поездок дни мы имели возможность слушать “Голос Америки”. На Генеральной Ассамблее ООН Вышинский и Ачесон произносили длинные речи. Анализируя их содержание и положение на фронте, казалось, все понимали, что разрешить конфликт силой оружия невозможно. Однако воздушная война, а также бои на фронте продолжались. Над Северной Кореей, прямо над нами, шли ожесточённые схватки, в которых ВВС коалиции ООН эффективно противостоял наш 64-й Отдельный истребительный авиационный корпус.

Корейская война способствовала интенсивному развитию в СССР ракетного оружия, оснащённого ядерными боевыми головками, обладающего невероятной мощностью. В августе 1953 года в Советском Союзе была успешно испытана водородная бомба. В результате США, достигнув небывалого могущества, впервые стали, как ни парадоксально, уязвимы: никогда не воевавшие на своей территории, они неожиданно поняли, что в военном конфликте Вашингтон и Нью-Йорк может постигнуть участь японских городов, стёртых с лица Земли ими же изобретёнными атомными бомбами. По образному выражению академика Б. В. Раушенбаха: “...Америка перестала быть страной, которая всё может...” Такими возможностями стал обладать и Советский Союз.

Одно из ярких впечатлений, оставшихся в памяти — окончание войны. Внезапно наступившая тишина. На КП мы слышали только поскрипывание антенны корпусной радиолокационной станции обнаружения. С Аньдунского аэродрома изредка взлетали одиночные транспортные “Ли-2”. В воздухе на большой высоте высоко в небе барражировали пары дежурных истребителей, оставляя за собой белые инверсионные следы.

В начале августа в управлении корпуса появилась прибывшая из Москвы группа офицеров-зенитчиков, которая должна была принять наши дела. Со свежей энергией новички включились в новую для себя деятельность. Они торопились успеть, пока мы не уехали, получить от нас максимум полезной для себя информации.

За день до отъезда всех отъезжающих пригласили в комнату Бобахо. У него находился представитель руководства китайских добровольцев в Корее, специально прибывший в управление для вручения нам государственных наград КНР. Его сопровождали переводчик Зоу Готин и два солдата с красиво перевязанными шелковыми пурпурными лентами коробками. После короткого вступительного слова китайского представителя нам было сказано, что вручение наград производится по поручению командующего китайскими добровольцами в Корее генерала Пэн Дэхуая. Остальные его слова привожу по памяти.

— Китайская революция, как и советская, из всех цветов вобрала в себя красный цвет. А из множества символов у нас с вами общие Красное Знамя и Красная Звезда. Мы знаем, что советские товарищи чтут также Серп крестьянина и Молот рабочего. Все эти символы нашли отражение в Знаке, который мне поручено вручить вам, — после такого вступления китайский представитель прикрепил награды на наши кители.

Медаль была выполнена в виде знака, соединённого кольцом с красной лентой с двумя золотыми продольными полосками, скреплёнными небольшой позолоченной звёздочкой. На золотом поле знака, обрамлённого венком из рисовых колосьев и перехваченного в нижней части красной рубиновой лентой со звездой в центре, были наложены развёрнутые вправо красно-рубиновые государственные знамена СССР и КНР. Вручённые нам удостоверения к медалям были подписаны председателем Китайской Народной Республики Мао Цзэдуном.

Вместе с медалью мы получили памятные подарки: китайские палочки для еды из слоновой кости, фотографии и шёлковый белый платок, украшенный китайскими и советскими государственными символами...

В заключение хочется сказать: ни одна страна в мире не может рассчитывать на мировое господство, и преимущество США в экономике и в военной области не может служить достаточным аргументом для этого. Культурный вклад других стран и народов настолько велик, что он, без сомнения, подрывает идею о доминировании этой страны в XXI веке.

НАДЕЖДА БЕССОНОВА

ХРАНИВШИЕ ЛЮБОВЬ

Моя мама Оля

Ей очень хотелось летать, подобно прославленным лётчицам Валентине Гризодубовой, Полине Осипенко, Марине Расковой подняться в небо. А ещё стать диктором на радио. Но ни в лётное, ни в театральное училища её не приняли. Расстроенная, Ольга долго бродила по московским улицам, пока на Петровке не наткнулась на табличку “Московский электротехнический институт связи”.

“А почему бы и нет?” – подумала она, направляясь в приёмную комиссию, тихонько напевая свою любимую “А ну-ка, девушки, а ну, красавицы...”. Экзамены в институт она сдала на “отлично”. Олиному поступлению радовалась вся семья, особенно мама, школьная учительница физики.

Жизнерадостная, красивая, энергичная, Ольга сразу стала любимицей курса. Она режиссировала студенческие спектакли, участвовала в художественной самодеятельности...

22 июня 1941 года всё рухнуло: фашистская Германия напала на нашу страну. Мирной жизни больше не существовало, пошёл отсчёт нового, военного времени. Началась Великая Отечественная война. В октябре её ураган донёсся до Москвы.

В городе с каждым днём нарастали тревога и напряжение, стремительно расплзались слухи о готовящейся сдаче столицы. Многие москвичи поспешно покидали город, но Ольга уезжать из Москвы не собиралась. Ей предложили вести занятия в техникуме при институте, однако судьба распорядилась иначе.

Утром 16 октября, услышав по радио, что немецкие танки находятся уже в нескольких километрах от Москвы, она, взволнованная, ехала на занятия. На улицах – неразбериха, хаос, паника. Трамвайные пути то и дело перекрывали толпы беженцев. Удушливая гарь дымящихся со всех сторон уличных костров врывалась в вагонные окна. Кругом вереницы нагруженного транспорта.

Все занятия были отменены. Во дворе пылал костёр – жгли архивы. Возле него толпились студенты, пытаясь спасти свои документы. Ольге повезло, ей сразу попала на глаза папка с её фамилией. Схватив её, она побежала разыскивать своих друзей-однокурсников.

БЕССОНОВА Надежда Павловна — известная московская журналистка, писательница. В прошлом — корреспондент Центрального телевидения, Всесоюзного радио и Иновещания, АПН, ряда центральных газет и журналов. Надежда Павловна родилась во время Великой Отечественной войны в семье офицера Советской армии. Обо всём, что пережили в те тяжёлые годы её родственники, и рассказывают эти записки.

В пустом актовом зале она увидела одиноко сидящего молодого лейтенанта, небольшого роста в синем комбинезоне с двумя топориками в петлицах на воротнике и с огромной кобурой на боку. Рассмеялась.

— Уж больно смешон он был в тот момент, — вспоминала Ольга Иннокентьевна. — Сдержаться я не смогла. Он улыбнулся мне в ответ. Так мы и познакомились. Друг другу понравились сразу.

Павел, оказавшийся в Москве проездом в Златоуст, куда получил назначение по службе, заехал в институт попрощаться со своим другом и ждал его в зале. Тот и появился в окружении студентов, а их-то и разыскивала Ольга. Вместо прощания Павел предложил всем, не теряя ни минуты, уезжать из Москвы вместе с ним. Прямо сейчас. Его военный грузовик стоял во дворе.

Уже в машине, медленно ползущей в колонне по шоссе Энтузиастов, единственной оставшейся свободной дороге на восток, Ольга ругала себя за легкомыслие. Но расставаться с этим незнакомцем, неожиданно ворвавшимся в её жизнь, она не хотела. В его словах “всё будет хорошо” были и искренность, и надёжность, и защищённость. Не поверить Ольга не могла. Согласившись на это безумное путешествие — в полную неизвестность, — она ловила себя на мысли, что с Павлом поедет куда угодно, лишь бы быть рядом с ним.

Путь был длинным и долгим в сплошном потоке машин с ранеными, беженцами, с каким-то оборудованием, накрытым брезентом. В Казани студенты решили попытаться счастья в местном университете. Прощаясь с Ольгой, понимая, что это навсегда, Павел неожиданно выпалил: “Выходи за меня замуж!..”

В Златоуст — пункт его назначения — они приехали мужем и женой.

Их поселили в маленькой восьмиметровой комнатке офицерского общежития, где стоял стол с табуреткой да железная кровать. Выдали казённое армейское имущество: постельные принадлежности, алюминиевые чайник, две кружки, две ложки и две миски. Так началась их семейная жизнь, казавшаяся им в то время настоящим раем. Ольга нашла себе работу на телефонной станции. Несмотря на скудость их быта, молодых не покидала уверенность, что всё у них впереди.

В 42-м Павла отправили на фронт. Провожая мужа, Ольга положила в левый карман его гимнастёрки свой оберег — затёртый серебряный рубль, подаренный ей на счастье бабушкой. Никогда Ольга с ним не расставалась, считала, что он приносит удачу.

Сберёг талисман и её любимого Павлушу. Спас. Заслонил от вражеской пули. Но об этом она узнает только после войны и, спустя годы, будет показывать эту небольшую монету с вмятиной посередине — бесценную семейную реликвию — своим детям, а затем внукам и правнукам. Рассказывать, как в крошечном аду она спасла жизнь их отцу, деду и прадеду.

Март 43-го в Златоусте выдался холодным. Ртутный столбик опускался за минус 40 по Цельсию. На солдатском одеяле Ольгу несли в больницу. Роды начались преждевременно. Ни машин, ни даже носилок, ни места в переполненных ранеными городских больницах не оказалось. Ей ещё здорово повезло. Единственная врач загородной больницы, куда Ольгу принесли, пожилая женщина, эвакуированная из Харькова, оказалась опытным акушером. Роды были очень тяжёлыми, кроме йода и бинтов в больнице никаких медикаментов не было.

— Это чудо просто какое-то, — мамыны глаза озаряются радостными огоньками, — врач сумела в тех тяжелейших условиях сделать всё, чтобы сохранить нам жизнь. К сожалению, я даже имени её не знаю. Моя благодарность ей безмерна. Я теряла очень много крови. Положение детей было неправильным. Если бы не она...

“Двойню будем рожать, голубушка”, — ласково и как можно спокойнее сказала врач. Ольгу охватили страх и паника. Ей одного-то ребёнка завернуть и положить было не во что. А двоих?

Суровое солдатское одеяло разрежут пополам, армейские простыни и наволочки разорвут на пелёнки. В этом она, голодная, обессиленная, едва держащаяся на ногах, вынесет своих крошечек на лютый уральский мороз.

— Дети меня спасли, — говорит мама. — О себе думать было некогда. Мне думать надо было о них. Где положить, во что завернуть, чем кормить? Молока у меня не было, разжёвывала кусочки хлеба, заворачивала в тряпочку и давала детям сосать.

Кто-то посоветовал ей кормить детей пережаренной мукой, немного молока выделили на кухне детского питания, эвакуационный центр помог с пелёнками и распашонками, даже корытце и марганцовка для купания детей нашлись.

— Люди были тогда намного добрее, отзывчивее, — рассказывает Ольга Иннокентьевна. — Отдавали последнее, стараясь помочь друг другу всем, чем могли.

Но надеялась она всегда только на себя. Своих детей никому не доверяла, боялась выпустить из рук.

Осенью 43-го Ольга неожиданно получила ответ на забытый в заботах о детях запрос в Москву. Её вызывали для продолжения учёбы в институте.

Проходящие переполненные поезда в Златоусте брали штурмом. Ей помогли и в вагон протиснуться с двумя малютками на руках, и место уступили. Но до Москвы они не доехали. В Куйбышеве их вагон отцепили.

Зал ожидания был забит битком. Начальник станции, увидев её с двумя орущими свёртками на руках, предложил угол за занавеской. Десять дней, проведённые на вокзале, показались вечностью. От голода девочки орали день и ночь в два голоса сразу. Уложить их спать, уgomонить было настоящей мукой. Одну держала на руке, другую клала на колени, пытаюсь убаюкать, а они орали и орали...

... 9 мая 1945 года в 6 часов утра, услышав по радио о капитуляции Германии, Ольга выбежала во двор, полный ликующих, кричащих: “Ура! Победа!”, обнимающихся и целующих друг друга людей. В том же 45-м она успешно окончила свой институт, получила диплом инженера-экономиста.

— Все эти годы я жила только одним, — вспоминает Ольга Иннокентьевна, — думами о том, как мои девочки встретятся со своим отцом, как он будет им рад.

О рождении своих дочерей-двойняшек Павел узнал из заветного фронтового треугольника в самый разгар боёв. Радостное известие ошеломило его. Такого поворота судьбы он никак не ожидал. Ребёнок был очень желанным для него, не важно, кто — мальчик или девочка — но чтобы сразу двое! Не представляя себя ещё в роли отца, Павел мысленно был там, на Урале, с ними тремя, своими самыми дорогими и любимыми людьми. Он должен был выжить в этой мясорубке, должен увидеть своих дочерей...

Они встретились. Но не в победном 45-м в Москве, а в 47-м в Германии, где Павла оставили служить после окончания войны. Увидев двух одинаковых девочек, в одинаковых сереньких шубках и таких же меховых шапочках, бодро спрыгивающих с подножки вагона, Павел впервые в жизни растерялся. А те при виде незнакомого дяди, крепко обнимающего и целующего их маму, громко заплакали в два голоса, как это они умели дружно делать — на весь берлинский вокзал.

Так они стояли в оцепенении, пока та, что побойчее, Надюша, не подошла к нему и, шмыгая носиком, не спросила:

— Ты правда наш папа?

— Правда, — ответил майор, протягивая им руки.

Ольга и Павел, прижимая к себе дочерей, счастливые шли по перрону. Выстояв в то лихолетье, победив в борьбе за жизнь, за будущее своих детей, они, окружённые заботой и любовью своей большой семьи, до сих пор вместе.

Уже и бриллиантовая свадьба давно отпразднована. Вот уже и трое внуков стали взрослыми. А в канун 65-летия Победы в своей новой просторной квартире они бережно держали на натруженных руках только что родившегося третьего правнука.

— Это такое безгранично радостное событие, — взволнованно говорят они, — которое можно пережить только в семье, и особенно, когда вся твоя семья собирается вместе. Мы счастливы, что дети дарят нам эту великую радость.

О своём мгновенно принятом осенью 41-го года решении Ольга ни разу не пожалела. Их вспыхнувшее чувство закалилось войной, их любовь выдержала все испытания. 90-летние Ольга и Павел радуются жизни и сегодня. Он по-прежнему приглашает свою Олюшу на тур вальса, а она посвящает ему свои стихи. Они счастливы, несмотря на все сложности сегодняшнего дня. За их плечами долгая и достойная жизнь.

Мой отец Павел

Нам, дочерям, о войне отец, кадровый военный, рассказывать не любил. Мы и после войны ещё долго месяцами не видели его. То он строил один военный аэродром, то другой. То прокладывал в непроходимых местах дороги.

К наградам боевым прибавлялись награды трудовые. А в редкие часы его пребывания дома все наши просьбы рассказать о войне по-прежнему оставались без ответа или наталкивались на скупые короткие фразы:

– Никаких подвигов я не совершал. Я просто выполнял свою работу, защищал Родину. И эту работу старался делать как можно лучше.

Родился он в крестьянской семье в украинском селе Вытягайловка, где все друг другу были родственниками, и фамилия у всех была одна и та же – Вытягайловские.

Своего отца помнит плохо. Тот, вернувшись инвалидом с Первой мировой войны, умер рано, оставив на руках жены троих малолетних детей.

Жили впроголодь. Хлеб и тот был большой редкостью, пока Пашка не подрядился разгружать мешки с мукой для соседней пекарни. За это он получал от хозяина буханку свежесдобитого чёрного хлеба, с которой сломая голову нёсся домой, чтобы ещё горячей вручить её маме, чем очень гордился в свои двенадцать лет. Чувствуя себя ответственным за семью после смерти отца, видя, как нелегко жилось матери, он старался помогать ей во всём.

Вкус этого чёрного хлеба, да ещё мамино украинского борща, да самой дешёвой рыбы – камбалы, селёдки, бычков – Павел помнит до сих пор. И сегодня это его самая любимая еда, которую он с удовольствием готовит сам. Он всегда всё делал сам, с удовольствием и от души. И радовался, когда получалось.

Жажда деятельности его обуревала. Он мог стать врачом, ему очень хотелось вылечить больную маму. Или художником, он хорошо рисовал. Или инженером, он любил технику и прекрасно в ней разбирался. Поваром, наконец.

Не став дожидаться окончания школы, он пошёл работать, учился на рабфаке, а через год поехал в Москву поступать в военное училище.

Конкурс был большой. Профессия военного в те годы была одной из самых привлекательных. Не попробовать себя в ней Павел просто не мог.

Военизированный дух времени наполнял повседневную жизнь. Маршевые песни И. Дунаевского из популярных кинофильмов моментально подхватывались и пелись повсюду. Пашка тоже, не переставая, напевал себе под нос: “Эй, вратарь, готовься к бою! Часовым ты поставлен у ворот...”

Он очень обрадовался, когда в списке счастливицев, принятых в Московское военно-инженерное училище, увидел свою фамилию. Учился Павел на одни пятёрки.

А в январе 40-го, после досрочной сдачи выпускных экзаменов, новоиспечённого лейтенанта прямо из учебных классов отправили на войну, финскую, где он и получил своё боевое крещение, прорывая знаменитую “линию Маннергейма”.

Зима в Финляндии в тот год была лютой. Температура воздуха падала до минус 45. В густых лесах было много снега, идти по которому можно было только на лыжах. За нашими бойцами охотились финские снайперы.

В сапёрном взводе, которым командовал Павел, оказались в основном пожилые рабочие с калининских заводов, которые ему в отцы годились. Они не только не знали, как обращаться с минами, но и винтовки-то в руках держать как следует не умели. Ему приходилось учить их прямо на передовой.

Своё зимнее офицерское обмундирование – меховую ушанку, тулуп, валенки – он раздал старшим по возрасту. Его вполне устраивала одежда рядового – стёганые брюки и телогрейка.

Через три месяца эта, как её называли, “зимняя”, а для него – его первая война закончилась. Они вышли из окопов. Тишина. Солнце светит. Белый снег искрится. Ослеплённые бескрайней белизной, радостные, они разлеглись на льду Финского залива, наслаждаясь окружающей красотой...

Вскоре батальон Павла погрузили в товарные вагоны и перебросили в Латвию, а затем – в Белоруссию, на самую границу.

Жизнь на границе текла спокойно. Обычная армейская жизнь с кино и футболом по воскресеньям. Жили в палатках. Строили землянки, блиндажи,

укрепляли огневые позиции. Готовились к учениям высшего командного состава Белорусского военного округа, которые были назначены на июнь.

В выходные, как обычно, играли в футбол. Пашкина команда, в которой он был неизменным капитаном, впервые одержала победу. Ликовали почти до рассвета.

А с рассветом их, сонных, разметал ливень авиационных бомб. Земля вставала дыбом. Так 22 июня 1941 года с первым налётом авиации и началась для Павла Великая Отечественная война.

Этот налёт убелённый сединами ветеран-полковник в отставке помнит в мельчайших подробностях и сегодня.

– Мы бежали кто в чём... и кто куда, – рассказывает он внимательно слушающему внуку. – С самолётов строчили пулемёты. Убитых и раненых было много. Командиры помчались в свои части. Я успел схватить сапоги и форму. Одевался в каком-то овраге...

Павла откомандировали на Урал. А вскоре он снова был на фронте, в 14-й Новгород-Северской инженерно-сапёрной бригаде 65-й армии 2-го Белорусского фронта, которым командовал Константин Рокоссовский.

В составе этой армии он попадёт в мясорубку Курской дуги, будет теснить немцев с Брянщины, форсировать Днепр, освобождать Белоруссию, Польшу, дойдёт до Берлина. После победы его оставят служить в Германии ещё на два года.

На вопрос, где было труднее всего, отец отвечает:

– Трудно было везде. Война – очень опасная и тяжёлая работа. А в работе сапёра даже малейшая оплошность грозит смертью. Мы были всё время на передовой. Приходили первыми, а уходили последними, обеспечивая продвижение наших войск вперёд. Немцы всё время охотились за нами. Не давали продыху ни днём, ни ночью. Мы строили, а они тут же разрушали. Мы снова строили. Они снова рушили. И так без конца, а от меня все требовали: “Быстрее, крепче, надёжнее!” Действовать приходилось по ситуации.

По ситуации... сколько раз он и в болоте увязал, и бросался в ледяную воду, чтобы вытащить рухнувшую с переправы повозку или машину, спасая боеприпасы, брал в руки и лопату, и лом, заменяя под ураганом свистящих пуль убитых или раненых солдат, сам устанавливал мины. Однажды в Белоруссии из-за этих мин, вовремя не подвезённых на передовую, он даже сгоряча был приговорён к расстрелу. Уже был взведён курок, но связной успел прибежать с сообщением об отмене приказа: наши снова пошли в наступление, мины не потребовались.

– А орденам и медалям, которые ты получал, был рад? – спрашивает внук.

– Было как-то не до этого. Никто о них тогда особенно и не думал. Главное было защитить свой дом, своих родных, скорее прогнать врага со своей земли. Это был наш долг, и мы его выполнили до конца.

Сколько построено им во время войны переправ и мостов, установлено и разминировано мин, вырыто землянок и блиндажей, взорвано и сооружено дотов и дзотов, сколько километров гатей проложено по труднопроходимым болотам, топям – и всё это под непрерывным огнём противника, – не подсчитано никем.

Зато сам он точно знает, что страшная и кровавая Вторая мировая война вырвала из его жизни 1480 самых лучших дней его молодости, вспоминать которые ему тяжело до сих пор.

Мой дедушка Кеша

В 1941 году, когда фашистские самолёты бомбили Москву, в наш большой московский двор в центре столицы, окружённый тремя стройными корпусами знаменитого дома “Коммуны”, упала бомба. К счастью, не разорвалась, благополучно была извлечена из земли сапёрами и вывезена, оставив после себя лишь глубокий след – воронку – напоминание о грозных днях войны.

Кому пришла идея соорудить на этом месте фонтан, теперь сказать трудно, но когда жители дома стали возвращаться из эвакуации, их ждал сюрприз – сияя и искрясь на солнце многоцветной радугой, их встречал фонтан. Он стал самым любимым местом нашего детства. Здесь мы, детвора, проси-

живали часами, любясь его переливающимися, нежными струйками. Вокруг него затевались нехитрые детские игры, а в жаркие дни детвора с огромным удовольствием плескалась в его прохладной воде.

Как-то к фонтану пришел деда Кеша и выпустил в него маленьких золотых рыбёшек. Нашей радости и удивлению не было конца. Деда Кешу – старичка с седой клинышкой бородкой и очень добрыми, лучезарными глазами любил весь двор. Он часто разговаривал с нами, его заботила наша детская жизнь, чем мы занимаемся, чему учимся, как и с кем проводим время, чем интересуемся. На подоконнике его окна на первом этаже стоял огромный аквариум с яркой подсветкой. Разноцветные рыбки, плававшие в нём, привлекали детвору, завораживая и не отпускавая.

О рыбах деда Кеша и начал свой рассказ у фонтана, а потом – о цветах, пчелах, деревьях. Да так увлечённо! Увлекая за собой в таинственно прекрасный мир, который нас окружал, и о котором мы пока ещё мало знали.

Мы слушали его, затаив дыхание, забыв про все свои игры. Расходиться не хотелось. Вот так бы и стояли вокруг волшебника, каким представлялся нам в тот момент деда Кеша, воображая себя то пчелками, перелетающими с цветка на цветок, то раскрывающимися бутонами на веточках сирени, то падающими в осеннюю пору жёлтыми кружащимися листьями, то глубоководными рыбами, бороздящими океаны.

Наутро дедушка принес маленькие лопатки, грабли, вёдра, сделанные им самим, и закипела во дворе работа. Вместе с дедом Кешей ребята дружно чистили двор, убирали мусор, копали землю, сажали цветы, кустарники, деревья. Больше всего цветов посадили, конечно же, вокруг своего любимого фонтана.

Когда по всему двору всё дружно зацвело, засияло красочным разноцветьем, ни у кого не поднялась рука нарушить это великолепие, сорвать, сломать, затоптать хоть один цветок.

Мы не переставали любоваться нашим фонтаном, окружённым цветами – красотой, сотворенной собственными руками. А деда Кеша продолжал увлечённо учить нас ухаживать за цветами, говорил, что они живые и у каждого – своя душа, им нельзя причинить боль, нельзя обидеть, о них нужно заботиться. Их надо любить, и тогда они будут отвечать тем же, долго будут цвести, радуя нас.

Яркими лиловыми гроздьями распустилась сирень. Необыкновенно душистая. Невозможно было пройти, не остановившись, чтобы вдохнуть в себя её чарующий запах, насладиться видом. За сиренью в пышный бело-розовый наряд оделись вишня с яблонами, заблагоухал жасмин... До чего же красив в это время был наш двор, наполненный чудесными весенними ароматами!

Садовых участков тогда ещё ни у кого не было. Первые плоды, созревающие на наших глазах, да ещё в городском дворе, все встречали восторженно. Не скрывал своей радости и деда Кеша, раздавая нам прямо с дерева спелые сочные фрукты. Срывать их сами ребята не решались – было стыдно.

Детворы, военной и послевоенной, в огромном доме было много. Жили мы дружно, скучать и унывать было некогда. Мы не знали, что такое сидеть без дела. Занимались и музыкой, и танцами, бегали в секции и кружки. Было их ещё мало, но мы лепили и рисовали, пели и вышивали.

А вот жизни учил нас деда Кеша. Как-то осторожно, ненавязчиво. Даже последние плоды он умудрялся разрезать своим перочинным ножиком, с которым никогда не расставался, на равные дольки так, чтобы никого не обидеть. Авторитетом он был для нас абсолютным. На детей никогда не кричал, даже голоса не повышал, но умел посмотреть так строго и требовательно, что делалось не по себе. Пререкаться, ослушаться деду Кешу мы не смели, он был посвящён во все наши тайны. Выслушивал нас подолгу, не торопя, заинтересованно.

Между собой, конечно же, мы и ссорились, но беззлобно. Обижались, но тут же мирились. Друг за друга стояли горой. Тогда понятие “двор” было равнозначно “братству”. Ябед и ехид не любили: с ними не дружили и не играли. А играли часто двор на двор. И в “казаки-разбойники”, и в лапту, и в футбол. Выстраивались шеренгами друг против друга, громко запевая: “Бояре, а мы к вам пришли!”, крепко держась за руки. Вставали в длинный хвост, чтобы проскочить под тяжёлой крутящейся веревкой, единственной на весь двор. Играли и в догонялки, и в прятки, и в жмурки...

Во многие игры учил нас играть деда Кеша. Выиграть у него партию в городки или шашки никто не мог. Для команды-победительницы у него всегда наготове был свой специальный приз – рамка густого янтарного мёда в сотах. Высшего блаженства, чем облизывать это ароматное, живительное лакомство, мы в ту пору не знали.

Неугомонный, неравнодушный ко всему, этот человек не переставал нас постоянно чем-то удивлять. Он и улей для пчёл смастерил у себя под окном одним из первых в Москве. А в карманах его выцветшей неизменной телогрейки, которую он, за неимением другой одежды, носил, не снимая, всегда находилось что-то на первый взгляд несурзкое, а для нас – неожиданное, любопытное, мудрёное.

Был он учителем математики, до войны преподавал в школе. Занимаясь с нами, был уже тяжело больным человеком, инвалидом. Но мы, дети, и не догадывались об этом. Не знали мы, что наш деда Кеша – Иннокентий Николаевич Бессонов – в 37-м году был по гнусному доносу осуждён и сослан в ГУЛАГ, где провёл несколько страшных лет. Был выброшен за ворота дистрофиком с отбитыми внутренними органами и напутствием: “Иди, всё равно по дороге сдохнешь”. Но он выжил и пешком (!) добрался домой, в Москву. Не озлобился, не ушёл в себя. Занялся пчеловодством, фотографией, спеша запечатлеть, оставить потомкам каждое мгновение прекрасного, стараясь сделать свою жизнь и жизнь окружающих его людей светлее и чище.

Однажды деда Кеша принёс во двор по тем временам настоящее чудо – старенький, поизносившийся, потёртый, но работающий фотоаппарат – и стал обучать нас фотоделу. Снимки тех лет я храню до сих пор. Хотя качества они и невысокого, но мне они дороги как память о моём детстве, дворе, любимом фонтане, о добродушном и сердечном деду Кеше – замечательном человеке.

А сколько книг из деды Кешиных рук переходило вот так же по кругу от одного к другому из нас. Сам он читал запоем, его маленькая комнатка была сплошь завалена книгами. Дед то и дело и нам подсовывал что-нибудь интересное, и мы зачитывали книжки до дыр. Но дедушка никогда не забывал расспросить о прочитанном, одновременно обучая нас “лечить” книжки, переплетая их заново и возвращая им прежний вид.

Немало времени потратил он, чтобы приобщить к чтению двоюродника Владика Беспалова. Какие только книги не предлагал. Участвовали в этом и мы, дружно включившиеся тогда в движение “книгонош”, безвозмездно разносивших книги по квартирам, помогая их распространению. Но всё было напрасно. И всё-таки мы увидели Владика с книгой в руках! Как деду Кеше удалось убедить его, осталось загадкой. Только через много лет мы узнали, что этот самый Владик стал известным литературным критиком. Крупным учёным-океанологом стал впоследствии Гена Назаров, в детстве разбивший первый огромный аквариум деду Кеши с любимыми золотыми рыбками, что стоял у него на подоконнике.

Вышли в люди, состоялись абсолютно все ребята нашего двора. Нам здорово повезло. Рядом с нами всегда был мудрый человек – Учитель – деда Кеша, чьи уроки постижения прекрасного мы запомнили на всю жизнь, и благодарная память о котором до сих пор греет наши сердца.

Моя бабушка Надя

Поезд медленно, рывками в беспросветной тьме набирал скорость, увозя московских детей всё дальше и дальше от столицы. Шёл октябрь 1941 года, четвёртый месяц Великой Отечественной войны. Время было суровое. Сводки Информбюро скупые и тревожные: фашистские орды всё ближе и ближе подступали к Москве.

Надежда Васильевна почти не спала уже несколько суток. Давили тревожные мысли: “Что же будет? Сколько ещё я буду с ними одна? Куда теперь нас везут?” Какой уж тут сон! Запасы еды, лекарств, мыла, взятые с собой, давно закончились. Одежда у детей за три месяца изнасилась...

Ей вспомнился июль 41-го. Тогда начались ежедневные бомбардировки Москвы, и её, учительницу физики, срочно вызвали в школу. Сказали, что принято решение о немедленной эвакуации школьников младших классов из

столицы и что она будет сопровождать детей. “Отвечаешь за каждого!” – строго наказали ей.

На сборы дали ровно сутки. Раздумывать было некогда. Надежда Васильевна быстро собрала небольшой чемоданчик, школьный портфель всегда стоял наготове на стуле за письменным столом.

Утром поехала на Красную площадь, прошлась по московским улицам, а когда прибежала на Казанский вокзал, весь перрон уже был заполнен детьми и женщинами. Мужчин почти не было. На лицах – растерянность, тревога, печаль, боль. Стояли молча, крепко обнимая друг друга. Никогда Надежда Васильевна не видела такими серьезными лица малышей. Сердце сжималось от этой пронзительной тишины.

И только когда раздалась команда: “По вагонам!”, чувства, сдерживаемые всеми силами души, разом хлынули наружу. Что тут началось! Суета, крики, плач. Больно вспоминать...

Нет, не могла Надежда Васильевна больше думать об этом. Терзать своё сердце. Она встала, поправила причёску, пытаюсь оборвать нахлынувшие воспоминания. “Что было, то было, – сказала она себе. – Сейчас надо думать, как будем жить дальше”. Она медленно пошла по вагону, всматриваясь в лица спящих ребят.

С ней было сто мальчиков и девочек, разлучённых войной с домом, с родными, с привычной для каждого из них жизнью. И ей одной надо было решать, во что их одеть, обуть, чем накормить, чем лечить. Хоть головой о косяк бейся! Думай, не думай, впереди полная неизвестность. Сказали, привезут, а куда? Что ждёт их на новом месте?

Поезд шёл очень медленно. Останавливался на каждой развилке, у каждого полустанка, пропуская длинные эшелоны, идущие в сторону Москвы. На крупных станциях удавалось выпросить немного еды в дорогу, но только как разделить эти крохи на всех? На стоянках, где позволяло время, Надежда Васильевна организовывала выступления детей. Кто стихи читал, кто пел, кто танцевал. За это их кормили горячей картошкой, хлебом, поили молоком, даже щей горячих давали ребятишкам. Ну кто же мог предположить, что их дорога так затянется и превратится в сплошную муку...

Сажая детей в этот злополучный поезд, на её вопрос: “Как жить они будут дальше?”, ответили: “По обстановке. Видишь, что творится? Немец прёт на Москву. Не до тебя. Поезжай!”

– Куда?

– Куда сможем, туда и отправим. Уедете. За это я ручаюсь, – сказал начальник Казанского вокзала. – Детей в первую очередь отправим. Можешь не волноваться. А дальше уж сама, голубушка. Как повезёт. Понимаю, что трудно, но не в силах больше тебе ничем помочь. Благодарю Бога, что сегодня хоть есть на чём вас вывезти. А что будет завтра, не знает никто.

Погружённая в свои мысли, она шла по вагону, привычным заботливым взглядом проверяя, всё ли в порядке. Дети спали, прижавшись, положив головы друг другу на плечи, спрятав маленькие кулачки в рукава пальто от холода. Надежда Васильевна хорошо знала их всех. Уже три месяца они жили как одна большая семья.

“Неужели не выстоим, неужели сдадим Москву? – терзали её тревожные мысли. – Нет, не может этого быть. Не бывать Гитлеру в Москве!” – успокаивала она себя.

Надежда Васильевна вспомнила, как она с мужем приехала из Хабаровска по направлению в Москву учиться в педагогическом институте. Как они вместе по вечерам бродили по площадям, бульварам и улицам города и не могли налюбоваться его красотой. Вспомнила Спасскую башню Кремля, Большой театр, Воробьёвы горы, набережные Москвы-реки, и слёзы полились сами собой.

– Надежда Васильевна! – позвал кто-то из ребят.

Она встрепенулась, рассердясь на себя за минутную слабость. Быстро вытерла глаза. Дети не должны видеть её слёз. “Что бы ни случилось, только не плакать. Держись!” – сказала она себе.

– Надежда Васильевна, мы в Москву едем, да? – глядя ей в глаза, с надеждой спрашивала девятилетняя Оля. – Я хочу домой, к маме. Я соскучилась! Очень! – рыдала девчушка, уткнувшись в колени учительнице.

– Спи, Оленька, спи, милая. Скоро приедем, – поглаживая вздрагивающее исхудавшее тельце, только и смогла она сказать девочке.

Самое трудное было для неё отвечать на детские вопросы. Обманывать ребят, отводя взгляд от их ожидающих, доверчивых глаз, она не могла. Детская душа так чувствительна, так ранима! “Хорошие вы мои, – подумала она, – если бы я сама знала, куда мы едем, и что с нами будет”.

С каким же трудом давалось ей сейчас внешнее спокойствие, естественная ласковая улыбка. Она знала, что ребята ей доверяют. Её светящимся добрым глазам всегда можно было верить. Они никогда не подводили.

Начинало светать. “Надо чем-то занять ребят”, – решила Надежда Васильевна. Она стала снова вспоминать различные загадки, считалки, игры.

Их-то она знала великое множество ещё с детства, когда в Верхнеуединске, где она выросла, ей приходилось присматривать за своими братьями и сёстрами. Она была старшей из восьми детей в семье, и заботы о младших Наденька, как её ласково все звали, делила вместе с родителями.

Может быть, именно тогда и пришло к ней решение стать учительницей. Ей нравилось заниматься с детьми. Она всегда умела увлечь их, заинтересовать, успокоить, решить конфликт по справедливости.

Её мама не переставала удивляться, как Наденька мило справлялась даже с самым озорным непоседой – 12-летним братом Лёней. Неугомонный фантазёр, он обожал свою старшую сестру и постоянно ходил вокруг неё, прося: “Надь, а Надь, давай что-нибудь смастерим. Ну, Наденька, пожалуйста!” Она смотрела в озорные, горящие любопытством глаза брата и тут же соглашалась. И они начинали мастерить. Чаще всего – “оловянных” солдатиков.

Наденька ловко вырезала фигурки из картона, кроила для них мундирчики, а Лёня брался за краски. Тут же к ним присоединялись остальные дети, и работа кипела. Так же дружно они садились под её руководством за изготовление ёлочных украшений к Новому году. Новогодняя ёлка в доме всегда была не менее двух метров.

А потом она закончила педагогический класс гимназии. Было это ещё до революции. Её, как лучшую ученицу, направили преподавать в младшие классы. Детвора и там ходила за ней, самой любимой учительницей, гурьбой...

– Доброе утро! Доброе утро! – говорила Надежда Васильевна просыпавшимся детям, проходя по вагону и держа в руке маленького солдатика в раскрашенном мундирчике, того самого, из своего детства, с которым никогда не расставалась.

Ребятишки приветливо махали руками маленькому солдатiku, в их глазёнках появлялись радостные искорки. Они улыбались. Начинался новый день. Один за другим дети собирались возле неё. Поезд остановился.

– Мы приехали? Почему мы стоим? – наперебой спрашивали дети. Надежда Васильевна выглянула в окно и увидела здание вокзала. На нём было написано: Алма-Ата.

– Кто здесь уполномоченный? Выгружай детей! Приехали! – услышала она голоса с перрона.

Платформа была полна встречающих. Жители ближайших казахских аулов с цветами в руках встречали прибывших ребят, которых сердечно приняли в свои семьи.

Для многих, приехавших с тем поездом, Казахстан стал родным домом, где они до сих пор живут, создав свои семьи, вырастив детей и внуков.

БОРИС ШЕРЕМЕТЬЕВ

РУССКИЙ ИВАН В ТРЕПТОВ-ПАРКЕ

Сколько воды утекло с тех пор, а вот помню, о чём дед Иван рассказывал. Старость ли брала своё, предчувствие скорого расставания, но всё достовернее он был со мною: “Где корабль ни рыщет, а у якоря будет...” Он то поверял мне о старине глубокой, когда Русь была под игом ордынским и княжества страдали от вражеских набегов; то поведывал о славной битве 1812 года под Бородино, избавившей Россию от нашествия “двунадесяти языков”; то вспоминал время недавней борьбы с фашизмом, победу, ставшую звёздным часом для нашего народа. А то вместо книги сказок снимал с этажерки потёртый фолиант “Задонщины” и, водя пальцем по страницам, читал нараспев. На всю жизнь в мою память врезались отдельные куски древней повести, но особо – слова Дмитрия Донского, обращённые к брату Владимиру перед походом на поле Куликово: “Пойдём тамо, укупим животу своему славу, учиним землям диво, а старым повесть, а молодым память, а храбрых своих испытаем, а реку Дон кровью прольём за землю за русскую...”

За два последних века войны не раз крушили огнём и мечом нашу землю. Однако самые чувствительные рубцы на ней остались после битвы с Наполеоном, пытавшимся подмять Россию и привести Францию к мировому господству, и после сражений с Гитлером, который, как спрут, хотел задушить Россию, Советский Союз в хищных щупальцах свастики.

И это от деда я впервые услышал, что в далёком Берлине есть Трептов-парк, где захоронен его старший сын, а мой, стало быть, дядя. А под Лейпцигом стоит памятник в честь “Битвы народов”, рядом с которым в часовне-склепе русских героев лежат останки и нашего сородича.

Давно ушёл в землю пращуров дед Иван, а ключ-колодец, у которого будто совершаю омовение души, обретаю себя как Человек, цел и невредим, и питает меня своей живой водой. И всегда я мечтал увидеть место погребения моих родичей в чуждеальной стороне. И вот довелось...

Осенью поехал в Германию. Вместе с делегацией писателей объезжал немецкие города и веси, бродил по современным улицам и площадям с переплетениями транспортных эстакад – артерий, открытых стремительному движению машин, неспешному течению пешеходов, с параллелепипедами высотных зданий, ребристыми стенами домов, инкрустированных пластиками, гофрированной сталью, материалами других разнообразных конструкций, – и почувствовал урбанистический зов в будущее градостроительных комплексов. Рядом с ними, как анахронизм, выглядели старые кварталы со стоячим сырым воздухом, пахнущим железом. Оглядывая дома с тёмно-серым

шинельным налётом, с тяжёлой рябью черепицы на остроконечных крышах, с крестообразными переплётами окон, с тусклыми двориками, я невольно ощутил на себе давление векового казарменного тевтонского духа, совершенно не свойственного нашим русским древним белокаменным городищам с золочёными куполами церквей, лазурной кровлей. И так же после обхода диковинных замков, чудесных готических храмов, музеев, живописных парковых ансамблей окрепло моё убеждение, что российские мастера творили нисколько не хуже, а в чём-то даже, может быть, благолепней, пригожей, с высоким полётом мысли.

При въезде в Лейпциг, “город под липами”, в седой древности – Липецк западных славян (отсюда и название), я увидел гигантское строение, издали напоминающее мрачный набатный колокол. У верхнего яруса памятника обнаружил каменные бородачей, закованных в латы, опирающихся на многопудовые мечи, застывших с непокрытыми головами в почётном карауле. Будто бы какая-то неведомая сила подхватила меня и придвинула к подножию монумента, возведённого в начале прошлого века, олицетворявшего грозную власть, которой, казалось, нельзя противостоять. В купольном зале органная музыка Баха, полная возвышенного покоя, лирической сосредоточенности, звучала отовсюду. Густое, какое-то неземное гудение вызывало в сердце скорбь о чём-то давно утраченном, подавляло могучим многоголосием, возносящимся под высокий каменный свод упругими кольцами.

И вслед за печальными звуками я, как зачарованный, перемещался вверх по винтовой лестнице, истёртой, скользкой и такой узкой, что едва расходился со встречными посетителями. Пятьсот ступенек до смотровой площадки, расположенной почти на стометровой высоте памятника, дались нелегко. Чем выше поднимался, тем теснее становилось дыхание, тяжелее шаг.

Под самым куполом протяжные низкие звуки реквиема павшим лились ещё яростнее. Казалось, ревел, раскачивался сам памятник...

Я подошёл к каменному парапету, глянул вниз. И людское море у подножия монумента, и тысяча крестов на могилах павших солдат мало-помалу размягчили мою душу, защемило болью сердце, глаза застила пелена. Мне очию представилось дождливое октябрьское утро 1813 года. Бледно-голубые сполохи то тут, то там озаряли огромную всхолмлённую равнину, рассечённую мелководными речками Эльстер, Плейсса, Партой на четыре поля с только что убраным жнивьем, рошицами и деревушками: Вахау, Клеберг, Мейсдорф, Гюльденгосса...

Нет, это не зарницы раздвинули горизонт, а далёкие выстрелы орудий. Сразу вспомнились рассказы деда Ивана. И в моём воображении родилась величественная картина такой уже далёкой, но памятной сердцу русского человека “Битвы народов”, как назвали сражение под Лейпцигом, когда войска России, очистив землю свою от злого врага, перешли через границу, чтобы и прочим европейским народам помочь свергнуть тяжкое иго наполеоновского владычества. Чудился и блеск огней, и треск ружей, и свист пуль. Через непрерывающийся гул до слуха долетали протяжные крики “ура!”... Вахау и Клеберг уже были взяты русскими войсками. Однако этот уступленный французами шаг неожиданно обнаружил угрожающую нам опасность. Наполеон, разместив свои боевые порядки так, чтобы иметь возможность во всякую минуту сосредоточивать их на том пункте, какой представится более удобным для нанесения решительного удара, тотчас же на высотах у Вахау выставил более ста орудий, разразившихся страшным огнём.

Залповая стрельба слилась в продолжительный перекатывающийся грохот. Поднялась сильнейшая канонада. Едкая гарь капустными лохмами зависла над изрытым грязным пространством: линиями траншей, насыпями, погребями, платформами, землянками. Высокие столбы разрывов сцепились в белесовато-лиловые пороховые волны, сквозь которые мелькали огоньки вспышек, и накаты дыма пошли на город.

Вскоре почти все русские орудия, находившиеся в первой линии, были подбиты, батальоны потеснены с позиций. Центр боевых порядков оказался в затруднительном положении: не имея возможности идти вперёд против массы французской артиллерии, русские войска попали под град неприятельского огня.

Почувствовав, что можно нанести мощный удар по главным силам русской армии, Наполеон бросил в южный прорыв конницу маршала Мюрата,

вслед за ней пустил пехоту. Французские эскадроны шли через русские боевые порядки, как нож сквозь масло. Они обогнули с левой и с правой стороны Вахау, увеличили аллюр, с ходу овладели несколькими батареями. Изрубив орудийные прислуги, разорвали оборону пехотного корпуса и окружили нашу арьергардную дивизию, вставшую в каре.

Довольный прорывом центра союзных армий, Наполеон так поверил в их разгром, что даже послал королю саксонскому, в Лейпциг, поздравление с победой.

И что же? Вся начертанная им картина вмиг переменялась от молодецкой фланговой атаки лейб-гвардии Казачьего полка, казаков Черноморской сотни полковника Бурсака, которые воспользовались оплошностью врага, со страшным, диким гиком, держа наперевес длинные пики, пронеслись через обстреливаемую вражескими батареями равнину и ринулись на кирасир.

Казачья пика, с острыми ребристыми гранями, длиннее, чем уланская, на целый аршин, “царица холодного оружия”. Многие кубанцы, ведомые хорунжим Безкровным, виртуозно владели ею с детства и при дружном ударе наводили в стане врага панику. Вот и теперь французы не выдержали их лихого натиска, повернули вспять.

И вскоре по тому, с какой лихостью по дороге проскакали казаки, с какой поспешностью проехал командующий Барклай-те-Толли со свитой в сторону фронта, многие угадали – случилось что-то очень важное.

Так оно и вышло. Через минуту-другую перед очами Бурсака, точно изпод земли, вырос на коне есаул Безкровный. Осадил взмыленного жеребца и, тяжело переведа дух, выпалил:

– Господин полковник, знамя взяли!

– Не может быть! – удивился Бурсак, наставляя подзорную трубу на неприятеля под Вахау.

– Чуток правее берите... Ну, бачите?! Французское!

– Ай да молодцы наши хлопцы! Теперь дело пойдёт веселее...

Четверо суток шло это грандиозное кровавое побоище, ставшее самым крупным сражением эпохи наполеоновских войн. Но если под Бородино русская армия, показав образец активной героической обороны, сохранила свою боеспособность и лишь по приказу Кутузова отошла к Москве, то год спустя, откатившись до Лейпцига, нечто подобное попыталась осуществить армия Наполеона. Но безуспешно. Потери её оказались неутешительными: убито – 60 тысяч, пленено – 20 тысяч.

...Какая тут была теснота от орудий, взрывов и людей. И, может быть, вон в том месте, где сейчас стоит неподалёку от памятника белокаменная православная церковь, построенная на средства потомков погибших солдат, в основном донских и кубанских казаков, скакал на врага мой далёкий сородич. А может, и кровь его там пролилась. Нет тут комка глинистой почвы, не обогрётной кровью 22 тысяч полёгших здесь русских бойцов.

Так было в начале XIX века. Но прошло более века, и вот уже Гитлер не только оборотил нацистский орден меченосцев в орудие порабощения мира, но и сделал из него фабрику убийц и погромщиков. Он попытался стереть с лица земли Россию, истребить в аду нацизма миллионы русских, белорусов, украинцев, евреев, цыган и прочих, как он полагал, “недочеловеков”, разрушить их самосознание и многовековую культуру.

Особо пронзительно я это понял, когда посетил в Дрездене мемориал жертвам фашизма, в Веймаре – бывший концентрационный лагерь Бухенвальд, где были зверски замучены 56 тысяч человек, а в Берлине – памятник жертвам фашизма и милитаризма. Там, на Унтер-ден-Линден, наблюдая за разводом большого почётного караула, воздающего почести тем, кто пал в тяжёлой схватке с германским нацизмом, перед моими глазами вновь почему-то вставал памятник в честь “Битвы народов”, воскресали русские воины девятнадцатого столетия, чьи сердца были искренними в смертельной борьбе, чей разум искал истину, справедливость. И в который раз приходил к достоверному убеждению о нерасторжимой связи времён и героических традиций. В годы Великой Отечественной войны русские люди сумели не только защитить родное Отечество от посягательства врагов, уберечь Родину и человечество от рабства и гибели, но и уничтожить гитлеризм, открыть народам дорогу свободы.

Как символ священного боренья – стоит в Трептов-парке памятник воину-освободителю, рядом с которым повседневная суэта, мелкие заботы чело- века кажутся пустяжными, недостойными внимания. Курган монумента напо- минает стародавний могильник Дикой степи с останками погибших ратников. На высоте поставлен, посреди Берлина, точно громадный древнерусский шлем, цилиндрический мавзолей с богатырской фигурой солдата. На лице глубокая тихая радость и гордость, сродни, пожалуй, отцовской: в победном бою он спас невинную детскую душу. Кто этот избавитель от смерти, чьи большие руки, очевидно, привыкшие к труду, поддерживают малышку, при- льнувшую к его груди с такой доверчивостью? Кто этот воин, что сжимает меч, придавивший долу, будто гадюку, обломки разбитой фашистской свастики?..

Может, это старший сержант Трифон Андреевич Лукьянович, спасший 29 апреля 1945 года немецкого ребёнка от выстрела эсэсовца на перекрёстке улицы Эльзенштрассе и проспекта Пушкиналлея? Может, это рядовой 220-го полка Николай Мосолов, который, день спустя, услышав на развалинах Тир- гартена плач ребёнка, с риском для жизни пробрался через минное поле к Потсдамскому мосту и вынес в безопасное место маленькую трёхлетнюю де- вочку? А может, это мой дядя, сражавшийся за Берлин? А может... Трудно сей- час доподлинно установить фамилию солдата, какой он роты, взвода. Важно, что российский женщина родила его для праведной жизни. Напевая песнь у сыновней колыбели, как и всякая другая мать, об одном молила Бога: не по- сылать на их голову войну... но случилось иначе.

В разгар лета 1941 года, точно снег на голову, свалилась германская вой- на. На третий день, 25 июня, военком послал Ивану повестку. Через неделю он, как и тысячи подобных ему, военнообязанных, был переодет в форму красноармейца, поставлен под ружьё. Так Иван из труженика-землепашца превратился в труженика фронта, солдата, на плечи которого легло: на искон- но русских землях восстановить погранный порядок и народное счастье.

Боевое крещение Иван принял в первую зиму под Москвой. В сорокогра- дусные морозы узнал, почём фунт лиха стоит. Поначалу от каждого внезапно- го выстрела, пристрельной, огневой, яростной бомбёжки сжимался в тугой обречённый комок, смыкал до боли глаза... Пообвыкнув, начал воевать с уд- военным мужеством, благородной яростью, упорством и злостью.

Прикипев душой к армейскому строю, всегда делал то, в чём была ост- рая необходимость, работал с необыкновенным рвением. Как и все, нёс по- сильный груз на фронте: стоял на часах, рыл траншеи, строил землянки. В минуты боевой тревоги, отдохнувший или усталый, сытый или голодный, оборонял свои редуты и атаковал укрепления противника. От пуль берёгся, но и поклоны им не бил. Каждая складка на местности служила ему навесом, и слепые снаряды обходили его стороной. Словом, удача сопутствовала на первых порах.

У стен Сталинграда, во вторую зиму, Иван испытал гордость русского солдата. И когда выбивал фашистов, вросших в камень, в землю, и когда, поменяв диспозицию, лежал на мёрзлом бруствере, елозил с бойцами на жи- вотках под вражеским огнём по глинистому грунту. Отдать правый берег Вол- ги – значило лишить Россию кавказской нефти, а стало быть, погубить госу- дарство. Естественно, встал вопрос ребром: Родина – или смерть...

Как на кремь-пята вся страна опёрлась тогда на седой Мамаев курган, окутанный древними легендами.

Вот и Иван, находясь в сердцевине того сражения, не дрогнул под прес- сом германской военной машины. Месяц везло, второй, а на третий довезло до ручки: ранило в правое предплечье. Попросил санитаря покрепче перевя- зать бинтами, а покинуть блиндаж наотрез отказался:

– Не время греться у печурки. Слева прут танки, справа стрельба. Льётся кровь, закипает бой. Каждая рука на счету, а я буду в санпункте прохладиться?

В те роковые сумасшедшие дни Иван и его товарищи по оружию не согну- лись, выстояли, защитив от посягательства противника самую главную высо- ту в их жизни – Мамаев курган. И только тогда, когда враг попал в окруже- ние, в капкан маршала Чуйкова, он со спокойной совестью отбыл в госпиталь.

Жена Екатерина слала ему нежные письма с утешительно-ласкательными словами, прежде редко употребляемыми в семье. Здоровье Ивана быстро шло на поправку. И там, в тылу, на госпитальной койке, он неожиданно по- нял, что смерть геройскую, оказывается, ещё заслужить надо...

Полтора года спустя, летом 43-го, на Курской дуге Иван впервые увидел такое огромное скопление пышущих жаром бронированных машин врага, давящих души и кости людей. Долгое время в ушах его стоял скрежет танковых траков, дребезг стальных кузовов и надрывное дыхание дизель-моторов. Жёсткие, kloкочущие взрывы – огонь рвёт сцепления колёс, и подбитые танки останавливаются как вкопанные.

Из этого испепеляющего огня, из этой безжалостной круговерти битвы он вышел живым. Казалось бы, радоваться... А тут на тебе – запоздалое письмо от старика-соседа по дому с убийственной вестью: “Фашисты согнали всех малолетних и пожилых сельчан в амбар, в котором от пожара скончались твоя дочурка Светлана, жена Екатерина и сёстры Ольга, Татьяна...”

Будто электрическим током прожгло Ивана. Выходит, он всё это последнее время разговаривал с мёртвыми, поверяя им свои сокровенные мысли и чувства?.. Ноги его сами собой подкосились, вся округа поплыла в глазах...

Только Бог и помоги.

Не один день Ивана душили невыплаканные слёзы, пронизывая болью всё нутро. Зубы его скрежетали, он грозил им: “Вы ещё меня узнаете, сволочи! Попляшете под дулом моего автомата!”

Прошагав пол-Европы, через сотни деревень, посёлков, городов, потеряв в малых и больших боях великое множество своих товарищей, израненный, он не перестал жить своим русским умом, живым, бойким, быть верным своему слову, друзьям и товарищам; стремился не только понять чужан, но и помочь им обрести счастливую судьбу.

Понагляделся Иван и на Берлин. В уличных боях поковырял его сапёрной лопатой, поползал по булыжным мостовым, полазил по крышам, чердакам и подвалам. Пришлось её, столицу третьего рейха, прежде многим казавшуюся исчадием ада, осматривать и узнавать не только с лица, но и с изнанки...

Вот и в тот первомайский день, когда линия фронта проходила через одну из площадей, Иван столкнулся с необычным... Впрочем, всё по порядку.

По одну сторону фронта стояли наши войска, по другую – остатки фашистской части, упорно оборонявшие свой “фатерлянд”. В центре пространства – развороченная взрывом клумба с цветами. Около воронки, на опалённой траве, лежала убитая шальным снарядом женщина, а рядом – маленькая девочка. Живая...

Иван в те минуты укрывался вместе с бойцами за руинами разрушенного дома и не сразу услышал прерывающиеся всхлипы ребёнка. Спасать ребёнка – значило идти на верную гибель. От этой мысли у Ивана защемило под ложечкой. Неподалёку, среди пепелища, лежало беспомощное малое существо, словно его дочурка Света, взывающая о помощи. Плач ребёнка становился всё громче, всё отчаянней.

Он уже не раз встречался со смертью и лучше многих знал, как её отвести. Всем гибким телом, привыкшим слушаться, он прицелился к кирпичному брустверу и сказал подчинённым:

– Я за девочкой... Откроют паче чаяния стрельбу – прикройте.

И легко перемахнул на тротуар площади.

По обе стороны передовой вдруг наступила тишина. Первым делом закрыл глаза у женщины, лишённой жизни в расцвете лет, перекрестил её. Только потом уже поднял девочку, нежно прижал к груди. Она слегка успокоилась, но продолжала горько всхлипать. И тогда он залопотал ласковым голосом:

– Ну что ты, что ты, успокойся. Всё будет хорошо. Я не дам тебя в обиду.

Назад он возвращался тем же путём. Медленно, с трудом полз на боку: живая ноша не позволяла стелькой распластаться по искрошенному асфальту. Но сознание, что они с малюткой могут остаться невредимыми, заставляло силой своего яростно бьющегося сердца напрягать усталые мышцы.

У кирпичного бруствера остановился. Заслоняя собою ребёнка, поднялся в полный рост, чтобы перелезть через каменную оградку, радостно крикнул:

– Ребята, нашему полку прибыло...

Но, покрывая его голос, с вражьей стороны по-волчьему взвыли обозлённые пули. И тут же Иван ощутил, как под левую лопатку вклинился свинец, ужаливший изнутри. Его упругое тело стало оплывать. Из последних сил выгнув спину, мешком перевалился за бруствер, на руки товарищей.

Иван слышал, как его клали на спину, подложили под голову солдатскую скатку, расстегнули ворот гимнастёрки. Душа его не испытывала ни страха,

ни горести, ни сожаления. Он только чувствовал счастливую праведность, важность исполненного им человеческого долга.

Лицо фронтowego друга, товарища-окопника склонилось над ним.
– Девочку сбереги...

...Трептов-парк. Покрытый мутно-голубым пологом неба, он в центре Берлина, точно зелёный островок, образовавшийся при разливе реки. Ветер молитвенно шелестит листвою высоченных тополей, легонько клонит к ногам стебли трав.

Через каменный портал, окружённый пушистыми елями, я снова прохожу в мемориальную рощу и по буковой аллее иду к гранитному изваянию "Мать-Родина". Она олицетворяет собою русскую женщину, которая выносила детей под сердцем. Она, простоволосая, со смутным, точно ослепшим лицом, безучастная ко всему на свете, сидит на скамье наедине со своим вечным горем, неутолимой печалью: пали в бою её дети, в которых вложено столько сил, которым отдано столько любви и крови, и потому скорбит с поникшей головой.

Каждый день к Русс-Ивану в Трептов-парке, к Воину-освободителю в берлинской мемориальной роще, приезжают люди со всего мира, чтобы поклониться подвигу русских солдат. Здесь ему воздавали воинские почести участники французского Сопротивления; склоняли седые головы перед вечной памятью российские ветераны войны; отдавали дань человеческому мужеству и стойкости британские старые, опытные солдаты, одетые в военные мундиры. В минутном молчании замирали тут шахтёры из города Битефельд, учитель со своим классом из Германии, итальянские студенты, российские писатели...

Я неспешно иду по широкой аллее мимо двух пилонов в форме знамён, выложенных красным гранитом, мимо бронзовых скульптур, коленопреклонённых воинов России, без касок, с опущенными автоматами. По ступенькам, ведущим вниз, выхожу к центральной части мемориала. Вдоль средней оси пять обрамленных газонов. На каменных постаментах пять литых венков.

Задержался у братских могил – и передо мной как бы безмолвно разверзлась земля: оплетённая жилками родников, корневищами, но не живородящая; нашпигованная ржавым железом, костями, но не помнящая ничего, схоронившая в себя на веки вечные все тайны.

В зале мавзолея с купольным сводом взору моему открылось мозаичное панно великой печали российских людей, свято чтущих память своих героев. На потолке сверкал хрустальный орден Победы, на постаменте из чёрного камня лежала Золотая книга с именами захороненных воинов.

Отыскалось среди них имя и моего дяди – одного из тех русских Иванов, что спасли мир.

МОЗАИКА ВОЙНЫ

Накануне юбилея Победы в редакцию пришло немало поэтических откликов на это событие. Часть из них мы решили опубликовать под рубрикой “Мозаика войны”

КАРЕН ДАВИДЯНЦ

ВАШ ПОДВИГ СВЯТ...

Ветеранам Великой Отечественной войны посвящается

Из года в год величие победы,
заложенной в сраженьях под Москвой,
салютам вновь распахивает небо,
и вновь вы, наши бабушки и деды,
пред нами, опалённые войной.

Мы, ваши дети, правнуки и внуки,
должны все вместе твёрдо осознать,
что нам дар жизни вы вручили в руки,
что мы — наследники подвластной вам науки —
Любить, Надеяться и с Верой побеждать.

Простите нас, что мы порой беспечны...
Живём, порой вины не видя в том,
что часто мы не слышим глас Предтечи.
Закрыв сердца для заповедей вечных,
так мало греем вас своим теплом.....

Но в Судный день, в той истинной отчизне
Господь воздаст Любовью вам сполна;
забьют колокола надмирной тризны,
и ангела откроют Книгу Жизни
и прочитают ваши имена.

Вновь памяти тех лет встанут зарницы...
С ней дух Победы воедино слит.
И снова златоглавая столица,
с любовью в ваши взглядываясь лица,
всегласно, всенародно говорит:

— “Ваш подвиг свят, Отечества герои!
Пред ним бледнеет всякая хвала.
Ведь всю войну прошли вы ратным строем,
чтоб тихими в России были зори
и золотели храмов купола”.

Так пусть же вновь от центра до окраин
торжественный, соборный глас страны
разносит — столь врачующее раны:
— “С победой вас, родные ветераны
навек и вас прославившей войны”.

г. Москва

РОМАН ТИМОФЕЕВ,
ветеран Великой Отечественной войны

ИЗ ПОЭМЫ “ПЕРВЫЙ ДЕНЬ МИРА”

Светло, а город не проснулся, —
Всю ночь он попросту не спал,
На башне флюгер встрепенулся
И никого не напугал.

Домам от белых флагов тесно,
Не напоказ висит бельё —
Сдавался город повсеместно,
По-деловому, не назло.

У кирхи пленные лопочут,
Сюда свели их до утра,
Капитулировала ночью
Из трёх дивизий немчура.

Валили в кучу автоматы,
Винтовки и боезапас.
Смотрели немцы виновато,
Еще побаиваясь нас.

Юнец тотальный из фольксштурма
С гранатой дёру дать хотел.
Наш старшина весьма культурно
Его под зад ногой поддел.

Гранату вырвал из руконок,
А самого в толпу втолкнул.
Не долго щерился волчонок,
Заплакал:
— Гитлер обманул...

Вся улица до поворота
Колонной пленных занята,
Их конвоируют поротно
До комендантского поста.

г. Самара

СЕРГЕЙ АФАНАСЬЕВ

* * *

Глубокоуважаемый Станислав Юрьевич! Давно собиралась написать, но, зная Вашу занятость, не рисковала отвлекать вас! Непосредственно подтолкнула меня Ваша статья в журнале “Наш современник” № 8 “Истерика пана Помяновского”. Мой покойный товарищ участвовал в боях за освобождение Польши.

Вспоминая битву за Варшаву, он говорил, что обиды поляков за то, что русские не поддержали их восстание, напрасны — наше командование предупредило, что поддержать их не смогут. Я сама после войны встречалась с поляками и знаю, как много мы делали для них, и до сих пор храню благо-

дарные письма от них. Случайно в моих руках оказались записки моего товарища Афанасьева. Однако у него нет воспоминаний в прозе. Всё, что его поражало в жизни, изложено в стихах, хотя он никогда не публиковал их и по-этом себя не считал.

В заключение хочу сказать, что я очень давняя подписчица Вашего журнала, и читают его не только мои родные, соседи, но и жители деревни, где живёт мой брат. От лица всех благодарю Вас за подвиг по изданию такого важного для русских людей журнала, чтение которого вразумляет тех, кто хочет слышать.

ПУЛАВСКИЙ ПЛАЦДАРМ

Последний год — год сорок пятый,
Варшава — справа, прямо враг.
Всё громче слышались раскаты,
За шагом — шаг, за шагом шаг.
За Вислу двинулась пехота:
За ротой — рота, строем — строй.
То генеральская забота
Вести людей на смертный бой.
В атаку ринулась пехота.
На штурм пошла штрафная рота.
И ...полегла, не взяв двух линий,
А впереди их было семь.
Дымился сизовато-синий
Морозный и жестокий день.
Тот день запомнился надолго
Какой-то огненной стеной.
Стояли танки — на исходной,
Их не пускали в этот бой.
Витала смерть над полем боя,
Разила насмерть тут и там.
Но всё же, кто ползком, кто стоя,
Мы шли по огненным полям.
И мимо польских деревень
Попёрли — сорок вёрст за день...

АЙРИТА АЛЕКСЕЕВА

БЫЛ МАЙ

Был май, был тёплый ясный день
И солнце на заказ.
В распахнутую настежь дверь
Вошла директор в класс.

Была такой же, как всегда:
Подтянута, стройна,
Но видно, что, как никогда,
Возбуждена она.

И замер наш четвёртый класс:
Она же так глядит,
Как будто видит в первый раз
Всех нас, кто здесь сидит.

И вдруг заплакала она:
— Ребята, кончилась война.
Был ясный день, была весна,
Черёмуха цвела.
И мы забыли, что зима
Голодною была.

ПАХОТА

Апрель. Ручьи. Проталины,
Промоин первые следы.
У мастерской плуги расставлены
В строю до первой борозды.

А воздух пахнет опьяняюще
Дождём, и солнцем, и теплом.
Но в памяти моей жива ещё
Та пахота в сорок втором,

Когда на полосе собрались
Подростки, бабы, старики.
Упряжки рвали, упираясь,
До жути страшные быки.

Бык вырваться хотел из плуга,
Он всех поднял бы на рога.
Стояли мы друг против друга,
Как два заклятые врага.

Не понимал умом воловьим,
Что нет коня, воюет конь,
А на бескрайнем поле вдовьем
Работником остался он.

И не хотел идти упорно
На поводке, в ярме, в плугу,
А мы хотели, чтобы зёрна
Шрапнелью били по врагу,

Чтоб в нашем поле зародилась
Победы алая звезда.
Бык сдался, и за ним ложилась
За бороздою борозда.

*пос. Таврическое
Омской обл.*

РОДОМ ИЗ СССР

Воспоминания о Б. В. ПОПОВЕ

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ СОВЕТСКОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

В людьми и Богом проклятые девяностые годы XX века (самое нейтральное, “форматное” даже для антирусского ТВ название их — “лихие”) одним из ключевых бранных слов по адресу сторонников советской власти было почти жаргонное, презрительное — “совок”. Подразумевалось, конечно же, не детское орудие для игры в песочнице, но, в общем-то, нечто столь же несерьёзное, ненужное, не заслуживающее внимания. “Совок” послушен начальству, терпелив и туп, доверчив, как младенец. Выпьет, похмелится, сделает всё сикось-накось, зато поверит любому самому утопическому лозунгу и подчинится любому начальствующему Скалозубу с партбилетом в кармане — вместо того, чтобы жить “как цивилизованные люди”, повинаясь “эффективным собственникам” и гордясь “правами человека”. “Совок”, короче говоря, негодный человеческий материал, не способный вписаться в демократические каноны, не способный победить в гонке за успехом и богатством. “Лузер”, одним словом. Маргинал. Лох, коего обмануть, облапошить — одно удовольствие.

Так либеральная пропаганда всей совокупной мощью СМИ утверждала не просто никчёмность “совка”, “простого советского человека”, но и непригодность, тупикивость советского пути для достижения Россией достойного места среди других народов и государств в постиндустриальном, технологичном XXI веке. Ну, а уж вожди бывшего СССР, особенно Сталин, вообще советская “элита”, “начальники”, если только они остались упёртыми коммуняками, предавались и предаются либеральной анафеме. Естественно, за вычетом тех, кто вовремя подсуетился, расстался с партбилетом, вошёл в сговор и в долю с разрушителями державы — или уже давно, до времени тайно, подтачивал её устои, ратуя за гласность и плюрализм, за верховенство рыночных отношений и механизмов в жизни советского общества.

Но кто же и каким чудом в считанные годы вывел большую Россию-СССР в разряд второй мировой супердержавы? Неужели эти тупые, народом не избранные партийные бонзы? Неужели эта серая моль из Госплана, способная лишь распределять всё и вся, вплоть до гвоздя и шпингалета, как-то умудрялась не только воплощать партийные “химеры” в реалии новых городов, огромных комбинатов, гигантских электростанций, но ещё и неуклонно, хотя не так быстро, как всем хотелось, повышать уровень благосостояния людей громадной страны? Правда, с джинсами для всех слишком долго не получалось; да и производство жвачки безнадёжно отставало — что и говорить, не гибкая была экономика...

Редакцию не случайно привлекла вышедшая совсем недавно в Архангельске книга воспоминаний о бывшем первом секретаре Архангельского обкома КПСС Борисе Вениаминовиче Попове, посвящённая 100-летию со дня его рождения. Через четверть века после краха и страны, и партии, через пятнадцать лет после ухода из жизни Б. В. Попова большая группа (почти 70 человек) уважаемых, достойных архангелогородцев собралась под одной книжной “крышей”, чтобы воздать должное, помянуть добром реальные дела и замечательные душевные качества человека, который почти 17 лет (1967—1983 гг.) руководил областью — одной из самых крупных и самых сложных в советской России. Безыскусные, без каких-либо претензий на “литературность”, воспоминания эти, проникнутые несомненной, искренней симпатией и глубоким уважением к бывшему лидеру области, напрочь опровергают злонамеренные мифы либералов о тупых и самовластных партийных “начальниках”, назначаемых сверху и послушно проводящих “линию партии” на местах, руководствуясь прежде всего карьерными соображениями.

Мы решили опубликовать целиком лишь шесть из семидесяти содержащихся в трёхсотстраничной книге материалов — как нам кажется, наиболее характерных, наиболее глубоких и убедительных, принадлежащих перу людей разных профессий. Какой человек, какая глыба предстаёт перед читателем!

Первое слово по справедливости предоставляется Юрию Александровичу Гуськову, верному другу “Нашего современника”, главному редактору и практическому организатору, вместе с Е. Т. Гурьевым, авторского коллектива рассматриваемого сборника. Однажды Станислав Куняев в шутку назвал Ю. А. Гуськова “почётным читателем журнала”. Но, кроме шуток: Юрий Александрович регулярно читает “НС” (и болеет, переживает за него!) ровно столько, сколько существует журнал — с 1956 года! Так что Почётный Читатель — это звание как раз для него и тех немногих, кто верен своему любимому изданию от начала до конца.

ЮРИЙ ГУСЬКОВ, бывший первый секретарь Архангельского обкома КПСС, депутат Госдумы РФ второго созыва, ныне пенсионер

“А ПОЧЕМУ ТАК ДЫМНО В ЦЕХЕ?”

Сейчас, когда пришло время “...итожить то, что прожил”, спрашиваю себя, кто были мои учителя по жизни? Наставники? И без всяких сомнений отвечаю: это были неординарные личности, одарённые умом и талантом, высокоответственные за порученное дело люди, обладающие даром организовывать и вести за собой других.

Раз за разом я с благодарностью вспоминаю своего первого бригадира Андрея Николаевича Лапочкина, слесаря-монтажника высшей квалификации, Героя Социалистического Труда, старшего мастера Олега Ивановича Жукова и начальника специализированного участка Николая Александровича Красникова, с которыми мы начинали осваивать атомную энергетику подводных стратегических ракетноносцев в конце 1950—1960-х гг. прошлого столетия.

Я могу смело утверждать, что у истоков моего становления как специалиста стоял Евгений Павлович Егоров, выдающийся организатор отечественного кораблестроения, директор Северного машиностроительного предприятия, определивший не одну судьбу и давший путёвку в жизнь не одному такому парню, как я.

И Дмитрий Фёдорович Фёдоров — в те годы первый секретарь Северодвинского горкома КПСС, по рекомендации которого я был избран секретарём первичной партийной организации моего родного цеха 50 на Северном машиностроительном предприятии.

И, конечно же, Борис Вениаминович Попов, который в марте 1967 г. стал первым секретарём Архангельского обкома КПСС. Всем им светлая память и вечный покой.

Избрание Б. В. Попова было само по себе событие, прямо скажем, для области не рядовое. Порадовало, что новый руководитель не замедлил с посещением нашего предприятия, флагмана кораблестроения в стране. Где-то уже в апреле он посетил завод, осмотрел основные цехи, беседовал с людьми.

Побывал он и в нашем стапельном цехе, где я был избран в то время секретарём парткома самой крупной на заводе цеховой партийной организации. Работал цех в установленном порядке в трёхсменном режиме. Все стапельные места были заняты кораблями, как тогда говорили, заказами различных проектов в разной степени готовности.

Нам было тогда что показать! Мы имели все основания гордиться своей сопричастностью великим делам эпохи. Под крышей цеха трудилось в те годы несколько тысяч человек: рабочих основных специальностей стапеля и цехов-смежников, контрагентов. Стапель жил своей, ни на что не похожей жизнью, когда всё подчинялось интересам строящегося корабля. И только им. Нужно ли говорить, что были мы тогда молоды, самонадеянны. В любое время года и суток на завод летели как на крыльях. В цехе жизнь была ключом, но и дым стоял коромыслом.

Тогда же состоялось наше знакомство с Б. В. Поповым. Обратило на себя внимание его первое рукопожатие, дружески крепкое и бережное в то же время. “Ничего себе, — думаю. — Вот это ладонь! Почти как две мои!”

Но поразило и другое. Его умение слушать и выделять суть — главное. Он почти сразу же спросил: “А почему так дымно в цехе?” С готовностью, чуть снисходительно объясняем: “Сварки много. Она теперь почти повсеместно заменила клёпку в судостроении. Вентиляция не справляется”.

“И тем не менее, — говорит Борис Вениаминович, — атмосфера в цехе — это здоровье людей. В таких условиях много не наработаешь. Работа о людях — главная из задач”. Как говорится, в самую точку. Попутный, но урок мне и другим на всю оставшуюся жизнь. Принципиально и справедливо. Далее мы, конечно же, подробным образом пояснили, что вентиляционные системы проходят модернизацию под новые требования и условия санитарной гигиены.

Само собой разумеется, что руководством цеха и предприятия было сделано всё возможное, чтобы ускорить работы по коренной реконструкции всей вентиляции цеха, включая и вентиляционное обеспечение строящихся кораблей. Потом были и другие встречи, но не было ни одной, когда бы он не спросил, а как там вентиляция в эллинге? Конечно же, и не только об этом.

Добавлю, к слову. Когда Б. В. Попов посетил завод в последний раз, для такого рода замечаний уже не было оснований. На его территории трудно было найти даже случайный окурочек — так выросли культура труда, технологическая дисциплина, уровень организации производства.

Борис Вениаминович любил корабелов, гордился, что здесь, на Поморской земле, по выражению Петра Великого, “флот Российский начал быть”, не единожды бывал в городе, на верфях Севмаша и “Звёздочки”, поддерживал все инициативы и предложения северодвинских руководителей по социально-экономическому развитию города и его предприятий.

Обо всём об этом говорю уверенно, был тому свидетелем на протяжении целого ряда лет и участником почти всех сколько-нибудь значимых событий в области. Что касается меня лично, то на момент встречи с Борисом Вениаминовичем я уже года три отработал на хлопотливой, “почётной”, очень важной низкой партийной работе, где всё главное. Должен признаться, всерьёз подумывал, как бы возвратиться “на круги своя”, на дорогой мне шестой спецучасток, поближе, как я говорил, к “фабрично-заводской трубе”, к прямому производству, которое я знал, любил и куда, не сомневался, вернуться.

Но не тут-то было. Уже в конце 1967 г. меня избрали заместителем секретаря парткома Севмашпредприятия — и... пошло, покатило, поехало.

Вспоминается и такое. В 1973 г., будучи вторым секретарём Северодвинского горкома и отвечая за организационно-партийную работу, мне довелось принимать в городе Б. В. Попова, который специально приехал посмотреть, как городская партийная организация готовится к обмену партийных документов. Надо вспомнить, что это была не чисто техническая кампания, хотя сложностей и нюансов здесь было предостаточно. Главное заключалось в том, чтобы поднять общий уровень организационно-партийной работы как таковой, повысить эффективность всей массово-политической и агитационно-пропагандистской работы среди населения.

Состоялось обстоятельное знакомство с положением дел. Будучи сам очень организованным, системным человеком, Борис Вениаминович вникал в детали. Его вопросы были неожиданны и интересны, советы конкретными и выполнимыми, замечания абсолютно по делу и не обидны. Мы, как нам виделось, сумели показать и рассказать, что сделали, но и воочию убедились, что главное – то ещё впереди.

И тем приятнее отметить, что в ходе обмена партийных документов городская парторганизация качественно выросла, организационно окрепла, повысилась её авторитет среди горожан.

Многие, вспоминая совместную с ним работу, обращают внимание на его жёсткость. Да, где-то было и такое. Он мог простить ошибку, но и взыскать сполна за нерадивость, бездеятельность, благодушие или того хуже – равнодушие. Он умел понять и войти в положение “нашего брата”, своих сподвижников и соратников (кстати, любил это слово). Умел убеждать, но никогда не навязывал свою точку зрения в качестве истины в последней инстанции.

И когда, бывало иногда, спросишь, как поступить, нередко слышишь: давай подумаем вместе.

И такое, к примеру, было. Уже после обмена партийных документов пригласил меня Борис Вениаминович к себе и после продолжительной беседы предложил занять свободную на то время должность заведующего отделом организационно-партийной работы обкома КПСС. Это было неожиданное и очень лестное предложение, но я его не принял и, как умел, обосновал и аргументировал свой отказ. Мои возражения были поняты и приняты.

Думаю, что не я один, а многие мои коллеги из числа секретарей горкомов и райкомов партии, других категорий партийного актива, хозяйственных руководителей ощутили на себе огромное обаяние, отеческую заботу (он был среди нас старшим и по возрасту) этого человека, его высокую взыскательность, но и абсолютное доверие. Мы знали, что Борис Вениаминович не может принять решение по навету, по подметному письму, по анонимному доносу. С ним можно было уверенно смотреть в будущее.

Так уж случилось, но в конце 1976 г. в г. Москве во время пожара в гостинице “Россия” погиб наш товарищ, замечательный учёный и человек Л. В. Савин, работавший секретарём обкома партии. В сферу его забот входил лесопромышленный комплекс области, которым он занимался профессионально и компетентно. Это была большая потеря, и по сию пору мы помним об этом и скорбим. Здесь будет уместным подчеркнуть, что в Архангельской области один из секретарей обкома всегда занимался исключительно лесопромышленным комплексом во всех его составляющих ипостасях. И это было оправданным делом. Отрасль занимала ключевые позиции в экономике в ту пору, хотя и требовала в основе своей реконструкции и скорейшего технического перевооружения.

Нельзя было не видеть и другое. Истекшее десятилетие явственно высветило вторую важнейшую тенденцию в социально-экономическом развитии региона: в области не по дням, а по часам набирал обороты и увеличивал темпы роста военно-промышленный комплекс.

Существенно упрочилась социальная и материально-техническая база судостроения и судоремонта в Северодвинске. Была завершена реконструкция домостроительного комбината, построены новый уникальный эллинг и корпусный цех, первая очередь ТЭЦ № 2. Близился ввод в эксплуатацию приборного завода “Полярная звезда”. В ближайшей перспективе просматривалось строительство приборных заводов в Архангельске и Новодвинске, где заказчиками выступали Министерство радиопромышленности СССР и Министерство судостроительной промышленности СССР. Ускоренными темпами строился электромеханический завод в г. Котласе (Минавиапром СССР). Была достигнута принципиальная договорённость с Минэлектротехпромом СССР о создании мощностей по производству электронных плат в г. Мирном (завод “Новатор”), чем принципиально решалась проблема занятости вторых членов семей военнослужащих на космодроме “Плесецк”.

Своим чередом двигались к разрешению проблемы строительства атомно-металлургического комплекса на базе богатейшего месторождения северо-онежских бокситов, а также строительства атомной станции теплоснабжения в Архангельске. Настоятельно требовали своего незамедлительного разрешения

и назревшие вопросы военного строительства. Нужен был небольшой, но профессиональный оборонный отдел в обкоме со всеми вытекающими отсюда последствиями. Жизнь требовала полнее использовать кадровый потенциал оборонщиков в области. Вот почему, как мне представляется, Борис Вениаминович при подборе остановил свой выбор на северодвинцах.

Что же касается меня, то в непродолжительной беседе у Бориса Вениаминовича мне было сказано буквально следующее: “Круг твоих обязанностей будет ВПК, ЛПК, строительство в этих отраслях, а далее – посмотрим. Лес будешь осваивать в процессе работы”. Таким образом, он меня “благословил”, пленум обкома избрал секретарём, и по ноябрь 1983 г. мне пришлось пройти свои “университеты” под непосредственным руководством, не погрешу ничуть против истины, когда скажу – этого выдающегося человека.

Мы жили в одном доме и даже в одном подъезде, довольно часто вместе и всегда пешком возвращались с работы, а в последние годы, несмотря на разницу в возрасте, сблизились и семьями. Его супруга – Мария Семёновна была, на наш взгляд, образцом интеллигентности, доброжелательности, женственности, была по-русски хлебосольной и гостеприимной хозяйкой.

Время тогда летело быстро. Работали с огромным интересом, как говорят, “не за страх, а за совесть”. Пришло и такое событие, когда ЦК КПСС обобщил опыт Котласского и Соликамского (Пермская область) целлюлозно-бумажных комбинатов по снижению массовости выпускаемой бумажной продукции, что давало в целом по стране огромный народно-хозяйственный эффект. По этому поводу был проведён специальный семинар в Архангельске. А затем один из секретарей ЦК в своём докладе на семинаре в Ростове-на-Дону поставил в пример опыт ресурсосбережения Архангельской области на базе технического перевооружения всего её лесопромышленного комплекса. Чуть позднее и Б. В. Попов выступил на совещании уже в ЦК КПСС с речью поистине программного характера на эту же тему – всё это стало своего рода общественным признанием достижений ЛПК нашего региона.

И здесь было бы уместным вспомнить и о широко известной в то время сийской технологии по заготовке леса, и об обрубке сучьев с вершины, и о щадящих подрост методах трелёвки леса, и о многом другом, чем мы тогда жили, чем не без оснований гордились, чему служили безоглядно и бескорыстно.

Я вспоминаю 70-летний юбилей Б. В. Попова. Он уже более десяти лет руководил нашей непростой “губернией”. Всё было достойно – и более чем скромно. Указом Президиума Верховного Совета СССР Борис Вениаминович был награждён вторым орденом Ленина. Состоялось, как было принято в то время, торжественное собрание работников аппарата обкома партии, и, пожалуй, на этом официальная часть и закончилась. Вечером был небольшой званый ужин, на который он пригласил своих ближайших сподвижников с женами (и мужьями) и неожиданно для всех, и для меня тоже, попросил меня вести это завершающее юбилей мероприятие. Волновался, но... обошлось.

Много было сказано доброго и хорошего о юбиляре, его личных качествах, семье, о его вкладе в развитие области, её экономики и культуры, социальной сферы, науки и образования, здравоохранения. Помню и не скрою, что многие, как мне виделось, вполне искренне просили юбиляра не спешить расставаться с областью. Нам казалось, более того – мы были уверены, что он далеко не исчерпал свой потенциал и ещё может потрудиться на благо населения и развития производительных сил нашего Европейского Севера. Многие из нас считали в то время, да и сейчас, что наверху не в полной мере оценили сделанное им.

Потом было наше десятилетнее общение, когда Борис Вениаминович вышел на пенсию и жил в Москве. Мы и проводили в последний путь этого настоящего коммуниста ленинской школы и сталинской выучки, которому, как сказал поэт, и “...рубля не накопили строчки”.

Он похоронен в Москве на мемориальном Троекуровском кладбище. Хочется верить, что “к нему не зарастёт народная тропа”. Борис Вениаминович Попов и его добрые деяния останутся в благодарной памяти северян.

НЕ ОЦЕНЁН В СООТВЕТСТВИИ С ЗАСЛУГАМИ ПЕРЕД СОВРЕМЕННОКАМИ И ПОТОМКАМИ

Есть люди, знакомство с которыми оставляет незабываемый след навсегда, несмотря на то, что встречи были не частыми, а знакомство и общение не очень продолжительными. Говоря о Борисе Вениаминовиче Попове, так и хочется сказать: “Глыба!” Твёрдое тёплое рукопожатие большой интеллигентной руки; широкий спокойный жест, предлагающий сесть в предупредительно отодвинутый стул; внимательный взгляд чуть прищуренных серых глаз и атмосфера уверенности, что здесь тебя выслушают и поймут, помогут найти решение мучающих тебя вопросов и проблем.

Борис Вениаминович, несомненно, наряду с другими ценными качествами характера, обладал даром общения с людьми, тем, что психологи называют свойством эмпатии – умением вызвать интерес и симпатию. Он давал собеседнику возможность проявиться, раскрыть свои наилучшие стороны, почувствовать свою значимость. Чувство внутреннего достоинства и самоуважения, столь присущее Б. В. Попову, распространялось и на людей, общающихся с ним. И в то же время его деловитость, спокойная сосредоточенность не имели ничего общего с деланной важностью или бюрократической сухостью общения. Такое же отношение к делу требовалось и от окружающих.

Было очевидно, что в делах серьёзных он не допускал насмешливого и даже шуточного тона, по-моему, ему претили всякое ёрничество, неуместная ирония или нарочитая игривость при обсуждении деловых тем.

Эрудиция, чувство такта, интеллигентность – эти качества или есть у человека, или их просто нет. Я бы сказала, что эти черты у Бориса Вениаминовича были выражены во всей своей совокупности, проявлялись постоянно и естественно. Его широкие познания включали в себя и современные проблемы биологии, медицины, демографии, и я до сих пор с удовольствием вспоминаю наши немногие, но очень интересные с ним встречи.

Мне приходилось общаться с Б. В. Поповым и как проректору по научной работе Архангельского государственного медицинского института, и как председателю областного отделения общества “Знание” – весьма уважаемой и многочисленной в советское время организации. От этих встреч по обращениям с различного рода трудно решаемыми проблемами всегда оставалось чувство ясности и определённости. Если ты обращался с хорошо обоснованной и убедительно изложенной просьбой, то и ответ бывал положительным. Но и в случае невозможности положительного решения не возникало чувство досады – отказ всегда был чётким, ясным, определённым и окончательным. И до сих пор с удовольствием и бесконечной ностальгией вспоминаю те времена, хотя было много хлопот, поездок, переживаний и стрессов (тогда это слово не было столь популярным, как теперь). Была нормальная активная общественная жизнь, была радость широкого общения с множеством очень разных людей, и, слава Богу, до сих пор ещё живы эти многолетние дружеские связи. Я думаю, да и кто у нас среди людей старшего поколения не знает, что гигантский вклад Бориса Вениаминовича Попова в интенсивное развитие области во всех отраслях деятельности был оценён не вполне адекватно его заслугам перед Отечеством и потомками.

ЛИДИЯ БОСТРЕМ, директор природно-ландшафтного музея “Малые Корелы”, кандидат искусствоведения

ТАКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ ОБЛАСТЬ НЕ ЗНАЛА

Период середины 1960–1980 гг. прошлого столетия для культуры нашей области был годами высочайшего подъёма во всех её проявлениях. Руководителем области в этот период, первым секретарём обкома КПСС был Борис

Вениаминович Попов. Человек высочайшей культуры, образованности, интеллигентности и порядочности, он понимал значимость культуры и степень её ответственности перед народом и грядущими поколениями.

В стране в то время шла волна борьбы за сохранение памятников истории и культуры. По всему Союзу развернулись работы по их реставрации. Памятники деревянного зодчества, если их невозможно было сохранить на местах, перевозились в музеи под открытым небом.

В России формирование таких музеев началось более чем в 30 областях. В конечном итоге их было построено около десятка. Архангельский музей деревянного зодчества из них стал самым крупным. Он отличается от всех других музеев по структуре экспозиции, обширности территории, количеству памятников. Аналогом для него послужил единственный существовавший на тот период времени в стране архитектурно-этнографический, 1924 года постройки, музей “Бривдабас” в Прибалтике. Б. В. Попов был не понаслышке знаком с этим музеем. Не случайно проектирование Архангельского музея было поручено московскому архитектору Б. В. Гнедовскому, который ранее проектировал подобный архитектурно-этнографический музей, Ленинский мемориальный комплекс в Шушенском (Красноярский край).

Всё это положительно сказалось на будущем Архангельского музея деревянного зодчества. Территория его была разбита на сектора по территориально-этнографическому принципу, что позволило наиболее грамотно, исторически верно показать быт, культуру, промыслы, ремёсла, социальное расслоение северорусского дореволюционного крестьянства. В музее нет двух одинаковых памятников деревянной архитектуры. В нём представлены все типы встречающихся на Русском Севере культурных, бытовых, инженерных сооружений. Каждый сектор – это модель поселения со своей планировкой, типами памятников, материальной культурой. Все остальные музеи России построены по образу архитектурных выставок. Это небольшие музеи, не превышающие по территории один сектор нашего, для сравнения взять хотя бы такой, как Каргопольско-Онежский сектор.

Надо отметить ещё одну очень важную деталь. Создание такого музея в Архангельске, в отличие от всех других областей, где они создавались, во много раз задача технически более сложная, и её осуществление в финансовом плане было более затратным делом.

Архангельская область имеет площадь около 587,4 тыс. кв. километров. Огромная территория с очень низкой заселённостью, разбросанностью и удалённостью одного населённого пункта от другого делает большую часть территории области труднодоступной, куда добраться можно только вертолётom или зимой по малопроезжим зимникам.

Поэтому при перевозке памятников были задействованы все виды транспорта – от гужевого до вертолётom. Порой приходилось перегружать памятник с одного вида транспорта на другой до четырёх раз. Всё это требовало много времени и огромных финансовых и физических затрат. Ни одна область России при создании таких музеев не испытывала подобных сложностей и нагрузок.

Вместе с перевозкой большой объём работ выполняли и другие организации: энергетики по переносу линий электропередач, специалисты городского ремонтно-строительного треста, дорожники, транспортники, связисты, работники торговли, художественный фонд и т. д. Вся работа проводилась при огромной помощи и под еженедельным контролем обкома КПСС. Секретарь обкома Ю. Н. Сапожников был постоянным участником всякого рода планёрок и целевых совещаний. Мы не знали слов “нельзя”, “нет”, “невозможно”. Это была необъявленная комсомольская стройка.

В сложных природно-климатических условиях Севера в очень сжатые сроки был создан музей. Он стал, повторюсь, самым крупным в России, хорошо посещаемым объектом с уникальной архитектурно-этнографической экспозицией. В 1985 г. музей решением правительства получил статус самостоятельного.

Если говорить в целом о культуре области, то в бытность Б. В. Попова все её составляющие испытывали на себе положительное влияние обкома и его первого секретаря. Только ленивый мог не воспользоваться его поддержкой и помощью. Музею помогли, к слову, возродить звоны, был получен даже лимит на цветной металл для колоколов. Напомню, в России многие годы не звонили церковные колокола. Молчали и знаменитые колокола ростовских звонниц. Позднее с нашего музея возрождение звонов пошло по всей стране. Сейчас колокольные звоны звучат повсеместно.

Попутно скажем, что с конца 1960-х гг. начинается активная реставрация памятников архитектуры на Соловках, в Каргополье, на Кий-острове, в Холмогорах, церковей в Лявле, Заостровье. На Соловках и в Каргополе создаются реставрационные участки. Начинается формирование Соловецкого музея.

В декабре 1974 г. выходит постановление правительства о взятии памятников архитектуры области под государственную охрану. Этим же постановлением Соловецкий музей стал самостоятельным учреждением культуры. Областные музеи изобразительных искусств и краеведческий получают новые помещения и комплектуют новые выставки и экспозиции. В новом помещении формируется экспозиция морского музея. Строятся новые здания библиотеки им. Н. Л. Добролюбова, концертный зал с органом в Кирхе, здание Дворца спорта с крытым катком, Дворец пионеров с обсерваторией, Дворец культуры строителей. А сколько появилось мансард-мастерских художников – всех и не упомнишь!

Мы, жители области, должны быть благодарны судьбе, которая наградила нас таким человеком, как Борис Вениаминович Попов. Это он своими делами оставил нам богатое наследство, и культурное в том числе. Уверена, что такого размаха строительства учреждений культуры наша область не знала в прошлом, да и вряд ли узнает когда-либо в обозримом будущем.

ГЕННАДИЙ ГРИШАНИН, генерал-майор КГБ в отставке

СЛАВНАЯ, СВЕТАЯ, ДОБРАЯ ЕМУ ПАМЯТЬ!

Борис Вениаминович Попов – это человек-труженик, коммунист с большой буквы. Всей своей трудной жизнью и многогранной деятельностью он по праву заслуживает доброй людской памяти.

Услышал я о нём и впервые увидел примерно полвека назад в Вильнюсе в разгар, так сказать, хрущёвской “оттепели” с её бесконечными экспериментами.

В Литве в это время шли непростые процессы. Там по мере укрепления советской власти социалистические идеи овладевали сознанием всё большей части населения. В результате политических, хозяйственных и оперативно-войсковых мер с вооружённым бандитизмом и подпольем практически покончили. Но ещё сильны были националистические, антирусские настроения, особенно среди интеллигенции, вузовской молодёжи, из среды которой потом и вышла вся основная масса “народофронтовцев”. У многих на Западе оказались родственники, бежавшие туда в 1940-е гг. прошлого столетия. Некоторые из них подвизались в антисоветских эмигрантских организациях, осуществлявших, в том числе по нелегальным каналам, подрывные акции против республики под эгидой иностранных спецслужб в русле американской политики так называемого “освобождения поработщённых народов” прибалтийских стран.

И это несмотря даже на то, что с помощью союзного правительства и братских республик в Литве поддерживался более высокий уровень жизни по сравнению с другими регионами СССР. Некогда раздробленная и в основном аграрная республика уверенно становилась научно и промышленно развитым равноправным субъектом Союза ССР с мощной энергетикой, торговым и рыболовецким флотом, расцветающей национальной культурой.

И, тем не менее, стремление к “большей самостоятельности”, чего не скрывали даже некоторые высокопоставленные представители местной национальной элиты, имевшей родственные связи за границей, не способствовало снижению националистических, сепаратистских настроений. В известной степени к этому вели и проводимая кампания по так называемой национализации кадров, своего рода расширение “номенклатуры неприкасаемых”.

Вот в такой обстановке, будучи вторым секретарём ЦК компартии Литвы, Борис Вениаминович Попов стремился, с учётом национальной специфики, и словом, и делом вести политику сохранения преданных делу опытных кадров, дальнейшего развития экономики, науки, социальной сферы и культуры. Он постоянно был в разъездах по республике, регулярно выступал в партийных организациях, партийной печати, широко общался с трудящимися и молодёжью,

с представителями правоохранительных органов, особенно чекистами. Мне пришлось дважды слышать его выступления перед сотрудниками КГБ на итоговом оперативном совещании и общем партийном собрании (я тогда был старшим оперуполномоченным одного из контрразведывательных подразделений).

Что особенно запомнилось и обратило на себя внимание. В отличие от других республиканских руководителей поразила высокая информированность и компетентность Бориса Вениаминовича по обсуждавшимся вопросам, прямо-таки профессиональная чёткость в постановке им задач, формулировке конкретных мер по обеспечению государственной безопасности в республике. Пришлось и несколько раз представляться ему, находясь в нарядах по обеспечению мероприятий с его участием.

К сожалению (добавим, к счастью для Архангельского региона. — **Ред.**), пребывание Бориса Вениаминовича в Литве оказалось не очень продолжительным, о чём многие и многие партийно-советские, хозяйственные работники и мы, чекисты, очень и очень сожалели.

Уже много лет спустя, поработав в Клайпеде, а затем в КГБ Молдавии, я получил предложение возглавить Архангельское управление КГБ. Прибыв на переговоры к одному из заместителей председателя КГБ СССР и войдя в его кабинет, я, к своему удовольствию, сразу же узнал находившегося там Бориса Вениаминовича Попова. Здороваясь, он сказал, что помнит меня по Литве и надеется на моё согласие. При этом с юмором добавил, что одеваться придётся теплее.

Конечно же, состоялся серьёзный разговор о предстоящей работе. Борис Вениаминович рассказал о Поморском Севере в своей спокойной манере, но вдохновенно, как о прародителе русских земель. При этом подчеркнул, что не случайно именно здесь появился такой феномен, как М. В. Ломоносов, который в сконцентрированном виде заглядывал на века вперёд, предвидя идеи и открытия, лёгшие в основу развития нашей цивилизации. Архангельская область, как сказал он, неисчислима и надолго неисчерпаема своими морскими и речными, водными, лесными и земными богатствами вплоть до алмазов, не говоря уже о закалённых суровой природой трудолюбивых и талантливых людях. Это, как он подытожил, один из форпостов государства Российского, к которому во все времена было приковано внимание наших заклятых “друзей”, алчущих его богатств и территорий. Подчеркнул важность мер по обеспечению государственной безопасности и теперь, особенно в военно-промышленной сфере.

Словом, моё назначение состоялось. Вскоре Борис Вениаминович представил меня членам бюро обкома и коллективу сотрудников Управления КГБ СССР области. Он постоянно приглашал меня в совместные поездки по области, и прежде всего на Северодвинский промышленный комплекс, месторождения алмазов, ракетные базы и полигоны, не говоря уже о Плесецком космодроме (г. Мирный), где мы бывали всякий раз во время ответственных пусков. При этом всегда внимательно изучалась обстановка, и при необходимости принимались нужные конкретные решения.

Я регулярно докладывал Борису Вениаминовичу и секретарю обкома по промышленности Юрию Александровичу Гуськову о проводимых управлением оперативно-режимных мерах на важных объектах промышленности, наших успехах и недостатках. Получал от них дельные советы, что помогало совершенствованию контрразведывательной работы. Кстати, Юрий Александрович был одним из наиболее активных единомышленников Б. В. Попова. Начинал он инженером на Северном машиностроительном предприятии, пришёл в обком через Северодвинский горком. Это очень эрудированный, дельный и порядочный человек, оставшийся верным коммунистическим идеалам, как и все мы, бывшие соратники Бориса Вениаминовича. При поддержке Б. В. Попова и под руководством товарищей из Москвы с участием военных контрразведчиков путём проведения целой серии хорошо подготовленных агентурно-оперативных и режимных мероприятий мы сумели сорвать планы проникновения спецслужб США, Англии и ФРГ к секретам Северного машиностроительного предприятия, на котором неожиданно для них оказалась построенной и спущенной на воду АПЛ “Акула” — подводный стратегический ракетный крейсер. По своим оперативно-техническим характеристикам он превзошёл американские АПЛ, вооружённые системой “Трайидент”. По инициативе Бориса Вениаминовича многие тогда были удостоены высоких правительственных наград,

в том числе и сотрудники областного управления КГБ. В их числе оказался и я, чем очень горжусь.

Говоря об Архангельской области того времени, нельзя сказать, чтобы её жители благоденствовали. Но в своём большинстве жили в достатке, радовались мирной жизни, были уверены в завтрашнем дне, видели – жизнь с каждым годом становилась всё лучше. В том же Северодвинске, Архангельске на больших площадях были созданы уникальные для этих широт тепличные хозяйства, продукция которых шла в общественное питание и на прилавки магазинов. В области широко развивались мясное и молочное животноводство, предприятия по его переработке. На хорошем уровне находился рыбный промысел. Создавались предприятия по переработке рыбы и морепродуктов. Во всяком случае, рыба, которая ныне сравнялась, а иногда и превосходит по цене мясо, тогда была дешёвой, доступной всем слоям населения, в том числе и любимые архангелогородцами трещёчка и наважка. Активно велось жилищное строительство. Тогда и понятия не имели о перебоях с электроснабжением или теплом.

Думается, всё это было бы несправедливым не связать с именем и деятельностью на протяжении почти двух десятилетий Б. В. Попова. Люди говорили, и я видел сам, как при нём буквально всё преобразилось, а Архангельск с его по-невски роскошной набережной стал попросту неузнаваем. Давалось всё это нелегко, с большим напряжением духовных и физических сил. Но он был целеустремлён, настойчив, добивался успехов, опираясь на людей, своё доброе к ним отношением, уважая их мнения и пожелания. По самому большому счёту, это был мудрый и справедливый партийный вожак.

Всех удивляла его скромность в личной жизни. Кого б ни спросил в те годы, во всяком случае очень и очень многих, как живётся, не задумываясь отвечал: “Так ведь ничего, жить можно. Дай-то Бог здоровья Борису Вениаминовичу!”

Некоторое время тому назад в нашем подмосковном садовом товариществе работала бригада свободных архангельских строителей. На мои расспросы о теперешней жизни в Поморье старший из них, лет пятидесяти, по-архангельски окая, ответил: “Так ведь совсем худо стало. Посидели без работы-то, нечем стало кормить и семьи. Раньше ехали к нам шабашить, а теперь сами поехали. Вот у вас повезло с работой, а как будет дальше, не знаем. У начальства-то свои дела, им на нас наплевать. Попова-то и сейчас вспоминают добрым словом”. Узнав от меня, что Борис Вениаминович ушёл из жизни, мой собеседник и прислушивающиеся к нашему разговору его товарищи на мгновение потупились, потом старший, вздохнув, тихо произнёс: “Жалко, конечно, хороший был человек-то!” Комментарии, по-моему, здесь излишни.

Можно добавить только к сказанному, что людская память вечна, особенно добрая память. А славный жизненный пример таких людей, как Борис Вениаминович Попов, достоин подражания и, уверен, будет востребован.

ДМИТРИЙ КОЗКО, педагог, бывший начальник областного управления культуры

НЕ ДОПУСКАА НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

... Борис Вениаминович очень внимательно следил за развитием культурной сферы области и особое значение придавал строительству домов культуры, музеев, библиотек. Так, например, на месте современного краеведческого музея и музея изобразительных искусств, что на площади В. И. Ленина, планировали построить торговый центр, но Б. В. Попов настоял на строительстве музея. Строительство библиотеки им. Н. А. Добролюбова, дома культуры моряков, строителей, ДК в Варавино, театра в Северодвинске, музея в Малых Корелах – все эти стройки были на постоянном его личном контроле. Борис Вениаминович был очень образованным и интеллигентным человеком, тонко чувствующим людей. Но одновременно и жёсткий, строгий руководитель.

Однажды в обком на меня поступила анонимка, в которой было сказано, что я сын врага народа и потому не имею морального права занимать руково-

дающую должность. Реакция Б. В. Попова была жёсткой и справедливой. Он велел разобраться в ситуации, найти автора анонимного послания, и если коммунист, то исключить его из партии. Нашли. Оказалось, что и в партии состоит. Я пожалел того человека и заступился за него. В результате ему был объявлен лишь строгий выговор с занесением в учётную карточку.

Через несколько лет такая же анонимка на меня пришла ещё раз. В то время я должен был ехать учиться в академию, но мне позвонил один товарищ из обкома и говорит: “Ты подожди пока ехать, а то, может, тебя ещё с работы снимут”. Учёба началась, я – в Архангельске. Б. В. Попову звонит министр культуры и спрашивает, почему Козко не приехал на учёбу. Так Борис Вениаминович узнал про этот звонок из обкома и очень рассердился. Он дал указание сделать запрос на родину моего отца и при мне своим подчинённым сказал: “Разберитесь во всём. Если я даже работать не буду, но чтобы его больше не трясли!” Меня действительно больше никогда по этому вопросу не трогали. Он никогда не допускал несправедливости.

*АЛЕКСАНДР СМИРНОВ, доктор сельхознаук, член-корреспондент
РАЕН, профессор*

БОРИС ВЕНИАМИНОВИЧ ПОПОВ И АРХАНГЕЛЬСКОЕ СЕЛО

Вспоминая свои встречи с Борисом Вениаминовичем Поповым, удивительным человеком высочайшей эрудиции, огромного трудолюбия, не перестаю удивляться, как у него хватало сил и энергии везти на себе такой воз забот и быть в курсе всего, что происходит в области.

Да, хорошо работал аппарат обкома КПСС, это действительно так и было. Но верно и то, что Борис Вениаминович сам глубоко разбирался в коренных вопросах развития народного хозяйства области, и смеем утверждать, что в число приоритетных он всегда ставил агропромышленный комплекс.

Напомню читателям, что сельское хозяйство области в те годы по сравнению с другими регионами СССР было развито недостаточно. Борис Вениаминович сумел поставить дело так, что к 1990 году агропромышленный комплекс области по производству внутренней валовой продукции был уже на 3–4-м месте среди её ведущих отраслей. Я убеждён: не будь его, область в аграрном секторе экономики в прошлом веке так бы и оставалась на уровне 50–60-х гг.

Моя первая встреча с Б. В. Поповым произошла после очередного пленума обкома КПСС, где рассматривалось постановление ЦК КПСС и Совмина СССР о неперспективных населённых пунктах. Вопрос был простой, воспринимался многими болезненно, и потому события хорошо сохранились в моей памяти. На всю жизнь запомнились слова Бориса Вениаминовича: “При решении этого вопроса не рубить сплеча, подходить взвешенно, помнить, что там живут люди, что крестьянство – это не только звание, а и уклад жизни”. Он напомнил сидящим в зале о том, что не зря в X–XI вв. новгородцы заселяли Нижнее Двиноважье и огромные просторы Европейского Севера, просил не забывать и негативных аспектов коллективизации. При таком подходе нам удалось спасти от расселения почти все населённые пункты, входящие в состав Вознесенского и Пустошенского сельских советов.

Вторая встреча с Борисом Вениаминовичем произошла при таких обстоятельствах. Весна 1974 года была очень бурной, тёплой, многие острова и населённые пункты, расположенные между Никольским, Корабельным рукавами Северной Двины, были подтоплены разгулявшимися в наводнении водами реки.

На сенокосных урочищах Приморского района в тот год выдался удивительный урожай не только культурных многолетних трав, но и естественных сенокосов. В разгар работ недалеко от нас на убранную площадь приземлился вертолёт. Двое мужчин шли в нашу сторону. Мы, работая, в шутку и всерьёз молились Господу Богу, чтобы отнёс ливень, приближающийся с трёх сторон к месту уборки сена. Я даже на колени встал. Подбежал Валерий Анкудинов, рабочий бригады полеводства Вознесенского отделения, и сказал,

что меня приглашают поговорить. Это были Борис Вениаминович и Илья Дмитриевич Долгих. Как был в плавках, так и предстал перед секретарями обкома КПСС. Борис Вениаминович поинтересовался, зачем на пожне стоял на коленях? Врать не стал и признался, что молился Богу, чтобы отнесло грозу. Он посмотрел вокруг, затем на Илью Дмитриевича и спросил шутливо: “Что будем с ним делать? Ведь это один из секретарей совхозных парткомов, кандидат в члены обкома!” Илья Дмитриевич ответил, что он бы и чёрту молился, лишь бы не сорвать работу. ... Потом Борис Вениаминович при встречах на пленумах несколько раз, так же в шутку, спрашивал: “Богу молишься?”

Огромное внимание он уделял развитию животноводства. В его бытность поголовье дойного стада коров области только в совхозах и колхозах составляло 142,7 тыс. голов, а сейчас всего 17 тыс. голов, включая фермеров и личные подворья. Архангельская область по валовому производству молока занимала тогда второе место в Северо-Западном регионе.

... Последняя моя встреча с Борисом Вениаминовичем была очень грустной. Дело в том, что 1979 год был очень тяжёлым для сельского хозяйства, с ранней весны до поздней осени шли проливные дожди. В том же Вознесенье, как и всегда по решению парткома, я был определён уполномоченным в помощь молодому управляющему на уборку урожая. Там только картофеля было посажено 150 га. Уборка была очень трудной, но механизаторы и студенты мединститута и АЛТИ работали не считаясь со временем. Урожай был убран за 11 дней со средней урожайностью 310 центнеров с гектара, что очень неплохо для северных районов. Закончили уборку и сортировку последних клубней где-то около 9 часов вечера. Я, как уполномоченный, разрешил взять на ужин 2 мешка картошки и предложил управляющему оформить на следующий день это как натуральную оплату, что считал законным. Тем не менее на меня было заведено уголовное дело о хищении социалистической собственности в особо крупных размерах, так как стоимость двух мешков картошки составила 50 рублей 50 копеек.

Не буду останавливаться на подробностях, скажу только, что из партии я был исключён. Партийный билет я сдал только в обкоме. Далее последовало решение Исакогорского районного суда, которым я был оправдан. Через полгода обратился в Партийную комиссию ЦК КПСС о восстановлении меня в членах КПСС. Вскоре был приглашён на её заседание вместе с председателем областной партийной комиссии А. С. Щукиным. Каково же было моё удивление, когда на Старой площади в Москве у здания ЦК меня встретил Борис Вениаминович. Поздоровался с нами и сказал: “Только что имел часовую беседу с заместителем председателя комиссии, который будет вести заседание. Всё будет хорошо, Александр Дмитриевич, — заверил он и, увидев меня на глазах слезы, обнял и добавил: — Я знаю, ты настоящий коммунист. Оставайся таким и впредь”. Это была последняя моя встреча с этим человеком огромной щедрой души и человечности.

Встречи с Борисом Вениаминовичем позволяли взглянуть на себя со стороны его глазами. Он был и остаётся для меня и примером для подражания.

К сожалению, не было у нас в области руководителей такого масштаба, кто бы сделал что-либо подобное для экономики области и её населения. Не случайно Борису Вениаминовичу Попову присвоено посмертно и навечно звание “Почётный гражданин г. Архангельска”. Он доказал, что архангельское село могло бы в достатке кормить тружеников и жителей области. Очень жаль, что многие его мечты так и не сбылись, иначе область не находилась бы ныне в таком экономическом упадке, как и село. Вечная память этому удивительному человеку.

* * *

В заключение — ещё несколько значимых, убедительных свидетельств неординарности, масштаба личности Б. В. Попова, его характера, стиля жизни и поведения. Они дополняют и расцветят уже сложившееся у читателя впечатление.

“Посетив однажды онкологическую больницу и увидев, что в палатах лежат по 10–12 человек, Б. В. Попов произнёс: “Стыдно жить на белом свете,

зная, что люди так мучаются”. После чего в городе развернулось строительство онкологического диспансера” (С. Л. Монахова, Т. В. Титова, сотрудники Госархива Архангельской области).

“Б. В. Попов был жёстким руководителем. Это признавали многие. Но предельно объективным и справедливым. Людей берёг и в обиду не давал” (К. И. Галаншин, бывший министр целлюлозно-бумажной промышленности СССР).

“В бытность его первым секретарём, прямо отвечающим за подбор и постановку кадров по моральным, политическим и деловым качествам, за их воспитание, область впервые вошла в такой период своего развития, когда были преодолены последствия в прошлом хронического кадрового голода” (В. А. Крехалёв, инженер-механик).

“...Успех решает не одна личность, а профессиональная, доверху заполненная энтузиазмом, целеустремлённая команда. И, конечно же, её лидер. Таким признанным лидером в области был Борис Вениаминович Попов. Никто не чувствовал себя забытым Богом, брошенной жертвой... Все мы были людьми одной идеи, птенцами одного гнезда. Нас объединяла, как сказал поэт, “одна, но пламенная страсть” (Г. С. Перевозчиков, инженер-наладчик корабельных систем, бывший зав. отделом оборонной промышленности Архангельского обкома КПСС).

“Восхищала высокая культура этого человека. Я не помню случая, чтобы он повысил голос, или проявил раздражение, либо обидел невзначай. Такого не было” (Д. Г. Пашаев, Герой России, специалист по атомной энергетике).

“Я был “летающим” руководителем. Для поддержания профессионального уровня мне был необходим личный налёт в качестве командира вездесущего судна... За все годы работы он (Б. В. Попов. – **Ред.**) ни разу не задал мне вопроса, почему я так много летаю, так как высоко ценил профессионализм. В авиации эта категория определяет авторитет руководителя” (Ю. А. Юркин, заслуженный пилот СССР, кандидат технических наук; в 1972–1986 гг. – начальник Архангельского управления гражданской авиации).

“И в заключение – личное мнение о том, что наши воспоминания вряд ли кому нужны сегодня... И всё-таки. Может быть, кому-то из нынешнего, потерянного для больших дел поколения молодёжи, зомбированной продажными СМИ, эти воспоминания помогут узнать правду о нашей великой советской истории, правду о Коммунистической партии Советского Союза, её членах – таких, как боец и создатель Борис Вениаминович Попов” (З. С. Меркурьева, педагог, политолог, бывший секретарь Северодвинского горкома КПСС).

Редакция целиком согласна с Зинаидой Семёновной Меркурьевой: такие воспоминания о таких людях нужны и ныне живущим, и грядущим поколениям!

Лихие 90-е годы во многом свели на нет крупные советские научно-технические достижения, одним из которых являлся крупнейший горно-обогатительный комплекс у горы Качканар на Урале, где ещё в середине XX века были разведаны огромные запасы железной руды, обогащённой ванадием. Неисчерпаемая кладовая российской земли и сейчас является залогом возможных дальнейших успехов промышленного развития России. Что сейчас происходит на Качканаре? Этим вопросом задался автор нашего журнала, известный журналист Владимир Николаевич Денисов, долгое время работавший на Урале и во многом посвятивший своё творчество вопросам, связанным с металлургией и горным делом. Ситуация в этой отрасли ему известна не понаслышке.

ВЛАДИМИР ДЕНИСОВ

КАЧКАНАР — ДОСТОЯНИЕ РОССИИ

Наконец-то и до горы Качканар руки доходят: здешний горно-обогатительный комбинат “Ванадий” объявлен победителем аукциона на право разработки давно известного крупного титаномагнетитового месторождения. Прочитав это сообщение, я подумал: кто бы и что бы ни говорил, жизнь всё-таки движется по объективным законам, отменить которые никто не властен. Подошло время, назрела потребность – вот и стал нужен второй горно-обогатительный комбинат, строительство которого пытались “пробить” ещё 35 лет назад.

Гора Качканар стала широко известной в 1950-е годы, когда близ соседней горы Долгой началось строительство первого Качканарского горно-обогатительного комбината. До этого о ней знали, главным образом, местные жители, а ими почти до конца XIX века были манси – их тогда называли вогулами. В финно-угорских языках “нар” значит “гора”, “хребет”. Качканар (в источниках XVIII века пишется Кесканар) означает, по-видимому, железную гору: скальные выходы руд на ней были известны вогулам со стародавних времён. Когда заводчик Акинфий Демидов предложил вогулам продать ему Качканар, то получил от аборигенов категорический отказ: сами манси поднимались на вершину горы лишь для поклонения языческим богам.

Об огромном значении Качканара говорит уже тот факт, что изучением этой горы занимались выдающиеся учёные – географы и геологи. Первым это сделал в 1770 году русский академик П. С. Паллас, описавший её в книге “Путешествие по разным местам Российского государства”. Затем в 1840–1841 годах Качканар исследовал президент Лондонского геологического общества Р. Мурчисон. Наибольший же вклад в изучение этого района внесли 22-летний геолог А. П. Карпинский, будущий президент Российской академии наук, сделавший в 1869 году подробное описание здешних руд, и будущий ав-

тор книги “Урал и его богатства”, известный русский геолог и горный инженер Е. Н. Барбот-де-Марни, проведший через 20 лет после Карпинского первую геофизическую съёмку и разноплановую разведку качканарских руд.

В 1913 году геолог и горный инженер Н. К. Высоцкий опубликовал ставшую знаменитой монографию “Месторождения платины Исовского и Нижнетагильского района на Урале”. Посёлок Ис находится неподалёку от горы Качканар. Собственно говоря, освоение здешних богатств как раз и началось с платины и золота. В последнюю четверть XIX века сюда в поисках форта устремились тысячи старателей. Благодаря этому выросли новые посёлки Именновский, Валериановский, Ис и другие. В 1895 году на имя золотопромышленницы Р. Я. Протопоповой был оформлен отвод земли под прииск с названием Качканар. Так имя горы вошло в промышленный оборот.

А о добыче здешней железной руды тогда не могло быть и речи: не только в конце XIX века, но и полсотни лет спустя большинство специалистов считали её очень бедной, а потому-де совершенно непригодной к широкому промышленному использованию. Дело в том, что и в те годы, и во многом сегодня металлурги, как правило, пользовались и пользуются классическими железными рудами – магнетитами, железистыми кварцитами и т. п. Богатыми считаются запасы с содержанием основного компонента свыше 50 процентов. Руды, в коих железо составляет 50–25 процентов, относятся к рядовым. Ну, а уж меньше 25 процентов – к бедным и даже к исключительно бедным. В качканарских же природных “кладовых” среднее содержание железа составляет 16–17 процентов. По формальным представлениям, это ниже всякой критики. К тому же в этих рудах есть примеси, с точки зрения иных специалистов, и вовсе неприемлемые: это, в частности, окислы титана. Титан, как известно, весьма тугоплавкий металл, так что мало кто решился бы в те годы отправить в доменную печь железную руду, точнее, её концентрат, с подобным “прицепом”: где гарантия, что плавку вообще удастся довести до конца, не угробив при этом домну?

Тем не менее истощение сырьевой базы Урала и стремительно растущие в годы советской индустриализации потребности в стальной продукции вынудили приступить к углублённому изучению и качканарских руд. В 1931–1932 годах геологи выделили два участка: один был приурочен к Гусевым горам, другой – к горе Качканар. Через год после Великой Отечественной войны создана Качканарская геологоразведочная партия, которая, детально исследовав Гусевогорский массив, выявила четыре рудных залежи – Главную, Северную, Промежуточную и Южную. В долгих и острых дискуссиях об их освоении всё же перевесили такие аргументы, как огромные запасы – около 11 миллиардов тонн руды на всех месторождениях группы, в том числе 3 миллиарда тонн на Гусевогорском, возможность открытого способа добычи – не из шахты, а из карьера, что намного дешевле, малое количество наиболее вредных примесей – серы и фосфора, близость потребителей, в первую очередь, Нижнетагильского металлургического комбината, а также перспективная возможность получить из “хвостов” переработки руд редкоземельные элементы – скандий и галлий.

В качканарских рудах содержится ещё один важнейший компонент – пятиокись ванадия. Теоретически это давало возможность получить природно-легированный чугу́н, а затем – такую же сталь. Легирование металлов и их сплавов известно давно: введение в сталь определённых доз хрома, марганца, молибдена, вольфрама, никеля, ванадия и других элементов резко улучшает её качество, позволяет создавать металл с заданными свойствами, в том числе специального назначения, например, для ракетной техники. Но обычно легирование проводится в конце плавки, а сам процесс в некотором роде напоминает варку супа или борща, когда хозяйка в почти готовое блюдо бросает перец, лавровый лист и прочие пряности – “легирующие” добавки. Уральские же специалисты разработали способ выплавки чугуна, легированного самой природой. Тогда это считалось необычным новшеством, и было немало скептиков, полагавших, что незачем отступать от устоявшихся металлургических технологий. Но сама природа, вложив ванадий в железную руду, подсказала необходимость иных, качественно новых подходов.

Может возникнуть вопрос: а не проще ли было вместо эксперимента, который неизвестно к чему приведёт, вместо риска огромными средствами, да и судьбами людей, съезжавшихся строить новый комбинат, продолжать во-

зять на заводы обычную, классическую руду с других отечественных месторождений, чем к тому времени занимались в нашей стране уже два с половиной века, ведь СССР занимал первое место в мире по объёму разведанных железорудных запасов.

Да, действительно, на гигантских просторах СССР природные “кладовые” размещались с севера на юг – от Кольского полуострова до Крыма и с запада на восток – от Курской магнитной аномалии (КМА) в центре европейской части России и Криворожского бассейна на Украине до Якутии, Забайкалья и Приамурья. Но для использования магнетитовых руд северо-западных месторождений – Оленегорского и Ковдорского – ещё перед Великой Отечественной войной был задуман, а в середине 50-х годов построен Череповецкий металлургический завод. Железистые кварциты Криворожского бассейна ещё до революции оказались “привязаны” к южным, донбасским заводам, а в первые советские пятилетки эту руду начали потреблять и только что построенные “Запорожсталь” и “Криворожсталь”. Мариупольские заводы “Азовсталь” и имени Ильича создавались в основном в расчёте на запасы крымских руд Камыш-Бурунского месторождения. А классические месторождения Курской магнитной аномалии начали осваивать лишь во второй половине 50-х годов, в первую очередь, для Новолипецкого металлургического комбината, а потом и для Оскольского электрометаллургического завода.

В такой сложной и капиталоемкой отрасли, как чёрная металлургия, неизбежно проявляется жёсткая закономерность: новое предприятие следует строить вблизи запасов железной руды, иначе дальние перевозки способны сделать его убыточным, или, по нынешним терминам, – привести к банкротству. В советской истории есть, правда, исключение из этого правила. После войны был задуман металлургический завод в Восточной Сибири, использующий руду Коршуновского месторождения, обогащённую на горно-обогательном комбинате в Железногорске-Илимском Иркутской области. Стратегический замысел состоял в том, что для развития восточной окраины СССР требовался крупный металлургический комбинат с максимально широким ассортиментом прокатной продукции. Но пока готовился проект, к власти прорвался некомпетентный и неуправляемый Хрущёв, и завод по не вполне понятным причинам решили ставить в Новокузнецке: он превратился в Западно-Сибирский – Запсиб. Руду, однако, сюда возили по железной дороге из того же Железногорска, за две тысячи километров. В бытность мою собственным корреспондентом газеты “Советская Россия” в Кузбассе мне не раз приходилось наблюдать нервные реакции начальника отдела снабжения Запсиба: порой почти все подчинённые ему специалисты торчали на железнодорожных станциях от Иркутска до Новокузнецка, “проталкивая” эшелоны с железорудным концентратом по перегруженному Транссибу, что не всегда удавалось, и Западно-Сибирский завод нередко лихорадило... Правда, затраты на дальние прогоны предприятие тогда не особо тревожили: они и в план закладывались очень высокими, оставалось лишь не превышать смету. Так что Запсиб тоже считался рентабельным. А горношорской руды, добываемой всего в сотне километров от Новокузнецка, хватало лишь Кузнецкому комбинату – КМК, который и строился под эти запасы.

Но когда Запсиб набрал мощь, превысив проектные расчёты, перестало хватать и коршуновской руды. Дефицит стали восполнять эшелонами из Казахстана, с Урала и даже... из Белгородской области, благо в 70–80-е годы руду на Курской магнитной аномалии добывали и обогащали уже четыре горно-обогаительных комбината, а ближним их потребителям не требовалось столько сырья. Но с новым дальнепривозным рудным концентратом на Запсиб пришла ещё одна беда: только люди, хорошо знающие чёрную металлургию, поймут, какой это адский труд – готовить шихту для доменных печей из рудного концентрата разного химического состава и качества и при этом суметь выдержать параметры плавки чугуна... А были ведь недалёкие от Западно-Сибирского завода месторождения – в соседней Хакасии, в Кузнецком Алатау – на востоке Кемеровской области и на её юге – в Горной Шории: здесь добывали ровно столько сырья, сколько требовалось Кузнецкому металлургическому комбинату, а потому к некоторым природным “кладовым” и не подступались. А в соседнем Алтайском крае для запсибовских нужд успели даже подготовить технико-экономическое обоснование строительства нового горно-обогаительного комбината на разведанных месторождениях Бело-

рецо-Инской группы. Все названные запасы – с достаточно высоким, по отечественным меркам, содержанием железа. Но дальше служебных бумаг дело так и не пошло.

На Урале же классических железорудных месторождений совсем немного. В первую очередь к ним следует отнести гору Магнитную на юге региона и гору Высокую в его центре, близ Нижнего Тагила. Были и менее значимые месторождения – гора Благодать близ г. Кушвы и Богословское у Краснотурьинска. Магнетитовые руды последнего месторождения по своему составу являются комплексными и, кроме железа, содержат серу, медь, кобальт, а на отдельных участках – золото, серебро и другие элементы. Запасы здесь меньше, чем первоначальные высокогорские и магнитогорские, да и добычу приходится вести дорогим шахтным способом. А гороблагодатские запасы в основном исчерпаны. И бывшее ранее довольно крупным Высокогорское рудоуправление, до поры до времени обеспечивавшее Нижнетагильский металлургический комбинат (НТМК), в последние годы добывало примерно 2 миллиона тонн железной руды – это капля в уральском море. Да и горы-то, собственно, давно нет, на её месте образовался карьер. Что ж, всему когда-нибудь приходит конец, ведь запасы горы Высокой заводчики Демидовы начали разрабатывать ещё в начале XVIII века. Так что качканарские “кладовые” были весьма своевременны и запланированы как основные для НТМК, а также для небольшого, по уральским меркам, Чусовского завода в Пермской области.

Гора Магнитная до начала её разработки достигала высоты в 616 метров. Она стала сырьевой базой Магнитогорского металлургического комбината. Эксплуатация этих запасов с содержанием железа в 40–45 процентов началась в 1930 году, а к 70-летию пуска комбината – в 2002 году была добыта 600-миллионная тонна руды. Но сама гора перестала существовать уже к 60-м годам: руду продолжали брать из огромного карьера, образовавшегося на месте бывшей железной красавицы. Магнитогорский комбинат так стремительно рос, что вскоре после войны стало ясно: близится острая сырьевая проблема. По инициативе тогдашнего директора Магнитогорского металлургического комбината, легендарного Григория Ивановича Носова, которого после его преждевременной смерти в 1951 году английское радио назвало в некрологе “стальным королём России”, геологи занялись поиском новых запасов, и вскоре удалось открыть Соколовско-Сарбайское месторождение в Казахстане, ставшее затем новой рудной базой Магнитки.

Известна и ещё одна группа уральских месторождений – Халиловская. Здешные запасы исчислялись в 310 миллионов тонн бурых железняков с содержанием железа 30–40 процентов. Но в них же обнаружилось целое ожерелье дорогих “украшений” – хром, никель, титан, кобальт, марганец... Открывший халиловские запасы геолог И. Л. Рудницкий был уверен: это чудо природы займёт почётное место в металлургической короне Урала. Опытные плавки, проведённые ещё в 30-е годы, подтвердили: задуманный здесь Орско-Халиловский металлургический комбинат – ОХМК может стать первым в мире поставщиком природно-легированных чугуна и стали. Так считал великий металлург Иван Павлович Бардин, под научно-техническим руководством которого был создан Кузнецкий металлургический комбинат. Бардин же руководил проектированием многих других крупных металлургических предприятий, а также разработкой и внедрением в СССР принципиально новых технологий – кислородно-конвертерного способа плавки стали и непрерывного литья заготовок. Научный авторитет Ивана Павловича был настолько высок, что его, формально не имевшего учёной степени, единогласно избрали академиком АН СССР. По замыслу Бардина, комбинат в оренбургской степи должен был стать пионером комплексного использования и природного легирования богатейших руд.

Более полвека различные научно-исследовательские институты пытались всевозможными способами решить сложную проблему, но без особого успеха. Даже в начале 80-х годов выпуск природно-легированного металла составлял на ОХМК лишь 5 процентов общего объёма. Хотя и тогда выдвигались оригинальные предложения уральских учёных, например, такое: пойти нетрадиционным для чёрной металлургии путём – не обогащать халиловские руды, а разделять их во вращающихся печах-трубах, подобных тем, что используются в цементной промышленности, а затем в электрод печах производить сталь, ферроникель, хромистый сплав, кобальт... Поскольку извлекать

столь разные компоненты можно как бы поодиночке, новую технологию назвали методом избирательного восстановления. Получив отдельно металлы и сплавы, металлурги имели бы возможность извлекать из остатков сырья ещё и глинозём — дефицитное в СССР и России сырьё для производства алюминия. Метод избирательного восстановления был опробован на опытном участке Орско-Халиловского комбината и показал весьма обнадеживающий результат. А потом производственники... прикрыли эту установку под предлогом, что учёные-де своими опытами мешают наращивать выплавку металла.

Эту позицию, как ни странно, поддержали в Минчермете СССР. Руководителям Минчермета, потратившим много энергии на то, чтобы “выбить” огромные средства и как можно быстрее построить на месторождениях Курской магнитной аномалии четыре горно-обогатительных комбината — Михайловский, Лебединский, Стойленский и “КМА-руда”, наиболее целесообразным представлялось возить в Оренбургскую область именно эти концентраты, то есть сырьё апробированное, более удобное и без всяких там присоседившихся чудес, вроде титана, хрома, кобальта, — для выплавки или рядовой стали, или легированной привычным способом. С КМА на Урал, причём не только в Оренбургскую область, но и в соседние, потянулись эшелоны с рудой. Когда в конце 1983 года мне пришлось говорить об этом с первым заместителем министра чёрной металлургии СССР А. Ф. Борисовым, собеседник обиделся:

— А почему это уральцы считают, что возить к ним руду не нужно? Мы возили и будем возить, — а на моё замечание, что уральские руды по химическому составу гораздо богаче курско-белгородских, а невнимание к комплексной их переработке уже привело к тому, что в отвалах, на тысячах гектаров скопился огромный объём ценнейших металлов, включая драгоценные, первый замминистра философов замечил: — Никуда эти металлы не денутся. Придёт время — и за отвалы возьмутся.

Вспоминая сейчас эти беседы в министерских кабинетах, особенно остро ощущаю это стремление двигаться самым лёгким путём, что подталкивало отечественную экономику к застою, а потом и к коллапсу.

И сейчас комбинат в Оренбургской области, вошедший в состав крупной компании “Металлоинвест”, принадлежащей известному предпринимателю Алишеру Усманову, использует привозную руду. Здесь используется и природное легирование. Но комбинат в оренбургской степи так и не стал первооткрывателем этой отечественной технологии... Хотя мог бы!

* * *

Прорыв в использовании сложных комплексных руд состоялся не на Южном, а на Среднем Урале. Ещё в 1950 году было принято принципиальное решение Совета Министров СССР о строительстве Качканарского горно-обогатительного комбината, включённого затем в шестой пятилетний план на 1956—1960 годы. Проект предусматривал строительство трёх карьеров производительностью 33 миллиона тонн сырой руды в год, а также перерабатывающие фабрики — дробильную, обогатительную, агломерационную и по производству окатышей. Так была стратегически решена судьба ценнейших рудных залежей. Это не преувеличение. Когда завершилось строительство первой очереди Качканарского ГОКа, радиостанция “Голос Америки” саркастически сообщила: “В СССР пущен ещё один щебёночный комбинат”... Имелось в виду, что из качканарских карьеров в каждой тонне горной массы вывозится на поверхность 83—84 процента пустой породы. Мало кому в “развитых странах” могло тогда придти в голову, что специалисты, люди в здравом уме и твёрдой памяти, способны взяться за промышленную разработку руды, содержащей всего лишь 16—17 процентов железа. Кстати, и выплавка стали, легированной не добавками в кипящий полуфабрикат в специальном ковше, как принято “в цивилизованном мире”, а самой природой, многим тогда представлялась в лучшем случае чем-то из не очень умных фантастических романов.

Но в СССР ещё в 30-е годы были развёрнуты научно-исследовательские и опытно-промышленные работы по обогащению качканарских руд и окускованию железо-ванадиевого концентрата, то есть получению спёкшихся комков — агломерата и окатышей. Цель окускования — придать материалам необходимые для плавки форму, структуру и химический состав. Результаты этих

исследований доказали принципиальную техническую возможность добычи и переработки сырья с низким содержанием железа. Освоение титаномагнетитовых качканарских руд было начато по инициативе группы руководителей горной промышленности Урала – известных специалистов М. М. Горшколепова, И. М. Демихова, В. И. Довгопола, ведущих учёных Л. Н. Цимбаленко из института “Уралгипроруда”, Г. И. Сладкова из “Уралмеханобра”, К. Б. Кожевникова и М. И. Алёшина из геологического управления и других. Стоит напомнить, что Министерство чёрной металлургии СССР возглавлял в то время выдающийся металлург И. Ф. Тевосьян, один из создателей производства специальных сталей в нашей стране, а в числе сторонников комплексного освоения качканарских руд, естественно, значился такой металлургический авторитет, как академик И. П. Бардин. Так что есть все основания утверждать: уровень отечественного металлургического мышления был к тому времени столь высок, что помог верно понять и оценить и новые возможности, и заманчивые перспективы, и неизбежные сложности переработки качканарского железованадиевого сырья.

До язвительной американской реплики о “щебёночном” комбинате ещё предстояло прожить шесть непростых лет. О начале стройки мне рассказывал её первый комсомольский организатор, возглавлявший в те годы Нижнетурунинский горком ВЛКСМ Фёдор Селянин:

– У подножия горы Качканар и других окрестных гор и горок шумела непроходимая тайга. Утром 27 мая 1957 года первый отряд строителей начал валить сосны. Первопроходцев вёл Семён Степанович Мальцев, назначенный начальником первого строительного управления – будущего треста “Качканаррудстрой”. Рядом шли первый парторг строительства Василий Алексеевич Попов и 37 молодых ребят – Илья Машкин, Вася Вольгашин, Эдвиг Баудер, Тамара Макаренко и другие. Предстояло разбить площадку под комбинат и город. Парни и девушки стекались на стройку из всех нижнетурунинских посёлков. Горком комсомола открыл для молодых добровольцев курсы строителей, и рабочие Исовского золото-платинового прииска, Нижнетурунинской ГРЭС, аппаратного завода, а также выпускники школ осваивали новые для них специальности.

В 1958 году XIII съезд ВЛКСМ объявил создание комбината и города всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Нынешним молодым людям, получающим информацию из телевизоров, трудно представить, что значила такая стройка для парней и девушек тех лет. Право оказаться участником столь грандиозной эпопеи предоставлялось далеко не каждому желающему, в комитетах комсомола разворачивались нешуточные баталии, отбирали лучших, и те, кто смог получить путёвки, считали себя необыкновенно удачливыми: ведь они ехали собственными руками создавать будущее страны! И потому жизнь в палатках, в бытовой неустроенности их не только не смущала, а, напротив, вдохновляла. Фёдор Селянин рассказывал, как в первую же зиму в создающемся посёлке вышла из строя котельная. Задержка ремонта вызвала бы аварию отопительной системы и, по сути, остановку начатых строительных работ. И тогда комсомолец кочегар Саша Попов, обмотавшись мокрым комбинезоном, забрался в горячий котёл и устранил неисправность... А декабрьской ночью 1959 года на высоковольтную линию, уже протянутую к строящемуся посёлку, рухнули высоченные сосны. На поединок со стихией вышли в 40-градусный мороз 30 молодых ребят – Юра Бородейко, Лёва Новосёлов, Ольга Шуст и другие... Осенью 1960 года комсомольцы “Уралспецстроя” Анатолий Золотых и Алексей Ремейко, рискуя жизнью, провели по узкому уступу над 60-метровым котлованом станок канатно-ударного бурения...

Таких примеров много, об их глубинном смысле сегодня по идеологическим причинам предпочитают не говорить, а он-то, смысл, состоит в том, что дерзание, преодоление трудностей, подчас, казалось бы, немислимых, является для молодых людей физической и духовной потребностью, закаляет тело, волю и характер, выражает их отношение к Отечеству. Счастлива страна, вырастившая таких энтузиастов, и, напротив, горе ей, когда модель поведения в обществе задают меркантилисты и расчётливые демагоги, что, увы, тоже случилось на нашей памяти.

Всё, что отмечалось тогда на качканарской стройке, происходило впервые, и не только на производственных площадках. 1 сентября 1957 года – через три месяца после рубки просеки начался первый учебный год. Школа –

небольшая комната в одном из первых жилых домов, где собрались пять первокурсников и учительница Галина Наумова. В октябре занимались уже 23 ученика в четырёх классах, приехали учителя Мария Прозорова и Вера Мавеева. 15 ноября избран комитет комсомола, первым руководителем которого стал первопроходец Илья Машкин. 6 января 1958 года снесены две последние палатки, чьи обитатели перебрались под нормальную крышу. В январе и феврале открыты первые детские ясли и детский сад, а к лету – первый пионерский лагерь. 1 сентября 1958 года начала действовать первая школа рабочей молодёжи. Неделями позже открылись больница и швейная фабрика. А 7 ноября 1958 года посёлок услышал первый гудок паровоза, доставившего грузы для строителей по первым здешним рельсам: наладилось устойчивое сообщение с внешним миром. 5 мая 1959 года вышел первый номер газеты “На стройке Качканара”, 3 июля открылась детская музыкальная школа, 6 августа – филиал Нижнетагильского строительного техникума. Так что с самых первых месяцев посёлок стремился жить полноценной жизнью.

В июне 1960 года в связи с сокращением в стране армии и флота в Качканар добровольно приехали сотни бывших военных моряков – это тоже характерная черта времени, и к началу 1961 года в посёлке уже значилось 11 тысяч работающих. В апреле 1962-го вошла в строй действующих, отвечающих строгим критериям Министерства путей сообщения железнодорожная станция Качканар, куда прибыл первый электровоз. В феврале 1963 года в корпусе среднего и мелкого дробления руды началась прокрутка оборудования. В апреле недавно сооружённая плотина Нижневыйского водохранилища уже держала полые воды. Вскоре появится и Верхневыйское искусственное озеро. Так было исстари на Урале: прежде чем строить металлургическое предприятие, следовало позаботиться о больших запасах воды – питьевой и технической. В доэлектрическую эпоху она была ещё и единственным энергоносителем, приводила в движение станки и станы. Потому-то все старые уральские города непременно начинались с плотин – Невьянск, оба Тагила, Каменск, Сысерть, Нижние Серги, Екатеринбург и многие другие. Качканар не стал исключением. Через плотину проложили железнодорожные пути, открыв руде сквозную дорогу из добычного карьера к перерабатывающим цехам.

27 мая 1963 года Качканару исполнилось шесть лет. В этот день новенький конвейер понёс первые тонны сырой руды в бункера корпуса среднего и мелкого дробления. Чуть позже поставлены колонны будущей агломерационной фабрики, а в июне выдан первый качканарский железо-ванадиевый концентрат. В августе 1963 года началась прокрутка мощной дробилки в корпусе крупного дробления – уровень готовности ГОКа поднимался всё выше. И вот 30 сентября 1963 года государственная комиссия подписала акт о вводе в эксплуатацию первой очереди Качканарского горно-обогатительного комбината. В её составе – комплекс на Главном карьере и обогатительной фабрике мощностью на 8,25 миллиона тонн добычи и переработки руды и на выпуск 1,375 миллиона тонн рудного концентрата в год. Именно после этого события и вышла во всемирный эфир сенсация о “щебёночном комбинате”.

Создание второй очереди Качканарского ГОКа внешне как бы лишено новизны и романтики. В декабре 1964 года сдана в эксплуатацию первая очередь агломерационной фабрики, месяц спустя нижнетагильские металлурги выплавили из качканарского агломерата первый чугун, а поздней осенью 1965 года смена В. В. Кадошника выдала доменщикам первую миллионную (!) тонну аглосырья. И года не минуло! А в августе 1970 года были получены первые тонны обожжённых окатышей, и комбинат вышел на полный производственный цикл.

Но за внешней повседневностью скрывались подлинно драматические события, связанные с комплексной переработкой сырья. Теоретически такую возможность давно просчитали и даже опробовали на опытных установках. Теперь же предстояло решать сложнейшие проблемы в условиях крупного действующего производства. Тагильские и чусовские металлурги-ветераны многое могли бы рассказать о тех страданиях, которые им пришлось пережить при переработке в доменных печах первых же тонн качканарских агломерата и окатышей. Тугоплавкий титан рушил все привычные технологические режимы. Впрочем, беды начинались ещё раньше – на стадии обогащения сырья. Разумное и вполне понятное стремление повысить содержание железа в рудном концентрате неизбежно влекло за собой увеличение содержания титана. А плавка на

такой шихте – одна из сложнейших в доменном производстве: зарастают горны и подины печей, прогорают фурмы, через которые в печь подаётся нагретый воздух, по слишком “нервным” графикам развигивается режим плавки, норовя вообще выйти из-под контроля. Не случайно же позднее и у многих зарубежных металлургов, в частности у японских и канадских, в прямом смысле слова опускались руки: титан тоже поначалу “не пошёл”, его концентрацию в руде пришлось снижать до самого низкого предела, одновременно снижая содержание железа. Иными словами, ценнейшее сырьё уходило в отвалы.

Уральские специалисты вскоре нашли выход, применив такую технологию, которая обеспечила и устойчивую работу доменных печей, и получение качественного ванадиевого чугуна. Большая заслуга в этом успехе принадлежит ученым Института металлургии Уральского научного центра АН СССР, Уральскому институту металлов и заводским специалистам Нижнего Тагила.

Добавлю, что не очень заметная широкой общественности работа, обеспечившая устойчивый ритм тагильских и чусовских доменных печей, была защищена сорока (!) авторскими свидетельствами, причём впервые в мире удалось создать теорию спёков! В областной газете “Уральский рабочий”, где я в то время работал, кусочки агломерата и десятка два окатышей из Качканара хранились за стеклом шкафа, как ценнейшие музейные экспонаты. . .

В те же годы уральские учёные решили ещё одну сложную проблему использования титаномагнетитов, относящуюся к стабилизации теплового состояния доменной печи. О том, как идёт плавка, доменщики обычно судят по содержанию кремния, а качканарские руды отличаются тем, что этого природного индикатора в них почти нет, есть лишь, как выражаются специалисты, “запах кремния”. Но вести плавку ванадиевого чугуна смогли поручить электронно-вычислительной машине, чутко улавливавшей этот самый “запах”. А ведь до массового появления в нашей стране современных компьютеров оставалось ещё лет двадцать пять.

Город Качканар уже тем отличался от многих своих предшественников советского времени – например, Комсомольска-на-Амуре или Братска, что строился комплексно, разумеется, в тогдашнем значении этих слов, и объекты социального назначения возводились с тем же ритмом, что и производственные. Всё это позволило ему 9 октября 1968 года подняться до статуса города областного подчинения. Получив по телетайпу такой указ, редактор “Уральского рабочего” И. С. Гагарин спрятал его в стол, а мне, как самому молодому корреспонденту, приказал срочно ехать в командировку, и за два дня мы с нижнетауринским собкором А. И. Прохоровым подготовили газетную полосу о самом молодом городе страны, опубликовав её вместе с указом. Именно тогда я познакомился с Фёдором Тимофеевичем Селяниным, ставшим позднее председателем Свердловского обкома профсоюза рабочих металлургической промышленности. В 1971 году с вводом в строй на фабрике окатышей 3-й и 4-й обжиговых машин строительство Качканарского комбината по первоначальному проекту было практически завершено. ГОК достиг мощности по добыче и переработке 33 миллионов тонн руды, по выпуску 5,6 миллиона тонн концентрата, 2,7 миллиона тонн агломерата, 2,8 миллиона тонн окатышей. Металлургию я тогда знал довольно поверхностно, а в руководящих кулуарах как раз пошли разговоры о необходимости сразу же строить в Качканаре второй горно-обогатительный комбинат: мол, и запасов руды хватает, и строительные мощности развиты. . . за работу, друзья! . . Фёдор Тимофеевич объяснил, что делать это преждевременно:

– Как патриот Качканара я, конечно, за второй горно-обогатительный. Но как металлург я понимаю: Нижнетагильский комбинат в нынешнем его виде вряд ли переработает столько сырья, Чусовской завод – тем более. В таком случае, куда девать агломерат и окатыши? На другие комбинаты возить? Магнитке не нужно, у КМК и Запсиба свои схемы поставок, “Криворожсталь”, “Азовсталь” и прочие южные тоже полностью обеспечены. . . К тому же всем им пришлось бы заново выстраивать технологию, исходя из особенностей качканарского сырья. Нет, сначала надо строить новые прокатные мощности в Нижнем Тагиле.

Люди, от кого зависело принять решение, похоже, думали так же, во всяком случае, разговоры о “втором Качканаре” вскоре прекратились. В Нижнем Тагиле действительно развернулось строительство крупнейшего цеха прокатки широкополочных балок. Мне выпало писать о завершающем этапе – сооруже-

нии универсально-балочного стана-красавца. С тех пор Нижнетагильский МК является крупнейшим в мире предприятием по переработке ванадийсодержащих титаномагнетитовых руд, выпускает ванадиевый чугун, ванадиевый шлак – основное сырьё для извлечения ванадия, первородную конвертерную сталь, природно-легированную ванадием. На Нижнетагильском комбинате работает единственный в России и СНГ универсально-балочный стан по выпуску широкополочных балок и колонных профилей.

* * *

Не обошли Качканар стороной лихие 90-е годы! В первой половине десятилетия спрос на качканарское сырьё упал, поскольку из-за резкого падения внутреннего потребления металла комбинатам, в их числе и Нижнетагильскому, пришлось снизить производство. Но затем они сумели вывести свою продукцию на мировые рынки, выплавка стали снова пошла вверх, и уже в 1997 году Качканарский горно-обоганительный добыл и переработал 34,9 миллиона тонн руды – больше первоначальной проектной мощности. Рыночные реформы испытали комбинат у горы Долгой на устойчивость, и он выдержал проверку. А когда он вошёл в состав крупной компании “Евраз-холдинг” (ныне международная компания “Евраз Груп С. А.”), выкупившей акции нескольких горно-обоганительных и металлургических комбинатов в нашей стране, то производство пошло на подъём и было добыто более 47 миллионов тонн железной руды, произведено 8,9 миллиона тонн концентрата – как в лучшие советские годы.

Но каковы дальнейшие перспективы использования сырья, производимого комбинатом? На пресс-конференции по поводу строительства литейно-прокатного комплекса Объединённой металлургической компании, в состав которой входит Чусовской завод, я задал вопрос председателю совета директоров ОМК А. М. Седых: поскольку компания увеличивает выплавку стали, означает ли это, что Качканарскому горно-обогательному следует наращивать производство сырья? Анатолий Михайлович ответил дипломатично: мол, это компетенция компании-собственника, но ОМК как потребитель полагала бы такой подход своевременным. . .

Литейно-прокатный комплекс Объединённой металлургической компании из руды Качканара будет выпускать толстолистовую сталь для производства крайне необходимых сегодня труб большого диаметра для магистральных нефте- и газопроводов. На Чусовском металлургическом заводе намечена масштабная модернизация: устаревший мартеновский способ выплавки стали заменят электросталеплавильным, в результате чего годовой выпуск металла должен возрасти с 800 тысяч тонн до 1200–1300 тысяч тонн. На Выксунском заводе этой компании в Нижегородской области уже создан самый мощный в стране трубоэлектросварочный комплекс для производства труб большого диаметра – 1020 и 1420 мм. Важнейший элемент нового комплекса – прокатный стан 5000, ввод в эксплуатацию которого намечен в ближайшем будущем. Для не посвящённых в эти тонкости сообщу: число в названии стана означает максимальную ширину проката в миллиметрах. Иначе говоря, ОМК будет не закупать за рубежом, а катать на собственном стане 5-метровый стальной лист толщиной до 48 мм для сварки магистральных труб, способных выдерживать рабочее давление до 250 атмосфер.

А ведь это ближайшие планы всего лишь одной металлургической компании. Так что спрос на качканарские агломерат и окатыши непременно будет расти. Лицензия на разработку собственно Качканарского железо-ванадиевого месторождения рассчитана на 25 лет. Запасы руды оцениваются здесь в 3,3 миллиарда тонн при среднем содержании железа 16%. Если учесть, что с начала освоения Гусевогорского массива переработано чуть больше половины его руды, остаток вроде бы достаточно велик. Но в России пришло время заглядывать и в более дальнюю перспективу. Какова она?

Ещё один стан 5000, расположенный в Колпине близ Петербурга, действует в компании “Северсталь”. Кроме того, такой же комплекс создавался на Магнитогорском металлургическом комбинате и пущен в эксплуатацию в июле 2009 года. Хочу пояснить, что кроется за коротким определением “стан 5000”. На Магнитке оборудование этого передела составило 44 тысячи

тонн и размещено на площади более 13 гектаров. Иной полноценный завод занимает куда более скромную территорию. О планах такого же строительства до нынешнего мирового финансового кризиса объявляли ещё два крупных холдинга – Трубная металлургическая компания и “Металлоинвест”. Их интерес заключается не только и не столько в выпуске труб. Толстый лист высококачественной стали шириной до 5 метров непременно будет востребован во многих отраслях машиностроения и строительства. А сооружение в России сразу нескольких уникальных прокатных производств даёт весомый повод для оценки перспектив развития не только металлургической отрасли, а российской экономики в целом. Замечу, что до последнего времени два и более стана 5000 имели всего две страны – США и Китай, а теперь и Россия. Иначе говоря, эти мощные высокотехнологичные прокатные производства являются индикатором индустриального уровня державы, её способности обеспечить развитие на перспективу.

Но это же означает и то, что государству следует активно поддерживать компании-инициаторы, в частности, решением таких проблем, которые выйдут за узкие отраслевые рамки. Для реализации проектов новых широкополосных станов и дальнейшего развития высокотехнологичного производства необходимы научные исследования и разработки, рассчитанные на долгосрочную перспективу, подготовка специалистов высокого уровня и, что, пожалуй, самое важное, сопряжение намерений металлургических компаний с планами конструирования и выпуска новых видов техники и оборудования в тех отраслях экономики, где будет востребован толстолистовый широкий прокат. Таким образом, проблема приобрела общегосударственное значение.

Вот ряд стратегических программ, и объявленных нынешним руководством России, и возможных в перспективе, выполнение которых без продукции станов 5000 будет чрезвычайно затруднено, если вообще не сорвано. Скажем, намечается строительство десятков военных кораблей различных классов, о чём сообщал заместитель председателя Правительства РФ С. Б. Иванов. Корвет “Стерегущий”, спущенный со стапеля судостроительного завода “Северная Верфь” в Санкт-Петербурге в мае 2006 года, – пока всё-таки единственный и сам по себе не очень-то поднимет могущество наших военно-морских сил. Но это – головной корабль нового проекта: на стапелях “Северной Верфи” уже строятся для Военно-Морского флота России другие корабли этой серии – “Сообразительный” и “Бойкий” и заложены ещё два – “Совершенный” и “Стойкий”. Предполагается, что флот будет получать как минимум по одному новому корвету ежегодно.

Своего обновления ждёт и наш ледокольный флот. Давно прошло время, когда он регулярно пополнялся всё более мощными атомоходами. Флагман “Арктика”, первым в истории мореплавания прошедший к Северному полюсу, стал ветераном и, значит, должен будет уйти в отставку. Председатель Правительства РФ В. В. Путин уже заявил о намерении воссоздать атомный ледокольный флот. Вместе с такими кораблями требуются и другие суда ледового класса, поскольку Россия не только взялась возродить Северный морской путь на новейшей технической основе, но и намерена активизировать хозяйственную деятельность в акватории арктических морей, что особенно важно в условиях нынешнего острого межгосударственного спора о границах арктического шельфа. К тому же пора уже по-настоящему воссоздавать промысловый и торговый флот: ведь стыдно державе, имеющей прямые выходы во все мировые океаны, наблюдать, как её порядком изношенные суда цепляют на собственные мачты флаги малых государств, дабы не платить налоги в своём Отечестве... А чтобы строить новые и новые суда, как раз и требуются мощные станы 5000: прокатанный ими лист – это обшивка корабельных бортов, и не только их.

Есть смысл заглянуть и в более дальнюю перспективу. Близится время, когда грядёт смена приоритетов на рынке энергоресурсов – в связи с переходом на сжиженный газ. Это потребует строительства нового поколения танкеров, превосходящих самые крупные нефтеналивные суда. Для России, которая сегодня контролирует значительную часть мировой добычи и транспортировки природного газа, было бы непростительно упустить лидерство на столь перспективном рынке, свободном от постоянных претензий тех стран, через территории которых проложены наши трубопроводы, и от капризов потребителей, удобно устроившихся на зарубежных концах нефтегазовых магистралей.

Не стоит забывать и о традиционной электроэнергетике. Её ускоренное развитие пойдёт, в первую очередь, путём наращивания мощности атомных и тепловых электростанций, а значит, есть смысл вовремя позаботиться о создании котлов большой мощности для АЭС и ГРЭС. Это тоже обязательное условие для того, чтобы не только создать новые электрические мощности для своих нужд, но и удержаться на международных энергетических рынках в качестве партнёра, способного обеспечить проектирование, строительство и сдачу новых объектов “под ключ”. В противном случае российских энергетиков охотно потеснят те западные конкуренты, которые обладают и технологиями, и полным циклом производства необходимого оборудования.

А сегодня надо высокими темпами прокладывать трубопроводные системы, нацеленные, в первую очередь, на подачу углеводородов на перспективные зарубежные рынки. К слову, наземная часть Североевропейского газопровода проложена из труб только отечественного производства: это первая весомая отдача от ввода в эксплуатацию новых прокатных станков и трубоэлектросварочных комплексов. Не снимается с повестки дня и неизбежность массовой замены изношенных магистральных труб на своей территории. А в ближайшем будущем нам предстоит расширить разработку месторождений в шельфовой зоне, для чего понадобятся морские платформы. Так что высококачественный толстолистовой прокат способен решать множество неотложных и перспективных задач.

Разительные перемены происходят сегодня на востоке России. По мнению бывшего губернатора Красноярского края Александра Хлопонина, будущее Сибири и Дальнего Востока связано с их новой индустриализацией, периодом интенсивного инфраструктурного освоения этих территорий. В Сибири уже складываются масштабные инвестиционные планы на общую сумму почти 200 миллиардов долларов, или около 6 триллионов рублей. Заметьте, это не государственные инвестиции, а средства частных компаний. Пока большую часть инвестиций предполагается пустить на развитие энергетики, в частности нефтегазового сектора, а также его более высокого передела – нефтехимической промышленности. Укрепятся металлургия и лесоперерабатывающий комплекс. Что очень важно, заметно усиливается железнодорожная сеть. В частности, несмотря на кризис, продолжается сооружение АЯМ – Амуро-Якутской магистрали, которая соединит столицу автономной республики Якутск с Байкало-Амурской магистралью. К зиме 2009 года рельсы уложены до 658-го километра. Завершить сооружение АЯМ предполагается в 2012 году. Одновременно намечается прокладка рельсов к Магадану.

А в Забайкальском крае началось строительство железной дороги Нарын – Лугокан протяжённостью 425 километров с пропускной способностью 13,5 миллиона тонн грузов в год. Проект рассчитан до 2015 года и оценивается почти в 170 миллиардов рублей, из которых более 48 миллиардов рублей – средства Инвестиционного фонда. Новый железнодорожный путь позволит динамично развиваться многим городам и посёлкам – Нарыну, Александровскому заводу, Бугдаину, Красноярру и другим. По словам губернатора Забайкальского края Равиля Гениатулина, здесь должно начаться освоение пяти полиметаллических месторождений и, соответственно, строительство горно-обогатительных комбинатов. На прокладку путей пойдут рельсы одного из крупнейших мировых производителей этой продукции – Новокузнецкого металлургического комбината, получившего это название после реструктуризации КМК. Изготовленные из высококачественной легированной стали с использованием современных технологий, рельсы способны выдерживать и крутые сибирские морозы, и мощные нагрузки: с 2001 года НКМК производит рельсовую продукцию, отмеченную серебряным знаком качества “Российская марка”.

На востоке России разведаны крупные запасы нефти и газа, а геологи продолжают поиски. В начале 80-х годов мне удалось поговорить в Новосибирске с ныне покойным академиком А. А. Трофимук, одним из создателей Сибирского отделения АН СССР, где он возглавлял Институт геологии и геофизики. Андрей Алексеевич велик уже тем, что сыграл выдающуюся роль в открытии и освоении “второго Баку” – нефтегазоносной области между Волгой и Уралом, а затем и “третьего Баку”: Трофимук ещё до накопления геологами необходимого фактического материала первым теоретически обосновал нефтегазоносность сибирских пластов. И через несколько лет в Тюменской области ударил первый нефтяной фонтан... В разговоре с Андреем Алексее-

вичем я спросил его о возможности добычи нефти и газа в Восточной Сибири: “Есть ли они там?” “Полагаю, что гораздо больше, чем в Западной”, – ответил учёный. Позднейшие открытия подтвердили его правоту. И вот уже создаётся нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан (ВСТО), планируются новые трубные магистрали для поставок газа внутренним и зарубежным потребителям. А значит, требуется всё больше магистральных труб большого диаметра. Но слишком уж накладно возить их из европейской части страны: как подсчитали в компании ОМК, при нынешних железнодорожных тарифах доставка каждой трубы из Нижегородской области в Якутию, Иркутскую область, Забайкальский и Хабаровский края удваивает её стоимость.

Вывод однозначен: на востоке Сибири должен, наконец, появиться крупный металлургический комбинат полного производственного цикла, включая стан 5000 и трубоэлектросварочный агрегат. Президент Республики Саха (Якутия) В. А. Штыров уже высказывал такое предложение на заседании Правительства РФ. Это тем более разумно, что сюда не придётся возить сырьё. Как считает известный металлург С. К. Носов, внук легендарного директора Магнитки, будущее отечественной металлургии, скорее всего, будет связано с использованием титаномагнетитов, сходных с качканарскими. А Восточная Сибирь ими весьма богата. Ещё в конце 30-х годов прошлого века в Читинской области открыта уникальная Чинейская группа месторождений с доказанными запасами в 1,5 миллиарда тонн руды и прогнозными в 30 миллиардов тонн, с содержанием железа до 54 процентов (сравните с качканарскими 16–17 процентами). Опытным путём из этой руды уже были получены кондиционные концентраты, а затем и металлизированные окатыши, содержащие 73–76% железа, 12,5–12,8% двуокиси титана и 1,7% пятиокиси ванадия. Более того, в Уральском институте металлов уже разработана и высокоэффективная технология металлургического передела этого сырья с получением ванадиевой стали, феррованадия и титанистого шлака, пригодного для дальнейшего передела. А Чинейская группа месторождений – далеко не единственная в Сибири. Например, в Амурской области находится ильменит-титаномагнетитовое месторождение Большой Сейим, содержащее в титаномагнетитовой части 61–67 процентов железа, 3 процента диоксида титана и до 1 процента пятиокиси ванадия. А на его ильменитовую часть приходится 46–60 процентов диоксида титана, то есть более чем достаточно для конечного производства крайне необходимого и дорогого металлического титана.

По данным известных специалистов Всероссийского института минерального сырья Л. З. Быховского и Л. П. Тигунова, всего в России выявлено, разведано и в различной степени оценено более 40 подобных месторождений – это крупнейшие в мире запасы. Промышленную ценность этих “кладовых” значительно повышает наличие ванадия, который во многих случаях относится к основным компонентам руды и в её товарной стоимости достигает 40 процентов, а также титана – в ильменитах. Эти месторождения расположены по всей стране – от Кольского полуострова до Камчатки и Курильских островов. Наиболее перспективны для освоения те, продукция которых сразу же будет востребована отечественной промышленностью. Кроме названных выше, сюда можно отнести Медведевскую группу месторождений в Челябинской области, содержащую в титаномагнетитах до 60 процентов железа, а в ильменитах – 44,1 процента диоксида титана, что опять-таки даёт возможность получать после переработки большой объём металлического титана. Россия давно удерживает первенство в его производстве, а государственная корпорация ВСМПО-АВИСМА, производственные мощности которой расположены на Урале, – мировой лидер по выпуску изделий из титана.

Более полувека назад первопроходец комплексной переработки сложных титаномагнетитовых руд – Качканарский горно-обогачительный комбинат задал направление, по которому российская металлургия будет двигаться и в XXI веке. Опыт первопроходцев, их мощный технологический прорыв – одна из основ высокотехнологичного развития нашей страны, её вхождения в число мировых промышленных лидеров.

ВЛАДИМИР КОНОНОВ

“ВЕЛЕНЬЮ БОЖИЮ, О МУЗА,
БУДЬ ПОСЛУШНА...”

А. С. Пушкин:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?*

*Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомнением взволновал?..*

*Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.*

Митрополит Филарет:

*Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана;
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена:*

*Сам я своенравной властью
Зло из тёмных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомнением взволновал.*

*Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум!
И созиждется Тобою
Сердце чисто, правый ум.*

А. С. Пушкин:

*В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.*

*Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.*

*Я лил потоки слёз нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.*

*И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.*

*Твоим огнём душа палима
Отвергла мрак земных свет,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.*

Так уж случилось, — и вполне понятно почему, — что многие из тех, кто сегодня пишет о Пушкине, старательно отыскивают, согласно “новой моде”, в творчестве поэта признаки его безусловной веры в Бога. Но, к сожалению, причисляют в этот ряд — причём как покаянное — и стихотворение “В часы забав иль праздной скуки...”.

История создания этого стихотворения хорошо известна. Оно было написано Пушкиным в ответ на стихотворную отповедь митрополита Филарета — “Не напрасно, не случайно...”, которая, в свою очередь, была вызвана другим стихотворением Пушкина: “Дар напрасный, дар случайный...”. За этим “диалогом” Митрополита и Поэта просматривается вполне законченный сюжет, все обстоятельства которого отслежены вплоть до второстепенных; и о них, действительно, забывать не следует. Однако, увы, мы мерим по себе, своей меркой, лишь на свой лад понимая и истолковывая пушкинские строки. “Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовется...” — свидетельствовал другой гениальный поэт, современник Пушкина.

И потому очень часто попытки такого пристрастного, одномерного, “со стороны” истолкования и судьбы поэта, и побудительных мотивов, и даже бытовых подробностей, вызвавших “по видимости!” написание того или иного стихотворения, выглядят или неоправданно смелыми, или, скорее, частным суждением с элементами домысла.

Вообще, переписка поэтов со священнослужителями, да ещё в стихах, да ещё, что называется, публично, — вещь чрезвычайно редкая, если не единственная в своём роде. Нельзя не принять во внимание и то обстоятельство, что эта переписка двух известнейших на тот момент в России людей — А. С. Пушкина и митрополита Московского Филарета (Дроздова).

Скандально известные “Прогулки с Пушкиным” Абрама Терца (А. Синявского) — удивительный пример в этом смысле. И вообразить вроде бы нельзя — как это: летящий поэт и шаркающий мелкими шажками Абрам Терц могли вместе прогуливаться?... Однако, поди ж ты, — прогулялись! Оно и понятно: всякому лестно; помните, гоголевский Хлестаков ещё говаривал, петушась перед дамами: “С писателями знаком... С Пушкиным на дружеской ноге...”

Но понятно и другое: не с гением Пушкиным, а с тем — другим, который “меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней...” — мог прогуливаться и Абрам Терц, и Ст. Рассадин, и (ещё раньше, одним из первых) М. Гершензон...

А Пушкин? Пушкин, конечно же, легко “улетал” от всех хулителей. Как ускользнул он и от строгой отповеди митрополита Филарета.

Что же до “переписки” Пушкина и Филарета, то, скажем, В.Ф. Асмус убеждён, что Пушкин был “потрясён” стихотворной отповедью Филарета, а В. Непомнящий полагает, что оно оказалось “точкой опоры, которая помогла перевернуть ставший было на голову мир.”

Но давайте попробуем разобраться. И постараемся исходить из самого авторского текста, из внимательного прочтения того, “что в слове” и “что за словом”.

Прежде всего отметим, что Пушкин вполне сознавал предназначение своего поэтического дара — как дара Божьего. В стихотворении “Пророк” он прямо пишет:

*И Бога глас ко мне воззвал:
“Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей!”*

Этот дар открывал поэту и сокровенные смыслы бытия. В том же стихотворении “Пророк” читаем:

*И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье...*

Но точно так же была внятна поэту и другая, вполне мирская сторона жизни. В стихотворении “Памятник” (1836 г.) он пишет:

*Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит...*

Достаточно выделить здесь “в заветной лире” — и становится как будто ясен именно “матерьялистический” смысл стихов, тем более что далее уточняется:

*И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит...*

Однако всего через восемь строк в этом же стихотворении Пушкин восклицает:

Веленью Божию, о муза, будь послушна...

То есть, как и во многих других стихах, мы видим: поэт постоянно помнит о Боге, прибегает к его покровительству.

Что же касается повода, послужившего конкретной причиной возникновения “переписки” митрополита Филарета и поэта Пушкина — стихотворения “Дар напрасный, дар случайный...” — то, отметим это особо, написано оно было Пушкиным 26 мая 1828 года, в день своего 29-летия, и, видимо, оттого в этих стихах и присутствует — в качестве отправной точки — некая грусть и даже “мировая скорбь”.

Вместе с тем, вполне осознавая, что подобные вопросы — “Жизнь, зачем ты мне дана?” — есть некое “общее место”, Пушкин не мог не окрасить свои стихи некоторой долей самоиронии и абстракции.

Впрочем, всего семью днями ранее, 19 мая 1828 года, он пишет другое стихотворение — “Воспоминание” — на сходную тему, в котором, однако, звучит не элегическая жалоба, а высокое и подлинное личное переживание.

*Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток... —*

пишет поэт.

Однако отношение его к прожитому не просто сокрушённое, но и двойственное:

*И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю.*

Наш современник скажет об этом иначе – мягче, легче: “Я хотел стереть бы эти краски, // Да уже просохло полотно”. До пушкинского “отвращения”, “трепета”, “проклятий” и “слёз” ему, увы, далеко; он даже и не помышляет о том, чтобы что-то изменить: мол, случилось – и случилось, ничего не поделаешь...

Но вовсе не это горькое и страдательное, полное живых и горячих чувств стихотворение обратило на себя внимание митрополита Филарета, а, напротив, вполне тихое, “унылое”, – “Дар напрасный, дар случайный...”. Почему?

*Цели нет передо мною,
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум...*

Хотя, согласитесь, поверить в эту “праздность” и “пустоту” очень трудно. Ведь к этому времени, к 1828 году, Пушкиным написан целый ряд блестящих поэм и сказок – “Руслан и Людмила”, “Кавказский пленник”, “Бахчисарайский фонтан”, “Цыганы”, “Полтава” и др. А кроме того, созданы “Борис Годунов”, “Моцарт и Сальери”, “Скупой рыцарь”, написана почти половина “Евгения Онегина” и стихотворений – без числа. Да и роль, и место поэта в российской словесности и общественной жизни можно считать вполне значительными. Так что это стихотворение – “Дар напрасный, дар случайный...” – если хотите, случайность, “минутная слабость”.

Но не так посчитала давняя знакомая Пушкина – Елизавета Михайловна Хитрово. В принципе её роль в этой истории с “перепиской” хорошо известна. Это именно она, женщина, беззаветно, до экзальтации, до самозабвения влюблённая в Пушкина, в его гений, посчитала это стихотворение свидетельством чёрной меланхолии поэта и прибегла к помощи своих связей, чтобы показать его митрополиту Филарету и, возможно (здесь, увы, мы можем только предполагать), просить его каким-то образом воздействовать на поэта, помочь ему духовно воспрянуть – дабы “спасти” его...

“Вы всегда найдёте во мне для себя – для вашей жены и ваших детей – друга, подобного скале... рассчитывайте на меня – на жизнь и на смерть, располагайте мною во всём без стеснения”, – так писала Е. М. Хитрово в одном из писем Пушкину перед его женитьбой.

Стоит отметить, что такое чрезмерное внимание со стороны женщины, на 16 лет его старше, вызывало и у Пушкина, да и в обществе довольно ироничное отношение. (Впрочем, со стороны дам всё же оправдательно-извинительного толка, но со стороны мужчин – откровенно насмешливое.) Но Елизавету Михайловну это ничуть не смущало. Она была уверена как в гениальности Пушкина, так и в правоте своей заботы о нём.

В пользу же митрополита Филарета говорит и то, что он пошёл навстречу женщине, понял её тревогу о Пушкине и как пастырь добрый возжелал избавить поэта от философского нигилизма, а также и то, что он использовал представившуюся возможность – в диалоге с известным стихотворцем – заявить о позиции Церкви по данному вопросу. Отечески назидательная и строгая интонация его стихотворной “проповеди” однозначно свидетельствует именно об этом.

Обратим внимание и на то, что митрополит Филарет пошёл по очень простому пути: он фактически только “отредактировал” стихотворение Пушкина, сохранив всю его структуру – и размер, и почти все слова, и рифмы. Целью его было одно: изменить смысл стихов, на место знака “минус” поставить знак “плюс”, и наоборот.

Но каков Пушкин. Он – принимает вызов. Он решается в ответных стихах со всей полнотой разъяснить свою позицию...

Но сначала, думается, следует сказать несколько слов о самом митрополите Московском Филарете (Дроздове). Прежде всего, никак нельзя сбрасывать со счетов множество отнюдь не положительных суждений о нём. Известно, например, что сам Пушкин величал его “старым лукавцем”, безбожник Герцен – “белым клобуком с аксельбантами жандарма”, христианин Лесков – “бессердечным святителем”. Кроме того, у “писателя народной жизни” – Лескова не только в личных письмах, но и в рассказах можно встретить множество нелицеприятных оценок митрополита Филарета. А знаменитый русский историк С. М. Соловьев, по свидетельству того же Лескова, отзывался о нём так: “Николай погубил тысячи, а Филарет – тьмы”. Следует отметить, что не ко всем “ревнителям веры” они относились столь резко, но именно к деятельности Филарета. Не вдаваясь в причины таких оценок этими известными лицами, не анализируя роли Филарета в общественной жизни России тех лет (материя это тонкая, и она нас далеко бы завела), обратимся к самим стихам Пушкина, а конкретней – к всего двум заключительным строкам второго из приведённых стихотворений, на “примере” которых многие исследователи строят свои “доказательства” о якобы изменившемся к 1830 году его мнении о деятельности митрополита. Думается, такое истолкование стихотворения Пушкина “В часы забав иль праздной скуки...” – натяжка явная. Почему? Да потому, напомним, что писано это “покаянное” стихотворение Пушкиным именно по просьбе Е. М. Хитрово. И потому ещё, что, как известно, сам Пушкин возможность диалога, которую ему давала укоризненная отповедь Филарета –

*Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана... —*

считал “большой удачей”. Во-первых, у Пушкина уже был опыт по этой части. В 1824 году всего за несколько атеистически непочтительных фраз в частном письме, распечатанном полицией, о Библии и её “авторе” – Святом Духе (“...читаю Шекспира и Библию, Святой Дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира...”.) Пушкин был выслан из Одессы в Михайловское. Так что он понимал, что “со святителями шутки плохи” и что со своими “скептическими куплетами” он вновь попал-таки на заметку. Во-вторых же – и в этом весь Пушкин! – не пошутить он также, естественно, не мог. Пристальное прочтение последних четырёх строк стихотворения – в обеих редакциях, – и в той, которая была “забракована” цензором (негоже, мол, так, напрямую, по имени поэту обращаться к Первосвятителю):

*Твоим огнём душа согрета,
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Филарета
В священном ужасе поэт, —*

и в новой, исправленной строфе:

*Твоим огнём душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт, —*

позволяет увидеть: суть здесь одна и та же. И “согрета”, и “палима” душа поэта неким “твоим огнём”, воздействие которого и отвергает “мрак земных сует”. О том, что это за “огонь”, чуть ниже, хотя уже ясно, что этот “огонь” и “арфа” никак не ассоциируются друг с другом, не находясь в синонимическом ряду, а напротив – противопоставлены.

И ещё. Самое главное. Нельзя разве, вопреки уже установившемуся мнению, заключить (в свете всей “вынужденности” истории создания стихотворения), что именно ради этих двух последних строк, ради убийственной скрытой в них антитезы (“арфа” – “ужас”) и писал Пушкин свой ответ Филарету? И более того: “ужас поэта”, противопоставляемый “арфе серафима”, Пушкин называет “священным”. Свой – поэтический – “ужас” – “священным”! А себя – внимающим “в ужасе”... Почему?

Случайных слов у Пушкина не было. Каждое точно ставилось на своё место. Многоплановое, многосмысленное сочетание “священный ужас” допускает различные толкования. Внимать в ужасе можно, скажем, раскаиваясь в своей ужасной греховности... Но можно... и ужасаясь нелепости того, чему внимаешь. И ещё: “священный ужас” — это не только чувство, возникающее у поэта, внимающего, заметьте здесь, не самому “серафиму”, а лишь его “арфе” (что легко рассматривать как намёк на дидактический строй стихотворения Филарета), но и, кроме того, это вполне возможная ироническая оценка всего целиком собственного стихотворения, пробуждённого к жизни этой самой “арфой”...

Обращает на себя внимание и ещё одна удивительная подробность: именно в этих двух последних строках стихотворения Пушкин внезапно меняет непосредственно своё (“я...”, “мне...”, “меня...”) обращение к адресату стихотворения (“ты...”, “твой голос...”, “твоих речей...”, “твоим огнём...”) на безлично отстранённую — описательную — форму третьего лица: “И внемлет арфе серафима // В священном ужасе поэт”. Невольно приходит мысль, что в первых восемнадцати строках стихотворения одна пара героев: “Я” и “Ты”, а в концевых двух строках — другая: “серафим” (“Филарет”) и “поэт”. Так и напрашивается предположение, что на “ты” Пушкин обращался не к Филарету, а к кому-то другому... К кому?... Может быть, — к Богу! — что не раз можно встретить в его сочинениях... Да и, кроме того, сама сила воздействия этого “ты” в стихотворении (перечитайте его!) очерчена куда ярче, резче, выразительней, чем пассивно страдальным “внемлет”. Удивительно и другое совпадение (случайное ли?!): из 20 строк стихотворения только две — все те же — обращены конкретно к Филарету. Уж не просматривается ли здесь бывший ещё в ходу в пушкинские времена признак церковной десятины, по которой одну десятую часть всех трудов и доходов полагалось отчислять церкви...

Можно и ещё приводить аргументы, ещё “поиграть словами”, ни на минуту, однако, не забывая, что Пушкин-то играл не словами, а смыслами, что он не просто сочинительствовал, — он жил своей поэзией. И ответ на свой собственный вопрос — “Жизнь, зачем ты мне дана?” — был ему вполне ясен:

*Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв, —
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.*

И хотя “вдохновение” в этих строках и стоит на первом месте, но и оно, признавал Пушкин, — от Бога; вспомните; “Веленью Божию, о муза, будь послушна...”

Из сказанного, думаю, очевидно, что попытки разбирать пушкинские стихи — дело тонкое и сложное. А иногда и бесполезное. Если, как делает это, например, И. Сурат применительно к пушкинским Стансам (“В часы забав иль праздной скуки...”), прибегать к помощи придуманной какой-то “меры подлинности” — “пушкинистичности” — пушкинских стихов; гораздо убедительней и плодотворнее — не втискивать поэта в прокрустово ложе заданных схем, а объяснять и себе и читателю что-либо “непонятное” в пушкинских стихах и мотивах их созидания, исходя из самого текста и исторических реалий.

К 100-летию Александра Твардовского

АНДРЕЙ РУМЯНЦЕВ

“НЕТ, ЖИЗНЬ МЕНЯ НЕ ОБДЕЛИЛА...”

Об Александре Твардовском я услышал в детстве, при обстоятельствах, можно сказать, необычных. Придётся начать издалека.

Мои родители выросли в многодетных семьях. У отца было двенадцать братьев и сестёр, а у матери – восемь. К Отечественной войне сыновья и зятья моих бабушек оказались в расцвете сил и в первые же месяцы ушли на фронт. У одной бабушки там полегли два сына, зять и внук, а у другой – сын и зять. Но четверо моих дядей с той и другой стороны вернулись домой. Погибших я знаю только по фотографиям, а вернувшихся – какими они пришли с войны – помню цепкой и незамутнённой детской памятью. Они очень отличались от деревенских парней и мужиков, которым не довелось воевать. Если я скажу, что они были бедовыми, то это будет правда, но не вся. Кажется, что они увидели вдали от дома такое, после чего не может быть страха. Ни перед чем и ни перед кем. Так мне запомнилось.

Один из фронтовиков, дядя Вася, бабушкин зять, был особым ещё и по своему. Он слыл первым в деревне плотником и столяром. В разные годы срубил два дома для себя и не меньше десятка – для родственников и односельчан. Вся мебель в своей избе после войны он смастерил сам: отличный платяной шкаф, который, потемнев от времени, стоит у тётки до сих пор, комод, буфет, не говоря уже о столах, лавках и табуретках. Дядя Вася хорошо рисовал. Моя бабушка, его тёща, пуще всех довоенных фотографий хранила большой портрет погибшего сына, почти мальчика, которого нарисовал дядя Вася. Этот портрет и сейчас цел.

Но самым козырным – для деревни – талантом бывшего пехотинца был сочинительский. Дядя смолоду писал стихи. Такому дару мои земляки удивлялись, им восхищались и, при случае, хвастались перед заезжими, как своим собственным. Стихи Василия Максимовича шли гвоздём программы в редких клубных концертах, им отводили видное место в колхозной стенгазете. Случалось, от них плакали: когда дядя “продёргивал” кого-нибудь в стихах, то его едкие куплеты повторяли наизусть месяцами.

Как у многих сочинителей, у дяди Васи имелся и литературный кумир. Это был Твардовский. Не знаю, боготворил ли мой родственник Александра Трифоновича до войны, но после фронта он поминал автора “Василия Тёркина” чуть не каждый Божий день. Особенно часто, с радостным возбуждением, при выпивках. В близкой понимающей компании Василий Максимович то и дело пересыпал разговор строчками Твардовского. К концу застолья прославленные стихи шли всё гуще: память захмелевшего дяди не только не притуп-

лялась, а словно бы включала новую скорость. Без запинки читал он большие куски из поэм, короткие и длинные стихотворения Твардовского. А ночью нередко происходило и вовсе удивительное. Спокойно уютившись в постели и провалившись в сон, мой фронтовик начинал произносить, строку за строкой, какую-нибудь главу “Василия Тёркина”. Звучно, почти трезвым голосом, то весело частя, то отчётливо произнося каждое слово, он выговаривал:

*Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.*

*Не прожить, как без махорки,
От бомбёжки до другой
Без хорошей поговорки
Или присказки какой...*

Вышло так, что в моей памяти строки Твардовского перемешались с разговорами самыми житейскими: о покосе в ближних берёзовых колках, об отведённой деляне, где можно рубить жерди для изгороди, о хлебах, которые смял ночной байкальский ветер. Строки дядиново поэта, особенно из “Страны Муравии” и “Василия Тёркина”, были родственны мужицким толкам о самом насущном; у тех стихов и этих разговоров имелась одна основа, о которой я, конечно, не задумывался тогда.

Крестьянская работа открывалась нашему брату не из книг. Но когда ты знал, что, к примеру, поспевшая трава легче косится на утренней зорьке, при крупной росе, которая словно бы “смазывает” при косьбе литовку, а голос со стороны напоминал тебе о том же самом в певучих и ёмких стихах, — эта подсказка запоминалась навек:

*Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой —
И мы домой.
Таков завет и звук таков,
И по косе вдоль жала,
Смывая мелочь лепестков,
Роса ручьём бежала.
Покос высокий, как постель,
Ложился, взбитый пышно,
И непросохший сонный шмель
В покосе пел чуть слышно.*

В глухой и далёкой от поэта стороне Твардовский западал в детскую душу потому, что он знал подноготную нашей нищей послевоенной жизни. Ну, скажите, в чьих ещё стихах нашли бы вы картину, повсеместно наблюдаемую в крестьянских дворах после войны (пусть Твардовский написал это ещё в тридцатых, для меня было важно, что он знал такую бездну нищеты):

*А в избе, что сгнила у него без сеней, —
Только голые стены да куча детей.
А коровку — единственный хвост на дворе —
На холстах, на верёвках таскал в январе.*

*Двор стоял, точно шапка у пьяницы, криво,
Мыши с голоду дохли, попадая в сусек.
И скрипел журавель на колодце тоскливо,
Чтобы помнил о жизни своей человек.*

“Изба сгнила без сеней”, думал я, потому, что до войны хозяин так и не собрался или не нашёл силёнок пристроить сени, а без него жена-солдатка

пустила на дрова даже и ветхое крыльцо. “Коровку” “на верёвках таскал в январе” — потому, что от бескормицы её уже не держали ноги, приходилось подсовывать под живот верёвки или холстину и, как на помочах, подтягивать к какой-нибудь дворовой перекладине. Не говорю уж о мышах, которые с голоду дошли в бесхлебной избе. Тут каждый штрих был верен, перенесён из глубины народной жизни, тут каждая строка почиталась святой правдой. И как же было не запомнить такого поэта! Я видел двух своих дедов, когда мой знаток Твардовского читал наизусть “Про Данилу” — про того старого крестьянина, который имел привычку спозаранку обегать чуть ли не всё артельное хозяйство, примечая каждый изъян. Даже председатель интересовался его высоким мнением:

*— Как погода — постоит,
Данила Иваныч?
И, задумавшись слегка,
Молвит дед солидно:
— Постоять должна пока,
Постойт, как видно...*

В таких стихотворных строчках не было ошеломляющих поэтических образов. Какой-нибудь ценитель литературной формы мог сказать, что нет новизны. Но новизна тут — это очарование тона, подлинность даже самого малого бытового штриха, непринуждённость лирического рассказа. И ещё в стихах Александра Твардовского была душевная, доверительная, родная по духу и форме исповедь — о том, чем же дорога нам наша трудная, не раз вслух клятая и втайне благословляемая судьба:

*Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла.
Всего с лихвой дано мне было
В дорогу — света и тепла.*

*И сказок в трепетную память,
И песен матери родной,
И старых праздников с попами,
И новых с музыкой иной.*

*И в захоlustье, потрясённом
Всемирным чудом наших дней, —
Старинных зим с певучим стоном
Далёких — за лесом — саней.*

*И вёсен в дружном развороте,
Морей и речек на дворе,
Икры лягушечьей в болоте,
Смолы у сосен на коре.*

*И летних гроз, грибов и ягод,
Росистых троп в траве глухой,
Пастушьих радостей и тягот,
И слёз над книгой дорогой.*

*И ранней горечи и боли,
И детской мстительной мечты,
И дней, не высиженных в школе,
И босоты, и наготы.*

*Всего — и скудости унылой
В потёмках отчего угла...
Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла...*

Позже, на исходе отрочества, придя на филологический факультет университета, я увидел, что и для моих студенческих товарищей Твардовский среди всех современных поэтов стоит наособицу, в строгом классическом ряду. Это сейчас кое-кто пытается поддерживать прибаску о том, что в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов пришли, мол, особые таланты, потрясатели литературных основ, и вывели новую поэзию в многолюдные аудитории. На самом деле для знатоков и ценителей русской лирики эстрадные массовки настырных стихотворцев казались, говоря по-теперешнему, обыкновенными шоу, а истинная поэзия жила своей жизнью, зажигаясь не от вспышек идеологического психоза, а от потрясений народной судьбы. Непрекращаемыми авторитетами оставались здравствовавшие тогда Александр Твардовский и Анна Ахматова. С эстрады неслошь:

Под брандспойтом шоссе
мои уши кружились,
как мельницы (?),
По безбожной,
бейсбольной,
по бензоопасной Америке!
 (А. Вознесенский)

или:

Границы мне мешают...
Мне неловко
не знать Буэнос-Айреса, Нью-Йорка.
Хочу шататься, сколько надо, Лондоном,
со всеми говорить —
пускай на ломаном.
 (Е. Евтушенко)

Среди этой туфты мы искали и находили живые строки подлинной поэзии, не назойливо оглушавшей, а строго звучащей в безмолвном зале библиотеки или в притихшей студенческой комнате. И как часто это был Твардовский!

Мне славы тлен — без интереса
И власти мелочная страсть.
Но мне от утреннего леса
Нужна моя на свете часть;
От уходящей в детство стёжки
В бору пахучей конопли;
От той берёзовой серёжки,
Что майский дождь прибьёт в пыли;
От моря, моющего с пеной
Каменя тёплых берегов;
От песни той, что юность пела
В свой век — особый из веков;
И от беды и от победы —
Любой людской — нужна мне часть,
Чтоб видеть всё и всё изведать,
Всему не издали учась...

* * *

Чем же завоевал Александр Твардовский свою высокую поэтическую власть?

Как известно, он вошёл – ворвался! – в русскую литературу своей поэмой “Страна Муравия”, написанной им в возрасте двадцати четырёх – двадцати шести лет. Позже он признавался: “Во всех тогдашних делах деревни я разбирался порядочно, – не только потому, что сам происходил из деревни, но особенно потому, что всё происходившее там в годы “великого перелома” составляло для меня самый острый интерес и задачу жизни”.

Жестокая ломка крестьянского уклада перевернула судьбу и семьи Твардовских, и самого поэта. Ключок земли, болотистой, заросшей кустами и деревцами, “скупой и недоброй”, хуторской домишко и незавидное хозяйство при нём – всё, что отец Трифон Гордеевич, кузнец и пахарь, нажил тяжким и долгим трудом, было отобрано; его с женой и младшими детьми выслали как кулака на восток, в таёжные гиблые места. Александр Трифонович, живший тогда в Смоленске, избежал этой участи, но трагедия семьи до смерти оставалась незаживающей раной в его душе.

Так что строки поэмы были оплачены Твардовским собственными страданиями. В главах “Страны Муравии” то тут, то там прорываются приметы жестокого времени – и каждый раз отмечаешь для себя, что подлинный поэт никогда не лукавит ни перед собой, ни перед сильными мира сего. Вот Никита Моргунок попадает в крепком селе на странную гулянку:

— *Что за помин?*
— *Помин общий.*
— *Кто гуляет?*
— *Кулаки!*
Поминаем душ усопших,
Что пошли на Соловки.
— *Их не били, не вязали,*
Не пытали пытками,
Их везли, везли возами
С детьми и пожитками.
А кто сам не шёл из хаты,
Кто кидался в обмороки, —
Милицейские ребята
Выводили под руки...

Видна ли за этими жёсткими и точными словами потрафляющая рука? Нет. А страничку, которую приведу сейчас, вообще можно назвать подстрекательской... Моргунок встречает знакомого “кулака”, Бог весть как вырвавшегося с сыном-мальцом из отдалённых мест:

— *Бреду оттуда...**
— *Что ж там? Как?*
— *Да так. Хороший край.*
В лесу, в снегу, стоит барак,
Ложись и помирай.

— *Так, так, Илья Кузьмич...*
А всё ж —
Тут злость своя нужна:
Что скажут — делай, — дескать, врёшь,
Работа не страшна.

— *Нет, брат, спасибо за совет.*
Не страшен был бы труд,
Да смысла нет.
— *А ты начни!*
— *Да мочи нет...*
— *А ты тяни!*
— *Да руки не берут.*

Никита слушал и коня
Из вида не терял.
Мальчишка, млея у огня,
Тихонько засыпал.

* Выделено у автора.

*Куда он, малец, гол и бос,
Шёл по свету с отцом,
Суму на перевязи нёс
С жестяным котелком?..*

*— А что, — пожал отец плечом, —
Не страшно до зимы.
Где так попросим, где spoём, —
Петь научились мы.*

*— Эх, брат, — вздохнул, ложась, Бугров, —
В последний этот год
Ещё б таких наделать дров, —
Земли переворот!..*

*На колокольни встать бы, брат,
И сверху б — в добрый час —
На всю Россию бить набат! —
Да не во что как раз...*

И поэма “Страна Муравия”, и стихи Твардовского тридцатых годов отмечены подробнейшим знанием крестьянской жизни, знанием родовым, добытым горбом. В поэме, например, оно не только в деталях, рассыпанных по её страницам; оно пронизывает весь рассказ, от первой до последней строки, о тревожном и долгом пути героя в поисках заветной страны Муравии. Тут доподлинно узнаешь сокровенный смысл жизни крестьянина, его труда, быта, потаённых мечтаний, не мог некрестьянский сын так написать о земле:

*Земля!
От влаги снеговой
Она ещё свежа.
Она бродит сама собой
И дышит, как дежа.*

.....
*Земля!
На запад, на восток,
На север и на юг...
Припал бы, обнял Моргунок,
Да не хватает рук...*

А о коне:

*То конь был — нет таких коней!
Не конь, а человек.
Бывало, свадьбу за пять дней
Почует, роет снег.*

*Земля, семья, изба и печь,
И каждый гвоздь в стене,
Портянки с ног, рубаха с плеч —
Держались на коне.*

*Как руку правую, коня,
Как глаз во лбу, берёг
От вора, мора и огня
Никита Моргунок.*

Тут особый взгляд, особая душа, особая речь — всё, что сложилось веками. Вот смотрит крестьянин окрест ранней весной:

*По склонам шубою взялись
Густые зелена,
И у берёзы полный лист
Раскрылся за два дня.*

*И розовой пеной сок
Течёт со свежих пней.
Чем дальше едет Моргунок,
Тем поле зеленей.*

*И день по-летнему горяч,
Конь звякает уздой.
Вдали взлетает грузный грач
Над первой бороздой.*

*Пласты ложатся поперёк
Затравневших меж.
Земля крошится, как пирог,
Хоть подбирай и ешь.*

Такая поэзия не сочиняется, она восходит из глубин народной жизни, и кажется, что она вечно была и вечно будет. После только что прочитанных строк станет понятней мечта Никиты Моргунок хозяйствовать на земле самостоятельно, без унижающего надсмотра, ненужных советов и пустого общака. То, что въелось не только в привычку, но и в самую святую сущность крестьянского бытия, — мой плуг, моя рига, моя хлебная полоса, мой хутор, — было и для поэта близко, дорого и, может быть, нерушимо. Иначе как бы сумел он выразить это чувство с такой подлинностью, с такой непреложной правотой и с таким твёрдым вызовом каждому, кто убеждает жить по-другому:

*Ведёт дорога длинная
Туда, где быть должна
Муравия, старинная
Муравская страна.*

*И в стороне далёкой той —
Знал точно Моргунок —
Стоит на горочке крутой,
Как кустик, хуторок.*

*Земля в длину и в ширину —
Кругом своя,
Посеешь бубочку одну,
И та — твоя.*

*И никого не спрашивай,
Себя лишь уважай.
Косить пошёл — покашивай,
Поехал — поезжай.*

*И всё твоё перед тобой,
Ходи себе, поплёвывай,
Колодец твой, и ельник твой,
И шишки все еловые.*

*Весь год — и летом, и зимой,
Ныряют утки в озере.
И никакой, ни боже мой, —
Коммунии, колхозии!..*

Но сказать о том, что в русскую лирику вошёл ещё один крестьянский поэт, пусть и яркий, было бы в этом случае нелепостью. Твардовский имел завяску не только крестьянскую: Бог дал ему редкую способность с юности понять русскую народную судьбину — то знание, которое позже станет и глубоким, и всеобъемлющим и поможет поэту показать русского человека в его подлинном виде и на полях величайшей войны, и на невиданных миром стройках, обновивших ледяную, глухоманную Сибирь.

Твардовский не искал укрытий от бурь своего времени. В 1939 году, призванный в армию, он участвовал в походе наших войск в Западную Белоруссию, а зимой следующего года попал на советско-финскую войну. Увиденная вблизи, пусть и не принёсшая удачи Красной Армии, она предопределила поворот поэта к другой теме, вроде бы не совпадающей с первой, крестьянской, — к теме задуманной им тогда и написанной позже “Книги про бойца”. Но это на первый взгляд кажется, что у поэм “Страна Муравия” и “Василий Тёркин” нет точек соприкосновения. На самом деле и там, и тут — лирико-эпическое повествование о народном “самостоянье” при судьбоносных испытаниях.

К “тёркинской” эпопее Твардовский пришёл подлинным мастером, способным явить в большой поэме и тяготы великой войны, и полюбившийся миллионам читателей образ русского солдата. Откроем предвоенный цикл “В снегах Финляндии”. Уже тут найтвое мастерство и новые ратные впечатления дали поэту возможность необычайно ярко передавать незабываемое:

*И шепелявый визг металла
Повис над самой головой.
И лес оглох. И ясно стало,
Что — началось, что это — бой.*

*И небо всех и всё пригнуло
К земле, как низкий потолок.
И в блиндажах со стен от гула
Потёк песок...*

И во фронтовой лирике первых, самых тяжёлых лет Отечественной войны, в трагических повествованиях Твардовского (а стихи и здесь чаще всего напоминают развёрнутые или короткие баллады) не услышишь неверного звука, не найдёшь чуждой детали, не наткнёшься на расхожую сентенцию. Достаточно, к примеру, прочитать стихотворение 1943 года под названием “Две строчки”, и станет ясно, что автор уже складывавшейся тогда фронтовой поэмы принципиально отвергал лирические придыхания, пустозвонство, красивые словесные завитушки, а вёл рассказ скупое, тяжко и точно, как человек с раненой и страдающей душой.

ДВЕ СТРОЧКИ

*Из записной потёртой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.*

*Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далёко шапка отлетела.*

*Казалось, мальчик не лежал,
А всё ещё бегом бежал,
Да лёд за полу придержал...*

*Среди большой войны жестокой,
С чего — ума не приложу,
Мне жалко той судьбы далёкой,
Как будто мёртвый, одинокий,*

*Как будто это я лежу,
Примёрзший, маленький, убитый
На той войне незначимой,
Забывший, маленький, лежу.*

Для того, кто читает стихи отстранённо, в этих строках нет зацепок; взгляд не натывается на украшения, слух не улавливает звона. А того, кто сопереживает автору, сразу остановят штрихи пронзительные, раз и навсегда запоминающиеся, болезненные, как укол. “По-детски маленькое тело” погибшего юного солдата “лежало как-то неумело”; он оставался на льду, “примёрзший, маленький, убитый”. Понимаешь, что правда войны, её чудовищная жестокость требовали простых слов, повторяющихся, как в тяжёлом забытии, жалящих сердце, высекающих слёзы. Всё время кажется, что Твардовский открыл какой-то свой секрет в поэзии: стихотворение передаёт “оголённую” суть происшедшего, а впечатление такое, что оно полно художественно выверенных и незабываемых подробностей. Это был действительно секрет. Не каждому поэту удавалось вернуть поэтичность, художественную выразительность словам коренным, значительным по смыслу.

* * *

Когда-то Максимилиан Волошин в статье “Поэты русского склада” высказал одно интересное суждение. В обыденной речи интеллигентов, в том числе и поэтов, заметил он, много слов стёртых, невыразительных, а также иностранных, не имеющих русской окраски. Из-за этого речь наша выглядит бесцветной. Нужно черпать в отечественных словарях и в живой народной речи понятия красочные, многозначные, меткие. Но не менее важно для поэта, продолжал Волошин, воссоздать тот синтаксис, тот склад и тот ритм, которые присущи русской речи, живой, напевной и выразительной. Для многих стихотворцев всё это — за семью печатями.

Это глубокое замечание вспоминается, когда читаешь стихи и поэмы Александра Твардовского. Новизна его поэтического стиля, народность его поэтического языка не в том, что он использует фольклорную речевую стихию — пословицы, поговорки, присказки; как раз их-то в произведениях Твардовского немного. Новизна и народность его поэзии в том, что, во-первых, он воссоздал словесное богатство разговорной русской речи, в которой меткое слово, новая присказка и поговорка словно бы творятся на твоих глазах, рождаются по тем естественным законам, по которым складывается живой разговор. Во-вторых, поэт воссоздал богатый, гибкий, естественный синтаксис народной речи. Тут надо было иметь и цепкую память, и интуитивную способность легко и непринуждённо воспроизводить этот строй. В-третьих, поэмы и стихотворения Твардовского в удивительном многообразии передали ритм, “музыку” живого разговора, его интонационное и фонетическое богатство. Иными словами, здесь схвачены и мастерски переданы богатейшие возможности нашего родного языка, его выразительность, точность, художественная красота.

* * *

В поэме “Василий Тёркин” эта особенность Твардовского проявилась во всей привлекательности и новизне.

“Книга про бойца” — уникальное произведение русской поэзии. Оно создавалось не так, как обычно пишутся сочинения. Здесь сама жизнь, в данном случае, кровопролитная война, давала автору всё новый и новый материал для повествования и осмысления; поэт шёл за жизнью, не опережая её и не отставая от неё. Но он не был бесстрастным летописцем, не был послушным копиистом её зигзагов. Духовный и жизненный опыт поэта, его великая вера позволяли ему и отбирать самое характерное и значительное в событиях войны, и угадывать в этих событиях вещей смысл. Впрочем, под словом “события” тут разумеются вовсе не боевые операции, не сражения, а эпизо-

ды и происшествия фронтового быта. Для поэта было важно показать русско-го человека в буднях кровавой войны, за ежедневной смертельной ратной работой. Здесь проявлял солдат свою подлинную суть: свою решительность и осторожность, находчивость и бесшабашность, тоску по дому и безумность, способность ко всем ремёслам и невозможность проявить её в мирном деле. Творческий подвиг Твардовского состоял в том, что он открыл нам народный характер, так неповторимо и ярко проявивший себя на войне. В нём не было ничего плакатного или лубочного, расхожего или повторённого с других образцов, приблизительного или вовсе надуманного. Василию Тёркину не чужд страх, он не стыдится собственных слёз, у него может разыграть самолюбие. Но это именно тот богатырь-солдат, храбрый, великодушный, терпеливый, работающий, весёлый, на которого надеялась родная мать-земля и который оправдал её надежды:

*Богатырь не тот, что в сказке —
Беззаботный великан,
А в походной запояске,
Человек простой закваски,
Что в бою не чужд опаски,
Коль не пьян. А он не пьян.*

*Но куда вздох в запасе,
Толку нет о смертном часе.
В муках твёрд и в горе горд,
Теркин жив и весел, чёт!*

.....
*То серьёзный, то потешный,
Нипочём, что дождь, что снег, —
В бой, вперёд, в огонь крошечный
Он идёт, святой и грешный,
Русский чудо-человек.*

Теперь с высоты прожитых лет я, давнишний слушатель своего дяди-фронтвика, могу сказать: да ведь те стихи были про самого Василия Максимовича. Там многое совпадало. Мой фронтвик в закипевшей солдатской работе тоже мог сколотить крепкий плот, соорудить блиндажик, а на привале — починить сапоги или рубаху. Он мог сыграть на гармошке, рассмешить однополчан, вытащить из-под огня волоком на шинельке раненого товарища. Он, как и его литературный тёзка, был ранен, особенно тяжело в марте сорок третьего года, может быть, на том же пятачке обугленной земли, что и Тёркин. А, пожалуй, самое главное, чем он был похож на Тёркина, — это характером. Мой Василий шёл строить избу или рыть колодец всегда бесплатно. Годами кормил нашу перекатную голь супчиком из дичи (был удачливым охотником). Привечал за праздничным столом чуть ни не первого встречного. Мирил враждующих, выступал везде и всюду признанным правдолюбцем. Так что я прежде в жизни узнал, что Тёркин — это герой самый достоверный, из народной гущи. И если признать утверждение автора, что

*...парень в этом роде
В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе,*

то после войны можно было сказать, что “парень в этом роде” найдётся в каждом селе среди уцелевших фронтвиков. Их были тысячи, десятки и сотни тысяч на русской земле, но заслуга-то поэта не в том, что он удачно “списал” с натуры своего Тёркина, а в том, что он художественно нарисовал тип такого человека, русский национальный тип. Это была удача и счастье для Твардовского. “Книга про бойца”, писал он, “дала мне ощущение законности места художника в великой борьбе народа, ощущение очевидной полезности моего труда, чувство полной свободы обращения со стихом и словом в естественно сложившейся непринуждённой форме изложения. “Тёркин” был для меня во взаимоотношениях писателя со своим читателем моей лирикой, мо-

ей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю”.

И я не удивляюсь, что этот Тёркин запомнился и полюбился и мне, и дяде Васе, и нашим односельчанам.

* * *

Твардовский имел обострённое чувство долга перед читателем, перед современником. О чём писать и как писать, перед кем держать ответ за слово — это всегда волновало художников, но в пору постоянного идеологического надзора (как и теперь, во времена постоянной лжи, фарисейства власти) — особенно. Ответ Твардовского таков:

*Кому другому, но поэту
Молчать потомки не дадут.
Его к суровому ответу
Особый вытребует суд.*

*Я не боюсь суда такого
И, может, жду его давно,
Пусть не мне ещё то слово,
Что ёмче всех, сказать дано.*

*Моё — от сердца — не на ветер,
Оно в готовности любой:
Я жил, я был — за всё на свете
Я отвечаю головой...*

Отвечать за всё на свете головой поэт может лишь как частица народа. А вот за что он отвечает самолично, во всей полноте и строгости иска, — так это за правду каждой строки. Такого суда поэт мог не бояться.

По страницам поэм и стихов Александра Твардовского рассыпаны горькие слова правды. Уже спустя годы после войны, когда народ вроде бы зажил — одет, обут и накормлен — когда он расправил плечи для большой обновляющей работы, Твардовский не боялся напомнить власти о непроходящих бедах русской деревни:

*И я за дальней звонкой далью,
Наедине с самим собой,
Я всюду видел тётку Дарью
На нашей родине с тобой;*

*С её терпеньем безнадёжным,
С её избою без сеней,
И трудождём пустопорожним,
И трудоночью — не полней;*

*С её дурным озимым клином
На этих сотках под окном;
И на печи её овином,
И среди избы гумном;*

*И ступой — мельницей домашней —
Никак, из древности седой;
Со всей бедой —
Войной вчерашней
И тяжкой нынешней бедой...*

А в поэме “Тёркин на том свете” за четверть века до иудиных делишек горбачёвых и ельциных он точно угадал, как они заменят прежнюю Систему своей, пригодной для личных выгод их шайки:

*Кадры наши, не забудь,
Хоть они лишь тени,
Кадры заняты отнюдь
Не в одной Системе.*

.....
*Да по всяческим Столам
Список бесконечный,
В Комитете по делам
Перестройки Вечной...*

Эту поэму идеологические надсмотрщики встретили зубовым скреже-
том. Именно потому, что в ней было много правды. В том числе и о них:

*Отвернувшись от болвана
С гордой истовостью лиц,
Обсудить проект романа
Члены некие сошлись.*

*Этим членам всё известно,
Что в романе быть должно
И чему какое место
Наперёд отведено.*

Приведённые строки ещё раз показывают, что творчество крупного поэта основано на правде всеохватной, всеобъемлющей; он честен и точен в каждой мелочи жизни, над ним не властны ни кнут, ни пряник. Твардовский — один из тех редких поэтов советского времени, кто, говоря о жизни страны, о тяготах своего времени, не издал ни одного неверного звука, не погрешил против совести. И свою правоту, свою “тайную свободу”, о которой говорил Пушкин, Твардовский отстаивал без боязни:

*Я сам дознаюсь, доищусь
До всех моих просчётов.
Я их припомню наизусть, —
Не по готовым нотам.*

*Мне проку нет, — я сам большой, —
В смешной самозащите.
Не стойте только над душой,
Над ухом не дышите.*

Ему и в самом деле не надо было защищаться; в его стихах и биография, и чувства, и тревоги, и поражения — всё было подлинно. Это отличало поэта от многих стихотворцев, особенно следующих за ним поколений. У тех бывали и выдуманные биографии, и фальшивые чувства, и лукавые намерения: как бы предстать “покрасивше”, поблагодарней в поступках (конечно, в глазах читателей, а больше — в глазах властей), как бы погромче сказать о своей верности идеям. У Твардовского была негромкая строка, но для подлинных ценителей лирики — строка, близкая сердцу, звучащая мудрей и поэтичней, чем те, что оглушали эстраду. Ей, этой строке, была чужда заданность, продувная “смелость”, расчёт на успех:

*Прочь этот прах, расчёт порочный,
Не надо платы никакой —
Ни той, посмертной, ни построчной, —
А только б сладить со строкой.
А только б некий луч словесный
Узреть, не зримый никому,
Извлечь его из тьмы безвестной
И удивиться самому.
И вздрогнуть, веря и не веря
Внезапной радости своей,*

*Боясь находки, как потери,
Что с каждым разом всё больней.*

Твардовский верил в Россию, в её великий путь. Эта неистребимая вера прошла испытание двумя войнами, “босотой и наготой” тридцатых и сороковых годов, невиданным всплеском народной энергии в последующие десятилетия. Видя всё это не со стороны, а из самой гущи погибающей и возрождающейся жизни, поэт говорил о своей вере, что называется, в полный голос, без тени сомнения:

*За годом — год, за вехой — веха.
За полосой — полоса.
Нелёгко путь.
Но ветер века —
Он в наши дует паруса.*

Враги России говорят: не оправдалось. Мы говорим: не торопитесь. Ра-
но вы торжествуете. Слово такого поэта всегда остаётся вещим.

г. Иркутск.

ИВАН ЩЁЛОКОВ

“И ДОРОГИ ИНЫЕ, И ПРИМЕТЫ НЕ ТЕ...”

К 100-летию Александра Твардовского

О стихотворениях Александра Твардовского, написанных в 30-е годы прошлого века, исследователи говорят неохотно, полагая, что в них мало авторской самобытности и собственно художественной ценности. Большинство из этих стихов с долей условности можно квалифицировать как лирические произведения. По жанровой форме они представляют собой рифмованные очерки, портреты, зарисовки, рассказы в стихах. Родство с прозаическими жанрами и послужило поводом к их негативной оценке. Стихотворения А. Твардовского 30-х годов (особенно первой половины) рассматривались как заготовки, наброски крупных эпических произведений.

К сожалению, это мнение живёт и в наши дни. Одна из причин подобно-го взгляда на лирическое творчество А. Твардовского тех лет, по-видимому, кроется в том, что в литературоведении отсутствует единая точка зрения на жанровую классификацию поэзии вообще и двадцатого столетия в частности.

Видимо, рассматривая жанровое движение лирики А. Твардовского 30-х годов, необходимо исходить из справедливой оценки состояния поэзии того периода, высказанной некогда В. Д. Сквозниковым: “Лирическая мысль, подобно другим видам поэтической мысли, обнаруживает тенденцию ко всё более синтетическому выражению” (Сквозников, 1964, с. 208).

В тридцатые годы страна коренным образом преобразовывалась. Решительно меняла облик деревня. В худшую или в лучшую сторону – вопрос исторической перспективы. Однако эти перемены энергично влияли на поэзию, обогащали её лирические и эпические формы. Поэмы, баллады, оды, элегии, песни и т. д. уступали место новым, более мобильным, свободным от строгих классических канонов жанровым образованиям. Само время вторгалось в пределы традиционных, исторически сложившихся стихотворных форм, требуя раскрепощения, а отчасти и жанрового смещения, взаимопроникновения, стирания между ними чётких граней. Лирические стихотворения насыщались эпическими элементами; в свою очередь, поэмы, романы в стихах не ограничивались бесстрастным повествованием и охотно приглашали в союзники лирику. В статье “О жанровом своеобразии русской советской лирики 30-х годов” Л. А. Заманский писал, что это был процесс обоюдного союза, “обусловленный объективными жизненными обстоятельствами и собственно литературными тенденциями развития жанров”.

Не остался в стороне от поисков своих форм и Твардовский. Первые поэтические опыты молодого автора – это горячие оперативные отклики на со-

бытия сегодняшнего дня, облачённые в стихотворную форму. Сказывался опыт работы в редакциях газет. “То, что я знаю о жизни, – казалось мне тогда, – я знаю лучше, подробней и достоверней всех живущих на свете, и я должен об этом рассказать” (1, с. 22), – признавался поэт.

Как и в какой форме рассказать об изменениях в быте, укладе, сознании людей, чтобы было и о народе, и для народа? Внутренние убеждения, отрицание преобладающего личностного начала в поэзии над общественным интересом диктовали, соответственно, и выбор формы. Граница творческих предпочтений автора проходила на стыках поэзии и прозы, лирики и эпоса, в активном использовании сюжета, изобразительных элементов, прямой речи, использовании в стихотворениях имён, фамилий либо прозвищ.

А. Твардовский всерьёз был озабочен поиском новых жанров и жанровых форм. Погрезившиеся возможности в соединении прозы и поэзии на первых порах были малопродуктивными, лишёнными эстетической привлекательности. Молодому А. Твардовскому, по его же собственному признанию, не удалось добиться жанровой гармонии, единства стихового и прозаического начал, повествования и собственно лирического переживания. Нарушенное равновесие, чаще всего в пользу прозы, уводило Твардовского в сторону от поэтического освоения действительности, вносило разлад между содержанием и формой, отбирало, по его же признанию, у стиха его “природные начала: музыкально-песенную основу, энергию выражения, особую эмоциональную наполненность”.

В поэтических зарисовках, в рассказах, песнях было много детализированного, часто ничем не связанного с основной сюжетной канвой стихотворения, жанрово не мотивированного. Уже в самих названиях стихотворений угадывалось что-то общее: “Родное”, “Весенние строчки”, “Родная картина”, “Урожай”, “Песня урожая”. Возможно, молодой автор подражал своему любимому поэту А. Кольцову. У “великого прасола” в названиях стихотворений тоже часто встречаются слова “песня”, “урожай”, другие слова-обобщения. Но там были дух, полёт, фольклорно-сказочное, почти надмирное парение. Твардовский же будто бы спешил выговориться, рассказать о переполнявших его душу состояниях восторга, воодушевления и эмоционального юношеского подъёма. Но по-кольцовски воспарить, взлететь в своих лирических фантазиях ему не удавалось.

Отчасти это и привело молодого художника к первому серьёзному разладу с поэзией, а “нынешний мир потрясений”, борьбы, перемен в деревне привёл его в областную газету. В качестве корреспондента он ездил в колхозы и совхозы, вникал во всё, что составляло “впервые складывавшийся строй сельской жизни”, писал статьи, корреспонденции, вёл различные записи. “Около этого времени я совсем разучился писать стихи, как писал их прежде, – писал А. Твардовский в “Автобиографии”, – пережил крайнее отвращение к “стихотворству” – составлению строк определённого размера с обязательным набором эпитетов, подыскиванием редких рифм и ассонансов, стремлением попасть в известный, принятый в тогдашнем поэтическом обиходе тон”.

Однако было бы наивно полагать, что А. Твардовского от “стихотворства” оттолкнул лишь реальный “мир потрясений”. Думается, была здесь и чисто творческая сторона дела. Поэт не хотел писать стихи, как “писал их прежде”, но и не писать их вообще не мог. Он активно искал новые художественные формы отраженья действительности, пробовал свои силы в прозе и, по верному замечанию П. С. Выходцева, в тот период был, пожалуй, “более сильным и выразительным прозаиком, очеркистом, чем поэтом”.

В первой половине 30-х годов ведущими жанрами в лирическом творчестве А. Твардовского стали социально-психологические очерки, зарисовки, рассказы в стихах – жанры, в которых прослеживалась наибольшая связь поэзии с прозой, лирики с эпосом. Специфика творческого метода А. Твардовского в те годы заключалась не в выпячивании отдельной личности из народной массы, не в противопоставлении её остальным, а в полном слиянии их. И Бубашка, и дед Данила, и Ивушка, и Анна Никаноровна, и все другие авторские персонажи – типичные представители народа, плоть от плоти его духовное и национально-гражданское достояние. Вместе со своими персонажами поэт душой и телом срастался с эпохой, смотрел на жизнь глазами сельчан, думал их мыслями. Выбор А. Твардовским именно таких жанровых форм в определённой степени был результатом влияния на него поэтов более старшего по-

коления, в частности М. Исаковского: “Пример его поэзии обратил меня в моих юношеских опытах к существенной объективной теме, к стремлению рассказывать и говорить в стихах о чём-то интересном не только для меня, но и для тех простых, не искущённых в литературном отношении людей, среди которых я продолжал жить”.

Очерки, зарисовки, рассказы в стихах — не заготовки, не наброски, как полагали некоторые исследователи, а реально и самостоятельно существующие произведения, сложные, многоструктурные по жанровой форме. На их пограничную литературно-видовую принадлежность (сочетание поэзии и прозы) убедительно указывают названия стихотворений: “Гость”, “Бабушка”, “Хозяин”, “Строитель”, “Мужичок горбатый”, “Катерина”, “Четыре тонны” с подзаголовком “Рассказ бригады”, “Рассказ председателя колхоза” и другие.

Почему именно эти жанры нашли наибольшее распространение в лирике А. Твардовского первой половины 30-х годов? В эти годы страна, словно огромный котёл, бурлила от неотложных и важных дел. Люди нуждались в таких стихотворениях, которые были бы занимательны, интересны, легко воспринимались и правдиво рассказывали о трудовых буднях. В этом сюжетно-повествовательные жанры имели преимущество над стихами медитативными, построенными исключительно на эмоционально-чувственном уровне: разве можно передать всё богатство внутреннего мира сельского человека без описания сенокоса и грозового дождя, без запаха свежеспанной борозды и густого, кудлатого дыма из печной трубы?

Увлечённость А. Твардовского повествовательными формами — не только его индивидуальная тропа одиночки. Выбор этого направления подтверждает творчество многих других поэтов тех лет — Н. Тихонова, А. Суркова, А. Прокофьева, М. Исаковского. Даже у Б. Пастернака, В. Луговского и других авторов нередко встречаются аналогичные изобразительно-выразительные приёмы.

Стремление А. Твардовского каждый раз обогащать интересными деталями и сюжетными поворотами форму стихотворных очерков и зарисовок лишний раз говорит о том, что поэт постоянно находился в поиске новых жанровых образований. А. Твардовский заботился о жанровой завершенности стихотворений. Эта завершенность для поэта заключалась в органичном взаимодействии содержания, формы стихотворения и их соотносённости с реальной действительностью. Если Твардовский писал очерк, он непременно следил, чтобы внутреннее состояние героя, его мысли, чувства и поступки соответствовали новым общественным идеалам. Взгляды, творческие и эстетические ориентиры автора чётко соответствовали генеральной линии эпохи: от старого — к новому, от тёмного — к светлому, от нужды — к довольству, от поражения — к победе. Поэт никогда не изолировал внутренний мир человека (будь он сторож, перевозчик, косарь, печник) от внешних обстоятельств, утверждая главенствующую роль бытия, материального мира над сознанием.

В какой бы жанровой форме ни были написаны очерки и зарисовки А. Твардовского, их объединяет повышенный интерес поэта к формированию нового сознания советского человека в период коллективизации. Отсюда — неизбежное столкновение прошлого и настоящего, старого и нового:

*Хозяин оглянулся виновато
И подмигнул бедово: — Что, как дождь?.. —
И гостя с места на покос сосватал:
— Для развлечения малость подгребёшь...
Мелькали спины, тёмные от пота,
Метали люди сено на воза,
Гребли, несли, спорилась работа.
В полях темнело, близилась гроза.
Гость подгребал дорожку вслед за возом,
Сам на воз ношу подавал свою
И на вопрос: какого он колхоза?
Покорно отвечал: — Не состою...*

Картина, нарисованная в стихотворении “Гость”, — мужицкий спор между колхозником и единоличником о своём будущем. Картина сенокоса, с деталями и диалогами, последовательность изложения действия Твардовскому нужны, чтобы очерк как жанр не “рассыпался” на отдельные сюжетные куски.

Сопоставление прошлого и настоящего, разумеется, в пользу последнего, в очерках и зарисовках Твардовского решается не только на идейном уровне. Когда поэт рассказывает о жизни своего героя до коллективизации, интонация стихотворения медленная, словно автор с трудом выговаривает слова, подчёркивая тем самым безрадостную и тяжёлую долю крестьянина-бедняка, чья доля “неизбывная, тёмная... тянулась весь век”. Но стоит Твардовскому переключить внимание на насущные деревенские заботы, тон и лад стихотворения меняется, фразы строятся энергично, радостно, как, например, в эпизоде с сенокосом и надвигавшимся дождём.

*А туча тихо землю затеняла,
И вдруг короткий прокатился гром...
Дождь находил, шумел высоко где-то,
Ещё не долетая до земли...*

Использование приёма ретроспекции в отражении примет нового мира (“Надолго лёг венцами лес сосновый, // И лес хорош, и каждый дом хорош...”) необходимо А. Твардовскому для более зримого, яркого показа разительных перемен в жизни людей. В свою очередь, приём сопоставления обогащает внутреннюю структуру жанровой формы, придаёт ей почти стереофоническое звучание.

В стихотворении “Бабушка” герой показан не просто сторожем при исполнении служебных обязанностей. Он – прежде всего человек со своим характером, со своей судьбою, пусть даже полной трагичности: “. . . прожил жизнь, да так и не женился, – // Не захотел жениться без сапог”. Композиция стихотворения, построенная на противопоставлении прошлого и настоящего, даёт возможность проследить образ лирического героя в развитии: кем был батрак при одиночной жизни и кем стал теперь, когда вступил в колхозную артель и что “. . . только сам себя зовёт Бубашкой, // А все его зовут уже не так”.

Нельзя не восхититься способностью А. Твардовского в малой стихотворной форме отразить масштабный процесс обновления. А. Твардовский сумел на примере одного селянина проследить судьбу русского крестьянства, зарождения новых социальных, нравственных, духовных отношений между деревенскими людьми. Сопоставляя жизнь Бубашки до коллективизации с его жизнью после вступления в колхоз, автор ненавязчиво, но с большой художественной убедительностью показывает, в силу каких причин так круто происходят изменения в сознании батрака. Тридцать лет он “прослужил” хозяину, гордился его лошадьми, стерёг его двор, носил воду и был для того не более чем животным. Перемены, пришедшие в село, “перековали” душу Бубашки. Он впервые взглянул на мир своими глазами и немало был удивлён, потому что в людях увидел самого себя: “И странно старику, что к жизни этой // Большой у всех открылся интерес”.

1936 год – переломный в творческой судьбе А. Твардовского: с выходом в свет поэмы “Страна Муравия” состоялось рождение нового крупного советского поэта с индивидуальным почерком. О Твардовском заговорили серьёзно и обстоятельно, подчёркивая в нём вполне сложившегося мастера самобытного поэтического слова. В определённой степени “Страна Муравия” явилась кульминационной вершиной, завершающим аккордом, итогом пройденного пути. Вторая половина 30-х годов станет для А. Твардовского качественно новым этапом в поиске индивидуального поэтического почерка.

Ведущее место в стихотворениях А. Твардовского второй половины 30-х годов заняли лирические, а не повествовательные формы, большей частью населявшие творческое пространство поэта в первой половине десятилетия. Думается, главной причиной жанровой трансформации явилась смена лирического героя стихотворений, изменение социальных условий и морально-нравственных отношений в обществе, в том числе и на селе. До “Страны Муравии” А. Твардовский изображал людей – выходцев из старого мира, испытывающих жажду приобщения к новой жизни. В середине 30-х годов в деревне появился новый тип крестьянина, сформированного коллективной формой ведения хозяйства. Это было поколение молодых парней и девушек, с энтузиазмом принимавших эстафету нового мироустройства. Молодёжь горячо бралась за дело, упрямо преодолевала трудности, с воодушевлением выстраивала новые взаимоотношения. Это было здоровое, жизнерадостное и дееспособное по-

коление, о котором А. Твардовский (один из его представителей) не без гордости писал в стихотворении “Сверстники”:

*Нам сеять хлеб, рубить леса
И в ход пускать машины.
И резать плугом целину,
И в океанах плавать,
И охранять свою страну
На всех её заставах.*

Разумеется, такие жанровые формы, пронизанные историческим оптимизмом и юношеской восторженностью, по жизнеутверждающей энергетике отдалённо напоминали торжественно-высокопарное звучание од Ломоносова, Державина, Пушкина. Только наполнены они были иным содержанием, более свободным обращением с языковым стилем и оттенками лексического рисунка. Иными были и герои произведений. У Твардовского и его поэтических сверстников стихотворное пространство осваивали простые деревенские люди, они попадали впросак и выходили из трудных ситуаций легко, с улыбкой, показывая высокую степень адаптивности к внешним обстоятельствам. Это в их честь звучали торжественные одические песнопения, прославлявшие трудовые достижения и веру в новую счастливую жизнь. А если парням и девушкам приходилось грустить, влюбляться и расставаться с любимым человеком, элегически нежное, с шуткой-прибауткой лирическое повествование автора всё равно настроит своих героев на счастливое преодоление душевных мук, потому как иначе было нельзя... Нередко в одном стихотворении у Твардовского смешиваются одические (торжественные) и элегические (грустные) потоки, рождая непривычно скомбинированную жанровую конструкцию, не укладывающуюся в классически устоявшиеся схемы.

После написания поэмы “Страна Муравия” поэт создаёт прекрасный цикл рассказов в стихах про деда Данилу, “Ивушка”, “Ленин и печник”. Встречается в его творчестве и стихотворный очерк. И всё-таки уже не рассказы и очерки делают жанровую “погоду” и определяют выбор поэта. Творческий поиск обогащается новыми жанровыми образованиями. Существенное влияние на предпочтения оказывает перераспределение сюжетно-повествовательных функций и композиций. Так, сюжет и повествовательность в стихотворениях “Друзьям”, “На хуторе Загорье”, “Поездка в Загорье” используется Твардовским по традиции в качестве отработанного авторского приёма, потому что чистую лирическую форму как способ самовыражения поэт не признавал, считая обязательным присутствие в стихотворениях гражданского начала. Обилие диалогов, наличие конкретных персонажей и элементы действия употреблены автором с единственной целью — подчеркнуть прочную связь со временем, страной, с окружающей действительностью:

*— Что ж мы, добрые люди, —
Ахнул Лазарь в конце, —
Что ж мы так-таки будем
И стоять на крыльце?
И к Петровне, соседке,
В хату просит народ.
И уже на загнётке
Сковородка поёт.
Чайник звякает крышкой,
Настежь хата сама.
Две литровки под мышкой
Молча вносит Кузьма.*

Во второй половине 30-х годов мотивы детства, дружбы, любви к большой и малой родине в лирическом творчестве поэта зазвучали с новой силой. И что самое неожиданное — Твардовский вдруг отказался в них от жанровых форм, которыми он пользовался несколькими годами ранее. Всё дело в том, что на исходе третьего десятилетия А. Твардовский претерпевает значительные изменения в мироощущении. Эпически-поверхностное, репортажно-хроникальное освоение бытия отступает перед более глубоким лирическим познанием жизни и стремлением к выражению собственных чувств и мыслей,

самых разных, противоречивых, драматичных, которые переполняли душу автора и требовали выплеска во внешние сферы бытия:

*И первый куст листвы ещё неполной,
И след зелёный по росе зернистой,
И одинокий стук валька на речке,
И грустный запах молодого сена,
И отголосок поздней бабьей песни,
И просто небо, голубое небо, —
Мне всякий раз тебя напоминают.*

Так пронзительно и грустно поэт до этого не писал! Он вообще старался избегать личной, семейной темы, и вдруг прорвалось, не удержалось и вылилось не о ком-то, о самом дорогом на свете человеке — о матери.

Балладный, одический характер отношений с действительностью постепенно дополняется элегическим осмыслением процессов, происходивших в стране, в частности в деревне. И хотя сюжетные и композиционные особенности многих стихотворений Твардовского в общих чертах напоминают произведения прежних лет, их внутреннее жанровое наполнение существенно обогащается и часто представляет собой сложное лирическое повествование.

Поэт ощутил потребность вновь обратиться к событиям минувших лет, но уже в центр поставить “я” лирического героя и через его настроение, внутреннее состояние соприкоснуться с новым миром, с огромными переменами, происходившими на его глазах и при его активном участии. Оказывается, в великом марше преобразований звучали и такие ритмы, о существовании которых Твардовский не подозревал. Они были заглушены победной музыкой всенародного шествия. В этих ритмах угадывалось очень знакомое, одновременно радостное, горделивое чувство за свой народ и страну, за его созидательный труд на общее благо и грустное ощущение неминуемой потери, бесповоротного прощания с чем-то дорогим и близким, неповторимо прекрасным и необъяснимо важным:

*Я смотрю, вспоминаю
Близ родного угла,
Где тут что: где какая
В поле стёжка была,
Где дорожка...*

*А ныне
Тут на каждой версте
И дороги иные,
И приметы не те.
Что земли перерыто,
Что лесов полегло,
Что границ позабыто,
Что воды утекло!*

После таких строк не сразу угадаешь, чего в них больше — гордости советского поэта и гражданина или горечи обманутого сына, обескураженного поспешным сломом всего и вся, что хоть и напоминало старый, но не до такой уж степени негодный мир. Оказывается, сколько всего перерыто, перепахано, а вот всегда ли с пользой для людей — большой вопрос. Сразу вспоминается есенинское: “Наследили кругом, накопытили...” Или платоновский “Котлован”... Почти десятилетие активного творческого присутствия в советской литературе привело Твардовского к тем же ощущениям, что и его чуть более старших великих современников.

Одним словом, жанровое движение стихотворений А. Твардовского в 30-е годы проходило по двум творческим магистралям: поэт постоянно стремился к жанровой раскрепощённости, к полифонии в отражении действительности и всегда заботился о завершенности жанровых форм стихотворений. Многие лирические произведения А. Твардовского многожанровы как по форме, так и по содержанию, в них стираются границы взаимодействия эпического и лирического, явно прослеживается трансформация традиционной жанровой системы. Выбор поэтом того или иного жанра строго подчинён идейной и творческой задаче, специфике поэтического материала, а также индивидуальным особенностям таланта.

К 90-летию со дня рождения Ю. Л. Прокушева

СЕРГЕЙ СУББОТИН

СЛУЖЕНИЕ

По плодам их узнаете их.
Матф. VII, 16

Вся жизнь Юрия Львовича Прокушева (1920–2004) прошла, можно сказать, “под знаком Есенина”. С начала 1950-х годов он – последовательно и неуклонно – делал всё возможное (а порой, казалось, и невозможное) как для возвращения имени поэта в русскую литературу и всестороннего изучения его творческого наследия, так и для того, чтобы образ Есенина, глубоко укоренившийся в духовной памяти народа (вопреки намеренному замалчиванию его имени в 1930–1940-е годы), получил соответствующее материальное воплощение – в виде музеев, памятников, названий улиц... И своего рода венцом этой многогранной (и многотрудной) деятельности Ю. Л. Прокушева стали – установка памятника Есенину на Тверском бульваре Москвы (1995) и издание Полного собрания сочинений поэта (в 7 т., 9 кн.; 1995–2002).

Юрий Львович был не просто главным редактором этого академического труда, но его вдохновителем и организатором в самом полном и точном смысле этих слов. Этот проект он вынашивал не одно десятилетие, не раз предлагая его к рассмотрению в соответствующих официальных инстанциях. И в конце концов время для издания есенинского академического собрания пришло.

В Институте мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), куда Ю. Л. Прокушев был приглашен возглавить этот проект (между прочим, на общественных началах), в 1989 году началась его реализация.

Куратором работы над подготовкой издания и арбитром в научных спорах стала Л. Д. Громова – многолетний сотрудник ИМЛИ, крупнейший специалист по текстологии произведений русских классиков XIX века. К участию в проекте были привлечены специалисты, в 1960–1980-е годы готовившие предыдущие собрания сочинений поэта (В. А. Вдовин, А. А. Козловский, С. П. Кошечкин), и глава есенинского общества “Радуница” Н. Г. Юсов, представитель той ветви исследований жизни и творчества поэта, которую теперь называют народным есениноведением. Деятельным участником коллективной работы оставалась (вплоть до своей безвременной кончины) племянница поэта Т. П. Флор-Есенина. Как штатные сотрудники, вошли в есенинскую группу ИМЛИ вновь принятые в Институт Н. И. Шубникова-Гусева и автор этих строк.

Ни она, ни я до этого не имели опыта работы с текстами Есенина – я, к примеру, занимался (и продолжаю заниматься) текстологией произведений Николая Клюева. Но чрезвычайно продуктивное общение с коллегами – знатоками есенинского творчества – дало нам возможность быстро войти в курс дела. Ин-

тенсивный обмен мнениями, продолжавшийся на регулярных заседаниях есенинской группы несколько лет (всего за это время под руководством Ю. Л. Прокушева их было проведено более четырёхсот), стимулировал каждого из участников процесса к поискам научно обоснованных ответов на вопросы, встающие при текстологическом осмыслении творческого наследия Есенина.

— Истина конкретна, — любил повторять Юрий Львович.

И надо сказать, что приближение к каждой из этих конкретных истин проходило на наших заседаниях в обстановке, далёкой от академической бесстрастности. Жаркие споры иногда приводили к тому, что кто-нибудь из участников (не раз им бывал и я) в раздражении покидал заседание, хлопнув дверью. Тем не менее, в итоге этих обсуждений, как правило, вызревало многостороннее обоснование решения той или иной конкретной текстологической проблемы.

Обстановка коллективного сотворчества при работе с есенинским наследием не только всемерно поддерживалась Ю. Л. Прокушевым, но и постоянно обеспечивалась благодаря его научно-организационному дару. Он умел работать с людьми, искать и находить тех, кто способен внести свой оригинальный вклад в общее есенинское дело. Со временем по разным причинам отошли от деятельности группы В. А. Вдовин и А. А. Козловский. Но в ней стали активно сотрудничать А. Н. Захаров (светлая ему память!), Т. К. Савченко, В. А. Дроздов, Ю. Б. Юшкин и молодые ученые-филологи Е. А. Самоделова и М. В. Скороходов, привлечённые Ю. Л. Прокушевым в группу после защиты ими кандидатских диссертаций. Его ставка на всех этих специалистов оказалась безошибочной — каждый из них, найдя в работе над изданием Есенина приложение своим силам в сферах наиболее близких им научных интересов, трудился на избранном им направлении с полной отдачей.

Но подготовка издания к печати — это одна сторона дела. Другая, не менее важная, — его практическая реализация, осуществлявшаяся к тому же в смутные 1990-е... Невозможно сомневаться, что полное академическое собрание сочинений Есенина вышло в свет исключительно благодаря Ю. Л. Прокушеву. Его многолетний административно-управленческий опыт (имею в виду директорство в 1970-е годы в издательстве “Современник”), помноженный на неколебимую убеждённость в правоте есенинского Дела, неизменно помогал ему открывать любые (в том числе и самые высокие) двери и методично добиваться средств на финансирование проекта и на его техническое обеспечение.

— Дотюкаем, — говорил Юрий Львович.

И дотюкивал... Не зря, вспоминая о нём, один из администраторов ИМЛИ как-то признался: “Он нас доставал...”

Спустя несколько лет после выпуска есенинского собрания сочинений академик РАН А. В. Лавров констатировал:

“...подготовка академических полных собраний сочинений порой растягивается на десятилетия, в том числе и при вполне благоприятных внешних условиях. <...> В сравнительно сжатые сроки (с 1995-го по 2002 г.) осуществлено лишь академическое полное собрание сочинений С. Есенина, но тому сопутствовал целый ряд благоприятных в данном случае обстоятельств: относительно небольшой корпус авторских текстов; столь же относительно небольшое количество сохранившихся черновых автографов, подлежащих описанию и воспроизведению, и авторских текстовых вариантов; достаточно богатая традиция издания и комментирования творческого наследия автора в более или менее полном объёме; наконец, слаженный и высокопрофессиональный коллектив специалистов, трудившихся над изданием”¹.

Стоит добавить, что отмеченная здесь слаженность работы есенинской группы ИМЛИ была достигнута не сразу. И это неудивительно — в ещё складывающемся коллективе всегда какое-то время идёт “притирка” личностей, интересов и т. п. “Командно-административное” прошлое руководителя проекта поначалу тоже давало о себе знать — в первое время Юрий Львович иногда пытался разрешить те или иные проблемы, что называется, в приказном порядке.

¹ Лавров А. Проблемы научного издания творческого наследия русских писателей начала XX века // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2009, с. 27.

Не раз это касалось и меня, и в конце концов однажды, не выдержав, я сказал ему с глаза на глаз: “Быдло я из себя не позволю делать даже самому Господу Богу”. И надо отдать Юрию Львовичу должное – с этого момента он больше ни разу не говорил со мной с позиции “сверху вниз”.

Он без восторга отнесся к сборнику “С. А. Есенин: Материалы к биографии” (1992) и четырехтомнику “Сергей Есенин в стихах и жизни” (1995), подготовленным и выпущенным сотрудниками группы без его участия. Ведь было задето его самолюбие – самолюбие человека, который (после многих лет борьбы за утверждение Есенина в пантеоне советской литературы) к тому времени, по существу, занял монопольное положение организационного лидера этого направления. И то, что его здесь обходят, нравиться ему никак не могло.

Но очень быстро он понял, что для осуществления академического собрания сочинений Есенина – дела, к которому он шёл всю свою жизнь, – “других писателей у него нет”. И тогда, оставив в сторону всё личное, он отдался научной и научно-организационной работе над собранием самозабвенно и без остатка.

Его участие в ней было страстно заинтересованным и исключительно активным. Мы – те, кому посчастливилось (и это не преувеличение!) пройти вместе с ним путь созидания собрания сочинений Есенина вплоть до выхода издания в свет, – никогда не забудем той сотворенной Юрием Львовичем благодатной творческой атмосферы, в которой проходила наша деятельность под его руководством.

Он поддерживал эту атмосферу не только на рабочих заседаниях, но и в личном общении. Одно из документальных свидетельств тому – его дарственные надписи на выходящих томах есенинского собрания. Приведу то, что Юрий Львович написал мне. Пафос этих надписей, думаю, говорит сам за себя. И точно таким же одушевлением проникнуты, насколько я знаю, его надписи другим нашим сотоварищам (или, по слову самого Юрия Львовича, “единодумам”) по общему Делу...

Надпись на третьем томе Собрания (1998):

“Дорогой Сергей Иванович! Спасибо за вклад в этот том, не говоря о других. Хорошо, что Есенин нас породнил на святом пути подготовки этого уникального издания. Удачи тебе, полётности и в будущем ПСС Клюева.

Твой Ю. Прокушев.

25 янв. 1998.

Р. С. Один из первых экз.”.

(Добавлю, что Юрий Львович не просто знал о моих систематических занятиях творческим наследием Николая Клюева, но и помогал мне ежегодно выезжать на родину поэта для проведения там Клюевских чтений, выделяя для этого средства из тех очень небольших денег, которые мы тогда получали за свою работу.)

На первой книге седьмого тома есенинского Собрания – такая надпись:

“Дорогой Сергей Иванович! Десять лет, в кипении, борении научных страстей, любви и верности Есенину, мы единодушно двигались к дням, когда Академическое собрание будет завершено. Вклад твой в это святое, общее дело – велик и благороден! Тут не убавить, не прибавить! Здоровья тебе, и ещё раз здоровья! Остальное всё при тебе. Новогодья светлого!

Р. С. Тебе, одному из первых в нашей группе!

Ю. Прокушев.

28 янв. 99 г.

В день, когда 6-й том был завершён тобой, с Божьей помощью!”

В том же 1999 году, на восьмидесятом году жизни, Ю. Л. Прокушев защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора филологических наук “Сергей Есенин: (Жизнь, творчество, эпоха)”. Лично ему эта процедура не была нужна совершенно. Но он понимал, что среди членов есенинской группы ИМЛИ есть люди (Н. И. Шубникова-Гусева, А. Н. Захаров), давно уже выросшие в самостоятельные крупные научные величины, и чтобы не быть тормозом на их пути и, самое главное, чтобы укрепить фундамент для дальнейшего развития научного изучения жизни и творчества Есенина, он вышел на защиту своей докторской работы.

Помню, уже по окончании процедуры защиты, встретив меня, где-то на бегу, он (полушутя, полусерьёзно) сказал, что мероприятие, прошедшее с ним, “тянет на книгу рекордов Гиннеса”. Наверное, это так и было. Впрочем,

Гиннесс-то Гиннессом, но в 2000 году Ю. Л. Прокушеву было присвоено более скромное, но, кажется, ставшее дорогим его сердцу звание – “Заслуженный деятель науки РФ”...

А впереди его ждали ещё три с лишним года напряженной работы над первым томом “Летописи жизни и творчества С. А. Есенина”. Инициатива этого многотомного издания (к настоящему моменту выпущено три его тома – в 4-х книгах – а вскоре выйдет и следующий, 4-й том) принадлежала ему, и он пестовал “Летопись...” как любящий отец. Он вникал во все детали композиции, состава приложения и иллюстративного ряда исходного первого тома, стремясь сделать книгу всё совершеннее и совершеннее. К этому тому он написал предисловие, ставшее, по существу, его завещанием... А своим продолжателям он оставил для реализации, кроме “Летописи...”, ещё целый ряд проектов, в том числе такой важный, как “Есенинская энциклопедия”.

Юрий Львович прекрасно понимал, что в его возрасте каждый прожитый день – это подарок судьбы. И ни один из этих дарованных ему дней не пропал даром. До последнего мига он жил и горел главным Делом своей жизни – Есениным. И практически всё, что можно было сделать во имя поэта за отпущенные времена и сроки, Ю. Л. Прокушев счастливо совершил.

В России надо жить долго – это сказано не мной...